ШКОЛА
САДОВНИКОВА - ГЕРАСИМОВА

ГОДЪ ТРИДЦАТЪ ПЕРВЫЙ
ФЕВРАЛЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1910 г.

СТРАН.

I. Семейная хроника. (Изъ записокъ моей бабушки). Часть первая. VI—XI. (Продолженіе). **В. З. Головиной.** 403

II. Первое 25-лѣтіе моихъ литературныхъ мытарствъ. Главы III—IV. (Продолженіе). **А. М. Скабичевскаго.** 431

III. Тяжелое наслѣдство. (Повѣсть). I—V. **Р. И. Сементковскаго.** . . . 449

IV. Силуэты времени реформъ. (Воспоминанія шестидесятника). IV—VI. (Продолженіе). **Н. Н. Фирсова (Л. Рускина).** 483

V. Забытый поэтъ-сатирикъ. **А. М. Бѣлова.** 504

VI. Давніе эпизоды. I. За безнравственность и демократическія идеи. **Н. А. Энгельгардта.** 529

VII. Комическій случай съ П. И. Чайковскимъ. **А. И. Соколовой** . . . 557

VIII. Россія въ Германіи. **М. Туринскаго.** 572

IX. Русскія метаморфозы. (Изъ записной книжки журналиста). II. «Преображеніе» Москвы. **Н. М. Ежова.** 588

X. По поводу статьи «Губернаторъ-революціонеръ». **М. И. Шишкевича.** 603

XI. Ващукъ-Выгорскій. **В. Темникова.** 620

XII. Ващукъ-Погосскій. **М. А. Яковлева.** 629

XIII. Цареубійство 1-го марта 1881 года. (Историческіе очерки). II. «Земля и Воля». (Продолженіе). **Б. Б. Глинскаго.** 639

Иллюстраціи: Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.

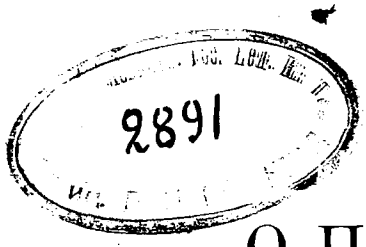
XIV. Царицыно. **Н. М. Девель.** 669

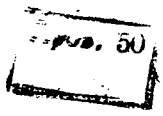
Иллюстраціи: 1) Видъ Царицына.—2) Паркъ въ Царицынѣ.—3) Руины Царицынскаго замка. — 4) Дворцовыя ворота. — 5) Павильонъ и часть замка.—6) Уголокъ Царицынскаго парка.—7) Миловида.—8) Старая Миловида.—9) Бесѣдка «Золотой сноп».—10) Царицынскій мостъ.—11) Оперный домъ.—12) Старыя ворота въ паркѣ.—13) Остатки «Чортовой башни».—14) Царицынскій прудъ.

XV. Критика и библіографія. 700

1) И. М. Радинъ. Учебникъ исторіи русскаго права. Спб. 1910 г. М. Клочкова.—2) Сенатскій Архивъ. XIII. 1.—Протоколы правительствующаго сената по секретной экспедиціи 1764 и 1765 г. 2.—Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за іюль — декабрь 1763 и январь 1764 г. С.-Петербургъ. 1909 г. В. Ф—ко. — 3) В. П. Алексѣевъ. Разсказы изъ русской исторіи съ рисунками. Выпускъ первый. М. 1909. В. Р—ва.—4) Ан. Титовъ. Проповѣди святителя Дмитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣчіи. М. 1909. В. Рудакова.—5) Charles de Larivière. La France et la Russie au XVIII siècle. Etudes d'histoire et de la littérature franco-russe. Paris. 1909. А. Б.—6) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Вып. 4. Варшава. 1909. П. В. В.—7) Прив.-доцентъ А. П. Успенскій. Очерки

(См. слѣд. стран.).

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1910 году

(ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» издается въ 1910 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тридцать лѣтъ (1880—1909).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»** (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **«Новаго Времени»**, и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

1938
1922.

ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ШУМАХЕРЪ.

ШКОЛА
САДОВНИК
2891

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

(Изъ записокъ моей бабушки [1]).

VI.

ЗАПИСАЛА здѣсь все, что припомнила о моемъ первомъ знакомствѣ со Ступиловымъ. Иное я сама помнила очень живо, иное разсказывали мнѣ потомъ, какъ мои дѣтскія жантильесы. У меня даже есть вещественное доказательство нашего знакомства: «Басни Крылова» въ красномъ сафьянномъ переплетѣ съ бѣлыми кожаными уголками и съ надписью: «Мирочкѣ Волоцкой отъ Андрея Ступилова въ память первой пробы нашего драматическаго таланта»: Уцѣлѣла и «рѣчь», какъ потомъ назвали то, что Ступиловъ говорилъ во время вальса казанскому юношѣ, чтобы избавить отъ его аплодисментовъ хорошенькую Коровину. Кому-то изъ присутствовавшихъ понравилось, что сказалъ Ступиловъ, и онъ записалъ его слова. Такъ какъ все, что касалось Ступилова, очень интересовало все общество, то эта «рѣчь» разошлась по городу, и мать Коровиной нашла, что это было просто признаніе въ любви ея дочери. Она перечитывала эту «рѣчь» роднымъ и знакомымъ и, не слушая ихъ возраженій, говорила плача, что если бы она не была вдова, а былъ бы у ней защитникъ, то послѣ такихъ публичныхъ словъ Ступиловъ долженъ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIX, стр. 7.

былъ бы сдѣлать ея дочери предложеніе. Благодаря этой странной претензіи, эта «рѣчь» попала въ бумаги моего отца вмѣстѣ съ разными другими курьезами. Какъ теперь иногда сохраняютъ вырѣзки изъ газетъ, такъ въ то время списывали, что казалось интереснымъ, и у моего отца была большая коллекція, переписанная его стэринымъ твердымъ почеркомъ на грубой, синей бумагѣ, которой недавно подражали для дорогихъ paréteries. Я нашла эту «рѣчь» въ сосѣдствѣ съ письмомъ Наполеона къ Александру I и съ прокламаціей наслѣднаго шведскаго принца на полѣ сраженія при Деннавицѣ; тутъ же было письмо къ женѣ Рылѣева, рѣчь императрицы Маріи-Луизы въ сенатѣ, выписки изъ писемъ къ сыну Честерфильда и нѣсколько писемъ и стихотвореній Ступилова.

Есть у меня и память о нашей дружбѣ съ Силичемъ: превосходная, большая нарядная кукла, которая ходитъ и вальсируетъ. Она сохранилась во всей красотѣ, потому что стояла всегда въ шкапу у мамеиьки, она сама заводила ее для моихъ друзей и даже показывала ее своимъ знакомымъ, такъ она была интересна. У меня ее отобрали тотчасъ же, какъ я въ первый разъ показала ее моимъ друзьямъ, потому что Юленька стала перемѣнять ей прическу, Николенька задумалъ усовершенствовать ея механизмъ, всѣ остальные стремились помочь имъ, а я имъ не препятствовала, а съ любопытствомъ смотрѣла, что изъ этого выйдетъ. Силичъ уѣхалъ изъ нашего города: дядя его, съ которымъ онъ былъ въ ссорѣ, заболѣлъ и прислалъ его къ нему пріѣхать. Силичъ думалъ скоро вернуться, но вмѣсто того уѣхалъ съ дядей за границу и куклу прислалъ мнѣ съ дороги изъ Петербурга. Онъ послѣ выигрыша у Ступилова сталъ какъ-то особенно со мной обращаться. Прежде онъ часто бралъ у меня руку на счастье, когда шелъ играть, а теперь точно боялся до меня дотрогиваться и хоть всегда желалъ меня видѣть, когда бывалъ у насъ, и мы съ нимъ весело болтали, но если я, расшалившись, сама ловила его за руку и говорила: «Это я вамъ на счастье», онъ былъ очень недоволенъ и быстро нѣсколько разъ крестилъ меня.

— Что это ты отъ нея открещиваешься, непризнанный пргизскій попъ,—смѣялся ему мой отецъ, когда онъ разъ продѣлалъ это при немъ.

— Есть еще многое на небѣ и на землѣ, Гораціо, о чемъ и не мечталось въ вашей философіи,—проговорилъ онъ внушительно.

— Да ты самъ юродствуй сколько душѣ угодно, только мою дочурку не обижай.

Когда Силичъ прощался со мной передъ своимъ отъѣздомъ, онъ попросилъ меня его перекрестить. Когда я занесла ему руку на лобъ (онъ сталъ передо мной на колѣни), мнѣ показалось это такъ грустно, что я ужасно расплакалась и просила его не уѣзжать. Долго стояла у нашего подъѣзда его почтовая тройка, гремя отъ

петерпѣпія бубенчиками: онъ не хотѣлъ уѣхать, пока я не успокоюсь и сама не отпущу его.

Въ годъ отъѣзда Силича столько было разныхъ событій, что няня начала вести съ этого года свое лѣтосчисленіе.

— Это было на другую зиму послѣ того, какъ Петръ Александровичъ уѣхалъ,—говорила она какой нибудь своей собесѣдницѣ, и если та не могла сообразить, когда это было, она укоризненно говорила:—Какъ же ты не помнишь? Ну, на другую зиму послѣ того, какъ Барычова барыня свою Юленьку въ Петербургъ отвезла учиться, а оттуда нашихъ барышень изъ института привезла. Въ тотъ годъ еще ступиловскій баринъ дочку къ себѣ бралъ, а къ намъ генеральша пріѣзжала.

Эта «генеральша» была меньшая сестра моей матери, которую она взяла къ себѣ послѣ смерти бабушки и выдала замужъ. Ее «взялъ за красоту», какъ выражалась няня, важный петербургскій чиновникъ, который пріѣзжалъ къ намъ въ городъ что-то ревизовать и уѣхалъ назадъ въ Петербургъ уже съ молодой женой. Онъ поѣхалъ съ ней за границу, и она возвратилась оттуда не только блестящей красавицей, но и безукоризненной свѣтской женщиной. Маменька часто говорила о своей сестрѣ и любила повторять разсказъ о живыхъ картинахъ въ Москвѣ, которыя устраивало дворянство по случаю пріѣзда императора Николая Павловича. Моя тетка участвовала въ одной изъ картинъ. Она стояла на первомъ планѣ и смотрѣла вдаль, защищая глаза рукой отъ солнца. Когда картину открыли, въ затихшемъ залѣ послышался голосъ государя: «Quels beaux yeux!» [1]) и прелестные глаза быстро, быстро замигали длинными, черными рѣсницами. Картину открывали нѣсколько разъ при шумныхъ аплодисментахъ, которые начиналъ государь; но красавица ужъ стояла невозмутимо.

Теперь ея мужъ былъ губернаторомъ въ одной изъ сосѣднихъ губерній, и она черезъ пятнадцать лѣтъ пріѣхала въ городъ, гдѣ вышла замужъ, все такой же красавицей, только прелестные глаза казались слишкомъ велики. Маменька плакала отъ радости при встрѣчѣ съ ней, а генеральша ласково и красиво обнимала ее и даже поцѣловала у ней руку. Мои сестры и я сдѣлали ей глубокіе реверансы, а она поцѣловала насъ и со всѣми поговорила. Сестры мои давно знали ее: она часто навѣщала ихъ въ институтѣ, когда жила въ Петербургѣ. Теперь она пріѣхала посмотрѣть, что изъ нихъ вышло, и пригласить ихъ на зиму къ себѣ, pour rafraichir son salon [2]). Какъ женщина, сдѣлавшая свою карьеру красотой, она быстро и вѣрно оцѣнила маменькѣ наружность моихъ сестеръ.

---

[1]) Какіе прелестные глаза.

[2]) Чтобы освѣжить свою гостиную.

— Sophie est tout-à-fait bien, mais il faut qu'elle se soigne. Lise est loin d'être une beauté, mais elle a un minois chiffoné, qui peut plaire. Quand à la petite nous verrons ce qu'elle sera après l'institut [1]).

Этотъ институтъ былъ причиной дебатовъ съ закрытыми дверями въ папенькиномъ кабинетѣ, послѣ которыхъ маменька выходила заплаканная, а папенька тревожный и задумчивый, и оба избѣгали на меня смотрѣть. Родители мои не соглашались со мной разстаться, несмотря на всѣ доводы тетушки. Тогда она прежде, чѣмъ совсѣмъ отказаться отъ своего плана, попробовала обратить свою атаку на меня. За обѣдомъ, видя, что я смотрю на нее и любуюсь ею, она меня спросила:

— Petite! dis moi, mais bien franchement: veux tu que je te mène à Petersbourg pour te placer à l'institut?

— Non, ma tante, je vous le jure! [2])—отвѣчала я быстро.

Это «je vous le jure» разсмѣшило всѣхъ и покончило всѣ несогласія: рѣшено было, что я буду учиться дома. Тетушка въ кашемирѣ и въ шляпѣ съ длиннымъ бѣлымъ перомъ сдѣлала прощальные визиты, очаровала всѣхъ и уѣхала, взявши съ меня слово, что я буду хорошо учиться, говорить съ сестрами одинъ день по-французски, другой по-нѣмецки и не буду копать въ саду землю руками.

— Elle aura de jolies mains [3]),—объяснила она маменькѣ.

И меня начали серьезно учить Приходилъ «батюшка» для Закона Божія, учитель изъ уѣзднаго училища для прочихъ наукъ. Вмѣсто старой, немножко помѣшанной француженки, которая приходила учить меня по-французски и по-нѣмецки, эту обязанность взяли на себя сестры. Онѣ же учили меня музыкѣ и рисованію.

Мнѣ кажется, я не была лѣнива, но какъ трудно было учиться такой, всѣмъ увлекающейся дѣвочкѣ, какъ была я, въ такомъ полномъ жизни домѣ, какъ былъ тогда нашъ. Утромъ я должна была учить уроки, а тутъ у насъ начиналась музыка, которую я очень любила; сестры играли и пѣли, а домъ былъ не настолько великъ, чтобы мнѣ въ классной не было ихъ слышно. Потомъ которая-нибудь изъ нихъ давала мнѣ урокъ; но часто въ это время пріѣзжали гости и ее звали въ гостиную. Уходя, мнѣ оставляли копировать какой-нибудь чрезвычайно правильный носъ или глазъ съ необыкновенно мудреными рѣсницами, или дѣлать трудный пере-

---

[1]) Соня очень хороша, но надо, чтобы она о себѣ заботилась. Лиза далеко не красавица, но ея рожица можетъ нравиться. А что до крошки, мы увидимъ, что изъ нея будетъ послѣ института.

[2]) Крошка! скажи мнѣ откровенно: хочешь я повезу тебя въ Петербургъ и отдамъ въ институтъ?

— Нѣтъ, тетушка, клянусь вамъ!

[3]) У ней будутъ красивыя руки.

водъ. Я горячо принималась за работу; но стоило мнѣ только взглянуть въ окно на нашъ большой дворъ, на половину зеленый, на половину изъѣзженный и покрытый глубокимъ желтымъ пескомъ, гдѣ я въ свободное время играла, и у меня все вылетало изъ головы: тутъ полощутся въ двухъ лодкахъ, врытыхъ для нихъ въ землю, утки съ утятами; тамъ вытягиваютъ длинныя шеи изъ своей загородки мои лебеди; индѣйки, цесарки, бѣлыя шпанскія курочки и простыя, излюбленныя Анной птичницей, насѣдки, и пеструшка, и золотая, и хохлаточка, ходятъ по всему двору, клохчутъ и роются въ травѣ съ своими цыплятами. Въ хлѣвѣ по-дѣтски реветъ теленокъ, котораго скоро будутъ поить. А мои милыя собаки, веселая бѣлая Шавка и старый, ворчливый Муркишка, ci-devant Маркизъ, приходятъ ко мнѣ подъ окно, махая хвостами и слегка взвизгивая, напоминаютъ мнѣ, что я еще не выносила имъ ихъ любимаго кушанья. А когда растянутъ по двору на кольяхъ веревки и повѣсятъ на нихъ сушить бѣлье, можно ли было удержаться, чтобы не побѣгать по этимъ коридорамъ между широкими простынями и длиннѣйшими скатертями! Чтобы было веселѣе, я бѣгу въ дѣвичью къ моей ровесницѣ Ганѣ, беру у ней грязный и сырой отъ ея влажныхъ рукъ чулокъ, гдѣ ей задано связать извѣстное число рядовъ, ловко выпрямляю ея изогнутыя спицы и вяжу быстро нѣсколько рядовъ, которые являются бѣлой полосой на работѣ восхищенной Гани. Урокъ ея подвинулся, ее со мной отпускаютъ, и мы бѣгаемъ и визжимъ, догоняя другъ друга въ бѣлыхъ волнующихся коридорахъ. Еще веселѣе, когда на этихъ веревкахъ вывѣшиваются шерстяныя вещи и мундиры разныхъ вѣдомствъ, гдѣ служилъ мой отецъ. Мы съ Ганей выберемъ которые почуднѣе, надѣнемъ ихъ и бѣгаемъ другъ за другомъ, волоча по травѣ длинныя узкія фалды и махая вышитыми обшлагами рукавовъ, а няня и сердится и смѣется. Тоже весело было, когда дѣлали запасъ крахмала, и кучеръ Матвѣй съ поваромъ Иваномъ, самые тяжеловѣсные изъ всей дворни, балансируя и подсмѣиваясь другъ надъ другомъ, толкутся поперемѣнно босыми ногами въ корытѣ по мѣшку размоченной пшеницы и увѣряютъ меня, что такъ стараются для того, чтобы мои юбочки были потуже накрахмалены. Потомъ разставлялись на дворѣ покрытые скатертями столы, гдѣ сушился бѣлый, какъ снѣгъ, крахмалъ; Ганя отряжалась гонять съ него птицъ, а я усердно ей помогала. Осенью на просторной, таинственной, уставленной бочками и кадками всѣхъ величинъ погребицѣ лили сальныя свѣчи. Тутъ священнодѣйствовала ключница Василиса, разливая по формамъ горячее сало. Она всегда приглашала меня вытянуть изъ формы за палочку, продѣтую въ петли свѣтильни, только что остывшую желтоватую первую свѣчу. Ее мѣтили, продѣвши вмѣсто палочки цвѣтной лоскутокъ, чтобы я потомъ видѣла, хорошо ли будетъ горѣть моя свѣча...

А нашъ садъ!.. Правда, онъ былъ черезъ улицу, и мнѣ одной нельзя было въ него ходить; но когда мы съ няней были свободны, или ко мнѣ пріѣзжали мои маленькіе гости, мы всегда бѣгали и играли въ саду, гдѣ были всякія ягоды и вкусныя яблоки. Я и съ Силичемъ познакомилась, когда шла съ няней изъ саду съ корзинкой смородины на рукѣ. Онъ тогда только что пріѣхалъ въ городъ и ѣхалъ верхомъ по нашей улицѣ. Мы съ няней заглядѣлись на его красивый мундиръ. Увидавши насъ, онъ остановился, поклонился намъ и сказалъ:

— Не дадите, ли милая барышня, вѣточку смородины проѣзжему солдату?

Я протянула ему цѣлую горсть. Онъ соскочилъ съ лошади, чтобы взять ее и поблагодарить меня. Я спросила, какъ зовутъ его лошадь.

— У ней прелестное имя,—сказалъ онъ:—ее зовутъ Бэла, она у меня и красавица и умница, погладьте ее за это. Онъ наклонилъ ко мнѣ ея голову, и я въ первый разъ дотронулась до мягкой лошадиной мордочки.

А зимой!.. Какъ было весело зимой!.. На дворѣ, противъ оконъ классной, кучеръ Матвѣй дѣлалъ гору не высокую, но очень широкую, по приказанію маменьки, и мы съ Ганей катались по ней и на лубкѣ, и на салазкахъ, и на ледянкахъ. Одинъ разъ мы даже скатились на дровняхъ, которыя тутъ близко случились. Я сѣла въ дровни, Ганя стала на мѣсто лошади, полетѣла съ горы, держа въ рукахъ оглобли, и всадила ихъ прямо въ окно классной, выбивши четыре стекла. Это было ужасное происшествіе, потому что былъ сильный морозъ; но это было такое, никакими домашними законами не предвидѣнное преступленіе, что насъ тотчасъ простили...

А какое веселье было на святки!.. Не только меня и всѣхъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ гостей рядили, приходила ряженая и вся наша дворня. Всѣ они были очень веселые люди, кромѣ папенькинаго камердинера Вавилы и ключницы Василисы, про которыхъ няня говорила, что Вавила очень гордъ, а Василиса очень серьезная женщина. Былъ всегда между наряженными и мой мучитель башмачникъ Петръ, который шилъ обувь для всѣхъ насъ и для всей дворни. Когда онъ становился передо мной на колѣна и, наклонивъ свою кудрявую голову, перетянутую желтымъ ремнемъ, снималъ съ меня мѣрку, туго сжимая ею мою ногу, маменька всегда ему говорила:

— Дѣлай ей какъ можно просторнѣе, Петръ; ты всегда ей дѣлаешь такіе узкіе башмачки, что приходится двадцать разъ расколачивать.

— Слушаюсь! Слушаюсь!—говорилъ онъ успокоительно, выстригая огромными пяниными ножницами уголки изъ мѣрки.—Слушаю-съ. Это точно, въ тотъ разъ я маленько ошибся! Зачѣмъ имъ дѣлать тѣсно!.. Растутъ-съ!

Но когда башмаки были готовы и мы съ няней хотѣли ихъ примѣрить, они совсѣмъ не надѣвались. Мы шли съ ними къ маменькѣ, и туда же призывали Петра. Онъ пожималъ плечами отъ удивленія; божился, что думалъ—будутъ велики; разминалъ подошву, вытягивалъ края башмаковъ, засовывалъ въ нихъ пальцы и просилъ позволенія самому на меня примѣрить. Тутъ онъ бралъ мою ногу, ловко и безжалостно всаживалъ ее въ узкій башмакъ, живо завязывалъ ленты, и показывая маменькѣ свое произведеніе на моей ногѣ, говорилъ:

— Самый фасонистый, просторный башмачокъ!.. А это только барышня всегда изволятъ капризничать!..

Но на святкахъ, наряженный медвѣдемъ, Петръ не жалѣлъ себя, показывая передо мной всѣ медвѣжьи штуки и ухватки; имъ ловко управлялъ татаринъ-поводильщикъ, молодая маменькина горничная, за которую постоянно и всегда напрасно сватался Вавила; козой у нихъ была Ганя. Поваръ Иванъ наряжался кучеромъ, а кучеръ Матвѣй цыганомъ, и у нихъ были нескончаемые комическіе разговоры объ украденныхъ цыганомъ лошадяхъ. Были тутъ мордовки, цыганки-ворожеи, горбатыя старухи. Высокій, худой Вавила всегда наряжался испанцемъ; маменька подарила ему для этого бѣлое страусовое поломанное перо и старую бронзовую брошку. Онъ прикалывалъ все это къ своей фуражкѣ, которую повертывалъ козырькомъ назадъ, надѣвалъ папенькину старую шпагу съ портупеей, завертывался въ плащъ, который няня ему дѣлала изъ своего чернаго платка, и ни въ какихъ пляскахъ и разговорахъ не участвовалъ. Няня и серьезная Василиса, которая никогда не рядилась, становились въ дверяхъ зала. Няня забавлялась всѣмъ какъ маленькая, и, кажется, только тучность и одышка не позволяли ей самой нарядиться и плясать. Маленькая, коренастая Василиса старалась показать величайшее презрѣніе къ комическимъ выходкамъ своего обожаемаго мужа Матвѣя, и когда всѣ кругомъ хохотали надъ его цыганскими хитростями и остротами, она отплевывалась, приговаривая:

— У-у! шутъ малодушный!.. Глазыньки бы мои не глядѣли!.. Какъ есть ни къ какому званію не подходящій человѣкъ!..

На что няня возражала:

— Эхъ, Василиса! нечего тебѣ Бога гнѣвить!.. Нѣтъ на свѣтѣ лучше житья, какъ съ веселымъ человѣкомъ.

Но Василиса стояла насупленная, а кругомъ всѣ веселились: сестры играли разныя плясовыя, а я усердно угощала всѣхъ пряниками и орѣхами.

Потомъ приходила масленица и катанье на тройкѣ въ большихъ саняхъ, куда насъ, маленькихъ, насаживали къ нянѣ какъ можно больше, и Ганя часто съ нами каталась. А уроки танцевъ у насъ и у всѣхъ моихъ подругъ по очереди!.. Это было ужасно весело!.. И всѣ

меня любили, потѣшали, баловали... Но, несмотря на то, что все кругомъ меня было такъ оживленно и весело, я выучивала скучные уроки, дѣлала задачи, переводы и рисунки. Когда мнѣ все это особенно надоѣдало и хотѣлось все бросить и убѣжать изъ классной, мнѣ припоминалась диванная въ Ступиловкѣ, гости, Андрей Кирилловичъ и слышались его слова:

— Надо вамъ хорошо учиться, Мирочка! А то послѣ будете жалѣть: скучно жить на свѣтѣ, когда мало знаешь.

И я усердно принималась за работу, потому что горячо желала, чтобы мнѣ всегда было весело и чтобы всѣ со мной радовались.

VII.

Маменька любила, чтобы я сидѣла у ней въ комнатѣ, когда я кончала мои классныя занятія, и учила меня разнымъ женскимъ работамъ. Я часто брала къ ней свои уроки и сидѣла съ работой въ рукахъ и съ раскрытой книгой на колѣняхъ, когда учила что-нибудь наизусть, только не стихи. Стихи я всегда читала и учила вслухъ, ходя по классной, такъ что многое изъ моего русскаго репертуара знали горничныя, особенно Ганя. Разъ я вышла на балконъ моей комнаты, съ жаромъ декламируя стихи Лермонтова, которые мнѣ списалъ и подарилъ Николенька передъ отъѣздомъ въ Петербургъ:

Сюда, наѣздники Джемата,
Откройте удаль мнѣ свою.
Кто знаетъ князя Бейбулата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?

Тутъ я остановилась, потому что по улицѣ кто-то шелъ, но надо мной раздалось грозное:

«Я»!.. молвилъ витязь черноокій.
Схватившись за кинжалъ широкій,
И въ изумленіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

Это продекламировала Ганя изъ слухового окна чердака, гдѣ она помогала вѣшать бѣлье. Она теперь числилась моей горничной, училась вышивать, и ея пяльцы приносились иногда въ маменькину комнату, гдѣ мнѣ поручалось переводить для нея узоръ на вправленный нансукъ.

Маменька часто принимала въ этой своей рабочей комнатѣ хорошо знакомыхъ дамъ, и тутъ мнѣ иногда удавалось слышать что-нибудь о Ступиловѣ. Онъ, должно быть, постоянно дѣлалъ не то, чего отъ него ждали въ городѣ, и потому всѣ его дѣйствія строго обсуждались и критиковались. Но, къ сожалѣнію, когда разговоръ очень оживлялся, маменька высылала меня въ классную. Вскорѣ

послѣ того, какъ мы были на праздникѣ въ Ступиловкѣ, всѣ заговорили о томъ, что онъ беретъ къ себѣ дочь, и это всѣми, кромѣ моихъ родителей, горячо осуждалось. Говорили, что онъ не любитъ дочери, потому что жена его умерла вскорѣ послѣ ея рожденія, а теперь беретъ ее, несмотря на горе бабушки, которая къ ней сильно привязалась. Разъ во время этихъ разговоровъ пришелъ мой отецъ; онъ только что былъ въ деревнѣ у Ступилова и разсказалъ, какъ онъ все заботливо приготовилъ къ пріѣзду своей дочери: собралъ ей прекрасную дѣтскую библіотеку, убралъ самъ ея комнаты цвѣтами и растеніями и вынесъ изъ оранжереи всѣ не совсѣмъ удобныя статуи и оставилъ только одну скромную красоту.

— Андрей Кирилловичъ говорилъ, что непремѣнно привезетъ свою дочь къ нашей дочуркѣ: очень желаетъ, чтобы онѣ подружились.

Я нетерпѣливо начала ждать обѣщанную гостью и надоѣдала маменькѣ вопросами, скоро ли ко мнѣ пріѣдетъ. А въ Ступиловкѣ, по обыкновенію, все велось не такъ, какъ ожидалъ городъ: гувернантки у дѣвочки были не тѣхъ лѣтъ, какъ было нужно, да и сама она была «вся въ бабушку», какъ повторяли съ сожалѣніемъ. Когда я разспрашивала о ней маменьку, она говорила грустнымъ тономъ, что бѣдная дѣвочка выросла безъ матери, очень поэтому избалована и часто огорчаетъ отца; но, Богъ дастъ, она исправится.

Я часто думала объ этой странной дѣвочкѣ съ лицомъ злой феи: я живо помнила ея портретъ. Что она дѣлаетъ въ этомъ большомъ, веселомъ домѣ? Зачѣмъ она огорчаетъ отца? Лучше бы представляла съ нимъ что-нибудь въ оранжереѣ, между прелестными цвѣтами и странными растеніями, или бы бѣгала, играла и радовалась подъ прелестную музыку въ огромномъ залѣ. Можетъ быть, ей скучно одной? И мнѣ еще больше хотѣлось ее видѣть.

Разъ я прибѣжала въ комнату къ нянѣ съ урокомъ въ рукахъ и съ просьбой пришить оторванную ленту къ фартуку и застала у ней горничную Барычовой. Когда я влетѣла къ нимъ, онѣ что-то говорили о ступиловской барышнѣ.

— Ты ее видѣла?—спросила я живо горничную.

— Какъ же, барышня, не видать, вѣдь мы съ ними сосѣди. Хоть она и гордая барышня, а все-таки я удостоилась раза два у ней ручку поцѣловать.

— Ну, что же она?.. Что она дѣлаетъ?

— Да что ей дѣлать! Утромъ съ капризомъ встанетъ, одѣнется, покушаетъ, всѣхъ обойдетъ, всѣхъ обидитъ и за книжку сядетъ съ губернанками озорничать. Ей, кума,—обратилась она къ нянѣ,—тоже ихъ батюшка, отецъ Петръ, уроки преподаетъ; такъ онъ говоритъ, трудно ему было посвящаться и первую обѣдню служить, онъ у нихъ изъ дьяконовъ,—а все не такъ тяжело, какъ теперь съ ихъ барышней за урокомъ сидѣть.

— Отчего же ему такъ тяжело?—спрашиваю я.

— Да у нея,—говоритъ отецъ Петръ,—на всякое его слово своихъ десять словъ готово, и все въ насмѣшку.

Пока я стою въ недоумѣніи, она продолжаетъ, обращаясь къ нянѣ:

— Ну, ужъ, кума, и губернанки эти хороши!.. Сторожъ Василій поймалъ ночью ихнюю француженку: думалъ, воръ въ окошко лѣзетъ къ барину...

— Мирушка, бери фартукъ и иди!..—крикнула на меня няня.—Что тутъ съ книжкой стоишь!.. Поговорила и будетъ!.. У насъ съ кумой свое дѣло есть!..

Черезъ нѣсколько времени маменька мнѣ сказала, что отецъ увезъ Анюту Ступилову въ петербургскій институтъ. Онъ надѣется, что общество хорошихъ дѣвочекъ ее исправитъ.

Ступиловъ часто уѣзжалъ то въ Петербургъ, то за границу, но когда возвращался въ деревню, всегда бывалъ у насъ; только дѣвочки моихъ лѣтъ никогда не показывались гостямъ; это очень строго подтвердила моей матери тетушка-генеральша. Только разъ Ступиловъ засталъ меня случайно въ нашемъ залѣ за повтореніемъ музыки. Въ это время меня ужъ начинала смущать длина моихъ рукъ и ногъ, быстро выраставшихъ изъ моихъ платьевъ, и я, очень сконфуженная, сдѣлала ему неловкій реверансъ. Но только что онъ заговорилъ со мной, вся моя неловкость прошла; и когда маменька, чѣмъ-то задержанная въ своей комнатѣ, быстро вошла, она застала насъ за роялемъ: мы играли съ нимъ въ четыре руки, смѣялись и разговаривали какъ добрые старые товарищи.

А для всѣхъ другихъ онъ былъ, какъ мнѣ и прежде казалось, какимъ-то особеннымъ и даже опаснымъ человѣкомъ. Когда онъ къ намъ пріѣхалъ, въ нашемъ гостепріимномъ домѣ, радушно открытомъ для всѣхъ посѣтителей, дѣлалось смятеніе: казачокъ Митюшка, завидя изъ окна передней его экипажъ, въѣзжающій къ намъ на дворъ, совершенно забывалъ лакейскую выправку, которой всѣ его усердно учили, и не «докладывалъ» о гостѣ, а бѣжалъ черезъ всѣ комнаты къ маменькѣ и радостно провозглашалъ по пути всѣмъ встрѣчнымъ: «Ступиловскій баринъ къ намъ ѣдетъ!» При этомъ извѣстіи мои сестры мгновенно разбѣгаются по своимъ комнатамъ; маменька, всегда такая ровная и сдержанная, быстро надѣваетъ свой чепецъ, который виситъ для важныхъ случаевъ на одной изъ восковыхъ свѣчей, украшающихъ ея туалетъ, и нервно завязываетъ его широкія цвѣтныя ленты. Когда дверь въ гостиную за ней затворяется, то вся наша женская прислуга желала бы посмотрѣть въ замочную скважину на ступиловскаго барина и послушать, что онъ будетъ говорить: онъ былъ для нихъ олицетвореніемъ настоящаго барина, красиваго, отважнаго, щедраго, веселаго и ласковаго; но няня энергичными жестами посылаетъ ихъ къ брошеннымъ рабо-

тамъ. Только онѣ уходятъ, она сама глядитъ въ щель и прислушивается къ разговору, несмотря на мое негодованіе. Я отвожу ее отъ дверей и выразительнымъ шопотомъ внушаю, какъ стыдно подслушивать; но она увѣряетъ меня, что дѣлаетъ это по должности, чтобы быть тутъ, когда барынѣ что-нибудь понадобится. Приходятъ мои сестры, тщательно поправивши свой туалетъ. Онѣ подходятъ къ двери, но не сразу входятъ: только что Соня, спокойная красавица, берется за ручку двери, какъ Лиза волнуется и ее останавливаетъ. Наконецъ онѣ входятъ, и я воображаю, какъ онъ имъ кланяется низко и почтительно.

Я хожу по комнатѣ и стараюсь учить урокъ, но мнѣ это не удается: у дверей стоитъ няня, съ приложеннымъ къ щели ухомъ и возмущаетъ меня своимъ поведеніемъ, а изъ гостиной слышится звучный, спокойный, красивый мужской голосъ, изрѣдка прерываемый репликами моей матери и сестеръ и ихъ тихимъ смѣхомъ.

Но вотъ няня быстро уходитъ изъ комнаты, и мнѣ слышно, что гость встаетъ, раскланивается, уѣзжаетъ. Всѣ возвращаются изъ гостиной раскраснѣвшіяся и возбужденныя. Маменька снимаетъ свой чепецъ, садится за работу, и онѣ долго говорятъ о немъ. Сестры припоминаютъ его оригинальный разговоръ, его остроты. Лиза комически перебираетъ свои собственныя неудачныя выходки, которыя онъ шутливо отмѣтилъ, весело оспаривалъ, а потомъ, пожалуй, при случаѣ безпощадно осмѣетъ. Я ужъ давно знаю, какъ всѣ боятся его насмѣшекъ, —но теперь всѣ веселы и довольны, какъ ученики, возвратившіеся съ труднаго экзамена, который пріятно вспомнить, когда онъ кончился.

А вечеромъ няня, причесывая меня на ночь, разсказываетъ, какъ онъ, уходя, встрѣтился съ ней, ласково поздоровался и назвалъ по имени и по отчеству.

— Баринъ богатый, знатный,—говоритъ она:—а нѣтъ его до нашей братьи добрѣе!

И она вспоминаетъ, какъ знала его молоденькимъ: какой онъ былъ красавчикъ, молодецъ, силачъ! а самъ тоненькій, какъ барышня. Какъ онъ ея кума, медвѣжатника, отъ смерти спасъ: медвѣдь его совсѣмъ подъ себя подмялъ и возится съ нимъ по землѣ, не разберешь, гдѣ звѣрь, гдѣ человѣкъ... Тутъ подскакалъ ступиловскій баринъ, выстрѣлилъ и прямо медвѣдю въ глазъ попалъ: такъ сразу его и покончилъ... Ну, тоже любилъ и попроказничать!.. Разъ на барынины именины гостей у насъ много было, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, Скворцовы барышни раньше всѣхъ уѣзжать собрались. А барышни были одна другой лучше, красавицы, воспитанныя... Всѣ ихъ просятъ остаться, а онѣ не соглашаются, спѣшатъ. Подали имъ коляску; ступиловскій баринъ провожаетъ ихъ; усадилъ, раскланялся съ ними, захлопнулъ дверцу, а самъ отошелъ да держитъ ихъ коляску за заднее колесо... Лошади дергаютъ, а съ мѣста тронуть не могутъ!.. Потому у него силища!..

И мы съ няней смѣемся, и радуемся такой его силѣ!.. Я засыпаю, вспоминая ея разсказы, и вижу во снѣ богатырей и великановъ; они всѣ мои добрые товарищи; ходятъ со мной по лѣсу, раздвигаютъ передо мной высокія ели, отгоняютъ медвѣдей и рвутъ мнѣ цвѣты и земляничку...

На другое утро, за чаемъ, къ которому сходится вся наша семья, я провѣряю разсказы няни. Мой отецъ очень любитъ Ступилова и охотно разсказываетъ о его похожденіяхъ.

— Онъ одно время совсѣмъ было пересталъ ходить съ ружьемъ на медвѣдей,—говоритъ папенька:—находилъ, что не интересно, что онъ точно Ахиллесъ... Мирочка, знаешь, кто былъ Ахиллесъ?..

— Знаю, знаю!—спѣшу я заявить, боясь перерыва разсказа.

— Такъ онъ находилъ, что онъ тутъ какъ Ахиллесъ, неуязвимъ, потому что ружья у него отличныя, а рука и глазъ никогда ему не измѣняютъ. А вотъ съ рогатиной другое дѣло... Тутъ ужъ одинъ на одинъ!.. кто кого!.. Вотъ разъ и пошелъ онъ съ рогатиной одинъ въ лѣсъ, гдѣ извѣстно было, что медвѣдя видѣли. Вышелъ на лощинку... онъ мнѣ послѣ и мѣсто показывалъ: такъ, не больше, какъ эти двѣ комнаты, и все мелкимъ соснякомъ заросло; а съ одной стороны у опушки дерево сухое лежитъ. Онъ хотѣлъ дальше итти, какъ что-то затрещало, и видитъ онъ, что изъ-за сухого дерева медвѣдь лѣзетъ!.. такъ близко, что и оглянуться некогда! Къ счастью, тутъ подлѣ него большая, толстая сосна была; только что онъ за нее сталъ, какъ медвѣдь поднялся и пошелъ на него. Близко подпустилъ его Андрей Кириллычъ, всадилъ ему рогатину въ грудь по самый крестъ и налегъ на нее изо всей силы. Смотрятъ звѣрь и человѣкъ въ глаза другъ другу... ни одинъ не подается, только страшно реветъ раненый медвѣдь!.. И вдругъ издали еще ревъ послышался... ближе... ближе... Смотритъ Андрей Кириллычъ... а изъ-за того же сухого дерева огромная медвѣдица показалась!..

— Ну, папочка!.. ну!..—говорю я, замирая отъ страха.

— Ну, тутъ, говоритъ Андрей Кириллычъ, ему стало страшно... до присутствія духа онъ не потерялъ... Понимаешь, не струсилъ, а только понялъ всю опасность и ему все кругомъ точно виднѣе стало и силы прибавилось. Такъ налегъ онъ на рогатину, что осадилъ медвѣдя и приперъ конецъ рогатины къ стволу сосны, а обезумѣвшій звѣрь самъ на нее лѣзетъ. Освободился онъ отъ одного врага, а другой ужъ тутъ... Медвѣдица идетъ на него съ поднятой лапой... Выхватилъ онъ ножъ и всадилъ ей въ горло по самую рукоятку... Но она все-таки сильно ударила его лапой, разорвала когтями толстый казакинъ на мѣху и сильно его поцарапала!..

Я бѣгу пересказать все это нянѣ, потому что она тоже восхищается силой, отвагой и ловкостью. Я часто читала и разсказывала ей о подвигахъ разныхъ героевъ, о которыхъ я учила; она всѣхъ ихъ очень полюбила, называла «древними князьями» и даже помнила

ихъ имена. Но тутъ мы часто спорили: мнѣ хотѣлось ее убѣдить, что и Андрей Кириллычъ могъ бы совершать такіе же подвиги; что онъ силенъ, ловокъ и храбръ; что онъ могъ бы побѣждать, какъ Святославъ и Александръ Македонскій, и убить льва, какъ Самсонъ.

— Что ты такое говоришь!—останавливала она меня.—Нынѣшняго барина съ древними князьями сравнила!.. Съ утра до ночи учишься, а того не знаешь, что съ году на годъ народъ все плоше становится: силенъ Андрей Кириллычъ по нашему вѣку... Ну, а до древнихъ князей ему далеко!..

Но я, несмотря на мудрыя поученія няни, всѣхъ героевъ, и баснословныхъ и историческихъ, олицетворяла въ Ступиловѣ.

VIII.

Сестры мои начали уѣзжать каждую зиму къ тетушкѣ-губернаторшѣ и такъ долго тамъ заживались, что мои родители, заботясь о моемъ образованіи, взяли мнѣ для французскаго языка и музыки двухъ учителей. Мой французъ Деляплатьеръ былъ превосходный учитель. Въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ Москвы, который онъ открылъ, возвратясь изъ нашего города, до сихъ поръ сохранилось и съ уваженіемъ вспоминается его имя. Въ мое время богатая молодежь приготовлялась дома къ университету и высшимъ военнымъ школамъ, и этотъ очень ученый и дорогой французъ былъ выписанъ къ моему пріятелю Николенькѣ. Деляплатьеръ носилъ синія очки, былъ среднихъ лѣтъ, очень высокъ, худъ, съ длинной верхней губой и съ густой черной тѣнью на мѣстахъ бакенбардъ, бороды и усовъ, какъ бы онъ ни былъ тщательно выбритъ. Я очень его боялась и трудилась изо всѣхъ силъ надъ моими уроками. Онъ вообще былъ мной доволенъ; а когда я ему декламировала: «Songe d'Athalie», «A peine nous sortions des portes de Trézène», «Le meunier de Sans-Souci» и тому подобное, онъ покачивалъ въ тактъ головой и, понюхивая табакъ, отрывисто говорилъ:«Bien!.. bien!.. très bien!.. tout à-fait bien!..» [1]) и ставилъ меня въ примѣръ Николенькѣ, который одинаково скучалъ надъ латинскими и французскими классиками. Когда Николеньку увезли въ Петербургъ, у Деляплатьера было такъ много хорошо оплаченныхъ уроковъ, что онъ остался въ нашемъ городѣ и даже задумалъ жениться на хорошенькой, бѣлокурой казачкѣ, которую видѣлъ каждый день у окна за работой, когда проходилъ мимо ихъ домика на уроки. Онъ посватался черезъ переводчика, и родители дѣвушки съ радостью дали согласіе, потому что были очень бѣдны, а Деляплатьеръ казался имъ богачомъ. Онъ началъ по вечерамъ посѣщать свою невѣсту съ переводчикомъ, но она

[1]) Хорошо... хорошо... Очень хорошо... совсѣмъ хорошо.

только плакала въ отвѣтъ на всѣ изысканныя любезности, которыя ей переводили. Въ слезахъ она была прелестна, и Деляплатьеръ утѣшилъ тебя тѣмъ, что «ces larmes sont obligatoires... ce sont les us et coutumes de fiancées russes»[1]). Но переводчикъ былъ хорошій человѣкъ и прямо сказалъ влюбленному французу, что невѣста считаетъ его чуть не за антихриста и рѣшилась скорѣе броситься въ Волгу, чѣмъ выйти за него замужъ. Послѣ этого афронта онъ тотчасъ уѣхалъ, но началъ переписку съ своимъ переводчикомъ, спрашивая его въ каждомъ письмѣ: «Que fait ma belle blonde?» [2]) до тѣхъ поръ, пока ему не написали, что она вышла за браваго казака.

Мой учитель музыки, Дмитрій Михайловичъ Кречетовъ, былъ, напротивъ, очень дешевый учитель. Мнѣ кажется, я не ошибаюсь, что ему платили пять рублей въ мѣсяцъ за три часа въ недѣлю; но зато у него учился весь городъ. Даже одинъ ужъ немолодой купечъ-пшеничникъ вздумалъ выучиться у него играть трепака. Кречетовъ приходилъ къ намъ съ этого урока очень возбужденный и отъ него сильно пахло хорошимъ виномъ; но уроки эти скоро прекратились, потому что толстые пальцы купца не могли никакъ подниматься по одиночкѣ и попадать на извѣстную клавишу. Жилъ Кречетовъ въ маленькомъ флигелькѣ городского дома одной помѣщицы; прислуживала ему жена ея сторожа, и за это каждое воскресенье и на всѣ праздники его увозили къ помѣщицѣ въ деревню, гдѣ онъ весь день давалъ уроки ея дѣтямъ. Онъ былъ бѣлокурый, съ блѣдно-голубыми глазами на выкатѣ, сутуловатый и толстый, несмотря на то, что его каждую весну трясла наша жестокая волжская лихорадка. Онъ высиживалъ всѣ свои пароксизмы на урокахъ, что моя няня очень одобряла.

— Такъ ее и надо...—говорила она про лихорадку.—Нѣжь ее да въ постель ее положи, такъ она и не отвяжется.

Кречетовъ пріѣхалъ къ намъ изъ Москвы, тамъ онъ учился музыкѣ, и съ гордостью разсказывалъ, что взялъ передъ отъѣздомъ къ намъ два урока у Фильда. Фильдъ былъ боленъ и лежалъ въ комнатѣ рядомъ съ той, гдѣ игралъ ученикъ, но каждый разъ замѣчалъ, когда онъ ставилъ не то doigtée, и говорилъ, ему какой палецъ онъ неправильно ставилъ. Кречетовъ игралъ бойко и недурно, но на игру своихъ ученицъ мало обращалъ вниманія. Онъ только отъ насъ требовалъ, чтобы мы вѣрно держали тактъ и не останавливались. Во время урока мы играли страницу за страницей, а онъ или трясся въ лихорадкѣ, или разсказывалъ городскія новости, а тѣмъ, кто былъ постарше, говорилъ вычурные и смѣшные комплименты. Я была изъ лучшихъ его ученицъ; ни экзерсисовъ, ни этю-

[1]) Это слезы обязательныя... это обычай русскихъ невѣстъ.
[2]) Что дѣлаетъ моя прелестная блондинка?

довъ онъ мнѣ не давалъ, а только разныя варьяціи, и къ концу второго года моихъ уроковъ я ужъ играла концертныя вещи Герца, и даже иногда съ ступиловскимъ оркестромъ, когда онъ приглашался въ городъ на зимній сезонъ. Это мнѣ устраивала Александра Петровна Ступилова въ своемъ залѣ пораньше утромъ, въ отсутствіе Дмитрія Кирилловича; она боялась, чтобы онъ, какъ хорошій музыкантъ, не смутилъ меня своей критикой. Кречетовъ стоялъ за моимъ стуломъ и перевертывалъ мнѣ листы нотъ; Александра Петровна ходила взадъ и впередъ по залу, сложивши за спиной руки, Мнѣ теперь стыдно вспомнить, какъ я исполняла свою партію, но тактъ держала вѣрно и не часто путала и останавливалась. Мои старые пріятели, музыканты, относились снисходительно къ моей игрѣ: только вольнонаемный Ребристовъ всегда замѣчалъ, что надо бы играть почище; мелодію получше отдѣлять да знаки соблюдать. На это Кречетовъ отмахивался отъ него руками, какъ будто говоря: «Вотъ что еще выдумалъ». Когда нашъ концертъ кончался, Александра Петровна нѣжно обнимала меня, взволнованную и раскраснѣвшуюся, и уводила къ себѣ въ комнату, гдѣ было приготовлено мнѣ угощеніе. У ней была бы своя дочь моихъ лѣтъ, да умерла совсѣмъ маленькая, и няня говорила, что это въ память своей дочки она такъ меня «жалѣетъ».

IX.

Такъ мирно шла моя счастливая дѣтская жизнь, когда въ нашей семьѣ произошло важное событіе; мои сестры возвратились отъ тетушки невѣстами: Лиза выходила за учителя исторіи и русскаго языка въ губернской гимназіи, а красавица Соня дѣлала блестящую партію: она выходила за богатаго, еще молодого вдовца, уѣзднаго предводителя съ греческой фамиліей. Сестры давно знали его, потому что его первая жена была племянница тетушкинова мужа, и тетушка очень желала этой свадьбы. Она сама привезла къ намъ сестеръ, а черезъ нѣсколько дней пріѣхали и женихи. Изъ нашей единственной гостиницы прибѣжалъ половой сказать, что господа умываются и просятъ прислать за ними лошадей; въ нашемъ городѣ еще не было извозчиковъ, а пѣшкомъ тогда мало ходили. Мы съ Ганей видѣли изъ окна моей компаты въ мезонинѣ, какъ женихи подъѣхали къ крыльцу и вышли изъ саней: одинъ средняго роста, очень красивый брюнетъ въ каскѣ и въ шинели съ бобрами; другой высокій, худой, въ фуражкѣ, съ длинными бѣлокурыми волосами, растрепавшимися по воротнику енотовой шубы. Гапя, летая, какъ стрѣла, внизъ и вверхъ по лѣстницѣ, сообщала мнѣ все, что происходило.

— Всѣ прошли въ гостиную... Одинъ красавецъ, военный.. другой такъ себѣ, ничего... только ужъ очень худъ... Женихи съ

бариномъ въ кабинетъ ушли... И барыню туда позвали... Генеральша барышень туда повела... Васъ, васъ просятъ... Благословлять сейчасъ будутъ! За батюшкой послали... Вавилѣ шампанское велѣли готовить.

Когда я вошла въ залъ, дверь папенькина кабинета отворилась, и всѣ они вышли оттуда, смѣясь и разговаривая. Громче всѣхъ говорилъ и смѣялся кудрявый брюнетъ, который вышелъ подъ руку съ Соней. Маменька меня ему представила.

— Ah! la troisieme Grace,— сказалъ онъ сильно и некрасиво грассируя и насмѣшливо-почтительно мнѣ кланяясь. — Quel âge avez-vous, mademoiselle? [1])

Я сказала, что мнѣ 14 лѣтъ.

— Однихъ лѣтъ съ моимъ Митей, а много выше его,—сказалъ онъ, неодобрительно мѣряя меня своими черными, не русскими, очень красивыми, но непріятными глазами.

Соня ненатурально быстро заговорила, что до двѣнадцати лѣтъ я тоже была очень мала, и такъ вытянулась только въ послѣдніе два года. Она увѣряла его, что и Митя будетъ такъ же быстро теперь расти. Митя былъ сынъ ея жениха.

— Le cher enfant est bien robuste,—начала успокоительно тетушка, съ своей очаровательной улыбкой.—On voit qu'il aura assez d'etoffe pour une belle stature! [2]).

— Васъ что-нибудь тревожитъ въ здоровьѣ вашего сына?—спросила участливо моя чуткая мамочка, замѣтивъ, что тутъ что-то неладно.—Васъ безпокоитъ, что мальчикъ мало растетъ?

— О, нѣтъ, maman; мой сынъ совершенно здоровъ, и его ростъ нисколько меня не безпокоитъ,—отвѣчалъ женихъ почтительно холоднымъ тономъ.

— Платона Александровича нѣсколько смущаетъ, что его сынъ уменъ не по лѣтамъ; а это всегда вредно...—заговорила тетушка, понижая голосъ, но такъ, что всѣмъ было слышно:—это такой необыкновенно даровитый мальчикъ... Платонъ Александровичъ хотѣлъ взять его съ собой: это была бы такая радость для Миры, но онъ немножко простудился, и милаго мальчика оставили дома.

Тутъ Лиза подвела ко мнѣ своего жениха, и мы съ нимъ быстро подружились, такъ что во все время какъ у насъ были тетушка и женихи, у насъ образовалось два лагеря: тетушка и Соня съ женихомъ все время были неразлучны; у нихъ были нескончаемые разговоры о петербургскихъ знакомыхъ, о Парижѣ и нѣмецкихъ курортахъ; а я, Лиза и ея длинный, худой, но очень милый и интересный женихъ были тоже всегда вмѣстѣ. Мы часто забирались въ класс-

---

[1]) Третья грація... который вамъ годъ?

[2]) Милый мальчикъ очень плотный. Видно, что у него достанетъ матеріала на хорошій ростъ.

ную, гдѣ онъ намъ декламировалъ Пушкина, Лермонтова и даже свои собственные стихи. Моя дорогая мамочка приходила къ намъ отдыхать отъ разныхъ своихъ хлопоть и тоже, какъ мнѣ казалось, отъ Сонина жениха. Онъ безпрестанно звалъ ее «maman»; когда она входила, не позволялъ ей стоять ни минуты и тащилъ ей черезъ всю комнату самыя тяжелыя кресла, которыя у насъ давно стояли по угламъ на покоѣ. За обѣдомъ онъ не допускалъ ее налить себѣ чего-нибудь и наливалъ ей только полстакана, а маменька любила непремѣнно полный стаканъ и всегда отлично наливала съ пѣной и себѣ и мнѣ и квасъ, и кислыя щи, и разныя водицы. Когда ей надо было поговорить съ нимъ о чемъ-нибудь, онъ какъ-то ненатурально-почтительно наклонялъ къ ней свою красивую голову и во все время ея рѣчи безпрестанно вставлялъ: «Да, да, maman!.. Совершенно такъ, maman!.. Вы правы, maman». Все это онъ съ ней безпрестанно продѣлывалъ, и я видѣла, что это страшно ей надоѣло. Къ Лизѣ и ея жениху онъ относился свысока, но очень милостиво, звалъ его «Jbicus», а ее «notre petite Lise» [1]). За мной тоже навсегда осталась кличка: «la troisieme Grace»!.. За все это мы съ Лизой его не любили и звали между собой «грекомъ».

Только мой отецъ, когда приходилъ со службы, соединялъ и оживлялъ оба лагеря. Онъ зналъ отцовъ и дядей тѣхъ графовъ и князей, которыхъ перебирала тетушка съ «грекомъ», и разсказывалъ о нихъ интересные анекдоты, а для насъ декламировалъ Ломоносова, Державина и даже монологи изъ Озерова, представляя, какъ грассировала Семенова, которой онъ былъ горячимъ поклонникомъ. Не меньше насъ восхищался онъ Пушкинымъ, читалъ и перечитывалъ его произведенія, но жаловался на свою старческую память, которая удержала все то, что онъ зналъ въ молодости, всѣ тяжеловѣсныя строфы старыхъ поэтовъ и не можетъ запомнить легкихъ и прелестныхъ стиховъ Пушкина.

Когда уѣхали тетушка и женихи, началось самое счастливое для меня время: сестры признали меня за большую, и Лиза сдѣлалась моимъ другомъ. Прежде у ней не было ни для кого свободной минуты: она вся принадлежала Сонѣ, передъ которой преклонялась, а теперь онѣ разошлись, потому что Лиза не скрывала, что не любитъ «грека», а Соня обожала своего жениха. По просьбѣ Лизы мнѣ даже позволили вмѣсто девяти часовъ ложиться въ одиннадцать. У насъ въ домѣ началась та особенная, оживленная жизнь, которая начинается всегда тамъ, гдѣ невѣста, а у насъ ихъ было двѣ. Въ маменькиной комнатѣ большой круглый столъ былъ заваленъ кружевами, вышивками, полотномъ, кисеей, разноцвѣтными лентами и матеріями: это приготовлялось приданое, и я оказалась тутъ хорошей помощницей маменькѣ. Въ дѣвичей шилось, что мы тутъ кроили

[1]) Ивикъ, наша маленькая Лиза.

и подготовляли, и дѣвушки пѣли разныя свадебныя пѣсни. Я запомнила нѣсколько строкъ изъ нихъ, потому что онѣ напоминаютъ мнѣ нашъ провинціальный говоръ:

Ужъ и нѣтъ еще такого молодца,
Какъ Платона Александровича.
Какъ онъ съ тысячи на тысячу ступаетъ,
Милліонтами по городу шибаетъ!

Весело было мнѣ за нашимъ рабочимъ столомъ: въ то время, какъ мы кроили, сметывали и улаживали, шли разговоры; изрѣдка Соня, которая не любила работать, что-нибудь читала намъ, но обыкновенно были разговоры и все больше повѣствовательные. Сестры разсказывали о Петербургѣ, объ институтѣ. Онѣ любили вспоминать о чаѣ во дворцѣ послѣ выпуска. Какъ тутъ добра была къ нимъ императрица Александра Ѳеодоровна, какъ весело шутилъ съ ними государь Николай Павловичъ. Когда онѣ откланялись и уходили, ихъ провожали молодые великіе князья. Въ одной изъ залъ онѣ встрѣтились съ принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ. Институтки заволновались и начали дѣлать ему самые глубокіе реверансы, а великіе князья подхватили его, начали качать и смѣясь говорили институткамъ:

— Вы его боитесь?.. А мы вотъ какъ!.. вотъ какъ!.. смѣемъ его подбрасывать

Хороши были разсказы маменьки о старинѣ; папенька приходилъ къ намъ съ смѣшными анекдотами изъ своей военной жизни; но всего интереснѣе было, когда они оба, дополняя другъ друга, разсказывали что-нибудь о Ступиловѣ. Тутъ я вскорѣ очень заболѣла и все это время передъ свадьбой сестеръ казалось мнѣ потомъ, когда я выздоровѣла, какимъ-то смутнымъ сномъ...

X.

Свадьба сестеръ была назначена 7-го января, а за двѣ недѣли до Рождества я заболѣла. Проснулась утромъ со страннымъ чувствомъ тяжести въ головѣ: по всему тѣлу пробѣгаетъ то жаръ, то ознобъ и плакать хочется. Я все-таки одѣлась и вышла къ чаю; но маменька такъ испугалась моего жалкаго вида, что тотчасъ послала за нашимъ докторомъ, Адріаномъ Григорьевичемъ Духовскимъ.

Онъ былъ другъ моего отца, большой мой пріятель, лечившій меня отъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ болѣзней. Въ городѣ его очень любили, несмотря на то, что съ больными и ихъ окружающими онъ былъ просто жестокъ. Онъ входилъ въ комнату къ больному какъ гроза и уходилъ нисколько не стихая, а громко распоряжаясь и строго приказывая направо и налѣво.

— Что, сударыня, въ бокъ стрѣляетъ. Такъ вамъ и надо... Нагоплено у васъ всегда до 20 градусовъ, да вы еще чаю изволили накушаться и отправились въ однихъ атласныхъ башмачкахъ на тройкѣ по Волгѣ въ перегонки кататься... чего хотѣли, то и получили... Только чего всѣ эти ваши матушки и тетушки смотрѣли, что такъ васъ отпустили... Да и супругу-то вашему, чѣмъ иноходцами щеголять, лучше бы о женѣ подумать!..—распекалъ онъ какую-нибудь даму.

— Скрючило, братъ, скрючило!..—кричалъ онъ надъ постелью какого-нибудь богача купца.—Говори, чѣмъ обкушался: бѣлорыбицей или буженіной!.. А то, можетъ, въ банѣ часокъ попарился да холодненькаго кваску полведра выпилъ?.. Что мычишь?.. Самъ виноватъ, такъ и терпи!..

Въ городѣ было еще два доктора: вѣжливый padam do nòg, полякъ, и ужасно ученый, какъ всѣ говорили, нѣмецъ; но всѣ лечились только у Адріана Григорьевича.

— Строгъ, очень строгъ!—говорили про него купцы.—Но зато отъ всякой болѣзни можетъ вылечить!

И теперь, какъ пріѣхалъ къ намъ, разбранилъ всѣхъ, что не умѣли сберечь дѣвочки.

— Это не мальчикъ-съ, которому надо черезъ все перейти,—говорилъ онъ, грозно смотря сверхъ очковъ на маменьку:—тутъ надо побольше заботы-съ... побольше вниманія...

Со мной и вообще съ дѣтьми онъ говорилъ очень мягко. Теперь онъ долго держалъ руку у меня на лбу, на шеѣ (у насъ тогда еще не употребляли градусниковъ), щупалъ пульсъ, смотрѣлъ языкъ и долго сидѣлъ задумавшись; потомъ пошелъ писать рецептъ и строго приказалъ положить меня сейчасъ въ постель и никакими глупостями не надоѣдать.

Я была рада лечь, заснула и долго потомъ у меня былъ только одинъ мучительный сонъ, прерываемый изрѣдка, на мгновеніе, дѣйствительностью: я лечу стремглавъ съ горы, падаю грудью на камни и вижу, что Адріанъ Григорьевичъ съ сердитымъ лицомъ держитъ меня за пульсъ и тутъ маменька, сестры, папенька. Я хочу имъ что-нибудь сказать, но уже опять ничего этого нѣтъ, а надо взбираться на крутую гору; это трудно, потому что камни меня засыпаютъ... Но вотъ маменька, худая, блѣдная, замученная, проситъ меня принять лекарство. Я хочу передъ этимъ перекреститься, какъ привыкла съ дѣтства, но камни засыпали мнѣ руки и я поскорѣе глотаю лекарство и опять продолжаю отбиваться отъ давящей меня тяжести. И въ этомъ мучительномъ состояніи, все время борясь съ чѣмъ-то во мракѣ, я пролежала, говорятъ, слишкомъ двѣ недѣли. Какая была моя болѣзнь, никто не осмѣливался спросить у Адріана Григорьевича: постороннимъ разговаривать съ нимъ о его больныхъ онъ рѣшительно не позволялъ; роднымъ сердито говорилъ, что имъ

надо ходить за больнымъ, а не разсуждать о его болѣзни; а самому больному, по его правиламъ, лучше было не знать, чѣмъ онъ былъ боленъ. На сигнатуркахъ тогда не писали, изъ чего составлялось лекарство, и только докторъ съ аптекаремъ знали, чѣмъ они вылечили больного или помогли ему умереть.

Я не умерла... Мнѣ не дали умереть эти измученныя лица, которыя я видѣла, когда приходила въ сознаніе; эти исплаканные глаза, которые смотрѣли на меня съ страстной мольбой: «не умирай!..» Мнѣ не дало умереть это тихое торжественное пѣніе, которое мнѣ иногда слышалось изъ растворенной двери въ другую комнату; сведенный до шопота басъ нашего дьякона и трогательныя слова молитвы, долетавшія до меня: «...Милосерде, страждущую посѣти и исцѣли»...

Когда я въ первый разъ открыла глаза, не чувствуя той тяжести, которая такъ долго давила меня, около моей постели сидѣла маменька. На колѣняхъ у ней лежало открытое евангеліе, а она смотрѣла въ уголъ на образа и молилась. Я нѣсколько разъ открывала и закрывала глаза и все видѣла ее. Тогда я позвала: «Мамочка». Это у меня вышло очень тихо, но она услыхала, бросилась на колѣна, цѣловала мои руки, крестилась, плакала съ страннымъ, радостнымъ лицомъ. Я устала смотрѣть и закрыла глаза. Я слышала шопотъ у моей постели, узнала голосъ папеньки, сестеръ. Мнѣ было такъ хорошо, что и смотрѣть не хотѣлось; я чуть-чуть придержала руку маменьки и такъ заснула.

Мое выздоровленіе шло медленно. Полякъ-докторъ всѣмъ кротко внушалъ, а нѣмецъ по ученому доказывалъ, что Адріанъ Григорьичъ, какъ бывшій военный докторъ, лечилъ меня ужасными, солдатскими средствами; они оба «случайно» видѣли его рецептъ въ аптекѣ. Чѣмъ бы онъ меня ни вылечилъ, но я была счастлива, что выздоравливаю; кругомъ меня были все радостныя лица, и по всему дому слышался веселый, оживленный шопотъ: во время моей болѣзни всѣ отвыкли говорить громко. Только въ извѣстные часы, какъ отдаленный громъ, слышался голосъ Адріана Григорьича, распекавшаго маменьку за какое-нибудь упущеніе въ уходѣ за мной; но и онъ стихалъ по мѣрѣ того, какъ поднимался ко мнѣ въ мезонинъ и переходилъ въ моей комнатѣ въ мягкій баритонъ.

Послали нарочнаго къ женихамъ извѣстить, что свадьба можетъ состояться, какъ было назначено, 7-го января. Они пріѣхали вмѣстѣ съ тетушкой, а грекъ привезъ и своего сына. Ко мнѣ никого не пускали, по строжайшему приказанію Адріана Григорьича. Но онъ долженъ былъ сдѣлать исключеніе для Николеньки Головина, который пріѣхалъ въ отпускъ, только что выпущенный артиллеристомъ. Мнѣ проговорилась объ этомъ няня, и я со слезами требовала, чтобы мнѣ его показали. Адріанъ Григорьичъ самъ привелъ его ко мнѣ.

— Ну, иди, иди сюда, трехсаженный!—говорилъ онъ, подводя ко мнѣ Николеньку.

Я была ему ужасно рада. Мнѣ нравилось, что онъ такой высокій, что на немъ красивый мундиръ съ черными бархатными отворотами; что вихры у него коротко обстрижены и что лицо осталось совсѣмъ, совсѣмъ прежнее, только выросли маленькіе усики; но няня всегда рисовала ему точно такіе жженой пробкой, когда мы, бывало, наряжались. Это былъ совсѣмъ мой прежній Николенька, мой покорный и преданный другъ, и я велѣла ему сѣсть подлѣ меня, заговорила попрежнему на «ты» и такъ оживилась, что Адріанъ Григорьичъ позволилъ ему приходить ко мнѣ, какъ я только пожелаю. Послѣ маменька говорила, что не надо было мнѣ оставаться съ нимъ, съ офицеромъ, на «ты», но Адріанъ Григорьичъ строго запретилъ ей безпокоить меня такими глупостями.

Тетушка устраивала свадьбы сестеръ по только что появившейся въ Петербургѣ модѣ: молодые уѣзжали въ день свадьбы. Соня съ грекомъ въ его великолѣпное помѣстье, Грачи, а Лиза съ мужемъ въ городъ, куда онъ былъ назначенъ инспекторомъ гимназіи. Маменька никогда не противорѣчила тетушкѣ, а теперь даже находила, что это будетъ очень удобно, съ пріѣхавшими изъ другихъ городовъ женихами. Такое нарушеніе свадебнаго чина нѣсколько смущало наше общество; но авторитетъ тетушки былъ такъ силенъ, что узаконилъ и это нововведеніе. Только моя няня не могла никакъ съ этимъ примириться: негодовала, плакала, спорила съ маменькой и постоянно ворчала:

— Ужъ генеральша чего не выдумаетъ!.. Видишь, малъ нашъ домъ, такъ изъ-подъ вѣнца дочерей съ зятьями на тройки посадятъ, да и маршъ за двѣсти верстъ!.. у родителей въ двѣнадцати комнатахъ имъ съ мужьями мѣста нѣтъ! Растили, воспитывали, приданаго наготовили, а свадьбы сыграть какъ должно не могутъ... Изъ-подъ вѣнца прямо въ походъ... И говорятъ: «мода такая пошла»... Какая это мода... одна срамота!

Но все это она причитала до моей болѣзни. Моя болѣзнь все примирила; няня ужъ теперь радовалась, что хоть дѣвичникъ-то справятъ какъ слѣдуетъ: будутъ гости, музыка, танцы; Адріанъ Григорьичъ позволилъ. На меня надѣли Лизинъ бѣлый шитый пеньюаръ съ розовымъ бантомъ на груди, вплели розовыя ленты въ мои косы, которыя едва-едва, съ большимъ трудомъ, въ нѣсколько дней, расчесала мнѣ маменька, такъ онѣ страшно спутались во время моей болѣзни.

Когда сестры одѣлись къ вечеру, онѣ пришли съ женихами показать мнѣ свои туалеты; грекъ привелъ и своего сына. Это былъ маленькій, толстый мальчикъ, почти безъ шеи, съ красивымъ отцовскимъ лицомъ и его непріятными глазами. Намъ велѣли поцѣловаться. Онъ потрогалъ мои косы, мои руки и сказалъ, такъ же непріятно грассируя, какъ отецъ:

— Ты еще не скоро выздоровѣешь: ужъ очень ты худа!

Грекъ, а вслѣдъ за нимъ и Соня весело засмѣялись. Потомъ сынъ грека (какъ звала его Лиза) подошелъ къ моему туалету, къ письменному столику, кое-что потрогалъ, посмотрѣлъ и сказалъ:

— Все только однѣ глупыя бабьи затѣи!

Чему Соня съ грекомъ опять засмѣялись.

Мнѣ тоже все это казалось смѣшно. Приходилъ ко мнѣ и Адріанъ Григорьичъ въ старомодномъ фракѣ съ орденомъ на шеѣ, безъ грома и молніи, потому что пріѣхалъ не къ больной, а на балъ. Няня, нарядная и довольная, что гостей у насъ много и всего у насъ хорошо наготовлено, пришла ко мнѣ дежурить на весь вечеръ. До меня стали долетать звуки веселой музыки, но не возбуждали меня, какъ прежде: я такъ еще была слаба, что очень устала отъ моего туалета, отъ посѣтителей и покойно лежала на моей принаряженной постели, счастливая моимъ состояніемъ выздоравливающей и моимъ покоемъ.

Звеня по лѣстницѣ шпорами, прибѣжалъ ко мнѣ Николенька.

— Я тебѣ винограду принесъ, Адріанъ Григорьичъ прислалъ, позволилъ все скушать,—сказалъ онъ, подавая мнѣ виноградъ на хрустальной раковинкѣ.

Я съ удовольствіемъ съѣла нѣсколько ягодъ.

— Баринъ, Николай Степанычъ, посидите немножко съ Мирушкой, а я сбѣгаю, на нашихъ невѣстъ погляжу,—попросила его няня.

— Иди, иди, няня, я его не скоро отпущу,—сказала я.

— Я такъ, на минутку,—обѣщала намъ няня, уходя.

— Ну, разсказывай, Николенька, что тамъ дѣлаютъ. Очень тамъ весело?

— Да, очень весело, сейчасъ кадриль кончили, фрукты подаютъ, я къ тебѣ и прибѣжалъ. Андрей Кириллычъ все о тебѣ разспрашивалъ...

— Развѣ онъ тутъ?.. А мнѣ никто не сказалъ...

— Да, онъ совсѣмъ неожиданно... даже смѣется, что безъ приглашенія. Онъ только что пріѣхалъ съ какими-то французами, везетъ ихъ къ себѣ изъ Парижа на медвѣжью охоту. Узналъ, что у васъ свадьба, уложилъ своихъ французовъ спать, самъ явился на балъ твоихъ поздравить... завтра чуть свѣтъ уѣзжаетъ... Такой франтъ... веселый... Молодежь около него толпится; а онъ за твоей тетушкой ухаживаетъ...

— Боже мой... какъ бы я желала хоть однимъ глазкомъ взглянуть, что тамъ дѣлается... Хоть бы чуть-чуть... изъ коридора...

— Что же, изъ коридора, я думаю, тебѣ можно,—рѣшилъ глубокомысленно Николенька, заботясь, какъ всегда, только о томъ, чтобы мое желаніе было исполнено.

— Да, вѣдь, я даже встать не могу... У меня совсѣмъ силы нѣтъ...

— Хочешь, я тебя туда отнесу...

— Что ты, вѣдь, я ужъ большая... ты меня уронишь...

— Я?.. уроню тебя?.. Да я три пуда одной рукой поднимаю... Въ нашемъ выпускѣ я по силѣ первый...

— Такъ, въ самомъ дѣлѣ, Николенька, милый... снеси меня внизъ въ коридоръ... Только, знаешь, вѣдь я сама и подняться не могу...

— Да ты просто какъ перышко,—сказалъ онъ, поднимая меня и сажая къ себѣ на руку, какъ ребенка; обѣ мои туфли свалились, но мы не обратили на это вниманія. Голова у меня кружилась, и я обняла его за шею; мой широкій рукавъ зацѣпился за его эполетъ; галуны его воротника царапали мою голую руку; его жесткіе обшлага угнетали меня; я чувствовала всѣ пуговицы, которыя были у него на груди; отъ головы его сильно пахло жасминной помадой,—но я надѣялась все перенести. Мы спустились съ лѣстницы и остановились въ коридорѣ за толпившейся въ дверяхъ въ залъ прислугой; мы запретили имъ разступаться, чтобы насъ не замѣтили изъ зала: Николенька такой высокій, что мнѣ все видно черезъ ихъ головы. Нарядныя дамы, мужчины ходятъ по залу, непріятно мелькая передъ глазами. Я прислонилась головой къ головѣ Николеньки: такъ покойнѣе, если-бъ не этотъ ужасный жасминный запахъ... Ахъ, вотъ и Ступиловъ съ тетушкой!.. но я вижу ихъ какъ въ туманѣ... Ахъ, этотъ жасминъ...

— Посмотрите, прелестная живая картина,—сказалъ Ступиловъ тетушкѣ, показывая на насъ:—Головинъ, похищающій Мирочку!.. Но... ей совсѣмъ дурно...

Я очнулась у себя въ постели, и, кажется, не отъ спирта, который давали мнѣ нюхать, а отъ грознаго голоса Адріана Григорьича.

— Да, сударыня!—кричалъ онъ на маменьку:—баловъ не затѣваютъ, когда есть больныя въ домѣ... Однѣхъ ихъ не бросаютъ... мальчишкамъ ихъ не поручаютъ, будь они даже вновь испеченные офицеры...

— Онъ не виноватъ, это я сама...—заговорила я къ всеобщей радости. Около меня были всѣ мои родные; въ дверяхъ виднѣлись женихи; сынъ грека надѣлъ на руки мои потерянныя туфли и весело похлопывалъ ими у моей кровати. Няня плакала въ сторонѣ; около нея стоялъ Николенька съ самымъ несчастнымъ лицомъ; видно было, что только офицерскій чинъ мѣшалъ ему тоже плакать. Я позвала его къ себѣ и объявила окружающимъ, что я все-таки очень рада, что всѣхъ видѣла; а Адріану Григорьичу задорно сообщила, что я завтра непремѣнно пойду внизъ одѣвать сестеръ.

— Иди, иди, одѣвай, я тебѣ на завтра ничего не запрещаю; а только ужъ теперь прими лекарство и спи,—сказалъ онъ, наливая мнѣ ложку противной микстуры.

Сестры весело прощались со мной, возвращаясь къ прерваннымъ танцамъ. Маменька успокоила пяню, раздѣла, уложила, перекрестила меня, и я мирно заснула, радуясь, что хоть чуть-чуть да видѣла Ступилова.

XI.

На другой день на меня опять надѣли пеньюаръ съ розовымъ бантомъ, и папенька самъ снесъ меня въ гостиную, гдѣ должны были одѣвать къ вѣнцу сестеръ, и посадилъ въ большое покойное кресло. Тутъ были приготовлены два туалета, на которыхъ ужъ стояли привезенныя шаферами отъ жениховъ corbeilles de noce съ подарками невѣстамъ: великолѣпная отъ предводителя и скромная отъ жениха-учителя. Барышни пришли въ восторгъ, когда вынули изъ предводительской корзины прелестный parure изъ опаловъ съ брильянтами. Но пожилыя дамы, хорошо знающія, отчего зависитъ семейное счастье, начали таинственно перешептываться: опалъ приносилъ несчастье, и его, по преданіямъ, никогда не дарили невѣстамъ. Большой футляръ, переходя изъ рукъ въ руки, дошелъ до меня. На ручкѣ моего кресла сидѣлъ сынъ грека; онъ вынулъ вещи изъ футляра и положилъ ко мнѣ на колѣни. Я любовалась эффектомъ соединенія опаловъ съ брильянтами, ихъ игрой, а онъ показывалъ мнѣ самые крупные изъ нихъ и дорогіе.

— Хочешь, я скажу тебѣ секретъ?—шепнулъ онъ мнѣ.

— Скажи... если онъ не страшный.

— Знаешь, чьи эти вещи?

Я хотѣла сказать: Сонины, но удержалась.

— Твоего отца.

— Нѣтъ, мои,—сказалъ онъ, торжествуя.—Это брильянты моей матери... Я позволилъ папà дать ихъ поносить твоей сестрѣ... потому что она хо-о-рошенькая...—протянулъ онъ такъ же противно, какъ отецъ.—А потомъ, какъ буду совершеннолѣтній, подарю ихъ кому захочу... можетъ быть, тебѣ.

— Я ихъ не возьму,—сказала я.

— Почему не возьмешь?

— Мнѣ не надо чужихъ вещей.

— Да вѣдь онѣ тебѣ нравятся.

— Прелестныя. Только я не хочу забирать себѣ все, что мнѣ нравится.

— Это потому, что ты еще глупа... а когда будешь поумнѣе, да узнаешь, что они только заложены были въ четырехъ тысячахъ, а стоятъ вдвое больше, такъ будешь ихъ у меня просить, только ужъ тогда я тебѣ ихъ не дамъ,—сказалъ онъ, спрыгивая съ моего кресла.

Начали причесывать и одѣвать невѣстъ. По нашему обычаю ихъ причесывали и одѣвали молодыя дѣвушки, ихъ подруги... Обу-

валъ ихъ сынъ грека и долженъ былъ положить каждой на счастье по золотому въ правый башмакъ. Когда ихъ одѣли и онѣ вышли въ залъ, Соня поразила всѣхъ своей красотой. Къ ней необыкновенно шелъ вѣнчальный нарядъ; опалы съ брильянтами такъ и сверкали у ней вездѣ: въ ушахъ, на рукахъ, на шеѣ, на головѣ въ складкахъ воздушной фаты. Меня мучила мысль, что она не надѣла бы ихъ, если бъ знала, что они не ея...

Пріѣхали шафера жениховъ, привезли бонбоньерки и разносили ихъ дѣвицамъ на большихъ подносахъ. Потомъ папенька и маменька благословляли сестеръ, и это было такъ трогательно, что я очень плакала.

— Что ты нюнишь,—подошелъ ко мнѣ сынъ грека.—Тебѣ дали двѣ самыя красивыя и большія бонбоньерки.

— Хочешь, я тебѣ ихъ отдамъ?—сказала я сквозь слезы.

— Вотъ какая щедрая... только вѣдь я знаю, почему ты такая. Ты увѣрена, что твой долговязый дастъ тебѣ сейчасъ другія.

— У моего долговязаго нѣтъ бонбоньерокъ,—сказала я смѣясь:— онъ шаферъ невѣстъ, а бонбоньерки у жениховъ.

— Онъ все-таки ихъ тебѣ откуда-нибудь достанетъ. Папа говоритъ, что онъ богачъ и дуракъ...

Его позвали везти образъ. Сестры ѣхали въ церковь съ своими почетными дамами; шафера и всѣ дѣвицы ихъ сопровождали; въ церкви ихъ ожидало все приглашенное туда общество, а родители, по нашему обычаю, не должны были присутствовать при вѣнчаньи. Я очень устала, и маменька уложила меня въ своей комнатѣ на кушетку.

Обрядъ вѣнчанья продолжался долго: сначала вѣнчалась Соня и осталась дожидаться, пока вѣнчали Лизу, а потомъ обѣ пары слушали вмѣстѣ молебенъ. Гости, приглашенные въ церковь, пріѣхали къ намъ вмѣстѣ съ молодыми. При встрѣчѣ молодыхъ благословляли, пили шампанское, играла музыка. Сестры съ мужьями и шафера съ бокалами пришли ко мнѣ.

— Полюби моего мужа и моего сына,—сказала мнѣ тихо, тихо Соня, со слезами въ голосѣ.

Меня это такъ сильно тронуло, что я, поздравляя Лизу, шепнула ей: «Ради Бога не зови Сонина мужа грекомъ и Митю зови Митей», а сама начала плакать и стараться полюбить ихъ обоихъ.

Николеньку прислали развлекать меня, и онъ началъ разсказывать, какъ маменькинъ крестникъ, купеческій племянникъ Васенька Котовъ, который всѣмъ своимъ простымъ, добрымъ сердцемъ любилъ и уважалъ насъ, считалъ близкими родственницами и звалъ сестрицами, проникъ въ церковь, несмотря на полицію.

— Въ дверяхъ стоялъ полицейскій съ меня ростомъ и втрое шире меня,—разсказывалъ Николенька;—но онъ имѣлъ неосто-

рожность раздвинуть ноги, какъ Колоссъ Родосскій, Васенька и проскользнулъ... знаешь, какъ проходили тогда корабли... Ну, разумѣется, какъ обвѣнчали Софью Васильевну, онъ сейчасъ къ нимъ: «братецъ... сестрица... поздравляю съ законнымъ бракомъ...» Софьѣ Васильевнѣ было очень смѣшно, но она ласково его поблагодарила... et le grec a été assez gentil... [1])

— Не зови его, ради Бога, грекомъ... Онъ теперь мужъ Сони и мой братъ...

— Ты сама меня научила,—сказалъ смущенный Николенька.

— Вотъ объ этомъ я теперь и плачу... Теперь мнѣ надо любить его и его сына Митю...

За веселымъ обѣдомъ съ тостами и тушами не забывали и меня: когда пили здоровье молодыхъ, обѣ пары съ шаферами и шампанскимъ пришли ко мнѣ; а когда провозгласили тостъ за мое здоровье, всѣ гости при громкомъ тушѣ продефилировали мимо меня съ бокалами въ рукахъ, шумные и веселые; дамы меня цѣловали, мужчины цѣловали мнѣ руки и всѣ горячо желали здоровья. Тутъ обѣдъ сдѣлался необыкновенно шуменъ: почти всѣ гости рѣшили провожать молодыхъ за Волгу, до первой станціи; послали за своими тройками, за ямщиками; прислуга бѣгала, гости волновались. На дворѣ ржали лошади, кричали кучера, звенѣли колокольчики...

Во время этого шума и бѣготни сестры пришли ко мнѣ переодѣваться въ дорожныя платья. Маменька, няня, горничныя раздѣвали ихъ и укладывали ихъ вещи. Соня собрала свои опалы, полюбовалась ими, поиграла ихъ блескомъ, уложила въ футляръ и подала нянѣ:

— Отнеси Платону Александровичу; онъ укладывается у папеньки въ кабинетѣ.

Почему она отослала ему его подарокъ?.. Можетъ быть, узнала, что все это не его?.. Она стояла передъ зеркаломъ красивая и спокойная, какъ всегда, оправляя складки своего дорожнаго капота. Неужели ей не страшно уѣзжать съ этимъ человѣкомъ?.. Я вспомнила его красивые, непріятные глаза, которые дѣлались еще непріятнѣе, когда онъ смотрѣлъ на Соню... А вдругъ онъ дорогой убьетъ ее!.. Я начала быстро креститься отъ испуга, что мнѣ могла прійти въ голову такая ужасная мысль... Сердце у меня сильно билось. Въ это время вошла ко мнѣ проститься Сонина горничная, одѣтая по-дорожному, и мнѣ стало легче: она поѣдетъ въ возкѣ вмѣстѣ съ ними, и на козлахъ будетъ сидѣть ихъ лакей Виссаріонъ. Няня его не любитъ и зоветъ «каторжный»; а Ганя говоритъ, что онъ ничего... только шутникъ, и въ дѣвичьей всегда поднимался веселый смѣхъ, когда онъ появлялся тамъ.

---

[1]) И грекъ былъ довольно милъ.

Сестры переодѣлись. Маменька обняла, поцѣловала Соню и посадила подлѣ себя; Лиза стала передъ ней на колѣни, плакала и цѣловала ея руки. Пришла няня и сказала, что Платонъ Александровичъ проситъ поторопиться. Маменька вышла и привела съ собой папеньку и своихъ зятьевъ, какъ выражалась няня. Всѣ сначала сѣли, а потомъ стали передъ кіотомъ, маменька и Лиза на колѣняхъ; я тоже поднялась и молилась вмѣстѣ съ ними. Потомъ начали прощаться. Ахъ, какое жалкое лицо было у маменьки, когда она плакала, цѣловала и крестила ихъ! Какъ могутъ онѣ оставлять ее и уѣзжать съ этими людьми, которые такъ равнодушны къ ея горю!..

Слегка распекая всѣхъ, вошелъ Адріанъ Григорьичъ: вѣроятно, боялись, чтобы мнѣ не сдѣлалось дурно при прощаньѣ съ сестрами. Но мнѣ было только жаль маменьку, съ сестрами я простилась спокойно; я съ дѣтства привыкла къ ихъ отсутствію.

На другой день уѣхалъ и Николенька. Онъ обѣщалъ мнѣ онять пріѣхать, какъ только можно будетъ получить отпускъ. А еще черезъ день уѣзжала тетушка съ Митей, онъ эту зиму будетъ жить у нихъ и готовиться поступить на будущій годъ въ правовѣдѣніе: у тетушки для ея восьмилѣтняго сына Володи есть нѣмецъ и англичанка. Маменьку я все это время почти не видала, и, когда спрашивала объ ней няню, она только сердилась:

— Это все генеральша съ своими разговорами... Ужъ и дня ей мало... нынче чуть не всю ночь проговорили... Да развѣ кто ее переговоритъ!..

Митя, который, кажется, и у дверей подслушивалъ, сообщилъ мнѣ таинственно:

— Твои все съ тетушкой объ деньгахъ толкуютъ. А что имъ объ деньгахъ толковать! Взяли бы сколько хотѣли у Головина. Папа говоритъ, что онъ непремѣнно на тебѣ женится: ты его ловко забрала...

— Твой отецъ не могъ говорить такихъ глупостей,—сказала я, смѣясь.

— Нѣтъ, это не глупости! Объ этомъ всѣ говорятъ. Когда этотъ долговязый притащилъ тебя полумертвую на балъ, папа былъ очень недоволенъ... онъ говорилъ, что это просто скандалъ! А твои сестры его успокоивали: «c'est son ami d'enfance!.. c'est son ami d'enfance!..» [1]). Я тоже самъ слышалъ, какъ гости шушукались, что этого невозможно было допустить. А эта... какъ ее... хромая... Барычова, успокаивала ихъ и объясняла: «mais ce sont des futurs!.. On le reserve pour la petite depuis son enfance!» [2]). И

---

[1]) Это другъ ея дѣтства... это другъ ея дѣтства.

[2]) Это обреченные женихъ и невѣста... Его приберегаютъ ей съ самаго дѣтства.

всѣмъ разсказывала, сколько онъ еще наслѣдства получитъ... А этотъ вашъ Ступиловъ прямо въ глаза его зоветъ: «Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ».

— Это онъ изъ «Евгенія Онѣгина». А богатый Николенька или бѣдный, намъ все равно; денегъ его намъ не надо...

— Разсказывай, разсказывай! такъ я тебѣ и повѣрю!.. Да вамъ безъ его денегъ вывернуться нельзя... Твой отецъ за дочерьми много приданаго наобѣщалъ... а теперь отказывается... финтитъ...

— Не смѣй такъ говорить о папенькѣ!.. Уйди!.. уйди отъ меня сію минуту,—закричала я, какъ сумасшедшая, вскакивая съ постели.

Никогда ничего подобнаго со мной не бывало: я не только кричала, я готова была его вытолкать... Эффектъ былъ поразительный. Митя весь съежился и бросился изъ комнаты.

А я, какъ совершенно здоровая, быстро заходила по комнатѣ, вся полная совершенно новаго, незнакомаго мнѣ чувства: чувства страшнаго гнѣва: «Негодный, негодный мальчишка!..» повторяла я... и вдругъ вспомнила, что это сынъ Сони, что она должна жить съ нимъ... можетъ быть, всю жизнь!.. «Бѣдная, бѣдная моя Соня!» Я бросилась на постель, лицомъ въ подушку...

В. З. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВОЕ 25-ЛѢТІЕ МОИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МЫТАРСТВЪ [1].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Григорій Захаровичъ Елисѣевъ и жена его Екатерина Павловна. — Отношеніе Некрасова, Салтыкова и Елисѣева къ прочимъ сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ». — Четверги и понедѣльники у Елисѣевыхъ. — Николай Степановичъ Кутейниковъ.—Марья Александровна Марковичъ.

I.

Теперь я намѣренъ заняться характеристикою главныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ». При этомъ я не буду касаться Некрасова и Салтыкова, такъ какъ о нихъ немало было рѣчей и съ моей стороны, и со стороны другихъ лицъ, знавшихъ ихъ. Прямо перехожу къ Григорію Захаровичу Елисѣеву.

Елисѣевъ былъ средняго роста, приземистый и плотно скроенный, съ нѣсколько морщинистымъ лицомъ и широкими скулами, вообще представлялъ собою типическаго сибиряка. Густая, окладистая, сѣдая борода и длинные, тоже сѣдые волосы, вившіеся по плечамъ, придавали ему видъ библейскаго патріарха, такъ что заочно многіе прозывали его Саваоѳомъ. Вѣчно спокойный, разсудительный, взвѣшивающій каждое слово и немного себѣ на умѣ, онъ предста-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIX, стр. 35.

влялъ полную противоположность со своею женою, Катериной Павловной. Это была женщина невысокаго роста, худощавая, крайне нервная, экспансивная, юркая и подвижная, какъ ртуть. Вѣчно она съ кѣмъ-нибудь горячо спорила, причемъ въ ажитаціи спора начинала заикаться, что не мѣшало сыпаться изъ ея устъ рѣчамъ, какъ горохъ изъ мѣшка. Наиболѣе ожесточенные споры она вела, защищая права женщинъ, будучи рьяной поборницей женскаго вопроса, хотя должно замѣтить при этомъ, что взгляды ея на женскій вопросъ были своеобразны. Она допускала свободу чувствъ и расторжимость браковъ лишь для особъ своего пола, а никакъ не для мужчинъ, этихъ завѣдомыхъ собакъ. Боже сохрани, если мужчина осмѣливался бросить законную супругу и полюбить другую, и къ тому же еще невинную дѣвушку, «ангела», какъ она называла всѣхъ барышень, не извѣдавшихъ еще чаръ любви. Такой негодяй дѣлался заклятымъ ея врагомъ на всю жизнь, и при встрѣчѣ она готова была выцарапать ему глаза. Подобную непослѣдовательность она объясняла тѣмъ, что при условіяхъ нашей жизни, если женщина покидаетъ мужа, ему сполагоря: онъ не терпитъ отъ этого ни матеріальнаго, ни нравственнаго ущерба, тогда какъ покинутая мужемъ жена, кромѣ того, что остается часто безпомощною на улицѣ, терпитъ позоръ прозвища «соломенной вдовы».

Мужа своего, «папку», какъ она его называла, она любила до безумія, ревновала его, не взирая на его преклонный возрастъ, и въ концѣ концовъ не могла пережить его смерти: заразилась отъ него крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, отъ котораго онъ умеръ, и умерла черезъ нѣсколько дней послѣ него.

Елисѣевъ былъ истый народникъ; ему въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣмъ другимъ, «От. Записки» обязаны были своимъ народническимъ характеромъ. Но онъ принадлежалъ къ особенному типу народниковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ народниками-идеалистами, которые доводили народничество до нелѣпыхъ абсурдовъ. Онъ не дѣлилъ русскаго міра на два враждебные полюса—деревню и городъ, не полагалъ, что деревня—средоточіе всѣхъ добродѣтелей, а городъ—всѣхъ пороковъ, и не думалъ поэтому видѣть въ каждой деревнѣ рай земной, а въ каждомъ городѣ—Содомъ и Гоморру. Не идеализируя мужика, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ далекъ отъ того, чтобы видѣть въ физическомъ трудѣ панацею отъ всѣхъ нравственныхъ и физическихъ недуговъ, не заботился объ опрощеніи, о пріуроченіи себя къ суровому мужицкому обиходу. Скажу болѣе: онъ совсѣмъ не помышлялъ объ осуществленіи въ жизни какихъ бы то ни было личныхъ идеаловъ съ цѣлью эгоистическаго самосовершенствованія. Словомъ, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ честныхъ и любвеобильныхъ людей, которыхъ въ молодости жизнь поставила по служебной дѣятельности въ тѣсное соприкосновеніе къ народу. Путемъ многолѣтняго служебнаго опыта такимъ образомъ

имъ удавалось, глубоко и основательно изучивъ всѣ условія народной жизни, близко принять къ сердцу нужды и потребности народа,—нужды дѣйствительныя, а не измышленныя теоретически, путемъ кабинетныхъ умствованій. Всѣ они отличались поэтому однимъ неотъемлемымъ качествомъ: трезвою реальностью и практичностью всѣхъ своихъ взглядовъ. Не проповѣдуя никакихъ быстрыхъ и рѣшительныхъ переворотовъ, они въ то же время требовали, чтобы правительство прежде всего и болѣе всего заботилось объ увеличеніи народнаго благосостоянія, употребляя всѣ зависящія отъ него мѣры, практически осуществимыя и не только не представлявшія никакой опасности для государственнаго порядка, но, напротивъ того, ведущія къ большему упроченію его.

Чуждый какихъ-либо эксцентричностей, тихій и скромный въ своемъ домашнемъ обиходѣ, Елисѣевъ никогда не корчилъ изъ себя демагога, не дѣлалъ культа ни внутренняго, ни внѣшняго изъ своей любви къ народу, не питалъ пристрастія къ народнымъ пѣснямъ, зипунамъ, рукавицамъ: ни самъ никогда не носилъ народныхъ костюмовъ, не любилъ, когда и другіе наряжались въ нихъ. Я никогда не забуду, какъ сурово отнесся онъ ко мнѣ, когда однажды я пришелъ къ нему на дачу въ красной кумачной косовороткѣ. Вообще онъ не жаловалъ никакой рисовки, никакого мундира, позъ и фразъ. Не выходя изъ себя, легкими шуточками, игривыми и остроумными, тѣмъ не менѣе убійственно-мѣткими, онъ незамѣтно спускалъ человѣка съ его пьедестала и приводилъ его въ полное смущеніе. Такими же шуточками любилъ онъ охлаждать слишкомъ пылкій задоръ не знающаго жизни и разсуждающаго по книгамъ юнца. Съ ироническою улыбочкою на устахъ онъ задавалъ юношѣ вопросъ: предположимъ, что сегодня совершился бы въ Россіи переворотъ, и власть перешла бы всецѣло въ ихъ руки, что бы такое они стали въ такомъ случаѣ дѣлать? Юнецъ становился втупикъ или начиналъ плести такую невообразимую чушь, что ему и самому отъ нея дѣлалось тошно.

II.

Лично я познакомился съ Елисѣевымъ въ 1866 году, весною, передъ самымъ выстрѣломъ Каракозова. Ярко стоитъ въ моей памяти вся та паника, какая воцарилась въ домѣ Елисѣева послѣ его ареста. Помню, какъ разливалась въ неутѣшныхъ слезахъ Катерина Павловна, съ какою тревогою относилась она къ каждому звонку, особенно по вечерамъ, какъ подозрительно встрѣчала каждаго мало знакомаго гостя. Къ горю разлуки съ человѣкомъ, котораго она до безумія любила, присоединялось крайне стѣсненное матеріальное положеніе, въ которомъ осталась Катерина Пав-

ловна. «Современникъ» былъ закрытъ; никакихъ сбереженій про черный день у Елисѣевыхъ не было. Надо при этомъ отдать честь хозяину дома, въ которомъ квартировалъ Елисѣевъ; онъ не настаивалъ на платѣ за квартиру до тѣхъ поръ, пока дѣла Елисѣева не поправились. Они же были незавидны и по выходѣ Елисѣева изъ крѣпости. Тщетно пытался онъ сойтись съ Благосвѣтловымъ и работать въ его изданіяхъ. И лишь съ принятіемъ въ аренду Некрасовымъ «От. Записокъ» положеніе его снова упрочилось.

Принадлежа по своему положенію въ журналѣ къ тріумвирату, составлявшему высшую инстанцію редакторовъ, Елисѣевъ рѣзко отличался отъ двухъ остальныхъ тріумвировъ, Некрасова и Салтыкова, въ своихъ отношеніяхъ къ прочимъ сотрудникамъ «От. Записокъ».

Такъ, Салтыковъ держался совершенно въ сторонѣ отъ нихъ. Къ нему заходили, и онъ, въ свою очередь, заходилъ къ тому или другому лишь по дѣлу. Болѣе или менѣе интимно онъ ни съ кѣмъ не сближался. У него былъ свой особенный кругъ друзей и знакомыхъ, постороннихъ для журнала, съ которыми онъ дѣлилъ хлѣбъ-соль, игралъ въ винтъ и пр.

У Некрасова былъ, въ свою очередь, свой особенный кругъ знакомыхъ, членовъ англійскаго клуба, которые посѣщали его по вечерамъ въ назначенные дни для всенощныхъ картежныхъ бдѣній. Но въ то же время онъ далеко не держалъ себя по отношенію къ сотрудникамъ въ такомъ генеральскомъ отдаленіи, какъ Салтыковъ. Иногда онъ заходилъ то къ тому, то къ другому, не по однимъ дѣламъ, а просто такъ, какъ бы съ визитомъ. Съ такими визитами онъ бывалъ и у меня нѣсколько разъ, при чемъ въ послѣдній разъ навѣстилъ меня больного въ 1876 году, когда самъ боролся уже съ недугомъ, въ скоромъ времени уложившимъ его на смертный одръ.

Раза три или четыре въ годъ Некрасовъ устраивалъ у себя обѣды, на которые приглашалъ сотрудниковъ и нѣкоторыхъ изъ близкихъ друзей. Обѣды эти отличались изысканностью яствъ и питей. Нужно замѣтить, что Некрасовъ былъ знатокъ по кулинарной и питейной частямъ, принадлежалъ даже къ какому-то гастрономическому обществу, члены котораго конкурировали другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи необычайныхъ яствъ. Какіе были дорогіе обѣды въ этомъ обществѣ, можно судить по тому, что Некрасовъ хвалился какою-то селянкою, которая будто бы стоила что-то вродѣ восьми или десяти рублей тарелка.

Иногда Некрасовъ устраивалъ и ужины съ чтеніями авторами своихъ произведеній, которыя они желали пристроить въ «От. Запискахъ». Я помню три такія чтенія—Григоровича, А. Потѣхина и Михайловскаго.

Что касается Елисѣева, то въ противоположность Некрасову и Салтыкову онъ не ограничивался дѣловыми сношеніями или рѣд-

кими приглашеніями и визитами, а водилъ съ сотрудниками домашнее знакомство и дѣлилъ хлѣбъ-соль. Вообще, въ первые годы редактированія «От. Записокъ» Елисѣевъ велъ открытую жизнь. По четвергамъ у него были большія собранія съ ужинами, на которыхъ гостей бывало человѣкъ до пятидесяти. Здѣсь можно было встрѣтить писателей разныхъ болѣе или менѣе либеральныхъ органовъ. Въ то время не существовало еще такой непроходимой пропасти, какая впослѣдствіи разверзлась между сотрудниками «От. Записокъ» и тѣми представителями «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которые создали «Новое Время». «С.-Петербургскія Вѣдомости» считались дружественною газетою по отношенію къ «От. Запискамъ» и почтили переходъ ихъ въ руки Некрасова сочувственною статьею. «От. Записки» отвѣтили на этотъ привѣтъ впослѣдствіи тѣмъ, что устроили въ честь редакторовъ и сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» большой прощальный демонстративный обѣдъ въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ, когда В. Коршъ былъ отстраненъ отъ арендованія «С.-Петербургскими Вѣдомостями» и замѣненъ Баймаковымъ. А. С. Суворинъ былъ усерднымъ посѣтителемъ елисѣевскихъ журфиксовъ, и я живо помню, какъ жестоко распекала его Катерина Павловна за фельетонъ, въ которомъ онъ осмѣялъ Лядову, снявшуюся въ роли Елены Прекрасной въ слишкомъ соблазнительной позѣ. Кромѣ Суворина, Елисѣева посѣщалъ довольно часто и П. А. Гайдебуровъ со всѣмъ своимъ семействомъ, т.-е. съ женою Евгеніею Карловной и шуриномъ В. К. Кемницемъ. Послѣдній особенно памятенъ мнѣ тѣмъ, что устраивалъ малороссійскіе хоры на вечерахъ у Елисѣевыхъ. Что касается Гайдебурова, то по поводу статей его въ «Дѣлѣ», а потомъ въ «Недѣлѣ» возникали у Елисѣева съ нимъ ожесточенные дебаты. Вообще нельзя сказать, чтобы Елисѣевъ относился къ Гайдебурову съ полной симпатіей: постоянно замѣчалась въ этихъ отношеніяхъ не то сухость, не то насмѣшливость.

Къ половинѣ 70-хъ годовъ характеръ журфиксовъ значительно измѣнился. Не появлялись уже ни Суворинъ, ни Гайдебуровъ, ни многіе иные посѣтители первыхъ вечеровъ. Ихъ замѣнила молодежь: понаѣхали изъ провинціи племянники и племянницы Катерины Павловны,—Негрескулы, Гофштетеры и пр. Вмѣсто прежнихъ политическихъ споровъ и хоровыхъ пѣсенъ стали преобладать танцы и до и послѣ ужиновъ. Въ половинѣ же 70-хъ годовъ, когда Елисѣевъ началъ прихварывать, а у танцовавшей молодежи начали возникать романы, нежелательные Катеринѣ Павловнѣ, ревниво оберегавшей «ангеловъ», четверговые журфиксы были прекращены.

III.

Кромѣ четверговыхъ вечеровъ, у Елисѣевыхъ были интимные обѣды по понедѣльникамъ. По окончаніи редакціонныхъ собраній Елисѣевъ отправлялся въ сопровожденіи меня домой обѣдать. Кромѣ меня, подходили къ обѣду еще нѣкоторые болѣе близкіе знакомые Елисѣевыхъ: В. И. Покровскій, Н. С. Кутейниковъ, Марья Александровна Марковичъ (Марко-Вовчокъ), С. Н. Кривенко и нѣкоторые другіе.

В. И. Покровскій, тверской статистикъ, былъ рѣдко, лишь наѣздами въ Петербургъ, почему я мало зналъ его и ничего не имѣю сказать о немъ. Съ Кутейниковымъ же я съѣлъ не одинъ пудъ соли. Чиновникъ по министерству государственныхъ имуществъ, свѣдущій человѣкъ по земскимъ дѣламъ, хроникеръ «Новаго Времени», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ хорошій переводчикъ. Въ свое время пользовались общею извѣстностью и хорошо раскупались его переводы этическихъ трактатовъ Самуила Смайльса и, по правдѣ сказать, не даромъ Кутейниковъ взлюбилъ этого проповѣдника буржуазной морали, такъ какъ самъ былъ съ головы до ногъ истый буржуа. Наружность его была не блестяща. Это былъ мужчина семинарскаго типа, сутулый, неуклюжій, съ нетвердой, развинченной походкой, съ загребающей ногой, немного заикающійся,—словомъ, имѣлъ всѣ признаки человѣка съ крайне разстроенными нервами.

И дѣйствительно, нервы его были весьма ненормальны. Умѣренный и аккуратный въ своихъ привычкахъ, не имѣвшій никакихъ страстей и пороковъ, добродѣтельный семьянинъ и скопидомъ, усердно сколачивавшій капитальчикъ, въ то же время онъ былъ одержимъ несомнѣнною маніею преслѣдованія. Въ молодости у него была какая-то связь съ мѣщанкою; онъ прижилъ съ нею ребенка и воспитывалъ его. Съ матерью этого ребенка онъ давно разошелся, между тѣмъ вообразилъ, что она преслѣдуетъ его съ цѣлями вымогательства денегъ. Друзья сначала вѣрили его разсказамъ о шантажныхъ интригахъ злодѣйки, но вскорѣ убѣдились, что все это бредъ его больного воображенія. Это явствовалось изъ того уже, что онъ воображалъ, будто его со всѣхъ сторонъ окружаютъ шпіоны, слѣдуя по его пятамъ. Чуть въ комнату входилъ незнакомый ему человѣкъ и хотя бы вы прекрасно этого человѣка знали съ самой хорошей стороны, вы не въ состояніи были разубѣдить его, что это отнюдь не шпіонъ. Однажды я зашелъ за нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться къ общему знакомому, и, несмотря на то, что и лѣстница, и улицы, по которымъ мы шли, были совсѣмъ пустынны, ему все время казалось, что по пятамъ нашимъ идетъ шпіонъ. Замѣчательно, что въ настоящемъ случаѣ предполагались отнюдь не политическіе шпіоны,—малый былъ безукоризненно благонамѣренный человѣкъ,

набожно крестился въ церкви, когда провозглашались эктеніи о царствующемъ домѣ,—нѣтъ: предполагались шпіоны, спеціально посылаемые слѣдить за нимъ коварною шантажисткою.

Съ годами эта манія болѣе и болѣе овладѣвала несчастнымъ. Не излечила его и женитьба, совершенно согласная съ его идеаломъ семейной жизни. Такъ, онъ былъ вооруженъ противъ развитыхъ и эмансипированныхъ женщинъ, писательницъ, курсистокъ и т. п., и говорилъ, что женится не иначе, какъ на дѣвушкѣ изъ глухой провинціи, воспитанной въ страхѣ Божіемъ и чуждой какихъ-либо новыхъ идей, но въ то же время хорошей хозяйкѣ. Дѣйствительно, онъ вывезъ по своему вкусу жену изъ Петрозаводска, возросшую въ благочестивомъ чиновничьемъ семействѣ, невинную по части какихъ бы то ни было идейныхъ запросовъ, и ему ничего не стоило превратить ее въ безпрекословную рабыню своего семейнаго очага. Но это нимало не помогло: онъ продолжалъ бредить шпіонами и въ послѣдніе годы жизни у него не было иныхъ рѣчей; онъ видѣлъ шпіоновъ даже въ любомъ номерѣ «Новаго Времени».

— Вотъ,—говорилъ онъ:—прочтите эту передовую статью. Вы подумаете, что она написана по поводу испанскихъ дѣлъ? Нѣтъ, я вамъ скажу: тутъ въ каждой строкѣ дается предостереженіе прямо по моему адресу. Вамъ, непосвященному, это не понятно, а для меня ясно, какъ день.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ участвовалъ очень рѣдко, хотя у него была своя особенная роль. Такъ, когда нужно было на первыхъ страницахъ журнала сдѣлать какое-нибудь офиціальное извѣщеніе, сообщить во всѣхъ подробностяхъ ходъ болѣзни и смерть какого-нибудь высокопоставленнаго лица, или извѣстія съ поля военныхъ дѣйствій, словомъ, когда предстояли такія обязательныя темы, браться за которыя никому не было охоты, выручалъ Кутейниковъ.

IV.

Что касается М. А. Марковичъ, то, встрѣтя ее въ домѣ Елисѣевыхъ въ 1868 или 1869 году, я прежде всего былъ очень удивленъ однимъ обстоятельствомъ. Писаревъ, какъ извѣстно, былъ страстно влюбленъ въ нее. Не далѣе, какъ за два года передъ тѣмъ онъ самъ признавался мнѣ, что не въ состояніи ничего дѣлать, пока не добьется ея взаимности. Судя по этимъ словамъ, я ожидалъ встрѣтить молодую или, по крайней мѣрѣ, очень сохранившуюся особу очаровательной наружности. И каково же было мое удивленіе, когда передо мною предстала вдругъ дебелая матрона, правда, высокаго роста и атлетическаго сложенія, съ румянцемъ во всю щеку, но все-таки весьма уже пожилая. И еще бы: у нея былъ взрослый уже сынъ Богданъ, студентъ петербургскаго университета. Един-

ственное украшеніе ея лица были густѣйшія, можно сказать, даже мохнатыя черныя брови.

Да и не одинъ Писаревъ увлекался ею. Она постоянно была окружена самою зеленою молодежью. Тутъ были и студенты, и моряки, и пажи,—словомъ, люди всѣхъ званій и состояній. И всѣ они были у нея вѣчно на посылкахъ: одинъ посылался въ булочную Филиппова за шафраннымъ хлѣбомъ, другой въ Гостиный дворъ за гарусомъ, третій летѣлъ на Петербургскую сторону съ какой-нибудь записочкой.

Единственно чѣмъ можно было объяснить ея сердцеѣдство, это—недюжиннымъ умомъ и умѣньемъ вкрадываться въ душу собесѣдника, оплетая его со всѣхъ сторонъ кружевомъ утонченнѣйшей лести. По адресу молодежи пускались сверхъ этого томные взоры и немалая доза кокетства вродѣ взбѣганія бѣгомъ по крутой лѣстницѣ въ пятый этажъ, чтобы показать, что вотъ, молъ, какъ я еще сохранилась. Словомъ, въ началѣ знакомства она производила на васъ такое впечатлѣніе, что казалось и не найти другой такой симпатичной, душевной женщины: какъ она понимаетъ васъ, какъ сочувствуетъ вамъ во всемъ! Но мало-по-малу въ этомъ симпатичнѣйшемъ и задушевнѣйшемъ существѣ оказывалось немалая доза коварства: или она эксплоатировала васъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, или, расхваливая васъ въ глаза и увѣряя въ искреннемъ и горячемъ расположеніи къ вамъ, въ то же время зло осмѣивала васъ за глаза, или же, наконецъ, если замѣчала возможность поссорить васъ съ кѣмъ-нибудь, она не упускала случая воспользоваться этою возможностью. Замѣчательно при этомъ, что она ссорила самыхъ закадычныхъ друзей вовсе не изъ какихъ-нибудь личныхъ цѣлей, а просто такъ, находя въ этомъ такое же хищное упоеніе, какое испытываютъ любители боя быковъ, пѣтуховъ или чампіоновъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Марковичъ обнаруживала крайне легкомысленное отношеніе во всякому дѣлу. Такъ, она работала у книгопродавца Звонарева въ качествѣ переводчицы. Переводчица она была недурная, но ей лѣнь было переводить самой, и вотъ она, получая за листъ перевода по 15 рублей, передавала работу нуждающимся переводчицамъ рублей за 5, за 6, а сама почивала на лаврахъ, кладя въ карманъ двѣ трети платы. Ну, и поплатилась же она за это, наскочивши на ягоду одного съ нею поля: нѣкая переводчица, взявши отъ нея переводъ сказокъ Андерсена, списала цѣликомъ вагнеровскій переводъ, а Марковичъ и въ голову не пришло сличить рукопись съ вагнеровскимъ текстомъ. Звонаревъ и напечаталъ сказки въ такомъ видѣ. Произошелъ такимъ образомъ вопіющій плагіатъ, въ результатѣ котораго послѣдовалъ третейскій судъ, и Марковичъ пришлось выйти изъ этого суда съ довольно-таки поколебленной репутаціей.

Это судебное разбирательство не было единственнымъ въ жизни Марковичъ. Вообще она имѣла словно врожденную страсть къ

тяжбамъ. Съ кѣмъ только не судилась она въ продолженіе десятилѣтняго знакомства моего съ нею: и съ какимъ-то генераломъ, который переманилъ ея собаку, и съ парголовскимъ крестьяниномъ изъ-за дачи, и съ библіотекаремъ Семенниковымъ, требовавшимъ съ нея деньги за храненіе ея изданій. Но курьезнѣе всего была ея тяжба съ издателемъ и редакторомъ еженедѣльной газетки «Молва», издававшейся недолго въ продолженіе 1876 года. Приглашенная къ участію въ этомъ изданіи, она предложила свою повѣсть «Малиновое варенье». Повѣсть начали печатать съ перваго номера. Редакція полагала, что повѣсть займетъ не болѣе двухъ-трехъ номеровъ. Но проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а «Малиновое варенье» тянулось и тянулось безъ конца, ложась тяжелымъ бременемъ на скудный бюджетъ газеты, а плата за повѣсть была назначена большая, генеральская. Наконецъ редакція потеряла терпѣніе и рѣшилась прекратить печатаніе повѣсти, не дошедшей, кажется, и до половины. Марковичъ вломилась въ амбицію и потребовала третейскаго суда, но, сколько помнится, судъ не состоялся, не знаю ужъ почему,—отговорилъ ли кто Марковичъ отъ новаго скандальнаго процесса, или же она не нашла судей, которые взялись бы за это кляузное дѣло.

Все это, взятое вмѣстѣ, такъ оттолкнуло Марковичъ отъ всѣхъ ея друзей, что въ послѣдніе годы ея пребыванія въ Петербургѣ она совсѣмъ удалилась изъ литературныхъ сферъ; къ концу же 70-хъ годовъ и совсѣмъ оставила Петербургъ, удалившись на Кавказъ со своимъ вторымъ мужемъ, человѣкомъ значительно моложе ея.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Николай Константиновичъ Михайловскій. — Мои первыя встрѣчи съ нимъ.—Характеристика его.—Василій Степановичъ Курочкинъ.—Характеристика его.—Крушеніе «Искры».—В. Ст. Курочкинъ спасаетъ меня отъ дуэли съ Н. В. Максимовымъ.—Трагическая смерть В. Ст. Курочкина.—Трагикомедія Николая Степановича Курочкина и ея причины.

I.

Въ первый разъ я видѣлъ Михайловскаго въ концѣ 1868 или началѣ 1869 года, когда однажды вечеромъ онъ читалъ у Некрасова въ присутствіи нѣсколькихъ сотрудниковъ свой романъ «Борьба», о которомъ онъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Надо полагать, что впослѣдствіи онъ эксплоатировалъ этотъ романъ въ видѣ полубеллетристическихъ фельетоновъ («Въ перемежку», «Записки Темкина» и пр.). Но, по всей вѣроятности, выдержки эти брались изъ вто-

рой части. Первая же, читанная на вечерѣ у Некрасова, заключала въ себѣ дѣтство героя и жизнь его въ закрытомъ заведеніи. Интересно было бы знать, сохранилась ли въ бумагахъ, оставшихся послѣ Михайловскаго, эта первая часть? Несомнѣнно, она заключала въ себѣ богатый матеріалъ для біографіи Михайловскаго.

Второй разъ я встрѣтилъ Михайловскаго на вечеринкѣ у Н. С. Курочкина, на которой собралось нѣсколько ближайшихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ». Онъ въ первый разъ тогда присутствовалъ на нашихъ интимныхъ собраніяхъ. Кромѣ Курочкина, съ которымъ онъ былъ знакомъ раньше, никто не зналъ еще его, и насъ поразило, что въ продолженіе всего вечера онъ просидѣлъ молча, не проронивъ ни слова, такъ что, когда онъ ушелъ раньше другихъ, поднялись непріязненныя рѣчи по поводу его сенсаціоннаго молчанія и ранняго ухода: не знали, чему приписать это,—врожденной ли робости, или презрѣнію къ собесѣдникамъ, съ которыми не стоитъ сближаться.

Но это первое дурное впечатлѣніе быстро сгладилось, когда, войдя въ составъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», онъ волею-неволею началъ сближаться со всѣми нами. Не прошло и года, какъ онъ былъ уже душою общества на всѣхъ нашихъ молодыхъ собраніяхъ. Средняго роста, съ классически-правильными чертами лица, сіяющаго и физическою и духовною красотою, съ чрезвычайно-умными, проницательными глазами, съ зачесанными назадъ пышными бѣлокурыми кудрями, съ безукоризненно изящными манерами, онъ былъ кумиромъ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, съ которыми сближался,—и глубокимъ умомъ, и начитанностью, и свѣтлою жизнерадостностью.

Такимъ зналъ я Михайловскаго съ первой встрѣчи и до самой его смерти, въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ, столь же жизнерадостнымъ, подвижнымъ и безконечно-умнымъ. Недаромъ въ предисловіи къ первому изданію своихъ сочиненій онъ особенно подчеркнулъ, что съ первой написанной имъ строки онъ остается неизмѣннымъ во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ. Дѣйствительно, въ глазахъ всѣхъ знавшихъ его онъ въ продолженіе всей жизни являлся словно отчеканеннымъ, и такимъ былъ онъ не только въ своихъ сочиненіяхъ, но и въ самой своей личности, во всемъ обиходѣ своей жизни. На меня, по крайней мѣрѣ, онъ производилъ всегда такое впечатлѣніе, какъ будто подобно тому, какъ Венера изъ морской пѣны, онъ сразу явился на свѣтъ авторомъ «Что такое прогрессъ?», минуя всѣ свойственные людямъ возрасты.

Вообще человѣкъ крайне сосредоточенный, скрытный, каждую минуту державшій себя въ рукахъ и не любившій много распространяться о своей личности и прошломъ, Михайловскій представлялъ много загадочнаго въ своей личности. По крайней мѣрѣ и до настоящаго времени біографическія свѣдѣнія о немъ крайне скудны.

Такъ, намъ извѣстно, что онъ родился въ бѣдномъ дворянскомъ семействѣ. Тѣмъ не менѣе въ этомъ бѣдномъ семействѣ онъ получилъ блестящее, чисто дворянское воспитаніе: владѣлъ нѣсколькими языками, лихо танцовалъ мазурку, имѣлъ прекрасныя манеры, любилъ шампанское и дорогіе ликеры,—словомъ, съ головы до ногъ представлялъ собою чистокровнаго джентльмена.

Загадочнымъ въ моихъ глазахъ было и вотъ еще какое обстоятельство: въ первый разъ я былъ у Михайловскаго въ 1870 или въ 1871 г. Онъ былъ тогда еще холостой и жилъ въ двухъ комнатахъ. И вотъ тогда уже я видѣлъ у него большую библіотеку, простиравшуюся до потолка довольно высокой комнаты. Въ воспоминаніяхъ же своихъ Михайловскій описываетъ, какъ бѣдствовалъ онъ до своего вступленія въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», живя въ мансардѣ и не имѣя возможности ежедневно обѣдать. Спрашивается теперь, какъ это въ какіе-нибудь два-три года онъ успѣлъ пріобрѣсти такую большую библіотеку? Развѣ что она досталась ему цѣликомъ въ наслѣдство?

Загадочно наконецъ и то, когда успѣлъ Михайловскій написать все, что было написано имъ въ теченіе жизни? Удивляетъ при этомъ не одно количество написаннаго, но тѣмъ болѣе качество. Нимало не было бы удивительно, если бы журналистъ написалъ вдесятеро болѣе Михайловскаго. Но обратите вниманіе, что вы не найдете у него ни одной страницы, которая имѣла бы видъ спѣшнаго борзописанія; каждая статья его имѣетъ характеръ солидной научной работы съ ссылками на различныя иностранныя сочиненія и цитатами изъ нихъ. Невольно впадаешь въ недоумѣніе: когда же успѣвалъ Михайловскій навести всѣ эти справки, намѣтить цитаты и пр.? Къ тому же онъ писалъ все собственноручно, не прибѣгая ни къ стенографіи, ни просто къ диктовкѣ.

Ко всему этому онъ отнюдь не былъ аскетомъ и педантомъ, денно и нощно корпѣвшимъ надъ книгами: онъ любилъ посѣщать многолюдныя и шумныя собранія, участвовалъ въ публичныхъ чтеніяхъ, дружескихъ пирушкахъ и пикникахъ, не пропускалъ ни одного студенческаго бала, не чуждался женщинъ, которыя взапуски ухаживали за нимъ, любилъ путешествовать (хотя «заграницы» не любилъ). Прибавьте ко всему этому массу черной журнальной работы: корректуръ, чтенія, правки рукописей и пр. Вотъ и подумайте: какъ могъ совмѣстить все это человѣкъ?

Умѣнье располагать временемъ и силами и въ часъ сдѣлать болѣе, чѣмъ иному удается въ сутки,—тайна людей богато одаренныхъ, и они уносятъ эту тайну въ могилу, предоставляя обыкновеннымъ смертнымъ лишь дивиться, какимъ волшебствомъ успѣли эти люди такъ много сдѣлать, имѣя въ то же время видъ праздныхъ гулякъ.

Очень возможно, что именно тому, что ничто человѣческое не было Михайловскому чуждо, и что со всею жадностью своего холери-

ческаго темперамента стремился онъ упиться всѣми благами жизни, съ равнымъ увлеченіемъ и работая, и наслаждаясь, онъ и былъ обязанъ преждевременною смертію. Его нервы слишкомъ часто и сильно напрягались, и сердцу приходилось слишкомъ много работать, усиленно биться, волнуясь то радостями, то невзгодами, наконецъ оно изнемогло.

II.

Въ литературныхъ кружкахъ того времени играли большую или меньшую роль три брата Курочкины—старшій Владиміръ, средній Николай и младшій Василій. Владиміръ мало былъ причастенъ къ литературѣ, только тѣмъ и ознаменовалъ себя въ ней, что занимался книжной торговлей, издалъ «Невскій сборникъ» и издавалъ «Книжный Вѣстникъ» подъ редакціей своего брата Николая. Я мало былъ съ нимъ знакомъ, такъ что у меня не сохранилось о немъ никакихъ воспоминаній. Другое дѣло—о братьяхъ его. Съ ними я съѣлъ не одинъ пудъ соли, и о нихъ поведу я теперь рѣчь.

Здѣсь мы вступаемъ въ серію людей трагическихъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести не только Курочкиныхъ, но также и Демерта. Трагическими я называю эти личности потому, что преждевременная смерть ихъ является результатомъ именно тѣхъ трагедій, которыя пришлось имъ переживать въ своей жизни.

Особенною цѣльностью отличается трагедія Василія Курочкина. Въ ней есть даже нѣчто поистинѣ фатальное въ духѣ древнихъ трагедій. Такъ, онъ могъ бы ограничиться ролью, во всякомъ случаѣ очень почтенною, талантливаго переводчика Беранже. Но надъ нимъ тяготѣлъ рокъ, который возвысилъ его на головокружительную высоту и съ этой высоты низвергъ его въ бездну ничтожества и отчаянія.

В. Курочкинъ былъ вполнѣ сынъ 60-хъ годовъ, ихъ созданіе и воплощеніе, столь же, какъ и они, экспансивный, искренній, склонный къ громкимъ протестамъ, исполненный горячаго энтузіазма и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждый малѣйшей практичности и умѣнья сообразоваться съ обстоятельствами.

И вотъ этого-то безкорыстнаго энтузіаста въ области идей и ребенка въ практической жизни 60-е годы выдвинули въ качествѣ создателя русской сатирической прессы. Въ этомъ отношеніи Курочкинъ былъ въ положеніи Петра Великаго, когда тотъ создавалъ флотъ: ему точно также приходилось все создавать изъ ничего. Вы сообразите только, что у насъ не было ничего подготовлено для политической сатиры: не существовало ни малѣйшей традиціи въ этомъ родѣ. Курочкину приходилось создавать самому и сатириковъ, и карикатуристовъ, заказывая и внушая темы для карикатуръ. И таковы были энтузіазмъ, талантъ и энергія создателя сатирической

прессы, что, преодолѣвъ всѣ трудности, Курочкинъ явился передъ публикой во всеоружіи политической сатиры со своею знаменитою «Искрой».

И вотъ представьте себѣ, что послѣ того, какъ этотъ человѣкъ сдѣлался всероссійскою грозою для всѣхъ взяточниковъ, казнокрадовъ, вообще людей съ нечистою совѣстью и съ рыломъ въ пушку, послѣ того, что попасть въ «Искру» было такъ же страшно, какъ и въ «Колоколъ»,—«Искрѣ» пришлось погаснуть отъ перваго дуновенія реакціи.

Правда, «Искра» умирала медленною агоніею, но какая это была тяжелая и мучительная агонія! Приходилось все болѣе и болѣе сбавлять тонъ и вслѣдствіе одного этого терять подписчиковъ. Съ 1865 года Курочкина покинулъ его соиздатель Степановъ, основавшій свою собственную сатирическую газету—«Будильникъ». Курочкину пришлось вести дѣло одному, имѣя сильнаго конкурента, и между тѣмъ, какъ Степановъ сумѣлъ такъ приноровиться ко времени, что «Будильникъ» его просуществовалъ многіе годы,—Курочкинъ былъ слишкомъ человѣкъ 60-хъ годовъ, чтобы быть способнымъ гнуться подъ напоромъ реакціи. Начались цензурныя гоненія, пріостановки журнала по тѣмъ или другимъ причинамъ, въ родѣ, напримѣръ, внезапнаго исчезновенія редактора (В. К. Леонтьева), которое повело пріостановку «Искры» на нѣсколько мѣсяцевъ, и она могла возобновиться лишь 7 февраля 1873 года, упустивъ время подписки на газеты. Въ концѣ 60-хъ годовъ надъ «Искрою» висѣли уже два предостереженія. Въ 1870 году «Искра» по цензурнымъ условіямъ принуждена была выходить безъ карикатуръ. Но «Искра» безъ карикатуръ—вѣдь это была словно муха съ оборваннымъ крыльями. Едва просуществовавъ въ такомъ обезображенномъ видѣ два года, она принуждена была прекратиться на № 36-мъ 1873 г.

Насильственное прекращеніе періодическихъ изданій—обычное явленіе въ нашей журнальной практикѣ, и издатели имѣли время привыкнуть къ нему. Мало-мальски практичные издатели такъ или иначе изворачиваются и предпринимаютъ новыя изданія. Такъ, ни Некрасовъ, ни Благосвѣтловъ не погибли послѣ того, какъ были закрыты «Современникъ» и «Русское Слово». Совсѣмъ другое дѣло—Курочкинъ... Все существо его сливалось съ «Искрою» въ одно неразрывное цѣлое. «Искра»—это былъ онъ самъ. Въ нее вложилъ онъ и все свое состояніе, и всю свою душу, и гибель «Искры» была вмѣстѣ съ тѣмъ гибелью и его самого.

Къ сожалѣнію, я не зналъ Курочкина, когда онъ былъ на высотѣ своего величія, и познакомился съ нимъ лишь въ началѣ 70-хъ годовъ, когда «Искра» выходила уже безъ карикатуръ и боролась съ смертію, и съ первой же встрѣчи съ Курочкинымъ я рѣшилъ въ своей душѣ, что не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ,—такимъ выглядѣлъ онъ безпомощно жалкимъ. Я не могу выкинуть изъ головы того пол-

наго мрачнаго унынія взгляда, которымъ часто вспыхивали глаза покойнаго въ послѣдніе годы его жизни, порою въ самыя веселыя минуты общаго веселаго настроенія. Въ этомъ взглядѣ чуялся ужасъ смерти. Такъ глядятъ утопающіе съ разбитаго корабля, качающіеся на бревнышкѣ по волнамъ безбрежнаго океана; такъ глядятъ чахоточные, прислушивающіеся къ глухому хрипѣнію въ своихъ разлагающихся легкихъ; такъ глядятъ растерянные въ жаркой схваткѣ бойцы, окруженные безпощадными врагами. Такимъ именно поверженнымъ бойцомъ представлялся мнѣ Курочкинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вы представьте только себѣ человѣка, который создавалъ нѣкогда вокругъ себя сатириковъ и карикатуристовъ и гремѣлъ на всю Россію своимъ страшнымъ изданіемъ, а теперь былъ принужденъ работать въ газетѣ Полетики сотрудникомъ-наемникомъ, писать съ отвращеніемъ срочные стихотворные фельетоны изъ-за куска хлѣба, чтобы не умереть съ голоду съ семействомъ. Если бы еще близъ него была добрая любящая душа, которая ободряла бы его и утѣшала, дѣля съ нимъ радость и горе, но дома онъ находилъ адъ кромѣшный въ видѣ мегеры, которая въ бѣшеной запальчивости бросала ему въ лицо горячія котлеты. Нѣтъ ничего мудренаго, что загулы его, учащаясь, превратились мало-по-малу въ почти безпрерывный запой.

Лѣтомъ въ 1875 году онъ жилъ на дачѣ въ Третьемъ Парголовѣ, недалеко отъ моей дачи. Мы ежедневно видѣлись съ нимъ, купались вмѣстѣ, играли даже однажды въ преферансъ. Передъ самой смертью онъ въ нѣкоторомъ родѣ былъ моимъ спасителемъ, избавивъ меня отъ грозившаго мнѣ вызова на дуэль.

Дѣло заключалось въ томъ, что незадолго до того въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», говоря о безцеремонно-развязномъ и пьяномъ ухарствѣ нѣкоторыхъ газетныхъ фельетонистовъ, я сравнилъ ихъ съ гоголевскими героями въ родѣ капитана Пѣтухова и мичмана Дырки. Въ то время подвизался въ литературѣ братъ извѣстнаго этнографа С. В. Максимова-Н. В. Максимовъ. Онъ носилъ морской мундиръ и вообразилъ, что подъ мичманомъ Дыркой я подразумѣваю никого иного, какъ его. Нрава онъ былъ весьма крутого и, вскипѣвъ, бросился въ Парголово съ цѣлью вызвать меня на дуэль. Не зная, гдѣ я живу, онъ зашелъ къ Курочкину, чтобы тотъ указалъ мой адресъ. Но Курочкинъ, узнавъ о цѣли пріѣзда Максимова въ Парголово, оказалъ ему такое щедрое гостепріимство, что Максимовъ забылъ, гдѣ онъ и кто онъ, и на другое уже утро, переночевавъ у Курочкина, уѣхалъ въ Петербургъ, махнувъ на меня рукой и не осчастлививъ меня своимъ посѣщеніемъ.

Все это было въ первой половинѣ лѣта, а во вторую половину Курочкинъ такъ сильно запилъ, что не показывался уже съ дачи. Къ тому же погода испортилась, наступили чисто осенніе холода;

дождь лилъ каждый день почти безъ перерыва. Курочкинъ простудился и схватилъ острый ревматизмъ всего тѣла. И вотъ представьте себѣ, что онъ творилъ со своимъ организмомъ: въ теченіе дня онъ старался заглушать адскія боли подкожными впрыскиваніями морфія и колоссальными дозами алкоголя до полнаго опьянѣнія, а такъ какъ на другое утро ему предстояло писать фельетонъ, то на ночь онъ принималъ лошадиную дозу хлоралъ-гидрата. Какое нужно было имѣть здоровое сердце, чтобы выдержать такой режимъ! И ко всему этому нужно еще присоединить ежедневныя домашнія дрязги, не дававшія несчастному ни минуты покоя.

Однажды подъ вечеръ я шелъ по Третьему Парголову мимо дачи, на которой жили Курочкины. Вокругъ было мрачно; зловѣщія тучи, погоняемыя холоднымъ вѣтромъ, бѣжали надъ самыми деревьями. И вдругъ слышу я, изъ оконъ дачи Курочкиныхъ по всей улицѣ пронесся раздирающій голосъ Курочкина:

— Наталья Романовна!

И столько показалось мнѣ въ этомъ возгласѣ рыдающаго укора, столько смертельнаго отчаянія, что я положительно похолодѣлъ отъ ужаса, словно въ предчувствіи близкаго вѣянія смерти. А вѣтеръ вылъ и тучи неслися въ смятеніи... Бываютъ въ жизни мгновенія, которыя никогда не забываются и всегда волнуютъ васъ такъ же мучительно, какъ и тогда, когда вы ихъ пережили.

Въ началѣ августа Курочкинъ съѣхалъ съ дачи, а 15-го его не стало. Смерть его была такъ загадочна, что родные заподозрѣли въ ней нѣчто въ родѣ убійства и обратились къ прокурорскому надзору. Началось судебное слѣдствіе. Между другими давалъ и я показанія о жизни Курочкина въ Парголовѣ. Но слѣдствіе это не повело ни къ чему. Въ результатѣ его оказалось лишь, что смерть послѣдовала вслѣдствіе того, что по ошибкѣ врача или аптекаря больному было впрыснуто такое количество морфія, какое было достаточно, чтобы послѣдовалъ параличъ сердца. Но я убѣжденъ, что и помимо этой роковой ошибки употребленіе одновременно морфія и хлорала могло бы привести къ тому же результату.

III.

Трагедія Н. С. Курочкина рѣзко отличалась отъ трагедіи его брата тѣмъ, что въ ней была немалая доля комизма, такъ что это была, собственно говоря, трагикомедія. Хотя, Богъ ихъ знаетъ, гдѣ граница между трагедіей и комедіей! Не помню, кто-то изрекъ такую поразительно глубокую мысль, что въ каждой комедіи неизмѣримо болѣе трагическаго, чѣмъ въ чистой трагедіи. Какъ бы ни было смѣшно то или другое отступленіе отъ идеальной нормы, но развѣ не прискорбно оно въ то же время, именно какъ иска-

женіе въ человѣкѣ человѣка? Нѣтъ такого смѣха, который не таилъ бы въ себѣ горькихъ слезъ.

Трагедія Н. С. Курочкина заключалась въ томъ, что онъ свернулъ съ намѣченнаго имъ пути и измѣнилъ своему призванію. Онъ съ успѣхомъ кончилъ курсъ въ медицинской хирургической академіи, затѣмъ въ качествѣ врача совершилъ плаваніе въ Средиземное море на какомъ-то военномъ суднѣ. Словомъ, шелъ по медицинской части, и если бы продолжалъ избранный путь, то хотя бы и не ознаменовалъ себя чѣмъ-либо замѣчательнымъ и выдающимся, во всякомъ случаѣ могъ мирно прожить свой вѣкъ болѣе или менѣе порядочнымъ врачомъ. Но литературные успѣхи брата вскружили ему голову, и вотъ, забросивъ медицину до полнаго забвенія, онъ вознамѣрился сдѣлаться во что бы то ни стало литераторомъ. Но таланта у него для мало-мальски видной роли въ литературѣ не хватило, и ему пришлось всю жизнь состоять въ рядахъ такъ называемыхъ «литературныхъ братьевъ». Этотъ неуспѣхъ, видимо, огорчалъ его внутренне, и подъ его гнетомъ онъ началъ медленно облѣниваться, опускаться и разлагаться и физически, и нравственно.

Въ молодости онъ былъ, конечно, и подвижнѣе, и энергичнѣе, судя по тому, что онъ представлялся человѣкомъ бывалымъ, начитаннымъ, зналъ нѣсколько языковъ, былъ въ то же время тонкій знатокъ и по винной, и по гастрономической части, любя въ мѣру и поѣсть, и выпить. Но когда я съ нимъ познакомился (во второй половинѣ 60-хъ годовъ), онъ представлялъ уже собою опустившагося и излѣнившагося байбака, ведшаго неподвижный образъ жизни. Невысокаго роста, толстенькій, на коротенькихъ ножкахъ, съ большою головою, съ заплывшими жиромъ щеками, онъ вѣчно сидѣлъ на своемъ диванѣ, поджавши по-японски подъ себя калачикомъ ноги и опираясь на положенную на нихъ подушку. Въ такой позѣ китайскаго божка онъ и писалъ, и читалъ, и ѣлъ, и пилъ... «Иконописная», по выраженію Михайловскаго, старушка Аксинья Васильевна, прислуживавшая ему, не имѣла обыкновенія убирать за нимъ, и онъ вѣчно утопалъ въ невыразимой грязи, среди окурковъ, объѣдковъ и всяческаго мусора, напоминая собою Іону-циника романа Писемскаго.

Ко всѣмъ странностямъ его слѣдуетъ присоединить картавость. Вмѣсто звука «р» онъ произносилъ «гь». Въ разговорной рѣчи это было не такъ еще замѣтно, но когда онъ принимался декламировать стихи, онъ иногда вызывалъ своей картавостью неудержимый смѣхъ. Такъ, Тургеневъ разсказывалъ о Курочкинѣ такой анекдотъ. Однажды русскіе эмигранты въ Парижѣ, пользуясь наплывомъ русскихъ богатыхъ жуировъ, обратились къ Тургеневу съ просьбою прочитать что-нибудь публично въ ихъ пользу. Тургеневъ охотно согласился, но, не ограничиваясь одною своею особой,

воспользовался тѣмъ, что въ Парижѣ находилось въ то время нѣсколько извѣстныхъ русскихъ писателей, и устроилъ литературное утро. Въ числѣ приглашенныхъ читать былъ между прочимъ и Курочкинъ, бывшій тогда тоже въ Парижѣ.

— Представьте себѣ,—разсказываетъ Тургеневъ,—мой ужасъ: взошелъ Курочкинъ на каѳедру, до свирѣпости мрачный, окинулъ внушительнымъ взглядомъ исподлобья залу, провозгласилъ:«Гробы» и началъ: «Въ гробъ твою мать положили»... Подумайте, что это такое вышло безъ «еровъ»! А тутъ вокругъ—«фраки, модные жилеты, тальи стянутыя мило»... Я положительно желалъ во все время чтенія этихъ «Гробовъ» провалиться подъ землю.

Когда я познакомился съ Курочкинымъ, онъ еще усердно работалъ, не менѣе усердно пировалъ съ нами, выходилъ изъ дома,—словомъ представлялъ собою вполнѣ здороваго человѣка. Но мало-по-малу онъ началъ выходить изъ дома все рѣже и рѣже, работать началъ черезъ пень въ колоду и вѣчно жаловался на разнообразныя болѣзни: то находилъ у себя движущуюся почку, то діабетъ, то аневризмъ, то порокъ сердца, и пр. Умственныя способности его тоже замѣтно гасли. Прежде онъ былъ порядочнымъ переводчикомъ; подъ конецъ же жизни, ограничиваясь лишь переводами парижскихъ писемъ Шоссена, онъ переводилъ такъ скверно, что исправленіе рукописей его было положительно каторгою.

Подъ конецъ жизни умственныя способности его ослабѣли до такой степени, что онъ, свободомыслящій реалистъ, дошелъ въ леченіи своихъ разнообразныхъ болѣзней до ясновидѣнія и гомеопатіи. Такъ, онъ усыплялъ гипнотическимъ сномъ одного изъ своихъ воспитанниковъ, и тотъ диктовалъ ему лекарства такимъ образомъ, что для излеченія его слѣдуетъ отправиться въ такую-то аптеку и тамъ взять лекарство изъ банки, стоящей на верхней полкѣ направо. Курочкинъ посылалъ воспитанника узнать, что находится къ указанной банкѣ, и сообразно указанію составлялъ рецептъ.

Что касается гомеопатіи, то онъ большую вѣру питалъ въ крупинкамъ доктора Маттеи, и вѣра эта осталась непоколебимой, несмотря на такой вопіющій опытъ. Однажды я посѣтилъ его вмѣстѣ съ С. Н. Кривенкомъ. Курочкинъ, конечно, не замедлилъ распространиться насчетъ своихъ болѣзней и началъ восхвалять крупинки Маттеи, увѣряя, что онѣ только однѣ ему хоть сколько-нибудь помогаютъ.

— Вѣдь вотъ, посмотрите,—сказалъ онъ, указывая на маленькую скляночку:—какая мелочь, чисто какъ пшено, а какое могучее дѣйствіе имѣетъ это пшено: достаточно десяти крупинокъ, чтобы съ вами произошла сильнѣйшая рвота.

Кривенко, ни слова не говоря, схватилъ склянку, всыпалъ себѣ въ ротъ все содержимое, и разомъ его проглотилъ. Курочкинъ въ ужасѣ ничего не могъ сказать, только ротъ разинулъ въ оцѣпенѣ-

ніи. Мы начали нетерпѣливо ожидать, когда послѣдуетъ дѣйствіе лекарства, но прошелъ часъ, другой, и никакого результата не оказалось. Тогда Курочкинъ съ упорствомъ непоколебимо вѣрующаго человѣка замѣтилъ:

— Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. Дѣло въ томъ, что по системѣ д-ра Маттеи лекарство можетъ оказывать свое дѣйствіе лишь тогда, когда оно будетъ принято въ той дозѣ, какъ это предписано. Я посмотрѣлъ бы, что было бы съ вами, если бы вы приняли лишь десять крупинокъ, ни больше, ни меньше. Вѣдь и морфіемъ можно отравиться лишь тогда, когда вы примете его въ опредѣленной дозѣ, а при увеличеніи количества пріема онъ теряетъ уже свое дѣйствіе.

Что же оставалось намъ послѣ такихъ доводовъ какого ни на есть, а все-таки спеціалиста по медицинѣ, какъ лишь пожать плечами и развести руками.

Я положительно не понимаю, какъ умудрялся Курочкинъ существовать, получая изъ «Отечественныхъ Записокъ» не болѣе ста рублей въ мѣсяцъ, принимая при этомъ въ соображеніе, что онъ жилъ не одинъ, а постоянно пріючалъ у себя двухъ-трехъ воспитанниковъ, которыхъ выводилъ въ люди, и къ тому же имѣлъ разныя прихоти: то вздумаетъ въ январѣ полакомиться земляникою, и покупаетъ блюдо ея за десять рублей, оправдываясь тѣмъ, что иной въ одинъ вечеръ болѣе проиграетъ въ карты, такъ отчего же ему въ кои вѣки не полакомиться? То вдругъ вздумается ему купить шарманку и по цѣлымъ вечерамъ наслаждается онъ ея хрипящими и свистящими звуками.

Но пока существовали «Отечественныя Записки», какъ ни трудно было положеніе Курочкина, онъ кое-какъ все-таки перебивался и сводилъ концы съ концами. Съ прекращеніемъ же «Отечественныхъ Записокъ» въ 1884 году всѣ средства къ существованію исчезли, и Курочкину грозила нищета. Но онъ не пережилъ этого злополучнаго года. Несмотря на свои многочисленныя болѣзни, умеръ онъ замѣчательно спокойно: утромъ 2-го декабря всталъ съ постели, усѣлся на свой диванчикъ, по обыкновенію сложивъ ножки калачикомъ и положивъ на нихъ подушку. Аксинья Васильевна принесла ему стаканъ кофе и бѣлый хлѣбъ. Когда же, спустя нѣкоторое время, она вновь вошла въ кабинетъ къ барину, она увидѣла, что стаканъ съ кофе былъ опрокинутъ, а Курочкинъ сидѣлъ попрежнему калачикомъ, опустивъ на подушку голову, и былъ уже мертвъ.

А. М. Скабичевскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЯЖЕЛОЕ НАСЛѢДСТВО.

Повѣсть.

I.

Въ ОТКРЫТЫЯ окна фабричной конторы крупнаго провинціальнаго центра лѣтомъ 1906 г. весело врывался шумъ фабрики: она и жужжала, и пыхтѣла, и шипѣла, и гудѣла. Иногда, когда вѣтеръ менѣе явственно доносилъ этотъ общій шумъ, мерещилось, что отрядъ кавалеристовъ переплываетъ рѣку, что лошади фыркаютъ, а люди ихъ подбодряютъ, или что рабочіе вбиваютъ въ рѣчное дно громадныя сваи и ухаютъ всякій разъ, какъ опускается баба. Потомъ вѣтеръ снова сильнѣе доносилъ общій шумъ фабрики; онъ покрывалъ отдѣльные звуки, и тогда казалось, что могучій водопадъ гдѣ-то совсѣмъ близко мечется и реветъ.

За большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ конторскими книгами, сидѣлъ хозяинъ фабрики, Павелъ Ивановичъ Андерсъ, старикъ съ громадной копной сѣдыхъ волосъ, короткими бакенбардами, нависшими бровями и съ красноватымъ лицомъ. Голова его была опущена надъ тетрадью, которую онъ внимательно изучалъ.

— Ѳедоръ Ѳедорычъ! — крикнулъ онъ вдругъ, и его голосъ покрылъ шумъ фабрики. — Ѳедоръ Ѳедорычъ! — крикнулъ онъ еще разъ, не отрываясь отъ тетради.

Въ хозяйскій кабинетъ неслышно вошелъ быстрой походкой управляющій Андерса, Ивановъ, мужчина лѣтъ сорока, невысо-

каго роста, плотный, съ чисто русскимъ складомъ лица, и остановился у самаго стола.

Хозяинъ ткнулъ пальцемъ въ тетрадь.

— Вѣрно?—спросилъ онъ лаконически.

— Ошибки нѣтъ.

— Рабочіе не обидятся? Не мало ли?

— Въ самый разъ.

Отрывистымъ движеніемъ руки Андерсъ отпустилъ управляющаго. Тотъ тою же быстрой походкой вышелъ изъ кабинета, а хозяинъ опять погрузился въ тетрадь.

Въ другихъ дверяхъ показался долговязый Сёркинъ, артельщикъ при фабричной конторѣ. Не бросивъ взгляда на хозяина, онъ сталъ по складамъ медленно считывать съ визитной карточки:

— Ку-кинъ, Бо-рисъ Бо-ри-совичъ.

Андерсъ еще нѣкоторое время продолжалъ изучать тетрадь, но потомъ повернулъ голову къ Сёркину и пристально посмотрѣлъ на него.

— Приличный... словно изъ чиновниковъ,—доложилъ артельщикъ, отвѣчая на нѣмой вопросъ хозяина.

— Проси!—сказалъ тотъ, немедленно снова погружаясь въ тетрадь.

Сёркинъ вышелъ и вслѣдъ затѣмъ впустилъ Кукина.

Это былъ еще молодой человѣкъ, довольно тщедушный, но въ общемъ благообразный. Полулысая его голова придавала ему видъ нѣкоторой солидности. Взглядъ у него былъ самоувѣренный. Приблизившись, словно маршируя, къ Андерсу, онъ отрѣзалъ:

— По рекомендаціи Кузьмы Егоровича.

Андерсъ внимательно взглянулъ на него.

— Селезнёва?—спросилъ онъ, протянувъ Кукину руку.

— Кузьмы Егоровича!—повторилъ Кукинъ съ удареніемъ.

— Прошу садиться. Въ чемъ дѣло?

Кукинъ немедленно воспользовался приглашеніемъ, сѣлъ противъ хозяина и началъ говорить, слегка зажмуривъ глаза.

— Я—чиновникъ,—докладывалъ онъ:—но теперь время такое, что всякій долженъ стоять на стражѣ, ибо, какъ сказалъ еще Гоголь, «гибнетъ земля наша отъ насъ самихъ» и оттого, что «мимо законнаго управленія образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго»... Надо во что бы то ни стало противодѣйствовать революціи. Вчера разрушали помѣстья, сегодня начнутъ разрушать фабрики...

— Позвольте, въ чемъ собственно дѣло?—мягко прервалъ Андерсъ оратора.

— Я всегда говорю дѣло,—быстро возразилъ Кукинъ.—Я всегда говорю дѣло,—повторилъ онъ.—Вы—человѣкъ занятой, и я—тоже. Вы человѣкъ умный, и мы поймемъ другъ друга съ

полуслова. Я владѣю перомъ, я издаю газету. Ее можетъ читать всякій—рабочій, солдатъ, крестьянинъ. Я, милостивый государь, противъ разрушенія. Вы меня поняли?

И Кукинъ откинулся на спинку кресла, точно не могло быть уже никакого сомнѣнія, что теперь все яснѣе яснаго.

Андерсъ сдѣлалъ очень серьезное лицо, но въ глазахъ его заиграла улыбка.

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ,—отвѣтилъ онъ.

— Буду говорить яснѣе,—подхватилъ Кукинъ, снова выпрямляясь.—Кузьма Егоровичъ пріобрѣлъ у меня тридцать экземпляровъ «Стяга».

— Чего?—спросилъ Андерсъ протяжно, наклонился надъ столомъ и уставился на Кукина.

— Вы не знаете, что такое «Стягъ»!—прокричалъ Кукинъ, въ свою очередь, уставившись на Андерса.—«Стягъ», милостивый государь, «Стягъ» это—моя газета.

— А-а-а!—протянулъ Андерсъ, точно сдѣлалъ удивительное открытіе.

— Повторяю,—продолжалъ между тѣмъ Кукинъ:—Кузьма Егоровичъ пріобрѣтаетъ у меня тридцать экземпляровъ «Стяга» для своихъ рабочихъ. Не желаете ли и вы?

Андерсъ вдругъ словно ослабѣлъ и грузно откинулся въ креслѣ.

— Нѣтъ, не желаю,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ!—вскочилъ Кукинъ, точно ужаленный. Всталъ и Андерсъ.—Какъ!—гремѣлъ Кукинъ, потрясая рукой въ воздухѣ.—Вы не хотите противодѣйствовать разрушенію? Вамъ все равно, если вашу фабрику экспропріируютъ, сожгутъ, разрушатъ, если васъ самихъ и вашу семью ограбятъ, изувѣчатъ, убьютъ...

Но тутъ раздался крикъ, оглушившій самого Кукина. Это Андерсъ какъ бы въ испугѣ звалъ своего управляющаго.

— Ѳедоръ Ѳедорычъ! Ѳедоръ Ѳедорычъ!—кричалъ онъ. Можно было подумать, что появленіе Иванова спасетъ Андерса отъ смертельной опасности. Ивановъ по обыкновенію вошелъ тотчасъ же, такъ что Кукинъ не успѣлъ опустить поднятую руку.

— Ѳедоръ Ѳедорычъ,—говорилъ между тѣмъ Андерсъ управляющему:—мосьё Кукинъ пугаетъ, что фабрику сожгутъ, а меня убьютъ, если мы не подпишемся на его консервативную газету для нашихъ рабочихъ. Какъ вы думаете,—и Андерсъ перешелъ въ спокойный дѣловой тонъ:—не подписаться ли намъ въ самомъ дѣлѣ?

— Не стоитъ-съ,—возразилъ управляющій.—Читать не станутъ... Какъ это (Ивановъ произносилъ эти два слова, точно заикался; у него выходило не «какъ это», а «к-та»)... На цыгарки пойдетъ...

— На цыгарки?—переспросилъ Андерсъ.—Дорогая же бумага!

Тутъ Кукинъ очнулся и съ видимымъ раздраженіемъ замѣтилъ:

— Такъ вотъ вы какъ! Революціонеры разсуждаютъ иначе: они умѣютъ распространять среди рабочихъ свои подлые листки. Вы раскаетесь, о, вы раскаетесь, но будетъ поздно...

Андерсъ вышелъ изъ-за стола и, приблизившись къ Кукину, взялъ его за руку.

— Вы не сердитесь на насъ, мосьё Кукинъ,—произнесъ онъ уже совершенно другимъ, искреннимъ тономъ.—Оно, конечно, непріятно получить въ дѣлѣ отказъ. Но сами посудите: не газета родитъ читателя, а читатель—газету. Что же! Я подпишусь на вашу газету и буду навязывать ее рабочимъ, принуждать ихъ, что ли, читать ее? Нынче и школьниковъ не принуждаютъ читать, а устраиваются такъ, чтобы они сами охотно читали. Спросите объ этомъ, ну, хоть завѣдующаго у меня школьнымъ дѣломъ, моего друга Мостовскаго, Петра Сергѣича. Онъ вамъ...

Кукинъ выдернулъ у Андерса руку.

— Какъ, Мостовскій, этотъ либералъ, этотъ революціонеръ—вашъ другъ? А, теперь я понялъ, все понялъ. Прощайте.

И онъ хотѣлъ направиться къ двери. Но въ ней появился Сѣркинъ и торжественно доложилъ:

— Иванъ Семеновичъ Красновъ.

Это, видимо, окончательно взбѣсило Кукина.

— И этотъ революціонеръ—вашъ другъ,—прошипѣлъ онъ.—Теперь мнѣ все ясно. Ноги моей здѣсь не будетъ. Честь имѣю кланяться.

Андерсъ, добродушно улыбаясь, проговорилъ ему вслѣдъ:

— Да что вы такъ разсердились, мосьё Кукинъ? Имѣю же я право выбирать друзей дома по собственному усмотрѣнію.

Но Кукинъ его уже не слушалъ. Онъ горделиво уходилъ и, встрѣтившись въ дверяхъ съ Красновымъ, окинулъ его высокомѣрнымъ взглядомъ, на который тотъ отвѣтилъ равнодушно-насмѣшливой улыбкой.

Грузно войдя въ кабинетъ и поздоровавшись съ Андерсомъ и управляющимъ, Красновъ вяло спросилъ:

— Какъ этотъ гусь попалъ къ вамъ?

Андерсъ громко расхохотался.

— Гусь! Именно, гусь, гусь лапчатый. Должно быть, газета его не идетъ. Вотъ онъ и надумалъ...

— Сбыть вамъ экземпляры своего черносотеннаго изданія,—подхватилъ Красновъ, важно разсаживаясь въ креслѣ.—И не стыдно ли этимъ господамъ навязывать всѣмъ и каждому, что̀ рѣшительно никому не нужно?—продолжалъ онъ наставительно.—Теперь и малое дитя понимаетъ, что они торгуютъ гнилымъ товаромъ. Вы знаете,—повысилъ онъ голосъ:—я всегда утверждалъ...

При этихъ словахъ Ивановъ какъ-то незамѣтно исчезъ, а Андерсъ прервалъ Краснова;

— Ну, конечно, конечно, милѣйшій другъ... А скажите, какъ же наше дѣльце?

Красновъ перевелъ свой тусклый взглядъ изъ пустого пространства, куда онъ былъ направленъ въ ожиданіи срывавшейся съ его устъ рѣчи, на Андерса и совершенно неожиданно зѣвнулъ.

— Вы насчетъ завѣщанія,—проговорилъ онъ, стараясь скрыть второй приступъ зѣвоты.—Оно у меня готово.

— Очень, очень интереспо,—поощрялъ Андерсъ.—Вы позволите, добрѣйшій другъ...

Онъ выхватилъ у Краснова вчетверо сложенный листъ бумаги, поспѣшно направился съ нимъ за свой письменный столъ, развернулъ бумагу и углубился въ нее, а Красновъ продолжалъ по временамъ позѣвывать, словно на свѣтѣ ничего скучнѣе этого завѣщанія нѣтъ.

— Ахъ, вы вотъ какъ рѣшаете этотъ пунктъ,—отозвался вдругъ Андерсъ съ необычайнымъ интересомъ.—Онъ самый для меня важный. Вамъ виднѣе: вы—юристъ. Поймите меня, любезнѣйшій Иванъ Семеновичъ. Съ вами, другомъ дома, я могу быть откровеннымъ. Я не знаю, кого я больше люблю,—фабрику или мою дочь Роню. Вы знаете, чѣмъ была для меня ея мать,—продолжалъ онъ, и голосъ его раздавался теперь въ комнатѣ глухо.—Взгляните на меня. Такимъ ли я былъ четыре года тому назадъ, когда она умерла?

Какъ бы вторя заглушенному голосу Андерса, шумъ фабрики доносился теперь еле слышно: фабрика и ея хозяинъ жили, видимо, одною жизнью.

— Я посѣдѣлъ,—говорилъ Андерсъ:—силъ иногда какъ будто меньше. Но взгляну на Роню, и кажется, что жена еще при мнѣ. Потомъ слышу этотъ шумъ,—и Андерсъ указалъ рукою на окна.—Прежняя жизнь охватываетъ меня,—прежняя жизнь, бодрая, радостная, молодая, когда создавалась эта фабрика, это дѣло моихъ и жениныхъ рукъ. Оно не должно погибнуть: судьба стольких людей съ нимъ связана. Но мнѣ уже шестьдесятъ пять лѣтъ. Иногда приходитъ на умъ: а что если старый Андерсъ вдругъ возьметъ и скапутится. Конечно, это ни съ чѣмъ не сообразно...

Онъ расхохотался и уже продолжалъ весело:

— Но все же, все же это можетъ случиться. Кто будетъ наслѣдникомъ? Роня. А сколько лѣтъ Ронѣ? Завтра ей стукнетъ восемнадцать. Повторите, добрѣйшій Иванъ Семеновичъ: восемнадцать. Что такое восемнадцать лѣтъ? Роня почти еще ребенокъ. Она любитъ меня, она любитъ фабрику. Но гдѣ же опытъ, гдѣ знаніе людей, гдѣ все, что нужно, чтобы стать во главѣ такого дѣла? Къ счастью, у меня есть Ѳедоръ Ѳедорычъ, есть такіе друзья дома, какъ вы, Иванъ Семеновичъ. Да и дастъ Богъ, я еще протяну не одинъ годокъ. Но надо все предусмотрѣть. Роня можетъ выйти замужъ...

— Вотъ этотъ пунктъ у меня и разработанъ подробно. Прочтите внимательно, и потолкуемъ... Но зачѣмъ говорить о смерти?—

спросилъ Красновъ съ нѣкоторымъ оживленіемъ.—Развѣ теперь такое время, чтобъ умирать? Хорошее время...

— Какъ для кого, милѣйшій Иванъ Семеновичъ, какъ для кого,—возразилъ Андерсъ.

— На этотъ счетъ мы съ вами не столкуемся,—махнулъ Красновъ рукою.—Для васъ существуетъ только фабрика, для меня—Россія...

— А изъ чего состоитъ Россія?—подхватилъ Андерсъ.—Изъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ, торговыхъ заведеній, заводовъ, фабрикъ. Знаете, Иванъ Семеновичъ,—продолжалъ Андерсъ, и его подвижное лицо стало вдругъ задумчивымъ:—я люблю иногда помечтать. Дѣловому человѣку не полагается, а все-таки люблю. Вотъ я и думаю себѣ: если бы всѣ эти крестьянскія хозяйства, помѣстья, фабрики процвѣтали, тогда процвѣтала бы вся Россія...

Но Красновъ его прервалъ:

— Россія состоитъ изъ общества и правительства. Побѣдить должно общество. Вы знаете, я всегда утверждалъ...

Андерсъ вскочилъ и быстро подошелъ къ Краснову.

— Ну, добрѣйшій Иванъ Семеновичъ,—сказалъ онъ, потрепавъ его по плечу:—гдѣ мнѣ съ вами спорить? Знай сверчокъ свой шестокъ. Мой шестокъ—фабрика. А какъ же ваши дѣла?—подмигнулъ онъ Краснову.—Все шествуете во главѣ движенія?

Что-то въ родѣ самодовольной улыбки появилось на толстомъ лицѣ Краснова, когда онъ отвѣтилъ:

— Къ чему громкія слова? Дѣйствуемъ, Павелъ Ивановичъ, дѣйствуемъ.

— Покоряете умы и сердца?

— Повторяю: къ чему громкія слова? Но вотъ что,—прибавилъ онъ съ какою-то внезапною рѣшимостью.—Денегъ много уходитъ. Опять надо...

— Ѳедоръ Ѳедорычъ!—крикнулъ Андерсъ.

Вошелъ Ивановъ, и Андерсъ спросилъ:

— Какъ счетъ Ивана Семеновича?

— За два года семь мѣсяцевъ впередъ,—отвѣтилъ Ивановъ безъ запинки.

Андерсъ отпустилъ его движеніемъ руки. Когда управляющій вышелъ, Андерсъ, наклонившись къ Краснову, продолжалъ съ легкой укоризной:

— Сильно задолжали, дорогой мой другъ. А много вамъ нужно?—прибавилъ онъ, уже улыбаясь.

Улыбка у него была широкая, добрая, только въ глазахъ свѣтилось затаенное лукавство.

На Краснова его улыбка, однако, не дѣйствовала. Онъ отвѣчалъ серьезно, съ оттѣнкомъ небрежности:

— Да что васъ обижать! Дайте тысячу.

Андерсъ окончательно просіялъ. Онъ быстро подошелъ къ письменному столу, взялъ карандашъ и клочокъ бумаги.

— Для васъ напишу 1,250; значитъ, будетъ за три года впередъ,—проговорилъ онъ весело. Затѣмъ, черкнувъ что-то на бумажкѣ, передалъ ее Краснову.—Пройдете съ бумажкой къ Ѳедору Ѳедорычу,—пояснилъ онъ привычнымъ тономъ.—Дорожку-то знаете: не разъ по ней хаживали. Но,—вдругъ перемѣнивъ тонъ, онъ спросилъ съ радостнымъ возбужденіемъ:—завтрашній день не забыли? И покушаемъ, и попляшемъ...

Теперь и на лицѣ Краснова, державшаго бумажку въ рукѣ, изобразилось что-то въ родѣ добродушія.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—не забылъ. Только плясать не мастеръ, а покушать могу...

И онъ грубо разсмѣялся.

А Андерсъ говорилъ съ прежнимъ оживленіемъ:

— Нѣтъ, Иванъ Семеновичъ, попляшемъ, попляшемъ. Ахъ, знаете, жду, не дождусь, когда мы съ Роней начнемъ дружно работать для фабрики. До сихъ поръ училась и часто похварывала. Малокровна была, за границу пришлось послать. Ну, теперь вернулась домой, и пора за работу...

Его прервалъ Сёркинъ, заглянувшій въ дверь и брезгливо доложившій:

— Тамъ Кузьма Егорычъ Селезнёвъ.

Краснова передернуло.

— Ну, и компанія же у васъ сегодня,—фыркнулъ онъ:—сперва этотъ Кукинъ, а теперь Селезнёвъ. Не скоро провѣтрите кабинетъ. А я отъ заразы подальше. Пройду къ Ѳедору Ѳедорычу.

Андерсъ возразилъ торопливо:

— Что прикажете, дорогой другъ! У насъ дѣло коммерческое: намъ съ политикой считаться трудно. А завтра жду,—прибавилъ онъ снова и, пожавъ руку уходившему Краснову, тотчасъ скомандовалъ Сёркину:

— Проси!

II.

Вошелъ высокій, худой старикъ съ морщинистымъ лицомъ. Онъ имѣлъ видъ старообрядца, хотя костюмъ на немъ былъ европейскій. Но сидѣло на немъ все такъ мѣшковато, какъ будто онъ одѣтъ былъ съ чужого плеча. Сюртукъ былъ очень длиненъ, штаны слишкомъ коротки, они нисколько не прикрывали его огромныхъ ногъ, а вмѣсто галстука на шеѣ у него былъ наверченъ черный шелковый платокъ, совершенно скрывавшій бѣлье. Онъ вошелъ молча, съ безжизненнымъ лицомъ.

— Здравствуйте, Кузьма Егорычъ!—вскричалъ Андерсъ.—Прошу садиться. Давненько не видались,—продолжалъ онъ, усаживая Селезнёва, но самъ не садясь.—Какъ поживаете?

Селезнёвъ сѣлъ, но долго отмалчивался. Потомъ онъ таинственно, не глядя на Андерса, спросилъ:

— Тихо... у васъ-то?

Голосъ у него былъ хриплый, какъ у стариковъ, которыхъ душитъ мокрота.

— Тихо,—отвѣчалъ Андерсъ, и искры добродушнаго лукавства такъ и запрыгали въ его голубыхъ глазахъ:—совсѣмъ тихо. Только Кукинъ, по вашей рекомендаціи, былъ и ужасно стращалъ. Говоритъ: сожгутъ, убьютъ, если не подпишусь на его газету.

Онъ громко расхохотался и продолжалъ сквозь смѣхъ:

— Вы подписались, вамъ бояться нечего.

Селезнёвъ искоса взглянулъ на него, но тотчасъ же перевелъ взглядъ.

— Время тревожное-съ,—произнесъ онъ уныло.

— Развѣ у васъ что-нибудь случилось?—спросилъ Андерсъ.

— У меня-то ничего. А у васъ?—переспросилъ Селезнёвъ и опять искоса взглянулъ на Андерса.

— Что это, Кузьма Егорычъ,—отозвался тотъ:—вы меня все стращаете?

— Нѣтъ, знаете, я такъ,—возразилъ Селезнёвъ:—время тревожное-съ. Къ своему и идешь спросить: что и какъ? Значитъ, все благополучно. Ну, и слава Богу. Потомъ...

Онъ поманилъ Андерса пальцемъ, и когда тотъ къ нему нагнулся, продолжалъ уже совсѣмъ тихо, указывая на дверь въ кабинетъ Иванова:

— Потомъ... онъ у васъ крутенекъ; все отъ рабочихъ порядка требуетъ. Какъ бы чего не вышло...

— Вы его очень не любите,—возразилъ Андерсъ.—А пора было бы забыть. Вѣдь ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ онъ ушелъ отъ васъ.

— Нѣтъ, я что...—проговорилъ Селезнёвъ уклончиво.—Думаю только: далеко ли до грѣха... Время такое-съ.

Андерсъ выпрямился во весь ростъ. Прежняя веселая улыбка заиграла на его лицѣ, когда онъ спросилъ Селезнёва:

— А завтра, Кузьма Егорычъ, пожалуете на мой праздникъ?

— Вотъ затѣмъ и пріѣхалъ,—отвѣтилъ тотъ.—Нѣтъ, ужъ увольте.

— Что такъ?

— Я празднику не подъ стать. У меня одинъ праздникъ—въ церковь сходить.

Но Андерсъ не сдавался.

— Э, полноте,—возразилъ онъ весело.—Завтра непремѣнно будете и семью привезете. Попируемъ, попляшемъ. Вы подумайте

только: дочка вчера пріѣхала, годъ не была дома. Завтра ей стукнетъ восемнадцать. Пора ей дѣломъ заняться...

— Дѣло дѣвушкѣ подъ стать, какъ я—празднику.

— Не брюзжите, Кузьма Егорычъ. Жить надо, дѣло дѣлать надо,—все надо: и поработать, и попраздничать. Я васъ завтра растормошу,—тряхнемъ стариной. Небось, и вы молоды были...

— Какъ не быть,—былъ. О-о-о, время-то какое-съ!

— Вы все свое, Кузьма Егорычъ... Я не боюсь, я не изъ трусливыхъ...

Селезнёвъ снова искоса метнулъ взглядъ на Андерса.

— Вижу, что не изъ трусливыхъ,—проговорилъ онъ и хотѣлъ еще что-то добавить, но въ дверяхъ показался Ивановъ и доложилъ:

— Павелъ Иванычъ, тамъ, к-та, рабочіе желаютъ васъ видѣть... насчетъ Виринеи Павловны.

Андерсъ засуетился.

— Иду, иду,—отвѣтилъ онъ.—Вы позволите, Кузьма Егорычъ. Рабочему человѣку ждать некогда. Ѳедоръ Ѳедорычъ, войдите же, гостя займёте.

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Ивановъ сѣлъ на ближайшій стулъ около двери, сказавъ:

— Здравствуйте, Кузьма Егорычъ.

Селезнёвъ, не поворачиваясь и не подавая руки, отвѣтилъ:

— Здравствуй, Ѳедя.

Водворилось молчаніе. Только фабрика попрежнему гудѣла, шипѣла и ухала.

— Баловство одно,—проговорилъ какъ бы про себя Селезнёвъ.

— Это вы насчетъ чего?—спросилъ Ивановъ.

— «Рабочему человѣку ждать некогда»,—передразнилъ Селезнёвъ Андерса.—Подождетъ, когда надоть.

И онъ медленно повернулся и взглянулъ на Иванова.

— Хозяинъ-то твой боится?—спросилъ онъ повелительно.

— Чего бояться?—возразилъ Ивановъ.

Но Селезнёвъ продолжалъ допрашивать въ томъ же повелительномъ тонѣ.

— Что съ нимъ вчера приключилось? Разно разсказываютъ.

— Пустяки,—уклончиво отвѣтилъ Ивановъ.

— Да ты говори.

— Вздоръ одинъ... Когда Виринея Павловна пріѣхали, съ радости, должно полагать, у Павла Иваныча сдѣлалось головокруженіе, сознанія лишился на одну минуту. Годы немолодые. Со всякимъ бываетъ...

— Со мною не бываетъ,—отрѣзалъ Селезнёвъ.

Гулъ голосовъ покрылъ вдругъ шумъ фабрики. Явственно раздались крики: «Благодаримъ! Ура!».

— Чего орутъ?—спросилъ, прислушиваясь, Селезнёвъ.

— Рабочіе хотятъ Виринеѣ Павловнѣ адресъ поднести...

— Адресъ?

— Привѣтствіе, к-та, поздравленіе...

Громкіе крики «ура» раздались на этотъ разъ съ необычайной силой. Когда они умолкли, Селезнёвъ замѣтилъ:

— Говоришь, адресъ? Изъ-за адреса такъ глотки драть не станутъ.

— Завтра,—пояснилъ Ивановъ,—шабашимъ весь день и двухдённая плата не въ зачетъ.

— Баловство одно,—боится,—самъ себѣ поддакнулъ Селезнёвъ.

— Чего бояться-то?—повторилъ Ивановъ.

Андерсъ вернулся возбужденный, радостный.

— Ну, вотъ и справился,—крикнулъ онъ весело.—Вы все стращаете, Кузьма Егорычъ. А народъ-то какой славный!

Селезнёвъ мрачно отвѣтилъ:

— Знаемъ мы его. О-о-о! А теперь пора домой. Насчетъ здоровья хотѣлъ освѣдомиться. Ѳедя говоритъ: вчерашнее—пустяки...

— Конечно, пустяки,—расхохотался Андерсъ.—Благодарю, Кузьма Егорычъ, благодарю. Такъ завтра будете? Со всей семьей, слышите, непремѣнно со всей семьей...

— Виринеѣ Павловнѣ мое...

— Роня сама еще сегодня заѣдетъ васъ просить.

Андерсъ на прощанье крѣпко пожалъ руку Селезнёву и проводилъ его до дверей. Но когда тотъ вышелъ, тѣнь мимолетной досады мелькнула на его лицѣ и онъ сказалъ Иванову:

— Что за охота ему все каркать!

— Завидуетъ.

Андерсъ снова повеселѣлъ.

— Ой, Ѳедоръ Ѳедорычъ, въ одной ли зависти дѣло?.. Впрочемъ, успѣемъ потолковать. А теперь за работу. Скоро Роня придетъ.

И онъ, сѣвъ за письменный столъ, погрузился опять въ тетрадь, а Ивановъ ушелъ. Шумъ фабрики усилился. Она шипѣла и ухала, словно напрягая послѣднія силы, чтобы быстрѣе окончить дообѣденную работу. Подъ этотъ шумъ незамѣтно вошелъ въ комнату изящный молодой человѣкъ, старшій сынъ Мостовскаго, Ильюша. Онъ скромно сѣлъ у самыхъ дверей. Черные волосы и борода оттѣняли бѣлый, нѣжный цвѣтъ его лица и высокій мраморный лобъ. Только заискивающій и не совсѣмъ увѣренный взглядъ его большихъ черныхъ глазъ немного портилъ пріятное впечатлѣніе, которое производила его наружность.

Онъ просидѣлъ молча на своемъ стулѣ у дверей довольно долго, пока Андерсъ не оторвалъ головы отъ тетради и не взглянулъ на него.

— А-а!—воскликнулъ онъ привѣтливо:—господинъ главный инженеръ. Ну, что скажешь, Ильюша?

— Вы заняты, Павелъ Ивановичъ?—спросилъ Ильюша, приподнимаясь съ мѣста.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубчикъ.

Андерсъ заглянулъ еще разъ въ тетрадь. Потомъ откинулся на спинку кресла и спросилъ:

— Дѣло есть? Что отецъ? Что братъ?

Ильюша всталъ и приблизился къ столу.

— Все по-старому, Павелъ Ивановичъ,—отвѣтилъ онъ:—все по-старому. Отецъ стихи пишетъ или учебники составляетъ, а Алёша (онъ махнулъ рукой)... Да, что о немъ говорить! Юродствуетъ... Никакого дѣла у меня собственно нѣтъ. Только какъ рабочіе узнали, что завтра—шабашъ и что имъ награжденіе вышло, нѣкоторые бросили работу и ушли домой.

— Много такихъ?—спросилъ Андерсъ.

— Не знаю въ точности. Пожалуй, человѣкъ десять, въ томъ числѣ Андрей: онъ всегда мутитъ.

— Человѣкъ десять? Стоитъ объ этомъ говорить? Ты, Ильюша, вѣчно изъ блохи дѣлаешь верблюда.

— Да, но въ жизни и особенно въ дѣлахъ не мѣшаетъ все знать.

— Рано же ты, Ильюша, пѣтухомъ запѣлъ,—разсмѣялся Андерсъ.—Ну, ужъ если на то пошло, такъ и я, старый воробей, дамъ тебѣ совѣтъ. Конечно, надо все знать, но не всегда полезно все замѣчать. Нѣсколько рабочихъ ушли,—Богъ съ ними! Работа изъ-за нихъ не остановится. А если мы поставимъ имъ это на видъ, то получится десять недовольныхъ. Я, дорогой Ильюша, избѣгаю мелкихъ столкновеній съ рабочими: это подрываетъ авторитетъ, а онъ нуженъ въ крупныхъ дѣлахъ.

— Совершенно согласенъ, совершенно согласенъ,—горячо подтвердилъ Ильюша.—Я это такъ только, между прочимъ. Но, Павелъ Ивановичъ, есть недовольные, которые все останутся недовольными, что бы вы ни дѣлали, особенно въ настоящее время. Недовольство подогрѣвается со стороны. Среди рабочихъ есть особенно податливые. Вы знаете, какъ мнѣ дороги ваши интересы. Андрей именно такой рабочій. Его лучше было бы убрать...

— Да что тебѣ такъ дался этотъ Андрей? Какой это Андрей?

— Да, знаете, Павелъ Ивановичъ... братъ Дуняши, которая служила въ комнатахъ у Вероники Павловны...

— Помню, какъ не помнить. Роня опять взяла ее къ себѣ—напросилась. И брата помню. Да, да, онъ мнѣ не нравится—смотритъ все исподлобья. Только по просьбѣ Дуняши я его и взялъ въ рабочіе. Онъ—смутьянъ, говоришь?

— Вредное вліяніе имѣетъ на рабочихъ.

— Присмотрюсь еще къ нему, потолкую съ нимъ. Это—все?

— Да, ничего важнаго нѣтъ.

— Ну, такъ не мѣшай, Ильюша. Надо кончать. Роня сейчасъ придетъ.

И, кивнувъ молодому человѣку, онъ снова погрузился въ тетрадь. Но тотъ уходилъ очень медленно и все поглядывалъ на Андерса, словно что-то припоминая или взвѣшивая.

Только что онъ вышелъ, какъ Сѣркинъ, пріотворивъ дверь, громко доложилъ:

— Студентъ Петровъ.

— Ахъ, еще кто-то,—съ досадой проговорилъ Андерсъ и, вздохнувъ, прибавилъ:—нечего дѣлать, проси.

III.

Вошелъ молодой человѣкъ въ косовороткѣ и студенческой тужуркѣ, ничѣмъ съ виду не отличавшійся отъ тысячи другихъ студентовъ. Андерсъ бросилъ на него внимательный взглядъ и, должно быть, остался доволенъ вынесеннымъ впечатлѣніемъ, потому что въ глазахъ его блеснулъ добрый огонекъ.

— По порученію...

Студентъ хотѣлъ еще что-то сказать, но Андерсъ его перебилъ:

— Догадываюсь,—промолвилъ онъ:—но долженъ васъ предупредить, я политикой не занимаюсь...

— Знаю,—отвѣтилъ студентъ, сѣвъ по молчаливому приглашенію фабриканта:—вы служите другому богу.

Онъ сказалъ это очень просто, безъ всякаго вызова или ироніи.

Андерсъ улыбнулся.

— Да,—отвѣтилъ онъ:—я служу другому богу—маммонѣ... Но... какое у васъ дѣло?

— По порученію, мнѣ данному,—продолжалъ студентъ:—я предлагаю вамъ не мѣшать другимъ заниматься политикой.

— Люди свободны,—отвѣтилъ Андерсъ сухо:—всякій можетъ дѣлать, что ему угодно.

Студентъ немного повысилъ голосъ.

— Хороша свобода... Съ одной стороны бьютъ дубьемъ, съ другой—рублемъ... Какая ужъ тутъ свобода!

Какъ будто не разслышавъ, Андерсъ продолжалъ:

— Такъ въ чемъ же дѣло? Я васъ слушаю.

— Нельзя ли въ случаѣ забастовки воздержаться отъ вычетовъ?

— То-есть какъ?—спросилъ очень серьезно Андерсъ.—Рабочіе не будутъ работать, а я буду платить?

— Положеніе рабочихъ ужасно.

— Рабочіе получаютъ у меня больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

— Стара штука! Они получаютъ все-таки гроши. Впрочемъ, допустимъ, что у васъ имъ живется лучше, чѣмъ на другихъ фабрикахъ. Вы устроили тамъ всякіе пріюты и школы. Вы на другихъ фабрикантовъ не походите...

— А много ли вы фабрикантовъ видѣли?—спросилъ Андерсъ.

Студентъ чуть-чуть смутился.

— Положимъ, что я васъ вижу перваго. Да они всѣ...

— Эксплоататоры,—подхватилъ Андерсъ быстро.—О, есть, есть, не спорю,—прибавилъ онъ убѣжденно и снова внимательно взглянулъ на студента. Лицо его какъ-то вдругъ смягчилось, и онъ продолжалъ какимъ-то задушевнымъ тономъ, котораго студентъ никакъ не ожидалъ.—Есть, есть, не спорю. Мнѣ это хорошо извѣстно и не такъ, какъ вамъ, по книгамъ, а по собственному опыту. Но все-таки согласитесь, выходитъ, что вы меня сравниваете не съ живыми фабрикантами, а съ книжнымъ о нихъ представленіемъ. Можетъ быть, вы и о рабочихъ имѣете только книжное представленіе. Знаете,—продолжалъ онъ:—я люблю иногда помечтать, и мнѣ кажется, что, если бы люди шли не отъ книги къ жизни, а наоборотъ, отъ жизни къ книгѣ, то, можетъ быть—хэ-хэ!—жизнь сложилась бы совсѣмъ иначе. Но,—спохватился онъ,—виноватъ, я васъ прервалъ.

— Я хотѣлъ только сказать,—вернулся студентъ къ прежнему разговору:—что, какъ бы хорошо рабочимъ ни жилось у васъ, имъ надо отстоять общее дѣло, дѣло всей страны.

— Пусть отстаиваютъ,—возразилъ Андерсъ опять суше:—но только не въ ущербъ фабрикѣ.

— То-есть вашему карману.

— Я говорю: фабрикѣ, а не моему карману.

— Да развѣ это не одно и то же?

— Мой карманъ,—пояснилъ Андерсъ съ удареніемъ:—это тѣ пятнадцать тысячъ, которые я проживаю въ годъ лично на себя; вышлачиваю же я ежегодно служащимъ и рабочимъ семьсотъ тысячъ.

— И пятнадцать тысячъ—почтенная цифра.

— Вы хотите,—продолжалъ Андерсъ:—чтобы каждый рабочій получилъ груду денегъ? Но откуда ихъ взять?

— Начните съ вашихъ пятнадцати тысячъ.

Андерсъ улыбнулся.

— А сколько это составитъ на брата?—спросилъ онъ.—Вѣдь всего пятнадцать рублей, такъ какъ у меня тысяча рабочихъ,—а фабрика останется безъ хозяина, безъ руководителя.

— Рабочіе справятся и сами.

— Не знаю,—возразилъ Андерсъ:—чего не знаю, того не знаю. Но опыты подобнаго рода неизмѣнно приводили до сихъ поръ къ крушенію предпріятія. А насколько фабрика во мнѣ нуждается, я твердо знаю, потому что, если бы меня не было... то не было бы и фабрики. Была бы, можетъ быть, другая, но не эта.—И, снова внимательно взглянувъ на студента, Андерсъ вдругъ неожиданно закончилъ:—Слушайте, молодой человѣкъ, вы мнѣ нравитесь: у васъ прекрасная рекомендація.

Студента точно что-то кольнуло.

— Я въ рекомендаціяхъ не нуждаюсь,—отвѣтилъ онъ съ раздраженіемъ.

Но Андерсъ не замѣчалъ обидчивости своего собесѣдника. Онъ продолжалъ спокойно:

— Нуждаетесь, или нѣтъ, это—другой вопросъ. Но она у васъ есть. Ахъ, если бы у всѣхъ были такія открытыя, честныя, прямыя лица! Вотъ у меня только что былъ издатель черносотенной газеты. Я его быстро спровадилъ, не потому, что онъ—черносотенецъ. Я, повторяю, политикой не занимаюсь. Спровадилъ я его потому, что у него душа—черная: сейчасъ по лицу видно. Вы мнѣ нравитесь, и я хотѣлъ бы имѣть такого сына, какъ вы. Но Богъ мнѣ не далъ его... Вотъ что я вамъ скажу. Я уже давно могъ бы продать фабрику, получить больше милліона и жить себѣ безъ хлопотъ и заботъ гдѣ-нибудь, знаете, на итальянскихъ озерахъ, среди чудной природы, тратя въ годъ шестьдесятъ тысячъ вмѣсто теперешнихъ пятнадцати. Подумайте объ этомъ. И вотъ еще что. Я началъ съ долга въ двѣсти тысячъ, оставленнаго мнѣ отцомъ и вызваннаго неудачными операціями. Я его уплатилъ...

Студентъ, въ свою очередь, теперь внимательно присматривался къ фабриканту. Но онъ продолжалъ въ прежнемъ тонѣ:

— Лучше было раздать и эти деньги рабочимъ.

— А кредиторовъ надуть и нѣкоторыхъ пустить по міру?—отвѣтилъ Андерсъ.—Нѣтъ, это было бы очень нехорошо.

Взглядъ его снова устремился въ пространство, когда онъ продолжалъ:

— Знаете, я люблю иногда помечтать. Оно мнѣ не къ лицу—не правда ли?—а все-таки люблю. И вотъ мнѣ все кажется, что если бы у насъ было побольше простой, самой обыкновенной честности, то многія изъ вашихъ любимыхъ реформъ—хэ-хэ!—стали бы излишними или осуществились бы сами собою. Но это—вопросъ огромный, а мы занимаемся маленькимъ. Повторяю: я создалъ эту фабрику, она работаетъ прекрасно. У насъ теперь двѣсти тысячъ запасного капитала.

— И эти деньги лучше раздать рабочимъ,—повторилъ машинально студентъ, продолжая изучать Андерса.

— Придется по двѣсти рублей на брата,—серьезно подхватилъ фабрикантъ.—Теперь у меня рабочій получаетъ въ среднемъ по семисотъ рублей въ годъ. Если настанутъ черные дни, то фабрика не погибнетъ. Если же я раздамъ запасный капиталъ, то рабочіе могутъ лишиться вѣрнаго годового заработка въ семьсотъ рублей. Врядъ ли единовременная подачка въ двѣсти рублей ихъ вознаградитъ. Фабрика создана и держится мною. Устраивайте забастовки, если хотите; подчиняясь духу времени, я готовъ нести нѣкоторыя жертвы, но только...

Студентъ его прервалъ, точно обрадовался, что можетъ покончить съ даннымъ ему порученіемъ:

— Пока согласны довольствоваться и этимъ вашимъ обѣщаніемъ,—заявилъ онъ.

Андерсъ продолжалъ:

— Но если забастовки эти нарушатъ жизненные интересы фабрики, то, предупреждаю васъ, вы этимъ нарушите и жизненные интересы самихъ рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣтите во мнѣ рѣшительнаго противника, который,—тутъ Андерсъ всталъ:—жизнь положитъ, но уступки не сдѣлаетъ...

Всталъ и студентъ. Старикъ и юноша смотрѣли другъ другу прямо въ глаза, и студентъ чувствовалъ, что стоявшій передъ нимъ человѣкъ, дѣйствительно, уступки не сдѣлаетъ, что, если онъ, студентъ, готовъ жизнь положить за идею, признанную имъ вѣрною, то и этотъ странный фабрикантъ, совершенно не соотвѣтствовавшій его представленію о фабрикантахъ вообще, ни на минуту не задумается пожертвовать жизнью за идею, которую онъ признаетъ вѣрною.

Андерсъ между тѣмъ продолжалъ.

— Когда у васъ будутъ какія-либо сомнѣнія,—милости прос[illegible]мъ: я всегда готовъ дать нужныя справки, потому что мое дѣло—дѣло общественное, иначе, конечно, при моей фабрикѣ не состояли бы и Мостовскій, и Красновъ...

— Я этого не зналъ,—какъ-то сконфуженно проговорилъ студентъ.—Вы сказали: и Мостовскій, и Красновъ. Почему же они это скрываютъ?..

— Скрываютъ?—переспросилъ Андерсъ.—Этого не можетъ быть. Просто до вашего свѣдѣнія не дошло. Ну, до свиданія, до свиданія...

Андерсъ протянулъ студенту руку, которую тотъ принялъ и пожалъ неувѣренно, все присматриваясь къ фабриканту.

Когда студентъ ушелъ, Андерсъ тотчасъ же снова погрузился въ свою тетрадь. Онъ проработалъ еще минутъ десять, потомъ откинулся на спинку кресла, вздохнувъ съ облегченіемъ:

— Уфъ, кончено!

Затѣмъ онъ весело крикнулъ:

— Ѳедоръ Ѳедорычъ!

Ивановъ по обыкновенію появился немедленно. Андерсъ пошелъ ему навстрѣчу, взялъ его за руку и отвелъ въ сторонку, гдѣ они сѣли рядомъ.

— Ѳедоръ Ѳедорычъ,—началъ Андерсъ:—я хотѣлъ еще съ вами поговорить здѣсь, въ конторѣ, гдѣ мы такъ долго съ вами работали. Сегодня я уже больше сюда не приду: почти совсѣмъ еще не видѣлся съ Роней. А завтра съ утра въ домѣ начнется сутолока. Вы, конечно, у меня будете гостемъ, первымъ гостемъ..

— Ну, Павелъ Иванычъ,—отмахнулся Ивановъ.

— Я говорю: первымъ гостемъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ. Никто не скажетъ, что я похожу на тѣхъ хозяевъ, которые не умѣютъ цѣнить лучшихъ своихъ помощниковъ...

Ивановъ опять сдѣлалъ отрицательный жестъ и хотѣлъ что-то возразить, но Андерсъ тотчасъ же продолжалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не перечьте... Кромѣ того, вы должны быть обезпечены на всю жизнь. Я объ этомъ подумалъ въ своемъ завѣщаніи: оно у меня тутъ въ карманѣ. Однако, все это не то...

Андерсъ всталъ и быстро застегнулъ пиджакъ на всѣ пуговицы.

— Я уже сорокъ лѣтъ занимаюсь дѣлами,—продолжалъ онъ:—и тридцать лѣтъ стою во главѣ этой фабрики. Людей на своемъ вѣку я видѣлъ много. И что же? По большей части съ ними приходится говорить такъ, застегнутымъ на всѣ пуговицы (и онъ провелъ рукою по груди). Съ ними приходится говорить такъ не потому, что этого требуетъ моя натура,—о, нѣтъ! Мнѣ такъ хотѣлось бы жить со всѣмъ душа нараспашку. Но надо быть осторожнымъ; этого требуетъ дѣло,—ему повредишь. Рѣдко когда можно разстегнуть одну или двѣ пуговицы, и даже съ друзьями дома оставляешь верхнюю пуговицу застегнутой. Съ вами, Ѳедоръ Ѳедорычъ, этого не нужно, съ вами можно жить душа нараспашку, какъ съ покойной моей женой. Вотъ такъ,—и Андерсъ широко распахнулъ пиджакъ.—Вы ни дѣломъ, ни словомъ, ни даже мыслью сознательно не повредите фабрикѣ... Вы любите ее больше меня... и больше себя.

И Андерсъ протянулъ Иванову руку. А тотъ заговорилъ какъ-то сбивчиво:

— Селезнёвъ все еще, хотя я у него давно не служу, называетъ меня Ѳедей, а вы, к-та,—Ѳедоръ Ѳедорычемъ... Да что говорить! Каждый рабочій для васъ человѣкъ... И вотъ еще что... Видѣлъ я много фабрикъ, а все выходитъ, что рабочій—гайка, винтъ или гвоздь... И вотъ еще что... Развѣ господа насъ, к-та, горбомъ поддерживающихъ всю страну, учатъ примѣромъ... Они въ чиновники идутъ, въ ученые, к-та, въ герои... А на вашей фабрикѣ, Павелъ Иванычъ, есть и школа, и больница, и пріютъ для сиротъ, и страхованіе... А главное вотъ что... Она учитъ насъ примѣромъ, какъ надо хозяйничать въ большомъ и маломъ... Рабочіе говорятъ: наша фабрика... Когда-то они будутъ говорить: наша деревня, наше поле, нашъ лѣсокъ... любить и беречь ихъ, какъ душу... Вы, Павелъ Иванычъ, дѣлаете наше мужицкое дѣло... Я вашей фабрикѣ—слуга вѣрный, вашей фабрикѣ,—да...

И грубое лицо Иванова было въ эту минуту красиво,—столько оно выражало энергіи, мужества, твердости. Нельзя было сомнѣваться, что чувства, которыя Ивановъ выражалъ такъ несуразно, не купишь ни за какія деньги. Андерсъ смотрѣлъ на него любовно, и взоръ его былъ мягокъ.

— Слишкомъ ужъ хвалите, Ѳедоръ Ѳедорычъ,—промолвилъ онъ тихо:—но вѣрно то, что мы другъ друга понимаемъ.

Вдругъ онъ, однако, на половину отвернулся и радостно воскликнулъ:

— Ахъ, вотъ и солнышко мое!

Въ комнату вбѣжала молодая дѣвушка, худая и блѣдная, одѣтая очень просто, скорѣе похожая на курсистку, чѣмъ на дочь богатаго фабриканта. Она кинулась прямо къ отцу на шею со словами:

— Папа... папочка... милый папа,—и очутилась въ его объятіяхъ. Затѣмъ она прислонилась лицомъ къ его плечу и протянула свободную руку Иванову.

IV.

На другой день уже съ утра начали съѣзжаться гости, чтобы поздравить Роню съ днемъ ея рожденія.

Андерсъ жилъ во флигелѣ, въ глубинѣ стараго парка съ вѣковыми липами. Всѣ фабричныя зданія находились по другую сторону около рѣки. Тамъ шумѣла фабричная жизнь, тамъ гудѣли станки, тамъ высокія трубы обдавали копотью небо, тамъ раздавались протяжные гудки, тамъ чувствовалось дыханіе метавшагося въ вѣчной лихорадкѣ XIX вѣка. Здѣсь же, во флигелѣ и около него, царилъ еще XVIII вѣкъ не по духу, конечно, а по внѣшнему виду зданія и окружавшаго его стараго парка.

Флигель Андерса былъ, дѣйствительно, домъ екатерининскаго вельможи. Но на этомъ домѣ не сбылись слова Державина: «разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ». И домъ, и паркъ прекрасно сохранились, и если бы пѣвецъ Фелицы воскресъ, онъ бы глазамъ своимъ не повѣрилъ: домъ, въ которомъ онъ пировалъ съ своими высокими покровителями, нисколько не измѣнился. Сохранилось высокое крыльцо съ трехугольнымъ фронтономъ и дорическими колоннами, окна фасада были внизу тройныя, наверху—полуциркульныя по бокамъ и прямоугольныя въ серединѣ. Прогуливаясь по парку, пѣвецъ Фелицы полюбовался бы ростомъ знакомыхъ ему липъ и могъ бы слышать въ отдаленіи:

> Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ,
> Клокоча, огнь толчетъ и мелетъ.

Тишина этой стороны парка нарушалась, дѣйствительно, только отдаленнымъ шумомъ фабрики и изрѣдка голосами наѣзжавшихъ въ торжественные дни гостей Андерса. Обыкновенно же тутъ было совсѣмъ тихо, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ Роня уѣхала за границу. Домъ какъ бы опустѣлъ, хотя въ немъ и кипѣла жизнь,—жизнь, правда, другая, чѣмъ при екатерининскомъ вельможѣ, менѣе громкая, но, можетъ быть, болѣе посвященная благу ближняго. Тогда народъ былъ безсловеснымъ матерьяломъ, изъ котораго лѣпили собственное благополучіе и величіе Россіи; теперь народъ жилъ

своею жизнью, и на долю фабриканта Андерса выпала трудная задача пріобщить представителей народа, рабочихъ, къ культурной жизни, безъ которой ни благополучіе такъ называемыхъ правящихъ классовъ, ни величіе страны теперь не мыслимы.

Правда, Андерсъ мало задавался этимъ вопросомъ. Умъ у него былъ практическій по преимуществу. Онъ добивался только одного: онъ страстно желалъ видѣть свою фабрику процвѣтающею, такъ, чтобы послѣдній работникъ чувствовалъ себя солидарнымъ со всѣмъ предпріятіемъ и способствовалъ по мѣрѣ силъ его успѣшному развитію. Съ этой точки зрѣнія все на ней и было устроено. Кромѣ того, Андерсъ и по натурѣ своей любилъ видѣть вокругъ себя довольныя лица: самъ энергичный, жизнерадостный, онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ только тогда, когда вокругъ него все работало бодро и весело.

Сегодня онъ былъ поглощенъ приготовленіями къ предстоящему празднеству, хотя успѣвалъ въ то же время встрѣчать гостей, которыхъ потомъ сдавалъ на руки дочери. Утромъ явились съ визитами лишь болѣе близкіе знакомые. Многіе остались къ завтраку, который затянулся очень долго. Теперь подъ вечеръ гости гуляли въ паркѣ.

По широкой липовой аллеѣ приближался къ дому, къ его террасѣ съ солидной бѣлой балюстрадой Петръ Сергѣевичъ Мостовскій. Это былъ старикъ средняго роста, очень изящный, съ бритымъ лицомъ, вкрадчивыми манерами и вѣчно игравшею на тонкомъ лицѣ полуиронической, полудобродушной улыбкой. Ему навстрѣчу съ террасы сбѣгала Роня. Онъ ее привѣтствовалъ въ томъ тонѣ, въ какомъ обращаются къ балованнымъ дѣтямъ:

— Милый мой пострѣленокъ!

Она взяла его подъ руки, и они направились къ тому мѣсту возлѣ самаго дома, гдѣ стояли скамейка, стулья и качалка.

— Нагулялись, дѣдуня, устали?—щебетала Роня, усаживая старика и сама бросаясь въ качалку.—А я,—продолжала она, усиленно качаясь,—никакъ не могу устать. Мнѣ такъ весело, дѣдуня, такъ весело! Вѣдь я—дома, я—дома! Что за счастье быть дома! Никакъ не могу насытиться этимъ чувствомъ. Вы подумайте только: вездѣ за границей мнѣ недоставало этого парка, этого дома, моего папы и... васъ, дѣдуня.

Мостовскій прищурилъ глазъ и наклонилъ голову.

— Будто бы?

Роня вскочила. Одинъ мигъ—и она была уже на террасѣ.

— Прощайте, больше меня не увидите,—крикнула она оттуда Мостовскому.

Онъ тоже всталъ и, съ мольбою сложивъ руки, проговорилъ:

— Вероника Павловна. Роня, вернитесь! Никогда больше не буду.

Но Роня не сдавалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; васъ надо примѣрно наказать.

И она уже скрылась въ домѣ.

Мостовскій стоялъ въ нерѣшительности—итти или не итти за ней. Но она показалась въ окнѣ надъ самымъ стуломъ, на которомъ онъ только что сидѣлъ. Увидавъ ее, Мостовскій взмолился:

— Вернитесь, Роня!

Облокотившись на подоконникъ, она отвѣтила:

— Ни за что! Какъ вы смѣли сомнѣваться! Я вамъ никогда этого не прощу.

— Да выслушайте же меня, Роня,—продолжалъ оправдываться Мостовскій.—Ахъ, ужъ эта молодежь! Что̀ она чувствуетъ, должны чувствовать всѣ. Не то и ссора готова. Вамъ дома хорошо, а по-моему вездѣ хорошо, только не дома. Вотъ вы пожили за границею, а что̀ бы я далъ, чтобы попасть туда и, знаете, не временно, а навсегда.

Роня возразила серьезно:

— Какія вы глупости говорите, дѣдуня!

— Сейчасъ и глупости,—какъ будто обидѣлся Мостовскій и вдругъ задекламировалъ съ искусствомъ заправскаго декламатора:

Быстра на слово молодежь—на слово,
Которое, какъ остріе ножа,
Употреблять должны мы осторожно...

— Дѣдуня,—прервала его Роня:—я очень люблю стихи, но не такіе, какіе читаетъ Алёша: они слишкомъ печальны... Хотите заслужить прощеніе, хотите? Ну, тогда вы должны назначить мнѣ вечеръ, и я буду васъ долго, долго слушать и наслаждаться чувствомъ, что вездѣ хорошо, а дома все-таки лучше...

— А я,—подхватилъ Мостовскій:—читая вамъ стихи, буду уноситься изъ постылой дѣйствительности туда, гдѣ апельсины зрѣютъ...

— Ахъ, какой вы скверный! Вы все на своемъ настаиваете...

— Какъ не настаивать, Роня,—продолжалъ Мостовскій.—Что такое Россія? Страна, гдѣ только насильникамъ, держимордамъ хорошо. Бѣжать изъ нея, бѣжать куда-нибудь подальше. Поселиться гдѣ-нибудь въ Германіи или Швейцаріи и отдохнуть душой отъ русскаго безобразія. Вотъ моя мечта. Говорятъ, что надъ Россіею занялась теперь заря, но у насъ,—улыбнулся онъ печально:—вѣчно, когда съ одной стороны заря занимается, съ другой—смеркается. И доживу ли я до восхода настоящаго солнца? Моя пѣсенка уже спѣта.

— Отъ нравоученія вы перешли къ элегіи, дѣдуня?

— Да, да, Роня, моя пѣсенка спѣта—солнце уже не для меня: оно для васъ, мой милый пострѣленокъ, оно для Алёши...

— Для Алёши,—проговорила задумчиво Роня, и взглядъ ея ушелъ въ даль.—Милый товарищъ дѣтства! Онъ не живетъ на землѣ.

Уже ребенкомъ онъ вѣчно уносился куда-то далеко-далеко, и намъ трудно было слѣдить за полетомъ его мысли: въ словахъ его всегда было столько таинственнаго, сказочнаго...

— Да, Алёша—поэтъ. Онъ весь пошелъ въ меня. Онъ, какъ и я, не рожденъ для «житейскаго волненія». Меня это очень заботитъ. Зато мой первенецъ, Ильюша...

— Ты меня зовешь, отецъ: я къ твоимъ услугамъ,—отозвался вдругъ голосъ съ террасы. Мостовскій вздрогнулъ отъ неожиданности. Но онъ тотчасъ же оправился.

— Посмотрите, Роня, какой онъ у меня молодецъ! Только зачѣмъ онъ появляется вѣчно такъ неожиданно, какъ тѣнь Банко,—захихикалъ онъ, и этотъ смѣхъ прозвучалъ диссонансомъ.

— Я за Ильей Петровичемъ этого не замѣчала,—удивилась Роня.—И къ чему тутъ тѣнь Банко?

— Скверная привычка, Роня, скверная привычка! Все въ жизни мнѣ напоминаетъ творенія великихъ поэтовъ. Но Ильюша у меня не поэтъ. Онъ рожденъ для живого дѣла. Павелъ Ивановичъ будетъ имъ доволенъ.

— Къ чему все это, отецъ?—замѣтилъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Ильюша.

— Не любитъ, когда его хвалятъ,—продолжалъ Мостовскій.—Не сердись, не сердись, сыночекъ. Но кого я вижу тамъ, въ глубинѣ парка,—засуетился онъ вдругъ.—Вѣдь это княгиня. Я сегодня съ ней почти еще не говорилъ. Пойду къ ней.

И онъ, дѣйствительно, ушелъ, какъ будто торопился оставить Роню и Ильюшу однихъ.

Какъ только онъ ушелъ, Ильюша, давно уже спустившійся съ террасы, подошелъ къ самому окну, гдѣ только что стоялъ его отецъ.

— Княгиня пріободрилась,—заговорилъ онъ, робко поглядывая на Роню.—Заграничная поѣздка съ вами, Вероника Павловна, ее, видимо, освѣжила.

— Княгиня?—Роня призадумалась, потомъ неожиданно прибавила:—Въ ней есть именно то, чего во мнѣ нѣтъ.

— Чего же... въ васъ-то... нѣтъ?—удивленно спросилъ Ильюша.

— Подождите секундочку,—хлопотливо прервала его Роня. Ея въ окнѣ уже не было. Вслѣдъ затѣмъ она появилась на террасѣ, быстро сбѣжала съ нея и стояла уже возлѣ Ильюши.—Сядемте вотъ здѣсь.—Она указала ему стулъ, а сама бросилась въ качалку, но теперь она качалась медленно, только по временамъ ускоряя движеніе.—Вотъ что есть въ нашей княгинѣ,—продолжала она:—въ ней есть устойчивость...

— Да,—возразилъ Ильюша, улыбаясь:—въ васъ теперь... мало устойчивости.

— Не шутите, пожалуйста,—продолжала Роня въ томъ же хлопотливомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивомъ тонѣ.—Я говорю очень

серьезно. Качаюсь я именно потому, что во мнѣ мало устойчивости. Княгиня никогда не сядетъ въ качалку, ей это не къ лицу. А я, знаете, что? Ртуть. Только что соберешь ее въ большой шарикъ—смотришь, она уже раздробилась на много мелкихъ шариковъ и разбѣгается во всѣ стороны. Я все собираю, собираю мои мысли и никакъ не могу ихъ собрать. Вы не повѣрите, какъ это грустно...

— У васъ умъ подвижной, Вероника Павловна,—проговорилъ Ильюша успокоительно.

— Нѣтъ, не то,—возразила Роня нетерпѣливо и продолжала въ тонѣ еще большей довѣрчивости, совершенно переставъ качаться.—Вотъ видите, теперь, когда я вернулась изъ-за границы, мнѣ надо совсѣмъ перемѣниться. Вѣдь я жила какой-то птичкой, порхала съ вѣтки на вѣтку, сама не зная зачѣмъ. Такъ жить нельзя. Мнѣ предстоитъ теперь отвѣтственная задача: папа хочетъ, чтобы я сейчасъ же вступила въ управленіе фабрикою. А у меня мысли все еще разбѣгаются, никакъ не могу сосредоточиться. Вотъ что грустно. Мнѣ такъ хотѣлось бы быть папѣ хорошей помощницей, а чувствую я себя такой слабой...

— Вероника Павловна,—проговорилъ Ильюша укоризненно:—подумайте, вѣдь вы только что пріѣхали, было ли время испытать себя? А потомъ,—прибавилъ онъ, наклонившись къ Ронѣ:—не забудьте, что васъ окружаютъ вѣрные друзья, готовые помочь вамъ, въ чемъ и гдѣ только можно...

— Какъ вы это хорошо сказали!—вырвалось у Рони, и въ голосѣ ея послышались радость и благодарность. Она протянула Ильюшѣ руку, которую тотъ, вставъ, почтительно поднесъ къ губамъ.

Свидѣтельницей этой сцены была смазливенькая черноглазая горничная, спускавшаяся именно въ эту минуту съ террасы. Она остановилась возлѣ Рони, выжидая, чтобы та обратила на нее вниманіе.

— Вотъ мнѣ опять весело,—продолжала между тѣмъ Роня:—я опять чувствую себя новорожденной, которую всѣ балуютъ.

Тутъ она замѣтила горничную и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ спросила:

— Тебѣ что, Дуняша?

— Вы приказывали, барышня... Уже скоро шесть... Сейчасъ гости начнутъ съѣзжаться.

— Вотъ видите, какая я разсѣянная — обратилась Роня къ Ильюшѣ.—Совершенно забыла, что туалетомъ еще надо заняться.

— Да развѣ этотъ туалетъ не прелестенъ!—воскликнулъ Ильюша, но въ тонѣ его теперь чувствовалась какая-то неувѣренность.

— Нѣтъ,—возразила Роня съ прежнею хлопотливостью:—надо торжественнѣе—папа это любитъ. До свиданія, Илья Петровичъ. Вмигъ буду готова. Пойдемъ, Дуняша.

Она улыбнулась Ильюшѣ и направилась съ Дупей къ террасѣ, но по дорогѣ туда остановилась, замѣтивъ кого-то въ отдаленіи.

Тамъ сидѣлъ на садовой скамейкѣ Алёша, углубленный въ книгу. Это былъ совсѣмъ еще юный студентъ, болѣзненный на видъ, въ общемъ очень мало походившій на брата. Въ томъ все казалось дѣланнымъ; у Алёши же простота доходила до наивности.

Роня быстро подбѣжала къ нему.

— Алёша, милый,—воскликнула она:—что ты тутъ дѣлаешь? Все читаешь, мечтаешь, зябнешь?

Дѣйствительно, студентъ былъ одѣтъ не по лѣтнему, и пальто его было застегнуто на всѣ пуговицы. Онъ вздрогнулъ и потомъ неувѣренно, почти робко улыбнулся дѣвушкѣ. Въ этой улыбкѣ была и затаенная грусть, и ласка.

— Нѣтъ, Роня, я видѣлъ, какъ ты разговаривала съ братомъ, какъ онъ поцѣловалъ у тебя руку, какъ подошла Дуня... Но то былъ сонъ. Я вернулся къ Метерлинку. У него—дѣйствительность.

И онъ началъ читать вслухъ:

— А въ домѣ, спроситъ, почему
Такъ пусто здѣсь теперь?
— Пусть видитъ: лампы свѣтъ погасъ,
И не закрыта дверь.

— Богъ съ тобой, Алёша,—промолвила Роня боязливо и вмѣстѣ съ тѣмъ съ укоромъ.—Какая же это дѣйствительность? Развѣ у насъ въ домѣ пусто, развѣ нашъ садъ не наполнится скоро огнями? А если дверь открыта, то не потому ли, что сегодня дивный вечеръ? Алёша, зачѣмъ ты портишь мой праздникъ?

Въ ея голосѣ слышались чуть не слезы.

Алёша, словно въ испугѣ, схватилъ ея руку. Она довѣрчиво положила ему другую на плечо.

— Роня, милая моя,—продолжалъ студентъ:—живи въ дѣйствительности, а не во снѣ. Дѣйствительность тамъ,—и онъ указалъ лѣвою рукою куда-то въ пространство:—а не здѣсь, на землѣ. Только тогда у тебя будутъ истинные праздники, какъ у меня.

Въ эту минуту къ нимъ подошли Мостовскій съ величественной старой дамой. Это была княгиня.

— У васъ праздникъ?—спросила она.—Вы стихи сочинили?

Роня выпустила руку Алёши и отошла на шагъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ студентъ, не глядя на княгиню и продолжая смотрѣть на Роню.—Другіе стихи сочиняютъ, Роня; мой отецъ, напримѣръ. Я стиховъ не сочиняю, я ихъ переживаю.

Въ его тонѣ слышалась искренность, исключавшая всякую мысль о рисовкѣ.

Но княгиня продолжала его допрашивать.

— Какіе стихи вы переживаете, свои или чужіе?

— Какіе придется,—отвѣтилъ равнодушно Алёша, слѣдя взглядомъ за Роней, удалявшейся въ сопровожденіи Дуни.

— Я думаю, что переживаемые вами стихи очень однообразны,— заявила княгиня.

Вмѣшался Мостовскій.

— Почему вы такъ думаете, княгиня?—спросилъ онъ.

Старческое, но выразительное ея лицо съ прекрасными, еще полными жизни глазами сдѣлалось вдругъ серьезнымъ. Точно воспоминаніе о чемъ-то очень грустномъ пробѣжало по немъ.

— Вашъ сынъ еще почти ребенокъ,—проговорила она:—а гамма разнообразныхъ чувствъ можетъ быть только у людей, много на своемъ вѣку испытавшихъ.

Алёша ужъ успѣлъ погрузиться въ книгу, точно разговоръ его не касался. А Мостовскій возразилъ:

— Однако, мой сынъ имѣетъ успѣхъ: онъ уже печатается.

— Да, вѣдь онъ—вашъ сынъ,—возразила княгиня.—А вы вѣдь во многихъ редакціяхъ—свой человѣкъ...

Съ террасы раздался голосъ Андерса:

— Милые друзья, Евгенія Михайловна Горяинова пріѣхала и хочетъ побыть съ вами: у меня еще не все готово.

Прокричавъ это, онъ тотчасъ же опять ушелъ въ домъ, а съ террасы скатилось что-то круглое и какъ будто нарядное. Это была женщина маленькая, пухлая, убѣленная сѣдинами, но чрезвычайно подвижная. Даже когда она молчала, все въ ней суетилось.

— Петръ Сергѣевичъ... Княгиня... Илья Петровичъ,—здоровалась она съ такою быстротою, что, казалось, она всѣмъ за разъ пожала руки.—Ахъ, вы не повѣрите, какъ я торопилась! Сперва рождественскій пріютъ, потомъ школа для арестантскихъ дѣтей, потомъ общежитіе, а справки по прошеніямъ о пособіи, а посѣщеніе призрѣваемыхъ на дому, а благотворительный базаръ... О, мы его устроимъ на славу: за 500 рублей по меньшей мѣрѣ я ручаюсь... И потомъ ce cher Anders! Можно ли о немъ забыть? Правда, много у него не получишь, но зато какое сердце, какое золотое сердце, какой умъ—прямо бы ему въ министры! И такой человѣкъ завѣдуетъ... фабрикой. О, сколько у насъ силъ пропадаетъ! И можно ли послѣ этого удивляться, что людямъ, понимающимъ, что такое человѣколюбіе, приходится выбиваться изъ силъ, чтобы сколько-нибудь помочь всѣмъ несчастнымъ... Но я вижу...

Она стала быстро осматриваться и обвела своею пухлою рукой паркъ, на деревьяхъ котораго виднѣлись гирлянды разноцвѣтныхъ лампіоновъ.

— Я вижу,—продолжала она:—что Павелъ Ивановичъ затѣваетъ что-то грандіозное. Какъ вы думаете, Петръ Сергѣевичъ, что можетъ стоить каждый изъ этихъ лампіоновъ?

И, не выждавъ отвѣта, она съ сокрушеніемъ воскликнула:

— Какъ жаль, какъ жаль, вѣдь каждый изъ этихъ лампіоновъ—обѣдъ для бѣдняка! Правда, княгиня? Мы съ вами, душечка, еще

не видѣлись. Вы мнѣ разскажете о вашихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ. О, это очень интересно! Счастливица! Что бы я дала, чтобы попасть въ страну, гдѣ нѣтъ столько несчастныхъ: сердце просто надрывается. Кстати, Петръ Сергѣевичъ, знаете, что у насъ случилось? Но, pardon!

И она, взявъ Мостовскаго подъ руку, быстро увлекла его по аллеѣ въ глубину парка. Старикъ еле поспѣвалъ за своей стремительной спутницей.

V.

Когда они скрылись на ближайшемъ поворотѣ, Ильюша обратился къ княгинѣ:

— Не сѣсть ли намъ, княгиня; я хотѣлъ бы съ вами поговорить.

— Вы бы хотѣли со мною поговорить? Вы—со мною? О чемъ же собственно? Сядемте. Я устала гулять съ вашимъ папашей.

— Да ничего важнаго нѣтъ.

— Однако вступленіе было очень торжественное.

— Вы все шутите, княгиня, какъ и прежде. Конечно, я въ вашихъ глазахъ продолжаю быть мальчишкой... Вы меня вѣдь знаете чуть не съ пеленокъ.

Княгиня наморщила носъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, простите, Ильюшенька,—проговорила она брезгливо:—вы преувеличиваете: я вашихъ пеленокъ никогда не видѣла, и потомъ вы мнѣ теперь представляетесь вполнѣ возмужалымъ человѣкомъ, даже слишкомъ возмужалымъ.

— Не понимаю, что вы этимъ хотите сказать,—какъ бы обидѣлся Ильюша.

— Ахъ, ничего особеннаго. Просто мнѣ показалось, что вы въ технологическомъ институтѣ окончательно утратили непосредственность, которой у васъ всегда было очень мало. Но о чемъ собственно вы собирались со мною говорить?

Красивые глаза ея теперь смѣялись, точно между ней и Ильюшей серьезныхъ разговоровъ не могло быть.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—заговорилъ Ильюша:—Павелъ Ивановичъ васъ такъ любитъ и уважаетъ.

— Хорошо ли вы освѣдомлены?

— И это понятно,—продолжалъ Ильюша.—Павелъ Ивановичъ никогда не забываетъ добра, которое ему сдѣлали,—а вашъ покойный отецъ помогъ ему, когда онъ началъ дѣлать карьеру.

— Вы что-то путаете, милый Ильюша. Это чиновники, въ родѣ моего покойнаго мужа, дѣлаютъ карьеру. Фабриканты дѣлаютъ дѣла, а не карьеру. Но вотъ вы мнѣ что скажите: вы сами-то намѣрены дѣлать дѣла или карьеру?

— Не прерывайте меня, княгиня.

— Хорошо. Итакъ, мы возвращаемся къ моей семейной хроникѣ, въ которой вы, кажется, прекрасно освѣдомлены...

— Я хотѣлъ только сказать, что Павелъ Ивановичъ вамъ безусловно довѣряетъ, и что его надобно предостеречь...

— Вы возлагаете эту роль на меня?

— Да, княгиня. На фабрикѣ неспокойно, а Павелъ Ивановичъ такъ довѣряетъ рабочимъ.

— Должно быть, однако, меньше, чѣмъ мнѣ, если вы на меня возлагаете порученіе его предостеречь. Слушаюсь. Но, насколько мнѣ извѣстно, теперь въ Россіи вообще неспокойно, быть можетъ, неспокойнѣе, чѣмъ на фабрикѣ Павла Ивановича...

— Я знаю, княгиня,—прервалъ Ильюша:—что вы во всѣхъ обстоятельствахъ жизни сохраняете спокойствіе. Это—неоцѣнимое качество, которое мнѣ въ васъ только что расхваливала Вероника Павловна. Но вѣдь въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о предпріятіи человѣка, намъ всѣмъ дорогого...

— Вы очень близко принимаете къ сердцу интересы фабрики?

— Несомнѣнно, принимаю къ сердцу и интересы фабрики, и интересы Павла Ивановича, и...

Княгиня очень внимательно посмотрѣла на Ильюшу.

— Что же вы не продолжаете?—спросила она, не давъ Ильюшѣ договорить.

— Мнѣ нечего продолжать,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ рѣшительно нечего продолжать, если вы, княгиня, не хотите меня слушать серьезно.

— Нѣтъ, я хотѣла только сказать, что и я принимаю очень близко къ сердцу и интересы фабрики, и интересы Павла Ивановича, и... Но взгляды на эти интересы могутъ быть различны.

— Я собственно,—прервалъ Ильюша,—хотѣлъ только сказать, что среди рабочихъ происходитъ броженіе, подогрѣваемое со стороны. Павелъ Ивановичъ такъ довѣрчивъ...

— Вы говорите: «подогрѣваемое со стороны». Это интересно. Кѣмъ же оно подогрѣвается?

— Мало ли кѣмъ! Ну, напримѣръ. Красновымъ.

— Вы говорите: Иваномъ Семеновичемъ? Но вѣдь онъ такъ друженъ съ Павломъ Ивановичемъ?

— Онъ и себѣ не врагъ. Онъ ищетъ популярности, онъ честолюбивъ...

— Очень рада, что это была ложная тревога,—раздался вдругъ надъ самыми ушами бесѣдовавшихъ голосъ Горяиновой, проходившей съ Мостовскимъ по боковой аллеѣ прямо къ дому. Княгиня и Ильюша встали, чувствуя, что ихъ разговоръ не можетъ продолжаться. Мостовскій говорилъ:

— Домашній врачъ Павла Ивановича имѣлъ сегодня со мною по этому поводу бесѣду. Онъ сказалъ, что это сущіе пустяки. Въ

нашемъ возрастѣ—я, понятно, имѣю въ виду только Павла Ивановича и себя—склерозъ сосудовъ, знаете, маленькій, легонькій,—явленіе очень распространенное. Съ нимъ можно долго жить. Онъ и у меня есть, но я нисколько не безпокоюсь. Стекло, на что хрупко, а иной стаканъ служитъ многіе годы. Такъ и съ нашими сосудами.

— Да,—возразила Горяинова:—но стаканъ можетъ и тотчасъ же разбиться. Вы не повѣрите, сколько ихъ бьютъ въ нашихъ пріютахъ. Я вездѣ ихъ замѣняю кружками.

Съ террасы снова послышался голосъ Андерса.

— Что, друзья, вы безъ меня не соскучились?—крикнулъ онъ.—Я сейчасъ къ вамъ. Кончилъ, кончилъ.

Рядомъ съ нимъ стоялъ Сѣркинъ.

— Вотъ что, Сѣркинъ,—обратился онъ къ нему, указывая на дерево въ отдаленіи:—ты вели срубить тамъ эти вѣтки, а то фейерверкъ отсюда будетъ плохо виденъ.

Сдѣлавъ это распоряженіе, онъ быстро спустился съ террасы. Всѣ пошли къ нему навстрѣчу, за исключеніемъ Алёши, все еще сидѣвшаго вдали на скамейкѣ и читавшаго книгу, хотя вечернія сумерки въ густомъ паркѣ сгущались.

— Ну, теперь, друзья,—продолжалъ Андерсъ:—я съ вами уже не разстанусь. Приказалъ всѣхъ гостей приглашать сюда. Какъ вы думаете: обѣдать будемъ на террасѣ? Никто не запротестуетъ?

— Больныхъ вѣдь не будетъ,—замѣтилъ Мостовскій.

— Всѣ мы архи-здоровы,—возразилъ Андерсъ весело.

Но вдругъ онъ замѣтилъ Алёшу и направился къ нему. Остальная компанія послѣдовала за нимъ.

— Что, Алёшенька, ты все попрежнему: кхе-кхе да кхе-кхе?

Затѣмъ онъ подсѣлъ къ нему и обнялъ его правой рукой.

— Гдѣ намъ обѣдать, Алёшенька?—спросилъ онъ.—Хочешь, мы для тебя будемъ обѣдать въ комнатѣ? Но ты сегодня, повидимому, не зябнешь: читаешь на воздухѣ.

Алёша улыбнулся Андерсу какимъ-то отрѣшеннымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, не зябну,—отвѣтилъ онъ:—Роня меня согрѣла.

— Роня? Чѣмъ? Пуншемъ, который ты такъ любишь?

— Нѣтъ, лаской.

— Люблю Алёшу,—воскликнулъ Андерсъ.—Мѣткое у него слово иногда сорвется. Если кто можетъ согрѣть лаской, то, конечно,—Роня.

Въ разговоръ вмѣшалась княгиня.

— Я начинаю вѣрить,—вздохнула она:—что онъ стихи не сочиняетъ, а переживаетъ.

— У Вероники Павловны дѣйствительно много сердечной теплоты: ея хватитъ на всѣхъ,—замѣтилъ Ильюша.

Алёша схватился рукою за голову, точно она внезапно у него заболѣла.

— Не юли, Ильюша, не юли,—вырвалось у него стономъ.

— Тебя, милый, хвалить опасно,—остановилъ его Андерсъ и, вставъ, тотчасъ же обратился къ Горяиновой.—Ну, какъ вы нашли мою Роню? Правда, она за границей поправилась?

Горяинова словно только ждала сигнала, чтобы начать говорить.

— Вы ее называете Роней, всѣ ее называютъ Роней,—понеслась она.—А не правильнѣе ли было бы называть ее розой, пышно расцвѣтающей розой? Нѣтъ, зачѣмъ розой,—лучше лиліей. Она, несомнѣнно, больше похожа на лилію, и въ то же время въ ней есть что-то оправдывающее ея настоящее имя—имя Вероники. Vous connaissez cette légende délicieuse? Сострадательная іерусалимская жена (о, если бы на свѣтѣ было больше сострадательныхъ женщинъ и мужчинъ, мужчинъ и женщинъ!), я говорю, іерусалимская жена, по имени Вероника, подала Господу нашему Іисусу Христу во время Его страстотерпчества платъ, какой носили тогда женщины, ну, большой, бѣлый, безъ бахромы, словомъ, платъ, чтобы Онъ могъ имъ обтереть потъ и кровь, священный Свой потъ и священную Свою кровь. И Христосъ принялъ платъ, да, принялъ, и представьте себѣ: Его ликъ отпечатлѣлся на немъ. Іерусалимская жена Вероника имѣла доброе, сострадательное сердце. Отраженіе этихъ чувствъ украшаетъ и обликъ Рони. Нельзя сомнѣваться, что и въ сердцѣ ея скрыты тѣ же чувства. Да расцвѣтутъ же они, какъ расцвѣтаетъ ея внѣшній обликъ, ибо нѣтъ ничего выше человѣколюбія: въ немъ всѣ добродѣтели, вся сладость бытія, весь смыслъ нашего мимолетнаго существованія. Если бы не было человѣколюбія...

— Спасибо, Евгенія Михайловна,—прервалъ ее Андерсъ, поцѣловавъ у нея въ знакъ благодарности руку:—большое вамъ спасибо за доброе слово. Съ вами, друзья, я всегда себя чувствую, какъ въ родной семьѣ. Но гдѣ же виновница сегодняшняго торжества, гдѣ же Роня?—спросилъ онъ, оглядываясь на домъ.

Отвѣтилъ на его вопросъ Ильюша.

— Вероника Павловна сейчасъ придетъ. Она пошла заняться своимъ туалетомъ.

— Молодецъ, Ильюша, ты всегда все знаешь... А вотъ и Иванъ Семенычъ,—прервалъ себя Андерсъ, привѣтствуя Краснова, спускавшагося какъ разъ въ это время съ террасы.—Только къ обѣду пришли,—упрекнулъ онъ его.—Отчего съ нами не позавтракали?

— Не могъ, никакъ не могъ,—извинялся Красновъ.—Все дѣла, дѣла. А гдѣ же Вероника Павловна? Тамъ я цвѣты принесъ,—поздравить хочу.

— Сейчасъ, сейчасъ придетъ,—успокоительно произнесъ Павелъ Ивановичъ.

Красновъ поздоровался съ остальною компаніею.

— Друзья дома уже въ сборѣ,—произнесъ онъ внушительно.—Какая погода! Вечеръ, а тепло, почти жарко.

Мостовскому всякаго рода оптимизмъ былъ ненавистенъ.

— Удивляюсь вамъ, Иванъ Семеновичъ,—проговорилъ онъ брезгливо:—два-три теплыхъ дня, и вы въ восторгѣ приходите. Мало же вамъ нужно!

— Человѣкъ долженъ въ жизни довольствоваться малымъ,—замѣтила Горяинова.

— Я, Евгенія Михайловна, не сторонникъ философіи отреченія,—настаивалъ Мостовскій.

— А я, а я,—заявилъ Красновъ:—вы знаете, я всегда утверждалъ, да...

— Ахъ, вотъ и Роня!—воскликнулъ Андерсъ, всѣмъ крупнымъ своимъ тѣломъ подавшійся къ террасѣ. Остальное общество также направило свои взоры туда. Но на террасѣ никто не появлялся. Тамъ только офиціанты накрывали на столъ.—Простите, друзья,—проговорилъ Андерсъ разочарованно:—я ошибся. Мнѣ показалось, что въ компатахъ кто-то пробѣжалъ: это, вѣроятно, Дуняша.

Красновъ продолжалъ:

— Я всегда утверждаю, что человѣкъ долженъ много требовать, а то онъ ничего не получитъ. Я всегда утверждаю, что при настоящихъ условіяхъ иначе разсуждать нельзя. Я васъ спрашиваю: кѣмъ мы окружены? и отвѣчаю: мы окружены хищниками, потерявшими всякую совѣсть. Какъ же быть съ этими хищниками? Надо съ ними бороться, бороться неумолимо, не щадя себя, до послѣдней капли...

— Иванъ Семеновичъ,—окликнула его Роня, быстро сбѣжавшая съ террасы и кинувшаяся къ нему:—Иванъ Семеновичъ, какъ я рада васъ видѣть. Вотъ и вы наконецъ съ нами. Мерси за чудные цвѣты.

Краснову трудно было перемѣнить видъ внушительности на видъ испытываемаго имъ удовольствія,—такъ неожиданно было для него появленіе Рони. Но онъ справился съ этою задачею довольно удачно и сказалъ:

— Да будетъ вашъ жизненный путь усѣянъ цвѣтами! Поздравляю, поздравляю,—повторялъ онъ.

А Андерсъ уже обнялъ Роню одной рукой и, любовно глядя ей въ глаза, говорилъ:

— Вотъ видишь, дочурка, какъ всѣ тебя любятъ!

Роня ластилась къ нему.

— Я и то, папа, постоянно повторяю, что нигдѣ не можетъ быть такъ хорошо, какъ дома.

Но это замѣчаніе не могло быть оставлено безъ возраженія со стороны Краснова.

— Согласенъ,—сказалъ онъ:—но только, если дома можно имѣть домъ, въ который не врываются непрошенные гости.

— Вы все попрежнему занимаетесь политикой, Иванъ Семеновичъ?—спросила Роня.

За Краснова отвѣтилъ Андерсъ.

— Да, да, Роня, все осталось попрежнему: Иванъ Семеновичъ занимается политикой, добрѣйшій Петръ Сергѣевичъ все жалуется на обстоятельства, Евгенія Михайловна пылаетъ священнымъ огнемъ человѣколюбія, княгинюшка поучаетъ насъ житейской мудрости, Ильюша усердно занимается дѣлами на фабрикѣ и всегда все знаетъ и видитъ, Алёша чего не видитъ, о томъ и бредитъ, и всѣ попрежнему милы и добры къ намъ. Какъ мы теперь славно заживемъ съ тобою. Какъ хорошо, что ты вернулась!

Глаза его смѣялись, а Роня такъ и льнула къ нему.

— Знаешь, папа,—говорила она:—за границей всѣ люди казались мнѣ чужими, а здѣсь всѣ кажутся родными.

Но тутъ она вдругъ отстранилась отъ отца и бросилась навстрѣчу спускавшемуся съ террасы Иванову.

— Вотъ еще родной человѣкъ,—привѣтствовала она его, и въ эту минуту ея лицо было такое радостное, счастливое, что ею можно было залюбоваться.—Милый Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—прибавила она еще, протянувъ ему обѣ руки.

— Еще разъ, Виринея Павловна,—отвѣчалъ онъ на ея привѣтствія, и голосъ у него дрогнулъ. Но онъ тотчасъ же справился съ собою и доложилъ Андерсу:

— Тамъ, Павелъ Ивановичъ, Селезнёвъ съ семьею идетъ.

— А, это гость особый,—засуетился Андерсъ.—Его надо встрѣтить, не то обидится.

И онъ быстро сталъ подниматься по ступенямъ террасы. Вмѣстѣ съ Селезнёвымъ, его женой и сыномъ на террасѣ появилось еще нѣсколько гостей. Число ихъ все увеличивалось, и Андерсъ весело и бодро здоровался со всѣми.

Красновъ обратился къ Мостовскому и Горяиновой съ восклицаніемъ:

— Никакъ не ожидалъ, что Андерсъ пригласитъ и этого Селезнёва.

— Чѣмъ онъ вамъ не милъ, профессоръ?—спросила княгиня наивно.

— Хамово отродье, отродье хищниковъ,—провозгласилъ Красновъ и грозно прибавилъ:—но дни ихъ сочтены.

Горяинова подхватила въ томъ же тонѣ:

— «Проклятъ Ханаанъ; рабъ рабовъ будетъ онъ у братьевъ своихъ»—и прибавила уже съ искреннимъ раздраженіемъ:—У этого Селезнёва ничего не добудешь для бѣдныхъ.

Ильюшу съ Роней разговоръ этотъ мало интересовалъ. Она его спросила:

— Скажите, я скоро дополнила свой туалетъ?

— Вы, кажется, все дѣлаете быстро и... хорошо,—прибавилъ онъ съ оттяжкою, глядя на Роню влюбленными глазами.

— Но не такъ быстро, какъ у васъ срываются съ устъ комплименты,—возразила Роня и тотчасъ же обратилась къ Ильюшѣ съ вопросомъ:

— Вы попрежнему мастеръ въ крокетъ играть? А я какъ изловчилась за границею! Хотите нѣсколько шаровъ?

— Темно ужъ! Гости собираются,—отвѣтилъ Ильюша вполголоса.

— Ничего. Только нѣсколько шаровъ. Скорѣй, скорѣй!

И она увлекла Ильюшу съ собой.

Княгиня замѣтила ихъ исчезновеніе.

— Куда это они?—спросила она Мостовскаго съ неудовольствіемъ.

— Шалятъ: ихъ дѣло молодое,—равнодушно отвѣтилъ тотъ и тотчасъ же, продолжая прежній разговоръ, обратился къ Горяиновой съ вопросомъ:—Скажите, Евгенія Михайловна, почему это у хамовъ всегда денегъ много, а у нашего брата—мало?

Его лицо выражало брюзгливость.

Ивановъ, скрывая улыбку, отвѣтилъ за Горяинову:

— Значитъ, такъ ужъ положено: купцу, к-та, богатѣть, а дворянину—разоряться.

Въ эту минуту Андерсъ сошелъ съ террасы и, не видя Рони, сталъ искать ее въ разныхъ направленіяхъ и, дойдя до Алёши, спросилъ его издали:

— Гдѣ же Роня, Алёша?

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, студентъ задекламировалъ:

Глядитъ Вероника, смѣется... и вдругъ
Умолкла... Лицо поблѣднѣло.
Ей чудится: вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопатой проворной,
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной...

Многіе гости сошли уже вслѣдъ за Андерсомъ въ паркъ, и всѣ съ недоумѣніемъ прислушивались къ страннымъ словамъ студента.

Но Андерсъ громко расхохотался.

— Это, милые гости, не такъ страшно. На Алёшиномъ языкѣ это просто значитъ, что Роня въ крокетъ играетъ,—и онъ громко сталъ звать:—Роня, Роня.

Роня вскорѣ прибѣжала, запыхавшись.

— Представь себѣ, папа,—воскликнула она, вся радостная, оживленная:—я сдѣлала три шара, а Илья Петровичъ только одинъ.

Гости окружили ее съ поздравленіями, а Андерсъ у террасы привѣтствовалъ другихъ, только что пріѣхавшихъ. Паркъ все болѣе оживлялся.

Княгиня съ Ивановымъ оказались въ сторонѣ.

— Вы замѣчаете, Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—спросила она его:—какъ Роня быстро сближается съ Ильюшей? Только что пріѣхала, а у нихъ уже видъ влюбленныхъ.

— Они вѣдь съ дѣтства знакомы!

— Да, но, насколько я успѣла замѣтить, между ними этого сближенія до сихъ поръ не было. За границею Роня рѣдко его вспоминала.

— Можетъ быть, на словахъ рѣдко вспоминала, потому что въ душѣ о немъ постоянно помнила.

— Васъ это сближеніе радуетъ?

— Трудно повѣрить, чтобы Виринея Павловна, когда ближе узнаетъ Илью Петровича, могла, к-та, остановиться на немъ.

— Да вы сами говорите, что они уже съ дѣтства знакомы.

— То, что въ ребенкѣ есть—и хорошее, и дурное,—раскрывается лишь по маленьку. Трудно сказать, какое дерево вырастетъ прямымъ, какое—корявымъ.

Также въ сторонѣ отъ центральной группы гостей бесѣдовали Мостовскій съ Горяиновой.

— На моего друга Андерса,—говорила она,—я твердо разсчитываю. Онъ мнѣ сегодня далъ слово. Я воспользовалась его радостнымъ настроеніемъ, и онъ на этотъ разъ моихъ бѣдныхъ не обидитъ. Но для задуманнаго мною пріюта надо много, много денегъ. Пока еще не собрано и половины. Милый Петръ Сергѣевичъ! Вамъ ничего не стоитъ. Вы могли бы устроить музыкально-литературный вечеръ. Для васъ литераторы, музыканты это охотно сдѣлаютъ. Прошу васъ, примитесь за это дѣло. Въ вашихъ рукахъ оно будетъ имѣть блестящій успѣхъ...

— Вы думаете, Евгенія Михайловна? Попробую,—согласился Мостовскій.—Но, скажите, та высокопоставленная особа, которой вы намѣрены вручить сумму на пріютъ...

Въ центральной группѣ произошло какое-то особенное оживленіе, и голосъ Андерса раздался громко:

— Вотъ великолѣпный подарокъ,—говорилъ онъ.—Роня, ты развѣ не понимаешь? Вѣдь эта брошка изображаетъ кадуцей, жезлъ Меркурія. Какая тонкая работа! Ты, Роня, вступаешь завтра въ управленіе фабрикою: богъ Меркурій становится твоимъ богомъ. Онъ у насъ вообще не въ почетѣ. И на это есть причины, о, есть! Меркурій у насъ богъ кармана и обмана. Но не всегда такъ будетъ, не всегда. Великолѣпный подарокъ,—подарокъ, какъ теперь говорятъ, символическій. Ну, поблагодари еще разъ, дочка. Ты на своемъ вѣку покажешь, какъ и я старался показать, что Меркурій—богъ

не однихъ только темныхъ дѣлъ, что ему можно иначе поклоняться, чѣмъ обыкновенно ему поклоняются.

— Большое вамъ спасибо,—говорила Роня гостю, поднесшему подарокъ.—Я постараюсь,—продолжала она неувѣренно:—носить съ честью этотъ... какъ только папа сказалъ... ахъ, да, кадуцей. Эмаль—одна прелесть.

Андресъ смотрѣлъ уже куда-то въ сторону вверхъ.

— Ахъ!—воскликнулъ онъ:—Сѣркинъ все еще не справился съ вѣтками. Надо самому распорядиться. На минутку, милые гости.

И онъ торопливо направился въ глубь парка. Но, замѣтивъ, что Алёша все еще сидитъ съ книгою на прежнемъ мѣстѣ, подошелъ по дорогѣ къ нему.

— А ты, Алёшенька, продолжаешь читать здѣсь въ темнотѣ книгу?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его почувствовалась какая-то особенная мягкость.

— Мнѣ свѣту всегда довольно,—отвѣтилъ студентъ съ такою же ласкою въ голосѣ. –У меня свой внутренній свѣтъ.

— И при этомъ свѣтѣ ты все видишь?

— Да, все.

Андерсъ положилъ ему руку на плечо.

— Мысли, чувства свои видишь,—продолжалъ онъ:—но не видишь людей, а людей не видѣть значитъ жизни не знать.

— Я васъ вижу, Павелъ Ивановичъ, я вижу Роню, а другихъ людей мнѣ не надо.

— А Ѳедора Ѳедорыча?

— Да еще и его.

Андерсъ наклонился, поцѣловалъ студента въ голову и быстро ушелъ. Онъ отсутствовалъ довольно долго, и Роня начала безпокоиться, замѣтивъ княгинѣ:

— Обѣдать пора, а папа пошелъ какіе-то сучья срубать.

— Не безпокойся, Роня,—провозгласила княгиня:—папа обо всемъ думаетъ и никогда ничего не забываетъ.

Дѣйствительно, гирлянды лампіоновъ на деревьяхъ то здѣсь, то тамъ засверкали разноцвѣтными огнями, и въ то же время послышался глухой, но могучій трескъ обламываемыхъ сучьевъ. Роня и нѣкоторые гости даже вздрогнули.

— Ну, теперь просвѣтъ полный,—успокоительно заявилъ Ивановъ, посмотрѣвъ въ одну изъ боковыхъ аллей.

Столъ на террасѣ былъ накрытъ и богато убранъ цвѣтами. Огней становилось все больше. Они затмевали угасавшій дневной свѣтъ. Гости весело болтали, поминутно раздавались взрывы хохота. Было людно, шумно, весело.

Дуняша принесла какой-то зябкой гостьѣ накидку. Возвращаясь на террасу, она мимоходомъ шепнула Ильюшѣ:

— Завтра будешь?

Ильюша огрызнулся:

— Не приставай!

Это произошло совершенно незамѣтно, но Мостовскій уловилъ эту сценку. Онъ съ досадой буркнулъ сыну:

— Смотри, все испортишь.

— Кончено, отецъ, кончено,—прошепталъ успокоительно Ильюша.

Въ это время къ гостямъ вернулся Андерсъ, сильно запыхавшійся, но оживленный.

— Представьте себѣ,—заговорилъ онъ громко, и все вокругъ смолкло передъ голосомъ хозяина:—во фракѣ... въ полномъ парадѣ... руку приложилъ... Копались... безъ конца... Я помогъ... И дѣло сдѣлано...

— Охота вамъ самимъ,—укоризненно замѣтилъ Ивановъ.

Но Андерсъ ему весело отвѣтилъ:

— Великій царь былъ плотникомъ... Можетъ же простой фабрикантъ быть садовникомъ... Молодость вспомнилъ... Только немного запыхался... Вмигъ пройдетъ...

Онъ взглянулъ на часы:

— Акуратъ семь,—провозгласилъ онъ.—Ну, милые гости, обѣдать пора. Идемте, идемте... Показать вамъ дорогу? Закуски сервированы въ столовой, а обѣдать будемъ на террасѣ. Никто не протестуетъ?—спросилъ онъ и посмотрѣлъ во всѣ стороны.—Никто? Вотъ и прекрасно. Такъ идемте же, идемте.

И гости вмѣстѣ съ Андерсомъ толпой стали подниматься на террасу, но хозяйскій голосъ и тутъ раздавался внушительно.

— Роня, гдѣ ты?—спрашивалъ онъ, потерявъ дочь изъ виду.

Она тотчасъ же приблизилась къ отцу, а онъ продолжалъ:

— Не забудь, что ты—хозяйка. За границей разучилась хозяйничать, по отелямъ живя. Княгинюшка, помогите ей: вамъ и книги въ руки. Эхъ, жены моей нѣтъ! Полюбовалась бы на дочку. Пожалуйте, пожалуйте,—продолжалъ онъ приглашать гостей, стоя уже на террасѣ, окруженный ими.—Какой вечеръ! И теперешняя моя жизнь—прекрасный вечеръ.

Въ боковой аллеѣ загорѣлось электрическое солнце, обдавъ Андерса и гостей потоками свѣта.

— Да,—подтвердилъ онъ:—моя теперешняя жизнь—прекрасный вечеръ... И попируемъ мы съ вами еще, друзья, и поработаемъ...

Голосъ его звучалъ увѣренно и громко, но вдругъ осѣкся и сталъ какимъ-то глухимъ, невнятнымъ.

— Роня, да что это?—спрашивалъ онъ.—Ничего не вижу. Роня, Роня... гдѣ ты?—слышалось уже совсѣмъ слабо, словно Андерсъ ушелъ куда-то далеко-далеко и до глубины души удивленъ и встревоженъ тѣмъ, что дочери не видитъ. Онъ уже не стоялъ, а какъ-то вдругъ присѣлъ, поддерживаемый дочерью и стоявшими около него гостями. Всѣ встревожились, и настала зловѣщая тишина.

Потомъ послышались голоса: «Воды, воды! доктора!» Андерса уже унесли въ комнаты, и гости тихо другъ друга спрашивали, что собственно случилось? Первая выбѣжала въ паркъ изъ комнатъ Горяинова и, удовлетворяя общее любопытство, тихонько всѣмъ сообщала:

— Кажется, ударъ. Mon pauvre ami! Ахъ, какъ некстати, какъ некстати!

Вслѣдъ за Горяиновой вышелъ въ паркъ и Красновъ, растерянно повторявшій про себя:

— «Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ».

Селезнёвъ отдѣлился отъ жены и сына и подошелъ къ Краснову:

— Что, батенька, съ Павломъ Иванычемъ?

— Говорятъ, ударъ,—грубо отвѣтилъ Красновъ, тотчасъ отвернулся и снова направился къ террасѣ.

— О-о-о! Время непріятное-съ,—вздохнулъ ему вслѣдъ Селезнёвъ и, вернувшись къ женѣ, шепнулъ ей:—Кажись, Андрюшу съ фабрикою поздравить можно.

Р. И. Сементковскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СИЛУЭТЫ ВРЕМЕНИ РЕФОРМЪ

(Воспоминанiи шестидесятника [1]).

IV

Князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ.—Очеркъ его характера и политическихъ воззрѣній.—Независимость.—Группа шестидесятниковъ его типа.—Его братъ князь Викторъ.—Александръ II и перехваченное письмо.—Дворянскія партіи.—Боязнь волненій послѣ объявленія манифеста 19 февраля. — Шутка князя Александра Иларіоновича, всполошившая русское посольство въ Берлинѣ.

КНЯЗЬ Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ, другъ и секундантъ Лермонтова, принадлежалъ, какъ и свѣтлѣйшій князь А. А. Суворовъ, къ группѣ русскихъ дворянъ реформеннаго періода, участіе которыхъ въ подготовкѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ и проведеніи ихъ въ жизнь могло бы содѣйствовать правильному развитію обновительнаго движенія и предупредило бы много нежелательныхъ событій и трагическихъ катастрофъ послѣдующихъ десятилѣтій. Главныя достоинства членовъ этой группы заключались въ искреннемъ сочувствіи легально-либеральному обновленію, въ отвращеніи къ закулиснымъ интригамъ противъ реформъ (ко лжи вообще). Васильчиковъ былъ очень умный человѣкъ. Его общественно-политическія воззрѣнія взросли на почвѣ идеаловъ сороковыхъ годовъ. Къ зрѣлой порѣ его жизни, къ шестидесятымъ годамъ, они приняли обдуманно практическое направленіе, оставаясь либеральными. Лица его типа не упускали

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIX, стр. 83.

изъ виду эволюціонныхъ перспективъ даже отдаленнаго будущаго прогрессированія благоденствія не одного какого-либо класса, а всего русскаго народа, всей русской націи. Александръ Иларіоновичъ много читалъ и занимался съ сороковыхъ по шестидесятые годы тѣмъ, что называется самообразованіемъ; умѣлъ взвѣшивать читанное и формировать свое независимое мнѣніе. Толчки и передергиванія въ отношеніяхъ реформирующаго правительства къ практическому осуществленію разработанныхъ тѣмъ же самымъ правительствомъ реформъ его искренне огорчали, обнаруживая, по его словамъ, «непродуманность и незнакомство съ Россіей» тѣхъ, кто, сдѣлавъ шагъ впередъ, трусили дальнѣйшаго и отступали. Онъ былъ безукоризненный «джентльменъ» по воспитанію и общественной средѣ, въ которой вращался. Не менѣе безукоризненно и симпатично было прирожденное ему благородство образа мыслей и обращеніе, чуждое всяческой слащавости, къ людямъ вообще, начиная съ простолюдиновъ, съ которыми ему, какъ одному изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Россіи, приходилось имѣть дѣло (а дѣлами своими онъ занимался самъ), и кончая лицами, выдающимися по положенію и уму.

Онъ былъ вполнѣ независимымъ человѣкомъ не только по богатству и происхожденію, но и по самому складу характера: чуждъ тщеславія и какихъ бы то ни было личныхъ искательствъ. Во многихъ отношеніяхъ его можно было поставить въ одну группу съ другими крупными дворянами-землевладѣльцами: съ его двоюродными братьями Дашковыми (рязанскіе помѣщики), А. В. Головнинымъ (министръ народнаго просвѣщенія, тоже рязанскій), Петромъ Алексѣевичемъ Васильчиковымъ [1]), съ Лугиниными, графомъ П. А. Гейденомъ, съ княземъ В. В. Оболенскимъ, скромнымъ предсѣдателемъ московской земской управы Наумовымъ, цѣлой серіей тверитянъ, Андреемъ Павловичемъ Шуваловымъ [2]), сосланнымъ за границу за противоправительственныя рѣчи, произнесенныя въ первомъ петербургскомъ земскомъ собраніи, которое, какъ извѣстно, было распущено и упразднено, и многими другими. Между членами этой группы были разногласія въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ. Но въ общихъ принципахъ всѣ они сходились и не умѣли ими поступаться.

Къ этой же группѣ слѣдуетъ присоединить родного брата Александра Иларіоновича, князя Виктора Иларіоновича. Послѣд-

[1]) Въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года появилась замѣтка г. Ю. В. Васильчикова, указывающая на ошибку, вкравшуюся въ мою статью «Воспоминанія о цесаревичѣ»: П. А. Васильчиковъ названъ «княземъ». Указаніе совершенно справедливо; но ошибка не автора; вѣрнѣе, описка. Въ моей статьѣ, напечатанной также въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нѣсколько лѣтъ назадъ и озаглавленной «Первый Земскій Съѣздъ» (который и собирался въ Москвѣ обыкновенно въ домѣ Петра Алексѣевича Васильчикова, котораго я зналъ и раньше, послѣдній не титулуется княземъ.

[2]) Не смѣшивать съ графомъ Петромъ Андревичемъ, шефомъ жандармовъ.

ній былъ генераломъ свиты его величества, на пути быть, какъ ожидали, военнымъ министромъ, любимцемъ молодого государя-реформатора, который не только довѣрялъ ему, но уважалъ его откровенныя мнѣнія. В. И., несомнѣнно, былъ преданъ царю-Освободителю, какъ и самымъ идеямъ освободительности, покуда онѣ проводились искренне, послѣдовательно, безъ опасныхъ осаживающихъ вмѣшательствъ лицъ, втайнѣ имъ недоброжелательствующихъ и Россію слишкомъ мало знающихъ. Викторъ Иларіоновичъ иногда критически относился къ дѣйствіямъ такихъ лицъ и ихъ реакціоннымъ мѣрамъ, которыя грозили повредить правильному развитію обновленія. Александръ II зналъ о критикѣ Виктора Васильчикова. Доводить это до свѣдѣнія царя было выгодно тѣмъ, кого касалась критика. Но надо отдать справедливость государю, онъ все-таки не измѣнялъ своего благосклонно довѣрчиваго съ нимъ обращенія. Его недоброжелатели тогда прибѣгли къ иному средству. При содѣйствіи Третьяго Отдѣленія было перехвачено пространное письмо къ другу и единомышленнику его, жившему въ провинціи. Письмо вскрыли, прочитали и представили Александру Николаевичу. Авторъ письма выражался въ немъ рѣзче обыкновеннаго объ ошибкахъ и колебаніяхъ государя, подпавшаго вліянію неумѣлыхъ или неискреннихъ совѣтниковъ. И все-таки государь, прочитавъ письмо, опять не разгнѣвался на Виктора Иларіоновича, а, призвавъ къ себѣ, сказалъ, что, не взирая на такую рѣзкую критику, онъ (государь) не только не сердится, но даже вовсе не желаетъ измѣнять своихъ къ князю отношеній и проч.

Александръ II, однако, не разсчиталъ, что В. И. Васильчиковъ самъ измѣнитъ отношенія и, можетъ быть, свои чувства. Князь В. И. не могъ себѣ ни объяснить, ни представить, чтобы чтеніе кѣмъ бы то ни было чужихъ писемъ не являлось поступкомъ зазорнымъ. Словомъ, онъ почтительно, но откровенно сказалъ Александру Николаевичу, что послѣ прочтенія имъ такого письма онъ, Васильчиковъ, не считаетъ болѣе возможнымъ продолжать службу. Не взирая на убѣжденія императора, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ пензенскомъ помѣстьи.

Между тѣмъ и Викторъ Иларіоновичъ, подобно своему брату Александру, въ началѣ царствованія вѣрилъ и въ благодѣтельность и въ осуществимость реформъ. Освобожденіе крестьянъ соотвѣтствовало ихъ идеаламъ (сороковыхъ годовъ). Хотя они къ тому времени, умудренные двадцатилѣтними наблюденіями за ходомъ государственнаго управленія и за практическимъ развитіемъ проекта эмансипаціи, понимали недочеты «Положенія 19-го февраля 1861 года», хотя и относились къ факту менѣе восторженно, чѣмъ отнеслись бы, вѣроятно, двадцать пять лѣтъ ранѣе, но они все-таки видѣли въ немъ великое, многообѣщающее въ будущемъ начало.

Въ этомъ отношеніи князь Александръ Иларіоновичъ и его единомышленники составляли исключеніе (хотя далеко не были одиноки) въ высшемъ слоѣ общества, къ которому принадлежали. Но именно они-то, эти исключительные въ своей средѣ люди, подходили къ періоду реформъ и къ видамъ Александра II въ первые годы его царствованія. Между тѣмъ ими не только не воспользовались, но старались ихъ удалять отъ государственной дѣятельности.

Изрядная половина крупноземельнаго дворянства, т. е. правящаго класса, хмуро взирала на освободительный переворотъ и только по необходимости, отнюдь не по убѣжденію, подчинялась волѣ монарха. Она не сочувствовала реформѣ. Болѣе того, трепетала, ожидая, что ихъ «рабы», узнавъ о дарованной свободѣ, первымъ дѣломъ поднимутъ топоры противъ своихъ бывшихъ господъ и пойдетъ пугачевщина. Трепетъ этотъ правящаго класса и его горькія послѣдствія опасеній не очерчены еще достаточно отчетливо изслѣдователями той эпохи. Между тѣмъ онъ заразилъ высшія сферы, былъ одной изъ причинъ реакціи и многихъ другихъ печальныхъ событій: страхъ всегда плохой совѣтникъ и ростки свои пускаетъ глубоко.

Александръ Иларіоновичъ разсказывалъ мнѣ однажды, какъ онъ подшутилъ надъ однимъ своимъ пріятелемъ, занимавшимъ высокій постъ въ государственной іерархіи. То была practical joke (практическая шутка), какъ говорятъ англичане, и очень для того времени характерная.

Вскорѣ послѣ обнародованія «Положенія 19-го февраля» Александру Иларіоновичу понадобилось ѣхать за границу (если память не измѣняетъ, по болѣзни кого-то изъ семейныхъ). Остановясь въ Берлинѣ, онъ поспѣшилъ навѣстить своего стараго друга, тогда русскаго посланника въ Пруссіи, Обри. Пріятели переписывались изрѣдка; въ послѣднихъ письмахъ Обри высказывалъ опасенія (и свои и знакомыхъ ему русскихъ за границей) о возможности революціи въ Россіи. Васильчиковъ старался опровергать страхи, но безуспѣшно. Обри не былъ предупрежденъ о проѣздѣ пріятеля черезъ Берлинъ, и на этотъ разъ Васильчиковъ появился неожиданно, какъ снѣгъ на голову. На лицѣ посланника прежде, чѣмъ онъ обмѣнялся съ гостемъ двумя словами, выразилось ясно боязливое изумленіе. А. И. былъ шутливъ и остроуменъ. Онъ вздумалъ помистифицировать пріятеля. «Отчего ты такъ внезапно уѣхалъ изъ Россіи? Все ли тамъ спокойно?» спросилъ Обри. Васильчиковъ постарался придать своему лицу мрачное выраженіе и печально отвѣчалъ: «Да! Ты былъ правъ, ожидая волненій».—«Революція!.. Ты бѣжалъ?»—«Бѣжалъ, да!» и А. И. насказалъ разныхъ страстей, выражая изумленіе, что посольству еще ничего не сообщено изъ Петербурга. Обри помертвѣлъ отъ страху и суетливо потребовалъ къ себѣ кого-то изъ посольскихъ чиновъ. Онъ приказалъ навести

справки: не пропало ли какое офиціальное письмо, не замѣшкалась ли какая телеграмма изъ Петербурга. Чиновникъ (не помню кто,—тоже принадлежавшій къ высшему кругу) также, видимо, взволновался. Обри безпрестанно повторялъ: «Всего этого надо было ожидать! Изумляюсь, какъ ты, Александръ Иларіоновичъ, не хотѣлъ мнѣ вѣрить!» и т. д. Александру Иларіоновичу стало наконецъ жалко пріятеля и онъ разсмѣялся и сознался, что пошутилъ.

V.

Тревожное настроеніе столицы послѣ обнародованія манифеста 19 февраля 1861.—Принцъ Ольденбургскій.—Мѣры военнаго начальства.—Мое дежурство по бригадѣ 4 — 5 марта. Либеральный полковникъ Эйлеръ. — Маскарадъ у великой княгини Елены Павловны.—Александръ II въ костюмѣ пилигрима.—Адъютантъ его высочества генералъ-фельдцейхмейстера съ приказаніями отъ великаго князя. — Осмотръ орудій и проч.—Мои утреннія впечатлѣнія и наблюденія въ городѣ.

Нынѣ, на разстояніи полувѣка, паника, господствовавшая и въ провинціи, и въ столицахъ по поводу объявленія отраднѣйшей для русскаго народа воли царя, кажется почти невѣроятной. Самая отсрочка обнародованія «Положенія», подписаннаго 19 февраля, до 5 марта (воскресенье на масленицѣ), указываетъ на существованіе въ высшихъ сферахъ страха: morgen, morgen, nur nicht heute... Долѣе оттягивать было нельзя, между тѣмъ въ послѣдній день масленицы испоконъ вѣка русскій народъ пьянствуетъ болѣе, чѣмъ въ какіе-либо другіе праздники зимняго мясоѣда.

Конечно, были разумные, вдумчивые люди, которые считали боязнь нелѣпостью. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ и князь Васильчиковъ. Но они были въ меньшинствѣ. Правда, большинство трепещущихъ—помѣщики и власти—старались скрывать свой страхъ, особенно въ столицахъ. Одни—опасаясь навлечь на себя неудовольствіе государя, отрицавшаго основательность всякихъ боязней, другіе—инстинктивно боясь раздражить освобожденную чернь. Нѣкоторые желали смотрѣть прямо въ глаза опасному звѣрю, какъ тигру, который, говорятъ, не кинется на человѣка, покуда не замѣтитъ въ немъ признаковъ робости. Но существованіе боязни было очевидно. Чѣмъ выше былъ слой общества, тѣмъ страхъ ощущался сильнѣе, хотя и замаскировывался искуснѣе, по привычкѣ маскировать всякія чувства.

Я постараюсь передать только мои личныя впечатлѣнія и наблюденія наканунѣ великаго дня (обнародованіе манифеста 19 февраля 1861 г.) и въ самое его утро. Я былъ тогда юнымъ офицеромъ, недавно окончилъ военную (артиллерійскую) академію и поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію. Въ знаменательный день объявленія воли, или, вѣрнѣе, наканунѣ, ночью на 5 марта и въ самое историческое утро мнѣ пришлось дежурить по казармамъ

лейбъ-гвардіи конно-артиллерійской бригады, расположеннымъ за Лиговкой, около Песковъ.

Въ предшествовавшія недѣли двѣ—промежутокъ между подписаніемъ «Положенія» государемъ и обнародованіемъ его—я наслышался дома и у знакомыхъ немало толковъ о значеніи великаго акта и о возможныхъ нежелательныхъ его послѣдствіяхъ.

Говорилось осторожно, однако людьми, по своему положенію изрядно компетентными, что государь не по личной иниціативѣ, а подъ вліяніемъ окружающихъ (семейныхъ, придворныхъ и министровъ) отсрочилъ обнародованіе манифеста, что государь самъ ничего не опасается; что онъ сдѣлалъ эту уступку робкимъ единственно по своей добротѣ, какъ бы въ вознагражденіе за внѣшнее—bonne mine au mauvais jeu—примиреніе робкихъ съ реформой. Мы, конечно, отмѣчаемъ эти слухи о настроеніи государя только какъ характерную черту настроенія петербургскаго общества вообще. Во всякомъ случаѣ ими объяснялась сдержанная натянутость двора и соприкасавшихся съ нимъ сферъ. А что такая сдержанность существовала, я слышалъ и тогда мелькомъ, и позднѣе обстоятельно—отъ свѣтлѣйшаго А. А. Суворова, А. В. Головнина [1]) (министра народнаго просвѣщенія), Н. А. Крыжановскаго [2]) и другихъ. Главари министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, съ которыми мнѣ случалось нерѣдко встрѣчаться въ разныхъ домахъ, по камертону своихъ принципаловъ отрицали всякія опасенія и даже старались подшучивать надъ ними, хотя шутки часто казались натянутыми. Впрочемъ, въ министерствѣ финансовъ спокойствіе имѣло болѣе вѣроятный видъ.

На верхахъ экспансивнѣе всѣхъ, можетъ быть, par impuissance de se taire (какъ острили тогда въ Петербургѣ), по слухамъ, былъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Двумъ знакомымъ нашего семейства (одинъ—генералъ, другой—сановникъ изъ правовѣдовъ; оба любимцы его высочества) онъ предлагалъ даже спрятать ради пущей безопасности въ подвалахъ своего дворца, что на Царицыномъ лугу, всѣ цѣнности и драгоцѣнности. При этомъ принцъ говорилъ, что укрѣплялъ какъ-то дворецъ изнутри, дабы въ случаѣ надобности зданіе могло противостоять ожидавшимся волненіямъ.

Одинъ дальній нашъ родственникъ, сенаторъ, около 60-го года очень краснорѣчивый либералъ, сынъ котораго работалъ съ искреннимъ увлеченіемъ въ комитетахъ государственнаго совѣта по подготовкѣ «Положенія 19 февраля», буквально заболѣлъ въ день

---

[1]) Его семья съ давнихъ лѣтъ была въ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей моихъ родителей и дѣда.

[2]) Къ которому около этого времени весьма благоволили императоръ и императрица.

обнародованія «Положенія». Зато, мало-по-малу успокоясь, а тамъ забывъ всякія опасенія, черезъ годъ, при надѣленіи своихъ крестьянъ землей, посадилъ ихъ на нищенскій надѣлъ, находя это выгоднымъ для себя. Оно и дѣйствительно выходило выгодно съ извѣстной точки зрѣнія. Либеральный сынъ его (впослѣдствіи тоже сенаторъ) протестовалъ, но безплодно. Это не единственный примѣръ. Немало дворянскихъ семей готовилось въ мартѣ 1861 г. ускользнуть за границу; у нѣкоторыхъ были даже уложены чемоданы и дорожные сундуки.

Что касается военныхъ приготовленій, то я, не обобщая, не мудрствуя лукаво, объективно опишу 24 часа моего дежурства 4-го и 5-го марта 1861 года.

Когда около трехъ часовъ кончилось манежное ученье и другіе офицеры разъѣхались, нашъ батарейный командиръ Николай Павловичъ Эйлеръ почему то-замѣшкался.

Скажу нѣсколько словъ въ скобкахъ объ Эйлерѣ, тѣмъ болѣе, что немного лѣтъ спустя онъ былъ одинъ изъ губернаторовъ-шестидесятниковъ. Онъ не былъ далекій человѣкъ, но образованный для того времени; онъ заботился, чтобы хоть нѣкоторые солдаты въ батареѣ были грамотны и, по возможности, сознательно относились къ своимъ спеціальнымъ обязанностямъ. Для этого, кромѣ школы (обученіе въ которой было въ описываемое мною время возложено на меня, новичка), въ батареѣ у насъ было устроено нѣчто въ родѣ артиллерійскаго музея и имѣлись разныя пояснительныя спеціальныя модели для солдатъ. Эйлеръ былъ либералъ, конечно, не крайній, но искренній.

Онъ вѣровалъ въ благодѣтельность александровскихъ реформъ, можетъ быть, потому, что случайно принадлежалъ къ кружку приближенныхъ великой княгини Елены Павловны, либеральное вліяніе которой на государя всѣмъ извѣстно. Попалъ Николай Павловичъ Эйлеръ въ этотъ кружокъ потому, что его двоюродная сестра была любимой фрейлиной вдовы великаго князя Михаила Павловича. Эйлеръ не уклонялся при случаѣ обмѣняться и со своими офицерами либеральными мыслями и теплыми чувствами по части реформъ молодого государя. Добавимъ къ характеристикѣ его положенія, что на одномъ изъ интимныхъ маскированныхъ вечеровъ Михайловскаго дворца, въ которомъ желалъ принять участіе самъ августѣйшій племянникъ хозяйки—императоръ, въ костюмѣ средневѣковаго пилигрима, но не желалъ быть узнаннымъ, полковникъ Эйлеръ былъ избранъ—по своему высокому росту, соотвѣтствовавшему росту царя,—въ пару послѣднему и наряженъ тоже пилигримомъ; нѣкоторые принимали его за государя, а другіе не узнавали царя. И оба были довольны.

Когда мы съ Эйлеромъ послѣ ученья выходили изъ манежа, онъ нѣсколько удивилъ меня. Мнѣ ранѣе казалось, что онъ не раздѣляетъ опасеній значительной части петербуржцевъ. Между тѣмъ теперь полковникъ съ очень конфиденціальнымъ видомъ спросилъ меня: имѣю ли я обыкновеніе держать при себѣ во время дежурства заряженный револьверъ? «И лучше всего системы Кольта», добавилъ онъ. Ни закономъ, ни обычаемъ дежурные офицеры въ обыкновенное время не обязывались вооружаться револьверами. И не вооружались. Кольта у меня и дома не было; но я сказалъ, что пошлю домой, чтобы мнѣ его немедленно купили и прислали, что и исполнилъ.

Затѣмъ Эйлеръ, самъ въ свое время прошедшій обязанности дежурства по бригадѣ, знавшій, что дежурные офицеры проводили ночь въ бригадной комнатѣ, раздѣваясь, какъ дома, и спали обыкновенно на диванѣ, обращенномъ въ постель,—еще конфиденціальнѣе попросилъ меня «на этотъ разъ» провести ночь не раздѣваясь, въ полной аммуниціи, съ револьверомъ подъ рукой и «по возможности бодрствовать». Мало того, онъ приказалъ, чтобы всѣ часовые и патрули въ нашихъ казармахъ были удвоены; и чтобы я «непремѣнно нѣсколько разъ» ихъ ночью провѣрялъ.

Полковникъ уѣхалъ, но черезъ часъ приблизительно появился впопыхахъ вновь на казарменномъ дворѣ. Туда пріѣхалъ, тоже какъ будто впопыхахъ, адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича (генералъ-фельдцейхмейстера) Свистуновъ, съ которымъ я былъ нѣсколько знакомъ. Приказаніе отъ имени его высочества, съ которымъ пріѣхалъ Свистуновъ, было имъ передано въ моемъ присутствіи Эйлеру и заключалось въ слѣдующемъ: немедленно заняться осмотромъ орудій и снарядовъ (картечи и боевыхъ вообще), дабы все было въ полной исправности «на случай, если ночью или утромъ слѣдующаго дня» наша батарея (1-я легкая Его Величества) была бы вызвана по тревогѣ. Затѣмъ приказано было, чтобы всю ночь офицерскія, какъ и солдатскія лошади съ той же цѣлью были осѣдланы, конечно, съ опущенными подпругами. Помнится (но я не увѣренъ), приказано также было, чтобы офицерамъ на домъ были разосланы приказанія не отлучаться никуда ночью и приготовить походную форму. Кромѣ того, совершенно по секрету Свистуновъ сообщилъ Эйлеру, приблизительно куда должна будетъ направляться наша батарея въ случаѣ тревоги.

Хотя я былъ дежурнымъ по бригадѣ, но, принадлежа къ 1-й легкой, присутствовалъ при осмотрѣ орудій и снарядовъ только нашей. Осмотромъ руководилъ самъ Эйлеръ. Другихъ офицеровъ не безпокоили, ибо операція оказалась не сложна: у Эйлера, благодаря его служебной добросовѣстности и хорошимъ фейерверкерамъ [1]), за-

[1]) Въ артиллеріи фейерверкерами называются унтеръ-офицеры.

вѣдывавшимъ наблюденіемъ за порядками по различнымъ отдѣламъ, все всегда было безукоризненно и въ практическомъ и въ щегольскомъ-гвардейскомъ отношеніи.

Къ осмотру были, разумѣется, вызваны надлежащіе фейерверкеры, отборный смышленый народъ, добросовѣстный въ служебномъ отношеніи. Главнымъ образомъ и потому, что командиръ по своему характеру (а, быть можетъ, и по принципу) обращался съ ними толково, безъ напрасной брани и хотя за плохую ѣзду изрѣдка наказывалъ, но далеко не жестоко, а больше для виду; и при этомъ сердился,—тоже, мнѣ всегда казалось, для виду. Самъ онъ всегда добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, какъ бы служилъ примѣромъ.

Что бы то ни было, каковъ попъ, таковъ и приходъ. Примѣру командира слѣдовали его подчиненные. Офицеры иногда подсмѣивались надъ его простотой и звали его между собой «Кокò», но очень уважали его. Впослѣдствіи Эйлеръ, будучи произведенъ въ генералъ-майоры, былъ назначенъ въ шестидесятыхъ же годахъ кіевскимъ губернаторомъ.

Когда орудія, снарядные ящики и ихъ содержимое было освидѣтельствованы, мы внимательно осмотрѣли сбрую, сѣдла и лошадей въ конюшняхъ. Во время осмотра командиръ какъ бы мимоходомъ объяснялъ присутствовавшимъ фейерверкерамъ, да и солдаты могли слышать, что все это дѣлается для того, что его высочество вызоветъ батарею ночью или рано утромъ «по тревогѣ, слѣдовательно, нашей батареѣ надо отличаться». Однако мнѣ казалось, что солдаты плохо вѣрили такому объясненію, тѣмъ болѣе, что и самъ полковникъ какъ-то неувѣренно говорилъ въ свои пушистые усы. А позднѣе вечеромъ и ночью, когда я обходилъ казармы, дворы, конюшни и пр., до меня долетали разговоры солдатъ, не замѣчавшихъ въ темнотѣ моего приближенія въ экстренномъ смотрѣ, о предстоящей тревогѣ въ родѣ фразъ: «Коли по тревогѣ на смотръ, такъ картечь-то зачѣмъ?» «И чего боятся». «Волю царь дастъ». «Чего лучше!» и т. д. Въ солдатскую среду уже проникли, значитъ, слухи, какъ это ни старалось скрывать начальство, что на завтра будетъ объявлена царская воля.

Ночь прошла совершенно спокойно и на Пескахъ около казармъ, и въ Петербургѣ, и во всей Россіи, какъ это извѣстно. Поутру, около восьми часовъ, я былъ удивленъ, что по улицѣ, мимо казармъ, проходилъ небольшой отрядъ пѣхоты. Вахмистръ нашей батареи, котораго я спросилъ, куда идутъ солдаты, объяснилъ: «Къ церкви, ваше благородіе, на Пески. И у Знаменья тоже солдаты. Говорятъ, царскій манифестъ будутъ въ церкви читать». Вахмистръ (изъ хохловъ) осторожно не добавилъ: «о волѣ», хотя я видѣлъ по его физіономіи, что онъ знаетъ, о чемъ манифестъ.

Смѣнившись съ дежурства, я отослалъ сани, присланныя за мной изъ дому, и сдѣлавъ частью пѣшкомъ, частью на извозчикѣ,

большой крюкъ, чтобы поглядѣть, что творится въ мѣстности, гдѣ кучится рабочее населеніе, мастеровые, извозчики ломовые и легковые и мелкіе разносчики. Обойдя Конную площадь, церковь Знаменья (гдѣ дѣйствительно стоялъ небольшой отрядъ пѣхоты), по Лиговкѣ (которая тогда была зловоннымъ узкимъ канальчикомъ), я добрался до церкви Іоанна Предтечи въ Ямской (тамъ же за оградой тоже ютились, какъ будто прячась, пѣхотинцы). Далѣе, по Разъѣзжей, больше извѣстной въ тѣ времена подъ названіемъ Глазова Кабака (да и Разъѣзжая была неопрятная, мѣстами пустынная улица, кишащая рабочей бѣднотой и густо изукрашенная многочисленными кабаками, потомками знаменитаго Глазовскаго кабака временъ Екатерины, и иными зазорными увеселительными заведеніями). Этотъ уголокъ Петербурга по простымъ даже воскресеньямъ всегда болѣе или менѣе отличался шумомъ и пьянствомъ. Чего же можно было ожидать въ масленичное? И если бы въ народѣ, ожидавшемъ «волю», готовилось какое-нибудь броженіе, то признаки его непремѣнно пробивались бы и тутъ. Однако никакихъ подозрительныхъ указаній (кромѣ развѣ нѣсколькихъ сверхкомплектныхъ полицейскихъ) не замѣчалось ни на Лиговкѣ, ни около церкви Іоанна Предтечи, ни въ Ямскомъ районѣ. Между тѣмъ въ церквахъ уже былъ прочитанъ манифестъ. Праздничный разгулъ по пословицѣ: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ». И больше ничего. Погода была изрядная, для гульбы благопріятная. Во всякомъ случаѣ, я былъ доволенъ, когда выбрался на чистый воздухъ, такъ сказать; около Мясного рынка попалъ на Грязную улицу (нынче Николаевскую). Она и тогда уже не оправдывала своего архаическаго наименованія: была широка, опрятна, хотя еще не сплошь застроена; на нее выходило много садовъ. Признаюсь, хотя я не раздѣлялъ общихъ опасеній, но все-таки вздохнулъ свободнѣе. Вотъ мои личныя наблюденія.

Восторгъ, съ которымъ народъ встрѣчалъ на Дворцовой площади появленіе царя, въ значительной степени поколебалъ боязнь столичныхъ дворянскихъ сферъ, но, къ сожалѣнію, не вполнѣ ее разсѣялъ, какъ извѣстно, что доказываетъ, между прочимъ, анекдотъ съ Обри. Правдивое описаніе того, что происходило въ этотъ день въ Михайловскомъ манежѣ и пр. моего, тогдашняго товарища по службѣ Ник. Ксен. Полевого (напечатанное въ 4-й книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1909 годъ) дополняетъ отрадную сторону картины «великаго дня» [1]).

Возвращаюсь къ эскизу портрета князя А. И. Васильчикова.

---

[1]) Очеркъ опасеній и приготовленій въ глухой провинціи былъ напечатанъ мною подъ заглавіемъ «На зарѣ» въ «Отечественныхъ Запискахъ» (ред. М. Е. Салтыкова). Переговоры съ дворовыми дѣда его самого и мои, по его уполномочью, а также настроеніе дворовыхъ описано въ моемъ очеркѣ «Великій день», напечатанномъ въ «Русскомъ Богатствѣ».

VI.

Разговоръ князя А. И. Васильчикова со мной въ первые дни парижской коммуны.—Участіе въ работахъ земства; отстаиваніе законныхъ правъ земства; его рѣчь и анекдотъ изъ исторіи учрежденія корпуса жандармовъ; неудовольствіе двора.—Ссудо-сберегательныя товарищества.

Нужно замѣтить, что, вѣруя въ возможность спокойнаго развитія освободительныхъ реформъ въ Россіи и признавая политическую эволюцію въ Европѣ вообще, Васильчиковъ не отрицалъ возможности опасныхъ осложненій, которыя могутъ быть вызываемы, съ одной стороны, ненужными осаживаніями назадъ самими реформаторами подъ вліяніемъ неосновательныхъ страховъ вліятельныхъ консервативныхъ элементовъ общества, а съ другой—нетерпѣливыми передовиками. Васильчиковъ былъ увѣренъ, что свобода, намѣченная около 1860 года, никакихъ волненій вызвать не можетъ. Но онъ предвидѣлъ—не для одной Россіи, а для Европы вообще—возможность потрясеній, вслѣдствіе событій чрезвычайной важности. Послѣдствія большихъ разорительныхъ войнъ, напримѣръ, могутъ подвинуть нетерпѣливые элементы націи и нуждающіеся классы на трагическія опасныя попытки. И опасны такія попытки будутъ прежде всего своей несвоевременностью. «Всякій плодъ непремѣнно созрѣетъ, если его оставить зрѣть въ нормальныхъ условіяхъ; но ѣсть его незрѣлымъ болѣе чѣмъ вредно», говаривалъ князь.

Разъ я пріѣхалъ въ Петербургъ на одинъ день по приглашенію директора кредитной канцеляріи министерства финансовъ И. И. Шамшина, для обсужденія съ нимъ проекта, составленнаго нашимъ земствомъ, устава ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Работа съ Шамшинымъ предстояла въ самый день моего пріѣзда. А. И. Васильчиковъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ иниціаторовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и пропагандистомъ ихъ въ Россіи. Я хотѣлъ предварительно обмѣняться съ нимъ мыслями о нѣкоторыхъ пунктахъ проекта. По зимамъ онъ живалъ въ Петербургѣ, въ своемъ домѣ на Литейной. Я прямо съ Николаевскаго вокзала проѣхалъ къ нему и засталъ его въ такомъ мрачномъ, угнетенномъ настроеніи, какого никогда у него не замѣчалъ, хотя послѣ кончины жены онъ рѣдко бывалъ особенно веселъ.

Онъ встрѣтилъ меня въ кабинетѣ, просторномъ, очень уютномъ вечеромъ, но днемъ угнетающе мрачномъ отъ черезчуръ гигіеническихъ приспособленій, главное отъ тройныхъ зимнихъ рамъ. Въ рукѣ у него была развернутая газета. Я еще не читалъ въ это утро газетъ и спросилъ: «Что новаго сегодня?»—«Умирать мнѣ пора, Николай Николаевичъ», грустно отозвался князь и передалъ, что было напечатано въ телеграммахъ о вспыхнувшей въ Парижѣ ком-

мунѣ. Онъ былъ глубоко скорбенъ. Но скорбѣлъ, какъ выяснилось изъ нашего разговора, не о томъ собственно, что стремленіе къ осуществленію крайнихъ прогрессивныхъ идей выразилось въ Парижѣ рѣзче, чѣмъ когда-либо выражалось въ Европѣ, а, главное, чрезмѣрно несвоевременно. Будучи просвѣщеннымъ европейцемъ, слѣдившимъ съ сороковыхъ годовъ за развитіемъ идей о народоправленіи, онъ полагалъ, что рано или поздно эти идеи будутъ развиваться практически, но, однако, подчиняясь законамъ эволюціи. Въ данномъ же случаѣ онъ не могъ примириться и съ мыслью о самомъ поводѣ вспышки: пятнадцатилѣтнее царствованіе лжи во Франціи, а потомъ «варварское» подавленіе страдавшей отъ этой лжи французской націи сосѣднимъ государствомъ, носителемъ (за послѣднее столѣтіе по крайней мѣрѣ) и пропагандистомъ идей чистаго разума и человѣколюбія.

А. И. допускалъ, что народъ, столь жестоко бичуемый за вину тѣхъ, кто изолгался, управляя имъ, могъ перейти предѣлы благоразумія, творить то саморазрушительное дѣло, о которомъ извѣщали телеграммы. Онъ понималъ массовую психологію этого момента. Но Васильчиковъ скорбѣлъ, собственно, признавая такое стремленіе къ не созрѣвшей еще формѣ народнаго правленія болѣе чѣмъ преждевременнымъ (какъ уже частью доказывали факты), опаснымъ цивилизаціи въ своемъ ослѣпленіи. Это движеніе могло разрушить если не самую науку, которая зиждется на идеѣ, но и искусства и во всякомъ случаѣ собранія научныхъ и художественныхъ сокровищъ: библіотеки, музеи и т. д... Парижъ обливался уже петролемъ! Но неминуемо будетъ залитъ кровью своихъ единоплеменниковъ. Эта разрушительная попытка не можетъ дать благотворныхъ практическихъ плодовъ ни въ политическомъ, ни въ культурномъ отношеніи; оне не можетъ не быть подавлена силой, т.-е. будетъ залита человѣческой кровью. Кровопролитія часто возникали изъ политической лжи. И отодвинется опять назадъ мирное осуществленіе идейнаго и политическаго прогресса.

Вотъ мысли, мелькавшія въ разговорѣ Васильчикова со мной въ тотъ день.

Александръ Иларіоновичъ не любилъ многоглаголанія; сдержанно выражалъ свои политическіе взгляды. Но если выражалъ, то съ полной независимостью. Бюрократомъ онъ никогда не былъ. Кромѣ военной службы на Кавказѣ въ молодости, онъ служилъ только по выборамъ, разумѣется, дворянскимъ, ибо иныхъ не было. До начала шестидесятыхъ годовъ большую часть своего зрѣлаго возраста провелъ въ должности предводителя дворянства, сначала уѣзднаго, потомъ губернскаго. Конечно, по обычному порядку онъ получалъ ордена, чины, состоялъ въ званіи церемоніймейстера высочайшаго двора и пр. Но ничего этого онъ не искалъ.

При его родовомъ имущественномъ и выборномъ положеніи онъ не могъ не получать почетныхъ повышеній. Онъ былъ искренне чуждъ тщеславія; и безъ сожалѣнія, при первомъ же случаѣ, разстался, какъ мы сейчасъ увидимъ, съ почетнымъ придворнымъ званіемъ, ради возможности, не стѣсняясь, высказывать свои воззрѣнія на ретроградный характеръ отношеній центральной бюрократіи (въ концѣ 60-хъ годовъ) къ благимъ (по его убѣжденію) земскимъ мѣропріятіямъ и вообще обновительнымъ преобразованіямъ.

Къ сожалѣнію для дѣла, Васильчиковъ не могъ принимать постояннаго, активнаго участія въ работахъ новгородскаго земства. При введеніи земскихъ учрежденій на нихъ возлагались большія упованія, во всякомъ случаѣ имъ придавалось благое экономическое значеніе и въ близкомъ будущемъ. Новгородское земство, на первомъ же своемъ съѣздѣ, единодушно намѣтило князя А. И. въ предсѣдатели губернской земской управы—званіе, которому тогда придавалось въ нѣкоторыхъ дворянскихъ сферахъ большее значеніе, чѣмъ должности губернскаго предводителя. Да и князь, какъ я знаю, былъ бы не прочь поработать. Однако на сдѣланное ему собраніемъ предложеніе отвѣчалъ отказомъ, мотивируя послѣдній тѣмъ, что онъ самъ находится, по его выраженію: «подъ гнетомъ тяжелаго семейнаго несчастія»; онъ незадолго передъ тѣмъ потерялъ любимую жену. Здоровье его было расшатано, и онъ не надѣялся на свои силы. А въ новомъ общественномъ дѣлѣ, какъ и во всемъ, А. И. былъ щепетильно добросовѣстенъ. Кромѣ того, преданный семьѣ (двѣ дочери и сынъ), обожая единственнаго сына (тогда еще мальчика, князя Бориса Александровича, впослѣдствіи начальника главнаго управленія земледѣлія), Александръ Иларіоновичъ опасался, что семейныя заботы будутъ отнимать у него время. Физически, дѣйствительно, князь А. И. измѣнился почти до неузнаваемости послѣ кончины жены. Прежде веселый, шумливый, бодрый, энергичный, красивый, теперь онъ стоялъ передъ обратившимся къ нему съ просьбой собраніемъ—исхудалый, унылый, съ лицомъ осунувшимся, почти помертвѣлымъ. Уважая скорбь своего избранника, собраніе вынуждено было примириться съ его отказомъ и выбрало предсѣдателемъ Н. А. Качалова. Васильчиковъ остался только уѣзднымъ старорусскимъ и новгородскимъ губернскимъ гласнымъ. При исполненіи временныхъ обязанностей въ этихъ званіяхъ онъ не жалѣлъ своихъ силъ въ теченіе многихъ годовъ. Онъ,—если только здоровье семейныхъ и его собственное позволяло,—неуклонно являлся на земскія собранія, никогда не отказывался отъ постоянно предлагаемаго ему (по крайней мѣрѣ въ первыя трехлѣтія) предсѣдательства въ главной по своему значенію комиссіи, въ которую передавались для предварительнаго разсмо-

трѣнія существеннѣйшіе вопросы, подлежащіе обсужденію собранія. По сложности и количеству работы, по многочисленности личнаго состава комиссіи, по непривычкѣ гласныхъ къ коллективному труду и склонности людей того времени къ ненужнымъ, иногда запальчивымъ спорамъ («мы поспоримъ, поспоримъ, разойдемся и воображаемъ, что дѣло сдѣлали»,—читалъ я въ какомъ-то русскомъ романѣ того времени), по неизбѣжности ночныхъ засѣданій (самыя собранія засѣдали обыкновенно отъ 10 утра до 4 или 5 часовъ вечера, но часто должны были собираться и вечеромъ часа на два, на три), предсѣдательство въ этой комиссіи было довольно изнурительно [1]), особенно для нервнаго слабаго человѣка, какимъ былъ уже въ то время Александръ Иларіоновичъ. Тѣмъ не менѣе онъ прекрасно велъ дѣло. Не многорѣчиво, не настойчиво, а ясно, убѣдительно, отчетливо и безпристрастно умѣлъ направлять и резюмировать пренія: онъ былъ чуждъ ретроградства и односторонности, особенно такой односторонности, которая отзывается партійными интригами. Въ комиссіяхъ, какъ и въ собраніи, онъ оставался вѣренъ принципу: прежде всего двигать впередъ народное просвѣщеніе, содѣйствовать поднятію экономическаго быта рабочихъ слоевъ населенія и легально подготовлять общество посредствомъ земской работы къ государственному самоуправленію т.-е. къ конституціи.

Васильчиковъ ревниво отстаивалъ права земскихъ учрежденій, хотя бы въ той формѣ, въ какой они формулировались закономъ, каждый разъ, когда эти права, по соображеніямъ петербургскихъ министровъ, практически суживались. Когда же нельзя было ихъ суживать, явно не нарушая закона, то министерства держали подъ сукномъ неотложныя ходатайства собраній и управъ до тѣхъ поръ, покуда самое удовлетвореніе ихъ ни къ чему уже не могло вести. Вредность такого обращенія съ земскимъ закономъ стала особенно выясняться, и такая система начала черезчуръ обостряться, когда правительство сочло нужнымъ въ ущербъ остальнымъ подлежащимъ обложенію имуществамъ облегчить обложеніе земскими сборами торговыхъ и промышленныхъ заведеній и предпріятій; когда при помощи натянутыхъ объясненій закона бюрократія ограничила дарованныя земству права по обложенію недвижимыхъ имуществъ вообще.

Почти во всѣхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ (по крайней мѣрѣ сѣверной и средней полосы Россіи) эта мѣра возбудила тревожныя обсужденія и породила расколъ. Проявились, конечно, гласные не только изъ торговаго сословія, но и изъ богатыхъ дво-

[1]) Я это знаю по опыту, ибо неоднократно, за отсутствіемъ или отказомъ князя Васильчикова, меня удостоивали избирать въ предсѣдатели этой комиссіи. Я былъ болѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ его моложе, и все-таки утомлялся изрядно.

рянъ, признававшіе полезность такого ограниченія, однако почти вездѣ (на сѣверѣ и въ средней Россіи) таковые оказывались въ меньшинствѣ. Одна партія считала мѣру эту противорѣчащей закону и несправедливой въ принципѣ съ экономической стороны. Доводы ея сводились такъ: если ограничивается обложеніе имуществъ одной категоріи податныхъ источниковъ, а общіе расходы по выполненію земствомъ своихъ обязанностей по самой цѣли своей (народное образованіе, врачеваніе, продовольствіе, улучшеніе извѣстнаго разряда путей сообщенія и т. д.) урѣзаны быть не могутъ, то придется необходимо обременять два другія сословія: 1) крестьянское,—безспорно, бѣднѣйшее, и 2) дворянское, которое еще недавно понесло жертвы при освобожденіи крестьянъ. Таковые доводы исходили изъ партіи большинства. Эта партія въ ограниченіи правъ обложенія видѣла прецедентъ дальнѣйшихъ ограниченій сферы земской дѣятельности и ослабленіе упованій общества на возникновеніе изъ земства государственнаго самоуправленія. Мы не вдаемся въ критику этихъ воззрѣній, а только отмѣчаемъ ихъ значеніе.

Партіи противоположныхъ взглядовъ, во многихъ губерніяхъ представлявшія меньшинство, состояли естественно и преимущественно изъ лицъ, отрицавшихъ надобность въ государственномъ самоуправленіи, заинтересованныхъ успѣхами промышленнаго торговаго капитализма. Въ ряды ихъ уже начинали вступать нѣкоторые крупные (и средней руки) землевладѣльцы-дворяне, пытавшіеся «вознаградить себя» сугубо предпріятіями промышленнаго и торговаго характера за хозяйственно-земледѣльческія потери, вызванныя уничтоженіемъ крѣпостного права. Дворяне, сближавшіеся съ этой партіей, по своимъ убѣжденіямъ, не сочувствовали вообще освободительнымъ реформамъ; они не безъ удовольствія готовы были бы содѣйствовать не только ограниченію, но даже смаркѣ земскихъ учрежденій, судебной реформы и проч.

Васильчиковъ, участвуя въ работахъ земскихъ собраній, какъ мы уже замѣтили, не упускалъ случая отстаивать закономъ данныя земству права и достоинство этихъ мѣстныхъ, но все-таки представительныхъ учрежденій. Когда во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ очередное губернское собраніе изъ доклада предсѣдателя управы Н. А. Качалова усмотрѣло, что за цѣлый годъ огромное большинство земскихъ ходатайствъ по существеннымъ вопросамъ (въ томъ числѣ податному, по народному образованію, продовольствію), представленныхъ въ министерства, оставались безъ отвѣта и безъ движенія, не взирая на всѣ личныя хлопоты и другія мѣры, принятыя исполнительными органами земства (губернской управой), тогда князь Александръ Иларіоновичъ

спокойно и увѣренно произнесъ рѣчь, смыслъ которой заключался въ слѣдующемъ:

При такомъ невниманіи министерствъ къ существеннымъ, закономъ установленнымъ, отраслямъ дѣятельности земства, послѣднее не только не можетъ приносить пользы, но даже не имѣетъ возможности отправлять свои заурядныя обязанности. Слѣдовательно, оно является учрежденіемъ безполезнымъ. Изъ этого само собой вытекаетъ, что лучше земству самоупразднниться. (Ораторъ намекалъ на распущеніе по иниціативѣ министра внутреннихъ дѣлъ нѣсколькими годами ранѣе перваго петербургскаго собранія и упраздненіе тогда правительствомъ петербургскаго земства). Игнорированіе земской дѣятельности министрами въ данную минуту наводитъ на мысль о желаніи министерства de facto упразднить земскую дѣятельность вообще или свести ее безъ малаго на нуль, дискредитировать это молодое учрежденіе. Такъ ужъ не лучше ли, если мы, лишенные возможности выполнять наши гражданскія обязанности, сами разъѣдемся. Уже и то земство многіе обвиняютъ въ тунеядствѣ и говорятъ, что оно съѣзжается только для избранія «своихъ» въ новыя должности и назначенія «своимъ» же жалованья за ничегонедѣланіе.

Рѣчь эта произвела во всей Россіи большую сенсацію. Въ столичныхъ министерскихъ сферахъ, отчасти и при дворѣ противъ князя Васильчикова вознегодовали тѣмъ болѣе, что знали, какъ онъ популяренъ во многихъ другихъ губерніяхъ—Московской, Тверской, Пензенской и другихъ. Князь же Александръ Иларіоновичъ около того времени подлилъ масла въ огонь еще другой своей рѣчью, точнѣе анекдотомъ, разсказаннымъ въ земскомъ собраніи въ видѣ исторической справки.

Надо объяснить, что обязанности комиссіи, такъ называемой ревизіонной [1]), избираемой во время очередныхъ собраній, заключались въ провѣркѣ израсходованныхъ губернскою управою суммъ, а также разсмотрѣніи проекта смѣтъ на будущій годъ. Въ комиссію же, довольно многочисленную, избирались преимущественно члены оппозиціоннаго меньшинства. Этому содѣйствовало само большинство. И вотъ по какой тактикѣ. Большинство собранія состояло обыкновенно въ то время изъ лицъ, старавшихся, какъ Васильчиковъ, не только отстаивать дарованныя земскимъ учрежденіямъ права, но возможно широко ими пользоваться. Меньшинство же, явно не отрицая въ принципѣ такой системы, втайнѣ не сочувствовало ея либеральной окраскѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ ворчливо доказывало «преждевременность» широкихъ задачъ (особенно въ сферѣ народнаго образованія и пуще всего по вопросу

[1]) Она избиралась губернскимъ собраніемъ ежегодно во время очередныхъ декабрьскихъ засѣданій.

объ земской школѣ для образованія изъ молодыхъ крестьянъ сельскихъ учителей). Говорили, что это не земское, а государственное дѣло, мотивируя свой взглядъ слабостью податныхъ силъ губерніи. Это была натяжка, исходившая изъ боязни расширенія области мѣстнаго самоуправленія по направленію къ конституціи. Во главѣ этой партіи (въ первые годы, впрочемъ, маскируясь «либерализмомъ») между прочихъ работалъ Ал. Ал. Татищевъ [1]) (впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта). Словомъ, эти партіи въ земскихъ собраніяхъ, какъ и въ обществѣ, подготовляли систематически путь къ парализованію реформъ Александра II. Во главѣ другой партіи, такъ сказать, «либеральной» партіи широкихъ задачъ, стоялъ тогдашній предсѣдатель губернской земской управы Ник. Ал. Качаловъ; всѣ члены управы и многіе гласные были искренними сторонниками обновительныхъ реформъ. Въ составъ ея входили и такія зрѣлыя, солидныя годами и опытомъ лица, какъ князь Васильчиковъ, сенаторъ князь М. Н. Шаховской, свѣтлѣйшій князь А. А. Суворовъ, Н. А. Струговщиковъ и пр. Для того, чтобы дать оппозиціи полную возможность разрабатывать свои аргументы, партія большинства предоставляла и содѣйствовала ей выбирать изъ ея же среды почти всѣхъ членовъ ревизіонной комиссіи. Результаты выходили обыкновенно такіе: ревизія обнаруживала отчетность въ полномъ порядкѣ и затруднялась выдумать, къ чему бы придраться.

Нужно имѣть въ виду, что земства и ихъ исполнительные органы, управы, всѣхъ губерній, за дѣятельностью которыхъ пишущій эти строки имѣлъ возможность слѣдить, были, за самыми ничтожными исключеніями, чужды всякихъ подозрѣній въ 60-хъ годахъ. (При этомъ я считаю не лишнимъ замѣтить, что описаніе земской среды, сдѣланное покойнымъ моимъ другомъ, беллетристомъ К. М. Станюковичемъ въ его романахъ: «Безъ исхода», «Два брата» [2]) и пр., сильно отзывается незнакомствомъ автора съ земской средой, даже съ техникой ея. Между тѣмъ эти романы, весьма достойные во многихъ отношеніяхъ популярности, которой пользовались, могутъ вводить въ заблужденіе тѣхъ, кто въ нихъ ищетъ правды о началѣ періода реформъ. Въ сущности такія произведенія играли въ руку ретроградамъ, ибо авторы перечуривали свои либеральныя «разоблаченія»).

Порядокъ и добросовѣстность исполнительныхъ органовъ земства, о которыхъ ревизіонная комиссія volens-nolens свидѣтельствовала собранію, не препятствовали, однако, ей выставлять въ докладѣ на видъ, по мнѣнію ея, пятна, изобличающія якобы расто-

[1]) См. главу VIII.

[2]) Насколько мнѣ извѣстно, въ этихъ двухъ романахъ описывается одна изъ среднихъ губерній—Вл—ал.

чительность управъ въ общественномъ дѣлѣ. Напримѣръ, во время холеры въ отчетѣ о расходахъ по больницѣ, содержавшейся на губернскій счетъ въ одномъ изъ уѣздовъ (кажется, Боровичскомъ), оказалась покупка 10 или 12 бутылокъ сельтерской воды, хотя по предписанію врачей, но едва ли нужныхъ (по мнѣнію ревизующихъ) для больныхъ, которые всѣ принадлежали къ крестьянскому или мѣщанскому сословію. Или еще: губернская управа внесла въ бюджетъ земской учительской школы расходъ на покупку носовыхъ платковъ для учениковъ. «А они всѣ мужицкія дѣти; на что же имъ носовые платки?» наивно спрашивала оппозиція въ лицѣ ревизіонной комиссіи. Конечно, собраніе утверждало сельтерскую воду и право будущихъ народныхъ наставниковъ сморкаться въ платки. Но экономная оппозиція изъ года въ годъ настаивала на томъ, что управа роскошествуетъ (не на себя, конечно, а на дѣло); составляетъ обременительные бюджеты, слѣдовательно, излишне утруждаетъ собраніе разсмотрѣніемъ ихъ.

Наконецъ (не помню, въ которую земскую сессію, во всякомъ случаѣ въ періодъ предсѣдательства Н. А. Качалова) оппозиція предложила собранію учредить постоянную ревизіонную комиссію и назначить ея членамъ жалованье. «Что эта комиссія будетъ въ теченіе цѣлаго года, между очередными собраніями, дѣлать?» спрашивали вожаки большинства. Имъ отвѣчали: «Наблюдать, чтобы управа вообще правильно и возможно экономно выполняла порученія и постановленія очередного собранія». Послѣ непродолжительныхъ дебатовъ попросилъ слова Васильчиковъ. На его умномъ лицѣ стояла ироническая улыбка. Онъ разсказалъ намъ, въ засѣданіи же, анекдотъ изъ исторіи закона объ учрежденіи въ Россіи жандармскаго управленія.

Въ короткихъ словахъ вотъ въ чемъ анекдотъ заключался.

Отецъ князя Александра Иларіоновича былъ въ давніе годы не только членомъ, но одно время и предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Сынъ зналъ отъ него, что во время разсмотрѣнія проекта, внесеннаго въ государственный совѣтъ, закона объ учрежденіи системы жандармскаго надзора въ имперіи нѣкоторые члены государственнаго совѣта старались выяснить, что собственно этотъ новый органъ государственной власти будетъ дѣлать. Изъ разъясненій тѣхъ, кто поддерживалъ проектъ, выяснилось, что, напримѣръ, жандармскіе полковники въ каждой губерніи будутъ слѣдить за законностью и правильностью дѣйствій губернаторовъ. «Такъ отчего же не назначать прямо губернаторами лицъ, которыхъ прочатъ въ ихъ надсмотрщики?» спросилъ кто-то изъ членовъ.

Этотъ анекдотъ, какъ и приведенная ранѣе его рѣчь были произнесены Васильчиковымъ въ новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи около того времени, когда графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ уже стоялъ во главѣ жандармскаго управленія и когда

его вліяніе въ высшихъ сферахъ становилось почти неограниченнымъ. Понятно, что на Васильчикова въ столичныхъ верхахъ сильно вознегодовали! Однако его личное положеніе, популярность въ значительной части Россіи и независимость его нрава были таковы, что въ данномъ случаѣ даже тѣнь репрессивныхъ мѣръ могла бы оказаться неудобной. Ограничились удаленіемъ князя отъ двора и этому придали весьма деликатную форму. А именно. Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Петербургъ князь А. И. видѣлся съ оберъ-церемоніймейстеромъ высочайшаго двора, который въ разговорѣ, какъ бы мелькомъ, сообщилъ А. И., что «государь недоволенъ абсентеизмомъ большинства церемоніймейстеровъ: многіе проживаютъ внѣ Петербурга, слишкомъ рѣдко участвуютъ въ придворныхъ церемоніяхъ». Князь Васильчиковъ былъ уже давно церемоніймейстеромъ; онъ теперь проводилъ значительную часть года въ своей усадьбѣ; зналъ, что имъ недовольны сильные міра сего; какъ умный человѣкъ, понялъ намекъ и подалъ въ отставку.

Послѣ этого Васильчиковъ столь же усердно, какъ и прежде, если еще не усерднѣе прежняго, продолжалъ заниматься не только практической стороной земской дѣятельности, но вообще вопросами о мѣстномъ самоуправленіи, какъ подготовкѣ къ самоуправленію государственному. Онъ посвятилъ себя заботамъ о подрастающей семьѣ и хозяйству. А все свободное время отдавалъ почти исключительно интересовавшему его предмету. Жизнь онъ велъ весьма регулярную. Это обусловливалось и слабостью его собственнаго здоровья. Вставалъ очень рано, утро посвящалъ работѣ. Онъ избѣгалъ не во время безпокоить прислугу; его спальня и въ городѣ и въ усадьбѣ помѣщалась рядомъ съ кабинетомъ; а въ кабинетѣ съ вечера ставилась спиртовая лампочка, маленькій кофейникъ, сливочникъ и пр. Какъ только вставалъ, онъ самъ приготовлялъ себѣ кофе и затѣмъ работалъ въ тишинѣ и одиночествѣ нѣсколько часовъ. Такъ зрѣли его работы, потомъ появившіяся въ печати. Мы не имѣемъ въ виду ихъ анализировать. На полувѣковомъ разстояніи, конечно, въ нихъ можно отыскать и ошибки и недочеты. Но въ свое время онѣ принесли немалую долю пользы, хотя бы тѣмъ, что заставляли пошевелить мозгами лицъ, отвыкшихъ серьезно мыслить. Во всякомъ случаѣ мы можемъ засвидѣтельствовать, что князь съ безупречной добросовѣстностью относился къ своему труду и очень строго къ самому себѣ. Читалъ много, свѣрялъ все, тщательно отдѣлывалъ написанное, совѣтовался съ тѣми знакомыми, мнѣнію которыхъ придавалъ цѣну: или самъ читалъ имъ отрывки, или пересылалъ рукопись по частямъ на прочтеніе. Значительная часть рукописей «О самоуправленіи» была и мнѣ сообщена покойнымъ княземъ задолго до напечатанія, и конспекты нѣкоторыхъ главъ бывали обсуждаемы изустно у меня. Александръ Иларіоновичъ былъ настоящимъ искателемъ истины въ данныхъ вопросахъ.

Онъ такъ же поступалъ и по вопросамъ, доступнымъ непосредственному практическому разрѣшенію. Напримѣръ, онъ былъ, какъ сказано уже выше, иниціаторомъ распространенія идеи сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ Россіи, развитіе которыхъ на практикѣ въ первое время оказывалось весьма плодотворнымъ. На это дѣло онъ обратилъ вниманіе не потому, что оно, благодаря Лассалю, Шульце-Деличу и тогдашнему настроенію европейскаго, отчасти и русскаго, общества было, такъ сказать, моднымъ. А потому, что оно соотвѣтствовало, по его глубокому убѣжденію, идеѣ мирнаго развитія экономическаго прогресса—народнаго и государственнаго.

Высказывалъ онъ, между прочимъ, такія мнѣнія: «Народное образованіе и экономическое довольство рабочей массы населенія суть лучшіе залоги мирнаго непрерывнаго прогресса». «Начальное, а частію и среднее техническое образованіе должно лежать на обязанности земства. Высшее же—на обязанности государства». «Тоже и матеріальное воздѣйствіе, оказываемое земледѣльческому классу[1]), мелкій кредитъ на улучшеніе хозяйства и т. п. Объ этомъ прежде всего должны заботиться мѣстныя земства». Въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ (болѣе или менѣе шульце-делическаго типа) А. И. видѣлъ лучшую форму кредитныхъ учрежденій, доступныхъ земледѣльцамъ, уже и потому, что въ основаніи ихъ лежали принципы самоуправленія и выборнаго начала. Онъ усматривалъ въ товариществахъ общественную воспитательную пользу для народа даже.

Идея ссудо-сберегательныхъ товариществъ, примѣненіе ихъ къ русской почвѣ, средства пропаганды и пр. были обсуждаемы на разныхъ публичныхъ и клубныхъ засѣданіяхъ и въ столицахъ, и въ провинціи. Довольно извѣстный въ то время экономистъ Яковлевъ и Ев. Вал. де-Роберти[2]) и другіе въ Петербургѣ являлись успѣшными по этому дѣлу ораторами-пропагандистами. Ихъ рѣчи содѣйствовали практическому воспріятію многими земствами новой мысли. Въ Новгородской губерніи сберегательныя товарищества развивались вообще быстро; быстрѣе и плодотворнѣе всего въ Череповскомъ уѣздѣ (на Шекснѣ), гдѣ предсѣдателемъ земской управы былъ неутомимый, дѣятельный, вдумчиво-практичный А. Н. Поповъ, тоже бывшій членъ государственной думы перваго созыва. Моя статья въ 1872 году (я тогда былъ предсѣдателемъ новгородской губернской земской управы), представлявшая фактическое изложеніе хорошихъ практическихъ результатовъ быстраго развитія этихъ учрежденій въ нашей губерніи, была принята съ такимъ восторгомъ

---

[1]) Собственно фабричные рабочіе представляли тогда очень мало вѣскую величину.

[2]) Членъ государственной думы перваго созыва.

В. Ѳ. Коршемъ (редакторомъ, тогда либеральныхъ, «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»), что онъ, презрѣвъ журнальную рутину, напечаталъ ее два дня сряду на первой страницѣ газеты вмѣсто передовицъ.

Словомъ, дѣятелей по насажденію и культурѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ было немало. Но тщательная разработка и основного и второстепенныхъ вопросовъ шла не разъ въ кабинетѣ Александра Иларіоновича, куда собирались во время его пріѣздовъ въ столицу главные двигатели этого дѣла: Яковлевъ, Колюпановъ, Лугининъ, Дашковы, А. Г. Небольсинъ и другіе.

Ссудо-сберегательныя товарищества, къ сожалѣнію, не оправдали впослѣдствіи возлагавшихся на нихъ въ 60-хъ годахъ ожиданій. Здѣсь неумѣстно вдаваться въ анализъ причинъ неуспѣха: особенно неблагопріятно на нихъ дѣйствовали факторы, развитіе которыхъ не принадлежитъ уже эпохѣ шестидесятыхъ годовъ. Близость усиленія этихъ факторовъ князь Васильчиковъ не могъ предвидѣть: онъ не былъ мечтателемъ-идеалистомъ, но онъ вѣровалъ въ логику прогресса и въ человѣка.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАБЫТЫЙ ПОЭТЪ-САТИРИКЪ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ на московскихъ бульварахъ въ ясные теплые дни можно было часто встрѣтить высокаго, грузнаго старика съ небольшими сѣдыми усами и эспаньолкой. Усѣвшись на скамеечкѣ, онъ грѣлъ на солнцѣ свои старыя кости, добродушно посматривая въ старомодный лорнетъ на проходящую публику.

Изрѣдка его можно было застать за гостепріимнымъ столикомъ знаменитаго московскаго трактирщика Тѣстова, въ «Эрмитажѣ» и въ другихъ ресторанахъ, которыми такъ обильна умѣющая и любящая покушать Москва.

Наконецъ разъ въ годъ толстякъ съ лорнетомъ обязательно появлялся на музыкально-литературномъ вечерѣ гдѣ-нибудь въ залѣ консерваторіи или московскаго дворянскаго собранія и подъ громъ аплодисментовъ читалъ собственные злободневные куплеты, всегда свѣжіе и остроумные.

То былъ Петръ Васильевичъ Шумахеръ, хорошо извѣстный Москвѣ оригиналъ и поэтъ-сатирикъ, ставшій своего рода достопримѣчательностью первопрестольной. Девятнадцать лѣтъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ его смерти, успѣли уже сгладить въ большой публикѣ память объ этой замѣчательной личности, и это забвеніе совершилось тѣмъ быстрѣе, что литературное наслѣдство послѣ него осталось весьма скудное: его стихи вышли въ Москвѣ въ 1902 г. въ видѣ небольшой книжки въ 162 страницы. Правда, есть еще два изданія его стихотвореній, въ свое время не пропущенныхъ цензурою и потому напечатанныхъ въ Берлинѣ, но ихъ можно найти лишь у записныхъ библіофиловъ, а у немногихъ уцѣлѣвшихъ еще друзей

его хранится немало его писемъ и не изданныхъ нигдѣ произведеній, которыя только теперь начинаютъ проникать въ печать. Починъ въ этомъ случаѣ положилъ извѣстный основатель археологическаго музея въ Москвѣ П. И. Щукинъ, съ которымъ Шумахеръ до самой смерти своей былъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Добрая треть 7-го выпуска «Щукинскаго Сборника» занята письмами Петра Васильевича къ самому Щукину и къ ихъ общимъ друзьямъ и знакомымъ. Здѣсь же впервые напечатаны кое-какія не изданныя еще его стихотворенія и эпиграммы. Немало бумагъ Шумахера поступило къ извѣстному московскому книгоиздателю, нынѣ покойному, Солдатенкову, немало ихъ хранится у супруги бывшаго въ 80-хъ годахъ московскимъ губернаторомъ В. С. Перфильева, П. Ѳ. Перфильевой, и еще больше у графа С. Д. Шереметева, съ которымъ судьба столкнула Шумахера подъ самый конецъ жизни. Къ сожалѣнію, хранящіяся у этихъ лицъ бумаги Шумахера ждутъ еще своей очереди, и остается только пожелать, чтобы эти остроумныя вещи поскорѣе стали доступны читателю, истерзанному и замученному современными потугами на глубокомысліе и остроуміе.

О личности самого Петра Васильевича въ литературѣ почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній, если не считать кое-какихъ газетныхъ замѣтокъ и отрывистыхъ извѣстій, попадающихся иногда въ журнальныхъ воспоминаніяхъ и статьяхъ, касающихся главнымъ образомъ Сибири. Они перечислены въ 11 выпускѣ труда Д. Д. Языкова «Обзоръ жизни русскихъ писателей и писательницъ», помѣщенномъ въ недавно вышедшемъ 86 томѣ «Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ». Этотъ немногочисленный матеріалъ мы имѣемъ возможность пополнить нѣкоторыми личными воспоминаніями и разсказами о немъ знавшихъ его или сталкивавшихся съ нимъ лицъ. Все это, конечно, свѣдѣнія, далеко.не исчерпывающія богатой превратностями судьбы Шумахера. Въ его біографіи остаются для насъ огромные пробѣлы, не дающіе возможности сдѣлать полную характеристику Шумахера, какъ оригинала. Поэтому мы, отнюдь не задаваясь подобною цѣлью, ограничимся въ нашей статьѣ лишь бѣглымъ ознакомленіемъ читателя съ этимъ забытымъ талантомъ.

Петръ Васильевичъ происходилъ изъ нѣмецко-польской семьи. О его прадѣдѣ извѣстно, что онъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ держалъ въ Москвѣ аптеку. Его отецъ служилъ въ военной службѣ, былъ адъютантомъ графа Канкрина, съ которымъ совершилъ походъ въ Парижъ. На возвратномъ пути въ Россію онъ женился на полькѣ Хлобысевичъ, и отъ этого брака имѣлъ троихъ сыновей. Петръ Васильевичъ родился въ 1817 году въ Нарвѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ городѣ Оршѣ, который въ то время кишѣлъ іезуитами, въ одномъ изъ основанныхъ

ними конвиктѣ. Обращеніе отцовъ іезуитовъ съ воспитанниками отличалось суровостью, и тѣлесныя наказанія, argumenta baculina, считались однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ педагогическихъ средствъ. Вспоминая въ 1878 году свои раннія «впечатлѣнія бытія», Шумахеръ писалъ:

И только голыя березы
Напоминаютъ мнѣ тѣ лозы,
Что вызывали вопль и слезы
Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ.

Нужно, однако, сказать, что свѣдѣній отцы іезуиты дали своему питомцу массу: Шумахеръ, кромѣ математики и древнихъ языковъ, отлично зналъ физику, химію и свободно владѣлъ нѣмецкимъ, англійскимъ, французскимъ и итальянскимъ языками. Послѣдними двумя онъ овладѣлъ впослѣдствіи во время своихъ продолжительныхъ странствованій по Франціи и Италіи.

Изъ Орши семья Шумахеровъ перебралась въ Петербургъ. Братья Петра Васильевича были отданы одинъ въ кадетскій корпусъ, другой въ дворянскій полкъ. Будущему поэту была уготована другая участь. По настоянію его крестнаго отца, графа Канкрина, его отдали въ коммерческое училище. Въ 30-хъ годахъ графъ Канкринъ опредѣлилъ его на службу въ военное министерство. Уже въ эту пору Шумахеръ сталъ интересоваться литературой и живо помнилъ грозу, разразившуюся надъ однимъ изъ его сослуживцевъ, небезызвѣстнымъ поэтомъ пушкинской эпохи М. Д. Деларю. Послѣдній перевелъ изъ Гюго стихотвореніе: «Enfant, si j'étais roi», которое начиналось такъ:

Когда бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Красавица, тогда бъ повергъ я предъ тобою
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру
За взглядъ, за взглядъ единый твой!

Уже самое начало не предвѣщало переводчику ничего хорошаго въ тѣ мрачныя времена, и нужна была большая опрометчивость, чтобы напечатать и конецъ стихотворенія:

И если бъ Богомъ былъ—селеньями святыми
Клянусь, я отдалъ бы прохладу райскихъ струй
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

«Помню,—пишетъ Шумахеръ:—что митрополитъ (Серафимъ) жаловался военному министру Чернышеву. Николай Павловичъ тоже былъ недоволенъ, и Делярю долженъ былъ выйти въ отставку».

Шумахеръ самъ, повидимому, недолго оставался въ военномъ министерствѣ и перешелъ на службу поближе къ графу Канкрину, въ министерство финансовъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось добыть свѣдѣнія объ этомъ раннемъ петербургскомъ періодѣ жизни Шумахера, и мы встрѣчаемся съ нимъ уже въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Сибири, гдѣ онъ управлялъ золотыми пріисками крупнѣйшихъ тогдашнихъ золотопромышленниковъ Базилевскихъ и Рюминыхъ. Жилъ онъ въ Сибири по-царски, получалъ огромное по тому времени содержаніе, тысячъ въ тридцать, которыхъ, однако, не хватало для его широкихъ замашекъ. Слава о немъ гремѣла по всей Сибири, и когда ревизовавшій край сенаторъ Синельниковъ прибылъ въ Иркутскъ, его сейчасъ же окружилъ цѣлый циклъ сказаній о пиршествахъ Шумахера.

«Горожане нерѣдко любовались, какъ въ халатѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, поэтъ помѣщался въ корзинѣ, подвѣшенной къ окну,—сообщаетъ въ своихъ «Запискахъ о прошломъ» П. П. Суворовъ, служившій въ то время при Синельниковѣ [1]).—Шумахеръ, раскачиваемый женскими ручками, не обращалъ вниманія на уличныхъ зѣвакъ, смотрѣвшихъ на необычайное зрѣлище. Разъ въ недѣлю онъ совершалъ шумныя поѣздки въ баню. Какъ Вакхъ, онъ возлежалъ въ глубинѣ колесницы; кругомъ помѣщались нимфы и обмахивали его вмѣсто лавровыхъ вѣтвей березовыми вѣниками. Пѣсни неслись съ экипажа и поучительно говорили прохожимъ, какъ можно беззаботно проводить время вдали отъ цивилизованнаго міра»

Въ Сибири Петръ Васильевичъ женился на вдовѣ каинскаго купца А. П. Пренъ, женщинѣ весьма образованной, съ тонкимъ пониманіемъ остроумія и изящества. Александра Петровна приходилась родной внучкой извѣстному въ 50-хъ годахъ нижегородскому богачу, купцу Шушляеву, домъ котораго на Нижнемъ Базарѣ считался въ тѣ времена украшеніемъ Нижняго Новгорода. Молодымъ пришлось странствовать съ пріиска на пріискъ, при чемъ Петръ Васильевичъ, къ удивленію своей супруги, спалъ, несмотря на трескучіе морозы, не иначе, какъ въ кибиткѣ, увѣряя, что въ комнатахъ онъ задыхается отъ жары. Впрочемъ, если судьба заносила его въ какую-нибудь душную, угарную избу, Шумахеръ и здѣсь устраивался прекрасно и, благодаря своему богатырскому здоровью, засыпалъ сномъ праведника.

Въ началѣ 50-хъ годовъ Шумахеръ съ женою переселился въ Петербургъ и жилъ, нисколько не сокращая масштаба, взятаго имъ еще въ Сибири. Стихотвореніе «Былое» лучше всего рисуетъ этотъ сибирскій розмахъ.

---

[1]) «Рус. Обозр.», 1901 г., кн. 1.

Бывало, въ дружеской попойкѣ
Пропустишь водки цѣлый штофъ
И, дернувъ за городъ на тройкѣ,
Глотаешь пойла всѣхъ сортовъ.
Бывало, въ бѣшеную пору
Увидѣлъ юбку—и бѣда!
Влюблялся въ женщинъ безъ разбору:
Былъ ихъ поклонникомъ всегда.

Петръ Васильевичъ въ эту пору былъ не только поклонникомъ женщинъ, но и поклонникомъ театра и принималъ самое дѣятельное участіе въ петербургскомъ «артистическомъ кружкѣ», помѣщавшемся въ то время у Пяти угловъ и самъ выступалъ на сценѣ. Привѣтствуя въ 1875 г. В. В. Самойлова по случаю сорокалѣтняго юбилея его артистической дѣятельности, Шумахеръ воспоминаетъ:

Простой любитель русской сцены,
Тому лѣтъ сорокъ въ первый разъ
Я въ ожерельѣ Мельпомены
Увидѣлъ рѣдкостный алмазъ.
Прошли съ годами перемѣны,
Я сталъ безногій дилетантъ;
А въ ожерельѣ Мельпомены
Играетъ тотъ же брилліантъ.

Знакомство у него было огромное, и въ литературно-артистическомъ мірѣ онъ былъ свой человѣкъ; читая извѣстныя воспоминанія Панаева, Шумахеръ въ 1888 году писалъ: «Вся жизнь литературы 30-хъ и 40-хъ годовъ была на моихъ глазахъ. Многія личности очерчены мастерски и по достоинству».

Изъ Петербурга Шумахеръ съ женою предприняли путешествіе за границу, гдѣ Петръ Васильевичъ приводилъ культурныхъ иностранцевъ въ полное недоумѣніе совмѣщеніемъ въ себѣ того, что, казалось бы, должно исключать одно другое. Тонкій гастрономъ, великій знатокъ всякихъ марокъ шампанскаго, онъ не могъ обходиться безъ квасу, кислой капусты и чернаго хлѣба. Они были нужны ему не только для контраста изысканной ресторанной кухнѣ, но и какъ медикаменты. Во время пребыванія въ Берлинѣ Шумахеръ жестоко заболѣлъ и слегъ въ постель. Приглашенный докторъ со всякаго рода предосторожностями объявилъ, что положеніе больного довольно опасно, и прописалъ какую-то микстуру. Шумахеръ микстуру эту выкинулъ за окно и потребовалъ, чтобы ему, во что бы то ни стало, принесли кислой капусты. Исполнить это требованіе было не такъ-то легко: бросались по всѣмъ гостиницамъ и ресторанамъ, но капусты не находилось нигдѣ. Наконецъ кому-то пришла въ голову мысль обратиться за помощью къ настоятелю русской церкви въ Берлинѣ. Тамъ капуста, дѣйствительно, нашлась, и Шумахеръ, истребивъ полную тарелку, на другой день чувствовалъ себя значительно

лучше, а вскорѣ и совсѣмъ выздоровѣлъ, къ величайшему изумленію доктора.

Въ другой разъ въ Сибири онъ простудился и схватилъ сильную горловую жабу. Докторъ приговорилъ уже его къ смерти, но Шумахеръ потребовалъ чернаго хлѣба, съ аппетитомъ съѣлъ цѣлую краюху и сталъ поправляться.

Уже будучи больнымъ, «мятымъ», какъ онъ говорилъ, Петръ Васильевичъ неизмѣнно продолжалъ придерживаться правила «предавать свое грѣшное тѣло натурѣ, прислушиваясь къ ея голосу и потребамъ». А «потребы» эти были таковы, что отъ нихъ пришелъ бы въ ужасъ самый снисходительный докторъ.

Представляя собою къ концу жизни цѣлое гнѣздилище болѣзней, Шумахеръ особенно страдалъ желудкомъ. Доктора прописывали ему строжайшую діэту, а онъ потихоньку отъ нихъ писалъ своимъ друзьямъ: «Брюхо мое что-то дуритъ. Но я ему воли не даю. Обтрескаюсь самыхъ противоположныхъ вещей до отвалу, желудокъ удивится и образумится».

И онъ дѣйствительно приводилъ свою мысль въ исполненіе, увѣдомляя объ этомъ своего доктора такимъ пятистишіемъ:

Плохой пріятель медицины,
Я ѣмъ, по случаю жары,
Замѣсто пурганца и хины
Звено соленой осетрины
И съ лукомъ паюсной икры.

Прекрасному аппетиту Шумахера соотвѣтствовала и никогда не прекращавшаяся жажда, о размѣрахъ которой можно судить по слѣдующему случаю. Вернувшись однажды отъ своего старинаго пріятеля, извѣстнаго артиста Монахова, Петръ Васильевичъ на другой день записалъ на листочкѣ: «Я выпилъ 11 бутылокъ бургонскаго, и мнѣ привидѣлся Вильгельмъ».

Узнавъ потомъ о посѣтившемъ друга навожденіи, Монаховъ прислалъ ему новое приглашеніе:

Шумахеръ Петръ! Я не забуду дня,
Когда, съ утра кой-какъ продравши бѣльма,
Я вспомнилъ, что вчера ты видѣлъ у меня
Германіи властителя—Вильгельма!
Такимъ видѣніемъ обязанъ ты, повѣрь,
Бургонскаго вина разнообразнымъ маркамъ.
Являйся въ пятницу—ручаюсь, что теперь
Ты познакомишься и съ канцлеромъ Бисмаркомъ.

Но вернемся къ біографіи Шумахера. По возвращеніи изъ-за границы Петръ Васильевичъ поселился въ Нижнемъ и скоро сталъ здѣсь центромъ интеллигентнаго общества.

Жилъ онъ попрежнему весело, принимая горячее участіе въ любительскихъ спектакляхъ и литературныхъ вечерахъ.

Публика съ нетерпѣніемъ ждала его появленія, зная, что у него всегда есть про себя новые куплеты на волнующую Нижній злобу дня. Одинъ изъ такихъ экспромтовъ-куплетовъ былъ записанъ кѣмъ-то изъ пріятелей и напечатанъ въ сборникѣ Щукина. Въ бытность Шумахера въ Нижнемъ тамъ производила фуроръ нѣкая актриса Полякова, особенно ухаживали за ней агенты пароходныхъ обществъ, и Петръ Васильевичъ отозвался на эти ухаживанія такимъ четверостишіемъ:

Нижегородскіе моншеры
Съ тебя не сводятъ жадныхъ глазъ,
И что жъ полезнѣй для Венеры,
Какъ не «Меркурій и Кавказъ»!

Но, создавая Шумахеру популярность, эта страсть къ эпиграммамъ навлекла на него и большую непріятность. Дѣло въ томъ, что въ Нижнемъ уже и тогда обнаружилось явленіе, позднѣе характерно отмѣченное Горбуновымъ: интеллигенція шла навстрѣчу капиталу, капиталъ не оставался чуждъ взаимности. Взаимное притяженіе этихъ двухъ силъ выразилось въ Нижнемъ въ томъ, что нѣкій благородный, но бѣдный баринъ сдѣлалъ предложеніе некрасивой, но богатой купеческой вдовѣ, и въ городѣ много говорили и смѣялись надъ предстоящей свадьбой. Былъ какой-то литературный вечеръ, очень людный, куда Шумахеръ явился «въ подпитіи большомъ». Увидѣвъ въ числѣ присутствующихъ и нареченную парочку, онъ воодушевился и произнесъ стихотвореніе, въ которомъ шла рѣчь о свадьбѣ молодого льва и старой обезьяны и которое оканчивалось такимъ обращеніемъ къ публикѣ:

Господа,
Пожелаемъ имъ плода!

Скандалъ вышелъ страшный, и губернаторъ А. Н. Муравьевъ предложилъ Шумахеру не возбуждать въ городѣ страстей дальнѣйшимъ своимъ присутствіемъ.

Несмотря на безалаберный образъ жизни Шумахера, полный шалаго веселья, Нижній съ его купечествомъ не могъ удовлетворить его тонкую артистическую натуру и оставилъ въ немъ самое тяжелое воспоминаніе. «О Нижнемъ вспомнить не могу,—писалъ онъ уже старикомъ.—Въ немъ я выстрадалъ самое тяжелое, самое ужасное время моей жизни. Отъ горя, грубыхъ оскорбленій я доходилъ до отчаянія, и еще голова крѣпка была, что съ ума не спятилъ».

Въ чемъ заключалось горе, на которое жалуется въ своемъ письмѣ Шумахеръ, мы прямыхъ указаній не имѣемъ и можемъ только догадываться, что онъ не сумѣлъ устроить свою семейную

жизнь и впослѣдствіи долженъ былъ коротать свой вѣкъ въ одиночествѣ. Къ тому же въ этотъ періодъ жизни его денежныя дѣла были уже въ полномъ разстройствѣ. Стихотвореніе «Финалъ» отражаетъ это жизненное крушеніе.

Удѣлъ богатства былъ мнѣ вреденъ,—

утѣшаетъ себя поэтъ,—

Я все растрясъ живой рукой
И лишь съ тѣхъ поръ, какъ сталъ я бѣденъ
Позналъ я счастье и покой.
Я вышелъ нагъ и изувѣченъ
Въ обѣтованную страну
И, нищетою обезпеченъ,
Хоть передъ смертью отдохну.

«Обѣтованною страною» и на этотъ разъ оказалась для Шумахера Сибирь. Петръ Васильевичъ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ и затѣмъ состоялъ при генералъ-губернаторѣ Корсаковѣ. Мѣсто это какъ нельзя болѣе подходило его кипучей, подвижной натурѣ. По порученію своего начальника онъ описывалъ берега Амура, совершая путешествія по немъ на лодкѣ, ѣздилъ въ Кяхту, гдѣ китайскіе купцы угощали его обѣдомъ. Онъ ѣлъ у нихъ множество блюдъ и между прочимъ утку, нарѣзанную кубиками, и виноградъ, покрытый ледяной корой, такъ что его нужно было опускать въ воду, чтобы снять съ него кожу. За обѣдомъ Шумахеръ выпилъ столько рисовой водки, что сыны неба долго не могли прійти въ себя отъ изумленія.

Въ апрѣлѣ, когда ледъ еще не совсѣмъ растаялъ, Петръ Васильевичъ вздумалъ плавать по быстроходной Ангарѣ, сильно простудился и схватилъ тифъ. Провалявшись нѣкоторое время въ грязной душной избѣ, Шумахеръ оправился и продолжалъ прерванное путешествіе, ежедневно подвергая себя такимъ экспериментамъ, отъ которыхъ всякій другой неминуемо отправился бы къ праотцамъ.

Результатомъ этихъ скитаній по запущеннымъ угламъ Сибири былъ рядъ историческихъ очерковъ по исторіи края, изъ которыхъ два, болѣе обширные: «Оборона Камчатки и Восточнаго побережья противъ англо-французовъ въ 1854 — 1855 г. г.» и «Къ исторіи пріобрѣтенія Амура. Наши сношенія съ Китаемъ (1848—1860 г.г.)», были напечатаны имъ въ 1878 г. въ «Русскомъ Архивѣ», съ издателемъ котораго онъ былъ давно знакомъ.

Изслѣдованія Дальняго Востока сблизили и сдружили Шумахера съ извѣстнымъ сибирскимъ дѣятелемъ Ядринцевымъ и другимъ такимъ же бродягою по лицу земли русской, С. В. Максимовымъ, который тоже въ это время занимался Сибирью и Пріамурскимъ краемъ. Въ 1888 году, когда справлялся литературный юби-

лей Сергѣя Васильевича, Шумахеръ счелъ своимъ долгомъ откликнуться на торжество и послалъ юбиляру слѣдующее четверостишіе:

Отъ юга къ сѣверу, съ заката на востокъ
Всю землю русскую избороздилъ онъ ходко
И до всего дошелъ. А все жъ понять не могъ,
Гдѣ хуже и гдѣ лучше водка.

Интересъ и теплое чувство къ Сибири Шумахеръ сохранилъ до конца жизни. Когда смерть была уже за плечами и жить оставалось уже нѣсколько дней, Петръ Васильевичъ, воспоминая весны своей златые дни, писалъ Щукину: «Степная жизнь въ Сибири—роскошь. Кеннанъ теперь въ Тюмени. Онъ вторично уѣхалъ, но уже не для постановки столбовъ въ пустынѣ, а по тракту—описывать Восточную и Западную Сибирь.»

Въ своихъ скитаніяхъ Шумахеру немало пришлось сталкиваться съ простымъ народомъ, и это непосредственное соприкосновеніе съ народною жизнью многое уяснило ему, дало ему пониманіе ея бытового уклада, но не вселило той горячей любви къ народнымъ массамъ, какою проникнутъ былъ, напримѣръ, Максимовъ. Для этого онъ былъ слишкомъ баринъ, слишкомъ по-европейски воспитанный человѣкъ. Характерно для Шумахера стихотвореніе «Завѣщаніе моего отца».

Я все сказалъ тебѣ, что могъ.
Будь вѣренъ чести и свободѣ.
И помни мой совѣтъ, дружокъ,
Ищи сочувствія въ народѣ,—

говоритъ въ этомъ стихотвореніи отецъ, въ заключеніе своихъ поученій.

Что же встрѣтилъ я въ простомъ быту?

спрашиваетъ поэтъ.

Что я нашелъ въ честномъ сословьѣ?
Безпечность, пьянство, сквернословье,
Невѣжество и нищету.

Сатира Шумахера била однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику. Въ исходѣ 70-хъ годовъ ему пришлось быть въ глухихъ мѣстахъ Тамбовской губерніи, и нельзя сказать, чтобы здѣшнее общество, городское и живущее по усадьбамъ, произвело на него выгодное впечатлѣніе.

Въ странѣ плодливой и махровой,
Гдѣ хлѣбъ родится самъ-десятъ,
Живетъ отродье Курдюковой
И производитъ поросятъ.

Тамъ идеальная свинина,
Тамъ черноземный дворянинъ...
Бѣги, поэтъ, отъ дворянина,
Пѣвецъ, спасайся отъ тринина.
Тамъ крѣпки лбы и толсты уши,
Невѣждамъ муза не нужна;
И жаждутъ грубыя ихъ души
Яствъ, водки, сплетенъ, картъ и сна.

Водкамъ и картамъ, заполнявшимъ въ дореформенной провинціи большую часть обывательской жизни, посвящена значительная часть стихотвореній Шумахера.

Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе «Малоярославецкіе политики», гдѣ одинъ изъ провинціальныхъ интеллигентовъ безпрерывно восторгается «заграницей», а другой, одурѣвшій уже отъ пьянства, безнадежно сворачиваетъ все на водку.

Парижъ слываетъ столицей модъ
И центромъ всѣхъ веселій.
Но смыслъ въ немъ, Петръ Кузьмичъ, не тотъ,
Плевалъ я на камелій!
Для чуткихъ, грамотныхъ людей
Онъ былъ всегда набатомъ,
Лабораторіей идей...
— А водка какова тамъ?—

перебиваетъ своего собесѣдника Петръ Кузьмичъ.

Тамъ (за границей), Петръ Кузьмичъ, права равны;
Но, сколько я замѣтилъ,
Я либеральнѣе страны,
Какъ Англія, не встрѣтилъ:
Тамъ обращаются съ людьми
Не то, что съ нашимъ братомъ;
Тамъ я свободенъ, чортъ возьми!
— А водка какова тамъ?

Даже свѣтлая пора реформъ не внесла въ поэзію Шумахера другого, болѣе радостнаго настроенія. Его сатирическому глазу представлялись почти исключительно грустныя или уродливыя явленія русской жизни. Въ стихотвореніи «Послѣдній изъ могиканъ», помѣченномъ 1860 годомъ, передъ читателемъ во весь ростъ нарисованъ хорошо знакомый всѣмъ «баринъ» дореформенной Россіи, потревоженный въ своемъ снѣ надвигающейся отмѣной крѣпостного права.

Чертъ возьми, совсѣмъ не спится,
Отъ клоповъ покою нѣтъ.
Чуть заснешь—исправникъ снится,
Депутаты, комитетъ!
Что и дѣлать, самъ не знаю.
Видно, надобно вставать...
Ванька—мыться! Гришка—чаю!
Юрка—повара позвать!

Продолжая разсуждать и распоряжаться, «баринъ» договаривается мало-по-малу до тайнаго своего желанія:

Говорятъ—пора приспѣла!
Нѣтъ спасенья, говорятъ.
Эхъ, когда бъ все это дѣло
Повернуть на старый ладъ!
Все не легче часъ отъ часу!
Завалиться съ горя спать...
Тришка—Пчелку! Оська—квасу!
Филька—Машку мнѣ позвать!

Чтеніе манифеста 19 февраля въ изображеніи Шумахера вышло совершенно иначе, чѣмъ, напримѣръ, у Майкова.

Тятька, эвонъ что народу
Собралось у кабака:
Ждутъ какую-то свободу.
Тятька, кто она така?
Цыцъ, нишкни! пускай гуторютъ,
Наше дѣло сторона.
Какъ возьмутъ тебя, да вспорютъ,
Такъ узнаешь, кто она!

Самый прогрессъ русской жизни представлялся Шумахеру чѣмъ-то внѣшнимъ, наноснымъ, что каждую минуту можетъ уничтожиться и исчезнуть.

Поспѣшно мы свершаемъ жизни путь—
писалъ онъ:—
То шагъ впередъ, то два шага обратно:
Впрягли авось, небось и какъ-нибудь,
Да и кружимъ по Руси необъятной.
И думаемъ, что мы летимъ впередъ,
Что, натянувъ взамѣнъ кафтановъ фраки,
Цивилизованный вдругъ сдѣлался народъ
И затѣвать со всѣми можемъ драки...
— Живые раки!—

слышится со двора крикъ разносчика.

По временамъ пессимизмъ Шумахера обострялся, и русская жизнь, общественная и частная, представлялась чѣмъ-то разлагающимся, загнившимъ. Въ стихотвореніи «Семья» онъ говоритъ:

Въ понятьяхъ нравственныхъ я вижу нищету,
Я вижу въ обществѣ зачатки разложенья.
Всѣ ищутъ грубаго, плотскаго наслажденья
И на духовную нѣтъ спросу красоту.
Порокъ, насиліе, развратъ въ виду властей,
Въ семьѣ—мошенники, злодѣи, паразиты,
У женщинъ умъ, душа и сердце въ прахъ разбиты,
И скоро перейдетъ зараза на дѣтей.

Дѣти всегда были предметомъ нѣжности и заботливости этого толстаго громоздкаго человѣка, которому суждено было самому остаться бездѣтнымъ. Къ нимъ онъ спасался отъ затопившей людей пошлости.

Когда мнѣ выстудитъ житейскій холодъ грудь,
Мнѣ согрѣваютъ кровь младенческія ласки.
Иду я въ дѣтскую къ ребятамъ отдохнуть,
Гдѣ няня старая имъ сказываетъ сказки.

Ничто не могло такъ разсердить этого незлобиваго человѣка, какъ тщеславное отношеніе къ дѣтямъ, стремленіе сдѣлать изъ нихъ рекламу своего богатства, ненужное и вредное пріученіе ихъ держать себя, какъ взрослые. За этихъ изломанныхъ свѣтскихъ дѣтей поэтъ отомстилъ злымъ стихотвореніемъ «Дѣтскій балъ»:

Вчера я былъ на дѣтскомъ балѣ
И былъ весьма тому не радъ:
Смотрѣлъ я съ грустью въ душномъ залѣ
На извращеніе ребятъ.
Изъ этой пестрой ералаши,
Изъ этихъ суетныхъ затѣй
Безспорно явствуетъ, что наши
Ослы папаши и мамаши
Сто разъ глупѣй своихъ дѣтей.

А вотъ его надпись на памятникѣ Крылова въ Лѣтнемъ саду:

Лукавый дѣдушка съ гранитной высоты
Глядитъ, какъ рѣзвятся вокругъ него ребята,
И думаетъ себѣ: о, милые звѣрята,
Какіе, выросши, вы будете скоты!

Мы отвлеклись отъ біографіи Шумахера и привели нѣкоторыя его стихотворенія, характерныя для опредѣленія его воззрѣній, какъ они сложились у него къ началу 70-хъ годовъ. Тутъ опять мы встрѣчаемся съ огромнымъ пробѣломъ въ цѣпи фактическихъ данныхъ, знаемъ только, что 1872 годъ засталъ Шумахера за границей.

Франко-прусская война только что кончилась. Франція, на литературѣ и идеяхъ которой выросъ Шумахеръ, лежала униженная у ногъ Бисмарка. Отвратительная политика желѣза и крови достигла высшаго своего торжества, и нѣмцы, заграничные и наши домашніе, ходили, гордо выпятивъ грудь.

Шумахеръ, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе и лютеранство, терпѣть не могъ нѣмцевъ и отрекался отъ нихъ.

Въ Россіи прожилъ я весь вѣкъ
И не считался иностранцемъ,
Утробой, взглядами и сердцемъ
Былъ чисто русскій человѣкъ
И лишь въ могилѣ сталъ я нѣмцемъ.

Чѣмъ имснно были антипатичны ему нѣмцы, нагляднѣе всего показываетъ стихотвореніе «Нѣмецкая любовь»:

Ночь тиха, туманъ на рѣчкѣ,
Звѣзды на небѣ горятъ.
Готлибъ съ Мальхенъ на крылечкѣ
Нѣжно, сладко говорятъ...
Не о томъ, что небо ясно,
Что сіяютъ звѣзды въ немъ,
Не о томъ, что ночь прекрасна,
Говорятъ они о томъ,
Что провизія ужасно
Дорожаетъ съ каждымъ днемъ.

Шумахеръ не любилъ даже нѣмецкаго языка и избѣгалъ читать на немъ, несмотря на то, что зналъ его отлично. «Взялъ я «Птицъ» Брема и увлекся,—пишетъ онъ П. И. Щукину въ 1880 г.—Скажите, есть Бремъ во французскомъ переводѣ? По-нѣмецки онъ для меня много теряетъ—zu süss». «У меня опять начинаютъ пошаливать ноги,—продолжаетъ онъ далѣе,—больше же всего мой Gemüthzustand. Замѣтьте, что все скверное я охотно называю по-нѣмецки».

Приближаясь къ смерти и доживая уже, какъ онъ говорилъ, свои «граціонные дни», Шумахеръ умолялъ не хоронить его на нѣмецкомъ кладбищѣ. «Нѣмцы,—сердился онъ,—будутъ указывать на мою могилу и говорить: Hier liegt der dicke Schumacher, der alte Saufnikel». Тогда онъ говаривалъ о желаніи быть погребеннымъ просто въ лѣсу и лишь передъ самымъ концомъ остановился онъ на подмосковномъ имѣніи графа С. Д. Шереметева Кусковѣ, гдѣ проводилъ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. При этомъ мимоходомъ высказывалъ пожеланіе, чтобы надъ нимъ росла рябина со скворечникомъ на вѣтвяхъ. Желаніе его исполнилось, и его похоронили въ кусковскомъ паркѣ, недалеко отъ оранжерейнаго флигеля. Когда его опускали въ могилу 11 мая 1891 г., былъ чудный весенній день и пѣли соловьи...

Вернемся, однако, къ заграничному пребыванію Шумахера въ началѣ 70-хъ годовъ. Въ бытность въ 1873 году въ Берлинѣ онъ между прочимъ пишетъ романсъ (на мотивъ «Мнѣ жаль тебя») «Берлинскія собаки», который оканчивается такимъ куплетомъ:

Бѣгите къ намъ на площади и стогна,
Тамъ вольно вамъ, на свадебномъ пиру,
И подымать у тумбъ тротуарныхъ стегна
И зря хватать прохожихъ за икру.
Бѣгите къ намъ, васъ ждетъ у насъ свобода
И простота радушной стороны,
Гдѣ бѣдствуютъ одни сыны народа
Но счастливы всѣ с... сыны.
Бѣгите къ намъ!
Бѣгите къ намъ!

Въ Берлинѣ Петръ Васильевичъ усиленно хлопоталъ объ изданіи здѣсь своихъ стихотвореній, не пропускавшихся тогда цензурою, и черезъ посредство И. С. Тургенева вошелъ въ сношеніе въ мѣстнымъ книгопродавцемъ-издателемъ Бокомъ или Беромъ. Бокъ дѣйствительно напечаталъ книжку стиховъ Шумахера, а черезъ семь лѣтъ выпустилъ онъ новое дополненное изданіе, подъ заглавіемъ: «Моимъ землякамъ». Съ изданіемъ этимъ вышло, однако, недоразумѣніе, о которомъ упоминается въ одномъ изъ писемъ Шумахера къ отправлявшемуся въ 1880 году за границу П. И. Щукину. «Берлинскій Беръ или Бокъ,—писалъ Шумахеръ,—уговорился съ И. С. Тургеневымъ выплатить ему за вторую книжечку моихъ стиховъ 75 талеровъ и дать ему 10 экземпляровъ. Когда они напечатали, то вздумали надувать, и И. С. едва удалось вытянуть у нихъ 75 талеровъ и книжку ему прислали всего одну. Они основывались на томъ, будто я лично обѣщалъ дать имъ даромъ стихи на вторую книжку. Я въ 1877 г. точно былъ у нихъ и говорилъ о второмъ пополненномъ изданіи съ исправленіями и исключеніями нѣкоторыхъ стиховъ изъ перваго изданія. Такъ это болтовней и кончилось. Затѣмъ у меня накопилось столько же, сколько было въ первой книжкѣ, и Ив. С. съ ними уговорился нынче за 75 талеровъ и 10 экземпляровъ—дать имъ стихи на вторую книжку, а не на второе изданіе. Они согласились, и теперь измѣняютъ своему слову. Скажите имъ, что нѣмцы такъ не дѣлаютъ. А что ни я, ни Тургеневъ врать не станетъ—это вы знаете».

Съ Тургеневымъ Шумахеръ до конца жизни романиста сохранилъ самыя тѣсныя отношенія и постоянно при случаѣ пересылалъ ему письма. «Сегодня узналъ, что вы будете въ Парижѣ,—писалъ онъ Щукину,—до 15 ноября. Если не въ трудъ, зайдите къ Тургеневу, живущему Rue Donai. Со своей карточкой пошлите ему и мою. Поклонитесь ему, скажите ему, что мы съ вами пріятели, просиживаемъ по полусутокъ за гравюрами и книгами. Спросите, не имѣетъ ли онъ что мнѣ передать?»

Смерть Тургенева поразила Шумахера, но еще болѣе поразило и возмутило его робкое и равнодушное къ этому событію отношеніе тогдашнихъ корифеевъ нашей литературы.

«Каковы наши поэты?—съ горечью писалъ Шумахеръ.—Ни присяжный А. Майковъ, ни другъ Тургенева Я. Полонскій—никто ни однимъ словомъ не обмолвился. Что за с.....и! Ну, если боишься, то хоть первыя буквы поставь! А Фетъ вотъ теперь до того занятъ унавоживаніемъ, что едва ли даже знаетъ, что Тургеневъ умеръ. Умри Катковъ, завтра же было бы стихотвореніе на его смерть; въ «Московскія Вѣдомости», конечно, за полученіемъ гонорара, какъ за восьмистрочіе на открытіе памятника Пушкину или «на случай несенія креста на Голгоѳу», хорошо не помню».

И обиженный за память Тургенева поэтъ зло пародируетъ восьмистрочіе Фета. «Можете его распространять,—пишетъ онъ Щукину, препровождая свое стихотвореніе,—не называя автора и не показывая мою рукопись».

Вотъ эта пародія:

Шлю отъ души привѣтъ землевладѣльцу Фету,
Готовъ во всѣ концы трубить ему хвалу,
Какъ диллетанту и кондитеру-поэту—
За пастилу!
Но не въ однѣхъ сластяхъ онъ выказалъ свой геній:
Я почесть воздаю ему, какъ Шеншину,
За лучшее изъ всѣхъ его произведеній—
За ветчину!

Въ 80-хъ годахъ Шумахеръ жилъ уже въ Москвѣ, куда переселился изъ Петербурга «мятый» и больной. Положеніе его, благодаря присущей ему непрактичности и безпечности, было въ высшей степени печально. Средства къ жизни изсякли, здоровье было разстроено, подагра свирѣпствовала. «Погода играетъ у меня на пальцахъ, какъ на клавишахъ, разные печальные мотивы», писалъ онъ своимъ друзьямъ.

Въ Москвѣ Шумахеръ сначала пріютился у своего стараго пріятеля, извѣстнаго переводчика Шекспира, Николая Христофоровича Кетчера, который занималъ тогда мѣсто начальника московскаго врачебнаго управленія и жилъ на 3-й Мѣщанской, у церкви митрополита Филиппа. Повидимому, Шумахеру на 3-й Мѣщанской жилось невесело. На это намекаетъ двустишіе, которое сказалъ какъ-то Шумахеру извѣстный артистъ Вильде, встрѣтившійся съ нимъ въ знаменитомъ московскомъ ресторанѣ Лопашова:

Лѣтами ты ужъ старъ, да сердцемъ живъ и молодъ.
Не слѣдъ бы жить тебѣ, гдѣ мракъ и смерти холодъ.

На счастье Шумахера, къ этому времени у него завязались частыя сношенія съ семьею В. С. Перфильева, бывшаго тогда московскимъ губернаторомъ. Особенно оцѣнила начитанность и остроуміе Петра Васильевича супруга губернатора П. Ѳ. Перфильева, рожденная графиня Толстая. Шумахеръ нерѣдко посылалъ ей плоды своего вдохновенія, причемъ посредникомъ между ними служилъ общій ихъ хорошій знакомый, извѣстный въ Москвѣ окулистъ Маклаковъ.

10 ноября 1880 г. Шумахеръ дѣлаетъ замѣтку: «П. Ѳ. Перфильева прислала А. Н. Маклакова меня навѣстить и въ письмѣ пишетъ, что посылаетъ ко мнѣ Ноя, намекая на большую семью А. Н. Я лежалъ больной». Этотъ визитъ вызываетъ слѣдующее стихотворное посланіе:

Сижу у Кетчера больной,
Скорбя ногой и сердцемъ ноя,
И вдругъ сюрпризъ: въ тиши ночной
Съ письмомъ отъ васъ я вижу Ноя...
Но вашъ и Ной совсѣмъ иной,
Скорѣе въ родъ Антиноя:
Онъ сообщилъ мнѣ стороной,
Что скоро буду пить вино я.

Скоро съ 3-й Мѣщанской Шумахеръ перебирается на Тверскую, въ казенный губернаторскій домъ или «префектуру», какъ онъ его называлъ въ своихъ письмахъ. Тутъ ему отвели помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ, устроили больного, почти безпомощнаго поэта, насколько возможно было, удобно и занялись его леченіемъ, отдавъ его подъ надзоръ доктора Каспари.

«Вчера началъ пить Виши», сообщаетъ Шумахеръ Щукину въ 1882 году:

Дѣла мои нехороши,
Хотятъ согнать меня со свѣту:
Каспари пить велѣлъ Виши
И приказалъ держать діэту.

На старинной печати Шумахера былъ изображенъ тростникъ съ девизомъ: toujours agité, jamais abattu. Вѣрный этому девизу, поэтъ приспособился къ своей новой обстановкѣ, примирился съ своей судьбой и коротalъ свое время въ чтеніи, литературныхъ занятіяхъ, а когда позволяло здоровье, въ кружкѣ добрыхъ друзей, къ которому принадлежали, кромѣ упомянутыхъ уже Маклакова, Кетчера и Щукина, также И. Е. Забѣлинъ, Каншинъ, Пикулинъ, небезызвѣстный въ Москвѣ спеціалистъ по ушнымъ болѣзнямъ Шкоттъ, издатель-милліонеръ К. Т. Солдатенковъ.

Пользуясь случаемъ, скажемъ здѣсь кстати нѣсколько словъ о двухъ оригинальныхъ членахъ этого кружка—докторѣ Пикулинѣ и Каншинѣ.

Павелъ Лукичъ Пикулинъ († 1885 г.), пріятель Грановскаго и Герцена, былъ женатъ на Аннѣ Петровнѣ Боткиной и приходился роднымъ дядей не разъ упоминавшемуся выше Щукину. Пикулинъ сначала служилъ въ Екатерининской больницѣ въ Москвѣ, затѣмъ, увлекшись цвѣтоводствомъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ «Журналѣ садоводства», издававшемся въ 60-хъ годахъ россійскимъ обществомъ любителей садоводства. Онъ первый въ Москвѣ занялся на своей дачѣ въ Марьиной рощѣ разведеніемъ лучшихъ сортовъ земляники, а также розъ и гладіолюсовъ.

Пикулинъ подъ конецъ жизни былъ разбитъ параличомъ, жилъ не въ ладахъ съ женою и имѣлъ нѣжную привязанность къ собакамъ, которыя у него жили въ кабинетѣ. Однажды онъ даже устроилъ для нихъ елку, обвѣсивъ ее гирляндами изъ сосисекъ и кусочковъ

мяса. Въ свое время Пикулинъ имѣлъ огромную практику, лечилъ митрополита Филарета, лейбъ-медика Енохина, сумасшедшаго графа Мамонова, который жилъ на своей великолѣпной дачѣ близъ Воробьевыхъ горъ, и многихъ другихъ. Онъ былъ какъ бы лейбъ-медикомъ Шумахера.

Другой оригиналъ—Д. В. Каншинъ былъ въ кружкѣ представителемъ кулинарнаго искусства. Это былъ баринъ, для котораго правильное питаніе человѣчества сдѣлалось своего рода idée fixe. Въ области физіологіи питанія Каншинъ обладалъ огромной начитанностью, поглотивъ все, что могъ найти по этой части въ литературѣ на всѣхъ языкахъ. Результатомъ этихъ работъ явилась его трехтомная «Энциклопедія питанія», возбудившая большіе толки за границей и, какъ водится, прошедшая у насъ незамѣченной. «Говорилъ я съ однимъ химикомъ въ Петербургѣ, который усиленно занятъ вопросами питанія,—пишетъ Каншинъ Шумахеру,—и онъ сказалъ мнѣ: въ Россіи, кромѣ меня и васъ, надъ этимъ никто не работаетъ и критики на вашу книгу быть не можетъ. Сначала я подумалъ, что книжица моя слаба, но когда парижскій знаменитый профессоръ Sée приказалъ переводить ее для себя, то я подумалъ, что если книга моя не распространена, то немудрено, потому что она не по зубамъ». «Финляндскіе врачи,—сообщаетъ онъ далѣе,—прислали мнѣ за мою энциклопедію дипломъ на званіе почетнаго члена. Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ отъ финляндцевъ».

Д. В. Каншинъ болѣе извѣстенъ, какъ устроитель нормальныхъ столовыхъ и кулинарныхъ курсовъ, которые одно время были въ большой модѣ въ С.-Петербургѣ.

Къ нему Шумахеръ обращался за совѣтами, когда послѣдствія неосторожной діэты ужъ слишкомъ давали себя чувствовать. Каншинъ составлялъ для него гигіеническое расписаніе блюдъ, но, конечно, старался напрасно. Въ кружкѣ, въ которомъ доживалъ свои дни Петръ Васильевичъ, любили покушать по-московски, и не Шумахеру было отставать отъ другихъ.

На лѣто Петръ Васильевичъ переселялся въ село Спасское близъ Новаго Іерусалима. Жилъ онъ тамъ въ большомъ, совершенно заброшенномъ барскомъ домѣ, въ полномъ одиночествѣ, совершая въ хорошіе дни, когда не болѣли ноги, прогулки въ самомъ непринужденномъ костюмѣ, а въ ненастные—рылся въ уцѣлѣвшихъ книгахъ старинной домашней библіотеки или предавался усиленному чтенію. Книгами его снабжалъ П. И. Щукинъ, самъ великій библіофилъ. Книги для Шумахера обыкновенно тюками присылались въ «префектуру», оттуда онѣ препровождались въ сосѣднее зданіе глазной больницы. Наконецъ ихъ захватывалъ докторъ Маклаковъ, который жилъ лѣтомъ въ своемъ имѣніи Дергайково, недалеко отъ мѣста уединенія Шумахера.

Остававшіеся въ Москвѣ друзья не забывали его: для него выписывались французскія газеты и время отъ времени посылались транспорты съ провизіей «мокрой и сухой».

«Вчера былъ у меня Кузьма (Солдатенковъ), и я, по вашему желанію, прочелъ ваше къ нему привѣтствіе,—сообщаетъ Шумахеру Пикулинъ.—Причемъ онъ сказалъ, не послать ли вамъ гостинца. Я ему отвѣчалъ, что лучшій гостинецъ—напитки, но онъ рѣшилъ, что и съѣстное въ деревнѣ не лишнее, а потому рѣшилъ послать вамъ въ одномъ ящикѣ икры паюсной, сыру, балыка, сардинъ, сельдей, ветчины, колбасъ, салями и другихъ. А въ другомъ 12 бутылокъ марго. На медокъ онъ не согласился, говоря, что марго лучше всякаго медока».

Когда не шалило здоровье, Шумахеръ блаженствовалъ въ своемъ медвѣжьемъ углу. «Хорошія книги, комфортъ, тишина и спокойствіе, прелестное мѣстоположеніе, полное наслажденіе, просто обѣдня духовная», писалъ онъ Щукину, зазывая его къ себѣ.

Но положеніе Робинзона иногда давало себя знать и съ обратной стороны.

«Забывъ, что ноги мои не совсѣмъ крѣпки,—пишетъ Шумахеръ своему лейбъ-медику Пикулину,—я влѣзъ на подоконникъ давить мухъ. Занятіе, какъ изволите знать, вполнѣ дворянское. Лицомъ къ стекламъ сталъ я спускаться и, вмѣсто сидѣнья, оперся ступней на ручку кресла. Послѣдовало изверженіе массы и разодраніе ногъ по шву. Къ счастью, кости остались цѣлы; но икра лѣвой ноги располосана, какъ ножомъ. Во-вторыхъ, отъ неизвѣстныхъ причинъ, я полагаю, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, меня всю эту недѣлю несетъ. Только что придешь въ спальню, сейчасъ опять гонитъ. Что ни съѣмъ—сейчасъ въ кишкахъ завертитъ—и бѣги! Совсѣмъ отощалъ и сконфуженъ. И всю недѣлю одинъ-одинешенекъ въ большомъ домѣ, безъ прислуги. Самъ и горшки выношу».

Иногда здоровье Шумахера такъ разстраивалось, что, по предписанію своего доктора, онъ, вмѣсто прогулокъ, выходилъ лишь въ большой залъ дома, въ которомъ открывались предварительно форточки. «Ich bin lichtscheu», говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Особенно мучила его подагра.

Съ тоски сейчасъ хоть помереть!
Конца не вижу безобразью!
Хоть вы бы мнѣ какою мазью
Велѣли ногу потереть!—

жаловался онъ Пикулину.

Мазь, разумѣется, присылалась ему при первой же оказіи, но мало помогала дѣлу. Несмотря на категорическое предписаніе доктора ходить не иначе, какъ въ «лѣтней» шубѣ, Шумахеръ по-

прежнему не обращалъ на себя вниманія, какъ только затихала боль, и попрежнему продолжалъ неосторожное обращеніе со спиртными напитками.

Но кончалось лѣто, Шумахеръ возвращался на свой верхъ префектуры и тутъ иногда чувствовалъ всю безотрадность своего положенія. Средствъ у него уже давно не было. Конечно, при своемъ многочисленномъ и вліятельномъ знакомствѣ Шумахеру не трудно было бы получить какое-нибудь мѣсто и ему дѣйствительно предлагали должность цензора, но онъ наотрѣзъ отказался отъ этого предложенія, не желая быть «гасильникомъ» чужихъ мыслей. Онъ нашелъ для себя другой источникъ дохода: разъ въ годъ онъ устраивалъ въ залѣ консерваторіи или дворянскаго собранія музыкально-вокальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе лучшія артистическія силы Москвы: Корсовъ, Муромцева-Климентова, цитристъ Бауеръ, піанистъ Пабстъ, скрипачъ Флиге и другіе. Участіе двухъ «веселыхъ паяцовъ», какъ называлъ себя и И. Ѳ. Горбунова Шумахеръ, обезпечивало всегда успѣхъ этихъ вечеровъ.

Къ этому времени Петръ Васильевичъ обыкновенно готовилъ новыя злободневныя стихотворенія, которыми приводилъ публику въ восторгъ. Друзья усиленно продавали билеты на вечера Шумахера, и поэту очищалось отъ нихъ каждый годъ нѣсколько сотъ рублей, съ которыми онъ и успѣвалъ тряхнуть стариной.

Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній, прочитанныхъ Шумахеромъ:

Въ хандрѣ надъ Дарвиномъ сижу,
Трезоръ дрожитъ надъ черствой коркой.
Какъ много сходства нахожу
Я между мною и Трезоркой!
Мы оба съ нимъ сыны любви,
Волочимъ дни въ печальной долѣ
Съ враждою къ братіямъ въ крови
И оба служимъ поневолѣ.
Благоговѣя предъ хлыстомъ,
Трезоръ подчасъ весьма подленекъ,
Да какъ и не вилять хвостомъ,
Когда въ карманѣ нѣту денегъ.

Въ концѣ стихотворенія обнаруживается, впрочемъ, и нѣкоторое различіе:

Лишь въ благородствѣ чувствъ вполнѣ
Я передъ псомъ уничижаюсь:
Онъ всей душою преданъ мнѣ,
А я продать его сбираюсь.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ Шумахера постигла новая превратность судьбы. Въ семействѣ Перфильева онъ познакомился съ графомъ С. Д. Шереметевымъ. Графъ сразу оцѣнилъ Шумахера и пожелалъ

поставить его въ такую обстановку, которая совершенно устраняла бы всякія тревоги за будущее. Съ этою цѣлью Петру Васильевичу было предложено помѣщеніе въ зданіи старѣйшаго изъ московскихъ благотворительныхъ заведеній, въ такъ называемомъ Странноприимномъ домѣ графа Шереметева у Сухаревой башни. Шумахеръ занялъ здѣсь отдѣльную комнату, которая съ этого времени получила у него названіе «сухаревской кельи». Для поддержанія его здоровья къ его услугамъ былъ цѣлый штатъ докторовъ больницы Странноприимнаго дома. Лѣтомъ онъ переѣзжалъ на дачу въ имѣніе графа Кусково, знаменитое своимъ паркомъ и оранжереями. Въ этомъ русскомъ Версалѣ ему отводился обыкновенно голландскій домикъ.

Въ самомъ Странноприимномъ домѣ Шумахеръ нашелъ уголокъ, гдѣ чувствовалъ себя уютно и удобно. Онъ былъ принятъ, какъ родной, въ семьѣ главнаго смотрителя Странноприимнаго дома Б. С. Шереметева, славившагося своимъ хлѣбосольствомъ. Небольшой занимаемый имъ домъ, тонувшій въ густомъ тѣнистомъ саду, былъ однимъ изъ немногихъ въ Москвѣ центровъ, гдѣ собиралось столько ума и таланта. Многихъ изъ тѣхъ, кто постоянно посѣщалъ этотъ домъ, уже нѣтъ въ живыхъ. Сошелъ въ таинственную сѣнь и хлѣбосольный его хозяинъ, едва ли не послѣдній представитель стариннаго «столбоваго» московскаго дворянства.

Несмотря на немощи плоти, все болѣе и болѣе дававшія себя знать, умственная жизнь въ сухаревской кельѣ била ключомъ. Попрежнему сюда приносились отъ Щукина тюки новыхъ книгъ, попрежнему отсюда разсылались отшельникомъ стихотворныя посланія къ друзьямъ, а иногда вылетали колкія эпиграммы на злобы дня. Такъ, когда умеръ придворный пекарь Филипповъ, булочная котораго, къ удивленію москвичей, была найдена незадолго до этого крайне грязной и переполненной тараканами, Шумахеръ писалъ:

Вчера угасъ еще одинъ изъ типовъ,
Москвѣ весьма полезныхъ и знакомыхъ,
Тмутараканскій князь Иванъ Филипповъ...
И въ траурѣ оставилъ насѣкомыхъ.

Прочитавъ какъ-то собраніе стихотвореній Полонскаго, Шумахеръ писалъ Щукину:

Сперва стихи точилъ я въ три пера,
И не тупились, не пачкали тѣ перья.
Но вотъ пришла убожества пора —
И на Полонскаго сталъ походить теперь я.

Почти безвыходно сидѣлъ Шумахеръ въ своей кельѣ, лишь изрѣдка предпринимая прогулки къ своимъ друзьямъ. Все свое время онъ посвящалъ чтенію, самому разнообразному.

Пристроившись съ своимъ пюпитромъ, Шумахеръ по очереди «глоталъ» все, что ему присылалъ Щукинъ и, возвращая книги назадъ, дѣлалъ каждой мѣткую оцѣнку, доказывавшую его тонкій вкусъ. Онъ читалъ и бульварные французскіе романы, и Ренана, Гюи де-Мопассана и Златоуста, лингвистическія изслѣдованія и сочиненія Брема, географическія описанія и историческіе мемуары, старинныхъ французскихъ поэтовъ-классиковъ и современныхъ декадентовъ, Ронсара и Бодлера—словомъ почти все, что появлялось новаго въ обширной библіотекѣ П. И. Щукина.

Чтобы дать понятіе о тонкомъ литературномъ вкусѣ, которымъ былъ одаренъ Шумахеръ, мы выпишемъ изъ переписки со Щукинымъ мѣста, въ которыхъ онъ даетъ отзывы о прочитанныхъ имъ новинкахъ.

«Dictionnaire de la longue verte—прелесть! Географія—перлъ! Въ ней чрезвычайно интересны названія пива въ разныхъ мѣстахъ и курьезы пренаивные».

«Я этюдирую и смакую Marguerite de Navarre и душевно васъ благодарю за духовную пищу. L'amour au XVIII siècle—это пѣсня соловья, сладкая, пріятная, но черезчуръ долгая, утомляющая монотонностью мотива. Хороши были барыни, если m-me de Sabran—образчикъ идеала».

«Все перечелъ и тяну понемножку Демутье. Стихи Буфлера—дерьмо, хоть бы единая штучка. Письма его дрянь и сушь! Зато Сабранъ что ни письмо, то прелесть!»

«Книги ваши давно перечиталъ всѣ. Voyage aux pays des blagueurs интересно для французовъ, зорко слѣдящихъ за ходомъ дѣлъ въ палатѣ, и русскимъ политикамъ въ родѣ Станкевича. La joie d'aimer—модная вещь, послѣ которой я Maizeroy никогда въ руки не возьму. Онъ назвонилъ своей книжкой Les deux amies, а пишетъ дерьмо. Médecine légale—драгоцѣнная книга. Cobden—преинтересная и написана мастерски. Manuel de Bibliophile—богатая содержаніемъ книга, составленная все-таки жуликомъ изъ поповичей въ родѣ Побѣдоносцева».

«Стоюнинъ—прелесть! Я вамъ покажу письмо Сологуба, которое онъ писалъ къ Пушкину по случаю вызова, у меня черновое».

«Н.-Данченко плодливъ. Онъ точно сука, которая опоросилась двумя дюжинами щенятъ: одинъ изъ нихъ будто бы и породистый, а остальныхъ всѣхъ слѣдуетъ забросить».

«Захеръ весьма плохъ. Подражаніе Тургеневу. Только вмѣсто кисти выходитъ мазокъ. Для Галиціи ладно и это».

«Wiener Spaziergänge переносятъ меня мыслью къ колбасамъ и пиву. A travers les mots—плохая и пустая компиляція. La rue—вещь сердечная мѣстами, но разогрѣтое блюдо».

«Благодарю васъ за книги! Boheme galante—поскребки и повторенія—очень милыя. Zoologie morale—вещь безъ вкуса, безъ свѣжести и безъ всякаго таланта. Какая прелестная вещь Cicéron

et ses amis. Давно я не читалъ ничего подобнаго. Съ какимъ знаніемъ, умѣньемъ и талантомъ написана! И слогъ подходящій, точь-въ-точь древній историкъ писалъ. Красота, умъ и знаніе. Предвкушаю блаженство, разрѣзая L'opposition sous les Césars».

«La femme au XVIII siècle—трудъ великій и написанъ увлекательно. Le 101 régiment—очень хорошо. La bêtise humaine мнѣ не понравилась, вещь дѣланная и съ претензіей смахивать на Huron Вольтера. Въ Soirées de Médan только и есть, что Boule de Suif (Мопассана)—прелесть, которую я гдѣ-то уже читалъ. La maison Tellier—высоко талантливо набросанныя картины. Мастерская реальность. Houssaye не поэтъ, а ерникъ и с..... с..ъ. Пругавинъ написалъ прекрасную и полезную для кустарей брошюру. Такихъ господъ надо приглашать въ засѣданія всякихъ совѣтовъ по народному дѣлу, а у насъ, я думаю, норовятъ, какъ бы его засадить».

«Дѣвство» Златоуста вещь высоко-изящная, художественная и краснорѣчивая, безъ ладону, безъ постнаго масла. Я зачитался этой книжонкой всласть. Сколько души, кроткой силы убѣжденія, снисходительности и свободы—вотъ что главное. Всѣ эти Массильоны и Боссюэты неволятъ, а Златоустъ не неволитъ, а совѣтуетъ, не коря и не кляня. Чудо, какъ хорошо. Кромѣ того, очень интересный мѣстный колоритъ».

«Ronsard изданъ плохо. Напримѣръ, послѣдняя строчка сонета переносится на другую страницу. Шрифтъ примѣчаній отвратительный. Его проглотить нельзя. Придется даже одолѣвать, чтобы отмѣтить лучшіе стихи. Виконтъ де-Летторверъ—прохвостъ, котораго паняли Вортъ и еще какой-нибудь tapissier написать книгу-рекламу. Это для самыхъ пустыхъ petits-crevés и для cocottes en vacances. Меня интригуютъ m-lle Fifi и Аретинъ».

«Les fleurs du Mal (Бодлера)—французятина. Vie de Napoleon—слабая вещь и о личности Наполеона почти ни слова. Есть интересныя страницы, напримѣръ, о пребываніи арміи въ Миланѣ. Я какъ-то умѣю читать подобныя книги и читаю, что надо мнѣ. Corresp. de Balzac—интересный физіологическій этюдъ, какъ серьезное чтеніе, съ образчиками сердечныхъ писемъ къ женщинѣ, которая 14 лѣтъ водила его за носъ и наконецъ, захвативъ въ когти, удушила. Надо бы особо издать его письма къ Ганска, да и то много повтореній. А какъ этюдъ—вещь замѣчательная».

«L'école romantique—отмѣтилъ. Chef de claque—интересно. Fous littéraires—очень коротко, въ родѣ каталога. Brantome—забавенъ и оригиналенъ. Boissier о Ренанѣ, по-моему, швахъ. Gyp... не хочу!!!»

«Dictionnaire des mots français d'origine orientale—прекрасное руководство, которое прочиталъ съ удовольствіемъ. Костомарова оставляю и не посѣтуйте, что Жемчужникова на день задержу. Хочется выписать кое-что. Братья Жемчужниковы нечестно по-

ступили, умолчавъ объ Александрѣ Аммосовѣ, который болѣе Алексѣя Толстого участвовалъ въ ихъ кружкѣ. «Занятки» и «Пастухъ и молоко»—не ихъ, а Аммосова. Это знаютъ многіе, а будь живъ графъ Алексѣй, онъ, какъ человѣкъ правдивый, не допустилъ бы этой передержки».

«Я нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что никогда, до конца дней моихъ, не прочту ни строчки изъ сочиненій Катулла Мендеса и если бы всѣ книги погибли и остались одни его «Чудовища», то да будетъ мнѣ стыдно, если помыслю даже взять въ руки его произведеніе.

«Бросьте его выписывать—недаромъ писалъ мнѣ Тургеневъ незадолго передъ смертью: «Напрасно вы думаете, что Catulle Mendes'a теперь и рукой не достанешь: онъ и до своей пьесы и послѣ нея считается прохвостомъ». Его Monstres читать только... да юнымъ хамамъ. Вотъ Сентъ-Бёвъ, такъ Сентъ-Бёвъ. Залпомъ прочиталъ и нашелъ цвѣты и конфекты. Хотя и не особенно много, но хороши. Онъ, вѣроятно, ихъ и издавать не думалъ, это были его замѣтки для себя. Но умеръ—и ихъ въ трубу выкинуло».

«Книги кончаю. Sophie Arnold составлена и написана съ рѣдкимъ мастерствомъ. Флоберъ живой передо мною. Что за колоссальная фигура и сколько прелестныхъ мелкихъ деталей! Les Prussiens читать не могу при всей моей нелюбви къ пруссакамъ. Я вообще ничего не терплю военнаго, если оно не въ родѣ Boule de Suif».

«Ouida—всѣ разсказы болѣе чѣмъ швахъ, хотя она вездѣ вѣрна своей цѣли и подрываетъ столбы чопорной англійской аристократіи. На оберткѣ Ouida много вещей Henry Gréville: La princésse Oyheroff, Un violon russe, Sonia и др. Сколько помню, это барыня, которая жила въ Петербургѣ и работала въ «Journal de St.-Pétersbourg», когда издателемъ былъ еще Cappelmans. Какъ-то она описывала бѣдную избушку, «où les pauvres paysans mangent leur caviar».

«Я попрошу васъ,—пишетъ Петръ Васильевичъ Щукину,—взять на себя трудъ доставить Павлу Лукичу пѣсенникъ, который онъ мнѣ далъ просмотрѣть. Куда имъ до нашихъ народныхъ пѣсенъ! У Шейна есть строки съ такими задушевными звуками и такою поэзіей, какой ни Байронъ, ни Шиллеръ не рождали, не говоря о народѣ французскомъ».

«Простился я съ милымъ Фурнье, прочелъ его розыскъ о Мольерѣ и послалъ ему вздохъ изъ тайника души. Съ какою любовью онъ трудился и какъ добросовѣстно! Къ счастью, я знаю Мольера хорошо и мнѣ книга Фурнье доставила истинное удовольствіе».

«Якушкинъ очень хорошъ и оригиналенъ и какая прелесть статья Максимова. Она лучшая вещь въ книгѣ. Сергѣй Васильевичъ мокалъ перо въ сердце, когда писалъ портретъ безпутнаго Якушкина. Читая эту статью, я его полюбилъ больше, чѣмъ Павлушу.

Какъ только добрался я до нѣсенъ—такъ меня и охватила та же обида, какъ при разборѣ нѣсенника Шейна. Что за тупость, что за отсутствіе уха! Шейну простительно: знаешь, откуда вышелъ Шейнъ. А Якушкинъ, русскому народному, имѣющему претензію на знаніе—стыдно. Сижу и исправляю вопіющія ошибки. Видно, что всему виною чарка».

«Теперь читаю Mémoires de Grammont. Не знаю, что будетъ дальше, а пока жидко.

«Я читалъ въ 40-хъ годахъ въ Revue Brittanique роскошную статью о дворѣ Карла II и его барыняхъ. У Гамильтона—только оттѣнокъ. Все-таки это книга, имѣющая свою физіономію».

«Три дня работалъ надъ вписываніемъ перевода сонетовъ Баффо. Теперь передо мною лежатъ Les contes brabançoes. Прочелъ 14 страницъ, что-то не манитъ. Затѣмъ остаются Пиренеи, Тэнъ и географическій сборникъ. На дняхъ получилъ отъ Каншина вторую его книгу, которую проглотилъ, какъ превосходный маседуанъ. Очень много толку и интересу».

«Прислала мнѣ Прасковья Ѳедоровна «Ниву» и «Русскую Иллюстрацію». Отъ этихъ изданій я получилъ ипохондрію и близокъ былъ къ умопомѣшательству. Бѣдная Россія, чѣмъ она довольна! Никитина возвращаю. Онъ былъ поэтъ въ душѣ, безспорно, но проявлялъ себя монотонно, неумѣло, удовлетворяя средній классъ чувствительныхъ читателей. Но образованный, тонкій вкусъ имъ не будетъ удовлетворенъ. Что ни говори де-Пуле, а Кольцовъ куда выше! Какъ человѣкъ—Никитинъ прелесть! А его «Золотой щитъ солнца», трава, кудрявый лѣсъ—плоски и скучны.

«Рукописи Вахрамѣева любопытны. Титовъ молодецъ. Мнѣ очень понравилась въ предисловіи его оговорка, что поученія Іоанна Златоуста зачастую чисто русскаго происхожденія, хотя въ заголовкѣ и поставлено его имя. Знай нашихъ! Когда въ одиночной камерѣ острога какимъ-нибудь гвоздемъ изъ лоскута бумажки дѣлаютъ 25-рублевую ассигнацію, то что за хитрость надуть православныхъ поученіемъ? А еще на жидовъ жалуются! Русскій народъ сибирный».

«Переписка государей интересна только въ первой части. Остальныя три—дрянь, особливо письма Анны Ивановны, которая посылала одни поздравленія».

«Вольтеръ Морлея очень плохъ по-моему. Далеко не Руссо. Морлей вздумалъ корчить Карлейля и неудачно. Наводненіе 1824 г. очень любопытно. За исторію книги на Руси Бахтіарову спасибо. Сырокомля—прелесть!»

Почти въ каждомъ письмѣ къ своему поставщику книгъ П. И. Щукину Шумахеръ даетъ отзывъ о 3—4 книгахъ которыя онъ успѣвалъ прочитать въ промежуткахъ между двумя присылками книжныхъ тюковъ, и продолжить эти выписки можно было бы еще на нѣсколькихъ страницахъ. Но и приведенныхъ образчиковъ его кри-

тическихъ сужденій будетъ достаточно для нашей цѣли, и читатель видитъ, какимъ острымъ критическимъ умомъ обладалъ Шумахеръ.

Было бы, однако, большой ошибкой думать, что въ Петрѣ Васильевичѣ жилъ лишь острословъ, забавлявшій своихъ друзей эпиграммами и куплетами на злобу дня. Есть цѣлый разрядъ стихотвореній, которыя обличаютъ въ немъ настоящаго поэта, искренняго и задушевнаго, чуткаго къ красотамъ природы и нравственнаго міра. Вотъ его взглядъ на сущность поэзіи:

Напрасно ждалъ ты пѣсенъ отъ меня:
Строй звучныхъ рѳмъ не есть небесъ примѣта;
Безъ теплоты священнаго огня
Не расцвѣтутъ мечтанія поэта. (Романсъ).

А вотъ его пониманіе жизненной задачи человѣка:

. . . . . .
Испепелилася до тла моя гаванна;
Но чуденъ ароматъ, хотя ея ужъ нѣтъ...
Блаженъ тотъ мужъ, чья жизнь прошла благоуханно,
Оставивъ по себѣ намъ свой душистый слѣдъ.
(Flor fina).

Помимо теплоты, Шумахеръ отъ поэта требовалъ и тщательной отдѣлки стиха. Несмотря на легкость его стиховъ, онъ подолгу обдумывалъ каждое стихотвореніе, подыскивалъ варіанты и нерѣдко передѣлывалъ его по указанію своихъ друзей.

«Вчера я началъ слагать одну теплую вещь, которую вынашиваю,—пишетъ онъ Щукину.—Не знаю, какъ выльется? Бѣда въ томъ, что чуть не дашь вылежаться, выпустишь изъ рукъ—а черезъ день пойдутъ варіанты», и дѣйствительно, его серьезныя лирическія стихотворенія въ родѣ «Поэта и стихотворца», «Пѣсни каторжнаго», «Гроза въ лѣсу» и другія доказываютъ, что Шумахеръ былъ милостію Божіей истинный, прирожденный поэтъ. Къ сожалѣнію, стихотвореній этихъ очень немного. Несчастное положеніе Шумахера почти обязывало его быть остроумцемъ, потѣшать острыми эпиграммами, писать стихотворныя посланія, словомъ, продѣлывать все то, что приходится дѣлать человѣку, который зависитъ отъ другихъ и котораго остроуміе служитъ существеннымъ орудіемъ въ суровой борьбѣ за существованіе. Какъ настоящій талантъ, Шумахеръ страдалъ въ жизни всѣмъ, чѣмъ полагается страдать русскому таланту: непомѣрной широтой размаха, безалаберностью, практическою неприспособленностью и строгимъ исполненіемъ завѣта стараго князя Владимира: «веселіе Руси есть пити».

А. Бѣловъ.

ДАВНІЕ ЭПИЗОДЫ.

1. За безнравственность и демократическія идеи.

I

НАЧИНАЮ я помнить себя и окружающее съ такой картины: на квартирѣ въ Шпалерной на большомъ сундукѣ въ дѣтской сижу я со старухой няней Хавроньей Логиновой, по вѣроисповѣданію безпоповщинскаго толка. Сумерки. Лампадка теплится у темныхъ, темныхъ няниныхъ «угодниковъ» и «Спаса Милостиваго» въ углу. За окнами разгорается закатъ, и алый свѣтъ его странно мѣшается съ лампаднымъ сіяніемъ.

И я, и няня—заливаемся, плачемъ.

Противъ насъ въ креслахъ сидитъ генералъ съ густыми эполетами и не менѣе густыми бакенбардами, съ выраженіемъ воинственнаго благодушія на открытомъ лицѣ, николаевской школы генералъ.

— Отчего ты плачешь, Коля?—спрашиваетъ онъ меня.

— Маму украли и въ клѣтку посадили. И всѣ мамины бумаги и книги тоже украли,—отвѣчаю я.

Генералъ снимаетъ золотой темлякъ съ сабли и отдаетъ мнѣ поиграть. Я утѣшаюсь. Но, когда генералъ собирается уходить и пытается получить обратно темлякъ, я не даю. Онъ оставляетъ мнѣ его на память и по пустымъ комнатамъ идетъ къ передней, провожаемый няней и мною. Няня что-то, утирая слезы, говоритъ

ему, кланяется, цѣлуетъ его руку. Генералъ ушелъ. Мы тѣмъ же порядкомъ возвращаемся въ дѣтскую. Въ пустыхъ комнатахъ жутко. Бродятъ тѣни и шорохи. Ходятъ свѣтовыя пятна по потолкамъ. Всѣ вещи притаились и злоумышляютъ. Даже и днемъ, когда станешь между ними лазать, непремѣнно шишку получишь. Особенно высокая, черная мамина рабочая конторка съ такими острыми рѣзными штучками больно дерется. Только подъ кушеткой хорошо лежать и бить въ ея большой сѣрый животъ. Онъ гудитъ и выходитъ музыка... Въ дѣтской хорошо, тепло, лампадка. Тамъ нянинъ большой сундукъ, покрытый ковромъ съ удивительными цвѣтами, на который мы съ няней три раза въ день садимся поплакать.

Няня раздѣваетъ меня, укладываетъ въ мою кроватку съ черными деревянными прутьями рѣшетки, памятными мнѣ потому, что я какъ-то ухитрился завязить въ нихъ ногу, не могъ вытащить и справилъ отчаянный ревъ. Няня затѣмъ зажигаетъ свѣчу, садится у стола и принимается вязать чулокъ. Я не сплю и наблюдаю носатую тѣнь ея на стѣнѣ, тоже шевелящую спицами.

— Няня,—спрашивалъ я:—а клѣтка большая?

— Большая, сударь, большая,—отвѣчаетъ няня.

— А у мамы есть въ клѣткѣ кроватка?

— Есть, сударь. Изволь спать.

Вотъ няня отложила чулокъ, взяла лестовицу и становится предъ темными своими образами молиться. Она крестится истово, двуперстно, кладетъ поясные и земные поклоны и шепчетъ молитвы. Она долго молится; все начинаетъ мѣшаться въ умѣ моемъ, а все-таки нѣтъ, нѣтъ и простучитъ въ дремлющемъ сознаніи:

— Маму украли, въ клѣтку посадили и всѣ мамины бумаги и книги украли.

Кто эти дерзкіе «воры»? Дѣтское воображеніе не идетъ такъ далеко. Отъ няни я зналъ, что есть воры и что они тѣмъ только и занимаются, что воруютъ.

II.

Это дѣтское воспоминаніе относится къ 1870 году, когда мой отецъ, докторъ химіи, профессоръ земледѣльческаго института (нынѣ лѣсной), по подозрѣнію въ политическомъ преступленіи, былъ арестованъ и заточенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ и провелъ полтора года во время суда надъ нимъ, до административной высылки. Арестованъ онъ былъ въ самомъ зданіи института, въ казенной профессорской квартирѣ, имѣющей непосредственное сообщеніе съ химической лабораторіей института. Въ этой квартирѣ я и родился. Матушка моя незадолго до ареста отца переѣхала въ Петербургъ, на квартиру въ Шпалерной и тутъ была тоже арестована и затѣмъ пробыла въ

Петропавловской крѣпости полтора мѣсяца и, за отсутствіемъ какихъ-либо уликъ, освобождена. Какъ сонъ, припоминается мнѣ и это возвращеніе ея, слабый, нѣжный запахъ духовъ, сладкія слезы, блѣдныя, прекрасныя ея ручки, обнимающія меня... И какія это были золотыя, рабочія руки! Мать моя, Анна Николаевна Энгельгардтъ, проработала въ русской литературѣ, какъ переводчица и журналистка, сорокъ лѣтъ. Тогда, въ 1870 году, было лишь начало ея литературной дѣятельности. Работала она между прочимъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Трубникова. Тогда эта газета была первой по успѣху и количеству подписчиковъ. Впрочемъ, успѣхъ этотъ былъ не дологъ. И вотъ матушка моя не разъ вспоминала и разсказывала одну характерную подробность ея ареста. То были времена еще старосвѣтскія. Въ преданіяхъ россійской жандармеріи еще не забытъ былъ платокъ, который императоръ Николай Павловичъ нѣкогда вручилъ шефу съ наставленіемъ утирать имъ слезы несчастныхъ. Жандармскій полковникъ, производившій обыскъ въ квартирѣ моей матушки, все время объяснялся съ ней на отличнѣйшемъ французскомъ языкѣ. Найти что-либо предосудительное было невозможно по той простой причинѣ, что ничего такого въ квартирѣ и не было. Политическія увлеченія моей матушки съ годами и опытомъ миновали. Но полковникъ обратилъ вниманіе на груды газетъ и между прочимъ англійскихъ «Таймса», нью-іоркской «Трибьюнъ», огромные листы которыхъ размѣчены были краснымъ и синимъ карандашомъ, французскихъ и нѣмецкихъ съ такими же отмѣтками. Тогда вѣдь начиналась, шла и разгоралась франко-прусская война. Понятное дѣло, что матушкѣ моей приходилось ежедневно переводить изъ иностранныхъ газетъ цѣлые столбцы.

— Позвольте спросить васъ, сударыня,—сказалъ недоумѣвающій жандармъ:—что значатъ эти отмѣтки краснымъ и синимъ карандашомъ на столькихъ иностранныхъ газетахъ? Тутъ вѣдь цѣлыя горы газетъ!

— Это отчеркнуты редакторомъ тѣ статьи, которыя я должна была переводить на русскій языкъ для газеты. Въ такомъ видѣ газеты присылаются мнѣ ежедневно изъ редакціи.

— Какъ! И вы перевели всѣ эти безчисленные столбцы мелкаго шрифта съ скучными политическими статьями?

— Да, перевела,—отвѣчала моя мать.

— И это каждый день? Это изо дня въ день?

— Каждый день и изо дня въ день.

Казалось, жандармскій полковникъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Предъ нимъ стояла молодая, изящная женщина въ простомъ, черномъ платьѣ, лишь отороченномъ высоко на шеѣ и на рукахъ узкими ободками бѣлоснѣжныхъ воротничковъ. Единственное украшеніе составляла тонкая золотая цѣпочка часиковъ на груди. Онъ

смотрѣлъ на это молодое, прекрасное, задумчивое, поблѣднѣвшее лицо, на эти ручки, такія миніатюрныя, аристократическія ручки, наслѣдственно выхоленныя бездѣльемъ многихъ поколѣній... Первая русская самостоятельно трудящаяся на общественномъ поприщѣ русская женщина стояла передъ нимъ.

Производившій обыскъ полковникъ вдругъ отступилъ и отвѣсилъ низкій поклонъ моей матери.

А все-таки онъ долженъ былъ отвезти и отвезъ ее въ Петропавловскую крѣпость. Вотъ это-то событіе я, на мой дѣтскій разумъ, и опредѣлялъ:

«Маму украли и въ клѣтку посадили. И всѣ мамины книги и бумаги украли».

III.

Въ приложенной мною къ третьему изданію «Писемъ изъ деревни» біографіи моего отца, Александра Николаевича Энгельгардта, я ничего не сказалъ о причинахъ его ссылки въ 1871 году, а также политическомъ его приключеніи десятью годами раньше, когда онъ отдѣлался сравнительно легко—двухнедѣльнымъ арестомъ на гауптвахтѣ.

Я намѣренно сдѣлалъ этотъ пропускъ потому, что надо было сказать слишкомъ много такого, чего сказать по цензурнымъ условіямъ было тогда совершенно невозможно. Статьи мои съ біографіей появились сперва въ 1896 году въ «Книжкахъ Недѣли», слѣдовательно въ эпоху оглушительно-гасительной дѣятельности господина Феоктистова, а затѣмъ и Соловьева, раскаявшагося радикала, сдѣлавшаго себѣ карьеру умѣньемъ рисовать византійскихъ «человѣчковъ»—миніатюры, заставки въ византійскомъ, постномъ вкусѣ. Этотъ Соловьевъ былъ къ тому же косъ на одинъ глазъ, что дало поводъ сказать въ эпиграммѣ на него Черниговцу:

Не составляетъ и вопроса,
Что на печать онъ смотритъ косо!

А другой остроумецъ замѣтилъ, что хотя

Начальникъ давитъ на печать,
А все печать выходитъ красной...

Соловьевъ и задушилъ «Недѣлю». Ясное дѣло, что писать что-либо внятное о событіяхъ 1861 и 1870 года въ жизни моего отца не представляло возможности, а намекать глухо и «между строкъ» было просто противно.

Но въ настоящее время цензурныя условія измѣнились, и именно это измѣненіе цензурныхъ условій не только даетъ мнѣ возмож-

ность, но и побуждаетъ меня пополнить преднамѣренный пропускъ въ біографіи моего отца.

Дѣло въ томъ, что въ разныхъ статьяхъ, книгахъ, журналахъ стали появляться отрывочныя замѣтки то о политической роли моей матери въ шестидесятыхъ годахъ, то о подобной же—моего отца, о причинахъ его высылки и долгой, лежавшей на немъ опалы. Всѣ такія замѣтки, видимо, составлены по слухамъ, по крайне недостаточнымъ матеріаламъ, причемъ авторы не жалѣютъ красокъ, полагая, что тѣмъ почетнѣе для памяти человѣка и дѣятеля, чѣмъ «радикальнѣе» онъ освѣщенъ. Желая, чтобы одна правда была внесена въ біографіи моего отца и матери, я и предпринялъ разсказать здѣсь эпизоды ихъ жизни въ 1861 и 1870 году, внесшіе ихъ имена въ исторію тогдашнихъ политическихъ волненій. Полагаю, что могу это сдѣлать съ наибольшей освѣдомленностью, потому что помимо воспоминаній, разсказовъ о событіяхъ, хранимыхъ моей памятью, я обладаю обширнымъ семейнымъ архивомъ всевозможныхъ документовъ: писемъ, дневниковъ, офиціальныхъ бумагъ и т. д. Въ это собраніе вошелъ, во-первыхъ, архивъ моего отца, обнимающій время съ начала пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія по годъ кончины моего отца; во-вторыхъ, обширное собраніе писемъ, рукописей, дневниковъ моей матери почти за сорокъ лѣтъ ея дѣятельности; въ-третьихъ, часть архива моего дѣда Николая Петровича Макарова, извѣстнаго составителя словарей, гдѣ имѣются документы, относящіеся еще къ 20-мъ и 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Наконецъ вся эта масса бумагъ пополнена мною всевозможными печатными матеріалами, относящимися къ жизни и дѣятельности упоминаемыхъ лицъ.

IV.

Вотъ пожелтѣлая отъ времени страничка, гдѣ моя матушка описываетъ свое пребываніе въ крѣпости:

«Жандармскій полковникъ посадилъ меня въ карету и самъ сѣлъ рядомъ. Карета съ опущенными занавѣсками понеслась. Уходя, я поручила нянѣ свезти къ моимъ хорошимъ знакомымъ старшаго моего сына и дочь. Младшій же долженъ былъ оставаться съ нею на квартирѣ. Онъ сладко спалъ, и я не будила его. «Куда вы меня везете?» спросила я жандарма. Онъ отвѣчалъ, что хотя не имѣетъ права сообщить этого, но человѣческое чувство побуждаетъ его сказать, что мы ѣдемъ въ крѣпость. Въ самомъ дѣлѣ, на лицѣ его выражалась искренняя симпатія. «Я полагаю, сударыня, однако, что вамъ нечего опасаться. Вы пробудете лишь нѣсколько дней въ крѣпости. Все разъяснится, и вы возвратитесь къ вашимъ политическимъ статьямъ». Онъ говорилъ все это по-французски и опять

поклонился. Мысль, что дама можетъ ежедневно переводить англійскія и нѣмецкія политическія статьи, видимо, никакъ не укладывалась въ его головѣ и казалась совершенно выходящей изъ ряду.

«Въ Россіи женщины мало пишутъ. Впрочемъ, этому нечего удивляться. У насъ женщины пишутъ именно не больше и не меньше того, сколько могутъ онѣ писать. Званіе писательницы пока еще контрабанда не у однихъ насъ. Лживый взглядъ на женщину осуждаетъ ее на молчаніе. Этотъ взглядъ, запрещающій женщинѣ выходить изъ заколдованнаго круга простыхъ свѣтскихъ отношеній, не есть принадлежность собственно русскаго общества: онъ равно принадлежитъ и просвѣщенному Западу Европы. Правда, тамъ, какъ и у насъ, женщина давно уже пріобрѣла право говорить въ печати,—но какъ и о чемъ говорить? Никакая пишущая женщина въ Европѣ не избѣгнетъ пошлыхъ намековъ и названія синяго чулка, каковъ бы ни былъ ея талантъ, равно всѣми признанный. Никто тамъ не оспариваетъ у женщины права высказываться печатно и возможности быть одаренною даже великимъ творческимъ талантомъ; никого не оскорбляетъ и не соблазняетъ зрѣлище пишущей женщины; но въ то же время едва ли кто упуститъ случай, говоря о пишущей женщинѣ, посмѣяться надъ ограниченностью женскаго ума, болѣе, будто бы, приноровленнаго для кухни, дѣтской, шитья и вязанья, чѣмъ для мысли и творчества. Это уже такая привычка у мужчинъ: если они давно перестали бить женщинъ, то еще не отстали отъ привычки грозить имъ кулакомъ, или дразнить насмѣшками, въ ознаменованіе права своей силы. Привычка— вторая натура, и потому отстать отъ нея трудно. Для женщины-писательницы это первое, и притомъ еще меньшее зло. Хуже всего, что она осуждена общественнымъ мнѣніемъ на самыя невинныя литературныя занятія, именно—вѣчно повторять старыя обветшалыя истины, которымъ не вѣрятъ даже и дѣти, но которыя, тѣмъ не менѣе, считаются почтенными. Нельзя оказать женщинѣ большаго презрѣнія! Конечно, ей не воспрещается закономъ быть оригинальною и глубокою въ своихъ мысляхъ, могущественною и великою въ творчествѣ,—по крайней мѣрѣ настолько, насколько не воспрещается это закономъ мужчинѣ; но если законъ оставитъ женщину въ покоѣ, тогда противъ нея дѣйствуетъ общественное мнѣніе. Тысячеглавое чудовище объявляетъ ее безнравственною, грязнитъ ея благороднѣйшія чувства, чистѣйшіе помыслы и стремленія, возвышеннѣйшія мысли—грязнитъ ихъ пошлостью своихъ комментаріевъ; объявляетъ ее безобразною кометою, чудовищнымъ явленіемъ, самовольно вырвавшимся изъ сферы своего пола, изъ круга своихъ обязанностей. Это возмутительно несправедливо. Но перо мое далеко отвело меня отъ событій, которыя я хочу описать или записать.

«Жандармскій полковникъ сказалъ, что я пробуду въ крѣпости лишь нѣсколько дней. Онъ былъ правъ. Я тамъ провела лишь сорокъ пять дней. Я ничего не знала и не могла знать объ арестѣ моего мужа. Допросы не сообщили мнѣ объ этомъ свѣдѣній. Допросы были какіе-то формальные и безсодержательные. Кажется, чинившій допросъ самъ зналъ превосходно, что спрашивать ровно не о чемъ. Къ чему же тогда этотъ арестъ, это ненужное истязаніе? Министръ Тимашевъ потомъ мнѣ объяснилъ это, когда на мои слова, что мужъ мой страдаетъ невинно, отвѣчалъ съ наглымъ видомъ: «Мы единицъ не считаемъ». И они въ самомъ дѣлѣ не считали «единицъ». Что Саша арестованъ, что онъ въ той же крѣпости, гдѣ и я, про то я не знала. Мнѣ позволили работать. Въ келью мою присылали тѣ самыя иностранныя газеты, размѣченныя краснымъ и синимъ редакціоннымъ карандашомъ, и я переводила. Такъ позволяли писать статьи изъ крѣпости Чернышевскому и Писареву. Шли громоносныя событія франко-прусской войны. Въ глубокой тишинѣ, лишенная свободы, въ темномъ одиночествѣ, я съ особою силою переживала эти событія, огненной лентой переливавшіяся изъ трепетавшихъ, казалось, жизнью газетныхъ листовъ съ моего пера на страницы рукописи. Этотъ трудъ спасалъ меня отъ черныхъ мыслей, отъ малодушія. Онъ соединялъ меня съ жизнью. Я знала, что эти строки, написанныя мною въ тюрьмѣ, завтра будутъ читать свободные люди. Но наконецъ двери крѣпости предо мною отворились...»

Къ сожалѣнію, здѣсь прерывается пожелтѣлая страничка, исписанная бисернымъ почеркомъ моей матери.

V.

Нѣкоторыя подробности ареста моего отца и пребыванія его въ крѣпости я могу возстановить по памяти разсказовъ его, многократно мною слышанныхъ. Онъ былъ не столько арестованъ въ зданіи института въ Лѣсномъ, сколько, такъ сказать, похищенъ оттуда глубокой ночью. Онъ не спалъ и такъ какъ маленькая дверь соединяла и до сихъ поръ соединяетъ квартиру профессора химіи съ институтской лабораторіей, то онъ сидѣлъ именно здѣсь, размышляя надъ томами «Яресберихте» Либиха посреди колбъ, склянокъ, ретортъ и пробирокъ и начатыхъ работъ. Онъ изучалъ тогда функціи феноловъ и ароматическихъ кислотъ, описывалъ изомерныя формы, приготовлялъ хлоро и нитропродукты. За изслѣдованіе о крезолахъ и нитросоединеніяхъ, которое произвелъ онъ совмѣстно съ другимъ химикомъ, Павломъ Александровичемъ Лачиновымъ, ему была вскорѣ же присуждена академіей наукъ ломоносовская премія въ тысячу рублей. Такъ какъ все его состояніе тогда, кромѣ пустыря въ

Дорогобужскомъ уѣздѣ Смоленской губерiи, дававшаго въ годъ буквально 300 рублей дохода, — впослѣдствiи образцовое имѣнiе Батищево, — выражалось въ огромной библiотекѣ химическихъ книгъ, то половина ломоносовской премiи составляла весь капиталъ, съ которымъ онъ началъ въ февралѣ 1871 года хозяйство, сосланный въ смоленскую глушь.

Итакъ, въ ночь ареста профессоръ Энгельгардтъ сидѣлъ въ институтской лабораторiи, погруженный мыслiю въ таинства вещества. Вдругъ маленькая дверь изъ его квартиры отворилась, показался эполетъ и аксельбантъ, и «нѣкто», помахивая бумагой, сталъ пальцемъ вымапивать его изъ лабораторiи. Энгельгардтъ понялъ, что это значитъ, и не удивился.

Онъ вышелъ, прочелъ бумагу, тотчасъ же былъ посаженъ въ карету, и она понеслась.

Повторяю, это былъ родъ похищенiя. Смущались необходимостью взять профессора и декана института, къ тому же чрезвычайно популярнаго среди молодежи, въ стѣнахъ самаго ученаго учрежденiя. И поэтому изъяли моего отца мгновенно.

Жандармъ, везшiй моего отца, не отвѣчалъ ни слова на попытки его спросить: за что взяли его и куда везутъ? Свѣтовыя пятна, звуки и тѣни возвѣстили ему прибытiе въ Петербургъ, гулъ подъ сводами, когда они въѣзжали въ ворота, позволилъ догадаться, что онъ въ Петропавловской.

Келья, въ которой провелъ мой отецъ во время слѣдствiя и суда надъ нимъ полтора года, въ такъ называемомъ Алексѣевскомъ равелинѣ, была со сводами, такъ что частью пространства въ ней пельзя было пользоваться при прохаживанiи взадъ и впередъ. Особенно тяжки были первыя три недѣли, когда онъ не зналъ, за что и по какому дѣлу заточенъ. Къ тому же тягостныя мысли о женѣ и дѣтяхъ и скука вынужденнаго бездѣлья.

Все время пребыванiя отца въ крѣпости ему позволяли читать лишь двѣ книги: евангелiе и томикъ сочиненiй графа Ксавье де-Местра въ изданiи 1817 года. Повидимому, эта книга осталась въ крѣпости еще отъ декабристовъ.

Евангелiе тоже было на французскомъ языкѣ. Сочиненiя графа Ксавье, особенно его «Voyage autour de ma chambre», были особенно кстати и много принесли утѣшенiя отцу своими философическими мыслями. «Я предпринялъ и совершилъ путешествiе въ сорокъ два дня по моей комнатѣ,—говоритъ графъ Ксавье.—Интереснѣйшiя наблюденiя, которыя я при этомъ сдѣлалъ, и постоянное удовольствiе, которое испытывалъ въ продолженiе пути, побудило меня его обнародовать; увѣренность принести пользу меня въ томъ укрѣпляла. Мое сердце испытываетъ невыразимое удовлетвореniе при мысли о безконечномъ числѣ несчастныхъ, которымъ я сообщаю превосходное средство отъ скуки и къ услажденiю томящихъ ихъ злополучiй. Удовольствiе, которое можно испытать, путешествуя

по своей комнатѣ, защищено отъ навѣтовъ людской зависти; оно независимо отъ размѣровъ состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли быть столь несчастнымъ, столь обдѣленнымъ, чтобы не имѣть угла, куда бы можно было удалиться и сокрыться отъ всего свѣта? Вотъ всѣ приготовленія къ путешествію. Я убѣжденъ, что всѣ чувствительные люди одобрятъ мою систему, какого бы характера и темперамента они ни были».

И запертый въ камерѣ Петропавловской крѣпости мой отецъ рѣшилъ, по системѣ остроумнаго графа Ксавье, предпринять путешествіе по своей комнатѣ. Но только длилось оно не сорокъ два дня, а пятьсотъ сорокъ семь дней съ половиною.

Вымѣривъ шагами окружность и діагональ того пространства, которое отведено было ему попеченіемъ начальства, профессоръ Энгельгардтъ рѣшилъ дѣлать ежедневно въ три пріема шесть верстъ своего путешествія. Замѣтивъ, какое пространство своей келейной дороги онъ можетъ пройти, медленно выкуривая папироску, онъ окурками счислялъ свои версты. Не помню въ точности, сколько приходилось окурковъ на версту путешествія. Эти путешествія въ самомъ дѣлѣ много способствовали сохраненію его здоровья. Съ теченіемъ времени установились у него и сношенія съ другими заключенными. Велись они до нельзя просто и патріархально. Посуда была оловянная и тарелки мѣнялись, попадая сегодня въ одинъ казематъ, а завтра—въ другой. Писали вилкой на днѣ оловянныхъ тарелокъ, и, странствуя по казематамъ, эти замѣтки пополнялись и разносили свѣдѣнія отъ одного заключеннаго къ другому. Времена были, какъ сказано, еще романтическія и патріархальныя.

Я уже говорилъ, что, кромѣ Ксавье де-Местра, мой отецъ въ крѣпости читалъ евангеліе. Совершенно матеріалистическое міросозерцаніе, котораго онъ былъ послѣдователемъ, конечно, оставило его чуждымъ мистическимъ сторонамъ этой книги, но нравственное ученіе, изложенное въ ней, производило освѣжающее впечатлѣніе. Идея свободы, разлитая въ этомъ вѣчномъ твореніи, которое столь тщательно заточается въ золотокованные переплеты и защелкивается на металлическія застежки въ храмахъ, служа болѣе предметомъ поклоненія, чѣмъ уразумѣнія, идея свободы соотвѣтствовала стихамъ той эпохи:

И на крестѣ распятый Богъ
Былъ сынъ толпы и демагогъ.

VI.

Время, однако, сказать, за что именно былъ арестованъ, заточенъ и, наконецъ, сосланъ профессоръ Энгельгардтъ? Имѣя послужной списокъ, отвѣтить на этотъ вопросъ, кажется, не трудно, но такъ именно лишь кажется, на самомъ же дѣлѣ все загадочно и темно въ этомъ «политическомъ дѣлѣ».

Въ послужномъ спискѣ профессора Энгельгардта, подлинникъ котораго находится въ архивѣ министерства земледѣлія, сказано, что Энгельгардтъ былъ преданъ суду за то, что участвовалъ въ незаконномъ сборищѣ студентовъ и произносилъ предъ ними противоправительственныя рѣчи, каковыя дѣянія и вмѣнены ему въ преступленіе.

Однако профессоръ Энгельгардтъ «по суду оправданъ».

Это точныя слова формуляра.

Почему онъ по суду былъ оправданъ? Конечно, потому, что нельзя было никакъ его обвинить ни въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняли, ни въ какомъ-либо другомъ. Профессоръ Энгельгардтъ ни на какомъ «незаконномъ сборищѣ» студентовъ земледѣльческаго института не присутствовалъ и никакихъ, по этому самому, рѣчей не могъ произносить.

Какъ такъ? Откуда же обвиненіе доктора химіи Энгельгардта?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить словами крыловскаго волка: «Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать». Очевидно, кому-то въ 1870 году хотѣлось «скушать» профессора Энгельгардта, и онъ прибѣгъ къ обычному въ такихъ случаяхъ пріему: клеветѣ и лжи.

Можно одно сказать: такъ называемый «режимъ» тутъ ровно ни при чемъ.

Въ эпоху первой республики и конвента во Франціи гильотинировали химика Лавузье. Для этого надо было обвинить его въ измѣнѣ отечеству. Какъ же построили обвиненіе? Лабуазье поставлялъ въ армію табакъ. Обвиненіе гласитъ, что Лавуазье будто бы поставлялъ дурной табакъ въ армію съ цѣлью ослабить силы солдатъ и предать ихъ въ руки враговъ. Итакъ, Лавуазье измѣнникъ. И Лавуазье казнили при крикахъ: «Республикѣ не надо химиковъ».

Обвиненіе противъ химика Энгельгардта въ самодержавной Россіи XIX вѣка былъ построено совершенно такъ же, какъ и обвиненіе химика Лавуазье въ XVIII вѣкѣ въ республиканской Франціи.

Энгельгардтъ участвовалъ въ «сборищѣ студентовъ». Да, онъ былъ на вечерѣ, устроенномъ студентами земледѣльческаго института, то-есть на собраніи студентовъ. «Собраніе и есть—сборище. Всякое же сборище преступно и незаконно». Но эта вечеринка была разрѣшена начальникомъ института, и профессоръ Энгельгардтъ присутствовалъ на ней, какъ деканъ института, по своей обязанности. Именно его-то присутствіе и дѣлало это собраніе законнымъ.

«Да, но Энгельгардтъ говорилъ и пилъ вино на этомъ сборищѣ». Говорилъ. Пилъ. «Значитъ, онъ произносилъ предъ сборищемъ студентовъ противоправительственныя, подрывающія основы, преступныя рѣчи». Нѣтъ. Въ словахъ его ничего преступнаго не было, ибо онъ говорилъ преимущественно о фенолахъ и нитросоединеніяхъ. «Слова его имѣли иносказательный смыслъ, понятный для слушателей». Но Энгельгардтъ, пробывъ въ крѣпости полтора года, по суду оправданъ. Это и въ послужной списокъ пришлось внести.

«Очень хорошо. Пусть по суду профессоръ Энгельгардтъ оправданъ. Но въ административномъ порядкѣ по высочайшему повелѣнію онъ ссылается, за распространеніе между студентами земледѣльческаго института безнравственности и демократическихъ идей въ Смоленскую губернію безъ права выѣзда за границу и во всѣ университетскіе города, а въ губернскій городъ Смоленскъ лишь съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора, подъ тайный надзоръ полиціи».

Какъ! Химикъ, даровитый ученый, талантливѣйшій блестящій профессоръ и лекторъ ссылается ни за что, будучи оправданъ по суду, въ смоленскую глушь, безъ права выѣзда именно въ университетскіе города, гдѣ бы ему надлежало быть! Или у насъ преизбытокъ даровитыхъ ученыхъ и талантливыхъ профессоровъ?

Правительству не надо химиковъ!

Да, именно это въ сущности и сказалъ, только другими словами, моей матушкѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ:

— Мы единицъ не считаемъ.

— Даже когда эта «единица»—профессоръ Энгельгардтъ?—спросила она.

— Даже когда это Энгельгардтъ,—отвѣтилъ министръ Тимашевъ.

Слова эти—ключъ къ внутренней политикѣ министровъ царствованія императора Александра II. Но вздутый по той же самой программѣ, что и обвиненіе моего отца, процессъ ста девяносто трехъ показалъ, что они не считали и десятковъ и сотенъ. Эти министры, изволите ли видѣть, имѣли въ виду «общее благо» и общія, широкія «перспективы», а поэтому «единицъ», гибнущихъ безсмысленно и неповинно, они не считали, и того, что дѣлалось у нихъ подъ носомъ, не видали.

Какое преступленіе, именно государственное преступленіе сослать профессора Энгельгардта, когда онъ по суду оправданъ, по высочайшему повелѣнію! Чтобы получить это повелѣніе, министръ долженъ былъ уловить царскую совѣсть, въ ложномъ свѣтѣ представить все дѣло. И какое возмущеніе и недовольство посѣвалось этимъ въ обществѣ, какъ подрывался авторитетъ несчастнаго государя. Всѣ эти «единицы», которыхъ не считали Тимашевы, Валуевы, Толстые и прочіе напыщенные и самонадѣянные бюрократы, составили наконецъ ужасный счетъ, оплаченный ужасно.

VII.

Но, быть можетъ, въ 1871 году профессору Энгельгардту и его женѣ мстили за ихъ «политическую», «противоправительственную» дѣятельность въ 1861 году, когда Энгельгардтъ отдѣлался только двумя недѣлями ареста при гауптвахтѣ? Несмотря на десятилѣтнюю давность, такое «сведеніе старыхъ счетовъ» при удобномъ случаѣ

вполнѣ въ русскихъ нравахъ: «А, голубчикъ, ты ускользнулъ! Ладно же. Это мы тебѣ попомнимъ. Это тебѣ отольется, при случаѣ».

Поэтому бросимъ взглядъ на участіе Энгельгардта въ первомъ студенческомъ волненіи 1861 года. Но чтобы теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ получилась ясная картина, принужденъ я дать очеркъ, самый краткій, но полный, еще и предшествовавшаго 1861 году десятилѣтія въ жизни моего отца и матушки.

Между многочисленными рукописями, дневниками, собраніями писемъ и другими документами, которые остались послѣ автора «Писемъ изъ деревни», нашлись три толстыхъ переплетенныхъ тетради, заключающихъ дневники его, веденные во время путешествія по Уралу, на магнитную гору Качканаръ и плаванія по рѣкамъ Серебряпкѣ и Чусовой въ 1853 году. Кромѣ этихъ черновыхъ тетрадей, сохранился сводъ изъ дневниковъ, переписанныхъ писарскимъ почеркомъ, съ отмѣткою рукою отца: «А. Энгельгардтъ. Подпоручика Л.-Гв. Конной Артиллеріи, кварт. у Литейнаго моста, въ домъ Козодаева». Видимо, это рукопись, приготовленная къ печатп. Кажется, и была напечатапа въ «Библіотекѣ для чтенія». Сохранились еще дневники болѣе спеціальпаго характера, подъ заглавіемъ: «Путешествіе по Финляндіи и Олонецкой губерніи въ 1852 и 1854 гг.» и нѣкоторые беллетристическіе опыты (отрывки изъ разсказа). Во всемъ виденъ будущій авторъ «Писемъ изъ деревни». Сколько наблюдательности, юмора! Какія разнообразныя картины и сцены! Какія задушевныя описанія природы! Но я возьму отсюда лишь автобіографическую страничку, которая обрисовываетъ въ юномъ Энгельгардтѣ всю его созерцательную натуру страстнаго ученаго, изслѣдователя, натуралиста прежде всего.

«Вечеромъ. 23-го августа 1852 года.

«... Вотъ уже три недѣли, что я въ Петрозаводскѣ. До сихъ поръ еще ничего не писалъ—теперь буду вести дневникъ... Скучно. Хочется въ Петербургъ. Я начинаю хандрить. Хоть бы влюбиться, а то и этого я не могу или не хочу, боюсь, что еще, пожалуй, не выдержишь да женишься, а это разстроитъ всѣ мои замыслы. Прощай тогда путешествіе. Однако нужно еще много учиться. Путешествіе мало еще приноситъ мнѣ пользы. Нужно многимъ заняться. Естественными науками въ особенности... Господи! помоги мнѣ сдѣлать то, что я желалъ бы сдѣлать—вѣдь мнѣ всего только 23 года. Терпѣніе и твердая воля,—вотъ что мнѣ нужно. Положимъ, что я истрачу все мое состояніе въ путешествіяхъ, что я тогда буду дѣлать? Неужели же я не найду себѣ мѣста, неужели не дадутъ мнѣ такого содержанія, которое обезпечило бы мое существованіе? Какой цѣли хочу я достигнуть? Изучить Россію во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, энциклопедически... Нѣтъ, меня интересуетъ путе-

шествіе и въ другія страны, по всему свѣту. Все хочется мнѣ видѣть, все описать. Сколько мыслей, плановъ, предположеній вертится въ моей головѣ! Неужели я не выполню всего этого?..

«Трудъ, умѣренность, твердая воля, не обращать вниманія на слова другихъ—вотъ что нужно для достиженія моей цѣли. Мой девизъ—обсудить предметъ. Сказать себѣ: дѣлаю такъ—и дѣлать».

Другая автобіографическая страничка отъ 10-го іюля 1854 года:

«Сидя въ классѣ, во время скучной лекціи какого-нибудь Кондерева, я уже мечталъ о поѣздкѣ за границу послѣ окончанія курса въ артиллерійскомъ училищѣ. Это была не безотчетная страсть къ перемѣнѣ мѣста, не желаніе потушить скуку,—я скуки никогда не испытывалъ,—нѣтъ, это было стремленіе къ самосовершенствованію, любознательность. Я сознавалъ необходимость путешествія для полнаго образованія. Я началъ заниматься естественными науками. Достаточное количество получаемыхъ изъ дома денегъ позволило мнѣ покупать много книгъ. Тогда уже я запасся книгами по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Лекціи Введенскаго твердо укрѣпили во мнѣ мысль о необходимости путешествовать. Первые мои матеріалы были куски гранита, собранные на набережной Невы. Съ рвеніемъ изучалъ я употребленіе паяльной трубки, познакомился съ основаніями ботаники, принялся за минералогію, купилъ коллекцію прекрасныхъ минераловъ. Въ шесть мѣсяцевъ я изучилъ огромное сочиненіе Dufrensy, перепробовалъ всѣ минералы моей коллекціи, прошелъ геогнозію Соколова, не забывая при томъ и химію—мой любимый предметъ. Статьи Куторги: «Геологъ-путеводитель по берегамъ Ладожскаго озера и Финляндскаго залива»—много способствовали моему желанію изучать минералогію».

«Я былъ произведенъ въ офицеры, поселился на своей квартирѣ, завелъ свою лабораторію и началъ заниматься изученіемъ органической химіи, слушалъ лекціи Зинина, читалъ Жерара, дѣлалъ опыты. Понятія мои о химіи очень усовершенствовались.

«Меня послали вмѣстѣ съ другими офицерами младшаго класса на заводы. Я посѣтилъ пороховой заводъ на Охтѣ, капсюльное заведеніе, Пилмерандскій заводъ въ восточной Финляндіи, Александровскій заводъ въ Петрозаводскѣ, с.-петербургскій арсеналъ, Колпинскій и Сестрорѣцкій заводы. Къ осени 1852 года я возвратился въ Петербургъ съ большими запасами минераловъ, впечатлѣній. Черезъ годъ я кончилъ курсъ наукъ въ артиллерійскомъ училищѣ и могъ взять отпускъ. Мнѣ дали отпускъ на четыре лѣтнихъ мѣсяца 1853 года. 9-го іюня я выѣхалъ изъ Петербурга и отправился на уральскіе горные заводы. Проѣхавъ съ юга на сѣверъ, отъ Троицкаго до Богословскаго завода, 10-го октября былъ снова въ Петербургѣ, гдѣ и поступилъ на службу въ литейную мастерскую с.-петербургскаго арсенала».

VIII.

Энгельгардтъ оставался на службѣ въ литейной мастерской с.-петербургскаго арсенала до 1866 года. Онъ оказалъ большія услуги артиллерійскому дѣлу въ Россіи. Отлито подъ его руководствомъ до тысячи орудій. Посланный за границу на заводъ Круппа, онъ первый изучилъ и примѣнилъ въ арсеналѣ его способъ приготовленія стальныхъ пушекъ. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ химикомъ Соколовымъ, ученикомъ Либиха, Жерара, Коппе, Реньо, и Шишковымъ и товарищемъ по артиллерійскому училищу, впослѣдствіи извѣстнымъ журналистомъ Загуляевымъ, Энгельгардтъ открылъ первую частную химическую лабораторію, а въ 1859 году началъ выпускать первый русскій «Химическій журналъ». Журналъ этотъ, несмотря на совершенно спеціальный характеръ, въ 1861 году пересталъ выходить «по независящимъ обстоятельствамъ». А въ 1866 году Энгельгардтъ, согласно прошенію, уволенъ отъ службы при арсеналѣ, «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ», какъ сказано въ формулярѣ. Отсюда видно, что, хотя онъ въ 1861 году и былъ замѣшанъ въ политическія волненія, это не помѣшало ему прослужить въ арсеналѣ еще пять лѣтъ.

Хотя въ 1852 году юный Энгельгардтъ боится влюбиться, чтобы не жениться, что могло бы помѣшать ему объѣхать «весь свѣтъ», но уже въ 1859 году «служащій при с.-петербургскомъ арсеналѣ л.-гв. конной артиллеріи поручикъ Александръ Николаевъ Энгельгардтъ апрѣля 19 дня повѣнчанъ первымъ законнымъ бракомъ съ дочерью отставного майора Николая Макарова, дѣвицею Анною Николаевою».

Какъ метрическое свидѣтельство сей Анны Николаевой дочери майора Макарова было затеряно, то о семъ въ консисторіи производилось дѣло, и по справкѣ оказалось: «Въ метрической книгѣ Рыльскаго уѣзда села Александровки Владимирской церкви, 1838 года, въ первой части о родившихся подъ № 16, значится іюня второго рожденіе и шестого крещеніе, имя родившейся Анна, званіе родителей: Костромской губерніи Солигалицкаго уѣзда помѣщикъ майоръ Николай Петровъ сынъ Макаровъ и законная жена его Александра Петрова дочь, рожденная Болтина, оба православные; воспріемники были: Финляндскаго драгунскаго полка капитанъ Александръ Петровъ Болтинъ, и сего же уѣзда, села Кобылокъ штабсъ-ротмистерша помѣщица Клеопатра Петрова дочь Забѣлина. Опредѣлили и его преосвященство утвердилъ и т. д. , и т. д.».

Въ сей консисторской справкѣ, опредѣляющей происхожденіе моей матери отъ старыхъ костромскихъ и нижегородскихъ дворянъ (двое Болтиныхъ подписались на соборномъ опредѣленіи 1613 года—ставленной грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича; извѣстенъ исто-

рикъ XVIII вѣка Болтинъ),—я прибавлю автобіографическую страничку изъ дневниковъ моей матушки, которая даетъ ключъ къ ея характеру и духовному облику. Это необходимо, чтобы понять, что за люди были чета—химикъ Энгельгардтъ и его жена, брошенные въ бурный политическій потокъ весенняго разлива шестидесятыхъ годовъ.

IX.

Вотъ еще автобіографическая страница русской писательницы, проработавшей сорокъ лѣтъ въ литературѣ, одной изъ первыхъ русскихъ женщинъ, самостоятельно трудившихся на общественномъ поприщѣ и въ то же время исполнявшей долгъ женщины-семьянинки, своими трудами кормившей троихъ дѣтей въ тѣ годы, когда сосланный мужъ среди смоленскаго пустыря медленнымъ трудомъ созидалъ будущее образцовое хозяйство.

... «Начала я тосковать спозаранку, лѣтъ съ десяти. Причины для тоски моей, положимъ, были и прямо осязательныя: я росла заброшенной сиротой (мать моя скончалась слишкомъ рано), вѣчно одинокая, хотя и въ толпѣ институтскихъ подругъ, вѣчно голодная, въ самомъ буквальномъ физическомъ смыслѣ этого слова. Я часто плакала отъ голода, только отъ голода, нестерпимаго, больно рвущаго всѣ внутренности голода. Ощущенія голоднаго человѣка мнѣ вполнѣ понятны. Я по цѣлымъ годамъ никогда не бывала сыта и отъ недостатка питанія у меня, при моемъ желѣзномъ организмѣ, было самое хилое, самое горькое дѣтство. Я не росла все время, пока находилась въ институтѣ (московскомъ Екатерининскомъ) и вѣчно бывала больна. Но все же я и тогда вполнѣ ясно сознавала, что тоска моя происходила не отъ одного только голода, а еще и отъ какой-то неудовлетворенности души, отъ какого-то порыванія къ чему-то. Институтскій день былъ наполненъ, можно сказать, биткомъ набитъ, но у меня все же, благодаря моей колоссальной памяти, оставалось слишкомъ много незанятыхъ, праздныхъ для ума и чувства часовъ. Книгъ для чтенія мнѣ попадалось мало, не по моему душевному голоду.

«Я вышла изъ института пятнадцати лѣтъ. Опять бѣда. Черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца я поняла, что не могу быть счастлива и вполнѣ довольна только тѣмъ, что я сыта (въ институтѣ мнѣ казалось, что быть вполнѣ сытой—вполнѣ достаточно для счастья человѣка. Вѣроятно, голоднымъ русскимъ мужикамъ тоже это кажется). Опять я начала метаться, то есть духомъ. По внѣшнему виду я была очень тиха и покорна. Институтская дисциплина свое сдѣлала. Въ старомъ домѣ въ нашемъ костромскомъ имѣніи я нашла библіотеку англійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, французскихъ писателей XVII и XVIII столѣтія. Шкапы съ сотнями

волюмовъ поступили въ мое распоряженіе. Я ихъ прочла, на нихъ изучила вполнѣ языки, но не насытилась, нѣтъ. Я стала тосковать, да такъ, что вспомнить страшно...

«Вышла я замужъ: опять бѣда. Я увидѣла, что одной семейной жизнью не удовлетворюсь, что производить на свѣтъ дѣтей и воспитывать ихъ—трудъ тяжкій, неблагодарный, когда къ нему нѣтъ призванія,—настоящаго призванія, какъ для всякаго другого дѣла, и опять-таки, главное, оставляетъ въ душѣ ощущеніе пустоты. При этомъ совершенное непониманіе жизни и людей, никакого опыта никакой самостоятельной мысли. Читаешь противорѣчивыя статьи слушаешь толки, разсужденія, споры, и никакъ во всемъ этомъ не разберешься. Кто правъ? Кто ошибается? Гдѣ, въ чемъ истина? Да, въ чемъ истина?.. Такъ прошло много лѣтъ.

«Наконецъ судьба, случай заставили меня работать изъ-за куска хлѣба, и не только для себя. Конечно, случай поблагопріятствовалъ мнѣ еще въ томъ отношеніи, что трудъ мнѣ представился и по силамъ, и по вкусу. Я литературный рабочій, журналистъ—и это и есть мое настоящее дѣло. Все мнѣ это доказываетъ. Во-первыхъ, потому, что я этимъ трудомъ довольна и считала что онъ какъ разъ мнѣ по плечу, и не думаю, что я могла бы дѣлать что-нибудь высшее и лучшее. Во-вторыхъ, и другіе имъ довольны. Къ этому, конечно, присоединяется еще то, что я путемъ долгихъ мукъ выработала наконецъ себѣ свое собственное міросозерцаніе, свои собственныя, не заимствованныя на вѣру убѣжденія. Они достались мнѣ дорогой цѣной, но зато они и прочны.

«Убѣжденія мои, религія моя сводятся къ одному. Я люблю только одно: трудъ и знаніе. Только въ нихъ сила и только они спасутъ міръ и людей. Внѣ ихъ мракъ, страхъ, ненависть, злыя чувства, кровь и одичаніе иногда цѣлыхъ націй, внѣ ихъ—антропофагія, прикрытая тѣми или другими знаменами, громкими словами. Трудъ, трудъ по силамъ и по вкусу есть все: и цѣль, и средство, и высшее наслажденіе. Трудъ никогда не обманываетъ.

«Поэтому я и презираю политику и политическихъ дѣятелей всѣхъ оттѣнковъ и направленій, что они не трудятся, а стремятся все руководить да направлять. Но человѣчеству отъ этого не легче. Я знаю, что всегда будетъ такой сортъ людей, который будетъ заниматься политикой. Это неизбѣжное зло.

«Но я къ нимъ не пойду и имъ не поклонюсь»

X.

Приведенныя автобіографическія страницы ясно рисуютъ умственный и нравственный обликъ профессора Энгельгардта и его жены—піонерки на поприщѣ самостоятельнаго женскаго труда. Трудящаяся женщина шестидесятыхъ годовъ есть особое и свѣтлое явленіе въ эволюціи русскаго общества. Но мы видимъ, что изъ соб-

ственно политическихъ бурь шестидесятыхъ годовъ именно трудящаяся и трудившаяся сорокъ лѣтъ на тернистомъ поприщѣ журналистики женщина вынесла отвращеніе и къ политикѣ, и къ политиканамъ разныхъ мастей и всѣхъ цвѣтовъ. Могучій потокъ общественныхъ увлеченій шестидесятыхъ годовъ, конечно, не могъ не захватывать уже по самой молодости обоихъ. Въ 1861 году артиллеристъ А. Н. Энгельгардтъ былъ тридцатилѣтнимъ гвардейцемъ, а жена его неопытнѣйшей двадцатилѣтней институткой. Дѣйствіе на нихъ прогрессивной мысли этой эпохи было могущественно. Когда они получали книжку «Современника» со статьями Добролюбова и Чернышевскаго, то разрывали ее пополамъ. Тогда журнальная книжка дѣлилась на двѣ части съ особой пагинаціей страницъ въ каждой: отдѣлъ беллетристики и критики—въ «Современникѣ» здѣсь былъ Добролюбовъ, и внутреннее обозрѣніе—со статьями Чернышевскаго. Разорвавъ книжку журнала, мой отецъ и моя мать тянули на узелки, кому какая достанется и затѣмъ съ жадностью читали пламенныя страницы глашатаевъ свободы, правды и добра.

Благоговѣніе моей матушки предъ геніемъ Чернышевскаго было безпредѣльно. Но лично съ нимъ она не была знакома, и когда увидѣла его на знаменитомъ литературномъ вечерѣ, онъ именно личностью своей произвелъ на нее такое тяжелое впечатлѣніе, что, возвратясь домой, она проплакала всю ночь напролетъ. Созданный ею образъ мыслителя, подъ вліяніемъ чтенія геніальныхъ страницъ его пера, слишкомъ жестоко былъ разрушенъ. Отсюда можно видѣть, какъ еще юна была она тогда.

На этомъ вечерѣ Достоевскій читалъ отрывокъ изъ «Мертваго дома», и затѣмъ съ нимъ приключился припадокъ эпилепсіи. Чтеніе его произвело потрясающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ числѣ слушателей много было свѣтскихъ дамъ и военныхъ и статскихъ генераловъ. Еще чопорность и соблюденіе внѣшнихъ приличій въ петербургскомъ «свѣтѣ» были чрезвычайныя. А Достоевскій читалъ, какъ умираетъ каторжникъ на нарахъ, голый, посинѣлый, но въ цѣпяхъ. Можно представить смущеніе тогдашнихъ дамъ и генераловъ при этомъ образѣ. Достоевскій потомъ изобразилъ этотъ литературный вечеръ въ «Бѣсахъ», въ жестокой карикатурѣ. Читалъ Павловъ. Чернышевскій читалъ о только что скончавшемся Добролюбовѣ и, по словамъ моей матушки, держалъ себя странно, не то развязно, не то смущенно, и изъ чтенія его какъ-то получалось такое общее впечатлѣніе: «Вы, господа, думаете, что я—геній. Это вы напрасно. Я, знаете, совсѣмъ не геній. А вотъ Добролюбовъ былъ подлинно геній. Только гдѣ вамъ, гнилымъ дворянчикамъ, это понять! Вы не тѣ книжки читали. Эхъ, вы!» и т. п.

Застѣнчивый, кабинетный ученый, къ тому же семинаристъ, Чернышевскій не умѣлъ держать себя въ большомъ обществѣ.

Одѣлся странно, съ претензіей на «свѣтскій шикъ». Хотѣлъ быть развязнымъ. Рисовался. Не сумѣлъ и взять надлежащій тонъ въ своихъ воспоминаніяхъ о безвременно угасшемъ товарищѣ по журналу. Самое смиреніе его предъ Добролюбовымъ показалось фальшивымъ и скромность его—нескромной.

Если моя матушка въ 1861 году, послѣ этого, во многихъ отношеніяхъ рокового, литературнаго вечера проплакала всю ночь надъ разрушеннымъ образомъ геніальнаго писателя, созданнымъ ея юнымъ воображеніемъ, то потомъ, перевидавъ множество писателей и русскихъ, и иностранныхъ—Золя, Мопассана, Шпильгагена и другихъ,—она говаривала, что нѣтъ ничего скучнѣе и неинтереснѣе личности подавляющаго большинства писателей: писатель все лучшее своей личности переливаетъ въ свои произведенія, а затѣмъ отъ его личности остается нѣчто похожее на мясо, изъ котораго выварили либиховскій бульонъ; такое мясо до того лишено питательныхъ веществъ, что даже собака отворачиваетъ носъ, когда имъ хотятъ ее угостить...

XI.

Первые «нигилисты», конечно, были все добрые знакомые. Но эти «нигилисты»—Серно-Соловьевичъ, Тибленъ, Черкесовъ и другіе—вышли вѣдь преимущественно изъ лицея, какъ пажескій корпусъ далъ Европѣ знаменитаго анархиста князя Кропоткина, изъ камеръ-пажей императора Александра Второго. Первые «нигилисты» были люди изъ свѣта, говорившіе на всѣхъ языкахъ, съ хорошимъ наслѣдіемъ отъ родителей.

Серно-Соловьевичъ, встрѣтивъ государя, прогуливающагося въ Лѣтнемъ саду, на превосходномъ французскомъ языкѣ попросилъ у него позволенія изложить собственныя соображенія о реформахъ, необходимыхъ Россіи. Государь разрѣшилъ. Серно-Соловьевичъ залился соловьемъ. Александръ Второй сказалъ, что мысли эти и его почти мысли. Продолжая бесѣду, государь перешелъ на нѣмецкій языкъ, потомъ на англійскій. Серно-Соловьевичъ изъяснялся на всѣхъ языкахъ великолѣпно.

Государь спросилъ, наконецъ, его званіе и фамилію.

— Первой гильдіи петербургскій купецъ Сѣрно-Соловьевичъ, ваше величество!

— Какъ! Вы—купецъ и такъ превосходно говорите на иностранныхъ языкахъ? Гдѣ же вы получили образованіе?

— Въ императорскомъ лицеѣ, ваше величество!

Оказывается, Серно-Соловьевичъ, чтобы «демократизироваться», приписался къ гильдіи.

Другой лицеистъ, Черкесовъ, открылъ книжный магазинъ и библіотеку. Въ немъ за прилавкомъ появилась молодая, изящная

женщина, въ черномъ платьѣ, въ очкахъ, съ строгимъ видомъ гражданки. То была Анна Николаевна Энгельгардтъ. Въ библіотекѣ Черкесова можно было встрѣтить цвѣтъ тогдашняго либерализма и «нигилизма», но этотъ «нигилизмъ» еще носилъ гвардейскіе мундиры, говорилъ по-французски и не шелъ далѣе конституціонной монархіи. Кромѣ Чернышевскаго, дамы тогда увлекались пѣвцомъ Тамберликомъ, въ итальянской оперѣ, въ «Вильгельмѣ Теллѣ», потрясавшимъ всѣхъ речитативомъ: «Libertà! Libertà!» Затѣмъ герой итальянскаго освобожденія Гарибальди кружилъ дамамъ головы.

Отъ петербургскихъ женщинъ Гарибальди посланъ былъ адресъ и дивной работы изъ розоваго мрамора вѣнокъ розъ. Черкесовъ повезъ этотъ вѣнокъ въ Италію, но такъ плохо его уложилъ, что когда открылъ футляръ передъ Гарибальди, въ немъ оказались одни битые черепки мрамора. Художественная скульптура погибла. Черкесовъ совершенно сконфузился.

А. Н. Энгельгардтъ, конечно, раздѣлялъ всѣ прогрессивныя идеи того времени. Въ гвардейскомъ мундирѣ съ аксельбантами расхаживалъ онъ среди бѣла дня по Лѣтнему саду и разлавалъ встрѣчнымъ прокламацію «Къ молодежи». Но кто же въ 1861 году сомнѣвался въ томъ, что будетъ въ скорости провозглашена конституція и созванъ парламентъ? И императоръ Александръ II, и его правительство показывали себя либералами, и, такъ сказать, въ существѣ реформы не могло быть сомнѣнія, а лишь говорили о томъ, какъ ее осуществить. Петербургскій губернаторъ князь Суворовъ призывалъ къ себѣ Чернышевскаго и просилъ его употребить свое вліяніе, чтобы молодежь и общество были терпѣливѣе и не мѣшали правительству высиживать конституцію. По неопытности Чернышевскій вѣрилъ Суворову, вѣрилъ и собственному вліянію и обѣщалъ позадержать «ниспроверженіе существующаго порядка».

Не стану распространяться вообще о студенческихъ безпорядкахъ 1861 года, тѣмъ болѣе, что документы, относящіеся къ этому событію, имѣются въ статьяхъ Б. Б. Глинскаго. Разскажу лишь только то, что относится до участія въ этомъ событіи лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручика А. Н. Энгельгардта и двадцатилѣтней его жены, окончившей Екатерининскій институтъ.

XII.

На дворѣ стариннаго Петровскаго зданія двѣнадцати коллегій, на Васильевскомъ островѣ, занимаемаго с.-петербургскимъ императорскимъ университетомъ, съ утра собрались студенты и постороннія лица, дамы, барышни, молодые статскіе люди. Они ничего особо угрожающаго тишинѣ и спокойствію столицы и основамъ

Россійской имперіи не производили, а просто ждали, что вдругъ нѣчто «совершится»,—что именно? Клятва въ «жо-де-помъ», или взятіе Бастиліи, вообще что-либо изъ великой французской революціи. Въ ожиданіи курили, болтали. Можетъ быть, кто-нибудь и «произносилъ» рѣчи. Среди этой публики на дворѣ находилась и моя матушка, Анна Николаевна Энгельгардтъ. Почему она тамъ находилась? Потому, что ей было двадцать лѣтъ и она окончила московскій Екатерининскій институтъ.

Въ это же время противъ узкаго конца зданія университета, на набережной собралась кучка народа, тоже не напоминавшаго «революціонное сборище». Были тутъ и просто зѣваки, и нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ. Между послѣдними находился и лейбъ-гвардіи конной артиллеріи офицеръ, служащій литейной мастерской петербургскаго арсенала Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ. Почему онъ здѣсь находился? Потому, что жена его находилась на дворѣ университета, а неизвѣстно было, чѣмъ все кончится? Явилась рота солдатъ. Затѣмъ примчался петербургскій полицеймейстеръ, полковникъ Золотницкій, бывшій въ административномъ восторгѣ и въ статскомъ платьѣ—послѣднее обстоятельство прошу особенно замѣтить.

Полковникъ Золотницкій тоже, видимо, ожидалъ взятія Бастиліи или чего-либо въ этомъ родѣ. А такъ какъ ровно ничего не происходило, не зналъ, какъ себя держать и къ чему приложить свое рвеніе. Началъ съ того, что отдалъ приказъ простому рядовому отвести на гауптвахту одного изъ гвардейскихъ офицеровъ, который на вопросъ: почему онъ тутъ стоитъ? отвѣчалъ весьма разумно: «Потому, что у меня есть ноги, а подъ ногами—гранитъ». Ошалѣлый рядовой повелъ офицера, который за нимъ покорно и пошелъ; но, отойдя шаговъ десять, остановился и скомандовалъ рядовому: «Смирно. Во фрунтъ». Конечно, рядовой безпрекословно исполнилъ приказаніе гвардейскаго офицера. «Направо, кругомъ, въ казарму маршъ!» скомандовалъ офицеръ. И рядовой зашагалъ въ казарму. А офицеръ пошелъ домой.

Видя это издали, полковникъ Золотницкій сталъ внѣ себя и грубо набросился на поручика лейбъ-гвардіи конной артиллеріи Энгельгардта, крича, чтобы онъ на набережной не торчалъ. Поручикъ Энгельгардтъ послалъ Золотницкаго, котораго въ лицо не зналъ и который былъ въ статскомъ платьѣ, «ко всѣмъ чертямъ», полагая, что это просто какая-то статская «штафирка». Полковникъ Золотницкій вскипѣлъ, захрипѣлъ, заоралъ и схватилъ его за погонъ. Натянутые нервы не выдержали. Поручикъ Энгельгардтъ пришелъ въ бѣшенство, изругалъ Золотницкаго послѣдними словами и, обнаживъ саблю, едва не зарубилъ на мѣстѣ. По счастью, пріятели схватили его за руки. Онъ дрожалъ, кричалъ, рвался. Но они подхватили его подъ руки и для успокоенія стали водить вдоль

линіи, мимо зданія университета, совершенно пустынной. Наконецъ Энгельгардтъ успокоился и пришелъ въ себя.

Между тѣмъ жена его соскучилась дожидаться на дворѣ университета великой французской революціи; къ тому же у ней заболѣла голова отъ запаха отвратительнѣйшихъ папиросъ, которыя курили трое какихъ-то прогрессивныхъ семинаристовъ. Она вышла на улицу, встрѣтила мужа, они сѣли на извозчика и уѣхали въ арсеналъ. Тѣмъ все и кончилось. Отецъ и не подозрѣвалъ, кто былъ статскій, котораго онъ чуть было не зарубилъ. Полковникъ Золотницкій, въ свою очередь, не озаботился установить личность обнажившаго саблю офицера. Итакъ, у него не оказалось никакихъ официальныхъ данныхъ къ обвиненію Энгельгардта. Однако, исторія получила огласку. Высшее начальство прислало адъютанта, который спросилъ Энгельгардта, былъ ли онъ на набережной и оскорбилъ ли Золотницкаго.

— Я не отвѣчу на этотъ вопросъ. Дѣло начальства выяснить, кто былъ и кто не былъ на набережной.

— Великій князь поручилъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ дворянину, и просить васъ сказать всю правду. На службу вашу это не будетъ имѣть послѣдствій.

— Если такъ, то я былъ на набережной, но я въ лицо полковника Золотницкаго не знаю, а онъ былъ въ статскомъ платьѣ, кричалъ, ругался, покушался схватить меня за погонъ.

Адъютантъ уѣхалъ. Энгельгардтъ былъ немедленно арестованъ и преданъ суду. Судъ постановилъ выдержать его при гауптвахтѣ двѣ недѣли подъ арестомъ, потому что,—это точныя слова формуляра,—хотя полковникъ Золотницкій и былъ въ статскомъ платьѣ и въ лицо его Энгельгардтъ не зналъ, но, видя старанія его къ водворенію порядка, Энгельгардтъ изъ сего долженъ былъ заключить, что на сіе полковникъ Золотницкій имѣетъ право, и въ семъ ему способствовать, а не учинять противодѣйствіе.

Въ бумагахъ моей матушки сохранилось письмо, адресованное его превосходительству Ѳедору Христіановичу Минуту отъ 30 сентября 1861 года лицомъ, близкимъ къ высшему начальнику Энгельгардта:

«Спѣшу сообщить вамъ, Ѳедоръ Христіановичъ, что сегодня я видѣлъ великаго князя, говорилъ ему о безпокойствѣ госпожи Энгельгардтовой касательно арестованія ея мужа, и его высочество поручилъ мнѣ успокоить госпожу Энгельгардтъ, сказать ей, что мужъ ея арестованъ только за дерзость противъ полицеймейстера и что арестъ этотъ, который скоро окончится, не будетъ имѣть никакого неблагопріятнаго вліянія на службу г. Энгельгардта. Потрудитесь, Ѳедоръ Христіановичъ, передать это госпожѣ Энгельгардтъ и успокоить ее».

Дѣйствительно, А. Н. Энгельгардтъ затѣмъ прослужилъ въ арсеналѣ до 1866 года.

Изъ приведеннаго письма видно, что ужъ никакъ нельзя предположить, что въ 1871 году отозвалась злополучная стычка съ полковникомъ Золотницкомъ въ 1861 году, которая и тогда была въ сущности всецѣло результатомъ безсмысленныхъ дѣйствій Золотницкаго, въ статскомъ платьѣ накинувшагося на гвардейскаго офицера, мирно стоявшаго на набережной Невы.

XIII.

Въ 1861 году А. Н. Энгельгардтъ отсидѣлъ двѣ недѣли на гауптвахтѣ «только за дерзость противъ полицеймейстера..

Въ 1871 году—«по суду оправданъ».

Но, можетъ быть, между этими двумя датами онъ предавался «противоправительственной дѣятельности»? Конечно, онъ сохранялъ тѣ же прогрессивныя, западническія убѣжденія, бывшія тогда отличіемъ порядочнаго человѣка отъ непорядочнаго. Полагаю, что въ той формѣ, какую эти убѣжденія имѣли тогда, послѣднее сохраняется и до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели надо быть «либераломъ» для того, чтобы быть сторонникомъ свободы совѣсти, слова, печати, собраній, союзовъ и признавать необходимость контроля народнаго представительства надъ бюрократіей? Для этого достаточно быть порядочнымъ человѣкомъ. Профессоръ А. Н. Энгельгардтъ былъ высоко порядочный человѣкъ.

Но въ десятилѣтіе съ 1861 по 1871 годъ онъ всецѣло отдался наукѣ; масса химическихъ его работъ дала ему степень доктора химіи honoris causa; затѣмъ въ 1866 году департаментъ земледѣлія и сельской промышленности командировалъ его для изслѣдованія залежей фосфоритовъ между Десною и Волгою. Затѣмъ сталъ читать лекціи въ земледѣльческомъ институтѣ. Итакъ, заниматься еще и активной политикой было просто некогда.

Но, кромѣ того, имѣется и положительное свидѣтельство Л. Ф. Пантелѣева, который въ своихъ «Воспоминаніяхъ» описываетъ, какъ въ 1862 году вмѣстѣ съ Утинымъ составилъ какую-то грозную конспирацію человѣкъ изъ пяти и отправился приглашать А. Н. Энгельгардта.

«Пошли къ Энгельгардту,—пишетъ г. Пантелѣевъ:—но Энгельгардтъ отказался».

Объ этомъ посѣщеніи сохранились у меня интересныя данныя. Конспираторы показали отцу между прочимъ, надо думать для вящшаго прельщенія, списокъ будущаго конституціоннаго министерства. Премьеръ-министромъ значился Чернышевскій.

Портфель военнаго министра предполагалось вручить А. Н. Энгельгардту.

Но... онъ отказался. Это слово прописано всѣми буквами въ мемуарахъ г. Пантелѣева. Почему онъ отказался? Потому, что прежде

всего былъ человѣкъ очень умный. А, во-вторыхъ, тогда онъ уже уразумѣлъ ту роль, которую играли въ политическихъ волненіяхъ поляки, вѣрные себѣ, своему шляхетскому дѣлу и призраку старой, отжившей и перешедшей въ исторію Польши. А. Н. Энгельгардтъ былъ преданъ интересамъ народа, былъ искренній демократъ и въ шляхетское польское дѣло не вѣрилъ. Онъ—отказался, отстранился, всецѣло ушелъ въ науку

Скоро наступившее повстанье и 1863 годъ показали, что онъ поступилъ совершенно разумно. Герценъ за границей не отстранился во время и погубилъ все свое дѣло, свою популярность и далъ надъ собою преимущество Каткову.

«Колоколъ» въ 50-хъ годахъ и до польскаго повстанія 1863 г. лежалъ на столѣ всѣхъ сановниковъ и самого государя.

Первыя лондонскія изданія Герцена начались въ 1853 году, когда онъ завелъ русскую типографію. «Колоколъ», вслѣдъ возобновленной «Полярной Звѣздѣ», начался съ іюля 1857 года. Спросъ на изданіе усилился настолько, что въ началѣ 60-хъ годовъ «Колоколъ расходился въ 2,500 экземплярахъ. Но въ 1863 году, когда началось польское возстаніе, а Герценъ тиснулъ статейку подъ заглавіемъ «Поляки насъ прощаютъ», продажа «Колокола» упала сразу до 500 экземпляровъ и уже болѣе не поднималась.

Однако въ 1865 году во всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ московское дворянство еще представляло «объ увѣнчаніи зданія реформъ». Этой мысли еще не покидалъ тогда и Катковъ.

«Шестидесятые годы,—говоритъ Н. В. Шелгуновъ,—слишкомъ серьезное явленіе въ жизни Россіи и они заключали въ себѣ такую всеобщую обновляющую силу, что о нихъ слѣдуетъ или совсѣмъ не говорить, или говорить съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ къ людямъ и идеямъ того времени и къ вожакамъ общественнаго сознанія, какое вызывается величіемъ самаго явленія и прогрессивнымъ мѣстомъ, которое оно занимаетъ въ ряду другихъ явленій русской исторіи».

Шестидесятые годы это—19-е февраля. Во всей исторіи Россіи, быть можетъ, не было болѣе великаго мгновенія. Осуществлялось то, что составляло предѣлъ желаній, завѣтнѣйшую мечту лучшихъ людей Россіи, начиная съ Радищева. Послѣдовавшія реформы только логическое развитіе этого дня.

Величіе реформъ шестидесятыхъ годовъ въ томъ, что онѣ были проведены сверху, безъ пролитія крови.

Святость этихъ реформъ въ томъ, что онѣ были проведены совершенно чистыми руками возвышенныхъ дѣятелей.

Реформамъ шестидесятыхъ годовъ А. Н. Энгельгардтъ и оставался вѣренъ до конца дней.

XIV.

Популярнѣйшій лекторъ, любимецъ молодежи, свободомыслящій и передовой человѣкъ, А. Н. Энгельгардтъ въ десятилѣтіе съ 1861 по 1871 годы, конечно, считался въ рядахъ «руководителей движенія». Но онъ двигалъ тогда науку и только науку. Полагаю, что о немъ тогда создалось и ходило много легендъ. Но это лишь легенды.

Онъ любилъ разсказывать между прочимъ объ одной прочитанной имъ публичной лекціи «о химическомъ составѣ человѣка».

Аудиторія полна была молодежью, дамами, барышнями, генералами, гвардейцами, семинаристами, рѣдкими еще тогда въ русскомъ обществѣ и потому скромными и пріятными евреями, виднѣлись и два или три батюшки въ рясахъ, даже сидѣлъ какой-то архимандритъ.

Противъ каѳедры, на большомъ столѣ лежало изображеніе человѣческаго тѣла изъ папье-маше, съ содранной съ половины кожей и обозначенной красной и синей краской кровеносной и нервной системой. За этимъ человѣкомъ стояли большія и маленькія банки съ надписями четкими, жирными буквами: вода, желѣзо, фосфоръ и т. д.

А. Н. Энгельгардтъ взошелъ на каѳедру, указалъ рукою на человѣка изъ папье-маше и банки и сказалъ:

— Вотъ человѣкъ!

Эффектъ необыкновенный. Все захлопало. А профессоръ началъ подробно объяснять «химическій составъ» человѣка.

Послѣ лекціи къ А. Н. Энгельгардту подошелъ молодой священникъ, стыдливо запахивая шелковую лиловую ряску и пощипывая бородку.

— Господинъ профессоръ!—сказалъ онъ таинственно.

— Что прикажете, батюшка?

— Гм! гм! Господинъ профессоръ, позвольте вамъ задать одинъ недоумѣнный вопросъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вотъ вы, вступивъ на каѳедру, показали на сей столъ и находящіеся на немъ предметы и сказали: Се человѣкъ-съ. По латыни значитъ: Ecce homo.

— Я сказалъ просто: вотъ вамъ человѣкъ. Но въ чемъ же ваше недоумѣніе?

— А въ томъ мое недоумѣніе, что въ банкахъ у васъ тамъ фосфоръ, вода, желѣзо, соли разныя...

— Ну?..

— А гдѣ же духъ?.. Spiritus?!.

— Вотъ вы о чемъ! При химическихъ разложеніяхъ человѣческаго тѣла химикамъ еще не случалось уловить «духъ» въ газообразномъ или жидкомъ состояніи или въ видѣ кристалловъ.

— Но тогда, господинъ профессоръ,—запѣлъ сладкимъ голоскомъ батюшка:—не правильнѣе ли, не осторожнѣе ли было сказать не «се человѣкъ»—ecce homo, но—«се трупъ»—ecce cadaver?!.

— А что, батюшка, не пройти ли намъ сейчасъ въ буфетъ и не выпить ли рюмочку спиритуса съ соотвѣтствующей закуской?

Батюшка не отказался.

XV.

Выше я упомянулъ о великолѣпной библіотекѣ преимущественно изъ сочиненій по химіи, которую составилъ А. Н. Энгельгардтъ, затративъ на нее двадцать тысячъ. Здѣсь были между прочимъ и творенія алхимиковъ, дающія возможность прослѣдить постепенное развитіе химіи изъ мистической мглы среднихъ вѣковъ. Сочиненія алхимиковъ служили профессору при запятіяхъ въ лабораторіи съ начинающими химическій анализъ студентами.

Какой-то иностранецъ сказалъ: «Дайте русскому гимназисту карту звѣзднаго неба, и онъ черезъ три дня возвратитъ ее исправленной». Почти всѣ студенты, приступая къ химическому анализу, начинали съ великихъ открытій и новыхъ изобрѣтеній.

Объяснивъ студенту, какъ надо дѣлать анализъ какого-либо вещества, профессоръ отходилъ къ другимъ. Черезъ полчаса, подойдя вновь къ первому, онъ видѣлъ, что тотъ еще ничего не сдѣлалъ, но что-то рисуетъ и пишетъ.

— Что же вы?

— Господинъ профессоръ, я, кажется, сдѣлалъ открытіе,—съ скромнымъ самодовольствомъ генія заявляетъ студентъ.

— Какое открытіе?

— А вотъ какое! Вы сказали, что анализъ нужно дѣлать въ этой ретортѣ. Но я придумалъ новую форму сосуда, въ которой анализъ совершится вдвое скорѣе. Вотъ я нарисовалъ мой сосудъ!

— Очень хорошо. Дайте вашъ рисунокъ.

Студентъ подавалъ рисунокъ, на которомъ изображена была чрезвычайно замысловатая посудина съ какими-то трубками, пробками. Профессоръ шелъ въ свою библіотеку и черезъ четверть часа возвращался съ волюмомъ, переплетеннымъ въ ослиную кожу, и, раскрывъ его, показывалъ удивленному студенту точно такой рисунокъ, какой онъ сдѣлалъ.

— Видите, что вы не изобрѣли ничего новаго,—объяснялъ профессоръ.—Именно въ такомъ сосудѣ, какой вы придумали, дѣлали этотъ анализъ алхимики въ XVI столѣтіи. Но съ тѣхъ поръ наука пошла впередъ, и теперь такъ уже никто не дѣлаетъ.

Открытія студентовъ были всегда въ такомъ родѣ, являясь атавизмомъ, возвращеніемъ къ младенчеству науки.

Химическую библіотеку А. Н. Энгельгардта постигла, однако, печальная участь. Послѣ его ссылки библіотека эта гдѣ-то лежала въ ящикахъ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ матушка моя перевезла ее на свою квартиру и разставила на полкахъ, занявшихъ всѣ стѣны. Въ то самое утро, когда она хотѣла застраховать ее, въ домѣ подъ ея квартирою загорѣлось. Стали тушить домашними средствами, и дымъ наполниль верхній этажъ. Едва успѣли выйти съ нѣкоторыми цѣнными вещами. Явились пожарные и принялись усердно поливать химическую библіотеку, а потомъ обрушили полки баграми и превратили все въ кашу. А и опасности особой не было и книги не горѣли. Только дыма нашло много. Какъ бы то ни было, а библіотека погибла и жалкіе лишь остатки ея сохранились.

Есть какая-то злая сила въ русской жизни, которая старательно разрушаетъ все хорошее и такъ или иначе губитъ плоды трудовъ и таланта.

XVI.

Во время поѣздки своей въ 1866 году для изслѣдованія залежей фосфоритовъ А. Н. Энгельгардтъ собралъ огромную коллекцію образцовъ и окаменѣлостей—раковинъ, позвонковъ ихтіозавра, зубовъ акулы, окаменѣлыхъ деревьевъ и т. п. Коллекція эта, вѣсившая сто пудовъ, въ ящикахъ была прислана въ Лѣсной и въ зданіи института, въ музеѣ, стояла, какъ была, въ ящикахъ, не разобранная, въ ожиданіи шкаповъ для ея помѣщенія. Стояла она такъ долго, именно двадцать лѣтъ. Въ 80-хъ годахъ А. Н. Энгельгардтъ вновь занялся вопросомъ о фосфоритѣ, какъ минеральномъ удобреніи, и вспомнилъ тогда о своей коллекціи. Онъ написалъ профессору лѣсного института П. А. Лачинову, тоже уже покойному нынѣ, прося сообщить, гдѣ его коллекція.

Профессоръ Лачиновъ отвѣчалъ, что коллекція, какъ была прислана въ 1866 году, такъ и стояла въ заколоченныхъ ящикахъ въ музеѣ института. Но лѣтомъ 1886 года въ зданіи производился ремонтъ. Не хватило щебенки для стѣны. Тогда каменщики ли самовольно, или подрядчикъ, но только, долго не думая, разбили ящики съ коллекціей и содержимое ихъ высыпали въ пустоту между двумя кладками кирпича, залили известкой, заложили, замазали, и теперь коллекція хранится въ стѣнѣ лѣсного института, но только достать ее оттуда невозможно.

Какъ не сказать еще разъ, что какая-то темная сила преслѣдуетъ въ Россіи и разрушаетъ всѣ труды таланта и самоотверженнаго служенія идеѣ!

XVII.

Отецъ мой вышелъ изъ крѣпости, когда Парижъ былъ взятъ германскими войсками и Бисмаркъ предписывалъ драконовскія условія мира въ Версалѣ. Русское общество было на сторонѣ французовъ. Униженіе міровой столицы не могло встрѣтить сочувствія у насъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегда бываетъ въ заключеніе грандіозныхъ войнъ и международныхъ катастрофъ, стрѣлка на циферблатѣ исторіи куда-то подвинулась, началось что-то новое, а въ Россіи повѣяло тлетворнымъ духомъ. Уже въ слѣдующемъ 1872 году выступилъ на публицистическое поприще князь Мещерскій со своей знаменитой статьей о «точкѣ». Въ самомъ дѣлѣ «точка» къ реформамъ шестидесятыхъ годовъ и была скоро поставлена. Но изъ этой зловѣщей черной «точки» развилось цѣлое дерево, ядовитые плоды котораго мы и сейчасъ вкушаемъ. Сердились на князя Мещерскаго, подтверждая слова Берне, что многимъ кажется, будто вѣтеръ дуетъ въ ту сторону, куда указываетъ флюгеръ, и они сердятся на флюгеръ, не понимая, что происходитъ прямо обратное.

Профессора А. Н. Энгельгардта ссылали въ смоленскую деревню именно передъ началомъ движенія интеллигенціи «въ народъ». Итакъ, ничего болѣе безсмысленнаго съ административной точки зрѣнія, какъ эта высылка, не могло быть.

Батищево скоро и сдѣлалось пріемникомъ народническаго движенія, какъ впослѣдствіи и евангельскаго похода «толстовцевъ». Останься А. Н. Энгельгардтъ профессорствовать въ Петербургѣ, онъ, конечно, съ годами все болѣе и болѣе погружался бы въ науку.

Въ Батищевѣ дѣятельность его, помимо научно-агрономическаго значенія, скоро пріобрѣла общественно-соціальный характеръ. Именно изъ Батищева своими «Письмами изъ деревни» въ «Отечественныхъ Запискахъ» А. Н. Энгельгардтъ скоро пріобрѣлъ огромное вліяніе на молодежь. Положимъ, батищевскія идеи нѣсколько отличались отъ петербургскихъ народническихъ доктринъ того времени, будучи пропущены черезъ холодную прозу деревенской дѣйствительности.

XVIII.

Моему отцу, отъѣзжавшему въ ссылку, давали обѣдъ его друзья.

Какъ ни былъ я тогда малъ, по помню, какъ съ нянеи сидѣлъ у знакомыхъ, гдѣ этотъ обѣдъ происходилъ. Другія дѣти занимали меня, показывая игрушки.

Вдругъ въ комнат вошелъ отецъ, подошелъ ко мнѣ, зялъ на руки и п несъ.

Миновавъ нѣсколько комнатъ, послышался громкій говоръ, шумъ обѣденный. Портьера двери отодвинулась, и я сразу очутился въ комнатѣ, блиставшей огнями, полной народомъ. Отецъ поставилъ меня на конецъ обѣденнаго стола и подалъ знакъ къ вниманію и молчанію. Все затихло. Всѣ, улыбаясь, обратили взгляды на меня.

Тогда отецъ громко и отчетливо спросилъ меня:

— Коля, скажи, за что ссылаютъ твоего отца?

Обученный отцомъ заранѣе, я не потерялся и столь же громко и отчетливо тоненькимъ, дѣтскимъ своимъ голосомъ отвѣчалъ:

— За распространеніе между студентами безнравственности и демократическихъ идей!..

Николай Энгельгардтъ.

КОМИЧЕСКІЙ СЛУЧАЙ СЪ П. И. ЧАЙКОВСКИМЪ.

НЕ КАСАЯСЬ ни нравственнаго облика, ни душевныхъ качествъ Петра Ильича Чайковскаго, съ которымъ мнѣ приходилось, въ теченіе двухъ зимъ, почти ежедневно встрѣчаться въ домѣ Бѣгичевыхъ, у которыхъ онъ былъ своимъ человѣкомъ,—я передамъ очень оригинальный случай, гдѣ на долю Петра Ильича выпала роль героя, не особенно для него пріятная, конечно, и не особенно желательная.

Скажу нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ нашего даровитаго композитора, отличавшагося необыкновенной симпатичностью, оттѣняемой многими своеобразными чертами.

Добръ онъ былъ несомнѣнно, но какъ-то лѣниво добръ, не столько по мягкости сердца, сколько по нежеланію какой бы то ни было борьбы...

Онъ всегда готовъ былъ всѣмъ уступить, но опять-таки не движимый кротостью или христіанскимъ смиреніемъ, а просто потому, что ему было или некогда, или просто лѣнь спорить.

Въ обществѣ онъ всегда былъ сдержанъ и очень молчаливъ и оживлялся только въ своемъ кругу, среди людей, къ которымъ онъ привыкъ и которыхъ любилъ.

Спѣшу оговориться и замѣтить, что я веду рѣчь о той эпохѣ жизни великаго композитора, когда онъ не только еще не достигъ той почетной извѣстности, какою впослѣдствіи ознаменовалась его музыкальная карьера, но, вѣроятно, и не мечталъ о ней.

Громадный успѣхъ и заслуженное поклоненіе общества могли измѣнить и нравъ и взгляды Чайковскаго, но въ описываемую

мной эпоху (конецъ 1868 года и 1869 годъ) онъ былъ именно такимъ, какимъ я его описываю.

Повторяю, въ домѣ Бѣгичевыхъ онъ былъ принятъ, какъ близкій и дорогой родственникъ, и Марья Васильевна Бѣгичева, всегда со всѣми безцеремонная и до крайности оригинальная, не называла Чайковскаго иначе, какъ «Петька», подчасъ прибавляя къ этому фамильярному имени такія «острыя» словечки, которыхъ и не повторишь въ печати.

Вообще эта женщина, принадлежавшая къ лучшему обществу и видѣвшая на своемъ вѣку все, что можетъ дать и блескъ и богатство, отличалась необыкновенно рискованнымъ разговорнымъ слогомъ и употребляла подчасъ не въ мѣру живописныя выраженія.

Всѣмъ положительно она привыкла говорить «ты», и мѣстоименіе «вы» было почти совершенно исключено изъ ея словаря.

Съ ласковымъ, но до крайности фамильярнымъ именемъ «Петьки» слово «вы», конечно, не вязалось, и къ Чайковскому Марья Васильевна не обращалась иначе, какъ:

— Слушай, Петька, что ты это тамъ выдумалъ?..

На это онъ самымъ добродушнымъ образомъ отвѣчалъ, не только не оскорбляясь ея тономъ и выраженіями, но принимая ихъ за доказательство ея искренняго къ нему расположенія.

Такъ было и на самомъ дѣлѣ, и Чайковскій, годившійся ей въ сыновья и исключительно дружный съ меньшимъ изъ сыновей ея отъ перваго брака, Владимиромъ Степановичемъ Шиловскимъ, прямо-таки, по шутливому выраженію В. П. Бѣгичева, «привѣнчался» къ ихъ семьѣ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что такихъ «привѣнчанныхъ», ежедневныхъ посѣтителей, въ домѣ Бѣгичевыхъ было немало и составъ ихъ былъ самый разнокалиберный.

Тутъ былъ и Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, и адъютантъ Козловъ, и молодой князь Голицынъ, и совершенно бездарный, но необычайно смѣлый и нахальный актеръ Константиновъ (де-Лазари), и двѣ компаньонки Марьи Васильевны, сестры Языковы, старыя подруги ея по институту, жившія у нея въ домѣ на полномъ ея иждивеніи...

Сюда же одно время былъ причисленъ и полицеймейстеръ Огаревъ, и причислялись сюда же по очереди всѣ артисты обоихъ театровъ, какъ Малаго, такъ и Большого...

Словомъ, общество было самое пестрое, и самое безцеремонное.

За столъ никогда не садилось меньше 10—15 человѣкъ, шампанское ежедневно лилось рѣкой, и царившая въ домѣ свобода доходила до такой степени, что за обѣдомъ, тотчасъ послѣ супа, начиналась уже музыка.

Первый полагалъ начало импровизованному концерту старшій сынъ Марьи Васильевны, Константинъ Степановичъ Шиловскій,

извѣстный впослѣдствіи своими граціозными романсами и своимъ мастерскимъ исполненіемъ цыганскаго жанра.

Онъ приносилъ за обѣденный столъ свою гитару и, мастерски аккомпанируя себѣ, исполнялъ романсъ за романсомъ, перемѣшивая ихъ съ отрывками изъ оперетокъ, царившихъ тогда за границей, и только что входившихъ въ моду у насъ въ Россіи.

Это было время полнаго расцвѣта таланта Оффенбаха; его «Belle Hélène» еще не была переведена на русскій языкъ, и К. С. Шиловскій исполнялъ по-французски отрывки изъ этой прелестной оперетки, только что видѣнной имъ въ Парижѣ.

Но возвращаюсь къ моему разсказу.

Въ то время, о которомъ я говорю, московскій артистическій кружокъ былъ центромъ всего, что принадлежало къ міру искусства.

Членами его были всѣ корифеи русской сцены, и очень часто такіе артисты, какъ В. И. Живокини и Провъ Михайловичъ Садовскій, послѣ рано окончившагося спектакля пріѣзжали въ кружокъ, быстро загримировывались и экспромтомъ выходили на сцену, замѣняя мѣстныхъ очередныхъ актеровъ.

Членами артистическаго кружка состояли всѣ сколько-нибудь крупные и состоятельные московскіе обыватели. Средства кружка были громадны, и большіе балы на святкахъ и на масленицѣ давались кружкомъ въ помѣщеніи дворянскаго собранія.

Одинъ изъ такихъ баловъ и послужилъ ареной того траги-комическаго событія, о которомъ я хочу разсказать.

Дѣло было на масленицѣ.

Назначенъ былъ костюмированный балъ и сняты были всѣ залы московскаго дворянскаго собранія, въ расчетѣ на особо громадный наплывъ публики.

Расчетъ этотъ оправдался вполнѣ. Билеты были напередъ расписаны и устроители бала считали ожидаемый барышъ не ниже 3,000 р.

Много говорили объ этомъ балѣ и въ домѣ Бѣгичевыхъ, и самъ В. П. Бѣгичевъ, много и усердно выѣзжавшій, положилъ непремѣнно быть на этомъ празднествѣ.

Въ числѣ новинокъ этого фестиваля задумана была очень остроумная литературная кадриль, всѣ участники которой должны были быть загримированы и одѣты съ намеками на то или другое направленіе наличныхъ московскихъ и петербургскихъ газетъ.

Въ подробности этихъ костюмовъ я вдаваться не стану, скажу только, что условлено было во время исполненія кадрили временами переходить съ спокойныхъ танцевъ на болѣе или менѣе смѣлый канканъ, причемъ изъ особой «наблюдательной ложи» раздавался звонокъ, музыка внезапно умолкала, и виновный приглашался къ барьеру «наблюдательной ложи», гдѣ ему объявлялось «первое предостереженіе».

Ежели тотъ же танцоръ или танцорка вновь нарушали законы маскараднаго благочинія, имъ, при той же обстановкѣ, давалось «второе предостереженіе», затѣмъ третье, а за нимъ уже слѣдовало торжественное изгнаніе виновнаго изъ состава кадрили и изъ танцовальной залы...

Такого нарушителя порядка брали подъ руки и подъ звуки марша выводили изъ залы, что знаменовало собою прекращеніе литературной дѣятельности, или «закрытіе» газеты.

Этотъ шутливый номеръ, исполненный въ началѣ бала, удался вполнѣ и вызвалъ гомерическій хохотъ публики и выраженіе одобренія со стороны тогдашняго генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукова, почтившаго костюмированный балъ своимъ присутствіемъ.

Такъ вотъ къ этому-то балу съ большимъ или меньшимъ рвеніемъ готовилась, какъ говорятъ, вся Москва.

Толки о немъ шли повсюду, и за недѣлю до бала о немъ усердно толковали за обѣдомъ въ домѣ Бѣгичевыхъ.

За столомъ сидѣли всѣ завсегдатаи этого гостепріимнаго дома, и всѣ болѣе или менѣе принимали участіе въ разговорѣ.

Молчали только люди, не интересовавшіеся вопросомъ объ общественныхъ удовольствіяхъ, и въ томъ числѣ Петръ Ильичъ Чайковскій, почти никуда не выѣзжавшій.

Меньшой Шиловскій, особенно дружный съ Чайковскимъ, спросилъ его, не хочетъ ли и онъ также принять участіе въ маскарадѣ, а старшій, К. С. Шиловскій, предложилъ къ услугамъ его весь свой театральный гардеробъ, въ которомъ насчитывалось нѣсколько десятковъ костюмовъ, всѣхъ странъ и народовъ.

Чайковскій, всегда легко на все соглашавшійся, и на этотъ разъ изъявилъ свое полное согласіе и, вставъ изъ-за стола, отправился на половину молодыхъ Шиловскихъ примѣривать костюмы.

Долго возились они тамъ... Чайковскій успѣлъ перемѣрить все, что было въ шкапахъ, но ни одинъ изъ костюмовъ не пришелся ему въ пору. То коротокъ, то узокъ, то слишкомъ обтянутъ...

Вернулись молодые люди совершенно разочарованными. Марья Васильевна, всегда готовая при всякомъ удобномъ случаѣ сказать свое безцеремонное словцо, въ негодованіи воскликнула:

— Экой ты, Петька, нескладный какой... И не влѣзаетъ ничто на тебя!...

Чайковскій въ отвѣтъ уныло развелъ руками, въ доказательство того, что онъ лично ни при чемъ въ этой костюмной невзгодѣ, а Марья Васильевна, для которой желаніе мужа было законъ, видя, что Владимиру Петровичу особенно хотѣлось, чтобы Чайковскій былъ въ маскарадѣ, предложила Петру Ильичу надѣть ея собственный костюмъ, вывезенный ею изъ Парижа, гдѣ онъ былъ артистически исполненъ, по ея рисунку.

— А что это за костюмъ?..—своимъ холоднымъ, безучастнымъ голосомъ освѣдомился Чайковскій.

— Костюмъ вѣдьмы!—отвѣтилъ Владимиръ Петровичъ, мгновенно оживившись.—И что за костюмъ, прямо-таки заглядѣнье!.. Платье все изъ дымчатаго барежа и газа, верхній тюникъ подхваченъ съ одной стороны совой съ зелеными глазами, съ другой—черной кошкой... На голову накинутъ такой же дымчатый капоръ, изъ-подъ котораго выбиваются сѣдые волосы... а самая маска—верхъ совершенства!.. Съ крючковатымъ носомъ, съ густыми сѣдыми бровями, съ клыками крупныхъ желтыхъ зубовъ!.. Этотъ костюмъ составлялъ предметъ гордости исполнившаго его костюмера и положительно могъ бы фигурировать на любой выставкѣ театральныхъ костюмовъ!..

— Да вѣдь это женскій костюмъ,—въ недоумѣніи произнесъ Чайковскій.

— А тебѣ это мѣшаетъ?—огрызнулась на него Марья Васильевна.—Что жъ тебя, нескладнаго, чортомъ, что ли, одѣть?.. Кто жъ виноватъ, что на тебя ничто не лѣзетъ?

— Фанни!—крикнула она такъ громко, какъ она только умѣла кричать.

Въ дверяхъ показался оторопѣлый лакей.

— Ты съ которыхъ поръ Фанни прозываешься?—зыкнула на него Марья Васильевна.—Нѣмку мою позови!

Явилась камеристка, не понимавшая ни слова по-русски, и по приказанію барыни принесла костюмъ вѣдьмы.

Костюмъ дѣйствительно оказался очаровательнымъ и восхитилъ всѣхъ, кромѣ самого Петра Ильича, котораго ничѣмъ въ мірѣ расшевелить было невозможно.

Марья Васильевна указала подробно, какъ и что надо надѣть; Шиловскіе вмѣстѣ съ Чайковскимъ отправились на половину молодыхъ людей, и нѣсколько минутъ спустя Петръ Ильичъ появился среди присутствующихъ и, при громкомъ хохотѣ и всеобщихъ аплодисментахъ, щегольнулъ полнымъ оригинальнымъ и живописнымъ костюмомъ вѣдьмы.

Рѣшено было, что онъ въ этомъ костюмѣ будетъ участвовать въ маскарадѣ артистическаго кружка, и всѣ присутствовавшіе, отъ души любившіе молодого композитора, заранѣе предвкушали удовольствіе видѣть его, всегда молчаливаго и серьезнаго, въ новой незнакомой ему роли переряживающагося и веселящагося человѣка.

Вѣсть объ этомъ живо разнеслась среди близкихъ знакомыхъ, а также и въ театральномъ мірѣ, который интересовался всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ домѣ и въ семьѣ непосредственнаго начальства.

До маскарада оставалось больше недѣли, и въ послѣдующіе дни объ немъ уже толковъ не было. Другіе интересы замѣнили

разговоры о предстоящемъ фестивалѣ и вспомнили объ немъ только наканунѣ самаго бала.

Въ числѣ лицъ, особенно заинтересованныхъ предстоявшимъ баломъ, былъ и самъ Бѣгичевъ, замѣчательная красота котораго привлекала всеобщее вниманіе и собирала вокругъ него цѣлый сонмъ усердныхъ поклонницъ.

Въ рядахъ горячихъ поклонницъ красавца перебывалъ чуть не поголовно весь женскій театральный персоналъ, и въ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ полномъ разгарѣ былъ романъ Бѣгичева съ прелестной артисткой Малаго театра Н. А. Никулиной, одной изъ самыхъ очаровательныхъ женщинъ, когда-либо появлявшихся на театральныхъ подмосткахъ московской сцены.

Серьезнаго романъ этотъ собою ничего не представлялъ, но всѣ объ немъ болѣе или менѣе знали, и покой ревнивой Марьи Васильевны онъ въ достаточной степени нарушалъ.

Но... ревновать Владимира Петровича значило напрасно терять время!..

Увлеченіямъ его не было ни числа, ни мѣры, и непостоянство его было равно его влюбчивости. Подвести точный счетъ всѣмъ его побѣдамъ была задача невозможная, да и самъ онъ не особенно озабочивался этимъ вопросомъ.

Онъ жилъ настоящимъ днемъ и шутливо встрѣчалъ всѣ ревнивыя вспышки жены, пресерьезно увѣряя ее, что на ея мѣстѣ онъ гордился бы, что человѣкъ, ему близкій, такъ неутомимо покоряетъ всѣ сердца. Марья Васильевна этого мнѣнія не раздѣляла, и каждое новое увлеченіе мужа было для нея новымъ источникомъ горя и слезъ. Въ свѣтъ она уже давно не выѣзжала и довольствовалась постоянными пріемами у себя въ домѣ, гдѣ, какъ я уже сказала, ежедневно собиралось очень многочисленное и разнообразное общество. Единственными выѣздами ея были выѣзды въ театръ, гдѣ тоже она появлялась не особенно часто, ограничиваясь тѣмъ, что въ дни бенефисовъ посылала театральнымъ именинникамъ по 100 рублей за ложу, въ которой не всегда даже появлялась. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы она приняла участіе въ затѣвавшемся костюмированномъ балѣ. Владиміръ Петровичъ же собирался ѣхать на него непремѣнно, всегда дѣятельно участвуя во всѣхъ выдающихся собраніяхъ. О новой загорѣвшейся страсти мужа Марья Васильевна знала, и его увлеченіе Никулиной, которой она сама искренно любовалась, было для Бѣгичевой источникомъ многихъ ревнивыхъ вспышекъ.

Время шло, и приближался день костюмированнаго бала.

Наканунѣ этого дня за столомъ у Бѣгичевыхъ много было разговоровъ о предстоящемъ фестивалѣ, и между прочимъ кто-то изъ лицъ, близкихъ къ театру, сообщилъ, что Никулина выбрала себѣ на этотъ вечеръ испанскій костюмъ.

Марья Васильевна недружелюбно отнеслась къ подобному выбору и вскользь замѣтила, что если бы она поѣхала когда-нибудь на костюмированный балъ, то никакъ не иначе, какъ въ домино.

— Во-первыхъ, это балъ, а не маскарадъ,—замѣтилъ Владимиръ Петровичъ, недовольный критическимъ указаніемъ жены:—а, во-вторыхъ, ни у кого нѣтъ домино, подобнаго твоему! Я убѣжденъ, что ежели бы у Надежды Алексѣевны было такое домино, какъ у тебя, то она никакого въ мірѣ костюма готовить не стала бы!

Надо сказать, что въ очень роскошномъ и богатомъ гардеробѣ Марьи Васильевны дѣйствительно было кружевное домино такой роскоши и такого богатства, что его на выставку можно было поставить. Оно все было вытканo цѣликомъ, безъ швовъ, на одной изъ лучшихъ французскихъ кружевныхъ фабрикъ, по образцу домино, принадлежавшаго тогдашней законодательницѣ модъ, французской императрицѣ Евгеніи, и стоило, на наши деньги, около 3,000 рублей.

На этомъ замѣчаніи Бѣгичева разговоръ оборвался и условлено было, что на слѣдующій день Чайковскій, по обыкновенію, пріѣдетъ обѣдать, послѣ обѣда отдохнетъ немножко, затѣмъ надѣнетъ свой костюмъ вѣдьмы и вмѣстѣ съ Бѣгичевымъ и обоими Шиловскими отправится въ артистическій кружокъ.

На слѣдующій день я пріѣхала къ обѣду, и все, что я далѣе разскажу, происходило уже при мнѣ лично.

За столъ сѣли, по обыкновенію, около семи часовъ, въ сборѣ были всѣ обычные посѣтители, за исключеніемъ Чайковскаго, котораго напрасно прождали и послѣ обѣда.

Онъ не пріѣхалъ вовсе.

Въ десять часовъ Шиловскіе и Бѣгичевъ уѣхали, порѣшивъ, что Петръ Ильичъ просто по лѣни увильнулъ отъ маскарада и для того, чтобы не попасть на него, и обѣдать не пріѣхалъ.

Проводивъ мужчинъ, мы остались вчетверомъ: Бѣгичева, двѣ сестры Языковы и я, по причинѣ болѣзни совсѣмъ не выѣзжавшая никуда, кромѣ ложи театра и самаго интимнаго общества.

Поболтали, принялись за обычное лото и порѣшили разойтись на этотъ разъ пораньше. Обыкновенно въ домѣ Бѣгичевыхъ вечеръ оканчивался часовъ въ 6 или въ 7 утра. Марья Васильевна настоятельно стала уговаривать меня остаться у нихъ до возвращенія Бѣгичева, словно предчувствуя, что вечеръ выпадетъ бурный.

Былъ уже двѣнадцатый часъ, когда въ передней раздался звонокъ, и въ залу, гдѣ мы всѣ сидѣли передъ каминомъ, вошелъ П. И. Чайковскій.

Оказалось, что онъ просто-напросто проспалъ и совершенно забылъ о предстоявшемъ маскарадѣ, а когда вспомнилъ, то одѣлся и пріѣхалъ.

Извѣстіе, что всѣ давно уѣхали, нимало его не огорчило. Онъ откровенно сознался, что на этомъ балѣ онъ бы весь вечеръ проскучалъ, и предложилъ сѣсть играть съ нами въ лото, увѣряя, что это несравненно веселѣе костюмированнаго бала артистическаго кружка.

Но Марья Васильевна возстала противъ этого и настоятельно потребовала, чтобы Чайковскій немедленно надѣлъ приготовленный для него костюмъ вѣдьмы и отправился въ кружокъ.

Онъ отнѣкивался, насколько могъ, но наконецъ согласился, Фанни принесла костюмъ, позванъ былъ камердинеръ Володи Шпловскаго, и Чайковскій вмѣстѣ съ нимъ отправился на половину молодыхъ людей.

Прошло полчаса, а Чайковскаго все не было, и на вопросы Марьи Васильевны ей постоянно отвѣчали что Петръ Ильичъ одѣвается.

— Чего это онъ такъ долго?— удивлялась она, но удивленіе это еще увеличилось, когда, послѣ такого долгаго промежутка времени Чайковскій явился въ своемъ обычномъ костюмѣ, съ совершенно растерянным лицомъ и съ цѣлымъ ворохомъ какихъ-то юбокъ и тюниковъ подъ мышкой.

Оказалось, что ни онъ ни камердинеръ положительно не могли осилить премудрости сложнаго женскаго костюма и что опытный и привычный Алексѣй оказался совершенно неумѣлой камеристкой.

— Господи! Что это за безтолочь такая!..—съ комическимъ ужасомъ воскликнула Марья Васильевна.—Вѣдь не я же стану одѣвать тебя, нескладнаго!..

— Да не надо!.. И лучше... Я не поѣду!..—уговаривалъ ее Чайковскій, довольный возможностью подъ какимъ-нибудь предлогомъ избѣгнуть ненавистнаго ему бала.

Но Марья Васильевна такъ легко не отказывалась отъ своихъ фантазій.

Всѣ знали и слышали, что Чайковскій будетъ въ маскарадѣ въ ея парижскомъ костюмѣ, и разъ пущенный слухъ долженъ былъ оправдаться.

— Подай сюда костюмъ!—нетерпѣливо крикнула она и, почти вырвавъ все изъ рукъ оторопѣвшаго Чайковскаго, стала, вещь за вещью, показывать ему, что послѣ чего надѣвается. Онъ апатично смотрѣлъ на всю эту процедуру, и когда Марья Васильевна, по окончаніи всѣхъ своихъ манипуляцій, спросила его, понялъ ли онъ, онъ серьезно и совершенно спокойно отвѣтилъ, что ровно ничего не понялъ.

— Оставь, Марья Васильевна,—успокаивала ее старшая изъ сестеръ Языковыхъ, особенно съ ней дружная.—Ты видишь, что Петръ Ильичъ вовсе не желаетъ въ кружокъ!

— Нѣтъ, вретъ, поѣдетъ!— своимъ притворно-тривіальнымъ тономъ крикнула Марья Васильевна.—Ужъ ежели я говорю, такъ поѣдетъ!

И, обращаясь къ Чайковскому, она сказала:

— Ну, слушай, Петька, вотъ что я сдѣлаю! Я сейчасъ пойду и одѣнусь сама въ этотъ костюмъ и когда я буду одѣта, то Фанни на мнѣ покажетъ дураку Алешкѣ, что послѣ чего надѣвается! Понялъ?..

И, не дожидаясь отвѣта, она вышла, уводя за собой свою Фанни, нагруженную подробностями костюма.

Спустя короткое время, она появилась вновь уже вполнѣ закостюмированная, съ характерной маской старой вѣдьмы на лицѣ. Спеціально сдѣланный по мѣркѣ, опытнымъ и умѣлымъ костюмеромъ, исполненный изъ лучшаго матеріала, костюмъ былъ такъ характеренъ, такъ безукоризненно хорошъ, что мы всѣ ахнули отъ восторга при появленіи Марьи Васильевны съ традиціоннымъ, очень, впрочемъ, элегантнымъ, помеломъ въ рукахъ.

— Теперь понялъ?—спросила она, сбрасывая съ себя маску, и поочередно объясняя присутствовавшему при этомъ камердинеру, что послѣ чего должно надѣваться.

— Такъ точно!..—нетвердо отвѣчалъ онъ.

— Ровно онъ ничего не понялъ,—вмѣшалась въ разговоръ старшая Языкова.—И никогда этотъ костюмъ ни на комъ въ мірѣ не будетъ такъ сидѣть, какъ сидитъ онъ на тебѣ, а потому мой тебѣ совѣтъ не раздѣваться и ѣхать въ немъ въ артистическій кружокъ. Никто тебя тамъ не ждетъ, никто, стало быть, и не узнаетъ, а съ твоимъ умомъ и съ твоей находчивостью ты прямо всю залу заинтригуешь!

Въ первую минуту Марья Васильевна наотрѣзъ отказалась отъ такого, по ея мнѣнію, несообразнаго предложенія, но мы всѣ такъ единодушно принялись уговаривать ее, что подъ конецъ она начала колебаться.

Ее останавливалъ только вопросъ о томъ, въ какомъ костюмѣ поѣдетъ въ такомъ случаѣ Чайковскій.

— Я вовсе не поѣду!..—обрадовался онъ возможности лично не участвовать въ шумномъ собраніи.—Поѣзжайте вы.

— Вотъ глупости! Всѣ знаютъ, что ты собирался.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду домой и фракъ надѣну.

— И опять спать завалишься?..—покачала головой Бѣгичева.

— Ну, ей-Богу же нѣтъ...

— Не ври!.. Ужъ ежели я рѣшусь дѣйствительно поѣхать, то вотъ какъ мы съ тобой сдѣлаемъ. Я останусь въ этомъ костюмѣ, а ты надѣвай мое домино. Моя любая черная юбка съ треномъ тебѣ будетъ въ пору, а домино такъ полно и широко, что оно въ пору всѣмъ въ мірѣ... Дамъ я тебѣ въ руки мой черный вѣеръ, надѣну на тебя не полумаску, а настоящую, сплошную черную маску, и поѣдемъ мы съ тобой на балъ!..

Чайковскій попробовалъ отнѣкиваться, но одинъ противъ всѣхъ онъ былъ безсиленъ устоять, и дѣло остановилось только за черными перчатками, которыхъ на мужскую руку въ домѣ не было.

Магазины были уже давно заперты. Пришлось, съ тѣмъ смѣлымъ упорствомъ, какое Марья Васильевна вкладывала во все то, что она дѣлала, стучаться, заставлять отпирать магазинъ среди ночи, и втридорога платить за самую обыкновенную пару лайковыхъ перчатокъ.

Но всевозможныя тройныя и четверныя платы до такой степени вошли въ обиходъ бѣгичевской жизни, что надъ этимъ вопросомъ никто положительно не задумывался, и въ первомъ часу ночи Петръ Ильичъ вошелъ къ намъ въ залу, торжественно волоча за собой длинный трэнъ дорогого чернаго платья и лѣниво обмахиваясь дорогимъ вѣеромъ изъ черныхъ перьевъ, съ золотой инкрустаціей. Онъ былъ такъ неподражаемо важенъ, такъ неузнаваемъ въ этомъ костюмѣ, что мы встрѣтили его взрывомъ единодушныхъ аплодисментовъ.

Марья Васильевна тоже была очень довольна. И затѣя ея удалась, да и перспектива неожиданной поѣздки на костюмированный балъ, видимо, ей улыбалась.

Мы проводили ихъ, и я осталась, обѣщавъ Марьѣ Васильевнѣ дождаться ея возвращенія.

Мы дружно усѣлись втроемъ вокругъ самовара, который по московскому обычаю почти не сходилъ со стола, велѣли затопить каминъ и принялись ждать разсказовъ о фестивалѣ, такъ какъ Марья Васильевна, уѣзжая, обѣщала вернуться очень скоро.

Но часъ проходилъ за часомъ. Пробило уже три часа, пробило и четыре, а никто не возвращался...

Мы терялись въ догадкахъ.

Наконецъ въ исходѣ пятаго часа раздался сильный, порывистый звонокъ... Вслѣдъ за нимъ послышалось въ передней громкое, мучительное рыданіе, и Марья Васильевна, кутаясь въ накинутый на голову оренбургскій платокъ, поспѣшно прошла, почти пробѣжала въ свою спальню...

За ней, блѣдный, какъ смерть, также быстро пробѣжалъ Владиміръ Петровичъ, но не въ спальню, а въ противоположную сторону, по направленію къ кабинету, двери котораго тутъ же быстро за нимъ захлопнулись.

Мы сидѣли растерянныя, оторопѣлыя, не зная, чѣмъ и какъ объяснить, всю эту неожиданную сцену.

Никому было не до сна, и, несмотря на поздній, или, точнѣе, на ранній, уже утренній часъ, я порѣшила не уѣзжать домой, покуда не узнаю точно и подробно, въ чемъ дѣло...

Только часа полтора спустя, когда всѣ немного успокоились, мы узнали подробности этого тревожнаго вечера.

Дѣло въ томъ, что Марья Васильевна отправилась вмѣстѣ съ Чайковскимъ въ каретѣ и вмѣстѣ же съ нимъ вошла въ залъ собранія.

Всѣ тотчасъ замѣтили оригинальный костюмъ вѣдьмы, и по залу пробѣжалъ одобрительный шопотъ.

Кто-то изъ посвященныхъ въ тайну предполагавшагося переодѣванія сказалъ, что подъ костюмомъ вѣдьмы скрывается П. И. Чайковскій. За нимъ это повторилъ другой, за другимъ третій... и вскорѣ половина зала «знала», кто именно костюмированъ вѣдьмой.

Къ Марьѣ Васильевнѣ подходили, шутливо хлопали ее по плечу, привѣтливо приговаривая:

— Петя!.. Какъ нарядился!..

Она молча отстраняла руку и шла впередъ, зорко всматриваясь въ встрѣчавшіяся ей пары. Ея ревнивый глазъ искалъ мужа и Никулину, но ни тотъ ни другой не попадались ей навстрѣчу.

А Петръ Ильичъ тѣмъ временемъ спокойно и важно расхаживалъ вдоль по всѣмъ заламъ собранія и съ особымъ достоинствомъ обмахивался роскошнымъ вѣеромъ, шурша необъятнымъ шлейфомъ своего дорогого платья.

— Петька, разбойникъ, чего ты такъ опоздалъ?—дергая Марью Васильевну за руку, прокричалъ надъ ея ухомъ адъютантъ Козловъ.

— Петька! пойдемъ шампанское пить!—дергалъ его съ другой стороны молодой Голицынъ.

Марья Васильевна молча отмахивалась и продолжала свою инквизиторскую инспекцію, въ то время какъ Бѣгичевъ въ поэтическомъ уголкѣ одной изъ маленькихъ залъ тихо ворковалъ съ Никулиной...

Между тѣмъ Петра Ильича, въ числѣ прочихъ, встрѣтила комическая артистка Акимова, хорошо знавшая роскошное и дорогое домино Марьи Васильевны, которое дѣйствительно можно было узнать среди сотни маскарадныхъ домино.

Она, наткнувшись на ворковавшую парочку, поспѣшила поставить Владимира Петровича въ извѣстность о сдѣланномъ ею открытіи.

— Владиміръ Петровичъ!.. Вѣдь Марья Васильевна здѣсь?.. Вы не видали?..—сказала она.

Тотъ встрепенулся.

— Что за вздоръ! Съ какой это стати?.. Она никогда ни въ кружокъ, ни въ собраніе не ѣздитъ...

— Ужъ я тамъ не знаю, а только я сама ее видѣла!

— Что жъ она безъ маски, что вы ее тотчасъ узнали?

— Напротивъ, даже не въ полумаскѣ, а въ настоящей большой черной бархатной маскѣ, и я узнала ее по ея кружевному домино. Она и пріѣхала въ одно время съ Чайковскимъ!.. Вѣдь это онъ вѣдьмой наряженъ?..

— Онъ... Онъ!.. Ахъ, разбойникъ!..—воскликнулъ Бѣгичевъ.— Подождите, я его разыщу, и достанется же ему отъ меня!.. И вѣдь выдумаетъ же! Ужъ именно «нескладный», какъ его называетъ моя жена.

И, отправившись подъ руку съ Никулиной на розыски мнимаго Чайковскаго, онъ въ одной изъ залъ издали увидалъ подлиннаго Чайковскаго, одиноко сидящаго на банкеткѣ и мѣрными движеніями вывѣреннаго метронома обмахивающагося своимъ неизмѣннымъ вѣеромъ.

— Вѣрно!.. Вѣрно! .—шепнулъ онъ своей спутницѣ, глазами показывая ей на роскошное кружевное домино.—Вонъ моя благовѣрная сидитъ въ одиночествѣ... непремѣнно меня выслѣживала!.. Ахъ, дуракъ Петька! Хоть бы предупредилъ меня, что продѣлаетъ такую глупость!..

И, стараясь проскользнуть незамѣтнымъ между снующими парами и тщательно укрываясь отъ взоровъ кружевного домино, Бѣгичевъ отправился разыскивать «вѣдьму».

Онъ настигнулъ Марью Васильевну въ ту минуту, когда она, вооружившись картами, измѣненнымъ, пискливымъ голосомъ гадала кому-то.

— Вотъ онъ, разбойникъ!..—воскликнулъ Бѣгичевъ и вмѣстѣ съ красавицей-испанкой съ мнимоугрожающимъ видомъ подошелъ къ женѣ.

Та вздрогнула и. какъ потомъ она въ слезахъ разсказывала, поблѣднѣла подъ своею маской.

— Петька, злодѣй!.. Что это ты надѣлалъ?..—воскликнулъ Бѣгичевъ, тяжело опуская руку на плечо Марьи Васильевны.— Зачѣмъ это ты старую дуру мою сюда съ собой притащилъ?..

Марья Васильевна молчала, какъ убитая, стараясь удержать рыданія.

— Да чего ты молчишь-то, разбойникъ? — не унимался Бѣгичевъ.—Что ты воды, что ли, въ ротъ набралъ?.. Я тебя толкомъ спрашиваю, что тебѣ вздумалось мою супругу съ собой сюда привезти?.. Это, братъ, такой сюрпризъ, какого я тебѣ вѣкъ не прощу!.. А еще другомъ считаешься!..

Никулина безцеремонно хохотала и нѣтъ-нѣтъ да и вставляла свое словцо.

Несчастная Марья Васильевна слегка оттолкнула рукой мужа и пошла въ другую сторону.

— Еще толкается, разбойникъ!..—крикнулъ ему вслѣдъ Бѣгичевъ.—Покажись только ты ко мнѣ завтра... Я тебѣ это припомню!..

Но послѣднихъ словъ несчастная женщина уже не слыхала...

Она, по возможности овладѣвъ собой, прошла въ большой залъ и, пользуясь моментомъ антракта, принялась всѣмъ гадать и всѣхъ интриговать съ такой находчивостью и съ такимъ остроуміемъ, какихъ въ Чайковскомъ никто никогда и не подозрѣвалъ

Черезъ четверть часа таинственная вѣдьма уже была окружена цѣлымъ сонмомъ заинтригованныхъ ею адептовъ.

Бѣгичевъ, вновь уединившись съ плѣнительной испанкой, ничего не зналъ и не слыхалъ, и, вѣроятно, совершенно забылъ бы объ этомъ инцидентѣ, ежели бы не Н. Г. Рубинштейнъ, который, подойдя къ нему, замѣтилъ:

— Скажите мнѣ, что сдѣлалось съ Чайковскимъ?.. Онъ въ полчаса наговорилъ въ большомъ залѣ столько всего, сколько онъ, вѣроятно, во всю жизнь свою не наболталъ!.. Всѣмъ гадаетъ... предсказываетъ!.. Да вѣдь какъ остроумно! Я прямо не узнаю его...

— Маскарадное наитіе!—разсмѣялся Бѣгичевъ.

— Нѣтъ, воля ваша, тутъ что-то неспроста!.. — продолжалъ Рубинштейнъ.

— Что жъ, заколдовалъ его кто-нибудь?.. Вотъ прекрасный сюжетъ для водевиля «Заколдованная вѣдьма»!.. Кстати, а жену мою ты не видалъ?—освѣдомился Бѣгичевъ.

— Нѣтъ, видѣлъ, но только издали, я не подошелъ къ ней. Она что-то сердита... Все молча сидитъ и вѣеромъ обмахивается...

— Вотъ нашла занятіе! Стоило за этимъ въ маскарадъ пріѣзжать!..

— Да она вовсе не за этимъ, а затѣмъ, чтобы за нами слѣдить!—разсмѣялась Никулина.

— Ты что же, къ ней вовсе не подойдешь? — спросилъ Рубинштейнъ.

— Подойду, коли увижу, да и то для того только, чтобы уговорить ее домой вернуться. Да гдѣ она?

— Вонъ... Вонъ она идетъ!..—указалъ Рубинштейнъ.—Подожди... вотъ опять сѣла... вѣеромъ опять обмахиваться стала!..

— Подождите меня здѣсь,—тихо произнесъ Бѣгичевъ, передавая свою даму Рубинштейну и направляясь въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Чайковскій съ своимъ неизмѣннымъ вѣеромъ.

— Марья Васильевна!..—произнесъ Бѣгичевъ, опускаясь на стулъ рядомъ съ Чайковскимъ.—Что это тебѣ вздумалось въ маскарадъ пріѣхать?..

Чайковскій молча отмахнулся отъ него вѣеромъ.

— Что жъ, ты мнѣ даже отвѣчать не хочешь?—спросилъ Бѣгичевъ.—Поѣзжай домой!.. Ежели хочешь, и я съ тобой поѣду... Надоѣло здѣсь сидѣть... скучно!.. Ходишь, ходишь, какъ маятникъ, изъ угла въ уголъ... Одурь беретъ!..

Чайковскій продолжалъ упорно молчать.

Бѣгичевъ начиналъ выходить изъ терпѣнія.

— Да что же ты молчишь? Сердиться на меня, кажется, не за что... Во-первыхъ, ты хорошо понимаешь, что я по обязанности службы пріѣхалъ сюда, а, во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ, оставьте вы меня въ покоѣ, Владимиръ Петровичъ!..—перебилъ его Чайковскій своимъ лѣнивымъ, тягучимъ

голосомъ.—Я вовсе не Марья Васильевна, а Петръ Ильичъ!.. Неужели меня такъ трудно узнать?

Бѣгичевъ оторопѣлъ...

— Какъ... Петръ... Ильичъ!.. Что такое?.. Я ровно ничего не понимаю!..

— Что жъ тутъ такого мудренаго?.. Марья Васильевна падѣла на меня свое домино и дала мнѣ въ руки свой вѣеръ!.. Я вотъ и сижу... И скука, я вамъ скажу, такая, что я ужъ раза два чуть не заснулъ!..

— Какъ... Марья Васильевна.. на тебя... домино надѣла?.. А въ костюмѣ вѣдьмы-то кто же?!.

— Въ костюмѣ вѣдьмы она сама!..—своимъ невозмутимо спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ Чайковскій, не подозрѣвая, какой ударъ онъ наноситъ Бѣгичеву этимъ сообщеніемъ.

Бѣгичевъ вскочилъ съ мѣста блѣдный, какъ смерть...

— Какъ... сама!—еле могъ выговорить онъ.—Да понимаешь ли ты, что ты надѣлалъ?!

— Нѣтъ, не понимаю... Ровно ничего я не надѣлалъ...—пожалъ плечами Чайковскій.—На меня надѣли домино и привезли меня сюда... Я пріѣхалъ... Мнѣ велѣли ходить съ вѣеромъ въ рукахъ—я ходилъ.. и до того соскучился, что больше этой скуки выдерживать не въ силахъ, и сейчасъ пойду, разыщу Марью Васильевну, чтобы она меня избавила отъ всей этой одуряющей путаницы!..

Но Бѣгичевъ уже не слушалъ его.

Онъ почти бѣгомъ пробѣжалъ въ залу и, на ходу шепнувъ Рубинштейну, чтобы онъ проводилъ домой Никулину, самъ пробрался сквозь густую толпу къ окруженной слушателями находчивой вѣдьмѣ, сумѣвшей всѣхъ заинтриговать своими остроумными предсказаніями.

Она увидала его и хотя умѣло измѣненнымъ, но, очевидно, дрогнувшимъ голосомъ спросила:

— Что? И тебѣ не погадать ли, красавецъ?.. Не разсказать ли тебѣ горькой тайны, какъ честные мужья обманутыхъ женъ умуразуму учатъ?.. Не повѣдать ли тебѣ, какъ иной разъ и вѣдьмы старыя въ своихъ заколдованныхъ пещерахъ горькими людскими слезами плачутъ?..

Въ голосѣ таинственной маски дрогнули настоящія, непритворныя слезы...

Заинтригованная толпа обернулась въ сторону Бѣгичева.

Онъ, весь блѣдный, могъ только взволнованнымъ голосомъ произвести:

— Поѣдемъ!..

И чуть не силой взялъ подъ руку жену.

Уѣхали они изъ маскарада вмѣстѣ...

Какое объясненіе произошло въ каретѣ и произошло ли какое-нибудь объясненіе, я сказать не могу.

Знаю только, что въ эту ночь никто въ домѣ Бѣгичевыхъ не ложился...

Марья Васильевна горько рыдала, запершись въ своей спальнѣ, куда не впустила никого изъ насъ...

Владиміръ Петровичъ, блѣдный и взволнованный, до утра пробѣгалъ по залу, то заочно браня жену, то изливая гнѣвъ свой на ни въ чемъ неповиннаго Чайковскаго, то поочередно упрекая всѣхъ насъ, повинныхъ въ этомъ дѣлѣ еще менѣе, нежели случайный герой всей этой эпопеи П. И. Чайковскій, который долго не могъ забыть этого водевильнаго qui pro quo, съ такимъ, чуть не трагическимъ финаломъ!

А. И. Соколова.

РОССІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

НѢМЦЫ сосчитали, что въ одномъ 1907 году въ Берлинѣ жило семьдесятъ тысячъ русскихъ, причемъ эта цифра превышаетъ число всѣхъ иностранцевъ, выходцевъ изъ другихъ странъ, посѣтившихъ въ томъ же году столицу Германіи. Конечно, изъ этихъ семидесяти тысячъ не одна приходится на долю пріѣзжихъ, останавливавшихся въ Берлинѣ мимоходомъ на двое-трое сутокъ, но и за ихъ исключеніемъ остапется много нашихъ соотечественниковъ, избравшихъ почему-либо Берлинъ мѣстомъ своего продолжительнаго пребыванія. И другіе города Германіи: Мюнхенъ, Дрезденъ, Гейдельбергъ, Штуттартъ въ рядахъ своихъ иностранныхъ колоній больше всего насчитываютъ выходцевъ изъ Россіи. При такихъ условіяхъ неудивительно, что, и переѣхавъ Эйдкуненъ и вступивъ во владѣнія Kaiser'a, чуть ли не на каждомъ шагу все-таки слышишь русскую рѣчь и натыкаешься на лицъ, всѣмъ своимъ обликомъ напоминающихъ слишкомъ ясно наши русскіе нравы.

Первую группу, на которую я въ эту поѣздку наткнулся на Штеттинскомъ вокзалѣ въ Берлинѣ, составлялъ грузный, сырой блондинъ въ парусиновой тройкѣ и теплыхъ калошахъ, окруженный цѣлымъ выводкомъ подростковъ въ русскихъ рубашечкахъ. Они сидѣли на грудахъ чемодановъ, подушекъ и одѣялъ, привле-

кавшихъ на себя удивленные взоры нѣмцевъ, не привыкшихъ къ такому обилію ручного багажа. Господинъ, видимо, волновался и, не зная, что дѣлать, вопилъ:

— Носильщикъ, Beamter, Träger, чортъ, какъ васъ тамъ... Teufel! Kommen sie her, да куда вы провалились, черти!!!

Носильщики стояли въ ожиданіи и, сохраняя невозмутимость каріатидъ, не желали прійти на помощь нашему многосемейному соотечественнику, пустившемуся въ заграничное странствованіе, видимо, въ увѣренности, что и тамъ царятъ тѣ же порядки, что и у насъ гдѣ-нибудь на Рязанско-Уральской дорогѣ.

У самаго моста на Фридрихштрассе бросается въ глаза громадная вывѣска русскими буквами: «Отель Москва: говорятъ по-русски». И вообще, двигаясь по этой, чуть ли не самой оживленной улицѣ Берлина, на каждомъ шагу или слышишь русскую рѣчь, или читаешь на вывѣскахъ любезное предупрежденіе: «говорятъ по-русски» (нерѣдко: по-русску). На углу «Унтеръ деръ Линденъ» находится знаменитое кафе Бауеръ, особенно пришедшееся по вкусу русскимъ, и туда нельзя зайти безъ того, чтобы не встрѣтить двухъ-трехъ знакомыхъ. Дальше, вблизи той же самой Фридрихштрассе, находится громадный ресторанъ Кемпинскаго, гдѣ уже швейцаръ, безошибочно опредѣляя національность каждаго гостя, привѣтствуетъ васъ на языкѣ, который долженъ сойти за русскій. Внутри ресторана чувствуешь себя уже совсѣмъ словно на Морской или Вознесенскомъ проспектѣ: и русскія лица, и русская рѣчь, и русская манера за столомъ вести разговоры «по душѣ» на самыя сокровенныя темы. И Кемпинскій знаетъ свою публику. Недаромъ каждый день въ свое меню онъ включаетъ: Borscht, помидоровый супъ съ чрезмѣрной прибавкой уксуса, своимъ вкусомъ гораздо больше напоминающій историческую похлебку спартанцевъ, чѣмъ нашъ жирный, благоуханный борщъ. Навѣрно, въ «Маломъ Ярославцѣ» или у Тѣстова никто не съѣлъ бы больше одной ложки этой бурды, но на чужбинѣ иные готовы съ восторгомъ привѣтствовать и эту имитацію русской кухни. Но, въ сущности, съ такими имитаціями Россіи приходится имѣть дѣло постоянно въ Берлинѣ. Развѣ не имитація Россіи—докторъ Херувимчикъ изъ Москвы, будто бы десять лѣтъ состоявшій Ober assistent des berühmten Prof. D-r Sachariin! Или «Миша Конечный, первый въ Россіи виртуозъ на гитарѣ», подвизающійся теперь въ кафе-опера подъ Липами со своимъ оркестромъ гитаристовъ въ «самыхъ русскихъ» костюмахъ, но едва ли имѣющихъ право жить внѣ черты осѣдлости. А русскій будто бы журналистъ и корреспондентъ всѣхъ главныхъ газетъ Россіи Серафимъ Нухесъ, который на своей визитной карточкѣ обѣщаетъ давать лучшіе совѣты, какъ путешествовать въ Германіи, развѣ это лучше поддѣльнаго борща у Кемпинскаго представляетъ настоящую Россію и не является ея незаконной имитаціей?

Вся бѣда въ томъ, что было время, и не особенно далекое, когда нѣмцы не научились понимать, что это все имитація, и по такой поддѣльной Россіи судили о настоящей. Теперь, кажется, эта пора миновала.

II.

Всѣ русскіе, пускающіеся въ заграничный вояжъ черезъ Вержболово, считаютъ своимъ долгомъ хоть день пробыть въ Берлинѣ, хотя бы конечная цѣль ихъ путешествія лежала въ Парижѣ, Италіи или Англіи. Такимъ образомъ, для громаднаго большинства русскихъ путешественниковъ Берлинъ первый городъ, гдѣ они сталкиваются съ заграницей. Берлинцы это обстоятельство учли великолѣпно и на немъ строятъ по преимуществу всю свою торговлю. Они прекрасно знаютъ, что чаще всего къ нимъ попадаетъ иностранецъ, совсѣмъ неопытный въ особенностяхъ нѣмецкой жизни, и что его можно на первыхъ порахъ его путешествія плѣнить рѣшительно всѣмъ, что только не похоже на наши порядки и товары. Слѣдя за нашими соотечественниками по берлинскимъ магазинамъ, только и слышишь удивленные возгласы на родномъ языкѣ: «Ахъ, какъ мило», «ахъ, какъ оригинально», «какъ дешево», «развѣ у насъ есть что-нибудь подобное?» И вотъ послѣдствіемъ этихъ восторговъ является груда накупленныхъ въ каждомъ магазинѣ вещей, изъ которыхъ добрая половина вовсе не нужна. Только вернувшись къ себѣ въ номеръ и разворачивая накупленные свертки, нашъ соотечественникъ приходитъ къ сознанію, что накупилъ $^{9}/_{10}$ вещей совершенно ему не нужныхъ. «Ну, пригодится на подарки роднымъ: нельзя же вернуться съ пустыми руками», утѣшаетъ онъ себя. Но что гораздо хуже, внимательно разсматривая покупки у себя въ номерѣ, онъ убѣждается, что тѣ самыя вещи, которыя въ блестящемъ магазинѣ, среди красивыхъ группъ роскошныхъ витринъ казались ему столь плѣнительными, особенно когда рядомъ стояла, какъ самый опытный змѣй-искуситель, ловкая продавщица, вкрадчивымъ голосомъ убѣждавшая въ такихъ удивительныхъ достоинствахъ предмета,—на дѣлѣ оказываются самыми заурядными вещами, которыхъ можно достать сколько угодно и, пожалуй, за ту же цѣну у насъ дома, у Александра въ Петербургѣ, или у Мерилиза въ Москвѣ. Но дома человѣку нѣтъ времени часами простаивать у каждой витрины, да нѣтъ тамъ и такихъ ловкихъ продавщицъ, краснорѣчіе которыхъ, и подчасъ только оно одно, способно всякій хламъ превратить въ «перлъ созданія». Къ тому же, въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы ѣдемъ на Западъ, втолковавъ себѣ, что тамъ все иначе и лучше, чѣмъ у насъ дома, начиная съ государственнаго строя и кончая запонками для рубашекъ. Потомъ приходится жестоко въ этомъ разочаровываться.

Какъ бы тамъ ни было, но дѣло сдѣлано. Накуплена масса ненужныхъ вещей сомнительнаго достоинства. Дань, и подчасъ очень значительная, берлинской торговлѣ уплачена и теперь придется ради нихъ покупать новый саквояжъ и нанимать лишняго носильщика на каждой станціи. Но самое худшее еще впереди. Пріѣхавъ въ слѣдующій же нѣмецкій городъ, Дрезденъ, Кельнъ, Франкфуртъ или удивительно идущій за послѣдніе годы въ гору Ганноверъ, нашъ соотечественникъ долженъ послѣ первой же прогулки по улицамъ убѣдиться, что тѣ же самыя вещи, на которыя онъ такъ накинулся въ Берлинѣ, здѣсь можно достать и оригинальнѣе, и лучше, и всегда дешевле. Только теперь приходитъ онъ къ запоздалому выводу, что если даже ему нужны были вещи нѣмецкаго производства, то покупать ихъ надо было не въ Берлинѣ, а въ центрѣ Германіи, гдѣ нѣмецъ дѣлаетъ вещи для себя, а не для неопытнаго иностранца. Теперь только пойметъ онъ, почему въ берлинскихъ магазинахъ гораздо больше иностранцевъ-покупателей, чѣмъ нѣмцевъ: самъ нѣмецъ только изъ нужды будетъ покупать хотя бы посуду въ Берлинѣ, а не въ Дрезденѣ или Мейссенѣ, или обувь и одежду не во Франкфуртѣ.

Если онъ станетъ допытываться хотя бы въ Дрезденѣ, почему ту же самую вещь въ Берлинѣ онъ купилъ гораздо худшаго сорта, онъ получитъ совершенно справедливый отвѣтъ: «да въ Берлинѣ это были вещи не нѣмецкаго, а варшавскаго производства. Тамъ $^3/_4$ магазиновъ держатъ теперь поляки или евреи». Такимъ образомъ подъ видомъ соблазнительной заграничной диковины куплена вещь, незадолго до покупателя переѣхавшая ту же самую границу.

Есть особые сорта товаровъ, которые въ нѣмецкихъ магазинахъ держатъ только для иностранцевъ. Таковы, напримѣръ, кошельки изъ желтой кожи съ германскимъ государственнымъ орломъ. Рѣдко кто безъ нихъ возвращается въ Россію изъ Германіи, а у коренныхъ нѣмцевъ ихъ совсѣмъ не видать.

— Они очень неудобны по фасону, мелочь изъ нихъ вываливается постоянно,—объяснили мнѣ причину этого явленія.—Къ тому же ихъ дѣлаютъ только изъ русской кожи, а она у насъ гораздо дороже, чѣмъ у васъ на мѣстѣ, и мы предпочитаемъ сорта подешевле.

Такимъ образомъ, за нашу кожу мы платимъ дань нѣмецкой таможнѣ, а за гербъ на обратномъ пути—русской.

Исторія съ этими кошельками очень напоминаетъ судьбу пьесъ Горькаго, Чехова и за послѣднее время Чирикова. Въ Берлинѣ есть спеціальный драматическій театръ, гдѣ уже который годъ идутъ только пьесы этихъ русскихъ драматурговъ въ нѣмецкомъ, конечно, переводѣ. Наши сторонники этихъ драматурговъ постоянно ссылаются на это въ доказательство того будто бы колоссальнаго успѣха, которымъ пользуются эти драматурги на просвѣ-

щенномъ Западѣ. Съ перваго взгляда такъ оно и выходитъ, но даже одного посѣщенія этого театра достаточно для того, чтобы убѣдиться въ несправедливости такого вывода. На $^{9}/_{10}$ посѣтители этого театра не нѣмцы, а наши же соотечественники, считающіе своимъ долгомъ непремѣнно побывать во время своей остановки въ Берлинѣ на представленіяхъ русскихъ пьесъ.

Чѣмъ это стремленіе объясняется? Громадному большинству пьесы эти уже знакомы по исполненію русскими артистами. Берлинскіе актеры нисколько не выше по своимъ талантамъ нашей средней провинціальной труппы и ни въ какое серьезное сравненіе съ актерами солидныхъ столичныхъ сценъ итти не могутъ, да, кромѣ того, несомнѣнно, что самый заурядный русскій актеръ русскую пьесу сыграетъ и ярче и лучше своего болѣе даровитаго товарища по искусству изъ нѣмцевъ: она ему ближе, понятнѣе, говоритъ не только его уму, но и сердцу.

Теперь столь модная въ нашихъ театрахъ обстановка тоже прельщать здѣсь не можетъ, потому что недостаточное знакомство съ русской жизнью сплошь да рядомъ приводитъ къ смѣхотворнымъ курьезамъ. Стало быть, эстетическими соображеніями никакъ нельзя объяснять стремленіе нашихъ путешественниковъ посмотрѣть пьесу Чирикова въ нѣмецкомъ исполненіи. Другіе берлинскіе театры, ставящіе нѣмецкія пьесы, въ этомъ отношеніи представляютъ неизмѣримо большій интересъ. Однихъ привлекаетъ смутная надежда, что въ Берлинѣ, вдали отъ нашей цензуры, они увидятъ эти пьесы съ особенно интересными и пикантными подробностями. Конечно, этимъ надеждамъ не суждено сбываться, потому что ничего важнаго и пикантнаго цензура и не думала вычеркивать. Стало быть, нечего и возстановлять. Если въ этихъ спектакляхъ и есть какая-нибудь пикантность, то весьма сомнительнаго сорта и сводится къ тому, что какой-нибудь актеръ совершенно зря загримируется однимъ изъ нашихъ министровъ. Зато кто побывалъ на такихъ спектакляхъ, тотъ потомъ, вернувшись въ Россію, при желаніи можетъ разрушить всякій театральный успѣхъ эффектнымъ замѣчаніемъ: «Ну, это что! А вотъ когда мы съ женой смотрѣли въ Берлинѣ «На днѣ»... и дальше идетъ зарядъ самаго беззастѣнчиваго вранья. Долженъ, однако, оговориться: «На днѣ» пересмотрѣла дѣйствительно вся нѣмецкая Германія. Но это любопытство ничего общаго съ театральнымъ интересомъ не имѣетъ. Въ ту пору у насъ «грозно выступалъ сознательный пролетаріатъ». Нѣмцамъ было любопытно хоть черезъ театральную рампу взглянуть на то, что дѣлается у ихъ сосѣдей, благо газеты ихъ убѣждали, что обитатели горьковской ночлежки и есть та самая «молодая Россія», съ которой имъ скоро придется имѣть дѣло въ области международной политики. Но умные нѣмцы очень скоро поняли что пророчествамъ лѣвыхъ газетъ очень да-

леко даже до сходства съ правдой, и перестали ходить на представленія «На днѣ». Болѣе серьезные русскіе ходятъ въ Берлинѣ на эти спектакли просто ради курьеза, точно такъ же, какъ охотно посѣщаютъ тѣ благотворительные спектакли, гдѣ В. Н. Давыдовъ и Варламовъ появляются въ балетныхъ костюмахъ. Однимъ словомъ, частыя постановки русскихъ пьесъ въ Берлинѣ не должны наполнять патріотической гордостью сердца нашихъ театраловъ.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ гастролями петербургскаго балета весной 1909 года. Имъ восторгались, и совершенно искренне, берлинскіе нѣмцы отъ мала до велика. Для нихъ теперь Анна Павлова—одно изъ самыхъ крупныхъ и дорогихъ артистическихъ именъ. Ея тріумфы совпали совсѣмъ случайно съ уходомъ со сцены послѣ двадцатипятилѣтняго успѣха прославленной берлинской балерины Антуанетты Дельэры, изъ-за которой въ былые годы вели такую жестокую войну наши балетоманы, расколовшіеся изъ-за нея на враждебные лагери на берегахъ Невы. Какъ ни велико вліяніе Дельэры чрезъ ея финансовыхъ друзей на берлинскую прессу, рецензенты среди тучъ ѳиміама по адресу уходившей звѣзды балета осторожно, но настойчиво проводили мысль, что, пожалуй, уходъ Дельэры и своевременъ, коль скоро на балетномъ горизонтѣ появились такія художницы новаго стиля, какъ die russische Extratänzerin Anna Pawloff. Съ не меньшимъ восторгомъ и открытой завистью воспѣвали они и букетъ красавицъ изъ нашего кордебалета, окружавшій г-жу Павлову. Но вѣдь балетъ—учрежденіе международное и онъ понятнѣе всякаго эсперанто или волапюка всему міру; къ тому же нашъ петербургскій балетъ, какъ это давно уже признано и въ Парижѣ и въ Лондонѣ, не имѣетъ себѣ соперниковъ въ Европѣ, что сказать про пьесы, напримѣръ, господина Чирикова едва ли возможно.

III.

Много русскихъ ѣдетъ въ Берлинъ лечиться, и дѣлаетъ это совершенно напрасно. Въ былые годы ихъ привлекала слава такихъ именъ, какъ хирургъ Бергманъ, и такихъ учрежденій, какъ берлинская больница Шарите. Но теперь знаменитые врачи: Бергманъ, Вирховъ, поумирали, а ихъ замѣстители далеко не замѣнили ихъ; въ то же самое время у насъ въ Россіи появились такіе дворцы, какъ московскія клиники или оттовскій гинекологическій институтъ въ Петербургѣ: ни одно учрежденіе Берлина съ ними тягаться не можетъ. Къ этому надо прибавить и особенно важныя въ этомъ случаѣ нравственныя особенности русскихъ врачей. Германія, какъ и вообще Западная Европа, не знаетъ такихъ врачей-гуманистовъ, истинныхъ друзей человѣчества, какъ наши Боткинъ

или Манассеинъ. Для нѣмецкаго врача больной въ лучшемъ случаѣ—интересный въ научномъ отношеніи казусъ, въ худшемъ же, и, къ прискорбію, далеко не рѣдкомъ—просто вѣрный источникъ наживы. Алчность и безцеремонность нѣмецкихъ врачей чрезвычайны и, только побывавъ у нихъ въ передѣлкѣ, начинаешь по достоинству цѣнить нашихъ докторовъ и гордиться ими. Надо еще принять въ расчетъ, какъ важно, чтобы врачъ понялъ вполнѣ объясненія больного, а много ли русскихъ можетъ на нѣмецкомъ языкѣ такъ же подробно, какъ на родномъ, объяснить и описать свой недугъ? Вѣдь въ большинствѣ случаевъ болѣзненныя ощущенія и признаки такъ смутны, что ихъ и по-русски-то съ трудомъ изложишь, какъ слѣдуетъ. Правда, въ Берлинѣ къ услугамъ русскихъ больныхъ цѣлая армія будто бы русскихъ врачей, спеціально сопровождающихъ нашихъ недугующихъ соотечественниковъ къ знаменитостямъ берлинскаго медицинскаго міра. Но какъ разъ этой весной въ Берлинѣ разыгрался скандальный процессъ, который долженъ служить предупрежденіемъ для тѣхъ, кто впредь пожелалъ бы воспользоваться услугами этихъ медицинскихъ маклеровъ. Оказалось, что многіе берлинскіе профессора-медики держатъ при себѣ этихъ посредниковъ, изъ числа будто бы русскихъ врачей, на благовидномъ званіи переводчиковъ для русскихъ паціентовъ. На самомъ дѣлѣ они платятъ имъ опредѣленный, чуть ли не нотаріально установленный процентъ съ того гонорара, который они сами получаютъ съ русскаго паціента. Понятно, что при такомъ условіи васъ потащатъ къ знаменитости даже изъ-за такой пустой болѣзни, отъ которой васъ прекрасно могъ бы избавить или любой врачъ, или даже просто само время. Затѣмъ число обязательныхъ визитовъ неимовѣрно увеличивается и, когда вы спрашиваете у этого «русскаго» врача, сколько надо платить медицинскому Юпитеру, вамъ указываютъ такую цифру, надъ фантастичностью которой только расхохотался бы всякій нѣмецъ. Сами знаменитости между собой учредили родъ медицинскаго треста и, если, напримѣръ, больная дама обратится къ гинекологу, тотъ скажетъ, что ему для точности діагноза нужно знать мнѣніе спеціалиста по хирургіи. Тотъ подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ посылаетъ къ терапевту, отъ котораго надо итти къ невропатологу, и, только совершивъ этотъ обходъ, вы попадаете опять къ гинекологу и получаете отъ него отвѣтъ, который тотъ могъ бы прекрасно дать и единолично; но тогда ничего съ васъ не содрали бы его коллеги, которые теперь, въ свою очередь, къ нему изъ благодарности посылаютъ своихъ больныхъ. Берлинцы разсказываютъ, какъ такой медицинскій трестъ при усердномъ содѣйствіи господъ посредниковъ устроилъ безвредную, но и совсѣмъ ненужную операцію русскому богачу, съ котораго иначе нельзя было бы содрать тысячу марокъ.

Такой же самой участи подвергаются и американцы , и румыны, и венгерцы, конечно, изъ богатыхъ, но намъ отъ этого не легче. Поэтому всякій хорошо знакомый съ тайнами медицинскаго Берлина долженъ совѣтовать нашимъ соотечественникамъ лечиться у себя дома, а ужъ, если случилась такая бѣда и болѣзнь застигла въ пути, то выбирать себѣ доктора и больницу по совѣту не маргариновыхъ русскихъ врачей съ Фридрихштрассе, а настоящихъ благодѣтелей нашихъ путниковъ. Къ счастью, въ Берлинѣ такого мы имѣемъ въ лицѣ маститаго отца Мальцева, пастоятеля нашей посольской церкви и руководителя русской колоніи, созданной его же трудами и дѣятельною любовью къ родинѣ. Но его великое дѣло уже описано на страницахъ русской прессы, почему здѣсь можно ограничиться только совѣтомъ во всѣхъ трудныхъ минутахъ заграничной жизни обращаться прежде всего къ этому достойнѣйшему пастырю. Всякому его совѣту и указанію можно довѣрять безусловно.

IV.

Ежегодно много русскихъ направляется въ Германію для того, чтобы учиться тамъ въ университетахъ и спеціальныхъ школахъ. Злѣсь надо различать два сорта путешественниковъ съ ученой цѣлью. Одни ѣдутъ по окончаніи спеціальнаго образованія для усовершенствованія. Въ большинствѣ случаевъ это кандидаты на университетскія каѳедры. Часто ѣздятъ въ Германію и профессора съ уже установившимся ученымъ именемъ и положеніемъ для того, чтобы не отстать отъ современнаго движенія науки и поддержать личныя сношенія съ иностранными учеными. Въ большинствѣ случаевъ ихъ ожидаетъ самая любезная встрѣча, особенно если у гостя есть труды на иностранныхъ языкахъ.

Кто достаточно подготовленъ къ серьезной ученой работѣ, тому заниматься за границей одно наслажденье. Богатѣйшія библіотеки, музеи, содержимые съ рѣдкой аккуратностью, удобство обстановки, отсутствіе докучливыхъ формальностей и предупредительность служащихъ, все это въ высшей степени облегчаетъ трудъ. Нѣкоторые иностранные ученые доводятъ свою любезность до чрезвычайности. Такъ, когда лѣтъ шесть тому назадъ я жилъ въ Геттингенѣ, со мной въ одномъ пансіонѣ обиталъ молодой грекъ, приватъ-доцентъ аѳинскаго университета, занятый обработкой диссертаціи по одному отдѣлу юриспруденціи. Онъ работалъ у знаменитаго юриста Планка, слѣпого старика, котораго на лекціи приводилъ лакей. И вотъ еженедѣльно мой сосѣдъ ходилъ по вечерамъ къ Планку и читалъ ему свою рукопись, возвращаясь постоянно съ массой приписокъ и поправокъ на поляхъ рукописи: все это продиктовывалъ ему Планкъ. Не думаю, чтобы среди па-

шихъ профессоровъ нашлось много охотниковъ тратить столько труда и вниманія на чужую работу. Юристы, работавшіе въ берлинскомъ университетѣ, то же самое разсказываютъ про старика Перписа. Но надо оговориться, что, во-первыхъ, это правило не безъ исключенія, а, во-вторыхъ, такую любезность обнаруживаютъ по большей части старики. Молодые нѣмецкіе профессора куда прижимистѣе и дальше внѣшней корректности не идутъ. Оно и понятно: чѣмъ у кого меньше собственный запасъ, тѣмъ скупѣе онъ имъ дѣлится.

Зато слушать лекціи въ заграничныхъ университетахъ человѣку, кончившему русскій, положительно не стоитъ. Дѣло въ томъ, что наши профессора гораздо добросовѣстнѣе готовятся къ лекціямъ, часто даже въ ущербъ самостоятельной научной работѣ. У нѣмецкаго профессора на первомъ планѣ всегда личное творчество въ области научной литературы, и репутацію ему составляютъ не лекціи, а ученые труды. У насъ, наоборотъ, много профессоровъ столько времени тратятъ на обработку лекцій, что на публикацію не только книгъ, но даже статей имъ не хватаетъ времени.

Поэтому лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ носятъ въ большинствѣ случаевъ поверхностный характеръ и отличаются чрезмѣрной краткостью. И учатся нѣмецкіе студенты по книгамъ, а вовсе не по лекціямъ, которыя посѣщаютъ по большей части только ради формальности, чтобы не обидѣть пустотой аудиторіи славнаго ученаго. Иное дѣло такъ называемые спеціальные курсы. На нихъ профессора по большей части излагаютъ результаты своихъ еще не опубликованныхъ трудовъ, и они представляютъ громадный интересъ. Но понять ихъ можетъ только человѣкъ съ большой подготовкой. Поэтому, на мой взглядъ, великую ошибку совершаютъ тѣ родители, которые посылаютъ своихъ сыновей по окончаніи нашей средней школы заканчивать свое образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ. За послѣднее время изъ-за безобразій нашихъ забастовокъ эти посылки стали чаще повторяться, но хорошаго въ нихъ мало.

Во-первыхъ, нашему юношѣ, попавшему прямо изъ гимназіи въ нѣмецкій университетъ, страшно вредитъ разница подготовки. На практическихъ занятіяхъ, гдѣ нужно не только слушать, но и самому участвовать въ общей работѣ, онъ отстанетъ отъ товарищей не только потому, что на чужомъ языкѣ трудно объясняться: не хватаетъ знаній. И это послѣ перваго же опыта сразу поставитъ юношу въ неловкое положеніе и передъ товарищами и передъ профессоромъ, а возстановлять потомъ свою репутацію ужъ трудно.

Затѣмъ русскій юноша все время будетъ чувствовать себя одинокимъ. Нѣмецъ этого не знаетъ. При краткости нѣмецкихъ разстояній каждый юноша тамъ можетъ нѣсколько разъ въ году навѣстить семью и въ ней отогрѣть свою душу. Но и въ универси-

тетскомъ городѣ, если даже у него и нѣтъ тамъ родныхъ, у него есть своя семья: корпорація. Худо ли, хорошо ли ея вліяніе, но все-таки это свой уголъ, гдѣ юноша не чувствуетъ себя одинокимъ и никому не нужнымъ. Въ этомъ единеніи, быть можетъ, главная нравственная сила нѣмецкаго университетскаго воспитанія. Я вовсе не думаю здѣсь восхвалять дуэли, баснословныя попойки, издѣвательства надъ «фуксами» и другія мерзости нѣмецкихъ корпорацій. Слава Богу, что ихъ у насъ нѣтъ. Но въ нихъ есть и свое хорошее: онѣ своей дисциплиной развиваютъ чувство законности, необходимости подчинять свою волю и свое поведеніе установившимся правиламъ, пріучаютъ къ совмѣстной жизни съ людьми, что намъ удается гораздо труднѣе, чѣмъ нѣмцамъ. Но главное, онѣ представляютъ собой хоть нѣкоторое подобіе семьи, на дѣлѣ даютъ почувствовать человѣку, что онъ не одинокая единица, брошенная на произволъ барахтаться въ пучинѣ необъятнаго міра, а живая нужная частица общаго цѣлаго, которому онъ самъ долженъ подчиняться, но которое зато и само и защититъ и пригрѣетъ его.

Наша молодежь ничего подобнаго не имѣетъ. У кого въ городѣ нѣтъ родныхъ, тотъ сразу попадаетъ въ лапы квартирныхъ хозяекъ и содержательницъ меблированныхъ комнатъ. Изъ ихъ чаднаго коридора прямая дорога либо въ подполье на сходку, либо на Тверской бульваръ въ компанію тѣхъ студентовъ, печальные дни которыхъ правдиво изобразилъ Л. Андреевъ. И тутъ и тамъ гибель одинаково несомнѣнна. Получается то страшное чувство одиночества, которое заставляетъ нашу молодежь такъ часто пополнять списки самоубійцъ. За границей, живя бокъ о бокъ съ иностранными студентами, пользующимися всѣми благами и семьи и товарищества, нашъ юноша это чувство одиночества долженъ испытывать еще острѣе, и понятно, что такое настроеніе не располагаетъ къ работѣ. Съ иностранцами нѣмцы сходятся вообще туго и проникнуть въ ихъ замкнутую среду почти невозможно для русскаго юноши. Съ нимъ будутъ предупредительны, любезны, помогутъ въ работѣ, но въ то же самое время постоянно будутъ давать понять, что вы въ ихъ средѣ чужой.

Остается одинъ путь: въ «кружки русской молодежи», теперь возникшіе во многихъ городахъ Германіи вокругъ русскихъ читаленъ. Съ перваго взгляда, существованіе и такихъ читаленъ и такихъ кружковъ за границей мы должны были бы только привѣтствовать: попади это дѣло въ руки достойныхъ людей, изъ этого вышло бы крупное патріотическое дѣло: Создался бы за границей рядъ организацій, достойно представляющихъ Россію. Въ нихъ русскій человѣкъ находилъ бы надежный для себя пріютъ и получалъ бы особенно драгоцѣнный на чужбинѣ «уголокъ родины» въ родѣ того, который создала полная любви къ Россіи рука протоіерея Мальцева

въ Берлинѣ. Такъ англичане и дѣлаютъ. Вездѣ, гдѣ соберется ихъ побольше десятка, они основываютъ такой кружокъ, благодаря которому они чувствуютъ себя и въ Калькуттѣ и въ Одессѣ такъ же «дома», какъ и въ Лондонѣ.

Къ великому горю, все это дѣло попало въ руки революціонныхъ организацій, и эти «кружки русской молодежи» имѣютъ на дѣлѣ очень мало общаго съ Россіей и менѣе всего пекутся объ истинныхъ интересахъ молодежи. Первую скрипку тамъ играютъ не русскіе, а евреи. Нація эта стыдится сама себя, и поэтому всѣ еврейчики и еврейки на Западѣ стараются убѣдить нѣмцевъ, будто они русскіе, но обманъ этотъ удается имъ плохо, и большинство нѣмцевъ умѣютъ отличать еврея отъ коренного русскаго. Понятно, что господа эти, дышащіе ненавистью къ Россіи, менѣе всего заботятся о поддержаніи чести Россіи. Всѣ тѣ сплетни и сказки, которыя ходили и продолжаютъ еще ходить про Россію за границей, надо ставить на счетъ этимъ господамъ. Они или сами сочиняютъ пасквильныя книжонки про Россію и ея дѣятелей, пишутъ статейки для нѣмецкихъ газетъ, благо въ ихъ редакціяхъ такъ много ихъ соотечественниковъ, или же вдохновляютъ своими разсказами падкихъ на все сенсаціонное корреспондентовъ.

Еще менѣе могутъ они поддержать достоинство Россіи своимъ поведеніемъ. Съ точки зрѣнія нѣмцевъ, столь строгихъ въ дѣлахъ дисциплины и внѣшняго порядка, оно еще предосудительнѣе, чѣмъ съ нашей: вѣдь мы весь міръ опередили своей терпимостью и снисходительностью и тамъ, гдѣ мы, пожалуй, склонны видѣть ошибку молодости, нѣмецъ видитъ нарушеніе закона, и это сразу обрисовываетъ всѣ его симпатіи къ преступнику.

Свойственная намъ жалость къ преступнику и склонность облегчить его участь нѣмцу непонятны, и церемониться съ такими господами онъ не станетъ. Этимъ и объясняется та строгость, съ которой теперь относятся къ русскимъ студентамъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Ее вызвали больше всего евреи изъ Россіи, рискнувшіе устроить и въ нѣмецкихъ университетахъ слабую копію того, что они же, а не кто иной, творили въ нашихъ университетахъ. Но тамъ попытка эта не удалась, профессора и студенты одинаково оказались на высотѣ задачи и рѣшительно воспротивились попыткѣ евреевъ превратить храмы науки въ революціонное подполье. Нѣмецкіе евреи очень хорошо успѣли ознакомиться съ настроеніемъ на этотъ счетъ нѣмцевъ и поэтому держались въ этомъ дѣлѣ по большей части въ сторонѣ отъ своихъ единоплеменниковъ изъ Россіи и этимъ давали послѣднимъ возможность съ большимъ успѣхомъ выдавать себя за русскихъ.

У насъ евреи жалуются, что законы не даютъ имъ возможности заниматься наукой и толкаютъ ихъ въ политику. Но что мѣшало имъ заниматься наукой въ Германіи, гдѣ все благопріятствуетъ

ученымъ занятіямъ? Стало быть, дѣло не въ законахъ, а въ чемъ-то другомъ. И студенты и само общество, сразу понявшее всю опасность для страны этихъ господъ, отнеслись съ полнымъ несочувствіемъ къ этимъ будто бы русскимъ кружкамъ, и въ этомъ причина ихъ разрушенія.

Особенно ярко обнаружилось это въ маѣ 1909 г. на такъ называемомъ «Дрезденскомъ процессѣ». Судили цѣлую компанію такихъ «русскихъ студентовъ» Моисеева закона, забывшихъ, что Дрезденъ не Одесса, и начавшихъ было и на мирныхъ берегахъ Эльбы творить свое гнусное дѣло. Но судъ, приговоръ котораго вызвалъ полное сочувствіе нѣмецкаго общества, показалъ твердое намѣреніе рѣшительно препятствовать осуществленію такихъ плановъ. Ретивые адвокаты-защитники, конечно, изъ евреевъ, составляющихъ теперь значительный процентъ въ нѣмецкой адвокатурѣ, старались обѣлить своихъ кліентовъ и твердили, что все обвиненіе создано фантазіей нѣмецкой полиціи, дѣйствующей будто бы въ данномъ случаѣ не безъ нашего департамента полиціи. Въ такомъ смыслѣ появились и корреспонденціи въ нашихъ лѣвыхъ газетахъ. Такъ, напримѣръ, «Русскія Вѣдомости» въ половинѣ іюня помѣстили большой фельетонъ въ этомъ смыслѣ, гдѣ авторъ всячески плакался о печальной участи невинно гонимой русской молодежи въ Дрезденѣ, умалчивая, что эти гоненія вызваны явнымъ нарушеніемъ нѣмецкихъ законовъ.

Только присматриваясь къ внутренней жизни этихъ кружковъ, начинаешь достаточно цѣнить великій геній Тургенева; въ его «Дымѣ» дана удивительная по глубинѣ пониманія и по яркости обрисовки картина этихъ кружковъ. Правда, теперь на устахъ нашей зарубежной молодежи другія имена. Она споритъ уже не о манчестерской системѣ и не о Шульце-Деличѣ, а о Каутскомъ и Марксѣ. Безслѣдно ушли крупныя фигуры нашей эмиграціи и на видное мѣсто Александра Ивановича Герцена пытается стать ничтожный Бурцевъ съ своими черезчуръ уже хлесткими письмами въ «Matin». Но сущность среды, ея общій обликъ и общая психологія остались тѣ же: та же озлобленность, та же роковая склонность словами и фразами замѣнять всякую дѣятельность, та же манера создавать изъ глины кумировъ, вѣчныя внутреннія дрязги и ложь, сплетня и клевета, клевета безъ конца... все это осталось въ томъ же, если не еще въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ при Тургеневѣ, полвѣка тому назадъ. Въ свое время кричали, будто Тургеневъ оклеветалъ русскую молодежь. Одни увѣряли, будто онъ выдумалъ все, отъ начала до конца. Другіе, поумнѣе и посовѣстливѣе, обвиняли великаго романиста только въ сгущеніи красокъ. Но время, этотъ лучшій судья, оправдало Тургенева цѣликомъ. Прочтите, что сами участники этихъ кружковъ пишутъ про свою среду хотя бы въ тѣхъ воспоминаніяхъ, которыя съ такимъ благоговѣніемъ печа-

тали журналы въ родѣ «Былое» и «Минувшіе Годы». Читая ихъ, порой начинаешь сомнѣваться въ ихъ подлинности. Неужели ни авторы, ни редакторы не понимаютъ, что, изображая «свою» среду съ царящими въ ней обманами, раздорами, циничной нетерпимостью и полнымъ неуваженіемъ къ правамъ человѣка, они окончательно губятъ «свое дѣло». Тургенева можно было обвинять въ клеветѣ, еще легче можно было предъявлять это обвиненіе къ автору «Очерковъ изъ жизни женевскихъ бунтарей», печатавшихся лѣтъ двадцать тому назадъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова. Все это были «чужіе». Но когда ту же самую картину рисуютъ сами господа нелегальные на страницахъ дружественныхъ имъ журналовъ, говорить про клевету уже нельзя и если съ обѣихъ сторонъ предметъ выходитъ въ одномъ и томъ же освѣщеніи, стало быть, это и есть его подлинный видъ. Личныя встрѣчи еще больше подтверждаютъ это.

Тургеневъ въ концѣ романа пишетъ, что изъ-за внутреннихъ распрей и неладовъ Матрена Кузьминична Суханчикова съ двумя матреновцами уѣхала въ Португалію. Видно, и тамъ ей не повезло. По крайней мѣрѣ и Матрену Кузьминичну и ея адъютантовъ въ наши еще дни можно встрѣтить достаточно часто въ любомъ нѣмецкомъ городѣ, пришедшемся почему-то по вкусу нашимъ эмигрантамъ: и въ Берлинѣ, и все въ томъ же, что при Тургеневѣ, Гейдельбергѣ, и въ Штутгартѣ, и въ Дрезденѣ. Выборъ послѣдняго роковая ошибка нашихъ эмигрантовъ. Трудно во всей Германіи подыскать другой городъ, гдѣ бы такъ мало населеніе во всѣхъ своихъ слояхъ могло сочувствовать ихъ освободительнымъ планамъ. И по внѣшнему облику, и по всему своему обиходу это самый консервативный, самый аристократическій, или, выражаясь на жаргонѣ нашихъ освободителей, черносотенный городъ. Правда, дрезденцы съ большимъ вниманіемъ и предупредительностью относились къ покойному А. И. Чупрову, проводившему въ ихъ городѣ свои послѣдніе годы.

Но вѣдь то былъ Чупровъ, а не персонажъ изъ тургеневскаго «Дыма». Дистанція, отдѣлявшая покойнаго Чупрова и вчерашнихъ знакомцевъ Азефа, слишкомъ громаднаго размѣра, чтобы послѣдніе могли ожидать даже тѣни того же отношенія къ себѣ, какимъ пользовался Чупровъ. И на пресловутомъ дрезденскомъ процессѣ эта разница обнаружилась во всей полнотѣ. Дрезденцы на этотъ разъ прямо не знали, какъ отдѣлаться отъ лицъ такого сорта, которыя въ вопросахъ борьбы не дѣлаютъ большой разницы между словеснымъ возраженіемъ и «жестомъ съ бомбой». Но не однѣ бомбы возмущаютъ нѣмцевъ въ поведеніи нашей эмиграціонной молодежи. Имъ не по нутру прежде всего самое существованіе «учащейся» молодежи, менѣе всего намѣренной «учиться, а мечтающей о томъ, чтобы самой взять въ руки учительскую указку.

Мнѣ пришлось бесѣдовать о нашей молодежи съ однимъ берлинскимъ профессоромъ, ранѣе прослужившимъ пять лѣтъ въ швейцарскомъ университетѣ, гдѣ среди его слушателей было много нашихъ эмигрантовъ.

— Какіе талантливые и какіе въ то же самое время удивительные люди ваши радикалы! У меня на практическихъ занятіяхъ перебывало ихъ немало, но мнѣ кажется, что они увѣрены въ возможности сразу попасть на вершину горы, обходясь безъ утомительнаго труда восхожденія на нее, начиная съ самой подошвы. Приходитъ ко мнѣ одинъ изъ нихъ и заявляетъ, что работаетъ надъ вопросомъ объ отраженіи французской революціи въ Голландіи. Меня эта тема тоже заинтересовала, особенно, когда мой юный собесѣдникъ сталъ высказывать очень остроумные взгляды на этотъ счетъ, которыхъ мнѣ не доводилось читать въ ученой литературѣ. Я спросилъ его, не былъ ли онъ въ Голландіи и не являются ли его взгляды результатомъ изученія подлинныхъ документовъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, я посовѣтовалъ немедленно приступить къ этому, иначе всѣ «выводы», если это можно назвать выводами, и общія разсужденія не что иное, какъ карточный домикъ. Но и на это я получилъ рѣшительный отказъ: для этого надо было бы предварительно выучиться по-голландски, а это скучно, да и заниматься ему этимъ «некогда», такъ какъ у него наклевывается еще интересная работа о предшественникахъ Гегеля, а это сюжетъ поважнѣе. Если бы я не зналъ трудовъ вашихъ историковъ, Виноградова, Ковалевскаго, Лучицкаго и другихъ,—продолжалъ нѣмецкій ученый,—я подумалъ бы, пожалуй, плохо вообще о русскихъ ученыхъ, но теперь долженъ признать, что такое верхоглядство свойственно далеко не всѣмъ вашимъ соотечественникамъ. Не удивительно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу имъ скоро надоѣдаютъ наши занятія и черезъ двѣ-три недѣли они перестаютъ показываться въ аудиторіяхъ. Скажите, не относятся ли они и къ политическимъ явленіямъ такъ же своеобразно?—спросилъ меня почтенный ученый.

Лѣтъ пять тому назадъ я едва ли получилъ бы такой вопросъ. Тогда нѣмцы слишкомъ вѣрили болтовнѣ нашихъ эмигрантовъ и на всю Россію и русскихъ смотрѣли сквозь очки, заготовленныя на этой радикальной фабрикѣ. Ложь и озлобленность этихъ вдохновителей были тогда нѣмцамъ незамѣтны, и они довѣрчиво повторяли и въ частныхъ бесѣдахъ и въ газетахъ все, что ни навирали эти господа про Россію. Въ то же самое время, повторяя ихъ розсказни и смотря такъ пристрастно на Россію и русскихъ, нѣмцы очень плохо сочувствовали самимъ авторамъ этихъ разсказовъ и, думая, что такова вся «грядущая Россія», относились ко всѣмъ намъ такъ пренебрежительно. Думается, что это основная причина того дурного къ намъ отношенія въ Германіи, которое кой-кто старался объяснить только нашими неудачами въ войнѣ съ Японіей.

Какъ это ни странно, но революція намъ помогла на этотъ разъ. Позорный ея исходъ показалъ нѣмцамъ, что великая Россія вовсе не состоитъ изъ однихъ только единомышленниковъ тѣхъ эмигрантовъ, по которымъ они раньше судили о насъ. Не могли нѣмцевъ не оттолкнуть отъ дѣятелей освободительнаго движенія и ихъ подвиги слишкомъ кроваваго свойства, особенно когда они ихъ стали повторять и въ германскихъ предѣлахъ. Возмущаясь прежде жестокостью нашего правительства, теперь они начинаютъ все больше и больше понимать, что отъ «гражданъ» такого сорта всякое государство, не желающее собственной гибели, стало бы себя защищать совершенно такъ же. Нѣмцы имѣли сверхъ того достаточно случаевъ убѣдиться въ серьезности опасности, грозившей Россіи въ 1905—1906 годахъ. И если теперь отъ нея почти не осталось и слѣда, стало быть, эта страна могучая и сильная и въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніи. Вотъ почему среди нѣмцевъ все увеличивается довѣріе къ Россіи и сочувствіе къ третьей государственной думѣ. Правда, газеты, находящіяся въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ еврейскихъ рукахъ, смотрятъ на нашу думу кадетскими глазами и недовольны ею главнымъ образомъ за то, что она не намѣрена дать равноправіе евреямъ. Но общество и газеты, далекія отъ евреевъ, безусловно на сторонѣ думы, большинство которой своимъ образомъ дѣйствій ближе всего подходитъ къ складу нѣмецкаго характера. Двѣ первыя думы своимъ черезчуръ шумнымъ характеромъ шокировали черезчуръ чинныхъ нѣмцевъ.

Наши эмигранты не торопятся возвращаться въ Россію. Ихъ былыя надежды жестоко обмануты въ послѣдніе годы.

Въ 1905 г. они ждали для себя очень многаго и ходили побѣдителями въ надеждѣ, что очень скоро вернутся домой какъ тріумфаторы, и имъ удастся вознаградить себя за прошлое. Больше всего мечтали они о мести, а про готовность снова поработать для родины, помочь поскорѣе подняться ей и отъ внутреннихъ и внѣшнихъ пораженій что-то было не слыхать. Съ великимъ упованіемъ устремились они въ октябрьскіе дни въ Россію, но угаръ быстро прошелъ и среди новой конституціонной Россіи они снова почувствовали себя чужими. И поэтому ихъ настроеніе теперь хуже, чѣмъ до 1905 года: тогда у нихъ были надежды, тогда многіе изъ нихъ вѣрили, что праздникъ на ихъ улицѣ не за горами. Теперь въ это не вѣрятъ даже самыя горячія головы. И поэтому они чувствуютъ себя на долгіе годы опущенными въ свое подполье, надоѣвшее имъ, какъ каторжнику его тачка. Но они сами сожгли свои корабли и понимаютъ, что готовиться къ возвращенію въ Россію имъ нечего. Иначе настроены тѣ, кто ѣдетъ за границу для того, чтобы тамъ научиться всему, нужному у насъ дома, особенно теперь, когда открывается такая широкая и такая благодатная нива для неустаннаго труда. Такихъ русскихъ въ Германіи немало. И вы сейчасъ узнаете ихъ по бодрому,

веселому виду, съ которымъ они спѣшатъ изъ лабораторіи въ библіотеку, съ фабрики въ музей. Они не хуже другихъ видятъ всѣ усовершенствованія нѣмецкой жизни, успѣхи науки, культуры, техники и другихъ сторонъ тамошней жизни. Но никогда не услышите отъ нихъ ругани по адресу Россіи, издѣвательства надъ ея неустройствомъ. Хороша Германія и для нихъ, но Россія, своя, родная Россія, въ милліонъ разъ лучше. Вѣдь всякому сыну своя мать и пригоже, и наряднѣе, и умнѣй всѣхъ остальныхъ матерей всего міра. И какъ сынъ считаетъ минуты, мечтая о днѣ, когда ему удастся вернуться въ родную семью, такъ и эти русскіе, работая за границей и изучая тамошніе порядки, особенно рады бываютъ въ тотъ день, когда, обогатившись на чужбинѣ и знаніемъ и опытомъ, снова вернутся на родину, гдѣ они чувствуютъ себя дома и гдѣ ихъ ждетъ неустанная, но почетная и славная работа на счастье и благо родной земли.

М. Туринскій.

РУССКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ [1].

II.

«Преображеніе» Москвы.

ПРО МОСКВУ не только въ провинціи, но и въ Петербургѣ споконъ вѣка было принято думать одно и то же, именно, что Москва—сердце Россіи, оплотъ старины, колыбель православія и т. д. Покойный Герценъ, сравнивая Москву съ Петербургомъ, писалъ, что Москва, удаленная отъ политическаго движенія, питаясь старыми новостями, не имѣя ключа къ дѣйствіямъ правительства, ни инстинкта отгадывать ихъ, только и дѣлаетъ, что резонерствуетъ...

Это мнѣніе держалось очень долго. Московскій бытъ способствовалъ подобному убѣжденію. Что такое Москва? Центръ торговли, колоссальныхъ коммерческихъ сдѣлокъ, центръ фабрично-заводской промышленности, городъ полушубковъ, чуекъ, смазныхъ сапогъ, ломовыхъ извозчиковъ, поповъ, просвиренъ, славянофиловъ, квасныхъ патріотовъ и всего менѣе—интеллигенціи. Словомъ—городъ архиконсервативный. Это большая деревня, хотя въ то же время и первопрестольный градъ, обреченный Петромъ I на отсталость и полузабвеніе. Москву послѣ 1703 года считали резиденціей всѣхъ обиженныхъ, отставныхъ и опальныхъ дѣятелей, но твердо знали, что главныя ея качества—вѣрноподданность и религіозность. Извѣстно было, что москвичъ, попадавшій въ Петербургъ, портился

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIX, стр. 162.

и утрачивалъ свои красныя патріотическія качества. Въ этомъ случаѣ я сошлюсь опять на Герцена, который говорилъ, что Бѣлинскій, проповѣдывавшій въ Москвѣ народность и самодержавіе, черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Петербургъ заткнулъ за поясъ самого Анахарсиса Клоотса. .

Но всѣ эти старыя мнѣнія, всѣ прежніе эпитеты и выводы надо теперь отбросить и подыскать болѣе подходящія характерныя черточки, которыя помогутъ намъ увидать совсѣмъ иную физіономію Москвы, дадутъ намъ случай замѣтить ея «преображеніе», а также уразумѣть, въ силу какихъ причинъ произошла эта удивительная метаморфоза.

Если бы лѣтъ 20—25 тому назадъ кто-нибудь сказалъ, что русская революція разыграется въ Москвѣ, всѣ назвали бы этого человѣка сумасшедшимъ. «Революція въ Москвѣ»—эта фраза похожа была на «засуху въ океанѣ», на «наводненіе въ Сахарѣ» и т. п. нелѣпыя сопоставленія. Москва—столица фабричнаго производства, Москва городъ ахлаковъ, а не революціонныхъ дѣятелей... вотъ что думали про Москву, непростительно упуская изъ виду тотъ фактъ, что колоссальная резиденція заводовъ и фабрикъ имѣетъ одинъ могучій и опасный элементъ, именно цѣлую армію фабричныхъ рабочихъ, того вспаханнаго и извлеченнаго съ нижнихъ слоевъ почвы чернозема, который являлся полемъ, удобнымъ для всякаго посѣва. Фабричный рабочій, наборщикъ и ремесленникъ Москвы въ позднѣйшее время составили кадры того войска, на которое оперлись самые разнообразные революціонеры. Если бы это войско было лучше соорганизовано, если бы вожаки и устроители возстанія обладали талантами и смѣлостью народныхъ трибуновъ, неизвѣстно, какъ сложилось бы дѣло, провалившееся въ 1905 году. Не буду, однако, забѣгать впередъ и скажу, что московскіе фабрики и заводы уже въ 1900 году обращали на себя вниманіе административныхъ лицъ своими небольшими забастовками и недоразумѣніями съ хозяевами. Въ это же время въ московской городской думѣ былъ поднятъ вопросъ о правѣ рабочихъ устраивать стачки, и вдругъ новый гласный, знаменитый въ своемъ родѣ Савва Тимоѳеевичъ Морозовъ, милліонеръ-заводчикъ и купецъ-модернъ, первый «субсидеръ» московскаго Художественнаго театра и одновременно покровитель опереточныхъ «дивъ», всталъ и произнесъ знаменательную рѣчь о томъ, что онъ, крупный фабрикантъ-заводчикъ, идя по стезѣ прогресса, считаетъ стачку фабричныхъ рабочихъ не только допустимой, но даже полезной для самого фабричнаго предпріятія и что онъ первый готовъ подать голосъ за узаконеніе «свободы стачекъ».

Это заявленіе Морозова, да и самъ онъ, всей своей персоной, были какъ бы зарею «преображенія» Москвы. Слова ситцеваго милліонера произвели огромное впечатлѣніе въ Москвѣ. Несчастный фабрикантъ, находившійся тогда въ рукахъ особаго сорта «просвѣ-

тителей» (между ними были, по слухамъ, и литераторы, и даже съ «именами»), весь раздувался отъ спеси, полагая, что двумя-тремя либеральными фразами онъ создастъ себѣ вѣчный ореолъ просвѣщеннаго коммерсанта. Но когда въ скоромъ времени отъ просвѣщеннаго коммерсанта свои же рабочіе потребовали «перейти отъ фразъ къ дѣлу», Морозовъ понялъ, въ какую передрягу онъ попалъ. Говорятъ, во время безпорядковъ на своей фабрикѣ нашъ либеральный купецъ-модернъ, перепуганный на смерть заперся въ избѣ, гдѣ находилась фабричная контора, а фабричные, окруживъ избу со всѣхъ сторонъ и ломясь въ двери, кричали среди ругательствъ:

— Ну-ка, Саввушка, выходи на расправушку!

«Конецъ милліонера» намъ извѣстенъ. Бѣдный Морозовъ, вкусивъ отъ забастовочнаго древа познанія добра и зла, уѣхалъ за границу и тамъ, опасаясь, можетъ быть, личной отвѣтственности, а можетъ быть, просто повредясь въ «нетвердомъ разумѣ», окончилъ жизнь самоубійствомъ. Эта смерть была весьма неожиданна, поэтому въ ея печальный фактъ не повѣрили, и кто-то пустилъ въ газетахъ слухъ, что С. Т. Морозовъ живъ и здоровъ. Но, увы, горькая правда состояла въ томъ, что ни за понюшку табаку погибъ самый крупный и самый богатый изъ московскихъ милліонеровъ-промышленниковъ...

Успѣху фабричныхъ волненій способствовали не только сбитые съ толку владѣльцы фабрикъ, не только революціонная пропаганда, но и... какъ бы это вѣрнѣе выразиться?—вырожденіе администраторскихъ способностей, что ли. Въ Москвѣ, напримѣръ, оберомъ-полицеймейстеромъ былъ генералъ Треповъ, который вообще никакихъ полицеймейстерскихъ талантовъ не обнаруживалъ, о санитарномъ состояніи города не заботился, обывательскими нуждами не интересовался, а во время позднѣйшихъ уличныхъ безпорядковъ сидѣлъ въ своемъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ, запершись со всѣхъ сторонъ и отдавая распоряженія своимъ подчиненнымъ (также не показывавшимъ носа на улицу)... по телефону.

Названный шефъ полиціи, извѣстный только однимъ своимъ страннымъ приказомъ: «холостыхъ залповъ не давать, патроновъ не жалѣть», въ сущности, оставилъ другой, еще болѣе рѣзкій слѣдъ своей административной неумѣлости. Я говорю о знаменитой «зубатовщинѣ», о вступленіи въ «блокъ» московскаго охраннаго отдѣленія съ фабричными рабочими и атакѣ этихъ соединенныхъ силъ на... фабрикантовъ. Этотъ безпримѣрный случай я отношу также къ началу московскаго «преображенія» и попробую теперь разсказать кратко всю суть дѣла—не какъ его передавали вкривь и вкось въ московскихъ бесѣдахъ и газетахъ, а какъ оно дѣйствительно происходило. Это интереспое событіе случилось въ 1902 году, когда начальникомъ охраннаго отдѣленія въ Москвѣ былъ Зубатовъ, который внушилъ покойному Трепову уродливую мысль союза охранки съ рабочими

Генералъ Треповъ, повидимому, сознавалъ свою непопулярность и попался на удочку, закинутую ему охранными предтечами позднѣйшаго Азефа. Въ самомъ дѣлѣ, это было заманчиво: администрація, какъ бы проникнутая гуманными стремленіями, становится на сторону угнетеннаго рабочаго и оказываетъ давленіе на фабрикантовъ-предпринимателей, чтобы тѣ облегчили участь фабричныхъ чернорабочихъ! Если бы это стремленіе, въ сущности, обязательное для администраціи всѣхъ городовъ и долженствующее покоиться на безпристрастіи и умѣньи понять, кто обидчикъ и кто обиженный, было примѣнено правильно и тактично, никто бы на генерала Трепова не сѣтовалъ, напротивъ, его біографъ могъ бы эту мѣру заиллюстрировать, какъ образецъ дѣятельности московскаго оберъ-полицеймейстера. Но бѣда въ томъ, что Треповъ дѣйствовалъ здѣсь, по русскому выраженію, безъ царя въ головѣ и натворилъ такихъ вещей, что просто дивишься его надменной наивности и странному для шефа полиціи легковѣрію.

Въ началѣ 1902 года на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры (въ числѣ директоровъ которой находился извѣстный заводчикъ Ю. П. Гужонъ) произошли безпорядки, фабричные забастовали, фабрика стала. Толчкомъ къ этому послужило, повидимому, ничтожное обстоятельство: фабричная администрація уволила двухъ рабочихъ, Синицына и Макарова, «за пьянство и прогулы», какъ значится въ журналѣ товарищества. Исключеннымъ выдали за двѣ недѣли впередъ жалованье и—указали на дверь. Но на фабрикѣ уже давно происходило скрытое броженіе. Рабочіе были недовольны своими порядками, имѣли претензіи на увеличеніе платы и на многое другое. Увольненіе Синицына и Макарова связали съ общими интересами рабочихъ, якобы нарушенными владѣльцами фабрики, и крикливая партія недовольныхъ, взявъ верхъ надъ большинствомъ болѣе тихихъ рабочихъ, потребовала фабричнаго инспектора и заявила ему о томъ, что желательно объясненіе делегатовъ рабочихъ съ правленіемъ товарищества. Не довольствуясь заявленіемъ фабричному инспектору, рабочіе подали жалобу генералу Трепову, въ которой было изложено, что фабричная администрація не платитъ за прогульные дни, случившіеся по винѣ самой фабрики, за каковые дни, за время съ Пасхи 1901 года по январь 1902 года, фабричнымъ, будто бы, приходится получить 42,000 рублей. Всѣхъ пунктовъ жалобы имѣлось 16, изъ нихъ было много чисто спеціальныхъ требованій по ткацкой части, съ желаніемъ прибавки платы и т. п. Но вотъ какія еще требованія предъявляли рабочіе: на мытье половъ въ недѣлю 3 рубля, а на мореніе клоповъ въ рабочихъ казармахъ—500 (!) рублей въ годъ! Между тѣмъ правленіе товарищества выдавало на этотъ предметъ 100 рублей въ годъ. Здѣсь характерно одно: каковы же были казармы, если требовалось на мореніе клоповъ 500 рублей, а на мытье половъ—только 156 рублей.

Владѣльцы фабрики въ своихъ примѣчаніяхъ къ пунктамъ требованій согласились на нѣкоторыя льготы: перерывъ на полчаса на утренній чай, расширеніе прачечной; они приняли на свой счетъ чистку казармъ, прибавили третій день праздника (на Рождествѣ); но всѣ остальные пункты, какъ голословные и неосновательные, въ томъ числѣ и требованіе 42,000 рублей, отвергли. Директора правленія не разъ вступали въ переговоры съ рабочими, причемъ делегатами послѣднихъ выступали всѣ тѣ же уволенные Синицынъ и Макаровъ. При переговорахъ присутствовали фабричные инспектора (гг. Шульгинъ и Игнатовъ). Переговоры, разумѣется, къ хорошему результату не привели. Правленіе товарищества шелковой мануфактуры просило ткачей доказать, когда и кому не было уплачено за прогульные дни, случившіеся по винѣ фабрики, требовало также фактическаго доказательства и другихъ обвиненій, а ткачи стояли на своемъ—подай имъ 42,000 рублей и прибавь къ заработку. Правленіе въ этомъ окончательно отказало и объявило перечень надбавокъ къ платѣ, прося возобновить работу.

— Не желаемъ! Не желаемъ!—заголосила толпа (рабочіе собрались въ количествѣ около 1,000 человѣкъ) —Ребята, требуй всеобщаго расчета въ двѣ недѣли! И никто не моги за станокъ стать! Кто станетъ—тому не поздоровится!

Всѣ ткачи свалили въ одну кучу расчетныя книжки и потребовали, чтобы инспектора приняли ихъ заявленіе, сдѣланное коллективно. Фабричные инспектора предложили фабричной администраціи немедленно наложить на книжки штемпеля, и эту работу производили весь день 7 февраля 1902 года.

Черезъ недѣлю въ фабричную контору явились «таинственные незнакомцы», нѣкіе гг. Жилкинъ и Красивскій, первый отрекомендовался «предсѣдателемъ организаціи рабочихъ-ткачей города Москвы», а второй—«членомъ совѣта рабочихъ въ механическомъ производствѣ». Они просили позволенія переговорить съ ткачами, чтобы ихъ «убѣдить и умиротворить». Администрація фабрики обратилась въ полицію, съ цѣлью удостовѣренія названныхъ личностей, и изъ московскаго охраннаго отдѣленія таковое удостовѣреніе было получено. Правленіе, успокоенное этой справкой, допустило Жилкина и Красивскаго къ бесѣдѣ съ ткачами. Часа черезъ полтора Жилкинъ и Красивскій вернулись и передали правленію, что рабочіе фабрики принимаютъ всѣ измѣненія, сдѣланныя правленіемъ, соглашаются стать на работы и получать плату по старымъ расцѣнкамъ, будутъ на этихъ условіяхъ работать до Пасхи, но ставятъ условіемъ, чтобы работали до Пасхи и уволенные рабочіе, Синицынъ и Макаровъ.

Директора правленія удивились этому особенному заступничеству за двухъ пьяныхъ и буйныхъ рабочихъ. Не видя въ этомъ требованіи ничего, кромѣ нѣкотораго каприза, который, однако,

нарушалъ права самого правленія, директора наотрѣзъ отказались принять обратно Синицына и Макарова, а свое обѣщаніе увеличить нѣкоторыя расцѣнки вновь подтвердили.

Тогда Красивскій, подойдя къ телефону и сообщивъ въ охранное отдѣленіе объ отказѣ правленія товарищества, сказалъ:

— Я теперь слагаю съ себя дальнѣйшую отвѣтственность (!) за будущее, и она ляжетъ всецѣло на гг. директоровъ.

Съ этого момента началось явное вмѣшательство въ дѣла фабрики со стороны московскаго охраннаго отдѣленія, но, скажу еще разъ, не въ качествѣ учрежденія, добивающагося разслѣдованія истины, а въ роли адвоката фабричныхъ, и даже не адвоката, а сильнаго протектора, рискнувшаго на угрозы противъ предпринимателей, что уже было явнымъ произволомъ. А фабричные, чувствуя подъ собой почву въ видѣ покровительства зубатовскихъ агентовъ, предъявляли новыя требованія, шумѣли, говорили, что правленіе «взяло обратно свои обѣщанія нѣкоторыхъ уступокъ», снова требовали оставить на работахъ Синицына и Макарова, а главное—на всякіе переговоры просили допускать гг. Жилкина и Красивскаго, неизвѣстныхъ представителей нелегализованныхъ учрежденій. Когда фабричные инспектора, провѣривъ книжки рабочихъ, увидали, что вопросъ о прогульныхъ дняхъ поднятъ неосновательно, и заявили ткачамъ объ этомъ, то тѣ все-таки продолжали требовать 42,000 р. и объявили:

— Теперь мы спорить и переговариваться не желаемъ, а можемъ это дѣлать только въ присутствіи Жилкина и Красивскаго!

Этихъ же лицъ они требовали допустить присутствовать при денежномъ расчетѣ, но администрація фабрики не согласилась на заявленіе рабочихъ и не допустила ни Жилкина, ни Красивскаго. Почему? Оказывается, у правленія были на то вѣскія причины: оно узнало, что гг. Жилкинъ и Красивскій были главными вдохновителями и участниками безпорядковъ на фабрикѣ Кондрашовыхъ.

Итакъ, денежный расчетъ совершился безъ этихъ, «удостовѣренныхъ» охраннымъ отдѣленіемъ лицъ. Понятно, фабричные толпились у воротъ фабрики. Были вызваны усиленные наряды полиціи. По Москвѣ пошелъ слухъ, что на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры бунтъ. Къ фабричнымъ пристала, какъ всегда, толпа ротозѣевъ. Фабрика, по виду, казалась какъ бы въ осадномъ положеніи, хотя фабричные только орали и угрожали, но никакихъ поползновеній къ насиліямъ не выказывали, а полиція, очевидно, снабженная особыми внушеніями, не препятствовала двумъ агитаторамъ, Жилкину и Красивскому, бѣгать отъ одной группы рабочихъ къ другой и кричать:

— Никто не смѣй вновь становиться на работы! Не соглашайтесь на уступки правленія! За васъ московская администрація, которая заставитъ вашихъ хозяевъ сдѣлать по-вашему!

Когда нѣкоторые старые ткачи пробовали выразить мнѣніе, что льготы, на которыя согласно правленіе, выгодны для рабочихъ, на этихъ условіяхъ можно бы возобновить работы, — тѣ же Красивскій и Жилкинъ, на глазахъ у полицейскихъ, утверждали:

— Того, кто станетъ на работы, полиція въ 24 часа вышлетъ изъ Москвы.

Тогда правленіе товарищества отправило московскому оберъ-полицеймейстеру заявленіе, гдѣ сообщало о происшествіяхъ на фабрикѣ и о невозможности приглашать другихъ рабочихъ, такъ какъ уволенные и разсчитанные ткачи не желаютъ очистить фабричныя помѣщенія. Правленіе подчеркивало опасность положенія, возможность дракъ и массовыхъ насилій и указало на агитаторскую дѣятельность фабричныхъ Синицына и Макарова и «постороннихъ лицъ», т.-е. Жилкина и Красивскаго.

Заявленіе подавалъ генералу Трепову одинъ изъ директоровъ правленія (г. Мусси), и тутъ Треповъ усугубилъ свою административную ошибку. Онъ объявилъ г. Мусси, что очень недоволенъ членами правленія фабрики, обѣщалъ «оказать давленіе на директоровъ», а также начать «строго преслѣдовать фабричную администрацію во всѣхъ санитарныхъ вопросахъ, и—если что окажется плохо—онъ, оберъ-полицеймейстеръ, не станетъ штрафовать директоровъ, а просто арестуетъ ихъ.

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ изумленный г. Мусси,—на нашей фабрикѣ все въ порядкѣ; но если вы укажете на что-либо, мы исправимъ, улучшимъ... вообще, все будетъ сдѣлано по первому же требованію.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Треповъ,—я никого не стану предупреждать; вы и безъ предупрежденій и указаній обязаны знать законъ, а я васъ буду сажать подъ арестъ въ максимальной степени, т.-е. до трехъ мѣсяцевъ!

Подобный отвѣтъ генерала Трепова снова рекомендовалъ его, какъ черезчуръ горячаго и, увы, непрозорливаго администратора. Сажать подъ арестъ правленіе за несуществующіе грѣхи никто не можетъ, и московскій оберъ-полицеймейстеръ явно шелъ на несправедливость. Однакожъ онъ согласился переговорить съ главнымъ фабричнымъ инспекторомъ.

— Я улажу ваше дѣло, если вы дѣйствительно вывѣсили въ мастерскихъ вновь утвержденныя инспекторомъ правила,—сказалъ онъ, прощаясь съ г. Мусси, и прибавилъ:—На удаленіи съ фабрики уволенныхъ рабочихъ Синицына и Макарова вы, разумѣется, можете настаивать...

Такимъ образомъ, онъ хоть капельку нашелся, золотя пилюлю зубатовскаго производства.

Въ концѣ февраля на фабрику прибыли фабричный инспекторъ и частный приставъ. Они объявили, что рабочіе согласны вступить

въ переговоры съ правленіемъ, но лишь черезъ представителей организаціи рабочихъ, гг. Жилкина и Красивскаго. Правленіе товарищества вновь отказалось допустить названныхъ лицъ.

— Агитаторы и подстрекатели не могутъ служить посредниками!—говорило оно.

Приставъ былъ въ этомъ случаѣ безпомощенъ. У него осталась одна дорога торная — звонить по телефону въ охранное отдѣленіе и сообщить отвѣтъ директоровъ фабрики. Охранное отдѣленіе немедленно командировало ротмистра Ратько, который, пріѣхавъ на фабрику, заявилъ, что Жилкинъ и Красивскій—лица, представляющія въ глазахъ московской администраціи вполнѣ надежныхъ депутатовъ совѣта рабочихъ организацій, что этотъ совѣтъ допущенъ въ Москвѣ, слѣдовательно, оба названныхъ лица имѣютъ право быть делегатами рабочихъ при переговорахъ съ директорами фабричнаго правленія.

— Тогда дайте намъ письменный приказъ о допущеніи этихъ лицъ!—уперлись и директора.—Иначе мы въ переговоры не вступимъ.

Ротмистръ Ратько также прибѣгъ къ спасительному телефонному аппарату и сообщилъ обо всемъ генералу Трепову, а генералъ Треповъ, вызвавъ г. Гужона (предсѣдателя правленія товарищества шелковой мануфактуры), сказалъ ему по телефону буквально слѣдующее:

— Я вамъ приказываю немедленно допустить Жилкина и Красивскаго къ переговорамъ съ рабочими, такъ какъ я признаю ихъ законными представителями рабочихъ организацій!

Г. Гужонъ продолжалъ почтительно настаивать на письменномъ приказѣ.

— Я вамъ пришлю приказъ послѣ, а теперь приступайте къ переговорамъ!

— Слушаю, ваше превосходительство, я повинуюсь, но разсчитываю, что приказъ, дѣйствительно, будетъ полученъ правленіемъ!—сказалъ г. Гужонъ.

Треповъ вспылилъ (администраторъ стараго образца никогда не могъ въ немъ уступить вкрадчивымъ пріемамъ администратора новѣйшаго) и грубо закричалъ въ телефонъ:

— Какое вы имѣете право, г. Гужонъ, ставить мнѣ условія!? Сейчасъ же извольте допустить моихъ посланныхъ, въ противномъ случаѣ я немедленно распоряжусь посадить васъ подъ арестъ!

Послѣ такого разговора правленіе не могло не подчиниться приказанію; Жилкинъ и Красивскій были допущены въ спальни рабочихъ, и тамъ фабричный инспекторъ сталъ объяснять ткачамъ всѣ нововведенія и измѣненія, на которыя согласились директора, сдѣлавшіе рядъ прибавокъ на разныя работы. Жилкинъ и Красивскій выслушали инспектора и прочитали условія правленія.

Но, повидимому, присутствіе «посланныхъ Трепова» не вносило умиротворенія. Правда, оба они произносили рѣчи, но ими разжигались только страсти, и фабричные не приняли новыхъ условій. Раздался крикъ, ругательства. Фабричный инспекторъ, услыхавъ старыя требованія (оставленіе на работахъ Синицына и Макарова, уплата 42,000 руб. и т. п.), заявилъ, что директора правленія на другія уступки, кромѣ значащихся на печатныхъ увѣдомленіяхъ, развѣшенныхъ по мастерскимъ, не согласны,— и откланялся. Ротмистръ Ратько поѣхалъ съ докладомъ къ генералу Трепову. А гг. Жилкинъ и Красивскій, оставшись въ помѣщеніяхъ фабрики, продолжали агитировать среди рабочихъ. Они, впрочемъ, убѣдили ихъ отказаться отъ 42,000 руб., но стояли за сохраненіе въ силѣ остальныхъ требованій. Рабочіе слушали и галдѣли: «Правильно!».

Вечеромъ ротмистръ Ратько вызвалъ Красивскаго по телефону и приказалъ ему заявить рабочимъ, что они должны въ теченіе 2 дней покинуть фабрику, уѣхать въ деревню, а кто не можетъ уѣхать,—тѣхъ поселить въ особомъ помѣщеніи, нанятомъ на счетъ охраннаго отдѣленія (!).

На другой день, по распоряженію оберъ-полицеймейстера, была нанята на имя Жилкина и Красивскаго пустая фабрика подъ квартиры остающихся въ Москвѣ уволенныхъ рабочихъ.

Что же дѣлали охранные «умиротворители»? Имъ бы, собственно, слѣдовало исполнить приказъ оберъ-полицеймейстера, но эти господа пришли сѣять смуту, а не водворять тишину. Красивскій вдругъ пустилъ слухъ, что фабрику товарищества шелковой мануфактуры будутъ осматривать санитары, послѣ чего гг. Гужонъ, Мусси и другіе директора будутъ высланы изъ Москвы, если только не согласятся на требованія рабочихъ. Эта провокаціонная уловка пріостановила отъѣздъ ткачей по деревнямъ. Они стали собираться возлѣ фабрики и кричать: «Наша взяла!».

Между тѣмъ фабрику, дѣйствительно, обревизовали, но нашли ее въ образцовомъ порядкѣ. Встрѣтили одно лишь упущеніе: по постановленію московскаго генералъ-губернатора спальни для женщинъ требовались отдѣльными, а на фабрикѣ мужья и жены жили вмѣстѣ. Но такой порядокъ существуетъ на всѣхъ московскихъ заводахъ и фабрикахъ, и, очевидно, постановленіе генералъ-губернатора слѣдовало относить лишь къ вдовамъ и незамужнимъ.

Слухъ, пущенный Красивскимъ, не оправдался: директоровъ правленія изъ Москвы не выслали, но волокита съ полиціей для нихъ не скоро кончилась. Генералъ Треповъ, выслушавъ отчетъ объ осмотрѣ фабрики, вызвалъ директоровъ къ себѣ, въ канцелярію.

— Рабочіе не признаютъ возможнымъ согласиться на ваши условія,—сказалъ онъ.—Не найдете ли возможнымъ увеличить расцѣнокъ?

Директора сослались на утвержденіе расцѣнка работъ фабричнымъ инспекторомъ, который только тогда утвердилъ расцѣнокъ, когда убѣдился въ неосновательности многихъ претензій рабочихъ, а далѣе указали оберъ-полицеймейстеру, что расцѣнокъ ихъ фабрики много выше расцѣнковъ другихъ фабрикъ.

— Въ виду того, что усилія моихъ агентовъ не привели къ желательному результату,—возразилъ Треповъ:—я предлагаю вамъ, гг. члены правленія, самимъ уладить этотъ вопросъ. Переговорите съ рабочими еще разъ, пойдите на возможныя уступки... въ противномъ случаѣ, инцидентъ можетъ повлечь за собою плохія для васъ послѣдствія!

— Что же можетъ быть хуже настоящаго положенія дѣла?—возразилъ, вѣроятно, задѣтый за живое одинъ изъ директоровъ.—Вѣдь фабрика не работаетъ, нанося товариществу огромные убытки!

— Я не о вашемъ предпріятіи говорю,—холодно отвѣчалъ Треповъ.—Лично для васъ, членовъ правленія, положеніе можетъ значительно ухудшиться... понимаете, для самихъ васъ!

Этотъ разговоръ во многомъ выясняетъ дѣло. Итакъ, «предсѣдатель совѣщательной комиссіи ткачей» г. Жилкинъ и «членъ совѣта рабочихъ механическаго производства» г. Красивскій названы были покойными генераломъ Треповымъ «своими агентами», посланными для улаживанія недоразумѣній между рабочими и фабричными. Эти агенты охраннаго отдѣленія не были выразителями и исполнителями добрыхъ намѣреній московской администраціи. Треповъ думалъ, что стоитъ ему хорошенько пригрозить хозяевамъ, какъ рабочіе, благодарные за это заступничество и за прибавки къ заработной платѣ, сразу отвлекутся отъ политической пропаганды и преобразуются—по щучьему велѣнію—въ благонадежный элементъ простого общества. Обвороженный этимъ наивнымъ планомъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ въ грубой формѣ приступилъ къ дѣйствіямъ; не видя, что онъ самъ попираетъ законъ, полагаясь на своихъ людей, Треповъ нанесъ страшный вредъ тамъ, гдѣ предполагалъ колоссальную пользу. Раскассированная недавно московская «охранка», на которую обѣими руками оперся генералъ Треповъ, въ тѣ годы была еще болѣе мерзѣйшей клоакой, и немудрено, что ея рыцари сослужили большую службу дальнѣйшему движенію въ фабричной средѣ. Событія на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры ясно доказываютъ это. Когда уволенные ткачи узнали, что правленіе приглашаетъ партіями новыхъ рабочихъ, они и сами хотѣли стать на работы, но Красивскій и Жилкинъ, агенты охраннаго отдѣленія, посланные водворять миръ, стали агитировать въ томъ смыслѣ, что охранное отдѣленіе не допуститъ новыхъ рабочихъ, и рекомендовали ткачамъ «снимать» и не допускать новыхъ наймитовъ.

Правленіе снова изложило генералу Трепову о дѣйствіяхъ его посланныхъ, и на этотъ разъ московскій оберъ-полицеймейстеръ, можетъ быть, отчасти сообразивъ, какъ искажены его намѣренія, сказалъ, что онъ «очень удивленъ» сообщеніями членовъ правленія, что его искреннѣйшее желаніе—это возобновленіе работъ на фабрикѣ, а не препятствіе къ ихъ началу. Красивскій и Жилкинъ, конечно, отрицали свое противодѣйствіе, но фабричнымъ говорили другое, и волнующіеся рабочіе, крича, что «правительство всегда будетъ за нихъ», запрещали новымъ ткачамъ становиться на работы, а старымъ служащимъ, склоннымъ кончить забастовку, угрожали смертью. Многихъ «вывозили въ тачкѣ», многихъ били. Что касается Красивскаго и Жилкина, то оба они,—о чемъ правленіе было хорошо освѣдомлено,—продолжали внушать наиболѣе буйнымъ рабочимъ, чтобы они не уступали, такъ какъ всякаго новаго рабочаго, который станетъ на работы, полиція вышлетъ изъ Москвы; что охранное отдѣленіе дозволитъ лишь тѣмъ работать, кто служилъ раньше, но только, когда правленіе исполнитъ требованія фабричныхъ; наконецъ эти господа увѣряли, что фабрика перейдетъ въ казну; они же раздавали рабочимъ деньги и вообще являлись опасными разжигателями фабричныхъ массъ противъ предпринимателей. Такимъ образомъ, Треповъ хотѣлъ одного, его агенты дѣлали другое...

Гг. Гужонъ, Мусси и прочіе члены правленія подали прошеніе министру финансовъ, въ которомъ объясняли, въ какомъ странномъ и опасномъ положеніи очутилась ихъ фабрика. Дѣйствительно, вмѣшательство въ дѣла правленія московской администраціи уродовало весь фабричный обиходъ. Рабочіе вообразили, что ни члены правленія, ни фабричный инспекторъ ужъ не могутъ указывать имъ предѣлъ ихъ претензій, и что на это есть «высшая инстанція»—охранное отдѣленіе. А это послѣднее, по ошибкѣ генерала Трепова, игнорировало доводы и фабричной дирекціи, и инспекціи, но до смѣшного пристрастно отнеслось къ жалобамъ рабочихъ. Въ особенности свелась къ нулю роль фабричнаго инспектора. Провѣривъ претензіи рабочихъ, онъ видѣлъ, что они неправы, но властью оберъ-полицеймейстера утверждалось обратное: угрозы обрушивались не на возбужденныхъ провокаторами фабричныхъ, а на директоровъ фабрики, идущихъ на многія уступки.

Одновременно съ этимъ прошеніемъ къ министру финансовъ директора донесли Трепову о всей «дѣятельности» его агентовъ. Но не дремали и послѣдніе. Они подбили вожаковъ изъ ткачей обратиться къ адвокатамъ и предъявить товариществу иски въ судѣ. Такое ходатайство рабочихъ поступило въ юридическую консультацію «Музея труда», находившуюся при московскомъ отдѣленіи императорскаго техническаго общества. Юристы ухватились за это дѣло, потому что защищать интересы обиженныхъ чернорабочихъ

противъ жадныхъ хозяевъ — это трудъ очень почетный. Однакожъ слѣдовало разобраться въ жалобѣ рабочихъ, познакомиться съ ткацкимъ дѣломъ, объясниться. Состоялось совмѣстное засѣданіе юристовъ—повѣренныхъ рабочихъ и юрисконсульта товарищества. Среди выборныхъ отъ рабочихъ присутствовали опять злосчастные «инсепарабли», изъ-за которыхъ весь сыръ-боръ загорѣлся,—Синицынъ и Макаровъ.

На этомъ засѣданіи выборные не могли ясно формулировать, на чемъ они зиждутъ законность своихъ требованій. Но они настаивали на какихъ-то обманахъ и обмѣрахъ и сказали, что можно правоту ихъ словъ доказать книгами товарищества. Разсмотрѣны были и эти книги. Было, однако, тутъ же выяснено, что претензіи рабочихъ неосновательны, а обвиненія не только ошибочны, но и недобросовѣстны. Юристы изъ членовъ консультаціи предложили правленію рѣшить дѣло третейскимъ судомъ.

Исторія рабочихъ стачекъ въ Россіи, кажется, не знаетъ ни одного примѣра разрѣшенія разногласій между предпринимателями и рабочими путемъ третейскаго разбирательства. Объ этомъ замѣтилъ и юрисконсультъ товарищества, но правленіе согласилось и на эту мѣру. Оно, впрочемъ, ставило здѣсь условіемъ, чтобы предложеніе о третейскомъ судѣ исходило отъ юридической консультаціи «Музея труда» и было прислано письмомъ, адресованнымъ на имя товарищества шелковой мануфактуры.

Но рабочіе, очевидно, получивъ указаніе отъ тѣхъ же агентовъ охраннаго отдѣленія, отклонили третейскій судъ. А консультація, находя ихъ претензіи шаткими, отказалась повести на судѣ ихъ дѣло. Между тѣмъ стачка рабочихъ продолжалась, и г. Гужонъ подалъ московскому генералъ-губернатору еще одну жалобу, въ которой подробно изложилъ исторію забастовки фабричныхъ, описалъ дѣянія агитаторовъ охраннаго отдѣленія и довольно рѣзко отозвался о томъ «давленіи», которое оказано было на правленіе фабрики. Результатомъ этой жалобы былъ вызовъ г. Гужона въ охранное отдѣленіе. Предсѣдателя правленія товарищества встрѣтилъ «самъ» Зубатовъ и «бесѣдовалъ» съ г. Гужономъ «нѣсколько часовъ кряду (!)». Однакожъ правленіе тогда хранило въ строжайшемъ секретѣ, о чемъ была эта бесѣда. Даже въ свой журналъ оно занесло фразу, что «подробное изложеніе этого разговора по многимъ соображеніямъ правленіе не находитъ возможнымъ зарегистрировать». Но въ этомъ журналѣ «зарегистрировано» все-таки слѣдующее: Зубатовъ склонялъ г. Гужона признать, что охранному отдѣленію не удалось примирить рабочихъ съ правленіемъ фабрики, вслѣдствіе неумѣлаго образа дѣйствій жандармскаго ротмистра Ратько. Но Ю. П. Гужонъ съ такимъ мнѣніемъ не согласился. По поводу угрозъ генерала Трепова Зубатовъ замѣтилъ, что «его превосходительство думалъ только о пользѣ обѣихъ (?) сторонъ, стараясь покончить

поскорѣй съ разраставшимися неудовольствіями рабочихъ, и что рѣзкія слова были сказаны въ минуту первнаго возбужденія, вполнѣ понятнаго (?) у лица, несущаго отвѣтственность за спокойствіе въ столицѣ».

Я нарочно подробно остановился на происшествіяхъ на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры, какъ на явленіи, впервые показавшемся на горизонтѣ русской жизни, какъ на знаменіи, предвѣщающемъ рядъ другихъ событій, совершенно преобразившихъ Москву. Это былъ первый дебютъ обновленной московской фабрики, первые рѣшительные шаги фабричнаго движенія. Здѣсь особенность была въ томъ, что въ роли двуликаго Януса выступило охранное отдѣленіе; оно явилось на русскую фабрику не умиротворителемъ, а разжигателемъ страстей; оно посылало агентовъ для покровительства рабочимъ, въ предположеніи, что они дѣйствительно обижены, но въ результатѣ получалось одно сплошное провокаторство подозрительныхъ агентовъ полиціи; оно нанесло владѣльцамъ фабрики крупный матеріальный ущербъ, а рабочимъ, помимо голодовки и нищеты, растлило нравы и породило дикія понятія о правахъ и отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ; наконецъ, дѣйствія охраннаго отдѣленія уронили достоинство московской администраціи передъ всѣми слоями общества. О безтактности самого Трепова и говорить нечего: она вызвала нареканія со всѣхъ сторонъ и, конечно, не была одобрена въ Петербургѣ.

Когда «надавливаніе» оберъ-полицеймейстера на правленіе товарищества шелковой мануфактуры кончилось, сейчасъ же сказались благіе результаты: Красивскій и Жилкинъ исчезли съ горизонта, комплектъ ткачей былъ пополненъ, и фабрика быстро стала гудѣть во всѣ свои гудки, вертѣть всѣми колесами и стучать громоздкими ткацкими станками... Все пошло на старый ладъ (хотя и съ прибавкой къ платѣ и многими «уступками» администраціи), но въ одномъ оказалось большое новшество: фабрика стала доступна всѣмъ сортамъ агитаціи. Успѣхъ провокаторской дѣятельности агентовъ охраннаго отдѣленія, гг. Жилкина и Красивскаго, легкость, съ какой можно было взбудоражить фабричныхъ, легковѣрность рабочей среды и подчиненіе степеннаго большинства ничтожной кучкѣ горлановъ,—все это были свѣжія тропинки въ долго заповѣданномъ лѣсу, по которымъ пошли позднѣйшіе дѣятели уже съ другими цѣлями, планами и «платформами». И всегда, по методу Жилкина и Красивскаго, примѣнялся одинъ пріемъ: рабочихъ возбуждали экономическими вопросами ихъ быта, а ужъ потомъ, когда страсти разгорались и забастовка принимала грозный характеръ, на сцену выступала политика, и начинался разговоръ о неизбѣжности возстанія...

Такимъ-то образомъ изъ маленькой московской «зубатовщины» выросла и «попла писать» всероссійская «азефовщина», создавшая

цѣлый омутъ для многихъ общественныхъ дѣятелей и погубившая массы молодежи, свѣтлые идеалы которой были загрязнены предательствомъ, подкупомъ и самой нечистоплотной провокаціей.

О томъ, какъ разразилась политическая буря въ преображенной Москвѣ, я разскажу въ своихъ послѣдующихъ очеркахъ.

PS. Мнѣ впослѣдствіи передавали, въ чемъ заключалась суть бесѣды начальника охраннаго отдѣленія Зубатова съ г. Гужономъ. Собственно, не съ однимъ директоромъ товарищества шелковой мануфактуры бесѣдовалъ Зубатовъ и открывалъ свои планы. Догадки и соображенія этого «дѣятеля» отчасти были вѣрны. Онъ видѣлъ въ фабрикахъ удобную почву для насажденія какихъ угодно идейныхъ злаковъ. Въ тѣ времена кое-гдѣ въ заграничной подпольной прессѣ, если не ошибаюсь, проскользнули выраженія: «черная сотня» и «красный легіонъ». Такъ вотъ Зубатовъ, видя, что заводско-фабричная чернорабочая масса, сильная своей многочисленностью, крѣпко связанная съ деревней и авторитетная у себя, на родинѣ, легко можетъ, попавъ подъ вліяніе вредныхъ агитаторовъ, сдѣлаться «краснымъ легіономъ», придумалъ фокусную вещь—превратить этотъ сырой матеріалъ въ «черную сотню», хотя и не вполнѣ въ томъ смыслѣ, какъ это названіе понимали въ позднѣйшее время. Несомнѣнно, Зубатовъ, пугая Трепова и московскаго генералъ-губернатора «краснымъ легіономъ» фабрики, заботился объ одномъ, чтобы самому выдвинуться, сдѣлать отличную карьеру, стать въ глазахъ высшей администраціи провидцемъ событій и умѣлымъ предотвратителемъ несчастій. Вѣроятно, онъ только и нашептывалъ: Фабрика—вотъ гдѣ опасность! Фабрика—вотъ та ячейка, откуда поднимется красное знамя бунта! Фабрика—вотъ то зло, съ которымъ, однако, нельзя бороться грубой силой; ни полиція, ни солдаты, ни штыки и даже ни пушки—всѣ эти средства неудобны и опасны; пора администраціи умѣло пойти на фабрику въ качествѣ могущественнаго посредника и, какъ это ни прискорбно, нѣсколько помирволить рабочей массѣ. Забравъ въ руки большинство рабочихъ, заставивъ фабрикантовъ поступиться своими крупными барышами, правительство будетъ хозяиномъ положенія и не будетъ получать бунтарскихъ сюрпризовъ. Но, надавливая на предпринимателей, мѣстныя власти должны держать въ рукахъ и рабочую силу. Словомъ, однимъ камнемъ будетъ сдѣлано два удара...

Такъ, вѣроятно, разсуждалъ г. Зубатовъ. Но если старыя мѣры водворенія порядка и тишины среди недовольныхъ своими хозяевами рабочихъ, именно штыки и даже пушки, устарѣли и не годились въ дѣло, то и образъ дѣйствій Зубатова не имѣлъ смысла. Правда, этотъ человѣкъ «съ хитростью къ зерну приближался», но его минусомъ явилось незнаніе и фабрики, и вообще русскаго народа. Въ область заводской среды проникъ лучъ свѣта,—грамот-

ность, стремленіе къ культурѣ. Русскій чернорабочій скоро доказалъ, что онъ не только «сырой матеріалъ» для образованія или «черной сотни», или «краснаго легіона», а, какъ и всякій человѣкъ, способенъ воспринимать кое-что и другое, болѣе для себя полезное и благородное. О перерожденіи московскаго рабочаго я буду имѣть возможность сказать особо, а пока замѣчу, что планы Зубатова разлетѣлись прахомъ именно отъ того плантаторскаго взгляда, который этотъ темный дѣятель осмѣлился имѣть на русскій народъ. Обмануть Трепова ему удалось легко, но жизнь его самого не только обманула, а моментально уничтожила, при первой попыткѣ осуществленія безобразныхъ зубатовскихъ идеаловъ...

Въ этомъ очеркѣ читатель встрѣтитъ выраженіе: «рабочіе вывозили въ тачкѣ тѣхъ, кто хотѣлъ стать на работы».

Дѣйствительно, такъ и было. На фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры взбудораженные рабочіе схватили нѣсколькихъ лицъ, посадили ихъ въ обыкновенныя тачки, набросали туда же ихъ скарбъ, вывезли изъ фабричныхъ воротъ и съ гиканьемъ, хохотомъ и угрожающими фразами вывалили несчастныхъ въ оврагъ, на снѣгъ и въ грязь, при этомъ воспретивъ возвратиться обратно на фабрику.

«Вывозъ въ тачкѣ» сталъ было входить въ моду, имъ пользовались и на другихъ фабрикахъ во время забастовокъ и безпорядковъ, но, къ счастью, эта «мода» долго не продержалась.

Н. Ежовъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „ГУБЕРНАТОРЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЪ“.

ВЪ ДЕКАБРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1909 г. напечатана статья г. Подольскаго, подъ заглавіемъ: «Губернаторъ-революціонеръ». Въ этой статьѣ неправильно окрашены событія, касающіяся дѣятельности войсковыхъ частей во время кутаисскихъ безпорядковъ въ 1905 году, и потому считаю своимъ долгомъ для возстановленія истины изложить эти событія въ томъ видѣ, въ какомъ они происходили дѣйствительно.

Находясь въ Кутаисѣ съ 10-го сентября 1905 по 15-е сентября 1907 года, во главѣ Бессарабскаго полка, я былъ очевидцемъ всего, излагаемаго мною ниже, и могу подтвердить это какъ документальными данными, такъ и свидѣтельствомъ многихъ лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе офиціальное положеніе.

Здѣсь я буду говорить лишь по поводу непонятнаго для меня и, казалось бы, ненужнаго для правильной исторической оцѣнки личности знаменитаго губернатора Старосельскаго, извращенія фактовъ, касающихся дѣятельности войскъ и ихъ начальниковъ.

Прибывъ на Кавказъ съ полкомъ въ началѣ сентября, я много слышалъ объ убійствѣ подполковника Ходецкаго, произведенномъ въ августѣ мѣсяцѣ, и о тѣхъ непріятностямъ, которыя революціонеры причиняли семьѣ покойнаго послѣ его убійства, но ни слова не слышалъ о нападеніи на лагерь Куринскаго и Потійскаго полковъ, хотя былъ знакомъ съ командиромъ Куринскаго полка и часто бесѣдовалъ съ нимъ о разыгрывающихся событіяхъ. Когда я прибылъ въ Кутаисъ, оба полка находились не въ лагерѣ, а въ городскихъ казармахъ.

Выводъ изъ Кутаиса Куринскаго и Потійскаго полковъ былъ произведенъ не по настояніямъ Старосельскаго, а по особымъ соображеніямъ штаба кавказскаго военнаго округа, и эти полки вышли уже тогда, когда части 33-й пѣхотной дивизіи прибыли на Кавказъ, причемъ команда Куринскаго полка, численностью въ 60 человѣкъ при офицерѣ, продолжала оставаться въ Кутаисѣ до конца 1906 года.

Назначеніе на Кавказъ 33-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей вовсе не было неожиданностью для намѣстника, а было сдѣлано по его настоятельному ходатайству объ усиленіи войскъ на Кавказѣ. Намѣстникомъ даже было сдѣлано распоряженіе о торжественной встрѣчѣ войскъ, прибывающихъ изъ Россіи [1]).

33-я пѣхотная дивизія съ 33-й артиллерійской бригадой прибыла на Кавказъ не въ составѣ 6-ти батальоновъ, какъ пишетъ г. Подольскій, а въ составѣ 16-ти батальоновъ и 6-ти батарей. Изъ нихъ 8 батальоновъ и 4 батареи были расположены въ Кутаисской губерніи и Батумѣ, а 8 батальоновъ и 2 батареи въ Баку, гдѣ находился и штабъ дивизіи.

Г. Подольскій пишетъ, что 13-го декабря 1905 г. наступила желѣзнодорожная забастовка, а въ Кутаисской губерніи и Батумѣ началось вооруженное возстаніе. Свѣдѣніе это не совсѣмъ вѣрно. Забастовокъ было двѣ: первая—почтово-телеграфная и отчасти желѣзнодорожная—была съ 15-го октября по 4-е ноября 1905 г., а вторая съ 11-го декабря 1905 года по 6-е января 1906 года. Что же касается вооруженнаго возстанія, то, принимая за возстаніе частныя выступленія вооруженныхъ шаекъ революціонеровъ, таковыя были произведены въ Кутаисѣ 27-го и 28-го ноября и въ разныхъ мѣстахъ Кутаисской губерніи въ концѣ декабря. Съ началомъ же второй забастовки, т. е. съ 11-го до 26-го декабря, вооруженное возстаніе въ Кутаисѣ ничѣмъ не обнаруживалось.

27-го ноября революціонеры въ Кутаисѣ устроили на улицахъ баррикады и вступили въ перестрѣлку съ казаками и стражниками. Съ появленіемъ на мѣстѣ происшествія Бессарабскаго полка, толпа собравшихся революціонеровъ немедленно разошлась, баррикады были уничтожены, и порядокъ въ городѣ возстановленъ [2]).

28-го ноября вечеромъ было произведено шайкой вооруженныхъ революціонеровъ, человѣкъ въ 15, нападеніе на мою квартиру въ то время, когда меня не было дома. Подоспѣвшими изъ находившейся

---

[1]) Стр. 309—311 «Исторіи 129 пѣх. Бессарабскаго полка». Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду дѣлать ссылки на эту книгу, изданную въ этомъ году, какъ на безпристрастный историческій документъ, въ которомъ событія описываются въ послѣдовательности ихъ развитія на основаніи офиціальныхъ документовъ и записей очевидцевъ.

[2]) Стр. 329 «Исторіи Бессарабскаго полка». Копія предп. начальника гарн. отъ 27 ноября. Приложенія II и III.

вблизи моей квартиры казармы солдатами Бессарабскаго полка нападеніе было отбито, а начавшійся было въ городѣ безпорядокъ съ устройствомъ вновь баррикадъ былъ прекращенъ въ самомъ началѣ высланною мною ротою Бессарабскаго полка [1]).

Въ Батумѣ, по дошедшимъ до меня слухамъ, 27-го ноября также были устроены баррикады и велась перестрѣлка революціонеровъ съ войсками. Подробности этого столкновенія мнѣ неизвѣстны, но долженъ сказать, что въ Батумѣ, вопреки сообщенію г. Подольскаго, въ это время находились не только пластунская и казачья сотни, а весь 2-й Лабинскій казачій полкъ, а также другія войсковыя части, которыя принимали участіе въ подавленіи вооруженнаго выступленія революціонеровъ. Что же касается Гуріи, то оставляю на совѣсти г. Подольскаго свѣдѣніе, что она должна была сдѣлать, но не могу понять, какъ она могла бы захватить Батумъ и не пускать войска отсюда, когда въ Озургетахъ, самомъ центрѣ Гуріи, стояли двѣ пластунскихъ сотни и Херсонскій полкъ, командиръ котораго, полковникъ (нынѣ генералъ-майоръ) Крыловъ своими энергичными дѣйствіями не давалъ развиваться революціи въ Гуріи, о чемъ своевременно сообщалось во многихъ русскихъ газетахъ. Несомнѣнно, пластуны и казаки честно несли службу и содѣйствовали во многомъ сокрушенію революціи, но приписывать всю честь подавленія этой революціи имъ однимъ при наличіи другихъ войскъ, какъ это дѣлаетъ г. Подольскій, значитъ утверждать, что остальныя войска были не на должной высотѣ и бездѣйствовали.

Невѣрно сообщеніе г. Подольскаго, что городовые остались активными. Во время второй, именно декабрьской, забастовки всѣ городовые бросили службу въ полиціи и войскамъ приходилось нести особый нарядъ по охранѣ полицейскихъ участковъ. Вмѣсто городовыхъ, появились милиціонеры, подъ названіемъ городскихъ охранниковъ, несомнѣнно, революціоннаго происхожденія. Войска ихъ не признавали за полицію, и съ ними часто происходили столкновенія. Стражники, дѣйствительно, оставались все время активными исполнителями полицейской службы. Въ двадцатыхъ числахъ декабря революціонеры собирались напасть на ихъ казарму и обезоружить, вслѣдствіе чего они были переведены въ казармы Бессарабскаго полка и подчинены мнѣ [2]). Жандармы также продолжали нести службу.

Не могу согласиться съ г. Подольскимъ, что генералъ Шишковскій сталъ лишь исполнителемъ требованій революціонеровъ и что роль начальниковъ была сведена не къ проявленію власти, а къ сдерживанію проявленія всякаго импульса, всякой власти. Это совершенно невѣрно. Изъ приложенныхъ при семъ копій распоря-

---

[1]) Стр. 330 «Исторіи Бессарабскаго полка».

[2]) Предп. начальн. гарнизона отъ 22 декабря. Приложеніе V.

женій генерала Шишковскаго [1]), относящихся главнымъ образомъ къ концу декабря, видно, что это обвиненіе, предъявленное къ нынѣ умершему уже генералу, несправедливо. Исполнителемъ воли революціонеровъ онъ не былъ, да и не могъ быть по своему положенію. Къ сожалѣнію, онъ во многомъ вѣрилъ Старосельскому и у него не хватило рѣшимости безъ указанія свыше объявить своевременно военное положеніе и взять на себя, опираясь на исключительныя обстоятельства, управленіе губерніей, на чемъ неоднократно настаивали собиравшіеся у него войсковые начальники. Требованія болѣе сильнаго воздѣйствія на революціонеровъ съ объявленіемъ военнаго положенія не вяжутся съ заявленіемъ г. Подольскаго, что начальники частей стремились къ подавленію всякаго проявленія власти. Напротивъ того, начальники частей настояли передъ генераломъ Шишковскимъ на томъ, чтобы были созваны всѣ офицеры кутаисскаго гарнизона и на общемъ собраніи выработаны самыя рѣшительныя мѣры борьбы съ революціей. Такихъ собраній было два: одно 23-го декабря 1905 года и второе 5-го января 1906 года. На первомъ было выработано особое постановленіе, пункты 3 и 4 котораго давали возможность каждому военному начальнику дѣйствовать самостоятельно, въ случаѣ какихъ-либо выступленій революціонеровъ. Это постановленіе имѣло весьма серьезныя послѣдствія въ смыслѣ подавленія революціи въ городѣ Кутаисѣ [2]).

Невѣрно также сообщеніе г. Подольскаго, что вокзалъ въ городѣ Кутаисѣ былъ занятъ казаками. Изъ приводимаго въ приложеніи письма командира казачьяго полка видно, что онъ просилъ генерала Шишковскаго занять вокзалъ пѣхотой; это видно и изъ предписанія начальника гарнизона [3]).

Казармы казачьяго полка такъ близко находились отъ вокзала, что послѣ общаго собранія 23-го декабря командиръ казачьяго полка взялъ на себя обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы революціонеры не пользовались желѣзной дорогой.

Около станціи Ріонъ никакихъ позицій, окопанныхъ траншеями, не было. Кто знаетъ мѣстность у этой станціи, можетъ подтвердить всю ошибочность подобнаго сообщенія. Кромѣ того, 31-го декабря 1905 года на станцію Ріонъ была выслана сотня казаковъ [4]), которая никакой укрѣпленной позиціи, занятой революціонерами, не обнаружила. Чтобы преградить путь изъ Кутаиса на Квирилы, вовсе не нужно устраивать позиціи у Ріона, такъ какъ путь на Квирилы идетъ по Старо-Тифлисскому тракту черезъ Красную рѣчку мимо селеній Симонети и Эцери, совсѣмъ въ сторонѣ отъ станціи Ріонъ.

---

[1]) Приложенія I—XII.

[2]) Стр. 335 «Исторіи Бессарабскаго полка». Предписаніе начальника гарнизона отъ 29 декабря. Приложеніе IX и X.

[3]) Прил. VI и IX.

[4]) Письмо начальника гарнизона. Прил. XI.

На этомъ пути, около станціи Симонети высланною сотнею Хоперскаго полка дѣйствительно была обнаружена застава революціонеровъ [1]).

Командиръ роты, стоявшей въ Квирилахъ, былъ вызванъ не въ Бѣлогоры, какъ пишетъ г. Подольскій, а тутъ же на станцію Квирилы. Бѣлогоры находятся не по сосѣдству съ Квирилами, а черезъ двѣ станціи (Шоропань и Дзерула) въ разстояніи 22-хъ верстъ. Ротою въ Бѣлогорахъ командовалъ не капитанъ Тарасовъ, а штабсъ-капитанъ Давыдовъ. Капитанъ же Тарасовъ командовалъ ротою Бессарабскаго полка, стоявшей въ Чіатурахъ, и былъ убитъ тамъ 8-го ноября за то, что не позволялъ толпѣ ходить съ красными флагами.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ никакой батареи 33-й артиллерійской бригады въ Кутаисъ не прибывало и описанныхъ г. Подольскимъ затрудненій въ пріисканіи квартиръ для этой батареи не могло происходить.

Но въ особенности отличается ошибками и несообразностями та глава статьи г. Подольскаго, въ которой онъ приписываетъ прекращеніе революціи въ Кутаисѣ заурядъ-прапорщику Ващуку, назвавшемуся капитаномъ Выгорскимъ. На самомъ же дѣлѣ событія происходили много иначе, чѣмъ это разсказываетъ г. Подольскій.

Какимъ образомъ Ващукъ присоединился къ отряду полковника Гаврилова, мнѣ неизвѣстно, но я опишу, какъ мнѣ стало извѣстно о появленіи Ващука въ Кутаисѣ.

Утромъ 9-го января 1906 года въ Кутаисъ прибылъ подъ начальствомъ подполковника Чиковани воинскій поѣздъ съ батальономъ Эриванскаго полка, который привезъ между прочимъ обезоруженныхъ въ Квирилахъ и Бѣлогорахъ тенгинцевъ. Я былъ вызванъ генераломъ Шишковскимъ на вокзалъ для рѣшенія вопроса о размѣщеніи тенгинцевъ до отправленія ихъ въ полкъ. Заурядъ-прапорщика Ващука при этомъ не было, или, можетъ быть, онъ не показывался, и написанное г. Подольскимъ обращеніе его къ тенгинцамъ, якобы толпившимся на площади передъ вокзаломъ, является чистѣйшей фантазіей. Тенгинцы на площади не толпились, а прямо съ вокзала отправились въ указанное имъ помѣщеніе, расположенное недалеко отъ вокзала.

Нужно замѣтить, что тенгинцы прибыли подъ командой того ротнаго командира, рота котораго стояла въ Квирилахъ.

Если утромъ 9-го Ващукъ дѣйствительно появился въ Кутаисѣ, то онъ могъ прибыть только съ тѣмъ же поѣздомъ, съ которымъ привезли и тенгинцевъ, а потому вопросъ его, направленный къ жандармскому вахмистру, является абсурдомъ.

---

[1]) Предп. начальника гарнизона отъ 3 января 1906 г. Прил. XII.

Далѣе г. Подольскій пишетъ, что послѣ обращенія къ тенгинцамъ Ващукъ переходилъ отъ одной части къ другой и благодарилъ ихъ отъ имени Царя за молодецкую службу. Интересно было бы спросить г. Подольскаго: какія это были части? Въ описываемое время въ Кутаисѣ находились: 129-й пѣхотный Бессарабскій полкъ, 3 батальона 155-го пѣхотнаго Кубинскаго полка, команда 79-го пѣхотнаго Куринскаго полка, 4 батареи 33-й артиллерійской бригады и 1-й Хоперскій казачій полкъ. Ни одной изъ этихъ частей утромъ 9-го января на площади передъ вокзаломъ не было, да и странно было бы имъ тамъ собираться безъ всякой надобности, а потому Ващукъ и не могъ переходить отъ одной части къ другой и благодарить ихъ отъ имени царя. Какой бы ни былъ начальникъ, но если младшій въ чинѣ ни съ того, ни съ сего подойдетъ къ его части и начнетъ ее благодарить, да еще отъ имени царя, то этотъ начальникъ непремѣнно задастъ вопросы: кто вы такой, откуда и кто васъ уполномочилъ обращаться съ чѣмъ-либо къ моей части?

Точно также все дальнѣйшее, какъ, напримѣръ, разговоры солдатъ по адресу ихъ старшаго начальника и обращеніе Ващука къ генералу Шишковскому съ порицаніемъ его дѣйствія, является выдумкой.

Передавъ мнѣ нѣкоторыя распоряженія, генералъ Шишковскій отправился къ себѣ домой и никакого грознаго посланца въ это время не видѣлъ.

Тогда же, 9-го января, около 6-ти часовъ вечера, я былъ у генерала Шишковскаго по его приглашенію, и генералъ сообщилъ мнѣ, что на обѣдѣ у казаковъ, съ котораго онъ только вернулся, онъ встрѣтилъ какого-то капитана Выгорскаго, говорившаго съ апломбомъ о своихъ широкихъ полномочіяхъ по части ареста политическихъ преступниковъ. Я спросилъ генерала: являлся ли ему, какъ начальнику гарнизона, означенный капитанъ и представилъ ли удостовѣреніе своей личности? Получивъ отрицательный отвѣтъ, я выразилъ сомнѣніе въ дѣйствительности полномочій именующаго себя капитаномъ Выгорскимъ и тутъ же настоялъ на немедленной посылкѣ телеграммы намѣстнику съ запросомъ о капитанѣ Выгорскомъ.

Что говорилъ Ващукъ генералу Шишковскому за обѣдомъ у казаковъ, я не знаю, такъ какъ тамъ не былъ, но на основаніи переданнаго мнѣ генераломъ при нашей вечерней встрѣчѣ я глубоко сомнѣваюсь, чтобы Ващукъ могъ обратиться къ генералу Шишковскому съ такими словами, которыя приведены въ статьѣ г. Подольскаго. Добавка же послѣ телеграммы генерала Шишковскаго, что спокойствіе въ городѣ наступило послѣ того, какъ Ващукъ объявилъ Старосельскому, что его повѣситъ, также относится къ области фантазіи, такъ какъ во время составленія означенной телеграммы ни мнѣ, ни генералу Шишковскому ничего не было извѣстно о появленіи Ващука у Старосельскаго.

Послѣ отправки телеграммы я оставался еще недолго у генерала Шишковскаго, и въ это время генераломъ была получена записка отъ Старосельскаго, въ которой послѣдній сообщилъ, что къ нему около 7-ми часовъ вечера явились два офицера, одинъ въ адъютантской, другой въ саперной формѣ, оба не совсѣмъ трезвые, и офицеръ въ адъютантской формѣ потребовалъ отъ Старосельскаго выдачи 140 революціонеровъ по какому-то списку. Когда же Старосельскій потребовалъ отъ этого офицера письменнаго документа, на которомъ онъ основываетъ свои требованія, то, наговоривъ ему дерзостей, оба офицера удалились, обѣщая явиться на другой день. Старосельскій спрашиваетъ начальника гарнизона, извѣстно ли ему о появленіи въ Кутаисѣ такого офицера. На это генералъ Шишковскій отвѣтилъ, что дѣйствительно часа два тому назадъ онъ видѣлъ въ офицерскомъ собраніи Хоперскаго полка нѣкоего капитана Выгорскаго, по поводу полномочій котораго запросилъ телеграммой намѣстника, что совѣтуетъ сдѣлать и Старосельскому.

На другой день, т. е. 10-го января утромъ, у начальника гарнизона было назначено собраніе начальниковъ отдѣльныхъ частей для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ введеннымъ наканунѣ военнымъ положеніемъ. У генерала Шишковскаго мы застали офицера въ адъютантской формѣ, котораго генералъ представилъ намъ, какъ капитана Выгорскаго, прибывшаго по порученію генерала Алиханова для ареста указанныхъ послѣднимъ политическихъ преступниковъ. Для возстановленія истины долженъ отмѣтить, что на капитанѣ Выгорскомъ знаковъ отличія военнаго ордена и орденовъ за боевыя отличія никакихъ не было. Выгорскій былъ въ сюртукѣ, и комбинація такихъ отличій, красовавшихся на его груди при его капитанскомъ чинѣ, о которыхъ пишетъ г. Подольскій, бросалась бы въ глаза каждому военному своею явною несообразностью, такъ какъ показывала бы, что Ващукъ полу́чилъ за одну кампанію 12 наградъ, но тогда такой герой былъ бы извѣстенъ всему міру. Вмѣсто ордена Георгія 4-й степени была только ленточка въ петлицѣ сюртука, самого же креста не было. Золотого оружія, этого достоянія храбрыхъ, какъ пишетъ г. Подольскій, у Выгорскаго также не было. Это былъ средняго роста, довольно невзрачнаго вида темный шатенъ, даже скорѣе брюнетъ, съ безпокойно бѣгавшими черными глазками. Къ его присутствію на нашемъ засѣданіи мы отнеслись совершенно безразлично, тѣмъ болѣе, что капитанъ Выгорскій держалъ себя очень скромно и во время нашего засѣданія не проронилъ ни слова. Не могу не упомянуть объ одной маленькой, но характерной подробности: всѣ мы явились въ засѣданіе въ сюртукахъ при шарфахъ, Выгорскій же былъ безъ шарфа. Пока мы собирались въ столовой, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія у генерала, Выгорскій куда-то исчезъ, но вскорѣ появился вмѣстѣ съ генераломъ уже при шарфѣ. Упоминаю это потому, что эта ма-

ленькая подробность, а также отсутствіе георгіевскаго креста при наличіи ленточки, безпокойно бѣгающіе глаза и скромность, не вязавшаяся съ апломбомъ, проявленнымъ наканунѣ, еще болѣе усугубили мои сомнѣнія относительно личности капитана Выгорскаго, которыя я и высказалъ генералу Шишковскому тотчасъ же послѣ ухода Выгорскаго по окончаніи засѣданія. Но генералъ возразилъ мнѣ, что до полученія разъясненія изъ Тифлиса на посланную телеграмму онъ никакихъ мѣръ по отношенію Выгорскаго принимать не можетъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній предъявилъ ему телеграмму генерала Алиханова объ арестѣ Старосельскаго. Впослѣдствіи оказалось, что генералъ Алихановъ никакой такой телеграммы не посылалъ и слѣдовательно предъявленная Ващукомъ генералу Шишковскому телеграмма была подложная.

Около часу дня я былъ экстренно вызванъ начальникомъ гарнизона къ дому губернатора. Когда я подъѣзжалъ туда, то увидѣлъ слѣдующую картину: передъ домомъ губернатора стояла толпа тенгинцевъ, прибывшихъ наканунѣ; сзади нихъ около полусотни казаковъ; изъ дома губернатора къ тенгинцамъ два раза прошмыгнулъ съ довольно растерянным видомъ офицеръ, въ которомъ я узналъ капитана Выгорскаго. Генералъ Шишковскій ходилъ въ волненіи передъ тенгинцами и о чемъ-то съ ними разговаривалъ. Сойдя съ экипажа, я направился къ генералу, и онъ обратился ко мнѣ съ просьбой успокоить тенгинцевъ, которые волнуются, требуя отъ губернатора выдачи ружей, которыя они сдали революціонерамъ. Тонъ, которымъ говорили тенгинцы со своимъ начальникомъ дивизіи, былъ не допустимъ съ точки зрѣнія воинской дисциплины, а потому я обратился къ тенгинцамъ съ суровымъ замѣчаніемъ по поводу ихъ поведенія и нелѣпости требованія, такъ какъ губернатору они ружей не сдавали. Къ казакамъ же обратился съ вопросомъ: извѣстно ли ихъ командиру, что они пришли поддерживать тенгинцевъ въ производимыхъ ими безпорядкахъ? На это казаки отвѣтили, что они пришли безъ вѣдома своего командира. Тогда я обратился къ генералу Шишковскому съ предложеніемъ, что если онъ желаетъ, о я могу вызвать роту своего полка и отправить волнующихся солдатъ къ себѣ въ казармы, какъ арестованныхъ. Но послѣ этихъ моихъ словъ и тенгинцы и казаки немедленно ушли въ свои казармы. Никакихъ ружей тенгинцамъ Старосельскій не выдавалъ, да и не могъ выдать, такъ какъ захватившіе ружья революціонеры съ приближеніемъ генерала Алиханова къ Квириламъ разбѣжались, унося съ собой и ружья.

Сообщаемое г. Подольскимъ, что къ назначенному часу у Старосельскаго собрались: командиръ Бессарабскаго полка съ командой отъ полка, жандармскій полковникъ и командиръ казачьяго полка, приглашенные якобы Старосельскимъ для его защиты, невѣрно. Какъ я уже сказалъ, я былъ вызванъ генераломъ Шишковскимъ,

никакой команды съ собой не приводилъ, такъ какъ до прибытія къ дому губернатора даже не зналъ о цѣли вызова. Въ домъ губернатора не входилъ, разговора съ губернаторомъ Вашука не слышалъ, а потому и не могъ при этомъ разговорѣ «любезно» предложить послѣднему въ конвой роту. По моемъ прибытіи къ дому губернатора, ни командира казачьяго полка, ни жандармскаго полковника тамъ не было. Начальникъ кутаисскаго жандармскаго управленія, полковникъ Николаевъ, былъ въ такихъ непріязненныхъ отношеніяхъ со Старосельскимъ, что появленіе его въ домѣ губернатора, да еще для защиты послѣдняго, было невозможно. Поведеніе Старосельскаго и его политика казались всѣмъ намъ, военнымъ, настолько подозрительными, что арестъ его никого не могъ удивить и ни одинъ изъ начальниковъ частей не помѣшалъ бы этому аресту, а тѣмъ болѣе не сталъ бы защищать Старосельскаго.

Когда тенгинцы и казаки отправились въ свои казармы, Вашукъ снова вышелъ изъ дома губернатора и, увидя, какъ удаляется его единственная опора—взбудораженные имъ тенгинцы, подбѣжалъ ко мнѣ и заискивающимъ тономъ сталъ говорить, что генералъ Алихановъ поручилъ ему арестовать и привезти въ Квирилы губернатора Старосельскаго, но что онъ, Выгорскій, боится, какъ бы стоявшіе на станціи Ріонъ пластуны, возмущенные дѣятельностью Старосельскаго, не убили его. Вотъ тогда я отвѣтилъ Выгорскому, что если онъ имѣетъ отъ генерала Алиханова такое серьезное порученіе, чтобы доставить Старосельскаго живымъ, и не надѣется этого исполнить, то я могу дать ему роту для сопровожденія. Это предложеніе вытекало изъ двухъ моихъ предположеній: или, какъ это признавалъ начальникъ гарнизона, капитанъ Выгорскій дѣйствительно командированъ генераломъ Алихановымъ, но изъ разговора съ пластунами вынесъ впечатлѣніе, что ему трудно будетъ выполнить возложенное на него порученіе,—тогда ему необходимо оказать содѣйствіе или же капитанъ Выгорскій самозванецъ, быть можетъ, переодѣтый революціонеръ, играющій со Старосельскимъ комедію, и тогда нужно назначить конвой, чтобы не дать имъ бѣжать. Разыгрывавшаяся передъ моими глазами комедія начинала казаться мнѣ довольно подозрительной и тонъ обращенія моего къ капитану Выгорскому далеко не былъ любезнымъ. На мое предложеніе Выгорскій ничего не отвѣтилъ, но снова побѣжалъ въ домъ губернатора и вскорѣ появился оттуда уже въ сопровожденіи Старосельскаго. Подойдя ко мнѣ, Выгорскій сказалъ, что ему удастся, быть можетъ, провезти Старосельскаго при помощи однихъ жандармовъ, послѣ чего они оба сѣли въ экипажъ и отправились на вокзалъ. Никакого конвоя при нихъ не было. Что же касается вице-губернатора Кипшидзе, то я положительно не могу припомнить, былъ ли онъ при этомъ, или нѣтъ, такъ какъ главное мое вниманіе было обращено на Вы-

горскаго и Старосельскаго. Сомнѣнія мои въ личности капитана Выгорскаго побудили меня отправиться вслѣдъ за нимъ на вокзалъ, чтобы убѣдиться, что Старосельскій отправляется въ сопровожденіи жандармовъ. На вокзалѣ я дѣйствительно увидѣлъ полковника Николаева и нѣсколькихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, садившихся въ поѣздъ со Старосельскимъ. Тамъ же я встрѣтилъ начальника кутаисскаго желѣзнодорожнаго жандармскаго управленія, подполковника Гамреклидзе, съ которымъ подѣлился своими сомнѣніями по поводу всего происшедшаго. Подполковникъ Гамреклидзе также высказалъ свои сомнѣнія относительно личности капитана Выгорскаго, сообщивъ мнѣ, что послѣдній представился ему какъ адъютантъ генерала Алиханова и для распоряженія о составленіи экстреннаго поѣзда, который долженъ былъ увезти арестованнаго Старосельскаго въ Квирилы, предъявилъ телеграмму, показавшуюся подполковнику Гамреклидзе подозрительной. Послѣ этого обмѣна нашихъ мнѣній подполковникомъ Гамреклидзе была отправлена генералу Алиханову телеграмма о дѣйствіяхъ его адъютанта.

Послѣ ареста Старосельскаго циркулировали упорные слухи, что арестъ этотъ былъ произведенъ Ващукомъ далеко не изъ героическихъ соображеній, а по совершенно инымъ побужденіямъ, точно также, какъ и набѣгъ на сел. Багдады, гдѣ Ващукомъ ни одинъ революціонеръ арестованъ не былъ.

Въ разсказѣ г. Подольскаго исторія съ арестомъ губернатора представлена въ необычайномъ для Ващука свѣтѣ. Послѣ описанія посѣщенія Ващукомъ Старосельскаго г. Подольскій говоритъ: «Эффектъ получился невѣроятный, мигомъ кончилась забастовка, магазины открылись, баррикады были разнесены, городъ зажилъ. Революціи словно не бывало. Выпущенные изъ казармъ солдаты ликовали». Насколько здѣсь правды, видно изъ слѣдующаго.

Какъ я уже говорилъ, Ващукъ появился у Старосельскаго около 7 час. вечера. Въ силу военнаго положенія, магазины въ это время запирались и городъ, наоборотъ, замиралъ, такъ какъ по улицамъ, кромѣ воинскихъ дозоровъ, никакого движенія послѣ 8 часовъ вечера не допускалось. Никакихъ забастовокъ въ это время въ Кутаисѣ не было. Послѣ 28 ноября ни разу не было попытки строить баррикады.

«Революціи какъ не бывало», говоритъ г. Подольскій. Къ чему же тогда были направлены серьезныя усилія генерала Алиханова, за которыя онъ поплатился жизнью? Къ чему было военное положеніе, если революціи не было? Вѣдь если Ващукъ однимъ своимъ появленіемъ уничтожилъ революцію, то генералу Алиханову оставалось, разыскавъ этого молодца, поблагодарить его и оставить при себѣ для дальнѣйшихъ геройскихъ подвиговъ и подавленія революціи въ другихъ пунктахъ губерніи. Вмѣсто этого генералъ Алихановъ арестовалъ героя и такъ какъ тотъ притво-

рился психически больнымъ, то отправилъ его въ Навтлугскій госпиталь.

По словамъ г. Подольскаго, «выпущенные изъ казармъ солдаты ликовали». Какіе же это солдаты были заперты въ казармахъ? Кто ихъ выпустилъ и почему они ликовали? Вѣдь еще утромъ, по описанію г. Подольскаго, Ващукъ на площади передъ вокзаломъ переходилъ отъ одной части къ другой и благодарилъ ихъ отъ имени царя за молодецкую службу.

Совершенно невѣрно также заключеніе г. Подольскаго, что только непредвидѣнныя обстоятельства не дали мятежу окончиться такъ, какъ желали мятежники, и что своимъ энергичнымъ выступленіемъ Ващукъ сразу прикончилъ революцію.

Мятежъ, если онъ и входилъ въ планы революціонеровъ, не разыгрался благодаря доблести войскъ, оставшихся вѣрными своему долгу, но не одной только горсточки пластуновъ, а всѣхъ войскъ вообще, которыя были разбросаны по различнымъ пунктамъ Кутаисской губерніи.

Прилагаю при семъ случайно сохранившійся у меня приказъ по войскамъ кавказскаго военнаго округа, въ которомъ описывается одинъ изъ примѣровъ доблести небольшой горсточки солдатъ. Этотъ случай не единичный, и разоруженіе революціонерами двухъ ротъ тенгинцевъ представляетъ печальное исключеніе. Вотъ объ эти-то горсточки преданныхъ своему долгу людей да о дѣйствія энергичныхъ, не потерявшихся начальниковъ и разбились широкіе планы революціонеровъ [1]).

Что же касается Ващука, то роль его въ дѣлѣ подавленія революціи поистинѣ жалка и сомнительна по своей подкладкѣ, несмотря на старанія г. Подольскаго выставить Ващука героемъ.

Требуя выдачи 140 революціонеровъ и обѣщая въ случаѣ неисполненія этого—разгромить весь городъ Кутаисъ, онъ ограничивается арестомъ одного лишь Старосельскаго, прибѣгая при этомъ къ обману и предъявляя подложныя телеграммы. Арестъ же Старосельскаго въ указанное время никакого вліянія на ходъ революціи не имѣлъ, именно потому, что Старосельскій къ этому времени уже окончилъ свою роль и для дальнѣйшаго хода революціи значенія не имѣлъ, такъ какъ надвигалась новая и дѣйствительно грозная для революціи сила въ лицѣ генерала Алиханова и если этому, дѣйствительно сильному духомъ и непреклонной воли человѣку не удалось за время своего управленія губерніей подавить окончательно революцію, то какъ же можно приписывать ея окончаніе выступленію какого-то Ващука?

М. Шишкевичъ.

---

[1]) Стр. 329—350 «Исторіи Бессарабскаго полка». Письмо начальника гарнизона отъ 31 декабря. Прил. XI.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Письмо начальника кутаисскаго гарнизона къ командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка.

27 октября.

Глубокоуважаемый Михаилъ Ивановичъ!

Часъ тому назадъ (около 12½ час. дня) я шелъ по нашей Балахванской улицѣ и былъ остановленъ моимъ сосѣдомъ княземъ Накашидзе (подполковникъ въ отставкѣ). Онъ везъ ко мнѣ трехъ очень возбужденныхъ гимназистовъ старшихъ классовъ узнать правду о событіяхъ въ Тифлисѣ. Между ними распространяютъ слухи, что солдаты въ Тифлисѣ ворвались въ гимназію и кололи штыками малыхъ и большихъ учениковъ!!? Это, конечно, ихъ возбуждаетъ злоумышленная партія.

Въ виду этого прошу васъ сегодня на ночь усилить патрули и имѣть побольше войскъ пѣхоты на лѣвомъ берегу Ріона.

Легко можетъ быть, что возбужденіе молодежи и революціонеровъ дойдетъ до того, что они бросятся уничтожать все и всѣхъ русскихъ. Надо это предупредить, насколько возможно. Приходится не пожалѣть людей на сегодняшнюю ночь и выслать сильные патрули на эту нашу сторону, для предупрежденія очень вѣроятныхъ безпорядковъ. Особенно надо оберечь тюрьму, изъ которой постараются всѣми силами освободить каторжниковъ—людей внѣ закона, которые революціонерамъ будутъ надежными помощниками.

Завтра впечатлѣніе уже ослабѣетъ, хотя, конечно, опасность еще не минуетъ.

Я слышалъ вчера отъ губернатора, что 33 каторжника въ тюрьмѣ разбили и сняли кандалы. Имъ ихъ приказано надѣть вновь, но приказано полицеймейстеромъ (!?). Что это значитъ? Надо намъ самихъ себя и русскихъ оберечь и предупредить событіе, дабы избѣжать крови.

Завтра въ 8 час. утра ѣду въ Самтреди и далѣе, повѣрить посты на желѣзной дорогѣ, исполняя приказаніе главнокомандующаго. Старшимъ остается г.-м. Васильевъ.

Всѣ мы, русскіе, ввѣряемъ себя вамъ и вашему молодецкому полку Докажите, что мы вездѣ сила, сломить которую нельзя.

Искренно васъ уважающій

Н. Шишковскій.

II. Предписаніе начальника гарнизона командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка.

27 ноября.

Прошу выслать сильные патрули (по 20—30 чел.) и направить ихъ въ городъ для водворенія порядка. Занять нужно центръ города и перекрестокъ у Балахванской улицы и Кредитнаго общества банка. По возможности избѣгать кровопролитія, уговаривая толпу разойтись. Столкновеніе началось черезъ казаковъ. Займите городъ на ночь.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

III. Предписаніе отъ того же тому же.

27 ноября, 8 ч. 35 м. веч.

Предписываю вамъ сейчасъ же выслать къ собору пять патрулей по 20 чел. каждый. Тамъ ихъ встрѣтитъ полицеймейстеръ и направитъ куда нужно.

Начальникъ гарнизона ген.-лейтен. Шишковскій.

IV. Письменное сообщеніе начальника гарнизона командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка.

21 декабря 1905 г. № 210.

Сейчасъ получилъ свѣдѣніе, что ночью съ поѣздомъ пріѣхало въ Кутаисъ до 2.000 человѣкъ вооруженныхъ имеретинъ и всѣ расположились у обывателей на Архіерейской горѣ.

Прошу губернатора провѣрить этотъ слухъ и предупредить меня о его справедливости.

Приказываю и казакамъ возможно въ этомъ убѣдиться. Прошу и васъ имѣть это въ виду и сообразить оборону складовъ и артиллеріи на той сторонѣ и возможности высылки, въ случаѣ надобности, и на эту сторону пѣхоты и пулеметовъ для могущей быть борьбы.

Надо немедленно занять Бѣлый и Красный мосты и уже отъ нихъ направлять отряды въ городъ по поперечнымъ дорогамъ, ведущимъ на параллельныя улицы Тифлисскую и Балахванскую.

Склады куринцевъ, потійцевъ и ваши и частью артиллеріи надо прочно охранять и оборонять.

Пулеметы и артиллерію надо придать ротамъ пѣхоты, которыя будутъ направлены въ городъ, но часть пулеметовъ желательно имѣть при оборонительномъ отрядѣ, обороняющемъ склады. Все это пишу вамъ, какъ старшему изъ начальниковъ войскъ гарнизона, расположенныхъ за рѣкой Ріономъ, гдѣ назначилъ васъ комендантомъ.

Прошу васъ пригласить къ себѣ командующаго 33 артиллерійской бригадой и командующаго Кубинскимъ полкомъ и посвятить ихъ въ ваши соображенія и распоряженія, такъ какъ легко можетъ случиться, что мнѣ пріѣхать къ вамъ будетъ или невозможно, или я поневолѣ запоздаю.

Ружья стражниковъ примите на храненіе. Слышалъ, что они вчера сдѣлали какія-то сему затрудненія. Надо ихъ убѣдить, что это составляетъ распоряженіе губернатора и мое вмѣстѣ.

Если будете имѣть свободную минуту—желалъ бы васъ повидать до трехъ часовъ дня сегодня.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

Получивъ извѣщеніе отъ кутаисскаго губернатора о провѣркѣ слуховъ, увѣдомлю васъ немедленно.

V. Его высокоблагородію командиру 129 пѣх. Вессарабскаго полка, полковнику Шишкевичу.

22 декабря.

Носится слухъ и упорный, что ночью сегодня будетъ нападеніе на стражниковъ. Они, поэтому, хотятъ прійти къ вамъ подъ защиту теперь же. Примите ихъ и имѣйте, какъ полезную намъ силу, и сохраните вѣрныхъ слугъ царя и отечества.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

Завтра мы всѣ соберемся въ вашемъ собраніи—надо предупредить фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, что имъ дѣлать до возвращенія въ роты гг. офицеровъ.

Казаки при нападеніи не пойдутъ сразу въ городъ и къ мостамъ, поэтому отъ мостовъ пѣхоту уводить до свѣдѣнія отъ казаковъ не слѣдуетъ. Имѣйте это въ виду.

Просилъ П. Козловскаго дать въ ваше распоряженіе два запряженныхъ оружія и размѣстить ихъ на отрогѣ у Бѣлаго моста, четыре же орудія прошу прислать къ казакамъ въ ихъ штабъ сегодня же. Дайте имъ прикрытіе на время переѣзда. Очень было бы нужно имѣть здѣсь одну-двѣ роты пѣхоты въ помощь казакамъ, да не рѣшаюсь у васъ ихъ взять. Если признаете возможнымъ, пришлите въ штабъ Хоперскаго полка.

Рабочіе въ городѣ дѣлаютъ носилки, гимназистки рвутъ въ гимназіи корпію.

Кажется, что опасность очень близка.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

Быть можетъ, что я ночевать сегодня буду у казаковъ въ собраніи.

VI. Письмо командира казачьяго полка генералу Шишковскому.

Глубокоуважаемый Николай Ѳеофиловичъ!

Говорятъ, что ночью безъ свистковъ пойдетъ поѣздъ въ Тквибули, а за нимъ и другой паровозъ, яко бы для того, чтобы сюда привезти сванетовъ. Такъ или иначе, пора давно занять ротой пѣхоты вокзалъ, которая и не позволила бы уходить поѣздамъ, а казаки въ случаѣ невыержки помогутъ. Мой совѣтъ сегодня же это и сдѣлать.

29—XII.—1905. Твой Гр. Щербина.

VII. Командиру 129 пѣх. Бессарабскаго полка, полковнику Шишкевичу.

24 декабря.

Получилъ свѣдѣніе, что сегодня на дворѣ у казармъ Кубинскаго полка будетъ солдатскій митингъ въ 1 часъ дня. Руководить имъ будутъ три унтеръ-офицера Кубинскаго полка. Надо это предупредить и не допустить противозаконной сходки.

Если эта сходка не удастся, то хотятъ собраться на праздникахъ.

Вчера мнѣ прислали свѣдѣнія о готовности напасть на почту и вокзалъ. Но, повидимому, это отложено.

Надо быть готовыми ко всему. Имѣйте это въ виду. Хотятъ склонить солдатъ на свою сторону и предложить вмѣстѣ управлять губерніей.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

VIII. Командиру 129 пѣх. Бессарабскаго полка.

25 декабря.

Прошу сейчасъ же командировать два пулемета съ прислугой и офицеромъ въ распоряженіе командира 1-го Хоперскаго казачьяго полка въ штабъ полка.

Взводъ надо передвинуть подъ прикрытіемъ пѣхотной части.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

29 декабря. Спѣшно.

IX. Командиру 129 пѣх. Бессарабскаго полка.

Сотня выйдетъ завтра 30 декабря съ разсвѣтомъ. Пусть командируемыя вами роты возьмутъ съ собою хоть два пулемета и при движеніи войдутъ въ связь съ казаками, у которыхъ будетъ полевая почта отъ 1-й сотни.

Вышлите завтра утромъ на вокзалъ одну роту кубинцевъ занять станцію и не выпускать ни одного поѣзда и не давать дѣйствовать телефону.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

29 декабря. Спѣшно.

X. Командиру 129 пѣх. Бессарабскаго полка.

Сейчасъ извѣщаю командира 1-го Хоперскаго полка, что сотню, идущую въ Тквибули, я подчиняю вамъ, какъ начальнику отряда. Сообщилъ, что вы выступаете въ 6 часовъ утра.

Сотня должна васъ найти.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

XI. Письмо отъ начальника гарнизона командиру Бессарабскаго полка.

Глубокоуважаемый

Михаилъ Ивановичъ.

Сейчасъ получилъ прилагаемую телеграмму отъ командира сотни, вернувшейся со станціи Сѣрныя Воды. Надо бы ее провѣрить.

Будьте любезны сообщить мнѣ, что сдѣлали главари по ультиматуму имъ заявленному вами; это тогда, когда что-либо выяснится и будетъ опредѣлено.

Сегодня казаки поѣдутъ на станцію Ріонъ силой узнать, что дѣлается на большой линіи желѣзной дороги, и потребовать привоза керосину и другихъ продуктовъ. Я ничего противъ не имѣю. Теперь они дали намъ полное основаніе дѣйствовать рѣшительнѣе.

Въ гостиницѣ «Бель-вю» хранятся бомбы; получилъ свѣдѣнія не отъ казаковъ, а изъ достовѣрнаго источника.

Пока все, что могу вамъ сообщить.

Преданный вамъ Н. Шишковскій.

Сейчасъ получилъ свѣдѣніе, что третій домъ отъ семинаріи къ западу—Коркашвили (отставного жандармскаго полковника)—революціонеры очищаютъ верхній этажъ и намѣрены бросать бомбы, вѣроятно, въ процессію похоронъ. Надо бы своевременно ихъ захватить и обезоружить рѣшительно. Церемониться уже нечего.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

31—XII—1905 г.

3 января. Спѣшно.

XII. Командиру 129 пѣх. Бессарабскаго полка полковнику Шишкевичу.

Съ цѣлью выяснить обстановку въ Квирилахъ и выручить, быть можетъ, осажденную тамъ роту послана была первая сотня казаковъ Хоперскаго полка.

На пути она обстрѣляна и раненъ есаулъ Ларіоновъ. Первая сотня возвратилась, а посылается шестая сотня.

Прошу васъ немедленно командировать двѣ роты—одну бессарабцевъ, а другую кубинцевъ съ двумя пулеметами по грунтовой дорогѣ въ Квирилы для поддержки казаковъ и, если понадобится, для освобожденія роты пѣхоты.

Генералъ-лейтенантъ Шишковскій.

ПРИКАЗЪ

по кавказскому военному округу.

№ 24.

24 января 1906 года.—Въ гор. Тифлисѣ.

Въ ночь съ 28 на 29 декабря минувшаго года, на команду изъ 13 нижнихъ чиновъ отъ 8 роты 129 пѣх. Бессарабскаго полка, охранявшую ст. Тквибули (Закавказск. желѣз. дор.) и помѣщавшуюся въ двухъ вагонахъ, вооруженными злоумышленниками, свыше 100 человѣкъ, было произведено внезапное нападеніе съ цѣлью завладѣть оружіемъ и патронами, бывшими на нижнихъ чинахъ команды. Дневальный у одного изъ вагоновъ, услышавъ шумъ, разбудилъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, быстро разобравъ винтовки, приготовились отразить нападеніе. Въ тотъ же моментъ злоумышленники осыпали одинъ изъ вагоновъ градомъ пуль. Рядовые Иванъ Ухановъ и Лука Карпенко были убиты, а ефрейторъ Василій Костюченко, рядовые Онисимъ Донецъ и Семенъ Жуванъ были ранены. Не взирая на эти потери, остальные нижніе чины, во главѣ съ унтеръ-офицеромъ Ѳедоромъ Бурлачкой, на требованіе нападавшихъ—выдать оружіе, какъ одинъ, отвѣтили: «сами умремъ, а ружей не выдадимъ».

Тогда злоумышленниками были брошены подъ вагонъ двѣ ручныя бомбы; одна, разорвавшись, лишь потрясла вагонъ, а другая оторвала ногу убитому уже нижнему чину и уголъ вагона. Но и это не устрашило молодцевъ-бессарабцевъ: оставшіеся невредимыми рядовые Никифоръ Антиповъ, Матвѣй Глоба, Яковъ Поповичъ и Никифоръ Тарасовъ, воодушевленные крикомъ унтеръ-офицера Бурлачки: «ребята за мной», бросились на разбойниковъ и разсѣяли ихъ залпами, не выдавъ ни одной винтовки, ни одного патрона. Злоумышленники бѣжали, захвативъ съ собою раненыхъ и убитыхъ.

Ни внезапность самаго нападенія, ни въ десять разъ превосходившее число нападавшихъ не смутило васъ, молодцы-бессарабцы. Васъ было мало, но вы вели себя героями, и этого было довольно, чтобы обратить въ позорное бѣгство всю банду ночныхъ злодѣевъ. Вѣчная память и вѣчная слава вашимъ товарищамъ, жизнь свою положившимъ во исполненіе святого долга присяги.

На всеподданнѣйшемъ рапортѣ Государю Императору командира 129 пѣх. Бессарабскаго полка объ этомъ случаѣ Его Императорское Величество изволилъ начертать: «Молодцы-бессарабцы».

Съ радостью объявляя по войскамъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ округа о таковомъ Монаршемъ вниманіи нашего Верховнаго Вождя, выражаю мою сердечную благодарность командиру полка, полковнику Шишкевичу, командиру роты, капитану Лачинову, и всѣмъ офицерамъ послѣдней. Вижу, что они кладутъ сердце и душу свою на дѣло воспитанія такихъ героевъ.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ отбитіи нападенія злоумышленниковъ, объявляю мое «спасибо», предписываю всѣхъ ихъ представить къ знаку отличія ордена Св. Анны и выдать въ награду изъ экстраординарныхъ суммъ: унтеръ-офицеру Ѳедору Бурлачкѣ— 25 руб., а всѣмъ остальнымъ—по 10 рублей; въ пособіе же семействамъ убитыхъ рядовыхъ Ивана Уханова и Луки Карпенко—выдать каждому по 50 руб. изъ тѣхъ же суммъ, и выслать эти деньги командиру полка, для дальнѣйшаго отправленія по принадлежности.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ.

Подписалъ: Главнокомандующій войсками,

генералъ-адъютантъ *графъ Воронцовъ-Дашковъ.*

ВАЩУКЪ-ВЫГОРСКІЙ.

ПРОЧИТАВЪ въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статью г. Подольскаго «Губернаторъ-революціонеръ», въ которой съ такой живостью описывается появленіе въ гор. Кутаисѣ въ смутное революціонное время легендарнаго «капитана Выгорскаго», я, къ сожалѣнію, убѣдился, что авторъ нѣкоторыя картины разрисовалъ слишкомъ яркими красками, а нѣкоторые факты даже исказилъ, основываясь, очевидно, на ложныхъ слухахъ.

Такъ какъ для историка или лицъ, интересующихся прошлымъ, полезнѣе знать факты, какъ они дѣйствительно были, то я считаю необходимымъ подѣлиться имѣющимся у меня къ тому матеріаломъ и личными моими воспоминаніями.

Когда выяснилось, что никакой капитанъ Выгорскій и никто другой по Высочайшему повелѣнію и съ особыми полномочіями командированъ на Кавказъ не былъ, то предложено было генералу Алиханову выяснить, что это за личность, и собрать свѣдѣнія о его дѣятельности въ Кутаисѣ.

Такъ какъ мнимый капитанъ уже былъ арестованъ въ гор. Поти и признался, что онъ вольноопредѣляющійся 139-го пѣхотнаго Моршанскаго полка Александръ Ващукъ, то генералъ Алихановъ, прибывъ въ Кутаисъ, поручилъ одному изъ подчиненныхъ ему лицъ собрать «свѣдѣнія о проступкахъ Ващука въ предѣлахъ Кутаисской губерніи».

Свѣдѣнія эти, тогда же, какъ въ высшей степени интересныя, были доставлены мнѣ въ копіи, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ. Вотъ они.

7 января 1906 года Ващукъ обѣдалъ на станціи Михайлово съ офицерами Эриванскаго гренадерскаго полка. Онъ былъ въ адъютантской формѣ, съ погонами капитана. Его приняли какъ офицера, вернувшагося съ Дальняго Востока, имѣющаго всѣ четыре степени знака отличія военнаго ордена, ордена св. Анны 3 и 4 ст., св. Станислава 3 ст., свв. Владимира и Георгія 4 степени.

Къ этому времени желѣзнодорожное сообщеніе было открыто только до Михайлова. Для возстановленія сообщенія съ Поти и Батумомъ долженъ былъ отправиться эшелонъ Ейскаго казачьяго полка. Ващукъ попросилъ офицера эшелона взять его съ собою, такъ какъ онъ долженъ былъ ѣхать въ Поти. Ему предложили мѣсто въ офицерскомъ купе. По дорогѣ, между станціями Аджамепы и Ріономъ, онъ познакомился съ хорунжимъ Полтавскаго казачьяго полка Москаленко, ѣхавшимъ въ томъ же поѣздѣ съ сотнею на станцію Ріонъ, гдѣ они и высадились. Ейцы поѣхали на Самтреди, а Ващукъ сказалъ, что выйдетъ въ Ріонѣ возстановленія движенія до Поти. Разсказывалъ онъ много про минувшую войну съ Японіей и детально описывалъ сраженія, въ которыхъ участвовалъ. Упомянулъ о томъ, что по окончаніи войны онъ, капитанъ Выгорскій, былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Петербургъ, откуда былъ посланъ въ Москву для подавленія вооруженнаго возстанія, и за энергичныя дѣйствія получилъ орденъ св. Анны 2 ст. Теперь же командированъ для возстановленія порядка въ Кутаисской губерніи, а также и для разслѣдованія на мѣстѣ, насколько справедливы слухи о насиліяхъ, якобы причиняемыхъ казаками жителямъ. Пока временно онъ находится въ распоряженіи генералъ-майора Паркау въ городѣ Поти; кромѣ него, ѣдутъ еще два офицера въ Батумъ.

Вечеромъ 7-го отъ начальника летучаго экспедиціоннаго отряда [1]) командиръ Полтавской сотни получилъ приказаніе немедленно пройти въ селеніе Багдады для поимки агитаторовъ. Капитанъ Выгорскій (Ващукъ) пожелалъ поѣхать вмѣстѣ съ сотней, и ему предложили коня. Въ три часа ночи выступили и прибыли въ Багдады въ 9 час. утра 8 января. По взводу было поставлено у выходовъ изъ селенія, а командиръ сотни съ остальными двумя взводами вошелъ внутрь. Ващукъ остался со взводомъ, закрывшимъ сѣверный выходъ. Во время обыска по казакамъ выстрѣлили, и потому домъ, изъ котораго стрѣляли, зажгли; Ващукъ же принялся за обыскъ отдѣльно стоящаго дома, въ которомъ онъ нашелъ одинъ револьверъ. Около двухъ часовъ дня командиръ сотни выстроилъ казаковъ, собираясь выступать обратно. Всѣ собрались, только Ващукъ съ десятью казаками не пристраивался, ожидая,

[1]) Командиръ 15 гренадерскаго Тифлисскаго полка полковникъ Гавриловъ. В. Т.

когда займется обысканный имъ домъ. Сотня тронулась шагомъ, а Ващукъ догналъ сотню рысью послѣ того, какъ дважды былъ сыгранъ сборъ. Во время отступленія и обратнаго слѣдованія онъ почти не разговаривалъ. Вернулись обратно часамъ къ 6 вечера.

9 января отъ сотни Полтавскаго полка былъ командированъ въ Кутаисъ для закупокъ провіанта хорунжій Москаленко съ шестью казаками; Ващукъ, желая осмотрѣть городъ, присоединился къ нимъ. Всѣ они сѣли на поѣздъ, шедшій туда же съ эшелономъ Эриванскаго полка. По прибытіи въ Кутаисъ Ващукъ вышелъ вмѣстѣ съ казаками, но они задержались возлѣ дома, въ которомъ помѣщались двѣ роты тенгинцевъ, обезоруженныя въ Бѣлогорахъ и Квирилахъ. Къ офицерамъ подошелъ кутаисскій приставъ, подполковникъ Эльчибековъ. Возникъ разговоръ о дѣятельности губернатора Старосельскаго; всѣ удивлялись, почему онъ до сихъ поръ еще на свободѣ; на это Ващукъ замѣтилъ:

— Вопросъ о преданіи его полевому суду уже рѣшенъ въ Петербургѣ утвердительно и ему не миновать висѣлицы. Я пріѣхалъ разслѣдовать о его дѣяніяхъ.

Въ то время проходили нѣсколько нижнихъ чиновъ Тенгинскаго полка. Ващукъ ихъ остановилъ:

— А, это тѣ самые, что сдали оружіе; негодяи, неужели вы не знаете, сколько сраму принесли всему русскому войску. Это такъ не пройдетъ, васъ всѣхъ перевѣшаютъ.

Казаки уѣхали по своимъ дѣламъ, а Ващукъ отправился въ городъ; тамъ свелъ знакомство съ нѣкоторыми изъ офицеровъ Хоперскаго полка, отъ которыхъ узналъ, что начальнику жандармскаго управленія и губернатору присланы телеграммы отъ командующаго войсками Кутаисской губерніи [1]) съ приказаніемъ прибыть 10-го на ст. Квирилы. 9-го былъ день рожденія супруги командира Хоперскаго полка полковника Щербина. Офицеры, съ которыми познакомился Ващукъ, были приглашены на обѣдъ къ командиру полка; отправился съ ними и Ващукъ. Въ числѣ гостей былъ начальникъ гарнизона генералъ-лейтенантъ Шишковскій [2]). За обѣдомъ Ващукъ разсказывалъ о войнѣ, о командировкѣ въ Москву и о настоящей своей миссіи; возмущался поведеніемъ Старосельскаго и вообще бездѣятельностью властей; между прочимъ обратился и къ генералу Шишковскому:

— Удивляюсь, ваше превосходительство, какъ вы, имѣя столько войскъ въ своемъ распоряженіи, не приняли никакихъ мѣръ для возстановленія должнаго порядка. Странно. Впрочемъ, объ этомъ разговоръ еще впереди.

---

[1]) Вновь назначенный кутаисскій вр. ген.-губернаторъ генералъ-майоръ А. М. Алихановъ-Аварскій. В. Т.

[2]) Начальникъ 20 п. дивизіи. В. Т.

Потомъ онъ упомянулъ о томъ, что назначенъ произвести разслѣдованіе о дѣятельности Старосельскаго, и обѣщалъ его арестовать. Послѣ обѣда полковникъ Щербина поѣхалъ въ засѣданіе, а Ващукъ вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ желѣзнодорожнаго батальона Самоновымъ [1]) отправился на квартиру Старосельскаго. У послѣдняго въ это время обѣдали послѣ совѣщанія представители отъ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій и населенія. Пріѣхавшіе вызвали Старосельскаго въ отдѣльную комнату, гдѣ, какъ оказывается, Ващукъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ выговаривалъ Старосельскому за его преступное попустительство. Старосельскій попытался было спросить Ващука о его полномочіяхъ, но получилъ въ отвѣтъ:

— Развѣ вамъ мало офицерскаго слова, чего же еще надо? Вы вотъ что лучше сдѣлайте: потрудитесь-ка завтра къ двумъ часамъ дня вывести на площадь всѣ 144 человѣка, списокъ которыхъ вотъ у меня, ихъ всѣхъ тамъ перестрѣляютъ: если вы ихъ не выдадите, то на этой же самой площади повѣшу васъ. Я это сдѣлаю!

При послѣдней фразѣ вошелъ прокуроръ кутаисскаго окружнаго суда Толпыго, на котораго оба офицера произвели впечатлѣніе выпившихъ.

Въ присутствіи прокурора Ващукъ еще разъ предложилъ Старосельскому не забыть, что онъ ему говорилъ, и удалился вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Самоновымъ. Послѣ ихъ ухода Старосельскій разсказалъ прокурору, что адъютантъ съ орденами назвался капитаномъ Выгорскимъ, командированнымъ по Высочайшему повелѣнію въ распоряженіе временнаго генералъ-губернатора, теперь же прибылъ съ передовымъ отрядомъ въ Кутаисъ для ареста губернатора и наказанія агитаторовъ и другихъ лицъ, принимавшихъ наиболѣе дѣятельное участіе въ послѣднихъ безпорядкахъ. На квартиру Старосельскаго по его запискѣ пріѣхалъ къ 8 час. вечера командиръ 129 пѣхотнаго Бессарабскаго полка, полковникъ Шишкевичъ, которому показалось подозрительнымъ появленіе капитана съ почти неограниченными полномочіями, не могшаго въ то же время подтвердить ихъ ничѣмъ, кромѣ честнаго слова. Полковникъ Шишкевичъ справился у генералъ-лейтенанта Шишковскаго, предъявилъ ли ему свои бумаги съ полномочіями капитанъ Выгорскій. Оказалось, что нѣтъ. Тогда по предложенію полковника Шишкевича была послана генералъ-лейтенантомъ Шишковскимъ въ Тифлисъ намѣстнику Его Величества телеграмма съ просьбой удостовѣрить, дѣйствительно ли въ Кутаисѣ долженъ быть офицеръ, посланный по высочайшему повелѣнію; полученъ ли отвѣтъ на эту телеграмму у полковника Шишкевича, свѣдѣній не имѣется. Отъ Старосельскаго Ващукъ вернулся къ полковнику

[1]) Нынѣ умершій. В. Т.

Щербинѣ, гдѣ и провелъ вечеръ. Между прочимъ говорилъ о томъ, что онъ на другой день арестуетъ Старосельскаго.

10 января, около часу дня, къ дому, занимаемому губернаторомъ, пришли двѣ роты Тенгинскаго полка (обезоруженныя въ Бѣлогорахъ и Квирилахъ) со своими офицерами, вызвали Старосельскаго и предъявили ему требованіе о немедленномъ возвращеніи отобраннаго у нихъ оружія. На это губернаторъ отвѣтилъ, что у него оружія ихъ нѣтъ. Тенгинцы потребовали, чтобы имъ дали хотя какое-нибудь оружіе. Въ это время прибыли 40 казаковъ Хоперскаго полка съ тремя офицерами, посланные полковникомъ Щербиной для того, чтобы тенгинцы не причинили какого-нибудь насилія Старосельскому; но казаки скоро приняли сторону солдатъ и поддержали ихъ требованіе.

Пріѣхалъ полковникъ Щербина. Онъ и генералъ-лейтенантъ Шишковскій и полковникъ Шишкевичъ стали уговаривать нижнихъ чиновъ и имъ удалось почти ихъ успокоить. Но въ это время въ коляскѣ подъѣзжаетъ Ващукъ съ четырьмя пѣшими казаками; слѣзаетъ и, не обращая никакого вниманія на генерала и штабъ-офицеровъ, предлагаетъ Старосельскому немедленно собираться, такъ какъ онъ арестованъ, и ѣхать на вокзалъ, гдѣ уже приготовленъ поѣздъ для того, чтобы отвезти ихъ въ Квирилы. Старосельскій вошелъ въ домъ, но вскорѣ оттуда вышелъ полицеймейстеръ и объявилъ, что онъ не поѣдетъ, опасаясь быть убитымъ. На это полковникъ Шишкевичъ предложилъ Ващуку дать солдатъ Бессарабскаго полка для конвоированія, но Ващукъ отклонилъ предложеніе, обѣщая въ цѣлости доставить губернатора на станцію Квирилы, вошелъ самъ къ Старосельскому и потребовалъ, чтобы тотъ немедленно собирался, и что онъ только въ томъ случаѣ отвѣчаетъ за его безопасность, если Старосельскій немедленно будетъ готовъ. Совѣтъ Ващука поддержалъ полковникъ Шишкевичъ; кромѣ того, онъ и полковникъ Щербина напомнили Ващуку, что онъ всецѣло отвѣчаетъ за жизнь Старосельскаго. Ващукъ сказалъ, что на вокзалѣ онъ сдастъ Старосельскаго жандармскому полковнику, но во всякомъ случаѣ самъ тоже будетъ слѣдить, чтобы все было въ должномъ порядкѣ. Послѣ этого Старосельскій сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ на вокзалъ.

Передъ этимъ, около $11^1/_2$ часовъ утра, Ващукъ пріѣхалъ на вокзалъ, потребовалъ начальника станціи и приказалъ, чтобы черезъ полчаса былъ готовъ поѣздъ.

Тамъ же на вокзалѣ былъ жандармскій полковникъ Николаевъ, который собирался ѣхать въ Квирилы къ генералъ-губернатору. Ему сказалъ начальникъ станціи, что поѣздъ будетъ только вечеромъ около 11 часовъ.

Увидѣвъ Ващука, который энергично распоряжался, заказывая поѣздъ, и, предположивъ въ немъ лицо, власть имущее, полков-

никъ обратился къ нему и попросилъ разрѣшенія ѣхать въ его поѣздѣ.

— Пожалуй,—отвѣчалъ Ващукъ:—но только имѣйте въ виду, что поѣздъ пойдетъ черезъ 25 минутъ, поторопитесь, я ждать не буду.

Полковникъ попросилъ отсрочить отходъ хоть на полчаса, такъ какъ ему надо было собраться. Ващукъ согласился и уѣхалъ. Полковникъ поѣхалъ домой и къ отходу поѣзда пріѣхалъ на вокзалъ съ четырьмя жандармами. Въ пятомъ часу поѣздъ прибылъ въ Квирилы, гдѣ генералъ-губернаторъ принялъ полковника Николаева. Въ тотъ же вечеръ Ващукъ исчезъ изъ Квирилъ и на другой день, 11 января, около 10 часовъ утра явился въ управленіе кутаисскаго полицеймейстера. Тамъ въ то время собрались пристава и околоточные надзиратели, занимавшіеся составленіемъ списка неблагонадежныхъ лицъ. Ващукъ вошелъ въ кабинетъ, полицеймейстеръ уступилъ ему свой стулъ. Ващукъ сѣлъ, спросилъ, чѣмъ они занимаются, и предложилъ, чтобы вечеромъ ему былъ представленъ самый подробный списокъ. Отдавъ распоряженіе, Ващукъ уѣхалъ къ генералъ-лейтенанту Шишковскому, гдѣ были собраны командиры частей, расположенныхъ въ Кутаисѣ. Тогда же было получено извѣстіе, что прибылъ вновь назначенный начальникъ гарнизона генералъ-майоръ Сулимовъ, который предложилъ всѣмъ командирамъ частей прибыть къ нему. Ващукъ сказалъ, что ему тоже нужно быть у генерала Сулимова, но онъ забылъ взять шарфъ; тогда генералъ-лейтенантъ Шишковскій предложилъ ему свой шарфъ. Командиры частей разъѣхались и у генерала Сулимова съ Ващукомъ не встрѣчались. Представлялся ли онъ начальнику гарнизона, неизвѣстно, такъ какъ генералъ Сулимовъ въ настоящее время выѣхалъ изъ Кутаиса.

Около часу дня Ващукъ пріѣхалъ къ г-жѣ Старосельской и объявилъ, что надъ ея мужемъ назначенъ полевой судъ и онъ будетъ отвезенъ въ Карсъ до приведенія приговора въ исполненіе, такъ какъ конфирмація смертнаго приговора зависитъ отъ Высочайшаго усмотрѣнія. Онъ думаетъ, что можно будетъ смягчить приговоръ, для чего необходимо имъ, но въ разныхъ поѣздахъ, ѣхать въ Петербургъ, и тамъ онъ, при помощи своей протекціи, попытается улучшить положеніе ея мужа [1]).

Вечеромъ, около 7 часовъ, приставъ подполковникъ Эльчибековъ со стражниками былъ въ обходѣ и зашелъ на вокзалъ отдохнуть. Въ залѣ 1-го класса были монахъ и начальникъ станціи съ какимъ-то субъектомъ; оба послѣдніе поздоровались съ приставомъ и отошли; монахъ сказалъ приставу, что съ начальникомъ

[1]) Впослѣдствіи поговаривали, что г-жа Старосельская снабдила его пятьюстами рублями. В. Т.

станціи былъ агентъ тайной полиціи. Минутъ 10 спустя, пришелъ Ващукъ съ казаками и двумя казачьими офицерами. Названный агентомъ сыскной полиціи угостилъ казаковъ у буфета, а затѣмъ всѣ они вышли на платформу къ приготовленному поѣзду. Въ отношеніяхъ Ващука съ неизвѣстнымъ субъектомъ была замѣтна интимность.

Въ тотъ же вечеръ есауломъ Удовенко, находившимся съ сотней на ст. Ріонъ, была получена отъ полковника Гаврилова телеграмма о задержаніи лица, назвавшаго себя капитаномъ Выгорскимъ. Вскорѣ послѣ полученія есауломъ приказанія прибылъ изъ Квирилъ поѣздъ съ Ващукомъ. Ващукъ пришелъ въ офицерскій вагонъ. Есаулъ Удовенко показалъ ему телеграмму и приказалъ никуда не отлучаться. Тотъ не протестовалъ; предложилъ пойти прогуляться, такъ какъ въ это время на путяхъ стояли два поѣзда въ ожиданіи отправленія: одинъ—въ Кутаисъ, а другой—въ Поти; прошлись одинъ разъ между поѣздами, повернули; Ващукъ отошелъ за послѣдній вагонъ потійскаго поѣзда. Есаулъ, пройдя нѣсколько шаговъ, остановился; въ то время почти одновременно тронулись поѣзда, по отходѣ которыхъ Ващука нигдѣ не было видно. Начальникъ станціи сказалъ есаулу Удовенко, что капитанъ сѣлъ въ послѣдній вагонъ потійскаго поѣзда. Есаулъ потребовалъ паровозъ, далъ телеграмму въ Самтреди и вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Самоновымъ поѣхалъ вслѣдъ. На станціи Самтреди сказали, что при осмотрѣ вагоновъ Ващука нигдѣ не нашли. Была послана телеграмма въ Поти. На станціи Чаладиди былъ полученъ отвѣтъ, что капитанъ поѣхалъ съ вокзала на извозчикѣ № 15, который немедленно вернется и будетъ ожидать, чтобы отвезти есаула въ домъ, гдѣ остановился Ващукъ.

Со станціи Поти извозчикъ отвезъ есаула Удовенко и штабсъ-капитана Самонова въ домъ, гдѣ остановился Ващукъ; штабсъ-капитанъ остановился у чернаго хода, на случай попытки бѣгства Ващука, а есаулъ Удовенко позвонилъ въ подъѣздъ. Отворили не сразу. Есаулу пришлось сказать, что онъ принесъ телеграмму; его впустили въ комнату. Ващукъ спалъ на тахтѣ, двѣ постели были приготовлены на полу; въ слѣдующей комнатѣ стояла кровать. Въ комнатѣ, кромѣ Ващука, было еще четыре человѣка: бухгалтеръ сигнахскаго казначейства, податной инспекторъ и еще двое, фамиліи никто изъ нихъ не назвалъ. Есаулъ разбудилъ Ващука, послѣдній всталъ, одѣлся и вмѣстѣ съ есауломъ Удовенко и штабсъ-капитаномъ Самоновымъ поѣхалъ въ Квирилы, гдѣ и былъ сданъ начальнику летучаго отряда полковнику Гаврилову.

Самъ я въ то время въ Кутаисѣ не былъ, съ Старосельскимъ не знакомъ; Ващука же въ первый разъ увидѣлъ, когда онъ былъ доставленъ отъ полковника Гаврилова въ Тифлисъ въ комендантское управленіе, въ которомъ я занималъ должность комендантскаго штабъ-офицера.

Рослый, пріятной наружности молодой человѣкъ, Ващукъ, когда ему предложено было снять офицерскіе погоны, ему не присвоенные, имѣлъ жалкій, приниженный видъ. Крутой поворотъ послѣ этого въ обращеніи съ нимъ, какъ съ нижнимъ чиномъ, особаго впечатлѣнія на него не произвелъ и, видимо, такое обращеніе для него было привычнымъ. Въ это время, да и впослѣдствіи, пока съ нимъ приходилось имѣть дѣло, къ нему вполнѣ подходила русская пословица: «блудливъ, какъ кошка, трусливъ, какъ заяцъ».

Въ первое время помѣщенъ онъ былъ въ отдѣльный карцеръ при комендантскомъ управленіи; но такъ какъ вопросъ о документальномъ разъясненіи его личности, т. е. справки въ полку, на который онъ ссылался, затянулись, то для дальнѣйшаго содержанія онъ переведенъ былъ въ помѣщеніе военныхъ арестантовъ [1]). Содержась въ общей арестантской камерѣ, онъ замыслилъ организовать побѣгъ черезъ посредство подкопа. Начатая въ теченіе ночи работа утромъ была обнаружена. Черезъ нѣсколько дней, вслѣдствіе повторенія у Ващука эпилептическаго припадка (первый былъ, когда онъ содержался въ карцерѣ при комендантскомъ управленіи), онъ былъ отправленъ въ тифлисскій военный госпиталь, а не въ расположенный въ Навтлугѣ, какъ сообщаетъ г. Подольскій.

Въ госпиталѣ онъ также собирался организовать побѣгъ, для чего какимъ-то путемъ были пріобрѣтены пилки, но и тутъ не удалось, такъ какъ одинъ изъ выписанныхъ арестантовъ выдалъ этотъ замыселъ, доложивъ о немъ смотрителю военныхъ арестантовъ. Когда пришелъ въ помѣщеніе командированный въ госпиталь комендантскій адъютантъ капитанъ Апсолонъ и въ присутствіи начальника госпиталя полковника Ульянова произвелъ тщательный обыскъ, то въ соломенномъ тюфякѣ одного изъ больныхъ арестантовъ нашелъ двѣ отличныя стальныя пилки. Послѣ этого Ващукъ былъ выписанъ изъ госпиталя, и тутъ-то, воспользовавшись оплошностью дежурнаго фельдшера, бѣжалъ изъ пріемнаго покоя. Розыски не привели ни къ какому результату, и о дальнѣйшей судьбѣ его въ Тифлисѣ не было ничего извѣстно.

По моему впечатлѣнію и самъ «революціонный губернаторъ» такой же трусливый заяцъ, какъ и пресловутый Ващукъ. Г. Подольскій признаетъ его за карьериста и, слѣдовательно, не убѣжденнаго революціонера. Я вполнѣ съ этимъ согласенъ. Когда онъ

[1]) Такъ называется въ Тифлисѣ особое зданіе, гдѣ содержатся подслѣдственные, подсудимые и отбывающіе нѣкоторыя наказанія нижніе воинскіе чины.

услыхалъ про надвигавшуюся на него грозу—генерала Алиханова, то сознался, что дѣло его пропало, и готовъ былъ бы «въ кусты», а потому достаточно было явиться пьяному проходимцу Ващуку и нахальнымъ тономъ предъявить требованіе губернатору объ его арестѣ, и онъ повѣрилъ и сдался, тѣмъ болѣе, что ранѣе получилъ приглашеніе генерала Алиханова 10 января пріѣхать къ нему въ Квирилы. Слухомъ этимъ и воспользовался Ващукъ, способный, какъ видно, по складу своего ума быстро воспринимать.

Никто изъ военнослужащихъ начальствующихъ лицъ въ городѣ Кутаисѣ, какъ бы онъ ни сознавалъ не только незаконныя, но прямо противозаконныя дѣйствія «губернатора-революціонера», не будучи свыше уполномоченъ, не могъ и не имѣлъ права рѣшиться сдѣлать то, что сдѣлалъ ненормальный эпилептикъ, но не герой, Ващукъ.

Въ отношеніи же войскъ, расположенныхъ въ Кутаисѣ, совершенно не видно, чтобы кто-либо сдавался революціонерамъ, и это невѣрно, какъ и та сцена, когда явился «ревизоръ» или извѣстіе о немъ еще до пріѣзда Ващука въ Кутаисъ.

Невозможнымъ считаю предполагать и то, чтобы Ващукъ лично представилъ генералу Алиханову Старосельскаго. Кто хоть немного знаетъ генерала Алиханова, этого умнаго, проницательнаго человѣка, тотъ не допуститъ мысли, чтобы онъ выпустилъ отъ себя Ващука, т. е. человѣка, нагло лгущаго ему, что онъ арестовалъ Старосельскаго, т. е. того, которому самъ генералъ Алихановъ предложилъ пріѣхать къ нему. Потому-то Ващукъ, доѣхавъ въ поѣздѣ до Квирилъ, постарался скорѣе ускользнуть, какъ заяцъ въ лѣсъ, въ первомъ попавшемся поѣздѣ по направленію къ Кутаису, куда вслѣдъ за нимъ полетѣла телеграмма объ его арестованіи.

Помню также, что вице-губернаторъ Кипшидзе не былъ одновременно со Старосельскимъ доставленъ въ Тифлисъ, а пріѣхалъ нѣсколькими днями позже.

В. Темниковъ.

ВАЩУКЪ-ПОГОССКІЙ.

ВЪ ДЕКАБРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1909 годъ, въ статьѣ г. Подольскаго «Губернаторъ-революціонеръ» разсказаны курьезныя похожденія нѣкоего Ващука, сыгравшаго такую крупную роль въ исторіи кутаисской революціи. Располагая нѣкоторыми данными, касающимися этого Ващука, позволяю себѣ предложить вниманію читателей эпизодъ изъ его похожденій, предшествовавшій появленію его въ Кутаисѣ.

Наканунѣ крупныхъ безпорядковъ, разыгравшихся въ Харьковѣ, гдѣ я въ то время служилъ, въ комендантское управленіе этого города явился молодой поручикъ въ формѣ адъютанта, украшенный офицерскимъ георгіевскимъ крестомъ, золотымъ оружіемъ и полнымъ ассортиментомъ боевыхъ орденовъ съ мечами и бантами до св. Владимира 4 степени включительно. Доблестный адъютантъ предъявилъ комендантскому управленію предписаніе временно командовавшаго тогда войсками кіевскаго военнаго округа генерала Карасса, въ которомъ значилось, что предъявитель его—адъютантъ командующаго войсками поручикъ Александръ Петровичъ Погосскій—командируется въ Харьковъ, согласно особой инструкціи, для наблюденія за дѣйствіями гражданскихъ властей. Въ это время комендантъ города, подполковникъ Горбаневъ, былъ въ управленіи полицеймейстера. Не заставъ коменданта въ его управленіи, поручикъ Погосскій отправился къ полицеймейстеру и тамъ представился коменданту, подробно ознакомившемуся съ его документами, которые и нашелъ въ порядкѣ. Въ разговорѣ съ комендантомъ по-

ручикъ Погосскій между прочимъ упомянулъ, что вслѣдъ за нимъ ѣдетъ другой адъютантъ изъ штаба округа—генеральнаго штаба капитанъ Агапѣевъ. Вслѣдъ за этимъ Погосскій представился и губернатору, покойному К. С. Старынкевичу, у котораго онъ затѣмъ бывалъ нѣсколько разъ съ различными докладами.

На другой или на третій день послѣ пріѣзда Погосскаго въ Харьковѣ началось форменное столпотвореніе: стали конки; забастовали всѣ фабрики и заводы; закрылись магазины; рабочіе толпами бросились на Николаевскую и Павловскую площади (центральныя); начался грабежъ оружейныхъ магазиновъ и прочее, всѣмъ извѣстное. Вызваны были войска, которымъ пришлось пустить въ ходъ оружіе, полилась кровь. Три дня подъ рядъ—10, 11 и 12 октября—весь гарнизонъ былъ подъ ружьемъ, но растерявшіяся власти не сумѣли использовать, какъ слѣдовало бы, эту могучую силу и, при наличіи ея, допустили то, что открыто на глазахъ у всѣхъ громадная территорія университета съ прилегающей къ нему соборною площадью была забаррикадирована телефонными столбами, плитами отъ тротуаровъ, разнесенной на куски рѣшеткой отъ стараго зданія присутственныхъ мѣстъ, дровами и прочимъ подручнымъ матеріаломъ. За баррикадами засѣли вооруженные «освободители», показавшіеся властямъ грозною силою.

Губернаторъ, сознавъ свое безсиліе, передалъ власть начальнику гарнизона, генералъ-лейтенанту Мау, и предоставилъ ему раздѣлываться съ инсургентами. Генералъ Мау, однако, тоже не рѣшился предпринять сразу какія-нибудь рѣшительныя мѣры противъ баррикадъ и ограничился только тѣмъ, что повелъ противъ нихъ осаду и забаррикадированная мѣстность была сплошь окружена войсками.

Такимъ образомъ, прибывшему съ особыми полномочіями адъютанту командующаго войсками представилась широкая арена дѣятельности. Но онъ не ограничился пассивною ролью наблюдателя и примкнулъ къ отрядамъ, дѣйствовавшимъ противъ революціонеровъ. Гдѣ только раздавались выстрѣлы, туда спѣшилъ и бравый поручикъ, производившій своимъ георгіевскимъ крестомъ бодрящее впечатлѣніе на солдатъ и офицеровъ. Безстрашно носился онъ подъ пулями и постоянно появлялся на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, какъ бы подчеркивая то, что недаромъ заслуженъ имъ бѣленькій крестикъ—этотъ символъ храбрости.

Съ началомъ безпорядковъ и широкаго, непрестаннаго дѣйствія войскъ по борьбѣ съ ними квартира полицеймейстера статскаго совѣтника Безсонова превратилась какъ бы въ штабъ отряда, дѣйствовавшаго противъ революціонеровъ: любезный полицеймейстеръ стѣснилъ свою семью и освободилъ часть своихъ комнатъ, въ которыхъ и помѣстились нѣкоторые изъ начальниковъ войсковыхъ частей. Послѣ представленія поручика Погосскаго губернатору, полицей-

мейстеръ попросилъ коменданта еще разъ провѣрить полномочія его. Удостовѣрившись въ личности адъютанта командующаго войсками, Безсоновъ пригласилъ его перебраться на жительство въ его квартиру, чѣмъ Погосскій сейчасъ же воспользовался и расположился въ гостиной полицеймейстера, которая къ этому времени представляла собою настоящій бивакъ.

Какъ только началась осада университета, Погосскій не преминулъ принять въ ней самое дѣятельное участіе. Между прочимъ, когда по даннымъ полиціи получено было свѣдѣніе, что за баррикадами засѣло не менѣе 3000 человѣкъ, при этомъ будто бы хорошо вооруженныхъ, Погосскій рѣшилъ лично провѣрить эти свѣдѣнія и тотчасъ же съ однимъ изъ офицеровъ, стоявшимъ вблизи къ осажденному форту, пробрался за баррикады и доставилъ точныя свѣдѣнія, рѣзко расходившіяся съ полицейскими: на университетской территоріи осажденныхъ оказалось человѣкъ 300—400 безусой молодежи, очень слабо вооруженной.

Цѣнное свѣдѣніе это, впрочемъ, не побудило начальство къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій, и вечеромъ 11 октября у генерала Мау былъ собранъ военный совѣтъ, на который были приглашены начальники дивизій, полки которыхъ квартировали въ Харьковѣ, командиры этихъ полковъ, комендантъ и другія прикосновенныя къ дѣлу лица. Между прочимъ, необходимо отмѣтить, что приглашенный на это засѣданіе начальникъ несуществующей нынѣ 68-ой пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Сѣнницкій къ дѣлу усмиренія бушевавшаго въ тѣ дни Харькова не имѣлъ прямого отношенія, такъ какъ командованіе вызванными войсками было поручено начальнику 51-ой пѣхотной дивизіи, генералу Нечаеву, почему онъ и не былъ въ курсѣ всѣхъ событій. Здѣсь генералу Сѣнницкому представили поручика Погосскаго, приглашеннаго на засѣданіе начальникомъ гарнизона, какъ комнадированнаго отъ командующаго войсками съ извѣстными полномочіями. Георгіевскій крестъ и золотое оружіе молодого офицера невольно обратили на себя вниманіе и генерала Сѣнницкаго.

Не касаясь существа этого засѣданія, отмѣчу лишь, что результаты его не вышли изъ границъ пассивности и осада крѣпости осталась въ томъ же положеніи. Къ вечеру на другой день харьковскія власти торжествовали побѣду и одолѣніе: осажденные сдались, но на очень выгодныхъ и почетныхъ для себя условіяхъ, не много говорившихъ въ пользу побѣдителей. Въ пріемѣ плѣнниковъ самое дѣятельное участіе принималъ и поручикъ Погосскій. Увидѣвъ одного изъ выпущенныхъ изъ осады, Погосскій страшно вознегодовалъ и сталъ публично обличать его въ томъ, что онъ тотъ самый негодяй, который два дня тому назадъ стрѣлялъ въ патріотическую процессію, слѣдовавшую по Павловской площади съ царскимъ портретомъ. Но въ то время, при общей суматохѣ и растерянности вла-

стей, на показанія Погосскаго не было обращено вниманія, и какъ этотъ стрѣлокъ, такъ и прочіе баррикадчики были отпущены съ миромъ на всѣ четыре стороны.

Съ паденіемъ баррикадъ на время прекратились и уличные безпорядки, и городъ началъ подготовляться къ вооруженному возстанію, вспыхнувшему 12 декабря. Вечеромъ 13 октября получена была телеграмма объ объявленіи Харькова на военномъ положеніи и о назначеніи временнымъ генералъ-губернаторомъ его генерала Сѣнницкаго. Рано утромъ 14 октября я получилъ записку комендантскаго адъютанта, приглашавшую меня прибыть въ домъ губернатора. Недоумѣвая, что это значитъ и зачѣмъ я понадобился губернатору, я тотчасъ же отправился въ его домъ. Тамъ я узналъ о назначеніи генерала Сѣнницкаго, въ штабѣ дивизіи котораго я тогда служилъ, генералъ-губернаторомъ. Генералъ Сѣнницкій подѣлился со мною этою новостью и приказалъ мнѣ принять на себя все дѣлопроизводство по управленію новаго генералъ-губернаторства, которое помѣстилось въ пріемной комнатѣ губернаторской квартиры. Генералъ Сѣнницкій былъ нѣсколько озадаченъ, почему назначенъ онъ, а не генералъ Мау, какъ старшій въ чинѣ, и высказывался о неподготовленности своей къ занятію этой чисто гражданской должности, о которой до сихъ поръ и понятія не имѣлъ. И, дѣйствительно, въ тѣ времена подобное внезапное назначеніе было настолько необычно, что даже штабъ округа, сообщая объ объявленіи города на военномъ положеніи, не преминулъ по телеграфу сообщить статьи закона, въ которыхъ указано положеніе о временныхъ генералъ-губернаторахъ, какъ бы въ увѣренности въ томъ, что для человѣка, посвятившаго себя исключительно строю и ничего общаго не имѣющаго съ распорядками министерства внутреннихъ дѣлъ, трудно будетъ даже найти ихъ самому. Но за генераломъ Сѣнницкимъ все же былъ большой житейскій и служебный опытъ, и онъ быстро охватилъ существо новыхъ своихъ обязанностей и съ помощью губернатора началъ налаживать дѣла.

Положеніе города въ этотъ моментъ, несмотря на затихшіе уличные безпорядки, все же было еще весьма напряженнымъ, грозившимъ во всякую минуту новою катастрофою. Общая забастовка еще продолжалась. Желѣзныя дороги стояли. Вокзалъ былъ погруженъ во мракъ. Больницы переполнены ранеными мятежниками и случайными зѣваками. Въ университетской клиникѣ лежали не погребенными еще 14 убитыхъ. Властъ правительственныхъ чиновъ за три дня борьбы надорвалась и сошла на нѣтъ. Обладаніе ею оспаривается какимъ-то самозваннымъ комитетомъ. Полиція перепугана, войска утомлены до нельзя. Все это привести въ порядокъ, успокоить объятое паникой мирное населеніе и возстановить желѣзнодорожное движеніе—задача очень и очень нелегкая, требовавшая крайняго напряженія всѣхъ силъ администраціи, во главѣ которой неожиданно для себя оказался генералъ Сѣнницкій.

Съ перваго же часа образованія изъ единственной моей персоны управленія генералъ-губернатора почувствовалась грандіозность задачи и вытекавшей изъ нея работы. Къ счастью, въ тотъ же день была получена телеграмма штаба округа о томъ, что въ распоряженіе генералъ-губернатора поступаетъ генеральнаго штаба капитанъ Агапѣевъ, возвращавшійся изъ командировки изъ Чугуева и застрявшій въ Харьковѣ по случаю забастовки желѣзныхъ дорогъ. Къ вечеру же капитанъ Агапѣевъ дополнилъ штатъ управленія и сталъ во главѣ его, имѣя меня своимъ помощникомъ.

Вслѣдъ за кровавыми событіями появляется манифестъ 17 октября. По неожиданности своего появленія онъ внесъ въ умы населенія, не успокоившагося еще отъ предшествовавшихъ потрясеній и не подготовленнаго къ воспріятію новыхъ началъ гражданской жизни, новое смятеніе. Свободы же, провозглашенныя этимъ актомъ, понятыя чернью весьма своеобразно, создали сразу же уйму хлопотъ для администраціи Харькова. Понятія о согласованіи существующихъ и не отмѣненныхъ законовъ и тѣмъ болѣе положенія о военномъ управленіи съ новыми началами внесли ужаснѣйшую путаницу въ отправленіе службы. Разразившіеся затѣмъ повсемѣстно еврейскіе погромы съ минуты на минуту должны были возникнуть и въ Харьковѣ. Предотвращеніе погрома потребовало также немалаго напряженія силъ всѣхъ чиновъ правительственной власти, отъ генералъ-губернатора до послѣдняго рядового. Благодаря принятымъ широкимъ мѣрамъ удалось не допустить погрома и оставить Харьковъ чуть ли не единственнымъ городомъ, не запятнавшимъ свою исторію печальнымъ проявленіемъ дикой необузданности толпы.

При такихъ условіяхъ новому генералъ-губертотору трудно было, конечно, вспомнить о пребываніи въ городѣ какого-то поручика, хотя бы и адъютанта командующаго войсками и облеченнаго широкими полномочіями. А адъютантъ этотъ тѣмъ временемъ благодушествовалъ на квартирѣ полицеймейстера, куда съ 14 октября перебрался на жительство и комендантъ города подполковникъ Горбаневъ. Поручикъ Погосскій теперь какъ бы отдыхалъ послѣ понесенныхъ трудовъ по прекращенію мятежа и отъ нечего дѣлать охотно проводилъ часы досуга въ нижнемъ этажѣ полицеймейстерскаго дома, въ его управленіи. Здѣсь онъ занималъ дежурныхъ приставовъ и околоточныхъ надзирателей разсказами о минувшей войнѣ, въ которой онъ принималъ широкое участіе, о своихъ подвигахъ, наградахъ за нихъ и полученныхъ ранахъ. Онъ не прочь былъ вникнуть и въ самое существо полицейскихъ дѣлъ и присутствовалъ при пріемѣ просителей. Евреевъ Погосскій терпѣть не могъ и съ случайными посѣтителями полиціи іудеями не церемонился и до крайности грубо съ ними обращался, подчеркивая тѣмъ свое правое направленіе и истинный патріотизмъ. Обѣдалъ онъ въ лучшихъ

ресторанахъ въ обществѣ офицеровъ или—что гораздо чаще—въ обществѣ дамъ сомнительнаго поведенія, которыхъ щедро одаривалъ букетами цвѣтовъ. Вообще въ деньгахъ онъ, повидимому, стѣсненія не имѣлъ и часто его можно было видѣть по цѣлымъ часамъ катающимся на дорогихъ лихачахъ. По вечерамъ, одѣтый съ иголочки, Погосскій появлялся либо въ театрѣ, либо въ кафе-шантанѣ, гдѣ также сорилъ деньгами.

Спустя нѣсколько дней послѣ вступленія въ новую должность, генералъ Сѣнницкій вспомнилъ о томъ, что въ городѣ пребываетъ лицо, уполномоченное наблюдать за дѣйствіями гражданскихъ властей, къ которымъ теперь и онъ какъ бы причислился, такъ какъ состоялъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Генералъ Сѣнницкій поручилъ капитану Агапѣеву справиться, почему поручикъ Погосскій до сихъ поръ не представился ему, какъ старшему въ городѣ лицу, и предложить ему исполнить этотъ долгъ воинской вѣжливости. Мы вмѣстѣ поѣхали въ управленіе полицеймейстера. По дорогѣ я спросилъ капитана Агапѣева знаетъ ли онъ Погосскаго по совмѣстной службѣ въ штабѣ округа. Агапѣевъ на это отвѣтилъ, что онъ самъ недавно только переведенъ туда и еще мало кого знаетъ изъ чиновъ штаба; незнакомъ также и съ Погосскимъ, котораго впервые встрѣтилъ здѣсь.

— Да, кромѣ того, я довольно продолжительное время былъ въ командировкѣ, а за это время могли назначить Погосскаго. Я познакомился съ нимъ здѣсь: всѣ эти дни мы встрѣчались на улицахъ, гдѣ дѣйствовали войска.

Пріѣхавъ къ полицейскому управленію, мы застали Погосскаго въ квартирѣ полицеймейстера бесѣдующимъ со своими сожителями по биваку—комендантскимъ адъютантомъ, драгунскимъ подполковникомъ и другими. Капитанъ Агапѣевъ передалъ Погосскому слова генералъ-губернатора. Погосскій удивленно пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Я былъ у генералъ-губернатора въ тотъ же день, какъ онъ вступилъ въ эту должность, но его превосходительство, какъ мнѣ сказали, былъ занятъ и не принялъ меня. Это можетъ подтвердить моя расписка въ книгѣ посѣтителей—вы посмотрите ее. Но разъ генералъ-губернаторъ желаетъ меня видѣть, то я завтра же представлюсь. Это, кстати, и мое личное желаніе.

Затѣмъ мы разговорились о томъ, о семъ. Между прочимъ Погосскій предложилъ намъ выпить сельтерской воды.

— Это, знаете, такъ освѣжаетъ послѣ обѣда. А у васъ тамъ въ управленіи генералъ-губернатора есть сельтерская?

— Пошлешь,—говорю,—въ лавочку, и будетъ.

— Э, нѣтъ, у меня здѣсь другіе порядки,—воскликнулъ Погосскій.—Я тутъ установилъ, чтобы сельтерская всегда была, и полицеймейстеръ, знаете, не жмется—исправно снабжаетъ.

Въ разговорѣ я полюбопытствовалъ и спросилъ: за какое дѣло получилъ онъ георгіевскій крестъ? Погосскій какъ-то неопредѣленно отвѣтилъ:

— Въ отрядѣ Мищенки, за многія дѣла. Да я и раненъ шесть разъ.

Поболтавъ еще немного, мы распростились и уѣхали.

На другой день поручикъ Погосскій явился въ домъ губернатора, куда генералъ Сѣнницкій перебрался на жительство, и представился ему. На вопросъ генералъ-губернатора, почему онъ до сего времени не представился ему, Погосскій доложилъ, что о его присутствіи въ городѣ извѣстно генералу Мау.

— А вашему превосходительству все не удавалось лично представиться: я или не заставалъ васъ, или получалъ отказъ за неимѣніемъ у васъ свободнаго времени.

При этомъ Погосскій вновь сослался на свою запись въ книгѣ посѣтителей.

Поговоривъ нѣкоторое время, генералъ-губернаторъ отпустилъ Погосскаго, въ служебномъ положеніи и личности котораго, какъ провѣренныхъ уже комендантомъ и начальникомъ гарнизона, у него не было сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что къ этому времени на квартиру полицеймейстера, въ виду тревожнаго положенія, перебрался на жительство и начальникъ 51-й пѣхотной дивизіи, генералъ Нечаевъ, назначенный начальникомъ войскъ охраны.

21-го октября, въ высокоторжественный день восшествія на престолъ Государя Императора, Погосскій, облачившись въ парадный мундиръ и украсивъ его всѣми своими орденами, отправился въ театръ. Здѣсь его монархическій духъ былъ сильно возмущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что музыканты, несмотря на настойчивое требованіе его и другихъ лицъ, бывшихъ въ театрѣ, сыграли народный гимнъ только одинъ разъ и отказались повторить его. Такое поведеніе музыкантовъ заставило Погосскаго рѣзко протестовать передъ полиціей и обратить вниманіе чиновъ ея на это безобразіе. Возмущенный музыкантами, Погосскій вскорѣ нашелъ выходъ своему гнѣву и съ яростью набросился на подвернувшихся подъ руку какихъ-то прапорщиковъ, которые, несмотря на табельный день, явились въ театръ не въ мундирахъ, а въ сюртукахъ. Пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ адъютанта командующаго войсками, Погосскій разнесъ ихъ вдребезги и предложилъ имъ оставить театръ и ѣхать переодѣться.

Нѣсколько дней спустя, Погосскій отправился на какую-то перевязку въ военный госпиталь. Вскорѣ коменданту по телефону было доложено оттуда, что адъютантъ командующаго войсками въ одной изъ офицерскихъ палатъ попробовалъ пищу и крайне рѣзко выразилъ по адресу дежурнаго ординатора свое неудовольствіе по поводу дурного качества ея. Разсказывали, что онъ пищу пробовалъ не въ

одной палатѣ, а во всемъ госпиталѣ и изрядно распушилъ госпитальную администрацію за найденныя имъ упущенія и безпорядки.

Числа 26—27-го октября Погосскій вновь прибылъ въ управленіе генералъ-губернатора и попросилъ доложить о себѣ генералу Сѣнницкому, съ которымъ онъ хотѣлъ попрощаться по случаю отъѣзда. Генералъ Сѣнницкій пригласилъ пришедшаго къ себѣ. Раскланявшись, поручикъ Погосскій доложилъ, что у него открылась рана на ногѣ и появились страшныя головныя боли, какъ слѣдствіе контузіи, вызывающія безсонницу и заставляющія его постоянно прибѣгать къ пріему большихъ дозъ морфія.

— Это обстоятельство понуждаетъ меня покинуть Харьковъ и ѣхать лечиться. По моимъ свѣдѣніямъ, временно-командующій войсками генералъ Каррасъ ѣдетъ въ Кременчугъ; я тоже думаю туда проѣхать, сдѣлаю тамъ генералу докладъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, а затѣмъ отправлюсь въ Кіевъ: надо серьезно приняться за леченіе.

Генералъ Сѣнницкій поинтересовался узнать, въ чемъ же будетъ заключаться его докладъ.

— А вотъ, ваше превосходительство, у меня по этому поводу составлена записка; я въ ней изложилъ все, какъ было.—Съ этими словами Погосскій вынулъ изъ-за борта мундира бумагу и сталъ читать. Записка оказалась составленной весьма обстоятельно: въ ней шагъ за шагомъ были описаны всѣ событія, разыгравшіяся въ Харьковѣ въ памятные октябрьскіе дни, свидѣтелемъ которыхъ былъ авторъ ея, всюду и вездѣ поспѣвавшій и лично наблюдавшій за всѣмъ ужасами того времени. Генералъ Сѣнницкій остался доволенъ запиской и радушно распрощался съ везущимъ командующему войсками такой важный докладъ адъютантомъ.

Откланявшись коменданту, своимъ сожителямъ по полицеймейстерскому биваку и радушному хозяину его, полицеймейстеру Безсонову, блестящій адъютантъ покинулъ Харьковъ, въ которомъ такъ весело и не безъ пользы для дѣла провелъ почти три недѣли.

О Погосскомъ скоро и забыли. Да и не до него было: чего только не пришлось пережить въ ту памятную осень харьковцамъ. И солдатскій бунтъ, и серію всевозможныхъ забастовокъ, и осаду и бомбардировку завода Гельферихъ-Саде, и цѣлый рядъ республикъ въ окрестностяхъ и много другого. Наконецъ городъ затихъ; постепенно стала входить въ нормальную колею и вся жизнь Россіи.

Какъ-то весною 1906 г., какъ разсказываютъ, повстрѣчался бывшій кіевскій генералъ-губернаторъ, нынѣ военный министръ, генералъ В. А. Сухомлиновъ съ прокуроромъ харьковской судебной палаты (нынѣ начальникъ тюремнаго вѣдомства) С. С. Хрулевымъ. Генералъ Сухомлиновъ, какъ служившій ранѣе въ Харьковѣ и интересующійся его житьемъ-бытьемъ, сталъ подробно разспрашивать своего собесѣдника о только что пережитыхъ харьковцами кровавыхъ событіяхъ.

— Да вамъ,—говоритъ прокуроръ,—вѣроятно, все это хорошо извѣстно и безъ того: вѣдь вашъ адъютантъ все время у насъ былъ; докладывалъ, должно быть, о всѣхъ подробностяхъ.

В. А. Сухомлиновъ удивился,

— Какой,—говоритъ,—адъютантъ?

— А поручикъ Погосскій.

— Такого адъютанта у меня и нѣтъ и не было никогда.

Поднялась потѣха. Полетѣли запросы и въ Харьковъ, и къ генералу Сѣнницкому, получившему уже другое назначеніе. Тутъ всѣ рты и пораскрывали. Вотъ такъ исторія. Уполномоченное-то лицо оказалось просто самозванцемъ. Засуетились и харьковцы. Еще бы, въ самомъ центрѣ борьбы съ революціонерами и вдругъ цѣлыхъ двѣ недѣли проживалъ какой-то проходимецъ, надувшій коменданта, начальника гарнизона и такого обстрѣляннаго полицеймейстера, какъ Безсоновъ, который даже жить къ себѣ пригласилъ его. Хорошо еще, что этотъ Хлестаковъ монархистомъ оказался, а если бы неблагонамѣреннымъ? Что тогда было бы? Ну, положимъ, генералъ Сѣнницкій получилъ «адъютанта» по наслѣдству, считая, что разъ принималъ его у себя начальникъ гарнизона, генералъ Мау, то ужъ, значитъ, сомнѣнія никакого нѣтъ въ томъ, что это дѣйствительно легальное лицо. Но каково пришлось по душѣ это извѣстіе тѣмъ начальствующимъ лицамъ, которыя сами и ввели-то въ свое общество самозванца.

Въ результатѣ все бывшее харьковское начальство, пріютившее у себя Погосскаго, а именно—генералы Мау и Сѣнницкій и комендантъ подполковникъ Горбаневъ получили довольно крупную непріятность отъ командующаго войсками въ приказѣ по округу.

Инцидентъ этотъ задѣлъ за живое всѣхъ прикосновенныхъ къ нему лицъ и заставилъ ихъ приняться за раскрытіе личности самозванца. Благодаря энергичнымъ розыскамъ подполковника Горбанева, вскорѣ удалось напасть на его слѣдъ. Какъ оказалось, лѣтомъ 1906 г., слѣдовательно, послѣ разгрома кутаисской республики капитаномъ Выгорскимъ, его похожденій въ Москвѣ и Севастополѣ, въ Брестъ-Литовскѣ появился молодой офицеръ, лейбъ-гусаръ, бывшій пажъ, назвавшійся Субботичемъ, сыномъ извѣстнаго генерала. Съ офицерами 5-го пѣхотнаго Калужскаго полка этотъ блестящій гусаръ за короткое время такъ близко сошелся, что даже снялся съ ними въ общей группѣ. Карточка эта наконецъ попала въ руки подполковника Горбанева. Харьковцамъ по ней нетрудно было узнать въ Субботичѣ своего знакомца-Погосскаго. Гдѣ-то его удалось арестовать, и дѣло о немъ по обвиненію въ присвоеніи непринадлежащихъ ему имени, званія и знаковъ отличія попало къ судебному слѣдователю. Погосскій-Субботичъ, онъ же и князь Волконскій и капитанъ Выгорскій, оказался Алексѣемъ [1]) Ващукомъ.

[1]) А не Александромъ, какъ сообщилъ г. Подольскій.

Самозванецъ былъ заключенъ въ рижское арестантское исправительное отдѣленіе. Откуда раздобылъ онъ предписаніе командующаго войсками и самъ ли сфабриковалъ его—вопросъ этотъ остался неразъясненнымъ, какъ и вопросъ объ источникахъ его денежныхъ средствъ.

Но въ заключеніи Ващуку мытарствовать долго не пришлось: въ ноябрѣ 1907 г. онъ былъ отпущенъ на поруки отцу, такъ какъ слѣдствіемъ и госпитальнымъ наблюденіемъ было точно установлено, что этотъ герой Кутаиса, Москвы и Харькова страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей.

Гдѣ въ настоящее время обрѣтается Ващукъ—свѣдѣній не имѣется, но, судя по тому, что ничего не слышно о его подвигахъ, надо думать, что его карьера на поприщѣ хлестаковщины (небезполезной, впрочемъ) закончилась.

М. А. Яковлевъ.

ЦАРЕУБІЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА.

(Историческіе очерки).

II «Земля и Воля».

I

ИРОКОЕ развитіе революціоннаго движенія и смѣлыя его проявленія убѣдили правительство въ необходимости остановиться болѣе внимательно на этихъ страницахъ отечественной жизни и поставить вопросъ, какими мѣрами надлежитъ съ революціей бороться и что необходимо ей противопоставить. Въ этихъ цѣляхъ государь поручилъ особому совѣщанію подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ Валуева изъ министровъ: юстиціи, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, начальника III отдѣленія собственной его величества канцеляріи и шефа жандармовъ изыскать мѣры противъ распространенія въ русскомъ обществѣ разрушительныхъ ученій. Между прочимъ на совѣщаніе возложено было разсмотрѣніе и вопроса объ устраненіи тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя обнаружились вслѣдствіе высылки политически неблагонадежныхъ лицъ во внутреннія губерніи Россіи, причемъ повелѣно было обсудить и вопросъ о томъ: не слѣдуетъ ли сосредоточить этихъ лицъ въ одной какой-нибудь мѣстности? [1])

[1]) «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе». С. С. Татищева. Т. II,

На совѣщаніи министръ юстиціи Паленъ заявилъ, что по соображенію данныхъ, обнаруженныхъ при политическихъ дознаніяхъ, революціонная пропаганда особенно сильно проявляется именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сосредоточено наибольшее количество высланныхъ и, наоборотъ, въ тѣхъ губерніяхъ, которыя не избирались въ качествѣ мѣста ссылки, это движеніе сказывается преимущественно лишь въ видѣ отдѣльныхъ развѣтвленій, занесенныхъ туда изъ другихъ губерній. По мнѣнію министра, административная ссылка имѣетъ значеніе лишь перенесенія зла изъ одной мѣстности въ другую, а потому и принимая притомъ во вниманіе, что въ глазахъ общества, незнакомаго съ причинами высылки, мѣры эти возбуждаютъ къ высылаемымъ сожалѣніе и сочувствіе и, такимъ образомъ, служатъ къ распространенію ихъ вліянія,—министръ юстиціи полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ отрѣшиться отъ системы административной высылки, замѣнивъ ее установленіемъ строгаго надзора и запрещеніемъ жительства въ извѣстныхъ опредѣленныхъ пунктахъ. Но прочіе члены совѣщанія съ нимъ не согласились, находя, что въ постоянномъ мѣстѣ жительства высылаемыхъ, т. е. въ многолюдныхъ центрахъ, едва ли возможно установить такія правила, которыя совершенно обезпечивали бы устраненіе вреднаго ихъ вліянія на окружающую среду, и воспрещеніе жительства поднадзорныхъ въ такихъ центрахъ было бы равносильно высылкѣ. Вслѣдствіе сего большинство совѣщанія полагало, что единственно возможный надзоръ въ Россіи можетъ заключаться въ постановкѣ политически неблагонадежныхъ лицъ въ такую среду, гдѣ наблюденіе за ними облегчено и гдѣ менѣе удобствъ для распространенія вреднаго ихъ вліянія, и что въ этомъ отношеніи административная высылка вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію, имѣя сверхъ того нѣкоторый устрашающій характеръ, могущій остановить многихъ отъ преступныхъ увлеченій. На основаніи этихъ соображеній, совѣщаніе положило оставить въ силѣ существующій порядокъ административной высылки, отвергнувъ мысль о сосредоточеніи ссыльныхъ въ какой-либо отдѣльной мѣстности, какъ мысль практически непримѣнимую, и остановилось на слѣдующихъ двухъ мѣрахъ, которыя должны если не совершенно, то во всякомъ случаѣ въ возможныхъ предѣлахъ устранить недостатки ссылки: во-первыхъ, на опредѣленіи такихъ мѣстностей для водворенія ссылаемыхъ, которыя въ политическомъ отношеніи представляются средою наиболѣе безопасною отъ вліянія этихъ лицъ, и, во-вторыхъ, на опредѣленіи порядка и средствъ мѣстнаго начальства для надзора за высылаемыми.

Предположенія эти государемъ были утверждены, но выполнены не были, вслѣдствіе чего административная ссылка, при сильномъ ростѣ послѣ 1875 года количества политически неблагонадежныхъ, продолжала широко развѣтвляться и практиковаться именно въ

тѣхъ мѣстностяхъ, которыя особое совѣщаніе признавало нежелательными для мѣстъ водворенія. Равнымъ образомъ и проектъ правилъ о мѣстномъ надзорѣ, выработанныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, остался безъ движенія, предоставляя широкій въ отношеніи надзора произволъ мѣстной власти. Что касается усиленія полицейскихъ средствъ надзора, то таковое осуществилось лишь въ 1878 году учрежденіемъ конно-полицейскихъ урядниковъ, а въ 1879 году ассигнованіемъ на указанный предметъ дополнительнаго кредита, сверхъ прежде отпускавшихся въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ 30.000 рублей, еще 40.000 рублей ежегодно.

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, мѣропріятія правительства передъ лицомъ явно надвигавшейся для существующаго строя опасности были крайне односторонни, недостаточны, недодѣланны и даже неопредѣленны. Все сведено было къ мѣропріятіямъ полицейскаго порядка, причемъ даже и эти послѣдніе не выдѣлялись широтою размѣровъ, изъ чего можно заключить, что бюрократія, повидимому, не давала себѣ яснаго отчета въ положеніи дѣлъ, не придавала имъ исключительно серьезнаго значенія и не ставила ихъ въ связь съ общимъ теченіемъ событій отечественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ полицейская статистика, очень несовершенная въ то время и основанная на исключительно конкретныхъ данныхъ объ арестахъ, показывала, что ростъ политическаго недовольства, агитація и пропаганда дѣлаютъ огромные успѣхи, положить предѣлъ которымъ и отмѣченныя выше полицейскія мѣропріятія никоимъ образомъ не могутъ. Такъ [1]), съ начала дѣла Долгушина и до 1-го января 1877 г. оказались привлеченными къ политическому дознанію 1611 человѣкъ, изъ коихъ 85% мужчинъ и 15% женщинъ; изъ этого числа 557 человѣкъ были освобождены отъ преслѣдованія безъ всякихъ послѣдствій, а остальные раздѣлены на три группы: 1-я въ количествѣ 525 человѣкъ ($49\frac{1}{2}\%$), компрометированныхъ и болѣе или менѣе уличенныхъ въ участіи въ противозаконномъ сообществѣ или въ преступной пропагандѣ, 2-я—79 человѣкъ ($7\frac{1}{2}\%$) такихъ, которые вполнѣ усвоили себѣ вредное направленіе, но относительно участія которыхъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ не могли быть собраны формальныя доказательства для убѣжденія суда въ невиновности; 3-я, въ количествѣ 450 лицъ, составилась по большей части изъ людей молодыхъ, съ «совращеннымъ образомъ мыслей», но не принимавшихъ активнаго участія въ преступной агитаціи. Первая группа отдана подъ судебное преслѣдованіе, вторая—явила собою элементъ административно-ссыльныхъ; третья составила предметъ полицейскаго надзора. По всѣмъ тремъ группамъ женщины представили собою 15% участія. Любопытно отмѣтить, что до половины 70-хъ го-

[1]) «Обзоръ», изданный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

довъ инородческій и инославный элементъ играетъ очень малую роль въ революціонномъ движеніи. Такъ, евреи составляютъ здѣсь всего $6^1/_2{}^0/_0$, кавказскіе уроженцы—$1^1/_2{}^0/_0$, иностранные подданные $1^1/_2{}^0/_0$. Только со второй половины десятилѣтія этотъ процентъ участія сильно поднимается, въ особенности въ отношеніи еврейства, которое съ теченіемъ времени густо и заполняетъ собою революціонные ряды, а къ нашимъ днямъ является руководящею силою всего революціоннаго движенія, давая ему богатый матеріалъ, какъ для активныхъ дѣйствій, такъ и внося сюда вмѣстѣ съ тѣмъ провокаторство и начало разложенія. Еврейство сыграло въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и въ первые годы текущаго роковую роль въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи и этой главѣ отечественной жизни мы, быть можетъ, посвятимъ со временемъ особый историческій очеркъ, но пока для сего, въ виду скудости матеріала, сюда относящагося, не настало еще благопріятнаго времени.

Обращаясь къ регистраціи правительственныхъ начинаній въ области борьбы съ революціей надлежитъ отмѣтить и разрѣшеніе вопроса о гласномъ судѣ надъ привлеченными къ политическому дознанію. По сему предмету въ мартѣ 1875 г. комитетъ министровъ постановилъ [1]): «что одною изъ главнѣйшихъ причинъ удостовѣреннаго нынѣ прискорбнаго равнодушія благонамѣренныхъ общественныхъ элементовъ къ распространяющейся пропагандѣ разрушительныхъ началъ представляется всеобщая до сего времени неизвѣстность не только для большинства публики, но и для чиновъ высшаго государственнаго управленія, въ томъ числѣ и для большинства членовъ комитета министровъ, обнаруженныхъ произведенными въ послѣднее время дознаніемъ размѣровъ пропаганды». По мнѣнію комитета, «при такой неизвѣстности нельзя ставить прямымъ укоромъ обществу отсутствіе серьезнаго отпора лжеученіямъ; нельзя ожидать, чтобы лица, не вѣдающія той опасности, которой лжеученія сіи грозятъ общественному порядку, могли столь же энергично и рѣшительно порицать дѣятельность революціонныхъ агитаторовъ, какъ въ томъ случаѣ, когда опасность эта была бы для нихъ ясна и имъ были бы извѣстны тѣ пути, коими приверженцы революціи, называющіе себя друзьями народа, хотятъ прійти къ нему на помощь. Такое незнаніе обусловливаетъ, конечно, въ большинствѣ случаевъ легкомысленные упреки правительству за принимаемыя мѣры преслѣдованія злоумышленниковъ и ихъ аресты, приписываемые часто одному лишь произволу администраціи и возбуждающіе обыкновенно состраданіе къ арестуемымъ и разыскиваемымъ лицамъ. Между тѣмъ, по глубокому убѣжденію комитета, едва ли изложенная въ представленной генералъ-адъютантомъ Потаповымъ запискѣ одного изъ передовыхъ

[1]) «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе» С. С. Татищевъ, т. II.

дѣятелей агитаціи картина будущности, которую революціонные пропагандисты готовятъ настоящему поколѣнію, могла бы возбудить какое-либо сочувствіе не только въ благонадежныхъ общественныхъ сферахъ, но даже въ натурахъ неразвитыхъ и склонныхъ къ экзальтаціи. Сами составители записки и программы это чувствуютъ и постоянно указываютъ на необходимость для успѣха дѣла скрывать его конечныя цѣли. Они съ неимовѣрнымъ цинизмомъ обсуждаютъ всѣ страшныя послѣдствія желаемаго ими возстанія и указываютъ на необходимость гибели настоящаго поколѣнія въ потокахъ крови, въ видахъ доставленія благоденствія грядущимъ поколѣніямъ, по заранѣе опредѣленнымъ ими законамъ общежитія. Они прямо высказываютъ, что для достиженія ихъ идеаловъ необходимы ручьи, рѣки, наводненія крови. Комитетъ глубоко убѣжденъ, что подобный бредъ фанатическаго воображенія не можетъ возбудить къ себѣ сочувствія; но для того, чтобы общественное мнѣніе отвратилось отъ провозвѣстниковъ такого ученія, начала этого ученія не должны оставаться во мракѣ. Признавъ, такимъ образомъ, полезнымъ и настоятельно необходимымъ не только продолжать систему гласности, принятую по тремъ политическимъ дѣламъ, которыя производились въ судебныхъ учрежденіяхъ въ послѣднее время, но допустить гласность въ еще бо̀льшихъ размѣрахъ, для полнаго разъясненія въ обществѣ нашемъ возмутительнаго ученія агитаторовъ, комитетъ находитъ, что естественнымъ и самымъ прямымъ путемъ для такой благотворной гласности представляется судъ, въ которомъ при судебномъ слѣдствіи можетъ быть разоблачена вся тлетворность изъясненныхъ ученій и степень угрожающей отъ нихъ опасности».

Съ вопросомъ о производствѣ дознаній по политическимъ дѣламъ и преданіи суду политически-неблагонадежныхъ, начиная съ 1870 г., по свидѣтельству историка судебной реформы І. В. Гессена [1]), правительству пришлось немало повозиться. Съ указаннаго года начался рядъ измѣненій въ порядкѣ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ. Шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ предложилъ министру юстиціи при производствѣ дознаній пользоваться услугами корпуса жандармовъ, которые «по роду своей дѣятельности обладаютъ свѣдѣніями, иногда необходимыми и по большей части полезными для раскрытія преступленія». Вслѣдствіе сего 19 мая 1871 г. послѣдовало соотвѣтствующее законодательное нововведеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ новый законъ «въ видахъ человѣколюбія», такъ какъ наказанія за государственныя преступленія слишкомъ строги, а притомъ и не всегда можно собрать достаточно уликъ для постановленія обвинитель-

[1]) «Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ», ч. II. І. В. Гессенъ «Судебныя реформы».

наго приговора, установилъ, что всякое дознаніе о государственномъ преступленіи представляется, по его окончаніи, прокуроромъ судебной палаты министру юстиціи, который, по сношеніи съ шефомъ жандармовъ, дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія или испрашиваетъ высочайшее повелѣніе о прекращеніи производства, съ оставленіемъ въ послѣднемъ случаѣ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, или же съ разрѣшеніемъ онаго въ административномъ порядкѣ». Но дѣйствительность показала, что и этотъ законъ не устранилъ всѣхъ обнаруженныхъ практикою недостатковъ судопроизводственныхъ началъ, и въ томъ же 1871 г. «вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада управляющаго министерствомъ юстиціи, товарища министра Эссена о существѣ приговора с.-петербургской судебной палаты по дѣлу злоумышленія Нечаева и его сообщниковъ, государь императоръ высочайше повелѣлъ министру юстиціи представить свои соображенія о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры для предупрежденія подобныхъ неудовлетворительныхъ приговоровъ». Министръ, по соображеніямъ, что такіе приговоры могутъ и впредь повторяться, такъ какъ причины кроются въ общихъ условіяхъ производства дѣлъ, предложилъ замѣнить для дѣлъ по преступленіямъ, за которыя въ законѣ опредѣлено наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, судъ судебной палаты съ сословными представителями особымъ присутствіемъ сената съ тѣми же представителями, а для менѣе значительныхъ—оставить судебную палату безъ сословныхъ представителей. Это предложеніе министра юстиціи получило въ 1872 г. высочайшее утвержденіе, и такимъ образомъ состоялось ограниченіе публичности судебныхъ засѣданій. Этотъ порядокъ въ 1874 г. былъ распространенъ и на составленіе противозаконныхъ сообществъ и участіе въ нихъ; но этотъ порядокъ впослѣдствіи обнаружилъ значительныя практическія неудобства, вслѣдствіе чего закономъ 9 мая 1878 г. дѣла, изъятыя предыдущимъ закономъ изъ вѣдѣнія палаты съ сословными представителями, были подчинены опять тѣмъ же палатамъ, а особому присутствію сената лишь въ случаѣ высочайшаго на то повелѣнія. Засимъ послѣдовалъ рядъ законоположеній въ пользу административнаго воздѣйствія на разрѣшеніе дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, по коимъ сначала въ каждомъ разѣ испрашивалось высочайшее разрѣшеніе въ пользу административнаго вершенія судебъ привлеченныхъ къ дознаніямъ, а впослѣдствіи право наказанія предоставлено было соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и, наконецъ, соглашенію прокуроровъ палаты съ мѣстнымъ начальникомъ губерніи, области и т. п. Такимъ образомъ значеніе суда понемногу отошло на второй планъ, уступивъ первое мѣсто административному разрѣшенію вопросовъ.

II.

Перечисленныя судебно-административныя мѣропріятія, конечно, не могли положить предѣла развитію соціалистической пропаганды и безпорядкамъ во внутренней жизни нашего отечества. Пропаганда продолжала растекаться широкими потоками, захватывая въ свой водоворотъ все большія массы, преимущественно изъ состава учащейся молодежи или выброшенныхъ за пороги учебныхъ заведеній. Конспирація получала все болѣе интенсивный характеръ, нелегальщина окрѣпла и сдѣлалась явленіемъ постоянно дѣйствующимъ, начались преступленія, и чины государственной власти все чаще стали падать подъ выстрѣлами и ударами революціонеровъ. Наконецъ покушенія на жизнь государя императора показали, что борьба съ терроромъ принимаетъ нешуточные размѣры и престолу грозитъ кровавая бѣда. Въ виду всѣхъ этихъ событій на сцену выдвигаются репрессіи, и правительство вступаетъ на путь усиленныхъ строгостей. Такъ, участь осужденныхъ по процессу 193-хъ, не взирая не представленіе суда, не только не была смягчена, но даже наказанія, опредѣленныя сенатомъ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, повышены нѣсколькими степенями, а ссылка въ Сибирь на поселеніе замѣнена каторжными работами. Значительное число оправданныхъ выслано административнымъ порядкомъ на дальній сѣверъ, а главному начальнику Третьяго Отдѣленія предоставлено: всѣхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу противоправительственной пропаганды, виновность которыхъ въ дѣятельности, направленной къ разрушенію государственнаго и общественнаго строя, очевидна и оставленіе которыхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ, представляется опаснымъ, высылать административнымъ порядкомъ въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири для водворенія по его усмотрѣнію въ мѣстности ввѣреннаго ему края на жительство, подъ надзоръ полиціи.

Послѣ убіенія Мезенцова Кравчинскимъ, Александръ II предложилъ совѣту министровъ обсудить особыя мѣры для подавленія революціоннаго движенія. На состоявшемся въ Зимнемъ дворцѣ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя 8 августа 1878 г. засѣданіи было постановлено [1]): Право заарестованія лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, предоставленное по закону 19 мая 1871 г. лишь лицу, производящему дознаніе, распространено на офицеровъ корпуса жандармовъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія—на полицеймейстеровъ и уѣздныхъ исправниковъ, и не только лицъ, преслѣдуемыхъ за государственныя преступленія,

[1]) «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе» С. С. Татищевъ, т. II.

но и тѣхъ, кто участвуетъ въ уличныхъ безпорядкахъ или сходкахъ. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ, если они подлежатъ административной высылкѣ, высочайше повелѣно ссылать преимущественно въ Восточную Сибирь; поднадзорныхъ, покушавшихся на побѣгъ или совершившихъ таковой, наказывать ссылкою въ Якутскую область; всѣхъ оказавшихъ сопротивленіе силою при обыскѣ или арестѣ предавать военному суду, приговоръ котораго конфирмовать и приводить въ исполненіе безотлагательно; приступить къ устройству въ Сибири колоній для поселенія въ нихъ государственныхъ преступниковъ и административно-ссыльныхъ, и въ одной изъ губерній Европейской Россіи—особыхъ тюремъ для временнаго содержанія въ нихъ политическихъ пропагандистовъ, предназначенныхъ къ высылкѣ.

Сенату изданъ 9 августа 1878 г. именной высочайшій указъ, гдѣ сказано: «Повторяющіеся въ послѣднее время случаи государственныхъ преступленій, явнаго неповиновенія и сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, и цѣлый рядъ злодѣяній, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ, при обстоятельномъ разслѣдованіи сихъ преступленій несомнѣнно свидѣтельствуетъ о существованіи круга тайныхъ злоумышленниковъ, которые, подъ вліяніемъ соціально-революціонныхъ и другихъ разрушительныхъ ученій, стремятся къ ниспроверженію всего государственнаго строя. Отвергая необходимость всякаго общественнаго порядка, неприкосновенность собственности, святость семейнаго союза и даже самую вѣру въ Бога, злодѣи эти для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей не останавливаются ни передъ какими средствами, сколь бы гнусны и безнравственны они ни были, дерзкимъ совершеніемъ самыхъ коварныхъ злодѣяній возмущаютъ общественное спокойствіе и угрожаютъ безопасности властей, правительствомъ установленныхъ, на которыхъ лежитъ священный долгъ охраны общества и противодѣйствія этимъ разрушительнымъ преступнымъ стремленіямъ. Послѣдовательное проявленіе этихъ необычайныхъ злодѣяній вызываетъ необходимость неотложнаго принятія такихъ временныхъ и исключительныхъ мѣръ, которыя обезпечивали бы наиболѣе быструю и строгую наказуемость оныхъ. Въ сихъ видахъ мы признали за благо подчинить временно дѣла о таковыхъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, съ примѣненіемъ ими наказаній, установленныхъ для военнаго времени».

Въ указѣ заключалось повелѣніе предавать военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени всѣхъ лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались

убійствами или покушеніями на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или обжоговъ. Кромѣ этихъ начинаній административнаго порядка, 20 августа 1878 г. появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщеніе, приглашавшее само русское общество оказать правительству дружное содѣйствіе въ борьбѣ съ крамолой. Правительство — говорилось здѣсь — «съ неуклонною твердостью и строгостью будетъ преслѣдовать тѣхъ, которые окажутся виновными или прикосновенными къ злоумышленію противъ существующаго государственнаго устройства, противъ основныхъ началъ общественнаго и семейнаго быта и противъ освященныхъ закономъ правъ собственности... Но... какъ бы ни были тверды и стойки дѣйствія правительства, какъ бы строго и неуклонно ни слѣдовали исполнители правительственныхъ мѣропріятій велѣніямъ ихъ долга и совѣсти, съ какимъ бы презрѣніемъ и гражданскимъ мужествомъ ни относились правительственныя власти къ повторяемымъ угрозамъ шайки злодѣевъ, правительство должно найти себѣ опору въ самомъ обществѣ, и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій рускаго народа, для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіи, навязываемомъ народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій. Русскій народъ и его лучшіе представители должны на дѣлѣ показать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста подобнымъ преступникамъ, что они, дѣйствительно, считаютъ ихъ отверженниками и что каждый вѣрноподданный русскаго государя будетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами способствовать правительству къ искорененію нашего общаго внутренняго врага». Въ заключеніе слѣдовало обращеніе къ молодому поколѣнію учащихся съ увѣщаніемъ зрѣло обдумать и взвѣсить прискобныя и тяжкія послѣдствія, которымъ оно себя подвергнетъ, увлекаясь соціалистическими и революціонными тенденціями. «Добросовѣстное и здоровое отношеніе къ наукѣ,—говорилось здѣсь,—соединенное съ трудолюбіемъ, всегда было и будетъ лучшимъ и надежнѣйшимъ охранителемъ отъ вступленія на ложный путь соблазна. Встрѣчавшіяся же до сего времени уклоненія отъ этой непреложной, освященной опытомъ истины, къ величайшему прискорбію, уже сгубили безвременно немало жертвъ изъ среды молодыхъ людей, по своимъ способностямъ подававшихъ надежды на болѣе свѣтлую и полезную для общаго блага будущность».

Какъ бы въ подкрѣпленіе этого правительственнаго обращенія къ обществу, государь императоръ въ свою бытность проѣздомъ въ Москвѣ обратился къ представителямъ сословій съ слѣдующими словами: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе,—говорилъ Александръ II:— чтобъ остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонамѣренные стараются ее завлечь.

Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ онъ намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающееся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и мнѣ». Оцѣнивая эти слова государя, какъ ровно и правительственное обращеніе къ обществу, Левъ Тихомировъ, бывшій тогдашній революціонеръ и одинъ изъ главарей тогдашняго революціоннаго движенія, въ своей позднѣйшей брошюрѣ, когда онъ изъ оппозиціоннаго лагеря перешелъ уже въ лагерь правительственный, «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года» [1]) говоритъ: «Безъ сомнѣнія, государь императоръ, говоря о содѣйствіи общества, разумѣлъ содѣйствіе чисто нравственное. Но нельзя не сознаться, что въ такія минуты въ самодержавной монархіи скорѣе само общество ждетъ нравственнаго одобренія со стороны власти. Когда власть, имѣющая всю неограниченность полномочій, ищетъ содѣйствія общества, люди неблагонамѣренные легко могутъ истолковать это въ самомъ превратномъ смыслѣ. Такъ и случилось. Обращеніе правительства къ содѣйствію общества послужило «либеральному комитету» поводомъ къ конституціонной агитаціи. Появленіе же ея, въ свою очередь, еще болѣе утвердило правительство въ ошибочной системѣ борьбы, имъ усвоенной».

Дѣйствительно, призывъ правительства къ содѣйствію остался пустымъ звукомъ, не встрѣтившимъ ожидаемаго отклика со стороны широкихъ общественныхъ сферъ, а тѣ, кто нашелъ возможнымъ пойти навстрѣчу этому призыву, предъявивъ, пользуясь случаемъ, старый политическій вексель къ оплатѣ, потерпѣлъ лишь кару и достигъ обратныхъ результатовъ. Правительство для себя требовало помощи, но, съ своей стороны, не только не желало ничѣмъ поступиться изъ своей полицейско-бюрократической программы, но даже въ очень опасный историческій моментъ государственнаго бытія Россіи эту программу усилило и внесло въ нее такіе элементы, которые еще болѣе раздѣлили между собою русскую общественность и русскую государственность. Всеобщая оппозиція какъ бы усилилась, надвинулись общее недовольство и унынie, на ростъ которыхъ, между прочимъ, въ сильной степени повліяли и наши неудачи на Берлинскомъ конгрессѣ. Очерчивая общественный обликъ тѣхъ годовъ, князь В. П. Мещерскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ [2]): «Исходъ войны, съ его неудовлетворительными стремленіями и чувствами, имѣлъ роковое значеніе въ исторіи русской внутренней государственной жизни за послѣдніе годы царствованія Александра II. И если въ началѣ войны вслѣдствіе извѣстнаго подъема духа многіе вѣрили въ ослабленіе анархической пропаганды, то,

[1]) Левъ Тихомировъ, «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года»,
[2]) Князь В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія» (1865—1881 г.), ч. II.

увы, тѣмъ сильнѣе унынiе и деморализація въ концѣ войны и въ эпоху дипломатическаго дѣйствія—привели къ ужасной реакціи въ 1878 году, выражавшейся не только въ общемъ упадкѣ духа, но и въ состоянiи какого-то всеобщаго глухого недовольства и недомогапія... Это угнетенное состояніе у общества было потому роковымъ, что оно дало силу анархическому движенію въ Россіи перейти изъ хроническаго состоянія въ острое и притомъ воспользоваться для своего успѣшнаго развитія всѣми благопріятными для него условіями. Не будь этого печальнаго исхода войны, анархическое движеніе у насъ оставалось бы попрежнему хроническимъ недугомъ въ умственной жизни Россіи и не нашло бы почвы для себя, чтобы перейти съ состояніе острое и къ дерзкому походу противъ государственнаго порядка. Неумѣлость правительственной политики отпора крамолѣ обнаружилась съ уходомъ графа Шувалова съ поста шефа жандармовъ... и въ рукахъ такого шефа жандармовъ, какъ генералъ-адъютантъ Потаповъ, Третье Отдѣленіе превратилось въ какое-то сосредоточіе множества мелочей, сплетенъ и интригановъ, благодаря которымъ всѣ кружки крамолы могли дружно объединиться, почувствовать себя сильнѣе и переходить къ той системѣ террора, которая въ 1878 году явилась уже въ полномъ своемъ разгарѣ».

III.

Итакъ, и князь Мещерскій и Л. Тихомировъ, оба публициста изъ консервативнаго лагеря, констатируютъ наступленіе въ правительственной дѣятельности періода отчаянной реакціи, при чемъ авторъ брошюры «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года» въ значительной мѣрѣ относитъ эту реакцію на счетъ вины либераловъ изъ земства, поспѣшившихъ откликнуться на призывъ правительства къ содѣйствію. Земства собственно являлись единственными у насъ въ тѣ годы выразителями «общественнаго мнѣнія», ибо печать, которая могла бы до извѣстной степени реагировать въ желанныхъ правительству цѣляхъ, была безсильна что-либо сдѣлать и подать по вопросамъ дня свой свободный и независимый голосъ. Печать была совершенно подавлена гнетомъ цензурныхъ давленій и отстранена отъ обсужденія, конечно, обсужденія не изъ-подъ палки, тревожныхъ событій дня. Ей предоставлено было констатировать факты и читать виновникамъ преступныхъ дѣяній соотвѣтствующія нотаціи и только. Касаться вопросовъ широко и соотвѣтственно назрѣвшимъ уже тогда политическимъ потребностямъ Россіи она не была въ состояніи, ибо въ такихъ случаяхъ на нее ниспровергались перуны и молніи изъ вѣдомства главнаго управленія печати. Стоитъ только познакомиться съ судьбой тогдашней газеты «Русское Обозрѣніе» Гр. К. Градовскаго, имъ самимъ разсказанной въ его «Воспоми-

наніяхъ» [1]), чтобы ясно представить себѣ тогдашнія отношенія правящихъ сферъ къ періодической печати и чтобы понять ту жалкую роль, на которую эта печать была обречена передъ лицомъ надвинувшихся на Россію тревожныхъ событій. Обрисовывая эту роль, г. Градовскій говоритъ: «Когда совершались тѣ или другія политическія преступленія, на нашей журналистикѣ лежала тягостная повинность. Надо было возмущаться и огорчаться, слѣдовало возвеличивать подвиги и достоинства павшихъ «слугъ царя и отечества», хотя бы это были весьма сомнительные люди, даже обманщики и хищники, въ родѣ тѣхъ бурмистровъ и управителей, которые изображены въ «Забытой деревнѣ» Некрасова. Если газета не проявляла «надлежащихъ чувствъ», не бранилась и не призывала «безпощадныхъ каръ» надъ виновниками, она сама подвергалась розыску со стороны рептилій. Реакціонные журналисты, соперничая другъ съ другомъ, «читали въ сердцахъ» либеральной печати и наперехватъ проявляли способности сыскныхъ и заплечныхъ дѣлъ мастеровъ. Отсюда получалось двойное неудобство: никто не вѣрилъ этому напускному негодованію, и всѣ сколько-нибудь порядочныя газеты предпочитали или молчать, или говорить крайне сдержанно о битвахъ, схваткахъ и смертоносныхъ кулачныхъ расправахъ двухъ противообщественныхъ лагерей. Кому же охота прослыть лицемѣромъ! Всѣ отбывали эту повинность, какъ отбываются молебны или панихиды въ табельные дни, или какъ составляются репортерскія описанія блестящихъ иллюминацій и безчисленныхъ флаговъ, вывѣшенныхъ дворниками по приказанію начальства. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ истинныхъ чувствъ. Городовой замѣняетъ и поглощаетъ обывателя».

При такой постановкѣ дѣла становится совершенно понятнымъ, почему печать въ приснопамятные дни семидесятыхъ годовъ оказывалась безсильною чѣмъ-либо помочь государю, чтобы успокоить бушующія страсти. Оставался еще одинъ источникъ для обнаруженія общественнаго мнѣнія. Источникомъ этимъ были земскія собранія и онѣ, какъ и въ дни 60-хъ годовъ дворянскія собранія, не преминули подать свой голосъ. Какъ рисуетъ обстоятельства подачи этого голоса Л. Тихомировъ, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ [2]).

Черниговское земство, по почину гласнаго г. Петрункевича, проектировало отвѣтный адресъ на рѣчь государя и на правительственное обращеніе слѣдующаго содержанія: «Въ № 186 «Правительственнаго Вѣстника» за 1878 годъ напечатано правительственное сообщеніе, приглашающее всѣхъ гражданъ и всѣ сословія Россіи помочь правительству въ дѣлѣ борьбы противъ возмутительныхъ злодѣяній, имѣвшихъ мѣсто въ недавнее время. Правительство

[1]) Г. К. Градовскій, «Итоги».
[2]) Левъ Тихомировъ, «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года».

признаетъ, что только помощь русскаго народа дастъ ему силу, способную уничтожить зло. Такой призывъ не можетъ не найти отвѣта среди земства Черниговской губерніи». Сказавъ далѣе «о глубокихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ къ государю», составители адреса отмѣтили [1]), что «думать, что идеи, а въ томъ числѣ и анархизмъ, можно остановить мѣрами строгости, значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей». «Положеніе русскаго общества,—говорится далѣе,—по нашему глубокому убѣжденію, представляетъ въ настоящую минуту всѣ условія для процвѣтанія идей, противныхъ государственному строю». Эти условія сведены къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) организація среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній; 2) отсутствіе свободы слова и печати, 3) отсутствіе среди русскаго общества чувства законности. Проанализировавъ эти дефектныя условія отечественной жизни, авторы адреса писали: «Не имѣя гарантіи въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, лишенное свободы критики возникающихъ среди его идей русское общество представляетъ разобщенную инертную массу, способную поглощать все, но неспособную къ борьбѣ. Земство Черниговской губерніи съ невыразимымъ огорченіемъ констатируетъ свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства». «Другими словами,—говоритъ г. Тихомировъ,—это былъ отказъ въ помощи, съ указаніемъ на нѣкоторыя условія, при принятіи которыхъ правительствомъ земство только и согласится ему помочь».

По показаніямъ того же автора, тверское заявленіе, появившееся въ 1879 г., было еще болѣе «ясно». Упомянувъ о словахъ государя императора, тверскіе гласные говорили: «Новое преступленіе въ Харьковѣ, убійство князя Кропоткина, обязываетъ земство Тверской губерніи возстать, согласно призыву монарха, на борьбу съ постоянно возрастающимъ зломъ»; затѣмъ, отмѣтивъ, какъ и въ черниговскомъ проектѣ адреса, дефектныя стороны отечественной жизни, препятствующія русской общественности пойти навстрѣчу власти, тверитяне заключаютъ: «Государь императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига болгарскаго народа призналъ необходимымъ даровать ему истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство Тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такою полною готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему Царю-Освободителю несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни мо-

[1]) Полностью этотъ адресъ приведенъ въ изданіи Бурцева «За сто лѣтъ».

гутъ дать ему возможность выйти, по слову государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія».

«Здѣсь, стало быть,—говоритъ г. Тихомировъ,—уже прямо заявляется, что къ борьбѣ съ терроризмомъ общество приступитъ лишь когда получитъ конституцію». Въ такомъ же духѣ былъ составленъ и харьковскій адресъ, который, по словамъ американскаго путешественника и извѣстнаго автора статей о Сибири и русскихъ тюрьмахъ Кенана, «хотя и не представлялъ желательной ясности въ формулировкѣ, тѣмъ не менѣе произвелъ сильное впечатлѣніе».

Адресъ черниговскаго земства, по свидѣтельству г. Тихомирова, окончательнаго хода не получилъ и остался лишь въ области мечтаній и орудіемъ агитаціи въ нѣдрахъ прочихъ земскихъ собраній. Онъ былъ составленъ на частномъ совѣщаніи нѣкоторыхъ гласныхъ и не былъ допущенъ предсѣдателемъ къ прочтенію на собраніи. Когда же г. Петрункевичъ сдѣлалъ заявленіе и попытку огласить адресъ, то предсѣдатель закрылъ собраніе и залъ былъ очищенъ жандармами отъ публики. Произошла бурная сцена, въ результатѣ которой г. Петрункевичъ былъ высланъ изъ предѣловъ Черниговской губерніи административнымъ порядкомъ съ воспрещеніемъ въѣзда сюда. Засимъ самый проектъ адреса былъ разосланъ по всѣмъ земствамъ, въ цѣляхъ побудить и здѣсь гласныхъ къ производству опредѣленной демонстраціи, при содѣйствіи которой тогдашняя либеральная партія и надѣялась подвигнуть правительство на опредѣленныя политическія уступки. Однако этотъ расчетъ не оправдался, и, по словамъ г. Тихомирова, «агитація, не выразившись въ томъ рядѣ протестовъ, на которые разсчитывалъ «либеральный комитетъ», получила лишь то значеніе, что, съ одной стороны, утверждала террористовъ въ ихъ взглядѣ на себя, какъ на передовой отрядъ революціи, а съ другой—пугала правительство призракомъ нѣкотораго общаго широкаго движенія. Такъ прошелъ 1879 годъ, весь полный самыхъ дерзкихъ покушеній уже противъ жизни самого государя. Со стороны власти, вмѣсто призыва къ содѣйствію, выдвигаются генералъ-губернаторы, чрезвычайныя полномочія и репрессивныя мѣры».

Такъ отвѣтило правительство на революціонное движеніе и на движеніе конституціонное, поднявшееся было въ либеральныхъ кругахъ нѣкоторыхъ земствъ. На совѣщаніи сановниковъ, происходившемъ въ присутствіи государя въ кабинетѣ его величества, рѣшено было [1]) прибѣгнуть къ новой, еще не испытанной мѣрѣ: учрежденію временныхъ генералъ-губернаторствъ, съ предоставленіемъ генералъ-губернаторамъ чрезвычайныхъ полномочій. Временныхъ генералъ-губернаторовъ по-

[1]) «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе», С. С. Татищева.

ложено было назначить въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, а предоставленныя имъ права распространить и на генералъ-губернаторовъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Варшавѣ. Во всѣхъ этихъ и въ смежныхъ съ ними губерніяхъ высочайше повелѣно: всѣ мѣстныя гражданскія управленія подчинить генералъ-губернаторамъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ подчиняются главнокомандующему арміею губерніи и области, объявленныя на военномъ положеніи, а также подчинить имъ же учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ по предметамъ, относящимся до охраненія порядка и общественнаго спокойствія; предоставить генералъ-губернаторамъ лицъ гражданскаго вѣдомства предавать военному суду, а равно и нижеслѣдующія права: высылать административнымъ порядкомъ изъ ввѣренныхъ ихъ управленію мѣстностей всѣхъ тѣхъ лицъ, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ они признаютъ вреднымъ; подвергать личному задержанію, по непосредственному своему усмотрѣнію всѣхъ лицъ, не смотря на званіе и состояніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ; пріостанавливать или вовсе воспрещать изданіе журналовъ и газетъ, направленіе которыхъ будетъ ими признаваемо вреднымъ, и вообще принимать тѣ мѣры, которыя, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, они признаютъ необходимыми для охраненія спокойствія во ввѣренномъ имъ краѣ. Такими временными генералъ-губернаторами были назначены: въ Петербургѣ—генералъ-адъютантъ Гурко, въ Одессѣ—генералъ-адъютантъ графъ Тотлебенъ, въ Харьковѣ—генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ, только что тогда вернувшійся изъ Астраханской губерніи, куда былъ командированъ для борьбы съ ветлянской чумой.

Рядомъ съ этими мѣропріятіями государь императоръ поручилъ, уѣзжая въ Крымъ, въ виду болѣзненнаго состоянія императрицы Маріи Александровны, особому совѣщанію изъ министровъ: военнаго, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющаго II Отдѣленіемъ и шефа жандармовъ, подъ предсѣдательствомъ Валуева, «изслѣдовать и выяснить причины быстраго распространенія въ средѣ молодого поколѣнія разрушительнаго ученія и изыскать дѣйствительныя практическія мѣры, чтобы положить предѣлъ ихъ растлѣвающему вліянію». Результаты этого «особаго совѣщанія» представляютъ значительный интересъ, какъ иллюстрація къ сложившимся взглядамъ представителей высшаго правительства на положеніе дѣлъ въ имперіи, почему и считаемъ долгомъ привести ихъ въ возможной полнотѣ, согласно даннымъ, представленнымъ по сему предмету С. С. Татищевымъ на основаніи подлинныхъ журналовъ собранія, которыми онъ получилъ въ свое время право пользоваться.

IV.

Собраніе сановниковъ, хотя и не признало положенія дѣлъ «безвыходнымъ», однако констатировало его затруднительность и опасность для существующаго строя. Въ журналѣ совѣщанія по сему предмету сказано: «Особаго вниманія заслуживаетъ наружное безучастіе почти всей болѣе или менѣе образованной части населенія въ нынѣшней борьбѣ правительственной власти съ небольшимъ сравнительно числомъ злоумышленниковъ, стремящихся къ ниспроверженію коренныхъ условій государственнаго, гражданскаго и общественнаго порядка. Большинство само встревожено, но оно какъ будто выжидаетъ развязки борьбы, не вступая въ нее и не заступаясь за правительство. Напротивъ того, оно почти всегда недоброхотно относится къ распоряженію правительственныхъ властей, находя принимаемыя ими мѣры то слишкомъ слабыми, то слишкомъ стѣснительными и строгими. Что же касается не разсуждающихъ или мало разсуждающихъ массъ, то въ нихъ замѣтны двѣ противоположныя наклонности. Онѣ готовы по первому призыву оказать содѣйствіе правительству противъ его враговъ, но содѣйствіе безпорядочное, насильственное, всегда граничащее съ своеволіемъ и потому слишкомъ опасное, чтобы на него можно было разсчитывать. Въ то же самое время эти массы легко доступны самымъ злонамѣреннымъ толкамъ, слухамъ и обѣщаніямъ, относящимся до предоставленія имъ какихъ-нибудь новыхъ льготъ или матеріальныхъ выгодъ, и подъ вліяніемъ такихъ слуховъ и обѣщаній способны отказаться отъ повиновенія ближайшей къ нимъ правительственной власти и сами отыскивать враговъ въ средѣ, гдѣ эта власть ихъ не усматриваетъ. Въ разныхъ губерніяхъ уже замѣтны признаки дѣйствующей въ этомъ направленіи подпольной работы. Вообще во всѣхъ слояхъ населенія проявляется какое-то неопредѣленное, всѣхъ обуявшее неудовольствіе. Всѣ на что-нибудь жалуются и какъ будто желаютъ и ждутъ перемѣны. Разнообразіе сѣтованій и неопредѣленность ожиданій тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, по заявленію министра внутреннихъ дѣлъ, надлежитъ ожидать къ концу года возникновенія неудобныхъ ходатайствъ въ средѣ земскихъ и дворянскихъ собраній».

Объ этихъ ожидаемыхъ неудобныхъ ходатайствахъ мы говорили, въ предыдущей главѣ когда шла рѣчь о черниговскомъ, тверскомъ и харьковскомъ адресахъ, гдѣ высказаны были конституціонныя desiderіa либеральной части русскаго общества, совпадавшія со всѣмъ тѣмъ историческимъ теченіемъ, начиная съ конца XVIII в., проходившія черезъ программы декабристовъ, петрашевцевъ, черезъ программы передовой журналистики 50-хъ и 60-хъ годовъ, черезъ нѣкоторые проекты представителей власти, черезъ теченія въ дворянскихъ

собраніяхъ въ освободительную эпоху, находившія нѣкоторое свое отраженіе въ журналистикѣ революціонной и въ нѣкоторыхъ революціонныхъ кружкахъ и получившія свое новое обоснованіе въ отмѣченныхъ выше адресахъ и отвѣтахъ на правительственное обращеніе къ обществу. Короче, та «неопредѣленность», на которую указывалъ журналъ «особаго совѣщанія», вовсе не была столь туманною, а раскрывалась изъ всей совокупности теченій общественной мысли, разсмотрѣнію которыхъ были посвящены наши историческіе очерки во всѣхъ ихъ прошлыхъ и настоящихъ частяхъ. Такимъ образомъ желанія интеллигенціи вовсе не были столь неопредѣленными; что же касается подавляющей массы населенія, т.-е. освобожденнаго крестьянскаго сословія, то и здѣсь отвѣтъ на его ожиданія и желанія былъ очень опредѣлителенъ: крестьянство искало себѣ выхода изъ той экономической кабалы, въ которую оно попало послѣ несовершенной реформы 19 февраля 1861 г. и, задыхаясь въ новыхъ тяжелыхъ условіяхъ обновленной жизни, готово было радостно пойти навстрѣчу всѣмъ тѣмъ, кто давалъ ему указаніе и обѣщанія лучшей будущей жизни. Всего охотнѣе оно готово было внять голосу правительства и той верховной власти, по единому мановенію которой судьба его могла быть радикально измѣнена въ лучшую сторону. Но эта власть, начиная съ 1861 года, оставалась глуха къ чаяніямъ своего самаго вѣрноподданнѣйшаго сословія, и начинало казаться даже, что она объ этомъ сословіи какъ будто и совсѣмъ забыла, полагая, что послѣ дарованной ему «милости» оно уже болѣе не нуждается въ попеченіяхъ правительства и что эти милости подлежатъ распространенію лишь на сословіе, «обиженное» великою реформою, т.-е. дворянство, которое, какъ нѣкогда въ дореформенную эпоху, и выдвигается, какъ истинная опора трона и существующаго порядка вещей. Но тутъ происходила какая-то роковая ошибка въ исторической перспективѣ: дворянство, оставшееся безъ крѣпостническихъ правъ, въ сущности теряло свое значеніе, какъ таковое, и поэтому никакой опоры трону фактически оказать въ состояніи не было и на его долю оставались только платоническіе вѣрноподданническіе адреса и заявленія, сквозь которые сначала слышались мотивы о политической компенсаціи, а вскорѣ засимъ—о компенсаціи финансовой, на каковую, въ особенности въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, дѣйствительно, и начались тратиться громадные государственные рессурсы. Итакъ, всякая апелляція правительства къ двумъ главенствующимъ сословіямъ не могла дойти по адресу, а интеллигенція, какъ сила молодая и вліятельная, властью игнорировалась и оставлялась искусственно въ сторонѣ отъ могущаго быть исхода въ борьбѣ правительства съ революціей, почему, въ виду упорнаго нежеланія власти итти на какія бы то ни было уступки этой интеллигенціи, нежеланія вступать съ нею въ какіе бы то ни было компромиссы, въ наличіи

оставался лишь испытанный административно-полицейскій путь дѣйствій, каковой и легъ въ основаніе выработанной «особымъ совѣщаніемъ» программы. Эта программа и была представлена раздѣленною на двѣ части: въ первой были изложены мѣры судебно-административныя, во второй—тѣ, что должны были быть приняты по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Мѣры первой категоріи были слѣдующія: 1) въ видахъ предоставленія полиціи большей самостоятельности и для возвышенія ея значенія и авторитета въ общественной средѣ отмѣнить право мировыхъ судей давать полицейскимъ чинамъ предостереженія; 2) предоставить полиціи право приносить жалобы на мировыхъ судей прямо, а не черезъ товарищей прокуроровъ; 3) въ виду неудобствъ, происходящихъ отъ непризнанія за полицейскими показаніями и протоколами силы полнаго судебнаго доказательства и отъ того, что мировые судьи не дѣйствуютъ съ безпрерывностью, которая требуется для полицейскихъ дѣлъ, пересмотрѣть вообще узаконенія о мировыхъ судьяхъ; 4) въ виду того, что нынѣшній составъ полиціи не соотвѣтствуетъ возложеннымъ на нее требованіямъ закона, не ожидая пересмотра всѣхъ узаконеній о полиціи, усилить ея нынѣшній составъ; 5) въ виду неразборчиваго выбора земскими и городскими управленіями служащихъ по ихъ вѣдомствамъ лицъ, въ числѣ которыхъ нерѣдко встрѣчаются агенты революціонной пропаганды, распространить дѣйствіе правилъ 1866 г. о предварительномъ испрошеніи согласія губернатора на опредѣленіе извѣстныхъ должностныхъ лицъ въ земскія и городскія управленія; 6) въ виду постоянно и систематически вреднаго вліянія періодической печати и недостаточности дѣйствующихъ о ней постановленій, проектировать новыя правила о денежныхъ съ періодическихъ изданій взысканіяхъ, 7) въ виду распространяемаго въ крестьянскомъ сословіи возбужденія насчетъ обременительности лежащихъ на немъ повинностей и недостатка предоставленнаго по закону земельнаго надѣла—принять мѣры къ прекращенію агитаціи, направленной противъ коренныхъ началъ положенія 19 февраля и къ опроверженію ложныхъ надеждъ на дополнительный надѣлъ; 8) принимая во вниманіе, что необходимо ободрить и сплотить для противодѣйствія революціонной пропагандѣ тѣ элементы населенія, въ которыхъ должны естественно и преемственно заключаться разумныя и охранительныя силы, что такія силы дѣйствительно заключаются въ частномъ потомственномъ землевладѣніи, потому что онѣ возбуждаются и поддерживаются его собственными интересами, и что вліяніе этого охранительнаго элемента до сихъ поръ парализуется отсутствіемъ всякой территоріальной связи между разными частями населенія,—возвратиться къ давнему предположенію министра внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ территоріальныхъ волостей и вообще ока-

зать частному землевладѣнію одобрительное со стороны правительства вниманіе; 9) въ виду того, что другой охранительный элементъ въ настоящее время явно обнаруживается въ средѣ раскольниковъ, что эта среда да сихъ поръ остается недоступною революціонной пропагандѣ и что такое настроеніе ея полезно поддержать и упрочить—дать исполнительное движеніе высочайше утвержденнымъ въ 1864 году предположеніямъ относительно послѣдователей сектъ, не признанныхъ особенно вредными, съ тѣмъ, чтобы соотвѣтствующія мѣры были приняты административнымъ порядкомъ безъ законодательной торжественности; 10) въ видахъ устраненія административной розни между разными частями имперіи и во вниманіе къ тому, что революціонная агитація не находитъ удобной для себя почвы въ населеніи, принадлежащемъ къ польскому племени, отмѣнить дѣйствующія въ западныхъ губерніяхъ исключительныя постановленія и правила, не касаясь, впрочемъ, закона 10 декабря 1865 года.

Что касается вопроса объ учебныхъ заведеніяхъ, то здѣсь мнѣнія членовъ совѣщанія раздѣлились, причемъ относительно высшихъ учебныхъ заведеній министръ народнаго просвѣщенія приписалъ неустройство университетовъ недостаткамъ устава 1863 года, по коему университеты оказались слишкомъ автономны и изъяты отъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ со стороны правительственной власти. Эти дефекты, по его мнѣнію, будутъ устранены будущимъ уставомъ, гдѣ и профессорская коллегія, и учащіеся будутъ подтянуты и введены въ нормы дисциплины. Большія пренія вызвалъ вопросъ о народныхъ училищахъ, причемъ нельзя не отмѣтить, что въ своемъ взглядѣ на дѣло графъ Толстой оказался много прогрессивнѣе другихъ своихъ коллегъ по совѣщанію и, хотя по настоящему предмету опредѣленной резолюціи принято не было, но главенствующая тенденція, нашедшая себѣ выразителя въ заключительномъ словѣ Валуева, сводились къ слѣдующему. Валуевъ заявилъ, что «всегда признавалъ и теперь признаетъ дѣло народнаго образованія существенно единымъ по своему государственному значенію; что онъ прежде находилъ и теперь находитъ неудобнымъ то участіе, которое въ немъ предоставлено земскимъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ неодинаково въ разное время и въ разныхъ губерніяхъ; что онъ считаетъ необходимымъ объединеніе дѣла въ однѣхъ рукахъ и его повсемѣстное одинаковое направленіе къ одной цѣли; что при данныхъ условіяхъ нашей обширной территоріи, нашего климата, малой густоты населенія и ограниченности денежныхъ средствъ, онъ сомнѣвается въ возможности устройства нашихъ сельскихъ школъ по какому-нибудь усовершенствованному европейскому образцу и что, по этихъ увѣреніямъ, онъ, съ своей стороны, признаетъ особенно желательнымъ поручить эти школы прямому попеченію приходского духовенства, ввѣривъ

ему пріисканіе учителей и надзоръ за ними и предоставивъ ему на этотъ конецъ тѣ денежныя средства, которыя могли бы быть сбережены при устройствѣ и содержаніи школы на такихъ основаніяхъ».

Говоря иначе, Валуевъ впервые выдвинулъ необходимость культивированія церковно-приходскихъ школъ, которыя впослѣдствіи были приняты К. П. Побѣдоносцевымъ подъ особое покровительство и заботѣ о которыхъ было удѣлено въ періодъ его вліянія на нашу внутреннюю политику видное мѣсто.

V.

«Съ общимъ взглядомъ особаго совѣщанія на крамолу согласился и комитетъ министровъ, одобрившій большую часть изъ предположенныхъ совѣщаніемъ судебно-полицейскихъ мѣръ,—повѣствуетъ С. С. Татищевъ [1]).—Въ засѣданіяхъ комитета, посвященныхъ ихъ обсужденію, министръ финансовъ Грейгъ высказался въ пользу своевременности совершенной отмѣны выборнаго начала въ назначеніи мировыхъ судей и за предоставленіе нѣкоторымъ особо поименованнымъ чинамъ полиціи право разбирать ускореннымъ порядкомъ маловажныя нарушенія постановленій, ограждающихъ общественное благоустройство и благочиніе, съ наложеніемъ на виновныхъ незначительныхъ штрафовъ и мѣръ взысканія. Шефъ жандармовъ требовалъ назначенія, съ предварительнаго согласія губернаторовъ, не только должностныхъ лицъ по городскому и земскому управленію, но и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Предположенія о введеніи новыхъ территоріальныхъ единицъ комитетъ обусловилъ сохраненіемъ при этомъ коренныхъ началъ положенія 19 февраля 1861 года, а также послѣдовавшихъ послѣ 1864 года законоположеній, а на отмѣну исключительныхъ постановленій и правилъ по западнымъ губерніямъ полагалъ испрашивать каждый разъ высочайшее соизволеніе.

«Не менѣе оживленныя пренія, какъ въ особомъ совѣщаніи, происходили и въ комитетѣ министровъ по вопросу о народномъ образованіи. Статсъ-секретарь Валуевъ заявилъ, что, высказавъ нѣкоторыя сужденія и желанія относительно направленія учебнаго дѣла въ Россіи, совѣщаніе отнюдь не имѣло въ виду подтвержденія распространеннаго въ печати и въ образованной части общества мнѣнія, будто гимназическая реформа и строгость испытаній и учебныхъ занятій порождаютъ неудовольствіе и увеличиваютъ число лицъ, оставляющихъ гимназію до окончанія курса, а слѣдовательно усиливаютъ и вредные элементы, представляющіе удобную почву для соціалистической пропаганды. Напротивъ того, самъ онъ увѣренъ, что вслѣдствіе упомянутой реформы элементы

[1]) «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе», т. II.

эти менѣе многочисленны, чѣмъ были бы безъ нея. Мнѣніе это министръ народнаго просвѣщенія подтвердилъ указаніемъ на то, что число учениковъ гимназій, увольняемыхъ за неуспѣхи въ наукахъ, составляетъ не болѣе 3-хъ на сто, что большая часть и этого количества приходится на низшіе два класса, т. е. на совершенно дѣтскій возрастъ, и что число выпускаемыхъ съ аттестатами зрѣлости, постоянно увеличиваясь, сравнялось почти съ числомъ учившихся въ послѣднихъ классахъ гимназіи.

«Затѣмъ комитетъ министровъ, выразивъ убѣжденіе, что проектированіе мѣръ по части народнаго образованія требуетъ, по важности ихъ послѣдствій, особой осторожности и строгаго соображенія со всей системой веденія учебнаго дѣла, чтобы отдѣльными мѣропріятіями не нарушать стройности системы. приступилъ къ обсужденію возбужденныхъ особымъ совѣщаніемъ двухъ главныхъ и существеннѣйшихъ по учебному дѣлу вопросовъ: 1) не слѣдуетъ ли положить предѣлъ искусственной поддержкѣ весьма распространеннаго стремленія перемѣщаться, путемъ высшаго образованія, изъ одного слоя общества въ другой? и 2) должно ли поддерживать и развивать нынѣшній порядокъ приготовленія учителей для народныхъ школъ посредствомъ учительскихъ семинарій, или измѣнить систему начальнаго образованія, установивъ преобладающее вліяніе духовенства на школу?

«По первому вопросу комитетъ высказался утвердительно, вполнѣ раздѣливъ взглядъ на предметъ, выраженный генералъ-адъютантомъ Грейгомъ. Если—разсуждалъ онъ—доступность высшаго образованія и составляетъ потребность нынѣшняго вѣка, то едва ли правильно искусственно возбуждать стремленіе къ нему въ Россіи, гдѣ существуютъ столь рѣзкія грани въ бытѣ различныхъ общественныхъ слоевъ. Въ силу этихъ соображеній комитетъ положилъ: «Предоставить подлежащимъ министрамъ, въ вѣдѣнія коихъ находятся высшія учебныя заведенія, принять къ руководству изъясненное общее начало о положительномъ вредѣ искусственнаго возбужденія въ Россіи стремленія къ высшему образованію съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ принялъ по своему вѣдомству мѣры, коими могутъ быть достигнуты успѣшные результаты въ смыслѣ ослабленія означеннаго явленія». Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено сосредоточить въ министерствѣ народнаго просвѣщенія всѣ казенныя университетскія стипендіи и предложено министру внести «въ возможно неотлагательномъ времени» въ государственный совѣтъ проектъ новаго университетскаго устава.

«По вопросу о народной школѣ комитетъ хотя и призналъ, что духовно-нравственное развитіе народа, составляющее краеугольный камень всего государственнаго строя, не можетъ быть достигнуто безъ предоставленія духовенству преобладающаго участія въ завѣдываніи народными школами, но въ то же время нашелъ, что

«полное повсемѣстное подчиненіе народной школы православному духовенству представляется нынѣ на практикѣ затруднительнымъ», а потому и ограничился тѣмъ, что, поставивъ достиженіе этого «цѣлью согласованныхъ стараній министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства», выразилъ мнѣніе, «что при значительной потребности въ народныхъ школахъ, при практической невозможности, чтобы самое преподаваніе въ нихъ лежало исключительно на обязанности сельскаго духовенства, и наконецъ при большомъ числѣ мѣстностей, населенныхъ неправославными и даже не христіанами,—оканчивающіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ найдутъ себѣ занятія, соотвѣтствующія ихъ назначенію». «Въ заключеніе комитетъ министровъ высказалъ пожеланіе, чтобы изысканы были средства къ улучшенію матеріальнаго положенія сельскихъ священниковъ и чтобы духовное вѣдомство всемѣрно облегчало способы къ возстановленію исподволь упраздненныхъ за послѣдніе годы самостоятельныхъ приходовъ».

«Такова была,—говоритъ біографъ Александра II,—совокупность мѣръ для борьбы съ крамолою, проектированныхъ особымъ совѣщаніемъ и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ поднесенныхъ комитетомъ министровъ на утвержденіе государя. Изъ нихъ весьма немногія были осуществлены своевременно, бо́льшую же часть опередили событія и онѣ не вышли изъ области предположеній. Къ числу первыхъ относится обнародованный въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, объявлявшій, по особому государя императора повелѣнію, «что ни теперь, ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ», а также высочайшее повелѣніе о предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права и впредь, до утвержденія новаго общаго устава университетовъ, издать инструкцію для университетской инспекціи съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій.

«Между тѣмъ генералъ-губернаторы широко примѣнили свои чрезвычайныя полномочія къ подавленію соціально-революціоннаго движенія. Ими изданъ длинный рядъ обязательныхъ постановленій о разныхъ предметахъ, стоящихъ болѣе или менѣе въ связи съ этими движеніями, съ установленіемъ крупныхъ денежныхъ штрафовъ за ихъ нарушеніе. Постановленія эти установляли: строгое наблюденіе за своевременною и точною прописью видовъ, а въ столицахъ—постоянное дежурство дворниковъ, правила ношенія, храненія и продажи оружія; правила о легковоспламеняющихся и взрывчатыхъ веществахъ, о надзорѣ за типографіями и т. п. Усиленные обыски и аресты производились среди лицъ, заподозрѣнныхъ съ соучастіи съ злоумышленниками; большая часть арестованныхъ высылалась изъ Петербурга и университетскихъ городовъ подъ

надзоръ полиціи въ разныя мѣстности: уличенныя въ виновности предавались военному суду».

Такъ отвѣчала правительственная власть на все разливающееся революціонное движеніе и такого рода мѣропріятіями она надѣялась ввести русскую жизнь въ норму и спокойные берега. Нечего говорить, что эти надежды должны были рушиться передъ напоромъ дѣйствительности, и послѣдняя въ самомъ недалекомъ будущемъ опрокинула чаянія и «особаго совѣщанія» и комитета министерства.

VI.

Пока правительство вступало на путь репрессій и реакціи и проектировало вышесказанныя мѣропріятія, не желая и виду показать, что оно готово пойти навстрѣчу желаніямъ русской общественности, въ нѣдрахъ революціонныхъ кружковъ происходила значительная эволюція, приведшая ихъ отъ дѣйствій порознь и изъ состоянія общественной анархіи къ дѣйствіямъ сплоченнымъ, по заранѣе составленной программѣ и подъ отвѣтственностью и по указаніямъ спеціальнаго комитета, сосредоточивавшаго постепенно въ свои руки всю политику дѣйствій разрозненныхъ дотолѣ революціонныхъ силъ.

Крестовый походъ «въ народъ», результаты, этимъ походомъ добытые, и судебныя послѣдствія, отсюда проистекшія, внесли въ революціонную среду «мирныхъ пропагандистовъ» значительное разочарованіе. Дѣло сорвалось, и пропагандисты опытомъ убѣдились, что оно и не могло не сорваться, какъ въ силу тѣхъ задачъ и идей, которыя были заложены въ идейный уголъ пропаганды, такъ въ силу особенностей той среды, куда пропагандисты попытались проникнуть, а также въ силу того общаго плана и способа дѣйствій, которые они приложили къ своему движенію въ народъ. Вотъ на этотъ-то планъ и методы революціонной пропаганды оставшимися на свободѣ революціонерами и было обращено особенное вниманіе, и эти два кардинальныхъ вопроса тогдашней подпольной жизни и стали на первую очередь обсужденія и реформированія. Результатомъ этой реформы и явилась новая революціонная организація, принявшая по историческому преемству отъ эпохи шестидесятыхъ годовъ наименованіе «Земля и Воля», какъ наименованіе, обнимающее собою цѣли пламенныхъ желаній и простого народа и интеллигенціи, у которыхъ обоихъ одинаково не хватало желанной и нужной имъ и *земли и воли*.

Извѣстный и популярный «землеволецъ» и «народоволецъ», Александръ Дмитріевичъ Михайловъ, съ 1882 года замурованный въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости и тамъ

погибшій, въ своей автобіографіи [1]) такъ повѣствуетъ о новой народнической организаціи въ связи въ нѣкоторыми данными изъ своего революціоннаго прошлаго. Начавъ свою полуреволюціонную дѣятельность на югѣ еще будучи въ старшихъ классахъ гимназіи, Михайловъ очутился въ 1875 году студентомъ технологическаго института въ Петербургѣ. Здѣсь,—повѣствуетъ онъ,—«со страстью отдался я организаціи студенческихъ кружковъ саморазвитія по помощи пропагандистамъ. Усиліями нѣсколькихъ человѣкъ, мѣсяца черезъ четыре послѣ моего поступленія въ технологическій институтъ, составился студенческій союзъ съ кассой и федеративными кружками въ Павловскомъ училищѣ, въ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ волненіямъ въ технологическомъ институтѣ я относился индифферентно, ибо не видѣлъ отъ нихъ пользы; но когда закрыли первый курсъ и требовали подачи новыхъ прошеній, изъ 140 человѣкъ только я и мои товарищи отказались исполнить эти требованія... зато я и поплатился высылкой на родину, пробывъ въ Петербургѣ только три съ половиною мѣсяца. Я чувствовалъ себя хорошо, удовлетворительно, хотя испытаніе для тогдашняго моего умственнаго и нравственнаго состоянія было порядочное.

«На родинѣ я просидѣлъ не болѣе мѣсяца и удралъ въ Кіевъ, за что меня полиція въ Кіевѣ часто тягала по участкамъ. Въ Кіевѣ я встрѣтился въ первый разъ съ настоящими радикалами, и притомъ всѣхъ трехъ направленій: пропагандистовъ, бунтарей и якобинцевъ. Познакомившись съ ихъ программами, я не присталъ ни къ одной изъ нихъ. Я искалъ солидной силы, опредѣленной и энергической дѣятельности, въ Кіевѣ же больше препирались о теоріяхъ и личныхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣйствовали.

«Работали немногія единицы, но тѣ сторонились мало знакомыхъ людей. Собравъ съ цвѣтовъ краснорѣчія весь медъ и вполнѣ сознавая большую пользу, которую принесло мнѣ знакомство съ теоріей революціонной партіи, рѣшившись посвятить себя этой партіи... я тѣмъ не менѣе не былъ доволенъ. Съ одной стороны я видѣлъ великія цѣли и громадныя задачи, а съ другой—кучки людей, не организованныя, несплоченныя, безъ единаго общаго плана, безъ опредѣленныхъ практическихъ задачъ. Я ясно сознавалъ безплодность такого положенія вещей. Доля организаціоннаго чутья, присущая мнѣ, тогда еще неопытному юношѣ, подсказывала мнѣ, что не въ выработкѣ наивѣрнѣйшей теоріи, а въ совершенно организованномъ дѣлѣ сила. Рѣшивъ свое отношеніе къ партіи, меня тянуло не въ народъ, что было даже обязательно тогда для каждаго неофита, нѣтъ, въ моей головѣ родились смѣлые до дерзости планы—обще-русской

[1]) «Руская Историческая Библіотека», № 13. «Александръ Дмитріевичъ Михайловъ», изд. «Донской рѣчи».

организаціи силъ соціально-революціонной партіи. Родились эти планы и поглотили меня вполнѣ. Но я удивляюсь теперь, какъ такой юнецъ, какимъ я былъ тогда, безъ извѣстности въ революціонномъ мірѣ, безъ опытности могъ такъ нахально смѣло отдаться всецѣло такимъ задачамъ, отдаться почти безъ поддержки, по собственной иниціативѣ и на свой страхъ.

«О совершенныхъ организаціяхъ партія тогда не думала. Ее интересовалъ народъ, принципы дѣятельности, теоріи. Конечно,

Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.

мои планы не могли осуществиться въ Кіевѣ, гдѣ уже личная враждебность кружковъ одного къ другому мѣшала этому. Тамъ много было генераловъ и адъютантовъ при нихъ, но не было солдатъ, почти не было дѣятельныхъ революціонныхъ силъ. Но помимо своей воли я принужденъ былъ находиться съ полгода въ Кіевѣ, а сложа руки я сидѣть не могъ. Еще съ первыхъ дней пребыванія тамъ (зима и лѣто 1875—1876 гг.), при помощи и участіи студентовъ—своихъ бывшихъ товарищей по гимназіи, мнѣ удалось сплотить студен-

ческій кружокъ самообразованія наподобіе с.-петербургскаго, съ кассой помощи революціи, но онъ не могъ поглотить всѣхъ моихъ силъ, а потому я сдѣлалъ попытку положить начало замышляемой широкой, сплоченной и дисциплинированной организаціи. Мои мысли и мысли одного якобинца совпали; онъ познакомилъ меня съ Давиденко (казненнымъ) и еще кой съ кѣмъ. Якобинца, какъ человѣка и революціонную силу, я игнорировалъ, но въ Давиденко я видѣлъ рѣшительнаго человѣка, сблизился съ нимъ, и вотъ насъ четверо человѣкъ задумали покорить революцію міра. Я не могъ вѣрить въ попытку, но для опыта прежде всего принялся за выработку самого себя, чему и отдался горячо. Былъ основанъ этотъ маленькій кружокъ, и стали разрабатывать планы. Дѣла мы не сдѣлали, но планы въ нашихъ головахъ выяснились. Въ Кіевѣ же весной 1875 года я познакомился въ Гольденбергомъ, который меня полюбилъ и съ большой охотой водилъ со мною дружбу. Какъ человѣкъ добрый, преданный дѣлу, онъ мнѣ нравился, но глупость его часто меня бѣсила и смѣшила... Здѣсь же въ кружкѣ пропагандистовъ я познакомился съ Дмитріемъ Андреевичемъ Лизогубомъ, но знакомство у насъ было шапочное (онъ вращался въ кружкѣ Колодкевича, который тогда сидѣлъ въ тюрьмѣ и пользовался уже большой популярностью). Здѣсь я познакомился съ Стефановичемъ, Капитаномъ (Чуворовъ), казненнымъ въ Одессѣ въ 1879 году, и со многими другими бунтарями; нѣсколько недѣль они пользовались всей своей ордой (съ револьверами, сѣдлами и проч.) моей квартирой. Я видѣлъ, что они приготовляются къ битвѣ, это ясно было и по ихъ внѣшности, и по ихъ настроенію. Они нравились мнѣ болѣе всѣхъ кіевлянъ, хотя доходили въ принципахъ до крайностей; свое дѣло они отъ меня скрывали. Я же былъ поглощенъ своими планами, склонности къ которымъ въ нихъ не замѣчалъ.

«Лѣтомъ 1878 г. мнѣ разрѣшили вернуться въ Петербургъ, куда несли меня мечты. Возвращался я въ него уже соціалистомъ-революціонеромъ. При посредствѣ нѣкоторыхъ кіевскихъ знакомыхъ, я прямо попалъ въ революціонные кружки и въ мѣсяцъ, въ два я имѣлъ уже возможность прикладывать всѣ свои силы къ завѣтнымъ планамъ, которые нашли благопріятную почву въ настроеніи петербургскихъ революціонныхъ сферъ. Черезъ посредство самарскихъ особъ я познакомился со многими видными тогдашними дѣятелями и былъ ими принятъ очень дружелюбно, даже какъ-то «не въ примѣръ прочимъ» дружелюбно и довѣрчиво, чему я былъ чрезвычайно радъ. Одними изъ моихъ первыхъ знакомыхъ были Оболяшинъ и его компанія: Михаилъ Поповъ съ компаніей, Ив-ъ и Соловьевъ, Ольга Натансонъ и ея друзья, потомъ Адріанъ Михайловъ и нѣкоторые другіе. Особенно я подружился съ Оболяшинымъ, Ольгой Натансонъ и еще съ нѣкоторыми. Эти нѣсколько человѣкъ вполнѣ были со мной единомыслящи, но,

такъ какъ среди нихъ были люди, во всемъ выше меня стоявшіе, то я сталъ самымъ дѣятельнымъ ихъ помощникомъ. Въ теоріи выдвигалось новое народническое направленіе, чрезвычайно мнѣ сочувственное, на практикѣ строилась организація, соотвѣтствовавшая моимъ мечтамъ. Я пользовался довѣріемъ и могъ прилагать свои силы къ самымъ интимнымъ революціоннымъ дѣламъ. Я былъ счастливъ, что стоялъ на желанной дорогѣ, я уважалъ и высоко цѣнилъ своихъ новыхъ товарищей. Но и въ новой средѣ я, Оболяшинъ и Ольга Натансонъ выдѣлялись горячимъ отношеніемъ къ организаціоннымъ задачамъ.

«Въ кружкѣ народниковъ, который легъ въ основаніе проекта организаціи революціонныхъ русскихъ силъ и въ который я, вмѣстѣ съ другими упомянутыми лицами, вошелъ какъ членъ-учредитель, всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширеніи практической выработки и развитіи организаціи. Въ характерахъ, привычкахъ и нравахъ самыхъ видныхъ членовъ нашего общества было много губительнаго и вреднаго для роста тайнаго общества, но недостатокъ ежеминутной осмотрительности, разсѣянность, а иногда и просто недостатокъ воли и сознательности мѣшали передѣлкѣ, перевоспитанію характеровъ членовъ соотвѣтственно мысли организаціи. И вотъ я и Оболяшинъ начали самую упорную борьбу противъ широкой русской натуры. И надо отдать намъ справедливость—едва ли можно было сдѣлать съ нашими слабыми силами болѣе того, что мы сдѣлали. Сколько выпало на нашу долю непріятностей, иногда насмѣшекъ! Но все-таки, въ концѣ концовъ, сама практика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указаній, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязанности, дисциплины и нѣкоторой централизованности. Это теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своемъ же кружкѣ могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, диктаторами и проч. И опять-таки сама жизнь поддержала насъ—эти принципы восторжествовали».

Такова внѣшняя исторія образованія новой народнической соціально-революціонной организаціи, получившей немного спустя наименованіе «Земля и Воля». Объ этой же формальной сторонѣ, а также идейной мы имѣемъ показаніе еще и другого дѣятеля этой организаціи, явившагося вмѣстѣ съ тѣмъ впослѣдствіи и историкомъ ея, именно Е. Серебрякова, повѣдавшаго довольно подробно объ этой страницѣ изъ жизни русскихъ революціонеровъ въ брошюрѣ «Очеркъ по исторіи «Земли и Воли» [1]).

---

[1]) Е. Серебряковъ. Очерки по исторіи «Земли и Воли». Изданіе «Свободнаго Труда». Спб. 1906 г.

VII.

Е. Серебряковъ, коснувшись сначала вопроса о послѣдствіяхъ пропагандистскаго движенія въ народъ весною 1874 г., повѣствуетъ: «Арестовавъ тысячу человѣкъ, правительство думало, что нанесло смертельный ударъ русской революціи. Но въ дѣйствительности оно этими арестами только ускорило переходъ русской революціонной партіи изъ одного фазиса въ другой. Уцѣлѣвшіе пропагандисты не пали духомъ и не потеряли вѣры въ свое дѣло. Они даже, какъ будто, прониклись новой энергіей. Возвратившись въ города, пропагандисты первымъ дѣломъ принялись за пополненіе своихъ рядовъ, сильно порѣдѣвшихъ. Пополнить ихъ они, конечно, могли прежде всего только въ той средѣ, изъ которой вышли сами, т. е. среди учащейся молодежи. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали имъ: съ одной стороны, осенью 1874 г. былъ невѣроятно большой наплывъ молодежи въ университетскіе города, особенно въ Петербургъ, гдѣ медицинская академія и технологическій институтъ стали принимать гимназистовъ, не имѣвшихъ аттестата зрѣлости, съ другой, безпорядки, возникшіе въ медицинской академіи вслѣдствіе арестовъ нѣсколькихъ студентовъ за демонстрацію противъ Ціона, привели къ закрытію всего заведенія, что вызвало сильное броженіе и недовольство между ними. Взволнованная молодежь была весьма воспріимчива къ пропагандѣ соціалистическихъ идей, и убыль революціонеровъ быстро пополнилась съ избыткомъ.

«Но многихъ изъ побывавшихъ въ народѣ соціалистовъ занимало не одно пополненіе рядовъ. Приходилось подводить итоги и думать о новомъ пути. Невольно возникалъ вопросъ: неужели такъ будетъ дальше? Болѣе тысячи человѣкъ погибло, а кого они распропагандировали? Какіе результаты принесла эта пропаганда? Почти никакихъ? И приходилось сознаваться, что дѣло велось слишкомъ наивно, да иначе и не могло быть. Молодые, горячіе юноши, проникнутые идеей общественнаго переустройства, думали, что стоитъ имъ надѣть мужицкую одежду, научиться немного физическому труду,— и путь въ крестьянскую среду и къ сердцу народа для нихъ открытъ. Хоть сколько-нибудь централизованной организаціи и дисциплины не только не существовало, но большинствомъ эти вещи принципіально отрицались. Дѣло обстояло такъ: была масса независимыхъ группъ, сильно отличавшихся между собою какъ по числу, такъ и по составу членовъ; люди группировались не согласно общему организаціонно муплану, а на основаніи личныхъ симпатій и дружбы, общее направленіе всѣхъ этихъ группъ было соціалистическое. Всѣми признавалось необходимымъ сбросить съ себя барскую оболочку и подъ видомъ простыхъ рабочихъ итти пропагандировать

въ народъ. Но на степень обязательной для пропагандиста научной подготовки и роль его въ народѣ существовали самые разнообразные взгляды, которые въ общемъ складывались, впрочемъ, въ два главныхъ теченія—*лавристовъ* и *бакунистовъ*. Лавристы, какъ послѣдовательные пропагандисты, видѣли въ пропагандѣ главное средство, могущее вести къ радикальному измѣненію современнаго строя. Они признавали, что только сознательное усвоеніе соціалистическихъ идей большинствомъ народа можетъ обезпечить успѣхъ революціоннаго возстанія и выработки новаго порядка вещей. Бакунисты утверждали, что народъ самъ знаетъ свое положеніе, и что миссія пропагандиста главнымъ образомъ агитаціонная, онъ долженъ лишь указать народу на возможность выхода изъ настоящаго положенія путемъ всеобщаго возстанія. Что же касается будущаго строя, то бакунисты ничего не предрѣшали: по ихъ мнѣнію, народъ самъ, безъ всякихъ указокъ, сумѣетъ опредѣлить и создать совершенный типъ общественной организаціи. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ направленій, была масса кружковъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Всѣ эти кружки,—и во многихъ случаяхъ отдѣльныя лица—дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, каждый по-своему. Кто изъ революціонеровъ идетъ къ сектантамъ; кто ведетъ дѣло осторожно, сначала намѣчая въ народѣ годныхъ для пропаганды лицъ и потомъ уже входя съ ними въ сношенія; а кто сзываетъ въ деревняхъ сходы, читаетъ прокламаціи или держитъ рѣчь; иной, наконецъ, и просто разбрасываетъ и раздаетъ революціонныя книги, гдѣ и какъ попало.

«Не сознавая еще ясно необходимости общей организаціи и дисциплины, а подчасъ и отрицая въ теоріи эту необходимость, пропагандисты на практикѣ вынуждены были постоянно приходить въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, вести сношенія въ виду того или другого содѣйствія или для полученія того или другого свѣдѣнія. А это влекло за собою, вслѣдствіе отсутствія объединяющаго центра, обширную переписку, встрѣчу массы посредниковъ: изъ-за какой-нибудь ничтожной справки, полученія тѣхъ или другихъ книжекъ пропагандисту нерѣдко приходилось войти въ сношеніе чуть ли не съ цѣлой сотней лицъ. Въ концѣ концовъ пропагандисты и безъ организаціи оказались связанными другъ съ другомъ, во многихъ случаяхъ даже не подозрѣвая этого. Получилась какая-то странная организація, при которой каждый дѣлаетъ, что хочетъ, но его ошибки и промахи отзываются на всѣхъ. Это-то и дало возможность правительству произвести почти единовременно аресты по всей Россіи и забрать сразу до тысячи пропагандистовъ: захвативъ одно лицо, оно за нимъ тянуло цѣлую вереницу лицъ, а за этими новыхъ, и новыхъ, и такъ безъ конца. Постепенно революціонеры стали приходить къ заключенію, что бродячая пропаганда, да еще вразсып-

ную, безъ организаціи, безъ общаго плана дѣйствій, не приведетъ ни къ чему другому, какъ къ безполезнымъ проваламъ.

«Но не только способъ пропаганды,—и сама пропаганда начала подвергаться критикѣ. Сталкиваясь съ народомъ, пропагандисты волей-неволей должны были убѣдиться въ неподготовленности массъ къ воспріятію соціалистическаго ученія въ его цѣломъ... Итакъ, какъ результатъ наблюденія въ народѣ, среди революціонеровъ постепенно стало слагаться убѣжденіе, что пропаганда соціалистическихъ идей въ полномъ ихъ объемѣ не можетъ при теперешнемъ развитіи народа имѣть успѣха; но что общественный идеалъ, который живетъ въ народѣ въ настоящее время, по существу не противорѣчитъ требованіямъ соціализма; что общинные порядки и правовые его взгляды (напр., значеніе «трудового начала» въ обычномъ правѣ) могутъ послужить основаніемъ для перехода отъ настоящаго строя къ соціалистическому,—нужно только уничтожить все, препятствующее развитію «истинныхъ народныхъ стремленій», т. е. избавить его отъ экономическаго и политическаго государства; что это должно быть и можетъ быть произведено только самимъ народомъ и что надо, слѣдовательно, соорганизовать въ народѣ силу, могущую противостоять правительственной организаціи, и для этого необходимо вести агитацію на почвѣ народныхъ интересовъ. Это убѣжденіе все болѣе и болѣе выяснялось, все болѣе и болѣе пріобрѣтало послѣдователей и къ 1876 году подъ именемъ «народничества» охватило почти всѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ того времени, кромѣ лавристовъ».

Дабы привести таковыя цѣли къ практическому осуществленію, революціонныя силы и соорганизовались въ общество «Земли и Воли», которое поэтому явилось тѣмъ центромъ, откуда послѣдовали всѣ главнѣйшія директивы революціонному движенію въ періодъ съ этого года и вплоть до 1879 г., когда оно послѣ липецкаго и воронежскаго съѣздовъ революціонеровъ распалось на два лагеря: «Черный Передѣлъ» и «Народная Воля».

Какова же была организація новаго тайнаго общества, какими способами оно намѣчало осуществлять свою программу и каковы тѣ революціонные факты и событія, изъ которыхъ сложилась его жизнь?

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЦАРИЦЫНО.

ТО БЫЛЪ въ Москвѣ, тотъ знаетъ Россію,—эти слова Карамзина часто приходили мнѣ въ голову лѣтомъ прошлаго года, когда судьба занесла меня въ одно изъ живописнѣйшихъ историческихъ подгородныхъ мѣстъ Бѣлокаменной, въ такъ называемое село Царицыно.

Исторія Москвы есть, дѣйствительно, исторія Россіи отъ XIV столѣтія и до нашихъ дней, а топографія ея есть дополненіе къ нашей отечественной исторіи, или, лучше сказать, наглядная, живая лѣтопись ея; здѣсь каждое урочище или древнее зданіе напоминаютъ о какомъ-нибудь важномъ событіи въ нашей исторіи, о какомъ-нибудь громкомъ и славномъ историческомъ имени.

Да, много въ Москвѣ «для сердца русскаго слилось! Много въ немъ отозвалось!» Москва и ядро исторической жизни Русскаго государства, и колыбель русской культурной мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ—городъ воспоминаній. Не только самъ городъ обиленъ ими, но и всѣ окрестныя мѣстности, которыя какъ бы дополняютъ пробѣлы исторіи, наглядно и краснорѣчиво свидѣтельствуя о бытѣ нашихъ предковъ.

Во многихъ загородныхъ дачахъ за любой изъ московскихъ заставъ находятся еще не остывшіе слѣды широкой жизни русскихъ бояръ, поселявшихся близъ Москвы на земляхъ, жалованныхъ имъ царями за вѣрную службу. Жаль, что многія изъ этихъ дачъ нынѣ забыты и стоятъ въ запустѣніи.

Къ числу жалованныхъ загородныхъ дачъ принадлежитъ и Царицыно, расположенное въ 17-ти верстахъ отъ Москвы, съ которой оно въ настоящее время, можно сказать, сблизилось, почти сплоти-

лось, благодаря Московско-Курской желѣзной дороги, и превратилось въ многолюдное дачное мѣсто.

Число живущихъ въ немъ съ каждымъ годомъ увеличивается, также возрастаетъ и количество посѣщающихъ Царицыно. И тѣ, и другіе, однако, мало высказываютъ сознательнаго интереса къ тому историческому памятнику, который создалъ славу Царицыну, молчаливо свидѣтельствуя о многихъ десятилѣтіяхъ, прожитыхъ селеніемъ.

Большая часть москвичей и другихъ посѣтителей пріѣзжаетъ въ Царицыно, чтобы «подышать свѣжимъ воздухомъ», «полюбоваться красивыми видами», «погулять въ тѣнистомъ саду», «покататься на живописныхъ прудахъ»—однимъ словомъ, провести праздничный день на лонѣ природы. Рѣдко, когда цѣлью загородной прогулки дѣлается посѣщеніе самаго царицынскаго дворца изъ интереса къ его, болѣе чѣмъ вѣковому, прошлому.

До сихъ поръ исторія Царицына мало разработана, и тѣ данныя, которыя мы имѣемъ объ его возникновеніи и постепенномъ развитіи, весьма скудны.

Путеводители даютъ мало свѣдѣній и подчасъ неправильно освѣщаютъ дѣйствительные факты. Что же касается научной литературы о Царицынѣ, то ея, можно смѣло сказать, вовсе не существуетъ.

Три-четыре журнальныхъ статьи, вышедшихъ не позже 70-года прошлаго столѣтія [1]), небольшія свѣдѣнія въ географическихъ и энциклопедическихъ словаряхъ [2]), нѣсколько отрывковъ изъ общихъ описаній подмосковной мѣстности [3]) и, наконецъ, нѣкоторыя цѣнныя указанія въ бумагахъ князей Кантемировъ, указахъ Петра Великаго и письмахъ Екатерины II. Вотъ, стало быть, тотъ небольшой литературный матеріалъ о Царицынѣ, который находится въ нашемъ распоряженіи; собрать его во-едино, отмѣтивъ наиболѣе существенныя черты по данному вопросу, дополнить его личными впечатлѣніями и есть задача настоящей работы.

Прежде, чѣмъ говорить объ историческомъ прошломъ Царицына, интересно бросить бѣглый взглядъ на окружающую его мѣстность—

---

[1]) С. Любецкій, «Царицыно близъ Москвы» («Нива» 1870 г. № 1—2). К. Шаликовъ, «Царицыно» («Вѣстникъ Европы» 1804 г. ч. 15, № 10) С. Любецкій, «Царицыно близъ Москвы» («Русскія Вѣдомости» 1867 г., № 82).

[2]) Географическіе словари Щекатова и Семенова. Энциклопедическіе словари Березина, Брокгауза и Ефрона.

[3]) Иванчинъ-Писаревъ, «Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду»; Свиньинъ, «Картины Россіи»; Пыляевъ, «Старая Москва»; «Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губ. 1787 г.»; «Московская губернія въ описаніи офицеровъ генеральнаго штаба»; Карамзинъ, «Записка о московскихъ достопамятностяхъ» (Собраніе сочиненій, т. I., изданіе Смирдина); С. Любецкій, «Московскія окрестности». М. 1877 г.; Путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ, составленный по историческимъ источникамъ и официальнымъ документамъ общества любителей русской старины; М. Захаровъ, «Путеводитель по окрестностямъ Москвы», 1867 г. С. Платоновъ, «Путеводитель, Москва и окрестности» 1881 г.

на каждомъ шагу видны свѣжіе слѣды родной старины: село Коломенское (сѣвернѣе Царицына, въ семи верстахъ отъ Москвы), любимое мѣстопребываніе царя Алексѣя Михайловича; въ немъ родился Петръ Великій.

Россійскій Виѳлеемъ, Коломенско село,
Которое Петра на свѣтъ произвело!

Невольно вспоминаются старые стихи къ Коломенскому. Екатерина II не разъ посѣщала его, писала въ немъ свой знаменитый Наказъ. Отъ дворца, лѣтней резиденціи московскихъ государей, сохранилась лишь башня съ воротами, а также церковь, построенная во времена Алексѣя Михайловича. Сѣверо-восточнѣе Царицына лежитъ село Цареборисово—съ памятникомъ Бориса Годунова (тогда еще боярина-правителя), каменными плотинами и старымъ деревяннымъ дворцомъ.

Далѣе, по тому же направленію, но ближе къ Москвѣ—Перервинскій монастырь; по древнему преданію, Москва-рѣка текла прежде близъ самаго монастыря, но прервалась, пошла другой дорогой. Сюда Грознымъ былъ сосланъ святой Филиппъ митрополитъ.

Наконецъ, возлѣ самаго Царицына, въ темной рощѣ лѣсныхъ дебрей находится Екатерининская пустынь—мужской монастырь, основанный Алексѣемъ Михайловичемъ въ память полученнаго имъ здѣсь во время охоты извѣстія о рожденіи дочери Екатерины.

Вотъ тѣ историческія мѣста, среди которыхъ возникло, росло и постепенно развивалось село Царицыно.

Своимъ происхожденіемъ оно сродно съ Цареборисовымъ; нѣкоторые изслѣдователи [1]) утверждаютъ, что первой его владѣтельницей была сестра Годунова, царица Ирина. Однако, какъ мы дальше увидимъ, не ей обязано Царицыно своимъ наименованіемъ.

Достовѣрныя извѣстія ведутъ исторію Царицына лишь со временъ Петра Великаго. Послѣдній, въ качествѣ жалованной земли, подарилъ эту мѣстность молдавскому господарю Дмитрію Кантемиру—личность, которую нельзя не помянуть хотя бы краткимъ очеркомъ.

Князь Дмитрій, ученый мужъ своего вѣка [2]), родился въ Яссахъ въ 1663 году, а въ 1684 году за услуги, оказанныя имъ своему отечеству, возведенъ былъ въ достоинство молдавскаго господаря; но зависти къ нему и по ложнымъ доносамъ на него со стороны приближенныхъ султана, онъ то лишался, то вновь получалъ свое господарство. Такая тревожная жизнь наскучила ему, и онъ рѣшилъ

---

[1]) «Географическій словарь» Семенова; «Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду» Иванчинъ-Писарева.

[2]) «Князь Антіохъ Кантемиръ». Біографическій очеркъ Стоюнина (при соч. А. Кантемира, ред. Ефремова).

свергнуть съ Молдавіи турецкое иго и перейти на сторону русскихъ, тѣмъ болѣе, что представлялся удобный случай—русско-турецкая война. Князь Дмитрій вмѣстѣ съ управляемымъ княжествомъ принялъ русское подданство. Однако неудачная для Петра война, окончившаяся Прутскимъ походомъ, лишила князя его владѣній.

«Я лучше уступлю туркамъ всю землю до Курска, нежели выдамъ Кантемира, пожертвовавшаго мнѣ всѣмъ своимъ достояніемъ; потерянное оружіемъ оружіемъ и возвращается, но нарушеніе даннаго слова невозвратимо» [1]), отвѣчалъ Петръ на настойчивое требованіе визиря выдать ему Кантемира. Визирю было объявлено, что Дмитрій удалился изъ лагеря, между тѣмъ, какъ онъ скрывался въ царской каретѣ, куда ему носили пищу. Петръ, дѣйствительно, возмѣстилъ потери, понесенныя княземъ Дмитріемъ, пожаловавъ ему въ Москвѣ домъ, подмосковную мѣстность «Черную Грязь» (теперь Царицыно) со всѣми угодьями и нѣкоторыя земли въ другихъ концахъ Россіи.

«Соизволяетъ его царское величество ему князю Кантемиру въ Москвѣ домъ съ каменными палаты дать и деревни въ тамошнихъ мѣстахъ пріискать», говорится въ указѣ Петра I 21-го іюля 1711 г. [2]). Сверхъ этихъ наградъ Дмитрій Кантемиръ получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя, крупную ежегодную пенсію, портретъ государя, усыпанный брильянтами, и полное право судить самому выѣхавшихъ съ нимъ молдаванъ. Это былъ, во-истину, единственный примѣръ въ русской исторіи подданства, пользовавшагося такою властью [3]).

Итакъ, мѣстность, называемая «Черная Грязь», была дарована Петромъ Великимъ князю Дмитрію Кантемиру въ числѣ богатыхъ помѣстій, большихъ льготъ и привилегій, которыми наградилъ царь новаго слугу. Князь Дмитрій—въ новомъ отечествѣ своемъ, въ Россіи, основалъ на этой дачѣ свое лѣтнее пребываніе, построивъ на ней большіе брусяные хоромы, которые, по словамъ Любецкаго [4]), были устроены «со всею причудливостью барскою: съ мыльнею (банею), медушами (погребами), лазнями (подвалами) и пр.».

При Екатеринѣ II на мѣстѣ Кантемировыхъ палатъ построена была купальня. Роскошная купальня, воздвигнутая на развалинахъ Кантемирова дворца, не могла замѣнить этой утраты, о которой, конечно, нельзя не пожалѣть.

Здѣсь, въ своемъ новомъ владѣніи, князь Дмитрій въ мирѣ и тишинѣ предавался влеченію страсти своей къ наукамъ и словесности, за что снискалъ любовь, дружбу и уваженіе монарха. «Оный госпо-

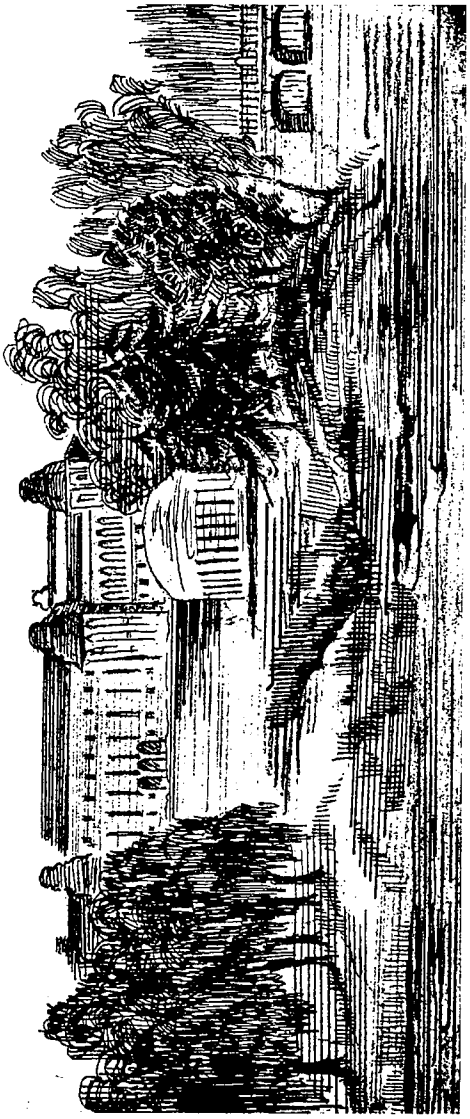
---

[1]) Бантышъ-Каменскій «Словарь достопамятныхъ людей русской земли.

[2]) Собраніе законовъ.

[3]) Собраніе сочиненій А. Кантемира (ред. Ефремова).

[4]) С. Любецкій «Царицыно близъ Москвы» («Русскія Вѣдомости» 1867 г., № 82).

Видъ Царицына.

дарь—человѣкъ зѣло разумный и въ совѣтахъ способный», писалъ о Кантемирѣ Петръ въ своемъ походномъ дневникѣ.

Князь Дмитрій былъ, дѣйствительно, образцомъ просвѣщенія и образованности своего вѣка: зналъ нѣсколько языковъ и за свои научные труды сдѣлался членомъ берлинской академіи наукъ.

Онъ усердно заботился о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей; особенное вниманіе онъ обращалъ на младшаго сына Антіоха, какъ на наиболѣе способнаго; «въ умѣ и наукахъ отъ всѣхъ лучшій», говаривалъ онъ часто про него.

И вотъ Антіохъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ поэтовъ, извѣстный остроумный сатирикъ, занявшій почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы, знаменитый русскій резидентъ въ Лондонѣ и посланникъ въ Парижѣ временъ Анны Іоанновны, проводилъ здѣсь въ Царицынѣ счастливые дни дѣтства; получилъ здѣсь и первоначальное образованіе, которое блестяще закончилъ въ академіи наукъ, будучи однимъ изъ первыхъ ея учениковъ.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, печально сложившимся для Антіоха и его братьевъ Матвѣя, Сергѣя и сестры Маріи, по смерти князя Дмитрія все отцовское имѣніе (включая и Царицыно) перешло въ руки второго брата Константина, а со смертью послѣдняго завладѣлъ всѣми отцовскими землями Сергѣй—четвертый сынъ, послѣдній изъ всей семьи, оставшійся въ живыхъ. «Я,—говорилъ онъ въ своемъ завѣщаніи,—остаюсь послѣ моего отца послѣдній, и съ моею смертью его колѣно пресѣкается; имѣнія, какъ жалованныя отъ короны, должны по законамъ поступить въ казну». Такъ, дѣйствительно, и случилось со всѣмъ имуществомъ Сергѣя Кантемира, кромѣ имѣнія «Черная Грязь», которое еще до смерти послѣдняго Кантемира перешло уже въ дворцовое вѣдомство [1]). Какъ это произошло—объ этомъ рѣчь впереди.

Въ 1763 году, во время своей коронаціи, императрица Екатерина II, среди празднествъ и торжествъ, посѣщала ближайшія окрестности столицы и познакомилась съ селами: Покровскимъ, Измайловымъ и Семеновскимъ.

Въ 1767 году она вновь прибыла въ Москву къ знаменательному событію; тамъ ожидали ее депутаты изъ всѣхъ окраинъ Россіи, созванные для объявленія уготованнаго имъ и всему государству блага, для уясненія и полученія новоизданнаго наказа, которымъ даны были всѣмъ званіямъ и состояніямъ разныя права и преимущества.

---

[1]) О дѣлахъ наслѣдства князей Кантемировъ подробно у И. Шимко въ его книгѣ «Новыя данныя къ біографіи князя Антіоха Дмитріевича Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ», а также у Л. Н. Майкова «Княжна Марія Кантемирова» «Русская Старина» 1897 г.

Паркъ въ Царицынѣ.

Кончивъ это важное занятіе, государыня, желая видѣть живописныя окрестности древней столицы, отправилась осмотрѣть ихъ [1]).

Сперва она посѣтила Коломенское; потомъ Цареборисово, гдѣ любовалась небольшимъ уютнымъ скромнымъ дворцомъ и колыхающеюся зыбью обширнаго пруда съ прекрасно устроенною плотиною.

Оттуда она увидѣла сіявшій въ солнечныхъ лучахъ крестъ на церкви Кантемирова села, задвинутаго лѣсомъ. Восхищенная этой мѣстностью, императрица тутъ же рѣшила пріобрѣсти ее, сдѣлаться московской помѣщицей, имѣть здѣсь свое «Царское Село», назвавъ его «Царицынымъ».

Возвратившись въ Петербургъ, Екатерина поручила своимъ приближеннымъ уговорить наслѣдника молдавскаго господаря продать ей это село, на что и получила отъ него полное согласіе.

Вотъ что разсказываетъ сама императрица о покупкѣ Кантемирова села въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму (16-го іюня 1775 года) [2]):

«Однажды, уставъ бродить по долинамъ и лугамъ Коломенскаго, ея величество отправилась [3]) на большую дорогу, ведущую изъ Москвы въ Каширу, городъ, который, положимъ, существуетъ на свѣтѣ, но не значится на картѣ. Эта дорога привела ея величество къ громадному пруду, связанному съ другимъ, еще огромнѣйшимъ; но этотъ второй прудъ, богатый прелестнѣйшими разнообразными видами, не принадлежалъ ея величеству, а нѣкоему князю Кантемиру, ея сосѣду. Второй прудъ соединялся съ третьимъ прудомъ, который образовывалъ безчисленное множество заливовъ; и вотъ, гулявшіе, переходя отъ пруда къ пруду то пѣшкомъ, то въ каретѣ, очутились за семь длинныхъ верстъ отъ Коломенскаго, высматривая имѣніе своего сосѣда, семидесятилѣтняго старика, который нисколько не интересовался ни водами, ни лѣсами, ни прелестными видами, восхищавшими путешественниковъ. Онъ проводилъ свою жизнь за карточнымъ столомъ, проклиная свои проигрыши, и вотъ, осторожно, съ возможно большей деликатностью, дворъ, съ императрицей во главѣ, начинаетъ интриговать, чтобъ вывѣдать намѣренія его сіятельства, узнать, выигрываетъ ли онъ, или проигрываетъ; не продаетъ ли своего имѣнія, дорожитъ ли имъ, часто ли посѣщаетъ его, не нужно ли ему денегъ, кто его друзья, черезъ кого бы заинтересовать его; не надо одолженія, мы не хотимъ чужого, мы покупаемъ, но и отказать намъ не есть преступленіе; какъ хотите, милостивый государь, намъ улыбается пріобрѣтеніе, но мы можемъ

---

[1]) С. Любецкій «Царицыно близъ Москвы» («Нива» 1870 г., № 1).

[2]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXIII, стр. 26.

[3]) Екатерина въ своихъ письмахъ къ Гримму часто говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Руины Царицынскаго замка.

обойтись и безъ него. Придворные мои засуетились; одинъ докладываетъ: онъ мнѣ отказалъ, онъ не хочетъ продавать.—Ну, тѣмъ лучше. — Другой доноситъ: ему не нужно денегъ, онъ играетъ счастливо.— Третій:—онъ сказалъ: я не могу продать, у меня нѣтъ наслѣдниковъ, ни кого-либо другого; имѣніе мое исходитъ изъ казны, ей же я его предоставлю.—Наконецъ является пятый и передаетъ слова Кантемира: я рѣшительно объявляю, что имѣніе мое можетъ быть продано только казнѣ.—А, это прекрасно!—Къ нему наряжаютъ нарочнаго узнать: любитъ ли онъ имѣніе?—Нисколько,—отвѣчаетъ онъ:—доказательство, что я живу въ другомъ; я это имѣніе наслѣдовалъ отъ брата и никогда въ него не ѣзжу; оно можетъ годиться только императрицѣ.—Сколько же вы за него хотите?—спросилъ посланный, низко кланяясь.—20,000 рублей.—Милостивый государь, а мнѣ велѣно предложить вамъ 25,000 рублей.—Объясненія, однако, всегда бываютъ длинны. Надо было начать строить послѣ того, какъ купчая была сдѣлана, и черезъ 15 дней, благодаря нашимъ деревяннымъ зданіямъ, я смогла пріѣхать и поселиться здѣсь. Но—здѣсь—не есть имя моего новаго пріобрѣтенія: я назвала его Царицынымъ селомъ. Эта дивная мѣстность, которая по всеобщимъ отзывамъ представляетъ собой земной рай, раньше называлась «Черною Грязью»!

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ императрица объясняла Гримму (20-го января 1776 года) [1]):

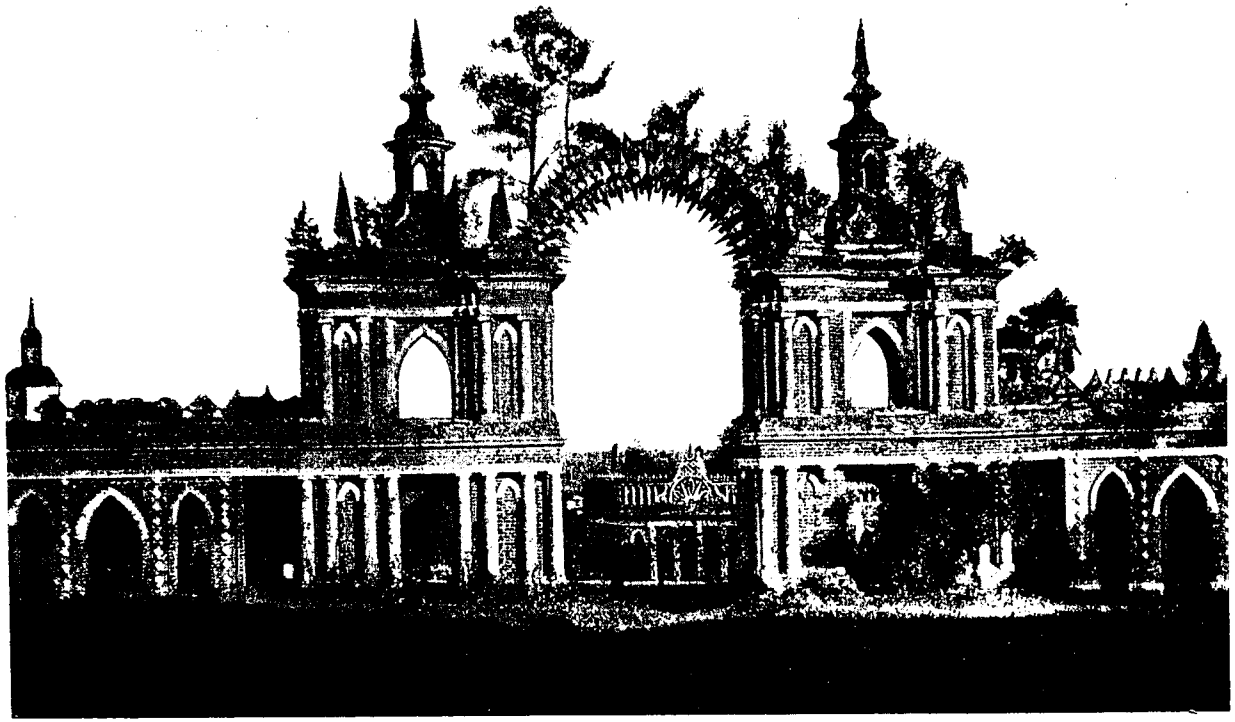
«Село значитъ у насъ въ отечествѣ—деревня съ церковью, а Царицыно—говоритъ о принадлежности этого села царицѣ».

Уже на другой годъ (1775 годъ) послѣ покупки новаго имѣнія императрица отправилась изъ Петербурга въ Москву праздновать славный миръ, заключенный Румянцовымъ съ турками при Кучукъ-Кайнарджи; пока дѣлались приготовленія къ большимъ торжествамъ, государыня совершила пѣшеходное путешествіе въ Троицкую лавру съ большою свитою для поклоненія мощамъ преподобнаго Сергія.

На возвратномъ пути она посѣтила Коломенское, Всесвятское, Воробьевы горы и потомъ вздумала посмотрѣть на свое новое хозяйство въ Царицынѣ [2]). «Сегодня вечеромъ или даже ночью я прибуду въ домъ одного молдавскаго князя» [3]),—пишетъ она тому же Гримму, имѣя въ виду «Черную Грязь» Кантемира (21-го января 1775 года). И далѣе, вотъ какъ сама же государыня описываетъ этотъ красивый забытый уголокъ, купленный и обстроенный ею въ двѣ недѣли:

---

[1]) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. XXIII, стр. 40.
[2]) С. Любецкій, «Царицыно близъ Москвы» («Пчела», 1870, № 1).
[3]) Сборникъ импер. русск. ист. общ., т. XXIII, стр. 13.

Дворцовыя ворота.

«Представьте себѣ крутой берегъ, покрытый большимъ лѣсомъ. Ея величество съ лакеемъ переѣзжаетъ ручей на паромѣ. Передъ нею низменность, покрытая кустарникомъ, гдѣ вы бы, навѣрно, помѣстили фазаньи клѣтки, прудокъ, оканчивающійся плотиной, осѣненный высокими ивами. Между ними открывается еще болѣе значительный прудъ. Одинъ берегъ его—крутой—занятъ разбросанными по немъ маленькими деревеньками, а другой, съ незамѣтнымъ склономъ, представляетъ вашему взору поля, луга, букеты лѣсовъ и отдѣльныя деревья; налѣво отъ плотика—тѣнистый ручеекъ заросъ лѣсомъ, постепенно возвышающимся амфитеатромъ. Ну, представьте же себѣ все это, и вы будете въ Царицынѣ. Оно совсѣмъ иное, чѣмъ Коломенское, на которое теперь уже никто и смотрѣть не хочетъ. Подумайте, что это за свѣтъ; еще такъ недавно видъ Коломенскаго казался прекраснымъ, а теперь ему предпочитаютъ вновь открытый клочокъ земли, купленный и обстроенный въ 15 дней, на которомъ живутъ не больше шести недѣль».

«А какъ вамъ покажется: вчера, въ праздникъ великой княгини, у насъ была здѣсь комическая опера въ лѣсу, въ присутствіи удивленныхъ и недоумѣвающихъ окрестныхъ крестьянъ, которые до сихъ поръ жили въ полномъ невѣдѣніи, что существуетъ на свѣтѣ комическая опера» [1]).

Мы видимъ отсюда, какъ государыня полюбила свою новую собственность, какъ увлекалась она живописной природой, густыми тѣнистыми лѣсами и зеркальными прудами. Объ этой любви Екатерины II къ Царицыну разсказываютъ и мѣстные старожилы:

«Блаженной памяти императрица Екатерина II, извѣстно, любила наше Царицыно; частенько хаживала по дорожкамъ сада, да, какъ сказывали наши старики, велѣла даже ходъ подъ землею прорыть. Изволили, вѣроятно, видѣть въ сводахъ моста задѣланную дверь; тамъ-то и начинался царицынскій тайникъ, дальше онъ шелъ подъ землею высокаго берега до бесѣдки Старой Миловиды [2]), въ подвалахъ которой государыня хранила свои сокровища».

Насколько это свидѣтельство справедливо—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, оно интересно, какъ попытка народной фантазіи создать таинственный ореолъ мѣстному памятнику родной старины.

Въ сводахъ моста (въ чемъ мнѣ удалось удостовѣриться лично), дѣйствительно, видна замурованная дверь, замазанная краской подъ цвѣтъ кирпичей, составляющихъ прочій остовъ моста.

Восторгаясь природой, красивымъ мѣстоположеніемъ «Осиновой Рощи» (села близъ Парголова, подареннаго императрицей Потемкину), Екатерина писала Гримму: «Царское Село и Гатчина и даже Царицыно—ничто по мѣстоположенію сравнительно съ нею» [3]). Импе-

---

[1]) Сборникъ импер. русск. ист. общ., т. XXIII, стр. 32 (27 августа 1775 г.).
[2]) О ней рѣчь впереди.
[3]) Сборникъ имп. русск. ист. общ., т. XXIII, стр. 90 (1778 г. 16 мая).

Павильонъ и часть замка.

ратрица, видимо, поражена, что нашлась мѣстность еще прекраснѣе Царицына.

Однако не только красоты села привлекали государыню; она вѣрила и въ цѣлительность водъ его зеркальныхъ прудовъ. На вопросъ Гримма: «Правда ли, что нынѣшнимъ лѣтомъ императрица поѣдетъ на царицынскія воды лечиться отъ ревматизма въ рукѣ, пріобрѣтеннаго въ осеннюю стужу?» [1] — Екатерина отвѣчаетъ: «Въ этомъ году я не поѣду въ Царицыно, развѣ если ухудшится состояніе моей руки» [2]. — И дальше: «Я испытываю теперь большое горе изъ-за тяжелаго состоянія здоровья князя Орлова; онъ отправился на воды Царицына; только что началъ ихъ принимать, какъ обезразсудилъ, и вернулся въ Москву» [3].

Мы видѣли, что Екатерина II въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму упоминаетъ о празднествѣ въ Царицынѣ. По преданію, не одинъ праздникъ былъ данъ государыней въ новомъ ея имѣніи. Одинъ такой, по словамъ Любецкаго [4], состоялся здѣсь во время сѣнокоса.

«Въ назначенный день потянулся въ Царицыно огромный поѣздъ приглашенныхъ гостей въ высокихъ, грузныхъ, разнообразныхъ каретахъ, по тогдашней модѣ, съ крыльцами по бокамъ; иныя изъ нихъ были съ зеркальными стѣнами, и стекла въ нихъ сверкали цѣльныя съ фацетами; иные экипажи уподоблялись вѣеру и были на низкихъ колесахъ; другіе баре и царедворцы двигались въ тяжелыхъ берлинахъ и въ осмистекольныхъ раскидныхъ ландо, въ которыхъ виднѣлись напудренныя головы именитыхъ особъ; несмотря на дальнюю и лѣтнюю поѣздку, гости разодѣты были, изъ приличія и уваженія къ царственной хозяйкѣ, въ атласные и бархатные камзолы и кафтаны, унизанные блестками. Въ другихъ сквозныхъ каретахъ, запряженныхъ дугами, виднѣлись дамы, роскошно одѣтыя въ глазетовыя длиннохвостыя робронды, въ пышныя полонезы съ прорѣзами на боку, въ фижмы или въ бочки, наподобіе распущенныхъ зонтиковъ—съ высокими флеровыми наколками на головѣ, съ пуклями, называемыми палисадниками и бесѣдками, съ символическими мушками на лицѣ.

«Сзади каретъ стояли лакеи-гайдуки, одѣтые турками, албанцами, сербами, и придворные арапы въ пунцовыхъ чалмахъ; пышно прибыла сюда царица изъ Коломенскаго.

«Золотая карета императрицы запряжена была осмерикомъ кровныхъ статныхъ лошадей, головы которыхъ были убраны кокардами; на ремняхъ кареты сидѣли пажи; вокругъ же экипажа двигались

---

[1]) Сборникъ имп. русск. ист. общ., т. XXIII, стр. 198 (19 марта 1781 г.).
[2]) Тамъ же, стр. 252 (3 октября 1782 г.).
[3]) Тамъ же, т. XXXIII, стр. 99 (1781 г., 1 января).
[4]) С. Любецкій, «Царицыно близъ Москвы» («Нива» 1870 г., № 1).

Уголокъ Царицынскаго парка.

ряженые кирасиры въ бѣлыхъ мундирахъ на вороныхъ лошадяхъ, сверкая серебряными кирасами своими, а сзади галопировали легкіе уланы съ цвѣтными флюгерами на пикахъ. Усатые кучера и форрейторы, тоже напудренные, съ длинными косами и бичами, въ треугольныхъ шляпахъ; прыткіе скороходы въ шелковыхъ курткахъ, въ бархатныхъ шапочкахъ съ кистями и страусовыми перьями, съ наколкою лентъ на рукавахъ и на колѣнкахъ, подпиравшіеся длинными булавами и дѣлавшіе широкіе и размашистые скачки. Народъ, почти всю дорогу стоявшій шпалерами и восторженно кричавшій «ура!» Все это зрѣлище производило необычайное впечатлѣніе. Въ Царицынѣ императрицу ожидалъ роскошный полдникъ; въ это время тамъ на лугахъ происходилъ сѣнокосъ, представлявшій настоящій дивертисементъ. Множество мужиковъ, рослыхъ, красивыхъ парней, въ бѣлыхъ косоворотныхъ рубахахъ съ красными ластовицами, въ поярковыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями, дружно, подъ звуки закатной пѣсни, размахивали свѣтлыми полосами косъ своихъ; а бабы и дѣвки въ цвѣтныхъ понявахъ и кумачныхъ сарафанахъ, въ кикахъ съ дробницами изъ стекляруса, сгребали сѣно.

«Государыня съ приближенными своими сидѣла на душистомъ сѣнѣ и съ удовольствіемъ смотрѣла на это зрѣлище.

«По окончаніи работы трудившимся приготовлено было обильное угощенье, состоявшее изъ вина, густой бархатной браги, изъ груды калачей и витушекъ, изъ сусликовъ-пряниковъ съ позолотою, маковой избоины и разныхъ сочныхъ ягодъ.

«Тамъ приготовлены были для нихъ и высоко взмахивавшія скрипучія колыхалки-качели, на которыхъ поселяне потѣшались съ гудками, самодѣльными дудками и свиристѣлками.

«Императрица со всею блестящею свитою прохаживалась по царицынскимъ садамъ, осматривая свое возникающее хозяйство, и уже поздно вечеромъ отправилась въ обратный путь въ Москву.

«По этой дорогѣ стояли иллюминованныя версты и арки, и пылали смоляныя бочки, далеко отбрасывая зарево свое...»

Вотъ образецъ тѣхъ блестящихъ пышныхъ праздниковъ, которые разыгрывались при Екатеринѣ II въ томъ тихомъ и скромномъ уголкѣ, гдѣ еще такъ недавно князь Дмитрій Кантемиръ вдали отъ свѣтскаго шума училъ своего сына и будилъ въ немъ интересъ и любовь къ наукѣ.

Со времени перехода Царицына въ царскія руки, оно стало быстро преображаться изъ простой скромной дачи въ пышную царскую усадьбу.

Сейчасъ же вслѣдъ за покупкой имѣнія, по словамъ самой Екатерины, въ двѣ недѣли были возведены легкія деревянныя постройки, и государыня уже переѣхала туда въ концѣ іюня мѣсяца.

Миловида.

Она жила тамъ, какъ говоритъ Державинъ, въ маленькомъ домикѣ, состоящемъ изъ шести комнатъ.

Въ то же время императрица приказала знаменитому архитектору Баженову представить себѣ планъ для готическаго дворца въ Царицынѣ, что и было имъ въ скорости исполнено; желая сдѣлать его совершенно по своему вкусу, государыня переправила планъ, убавила величину оконъ и ширину лѣстницъ.

Закипѣла работа; вмѣстѣ съ дворцомъ созидались галереи, оперный домъ, купальни, мосты, ворота.

И вотъ въ «Историческомъ и топографическомъ описаніи городовъ Московской губерніи», относящемся къ 1787 году, мы встрѣчаемъ слѣдующее указаніе:

«Въ селѣ Царицынѣ, лежащемъ на рѣчкѣ Городенкѣ, которое куплено въ 1775 году у князя Кантемира, строится по повелѣнію ея императорскаго величества великолѣпный дворецъ и при ономъ разведены пространной гулярной и аглицкій сады и подѣланы обширные пруды съ каменными вездѣ плотинами и наполнены всякаго рода множествомъ рыбы».

Однако зависть не допустила достроиться дворцу. Завистники великаго дарованія успѣли оклеветать Баженова при дворѣ; приближенные, какъ говорятъ, нашли во дворцѣ много недостатковъ; нѣкоторые же изслѣдователи утверждаютъ, что Екатерина просто охладѣла къ Баженову подъ вліяніемъ извѣстій о его сношеніяхъ съ новиковскимъ кружкомъ и съ цесаревичемъ Павломъ.

Во всякомъ случаѣ, планъ дворца былъ отданъ для измѣненія и исполненія другому архитектору, а прежній дворецъ былъ сломанъ почти до основанія.

Этотъ новый зодчій, не зная истиннаго готическаго стиля, сдѣлалъ изъ дворца нѣчто неопредѣленное, смѣшанное, болѣе похожее на громадную темницу или сказочный очарованный замокъ Черномора, описанный Пушкинымъ.

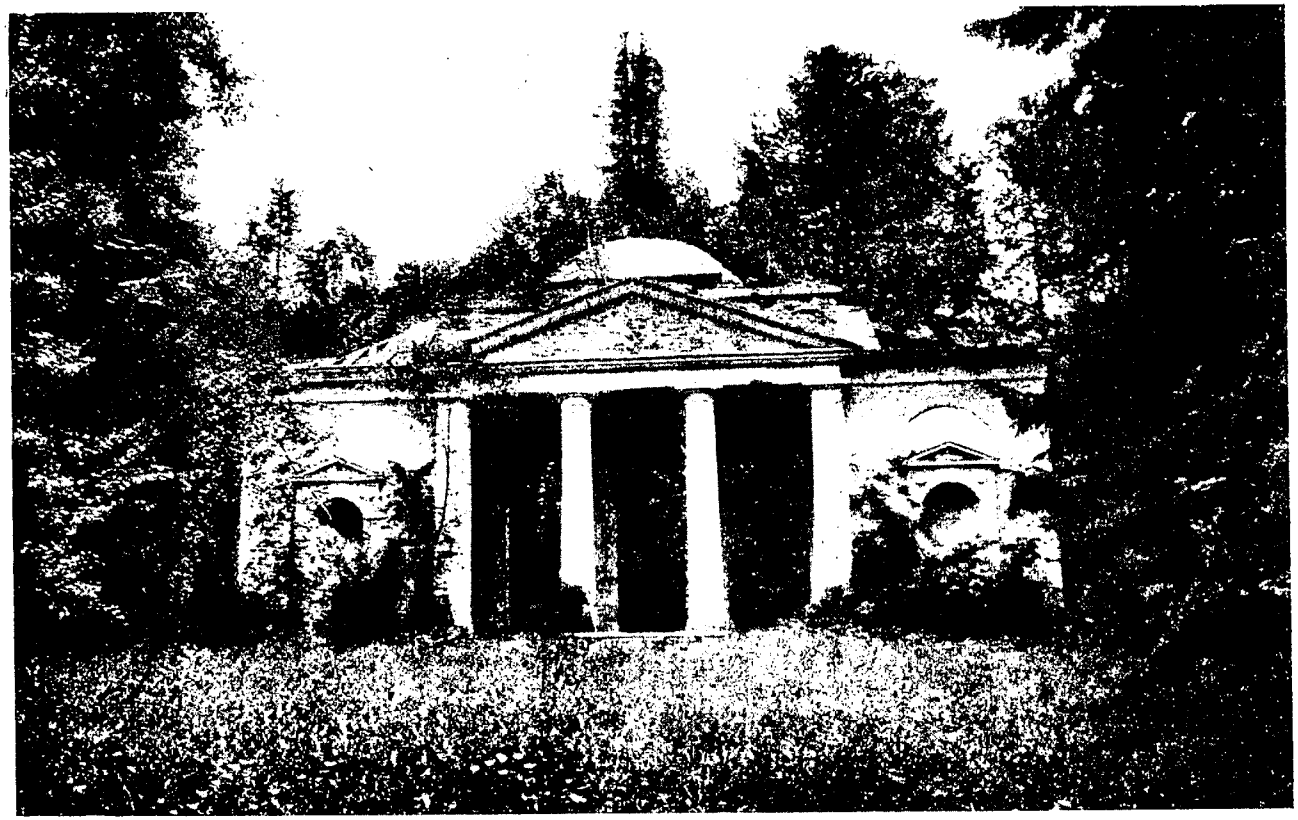
Недостатки замка въ особенности замѣтны при сравненіи его съ мостомъ и нѣкоторыми другими зданіями, построенными по плану Баженова и сохранившимися понынѣ. Съ перваго взгляда отличаешь ихъ отъ главнаго зданія, узнаешь зодчаго, признаннаго первоклассным во всей Европѣ [1]).

Но и на этотъ разъ дворецъ остался недостроеннымъ.

Съ внѣшней стороны онъ уже почти весь былъ готовъ; оставалась лишь его внутренняя отдѣлка, какъ вдругъ—разсказываютъ мѣстные старожилы—пріѣхала императрица со своей свитой посмотрѣть на постройку; не доѣхавъ до дворца, государыня повернула и уже больше никогда не возвращалась въ Царицыно.

---

[1]) Доселѣ показывается въ Римѣ, какъ наилучшій, проектъ, сдѣланный Баженовымъ для лѣстницы Капитолія.

Старая Миловида.

Народное преданіе говоритъ, что силуэтъ новаго дворца произвелъ на нее непріятное впечатлѣніе; онъ будто напомнилъ собою гробницу, стоящую на катафалкѣ и окруженную какими-то гигантами-монахами со свѣчами въ рукахъ.

Екатеринѣ показалось, что здѣсь въ скоромъ времени ее настигнетъ смерть, тѣмъ болѣе, что ей уже приходилось слышать о какомъ-то заговорѣ противъ себя.

Вотъ какъ объясняетъ преданіе недостройку дворца и причину охлажденія Екатерины къ своему помѣстью. При этомъ нѣкоторые мѣстные старожилы прибавляютъ еще, что Потемкинъ велѣлъ разрушить зданіе; это постепенно и начали исполнять сосѣдніе крестьяне, растаскивая отдѣльные кирпичи дворца, дубовыя бревна и доски его потолковъ и половъ.

— Да это, знаете ли, случается и понынѣ,—разсказывалъ мнѣ словоохотливый арендаторъ одной изъ бесѣдокъ царицынскаго парка:—конечно, не на глазахъ у свѣта, а такъ, втихомолку, все больше въ темныя ночи; кому изъ мѣстныхъ крестьянъ нужно въ избенкѣ печку подправить, а кому и фундаментъ, вотъ и пользуются кирпичами замка. Замѣтьте, съ каждымъ годомъ увеличиваются оконныя отверстія!

— А развѣ сторожей у васъ здѣсь нѣтъ?

— Сторожа-то у насъ имѣются, да, видно, плохо дѣло исполняютъ; года два тому назадъ цѣлая шайка воровъ прожила въ стѣнахъ замка; много времени прошло, пока ихъ замѣтили!

Конечно, нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не принято никакихъ мѣръ для сохраненія этого историческаго памятника въ его строгой неприкосновенности.

Для лучшей иллюстраціи небрежнаго отношенія къ нему приведу въ примѣръ печальное состояніе одного изъ павильоновъ, близъ дворца. Въ немъ стоитъ конный патруль; вмѣсто пола—вскопанная лошадиными копытами—грязь; для стойлъ снято нѣсколько внутреннихъ каменныхъ стѣнъ, а многія оконныя отверстія прорублены до земли, чтобы удобнѣе было лошадямъ входить и выходить.

При такихъ обстоятельствахъ, пожалуй, и не жаль другого павильона [1]), сданнаго теперь удѣльнымъ вѣдомствомъ въ аренду богатому московскому купцу Д., устроившему въ немъ свою дачу.

Вернемся къ нашему разсказу. Мы остановились на причинахъ прекращенія работъ надъ царицынскимъ дворцомъ и охлажденія къ нему императрицы, обративъ наше вниманіе на народное преданіе. То же продѣлываютъ и всѣ другіе изслѣдователи Царицына.

Однако мнѣ удалось найти еще крайне интересный отрывокъ въ приложеніяхъ писемъ Екатерины къ Гримму [2]), написанныхъ

---

[1]) На мѣстѣ прежнихъ палатъ князя Кантемира.

[2]) Сборникъ имп. русск. ист. общ., т. XXIII, стр. 350. (4-го іюня 1785 г.).

Бесѣдка «Золотой снопъ».

рукою самой императрицы, отрывокъ, нѣсколько иначе освѣщающій данный вопросъ. Въ этой бумагѣ говорится, что 4-го іюня 1785 г. въ Москвѣ было неспокойно, происходили постоянныя вспышки народнаго волненія [1]). Утромъ государынѣ, остановившейся

[1]) Рѣчь, видимо, идетъ объ отголоскахъ Пугачевскаго бунта, сказавшихся и на столичной толпѣ.

въ Петровскомъ дворцѣ, пришлось даже бѣжать отъ преслѣдовавшихъ ее мятежниковъ въ Кремль, въ Успенскій соборъ, потомъ въ другую церковь, въ какой-то монастырь, а оттуда ѣхать въ село Коломенское.

«И здѣсь, не почитая себя въ безопасности,—говорится дальше,—государыня отправилась въ Царицыно, чтобы поставить между собой и мятежниками мѣстность, удобную для защиты и трудную для нападенія. Но никогда несчастіе не бываетъ одинокимъ; утверждаютъ, что новыя извѣстія, пришедшія изъ Петербурга и полученныя ея величествомъ при въѣздѣ въ Царицыно, очень встревожили императрицу. Она не нашла нужнымъ сообщать объ этомъ кому-либо изъ лицъ своей свиты и очень ловко придумала возраженія противъ постройки дворца; своды ей показались слишкомъ тяжелыми, комнаты слишкомъ низкими, будуары слишкомъ тѣсными, залы темными, лѣстницы узкими, и, такъ какъ деньги рѣдки, а хлѣбъ дорогъ, она очень пожалѣла о той суммѣ, которая была затрачена на постройку дворца. Потомъ она пустилась по окольнымъ лѣснымъ дорогамъ, по направленію снова къ Коломенскому и съ большой поспѣшностью закончила свои дѣла для внезапнаго отъѣзда изъ Москвы».

Судя по этому отрывку, Екатерина охладѣла къ своему новому помѣстью не потому, что оно, дѣйствительно, не понравилось ей или испугало ее своимъ внѣшнимъ видомъ. Надо полагать, что причиною послужило секретное извѣстіе, полученное ею изъ Петербурга.

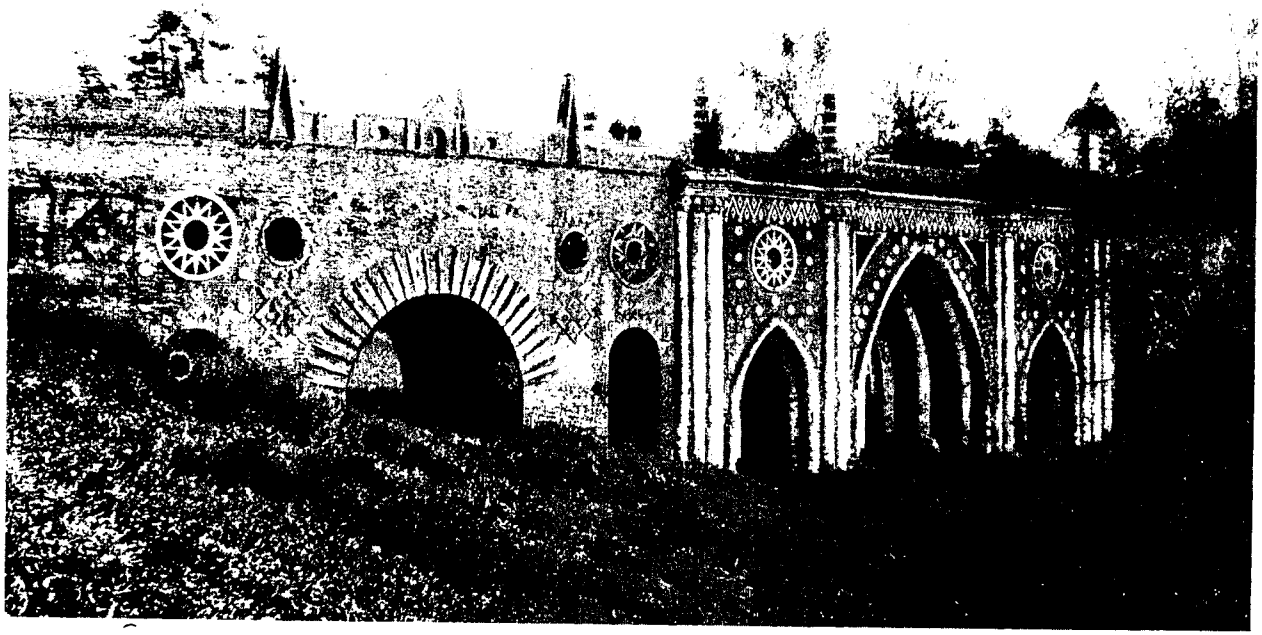
Въ чемъ же заключалось это извѣстіе? Пока, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, трудно отвѣтить; можно, однако, предположить, имѣя въ виду народное преданіе, что извѣстіе содержало предупрежденіе о заговорѣ противъ ея жизни, который хотѣли привести въ исполненіе именно здѣсь—въ Царицынѣ. Можетъ быть, петербургское извѣстіе носило другой характеръ?..

Во всякомъ случаѣ въ Царицыно Екатерина больше уже не возвращалась, и съ этихъ поръ оно оставалось въ полномъ, хотя и временномъ, забвеніи.

Человѣкъ, возродившій Царицыно, напомнившій о прежнемъ его блескѣ и славѣ, былъ управляющій дворцоваго вѣдомства—Петръ Степановичъ Валуевъ.

До него Царицыно, дѣйствительно, было въ забвеніи; пруды затянулись тиною, дорожки поросли травою, дворецъ и бесѣдки—кустарникомъ и мхомъ, пустота и безмолвіе основали тамъ свои владѣнія; но при новомъ начальникѣ оно явилось въ блескѣ оригинальной красоты своей.

Петръ Степановичъ живалъ въ Царицынѣ со своимъ семействомъ въ лѣтнее время, отличался большимъ гостепріимствомъ и часто принималъ у себя бывшаго главнокомандующаго Москвы—Але

Царицынскій мостъ.

ксандра Андреевича Беклешова, угощалъ сельскимъ обѣдомъ и пріятною прогулкою [1]).

Благодаря Валуеву, тихій, скромный уголокъ Кантемира—жалованное ему помѣстье «Черная Грязь», превратившееся при Екатеринѣ II въ мѣсто шумнаго веселья и блестящихъ придворныхъ праздниковъ, затѣмъ забытое и заглохшее на время, вновь возродилось и съ тѣхъ поръ постоянно разрасталось и сдѣлалось любимымъ дачнымъ пребываніемъ москвичей.

Въ настоящее время Царицыно превратилось въ цѣлый дачный городокъ. Справа отъ желѣзной дороги обстраивается Новое Царицыно съ болѣе мелкими и дешевыми дачами, слѣва расположено Старое, гдѣ по одну сторону прудовъ, южнѣе, находится главный дачный центръ, а по другую—на возвышенномъ берегу, покрытомъ густой зеленью, виднѣются верхи башенъ и блестящій крестъ на куполѣ царицынской церкви, за которой, сѣвернѣе, гнѣздятся избы селенія.

Еще не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Царицына, замѣчаешь изъ окна вагона, сквозь зеленую сѣтку лѣсовъ, черныя высокія башни. Неужели это Царицыно?—спрашиваешь себя—мѣсто удовольствій и радостей, представляющееся воображенію миловиднымъ, привлекательнымъ, куда въ лѣтніе мѣсяцы пріѣзжаютъ москвичи цѣлыми семьями отдохнуть, повеселиться? И чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Царицыну, тѣмъ кажется оно угрюмѣе, мрачнѣе. Далѣе представляется взорамъ верхняя часть дворца, также черная, суровая, подобная гробницѣ, окруженной монахами, недвижимо стоящими около нея съ потухшими факелами въ рукахъ.

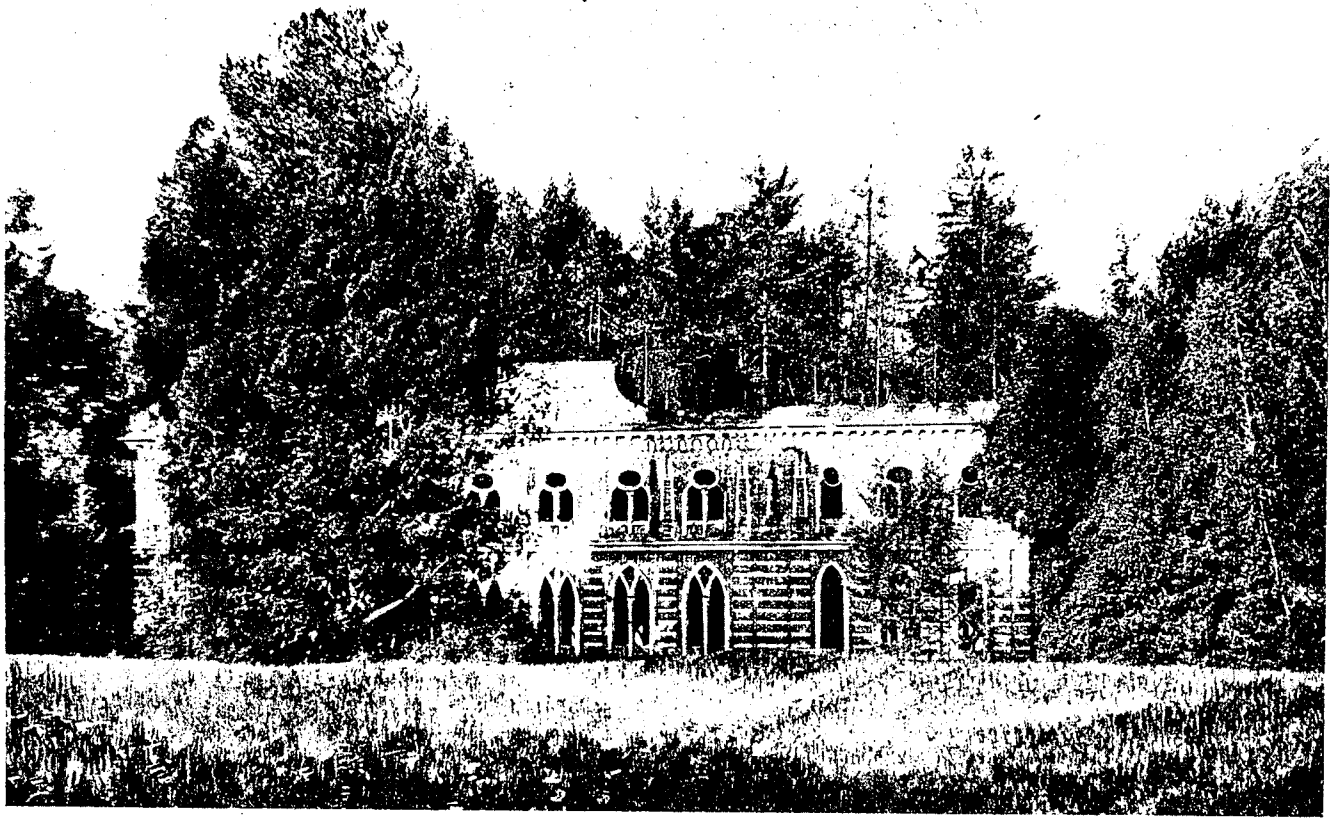
Но вдругъ происходитъ странная игра оптики—видъ этотъ, не теряя своей величавости, перемѣняется въ самый пріятный, когда со станціи направляешься въ самые предѣлы замка, входишь на улыбающійся и пестрѣющій цвѣтами и зеленью лугъ, окруженный густою дубравой и мягко спускающійся къ зеркальнымъ прудамъ; когда вступаешь на этотъ волнистый самородный бархатъ, декорація, дѣйствительно, перемѣняется, являются новыя картины.

Передъ нами развалины замка, окруженнаго красотой многолѣтняго запустѣнія: стѣны, поросшія мхомъ и легкимъ кустарникомъ, обломки внутреннихъ галерей, узкихъ проходовъ, остатки потаенныхъ лѣстницъ и сводовъ. Все это возбуждаетъ какой-то пріятный таинственный трепетъ. Подъ этими полуразрушившимся смѣлыми сводами воображеніе получаетъ новую силу...

Возлѣ дворца находится небольшая бѣлокаменная церковь съ золотыми куполами. Лѣтомъ по воскреснымъ днямъ собирается въ ней большая праздничная толпа молящихся. Царицынская церковь

---

[1]) С. Любецкій, «Царицыно близъ Москвы». («Русскія Вѣдомости» 1867 г. № 82).

Оперный домъ.

Старыя ворота въ паркѣ.

Остатки «Чортовой башни».

ведетъ свое начало, какъ сказывалъ мнѣ сторожъ, со временъ Екатерины II; кромѣ трехъ четырехъ старыхъ иконъ, относящихся къ 1737, 1739 и 1761 годамъ, въ ней мало замѣчательнаго.

За замкамъ весьма изящно расположены сады въ англійскомъ вкусѣ, съ широкими густыми аллеями, въ которыхъ и любопытные лучи солнца не могутъ проникнуть; разбѣгаются лабиринтныя дорожки, и по нимъ, если угодно, можно ходить, не возвращаясь на слѣды свои.

Самая тѣнистая и темная изъ сихъ послѣднихъ извѣстна подъ именемъ Несторовой—названіе, данное ей Валуевымъ. Въ нѣкоторыхъ аллеяхъ находятся бесѣдки; лучшая изъ нихъ—Миловида; она стоитъ на горѣ и будто царствуетъ надъ всею тамошнею мѣстностью; сквозная арка ея составляетъ залъ и украшена расписнымъ потолкомъ; на верху фасада красуются два большихъ медальона: одинъ—съ изображеніемъ Потемкина, другой—Екатерины II; боковыя помѣщенія Миловиды устроены такъ, чтобы пріѣзжающіе въ Царицыно для гулянья могли расположиться въ нихъ нѣкоторымъ хозяйствомъ.

По преданію, Миловидой назвала эту бесѣдку сама Екатерина II; она любовалась отсюда красивыми видами и часто встрѣчала здѣсь восходъ. Дѣйствительно, видъ изъ этой бесѣдки поразительно прекрасный; полноводные пруды, масса лѣсовъ, задвигающихъ своими выбкими стѣнами всю окрестность, змѣйки-дорожки, вьющіяся по саду,—все это представляетъ чарующую панораму.

«Между тѣмъ все общество подошло къ бесѣдкѣ, извѣстной подъ именемъ Миловиды,—говоритъ Тургеневъ, описывая въ «Наканунѣ» загородную поѣздку семейства Стаховыхъ, — и остановилось, чтобъ полюбоваться зрѣлищемъ царицынскихъ прудовъ. Они тянулись одинъ за другимъ на нѣсколько верстъ; сплошные лѣса темнѣли за ними. Мурава, покрывавшая весь скатъ холма до главнаго пруда, придавала самой водѣ необыкновенно яркій, изумрудный цвѣтъ. Нигдѣ, даже у берега, не вспухала волна, не бѣлѣла пѣна; даже ряби не пробѣгало по ровной глади. Казалось, застывшая масса стекла тяжело и свѣтло улеглась въ огромной купели, и небо ушло къ ней на дно, и кудрявыя деревья неподвижно глядѣлись въ ея прозрачное лоно».

Кромѣ Миловиды, встрѣчаются и другія бесѣдки: уединенно стоящая, полуразвалившаяся Старая Миловида (или храмъ Меланхоліи), сходная по конструкціи съ предыдущимъ павильономъ, но носящая печать запустѣнія; однако отъ нея открывается не менѣе прекрасный видъ на противоположный берегъ и дальнѣйшія окрестности. Далѣе—бесѣдка «Золотой снопъ«, представляющая собою каменный фундаментъ съ семью колоннами, на немъ расположенными и окружающими довольно высокій каменный пьедесталъ;

Царицынскій прудъ.

надъ всѣмъ этимъ сооруженіемъ покоится полукруглый куполъ съ металлическимъ снопомъ изъ золоченыхъ колосьевъ наверху.

Что же касается такъ называемыхъ бесѣдокъ Езопка и Хижина, о которыхъ упоминаютъ нѣкоторые изслѣдователи [1]) Царицына, то онѣ теперь уже не существуютъ: ихъ построилъ Петръ Степановичъ Валуевъ, заботясь объ украшеніи мѣстности; устроенныя весьма оригинально изъ березовыхъ бревенъ съ корою, онѣ, вѣроятно, были разрушены временемъ, а, можетъ быть, ихъ снесли по приказанію начальства, лѣтъ 20 тому назадъ, такъ же, какъ и обломки крыши дворца, которую велѣно было совершенно уничтожить во избѣжаніе опасныхъ случаевъ для посѣтителей замка.

Кромѣ бесѣдокъ, въ саду сохранились: старый каменный мостъ, соединяющій два изумрудныхъ берега, оперный домъ, возлѣ него остатки старыхъ каменныхъ воротъ и обломки такъ называемой Чортовой башни.

Въ Царицынѣ есть и другой садъ—фруктовый—съ богатыми оранжереями, которыя не имѣютъ равныхъ себѣ въ окрестностяхъ Москвы, по обширности своей и по достоинству лелѣемыхъ въ нихъ плодовъ.

Царицынскіе большіе пруды полны жизни и украшаютъ всю окрестность своими колыхающимися по зыби водъ ботиками, утлыми лодочками и букетными островами; вода въ нихъ чиста, прозрачна; текутъ они изъ двухъ рѣчекъ и называются: Орѣховскій, Лазаревскій, Верхній, Хохловскій, Шапиловскій, Цареборисовскій; на двухъ послѣднихъ устроены мельницы, за ними журчатъ и шумятъ березовыя рощи; воды прудовъ, по разсказамъ дачниковъ, богаты аршинными щуками и большими карпами.

Лѣтъ 35 тому назадъ, какъ говорятъ мѣстные крестьяне, была поймана щука съ золотой серьгой, на которой виднѣлась корона и имя царицы Екатерины II.

Говорятъ также, что когда-то, чуть не лѣтъ 50 тому назадъ, здѣсь былъ пойманъ карпъ съ именемъ царя Бориса на серьгѣ.

Въ 1886 г. тутъ же былъ пойманъ арендаторомъ царицынскихъ прудовъ большой осетръ съ золотой серьгой въ губѣ, пущенный еще при Екатеринѣ II. При поимкѣ этого историческаго осетра въ неводъ, изъ Нижняго пруда, произошла цѣлая исторія. Вотъ какъ этотъ случай описываетъ въ своемъ московскомъ фельетонѣ Курепинъ:

«Когда приволокли въ сѣтяхъ осетра, арендаторъ былъ въ восторгѣ; но тутъ вмѣшался въ дѣло окружный надзиратель. Имѣя въ виду историческое значеніе осетра, надзиратель не позволилъ арендатору взять его, а предложилъ слѣдующее: устроить для

---

[1]) Любецкій, «Царицыно близъ Москвы» («Русскія Вѣдомости», 1867 г., № 82), Шаликовъ, «Царицыно» («Вѣстникъ Европы», 1804 г. ч. 15 № 10).

осетра особый садокъ, приставить солдата для охраны за счетъ арендатора и хранить осетра, пока онъ, назиратель, отрапортуетъ въ удѣльную контору, а контора снесется съ дворцовымъ вѣдомствомъ и т. д., пока, словомъ, не воспослѣдуетъ окончательное распоряженіе высшаго начальства. Подумавъ, арендаторъ почесалъ въ затылкѣ и отпустилъ осетра на всѣ четыре стороны, а насчетъ всего изложеннаго былъ составленъ длинный протоколъ, впрочемъ, не длиннѣе осетра, который былъ въ 2 аршина 11 вершковъ» [1]).

Итакъ, красота и разнообразіе окружающей природы—громадный тѣнистый паркъ, разбитый на холмистыхъ берегахъ, нѣсколько бесѣдокъ, изъ которыхъ болѣе извѣстна Миловида съ чуднымъ видомъ изъ нея, пруды, то спрятавшіеся въ чащѣ зелени, то раскинувшіеся на громадномъ открытомъ пространствѣ, съ массою лыжъ и лодокъ и множествомъ рыбы; наконецъ, единственныя подъ Москвой, по живописности и громадности, развалины дворца, «мрачнаго и грознаго», по словамъ Тургенева, «даже и въ полдень»,—все это составило славу Царицына и до сихъ поръ упрочиваетъ за нимъ постоянный наплывъ обитателей.

Н. М. Девель.

[1]) Пыляевъ, «Старая Москва».

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

И. М. Радинъ. Учебникъ исторіи русскаго права. Спб. 1910 г. Стр. 372. Ц. 2 р. 50 к.

УКАЗАННЫЙ учебникъ, какъ то значится на обложкѣ, «составленъ по программѣ императорскаго с.-петербургскаго университета по курсамъ профессоровъ М. А. Дьяконова, В. И. Сергѣевича и В. Н. Латкина». На оборотѣ титульнаго листа, кромѣ этихъ курсовъ, указана «литература», по которой, очевидно, былъ составленъ «Учебникъ», а именно: Дьяконова «Власть московскихъ государей»; Сергѣевича «Древности»; Латкина «Земскіе Соборы», Владимірскаго-Буданова «Обзоръ исторіи русскаго права. Христоматія» (вып. 1 и 2); Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія» и Милюкова «Очерки по исторіи русской культуры». Вотъ и всѣ.

Планъ учебника взятъ изъ подобныхъ же руководствъ. Часть 1-я (стр. 1—256) въ немъ посвящена «исторіи русскаго государственнаго права», трактуя въ отдѣльныхъ главахъ объ источникахъ права, территоріи, населеніи, власти и управленіи. Во второй части (257—371 стр.) излагается исторія русскаго уголовнаго и гражданскаго права, причемъ особыя главы посвящены уголовному праву, гражданскому праву, судоустройству и судопроизводству.

Въ планѣ «Учебника» есть одна особенность, которая, очевидно, принадлежитъ самому составителю его, а именно: всякій вопросъ въ немъ излагается сквознымъ путемъ, на протяженіи всѣхъ вѣковъ, съ древнѣйшаго времени и до XIX в. включительно, такъ что, говоря объ управленіи, составитель излагаетъ подъ рядъ, непосредственно одно за другимъ, исторію управленія древнихъ княжествъ, Московской Руси и управленіе въ періодъ имперіи. Такой порядокъ имѣетъ свои хорошія стороны; онъ удобенъ для запоминанія, но

онъ едва ли правиленъ съ научной точки зрѣнія: періодизація и безъ того вредитъ научному пониманію эпохъ, а такое продольное изложеніе всего курса, конечно, не даетъ правильнаго общаго представленія о какомъ-либо, хотя бы даже и яркомъ, періодѣ русской исторіи. Изложеніе поневолѣ пріобрѣтаетъ сухой схематичный характеръ.

По указанному плану составитель на протяженіи 371 стр. излагаетъ курсъ исторіи русскаго права. Обыкновенно университетскіе учебники гораздо болѣе значительны, такъ что сокращенное изложеніе было бы большимъ достоинствомъ учебника, если бы онъ въ своемъ изложеніи стоялъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. Посмотримъ теперь, каково содержаніе учебника, насколько научно изложены въ немъ затронутые вопросы.

Конечно, въ немъ нельзя найти никакой одной общей идеи, одного научнаго пониманія, которое проходило бы по всей книгѣ, такъ какъ авторъ одни вопросы излагаетъ по книгѣ профессора Дьяконова, другіе по книгѣ профессора Сергѣевича, а третьи—по учебнику профессора Латкина. Какъ далеки между собой въ научномъ пониманіи многихъ вопросовъ нашей древности В. И. Сергѣевичъ и М. А. Дьяконовъ—извѣстно всякому, близко знакомому съ трудами того и другого ученаго. Конечно, изъ такого соединенія, кромѣ механическаго подбора фразъ и отдѣльныхъ страницъ, ничего иного выйти не можетъ.

Отсюда понятно, что составитель учебника, даже держась болѣе всего одного автора, не владѣя секретомъ научнаго пониманія, часто впадаетъ въ противорѣчія, неточности и прямыя ошибки. Такъ, напримѣръ, г. Радинъ, слѣдуя М. А. Дьяконову, о крестьянахъ говоритъ, что «центромъ прикрѣпленія была не земля, а землевладѣльцы», что нѣкоторыя «постановленія правительства могли исходить только изъ предположенія о личной крѣпостной зависимости крестьянъ отъ ихъ владѣльцевъ» (стр. 68). Но черезъ нѣсколько страницъ сообщается, что «крѣпостные крестьяне до 1762 г. оставались прикрѣпленными къ имѣніямъ служилаго дворянства» (стр. 72), значитъ были прикрѣплены къ землѣ (или, можетъ быть, къ хозяйскому инвентарю?), но во всякомъ случаѣ не къ своему владѣльцу. Здѣсь противорѣчіе очевидное, его нѣтъ въ книгѣ Дьяконова, но г. Радинъ, видимо, не замѣчая противорѣчія, добавилъ послѣднюю фразу отъ себя или же неудачно воспользовался другой какой-нибудь книгой.

Объясняя постановленія судебниковъ о крестьянскомъ отказѣ, г. Радинъ пишетъ: «судебникъ 2-й установилъ еще сборъ съ каждаго воза—«повозъ» по 2 алтына съ двора, какъ денежное возмѣщеніе за повозную повинность» (стр. 61). Нужно имѣть въ виду, что въ литературѣ «повозъ» объясняютъ двояко: одни считаютъ «повозъ»—сборомъ съ каждаго воза, который судебникомъ въ общемъ приравненъ къ двумъ алтынамъ (Сергѣевичъ, «Древности», I, стр. 244), а другіе (напримѣръ, Дьяконовъ, «Очерки древней Руси», стр. 320) повозъ понимаютъ, какъ денежное возмѣщеніе за повозную повинность, обыкновенно отбываемую зимой, но которую крестьянинъ, уходя въ Юрьевъ день, еще не успѣвалъ исполнить. Г. Радинъ, не различая этихъ двухъ взглядовъ, изъ которыхъ можно принять одинъ какой-либо, но не оба вмѣстѣ, механически соединяетъ ихъ въ одну фразу.

Затѣмъ укажу тамъ же на нѣкоторыя преувеличенія и ошибки: въ указахъ 1719 г. о переписи, вопреки сообщенію г. Радина, не было и рѣчи о привлеченіи къ тяглу «всѣхъ холоповъ»; помѣщики «стали продавать крестьянъ» не послѣ первой ревизіи только (73 стр.), но и гораздо раньше. Невѣрно утвержденіе, что «царствованіе Петра I было временемъ самой оживленной торговли живымъ товаромъ» (стр. 74), т.-е. крѣпостными; что «своего апогея» крѣпостное право достигло въ царствованія Екатерины II и Павла I: съ Павла I замѣтенъ явный поворотъ въ сторону улучшенія быта крестьянъ (см. изслѣдованія В. И. Семевскаго, Трифильева). Неправильно указаніе, что «помѣщикамъ принадлежало право заключать браки крѣпостныхъ, не испрашивая согласія послѣднихъ» (стр. 76). Существовалъ указъ 1724 г., подтвержденный въ 1742 и 1767 гг., о томъ, чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ къ браку, такъ что «права» у помѣщика на это не было.

Я отмѣтилъ неточности и ошибки г. Радина, допущенныя имъ на протяженіи десятка страницъ. Почти то же самое встрѣчается и во всей остальной книгѣ, такъ что о научности этой книги вопросъ рѣшается самъ собой.

Въ заключеніе я не могу не выразить пожеланія, чтобы этимъ «Учебникомъ» учащіеся пользовались возможно меньше: для ознакомленія съ наукой у насъ есть хорошіе курсы профессоровъ (Владимірскаго-Буданова, Сергѣевича, Дьяконова, Филиппова, Латкина), составленные ими послѣ долголѣтняго изученія науки и послѣ значительной практики въ области преподаванія; книгъ же, засоряющихъ умъ учащихся, читать не слѣдуетъ.

М. Клочковъ.

Сенатскій Архивъ. XIII. 1.—Протоколы правительствующаго сената по секретной экспедиціи 1764 и 1765 г. 2.—Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за іюль—декабрь 1763 и январь 1764 г. С.-Петербургъ. 1909 г. 8°. Стр. XXXVIII + 614.

Въ XIII томѣ «Сенатскаго Архива» обнародованы документы за 1763—1765 гг. и такимъ образомъ хронологически онъ является продолженіемъ XII тома, напечатаннаго въ 1907 году.

Содержаніе протоколовъ сената, помѣщенныхъ въ XIII томѣ «архива», касается мѣръ внѣшней и внутренней безопасности и финансовыхъ дѣлъ. Въ нихъ идетъ рѣчь: о пограничныхъ отношеніяхъ, китайскихъ, персидскихъ, крымскихъ и польскихъ, о защитѣ и заселеніи границъ, о мѣрахъ охраненія народнаго здравія и борьбы съ заразными болѣзнями. Много вниманія привлекали дѣла малороссійскія.

Изъ этихъ протоколовъ видно, кромѣ того, какими финансовыми дѣлами особенно занимался сенатъ: его преимущественно озабочивали: торговля, питейные сборы, винные откупа, горное дѣло и поташное производство.

Болѣе разнообразнымъ содержаніемъ отмѣчаются многочисленные (числомъ 330) высочайшіе указы и повелѣнія. Редакція «архива» разбила ихъ на шесть группъ. Первая—относится къ дѣламъ международнымъ, какъ-то: «презенты» представителямъ иностранныхъ державъ и денежныя выдачи нашимъ диплома-

тическимъ агентамъ. Изъ послѣднихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ ассигновки нашимъ дипломатамъ, находящимся въ Польшѣ.

Вторая группа—дѣла военныя: какъ-то—о военной комиссіи, оборонѣ границъ и обмундировкѣ войскъ; обѣ эти группы сравнительно скудны и количествомъ документовъ и заключающимися въ нихъ свѣдѣніями.

Большинство указовъ и повелѣній говорятъ о служебныхъ назначеніяхъ, увольненіяхъ и перемѣщеніяхъ и пожалованіяхъ. Особенно интересны документы «о пожалованіяхъ», богатые свѣдѣніями о служебной дѣятельности чиновничества XVIII вѣка. Среди этихъ же бумагъ находятся: указъ о пожалованіи М. Ломоносова въ статскіе совѣтники съ жалованіемъ 1875 рублей въ годъ, и бумага о награжденіи бывшаго канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, сосланнаго съ опалой въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны.

Четвертая группа дѣлъ относится къ администраціи и полиціи—въ ней есть данныя о выработкѣ полицейскаго устава, о паспортной системѣ и т. п. Пятая—касалась дѣлъ финансовыхъ, а шестая—судебныхъ. Раздѣляя высочайшіе указы и повелѣнія по формѣ на четыре вида, редакція сообщаетъ, что въ изданномъ томѣ архива напечатано 119 указовъ, 73 резолюціи, 34 конфирмаціи и 53 словесныхъ повелѣній. Какъ и во всякомъ подобнаго рода собраніи сырыхъ матеріаловъ, при такомъ обиліи его, чрезвычайное значеніе имѣютъ два условія, вполнѣ соблюденныя въ новомъ изданіи документовъ сенатскаго архива: редакція текста печатаемыхъ бумагъ и указатели, облегчающіе пользованіе ими.

Матеріалъ, вошедшій въ XIII томъ сенатскаго архива, подвергнутъ тщательной провѣркѣ, послѣ которой «всѣ документы, сохранившіеся въ сенатскомъ архивѣ, въ книгахъ именныхъ указовъ и книгахъ протоколовъ сената (по секретной экспедиціи)», отпечатаны цѣликомъ. Относительно документовъ, уже опубликованныхъ въ «Полномъ собраніи законовъ», даются указанія на то, гдѣ они помѣщены, и приводится заголовокъ, а также и разница редакцій, если таковая существуетъ, и какія-либо приложенія къ документу, не попавшія въ «Полное собраніе законовъ».

Пользованіе разнообразнымъ богатымъ и сложнымъ матеріаломъ выпущеннаго тома архива облегчено прекраснымъ и обстоятельнымъ предисловіемъ и подробнымъ оглавленіемъ, составленнымъ съ большой тщательностью, причемъ въ цѣляхъ отчетливости порядка документовъ и для быстроты ихъ нахожденія введена ихъ нумерація.

Въ концѣ тома помѣщены три указателя: именъ личныхъ, географическій и предметный. Каждый изъ этихъ указателей отпечатанъ особо, что отличаетъ опять-таки редакцію этого тома отъ прежней. Предметный указатель, кромѣ того, очень подробенъ, а въ изданіяхъ, подобныхъ разбираемому, это огромное достоинство.

Наконецъ документы снабжены подстрочными примѣчаніями, поясняющими печатаемые тексты и ставящими ихъ въ связь съ ранѣе обнародованными документами сенатскаго архива.

Даже самый внѣшній видъ выпущеннаго тома, обложка, бумага, шрифтъ, даже та мелочь, что заглавіе тома отпечатано и на обложкѣ и на корешкѣ выгодно отличаютъ новый томъ «Сенатскаго Архива» отъ его предшественниковъ.

которые подобно XII тому (1907 года) были лишь перепечаткой (правда, добросовѣстной) документовъ, хранящихся въ архивѣ, съ простымъ азбучнымъ указателемъ. Эти качества новаго тома архива объясняются тѣмъ, что дѣло изданія его было поручено людямъ, близко стоящимъ къ наукѣ. Главное руководство имъ принадлежитъ инспектору архива И. А. Блинову. Къ редактированію матеріаловъ были привлечены лица, которымъ наука русской исторіи близка и дорога: при изданіи ихъ «пользовались совѣтами и указаніями профессора С. Ѳ. Платонова», редакція всего тома принадлежитъ прив.-доц. С.-Петербургскаго университета М. В. Клочкову, которому помогали чины архива. Дружная работа этихъ лицъ и дала тѣ прекрасные результаты, о которыхъ упомянуто выше. Остается лишь пожелать, чтобы и дальнѣйшіе томы «Сенатскаго Архива» такъ же стояли на высотѣ современныхъ научныхъ требованій, какъ и нынѣ вышедшій изъ печати. В. Ф—ко.

В. П. Алексѣевъ. Разсказы изъ русской исторіи съ рисунками. Выпускъ первый. М. 1909. Стр. 242+II. Ц. 70 к.

Съ именемъ В. П. Алексѣева связано въ русской учебно-исторической литературѣ немало отдѣльныхъ разсказовъ эпизодическаго характера, заслуженно пользующихся нѣкоторымъ успѣхомъ. Настоящимъ сборникомъ онъ хочетъ прійти на помощь учащимся младшаго возраста, которые обречены зубрить тяжеловѣсные учебники гг. А. Острогорскаго, И. Беллярминова и др. Имѣя въ виду возрастъ своихъ читателей, авторъ помѣстилъ въ сборникѣ разсказы небольшого объема, а въ случаѣ ихъ неизбѣжной пространности прибѣгалъ къ раздѣленію ихъ на нѣсколько частей, на эпизоды съ самостоятельными подзаголовками. Всѣ разсказы расположены въ хронологическомъ порядкѣ, хотя и безъ тѣсной внутренней связи между собою, и обнимаютъ главнѣйшіе факты начальной русской исторіи до 1612 года. Языкъ разсказовъ довольно простой, вполнѣ понятный юнымъ читателямъ. При этомъ В. П. Алексѣевъ старался разнообразить свое изложеніе введеніемъ рисунковъ съ лучшихъ историческихъ картинъ, живой рѣчи дѣйствующихъ лицъ и небольшихъ выдержекъ изъ народной поэзіи.

Признавая этотъ первый сборникъ «Разсказовъ», за которымъ, вѣроятно, появятся вскорѣ второй и третій, довольно удачнымъ и отвѣчающимъ своему назначенію, мы, однако, не можемъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Прежде всего, намъ кажется, что помѣщаемые въ книжкѣ рисунки такъ или иначе должны быть оговорены или упомянуты въ текстѣ. В. П. Алексѣевъ не всегда это имѣлъ въ виду. Въ статейкѣ: «Нашествіе татаръ» находимъ на стр. 81 рисунокъ древне-русскаго вооруженія, о которомъ въ текстѣ ни раньше, ни послѣ не говорится ни слова, кромѣ отдѣльныхъ упоминаній. На стр. 53 находимъ картинку: «Памятникъ на мѣстѣ крещенія въ Кіевѣ», а въ текстѣ о немъ ни слова. На стр. 167 помѣщена картина: «Царь Иванъ IV у гроба убитаго сына Ивана»; между тѣмъ въ текстѣ также ни единаго слова объ этомъ фактѣ, въ виду чего эта мрачная картинка является, пожалуй, совершенно лишней. Не находимъ мы умѣстными и такія картинки, какъ, напримѣръ:

«Послѣ битвы князя Игоря съ половцами» (стр. 75), «Куликовская битва» (стр. 105), «Паденіе Новгорода» (стр. 125), «Московскій кремль» (стр. 119), «Покореніе Сибири» (стр. 187) и др., тѣмъ болѣе, что эти сравнительно миніатюрные рисунки крайне неясны, неразборчивы и не сообщаютъ никакого представленія о фактѣ.

Присматриваясь къ самому изложенію, мы находимъ не вполнѣ удачнымъ слѣдующее. Разсказъ о Кіево-Печерскомъ монастырѣ авторъ заканчиваетъ словами: «По смерти своего перваго игумена Кіево-Печерскій монастырь продолжалъ все больше и больше умножаться и богатѣть» (стр. 64) и сейчасъ же продолжаетъ: «Въ это время уже не было въ живыхъ и князя Ярослава. Онъ умеръ въ 1054 году», и затѣмъ говоритъ объ его послѣднемъ дѣлѣ—«изданіи (?) законовъ»—«Русской Правды». Все это, несомнѣнно, умѣстнѣе было бы напечатать на стр. 59 въ концѣ разсказа объ Ярославѣ Мудромъ. Разсказывая объ угощеніи пословъ московскимъ государемъ (стр. 137), авторъ почему-то называетъ въ числѣ многочисленныхъ кушаній однихъ «журавлей»; въ статьѣ «Земскій соборъ» (стр. 113 и др.) ни слова о земщинѣ и вообще очень тускло о составѣ собора. Затѣмъ Димитрія Ивановича (Донского) слѣдовало бы связать съ Калитой, а не разсматривать совершенно отдѣльно. Подобнаго рода недочеты можно было бы пополнить на счетъ безусловно лишнихъ въ начальной книгѣ такихъ разсказовъ, каковъ, напримѣръ, разсказъ: «Постриженіе великой княгини», на стр. 143—144, производящій одно тяжелое впечатлѣніе.

Въ заключеніе не можемъ не посовѣтовать автору придерживаться новѣйшаго и болѣе употребительнаго правописанія слова «келія» вмѣсто принятаго авторомъ: «келлія», а также избѣгать опечатокъ въ родѣ слѣдующихъ: на стр. 108—«Изъ Варягъ въ Грецію» (?) вмѣсто «Греки», и затѣмъ «въ Византію, столицу Грекы» (?), вмѣсто Греціи; или на стр. 112—«не сносили гнетъ» вмѣсто гнета, и др. Не мѣшало бы также послѣ оглавленія статей помѣстить и оглавленіе рисунковъ.

В. Р—въ.

Ан. Титовъ. Проповѣди святителя Дмитрія, митрополита ростовскаго, на украинскомъ нарѣчіи. М. 1909. Стр. X + 134.

Вышеназванная книжка А. А. Титова появилась въ свѣтъ по случаю недавно исполнившагося двухсотлѣтія со времени смерти святителя Димитрія, митрополита ростовскаго; но въ то же время ею издатель хотѣлъ внести и свою лепту въ области разработки, исправленія и болѣе широкаго ознакомленія публики съ произведеніями святителя. Оказывается, что, несмотря на признаніе ряда изслѣдователей о высокой цѣнности и назидательности сочиненій Димитрія Ростовскаго, они «до сихъ поръ не изданы полностью въ переводѣ на русскій языкъ, да и существующія изданія на славянскомъ языкѣ нельзя признать удовлетворительными съ точки зрѣнія ихъ полноты». Сопоставляя уже напечатанный текстъ проповѣдей съ различными рукописями своего обширнаго собранія, нынѣ хранящагося въ императорской публичной библіотекѣ, и съ рукописями кіевской духовной академіи, А. А. Титовъ нашелъ въ нихъ цѣлый рядъ пропусковъ, недосмотровъ, неточностей и т. п. Желая устранить послѣднія, онъ рѣшился, послѣ тщательной «переработки», издать проповѣди

на украинскомъ языкѣ, введя въ текстъ ихъ лишь цитаты однородной и общепринятой формы съ обозначеніемъ мѣстъ св. Писанія, изъ которыхъ взяты приводимые тексты. «Сдѣлать это представлялось необходимымъ,—пишетъ онъ,—потому, что цитація, помѣщенная въ рукописяхъ, далеко не полна, неточна, спутана, въ нѣкоторыхъ спискахъ она приводится на латинскомъ языкѣ, а въ другихъ ея и вовсе не имѣется».

Напечатанныя А. А. Титовымъ проповѣди святителя Димитрія, числомъ восемь (до сихъ поръ въ печати этого рода проповѣдей съ именемъ святителя Димитрія было извѣстно только шесть, изданныхъ въ славянскомъ переводѣ), относятся къ 1685—1700 гг., ко времени пребыванія его на Украйнѣ. Несомнѣнно, что многія изъ нихъ не сохранились или еще не найдены, такъ какъ святитель Димитрія былъ въ то время извѣстный казнодѣй (проповѣдникъ) Кіево-Печерской лавры.

Вотъ эти проповѣди въ порядкѣ ихъ напечатанія издателемъ: 1) «Слово въ недѣлю 7-ю по Пасхѣ», трактующее о «познаніи Бога путемъ вѣры и любви» и относящееся къ послѣднимъ годамъ пребыванія святителя на Украйнѣ. 2) «Слово I на Сошествіе Св. Духа», произнесенное въ кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ въ 1693 году и имѣющее предметомъ поученія «способы прославленія Бога въ тѣлѣ и душѣ». 3) «Слово на Св. Троицу», произнесенное въ 1698 году въ Батуринѣ. 4) «Слово въ недѣлю 27-ю о женѣ смятенной», впервые появляющееся въ печати по единственной рукописи. 5) «Слово на Успеніе Пресвятыя Богородицы», также впервые печатаемое и также по единственной рукописи, было произнесено святителемъ въ 1693 году въ Кіево-Печерской лаврѣ. 6) «Слово на Рождество Христово», наиболѣе популярное, было произнесено въ 1698 году въ Черниговѣ. 7) «Брань святаго архистратига Михаила съ седмоглавнымъ зміемъ». Эта проповѣдь, заключающая въ себѣ «изображеніе битвы между седмоглавнымъ зміемъ (діаволомъ), каждая голова котораго олицетворяетъ одинъ изъ смертныхъ грѣховъ, и седморожнымъ агнцемъ (Христомъ), каждый рогъ котораго олицетворяется однимъ изъ семи архангеловъ», была произнесена въ кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ въ 1697 году. И 8) «Пирамисъ Иннокентія Гизеля». Это—первая изъ сохранившихся до нашего времени проповѣдей святителя; произнесена въ Кіево-Печерской лаврѣ 24-го февраля 1685 года; въ ней проповѣдникъ «воздвигаетъ мысленную пирамиду, уподобляя Гизеля, какъ столпа церкви Божіей, столпу храма Соломонова».

Всѣ почти вышеприведенныя проповѣди святителя Димитрія носятъ весьма замѣтные слѣды вліянія греко-латинской школы, съ ея своеобразнымъ отношеніемъ къ формѣ и совержанію проповѣди, съ ея склонностью къ аллегорическому толкованію, и вліянія пышной реторики западныхъ проповѣдниковъ, въ особенности польскихъ казнодѣевъ.

Такой характеръ проповѣдей святителя Димитрія весьма рѣзко измѣнился съ переходомъ его въ ростовскую митрополію: тамъ нужно было слово краткое, простое и жизненное, и новый митрополитъ очень скоро далъ рядъ образцовыхъ проповѣдей этого рода.

Изданіе выполнено довольно тщательно и съ внѣшней стороны не оставляетъ желать ничего лучшаго.

В. Рудаковъ.

Charles de Larivière. La France et la Russie au XVIII siècle. Etudes d'histoire et de la littérature franco-russe. Paris. 1909. P. 341. Pr. 3 fr. 50.

Основатель и бывшій редакторъ журнала «La Revue des Etudes franco-russes» Шарль де-Ларивьеръ издалъ первую часть задуманнаго имъ труда, посвященнаго исторіи сношеній Россіи съ Франціей. Г. де-Ларивьеръ не новичокъ въ области франко-русскихъ отношеній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ изданъ большой трудъ о Екатеринѣ II въ ея отношеніяхъ къ французской революціи; онъ пользуется извѣстностью и въ русскомъ учено-литературномъ мірѣ и состоитъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ.

Первая часть его труда, подъ общимъ заглавіемъ «La France et la Russie au XVIII siècle», распадается на нѣсколько статей, отчасти уже напечатанныхъ авторомъ въ спеціальныхъ историческихъ журналахъ и посвященныхъ Екатеринѣ II въ ея сношеніяхъ съ выдающимися людьми современной ей Франціи: Даламберомъ, котораго она тщетно приглашала въ Петербургъ, предлагая ему взять на себя воспитаніе великаго князя Павла Петровича; натуралистомъ Бюффономъ, Бомарше, виднымъ дѣятелемъ изъ лагеря эмигрантовъ графомъ Эстергази, сумѣвшимъ снискать ея расположеніе и игравшимъ нѣкоторую роль при русскомъ дворѣ, наконецъ, съ небезызвѣстнымъ экономистомъ школы Кенэ Мерсье де-Ларивьеромъ—однимъ изъ тѣхъ наивныхъ мечтателей, которые полагали возможнымъ заново перестроить всю Русь, издавъ для нея законы въ духѣ Монтескье и Беккаріи. Послѣдняя статья посвящена дѣтству и отрочеству императора Николая, достаточно извѣстному въ нашей литературѣ, и потому не представляетъ для насъ особаго интереса.

Книга г. де-Ларивьера написана по преимуществу по русскимъ источникамъ, главнымъ образомъ на основаніи переписки императрицы Екатерины II, опубликованной въ «Сборникѣ императорскаго русскаго историческаго общества». Кое-какіе, впрочемъ, матеріалы, въ видѣ офиціальной переписки и донесеній, извлечены авторомъ изъ архивовъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, но они не мѣняютъ картины, какъ она сложилась и въ имѣющихся уже трудахъ о сношеніяхъ Екатерины съ перечисленными лицами, выясняя лишь нѣкоторыя мелкія подробности. А. Б.

Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Вып. 4. Варшава. 1909. 8°. Стр. 5+254. Ц. 1 р. 50 к.

Четвертый выпускъ «Записокъ» посвященъ обществомъ первому своему предсѣдателю Ѳ. И. Леонтовичу, по поводу сорокапятилѣтія его ученой дѣятельности (1863—1908). Вслѣдствіе этого всѣ шесть статей этого юбилейнаго выпуска носятъ историческій характеръ, хотя къ исторіи русскаго права относятся только три изъ нихъ, именно Ѳ. В. Тарановскаго—«Норманская теорія въ исторіи русскаго права»; В. А. Францева—«Къ біографіи В. А. Мацѣевскаго» и Г. В. Демченка—«Изъ исторіи судоустройства въ древней Россіи». Первая изъ нихъ не

беретъ норманской теоріи въ ея цѣломъ, а только въ ея отношеніи къ исторіи русскаго права и останавливается, главнымъ образомъ, на М. П. Погодинѣ. Профессоръ В. А. Францевъ сообщаетъ очень интересныя новыя біографическія свѣдѣнія объ извѣстномъ польскомъ историкѣ права Мацѣевскомъ, работа котораго «Historya prawodawstw słowiańskich» привлекла на себя вниманіе всей ученой Европы и въ концѣ концовъ попала въ папскій «Index librorum prohibitorum», что очень подѣйствовало на самого Мацѣевскаго. Книги его остаются запрещенными еще и теперь. Третья статья Г. В. Демченка документально выясняетъ по старымъ и новымъ даннымъ, что участіе представителей народа въ нашихъ судахъ должно считаться издревнимъ, а не новшествомъ XIV—XV вѣка.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе статья И. И. Замотина—«Русская Нора и ея духовныя стремленія», въ которой авторъ, обозрѣвая драматическую литературу въ сборникахъ «Знаніе» за 1905 годъ, отмѣчаетъ близость этой литературы къ своему прототипу—«Норѣ» Ибсена и попутно высказывается за необходимость расширенія высшаго женскаго образованія.

Совсѣмъ иной характеръ носитъ обширная статья Е. В. Спекторскаго по исторіи философіи XVII вѣка подъ заглавіемъ «Эргардъ Вейгель, забытый раціоналистъ XVII вѣка». Вопреки общему пренебрежительному тону по отношенію къ этому мыслителю, отчасти и вовсе забытому, Е. В. Спекторскій цѣлымъ рядомъ внушительныхъ выдержекъ изъ его сочиненій доказываетъ, что въ свое время Вейгель считался знаменитымъ ученымъ, привлекалъ къ себѣ въ ученики такія силы, какъ Лейбницъ и Пуффендорфъ, косвенно вліялъ на Спинозу и т. д. Оказывается, что многое изъ того, что цѣнится у учениковъ Вейгеля, въ зародышѣ принадлежало ему и отъ него заимствовано.

Въ заключеніе надо сказать объ статьѣ Н. Н. Любовича о второмъ международномъ историческомъ конгрессѣ въ Берлинѣ въ 1908 году, которая, очень мѣтко характеризуя этотъ не вполнѣ удавшійся конгрессъ, даетъ рядъ цѣнныхъ свѣдѣній для тѣхъ, кто на немъ не былъ, но вообще интересуется историческими конгрессами и желалъ бы принять въ нихъ участіе.

Таково содержаніе четвертаго выпуска записокъ общества. Такъ какъ послѣднее считаетъ въ средѣ своихъ членовъ главнымъ образомъ профессоровъ варшавскаго университета, то и авторами перечисленныхъ статей являются настоящіе или недавно бывшіе профессора этого университета, жизнь въ которомъ бьетъ теперь полнымъ ключомъ. **П. В. В.**

Прив.-доцентъ А. И. Успенскій. Очерки по исторіи русскаго искусства. Русская живопись до XV вѣка включительно. Томъ I. Изъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ въ 1908—9 академическомъ году. Москва. 1910 г.

Въ первой части своего труда авторъ подробно разсматриваетъ всѣ извѣстные памятники фресковой живописи и мозаики. Во второй части обстоятельно трактуетъ о русскихъ лицевыхъ рукописяхъ за указанный періодъ времени. Если въ первой части своего сочиненія авторъ не имѣлъ возможности сдѣлать какихъ-либо новыхъ открытій, ограничившись подробнымъ разсмотрѣніемъ

мозаикъ, фресокъ и древнѣйшихъ иконъ, то вторая часть представляетъ собою вполнѣ оригинальное и обстоятельное изслѣдованіе, въ которомъ авторъ знакомитъ насъ со множествомъ интереснѣйшихъ произведеній русской миніатюры. Здѣсь онъ даетъ полную возможность прослѣдить какъ ходъ развитія этого искусства въ Россіи, такъ и различныя иностранныя вліянія на него, начало которыхъ нужно искать въ очень отдаленномъ прошломъ.

Въ заглавіи сказано: «Изъ лекцій по исторіи русскаго искусства, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ». Но, собственно говоря, эти очерки не представляютъ собою обычнаго вида лекцій, гдѣ профессоръ, избравъ для себя какой-либо небольшой уголокъ преподаваемой имъ отрасли знаній, старается познакомить читателя во всей полнотѣ со всѣми своими выводами и заключеніями по данному вопросу, нерѣдко совершенно игнорируя интересы людей, жаждущихъ получить всестороннее и міровое знакомство съ цѣлымъ предметомъ. Трудъ А. И. Успенскаго, являясь счастливымъ исключеніемъ изъ такого ряда лекціонныхъ изданій, вноситъ капитальный вкладъ въ науку исторіи русскаго искусства, кстати сказать, весьма небогатую крупными самостоятельными учеными работами. Разсматриваемая книга, несомнѣнно, будетъ настольной для всякаго занимающагося изученіемъ исторіи отечественной художественной археологіи. Къ ней будетъ обращаться обязательно всякій спеціалистъ, наравнѣ съ начинающимъ студентомъ. Чтобы убѣдиться въ полнотѣ и тщательности, съ которыми А. И. Успенскій разсматриваетъ каждый изъ отдѣловъ русскаго искусства, укажемъ на важнѣйшіе памятники, занимающіе страницы текста новаго труда.

Въ отдѣлѣ русской иконописи, послѣ общаго знакомства съ происхожденіемъ русской религіозной живописи, указываются первые иконописцы преп. Алимпій († 17 августа 1114 г.), св. Петръ митрополитъ († 1321 г.), св. Стефанъ пермскій, преподобный Игнатій Златый, преподобный Діонисій Глушицкій и ихъ иконописные труды. Отдѣльное мѣсто отведено знаменитому Андрею Рублеву († 1430 г.) и его товарищу Даніилу Черному. Послѣ обозрѣнія ихъ личностей и трудовъ, авторъ даетъ общую характеристику иконописи до XVвѣка включительно. Не забылъ авторъ указать и на вліянія на русскую живопись южныхъ славянъ (сербо-болгарское и младо-влахійское).

Въ отдѣлѣ фресковой и мозаичной живописи разсматриваются: фрески Кіево-Софійскаго собора въ Новгородѣ, Спаса-Преображенія въ Нередицахъ (1199 г.), фрески церкви св. Николая на Липнѣ, церкви Георгія въ Старой Ладогѣ, церкви Благовѣщенія на Аркажѣ (1189 г.), церкви Спаса-Преображенія въ Новгородѣ (1378 г.), церкви св. Ѳеодора Стратилата въ Новгородѣ, на Торговой сторонѣ (XIV вѣка), церкви Спаса-Преображенія на Ковалевѣ (1380 г.), остатки фресокъ 1363 г. въ Успенской церкви на Волотовѣ полѣ, знаменитыя фрески XII вѣка Преображенскаго храма въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ. Далѣе слѣдуютъ фресковые памятники Владимиро-Суздальской области— Преображенскаго собора Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ и Покрова на Нерли, фрески Успенскаго собора во Владимирѣ на Клязьмѣ, Дмитріевскаго собора во Владимирѣ, остатки фресокъ Успенскаго Звенигородскаго собора. Памятники фресковой живописи закончены обзоромъ типическихъ чертъ въ роспи-

сяхъ древне-русскихъ храмовъ. Въ отдѣлѣ миніатюръ А. И. Успенскій приводитъ слова проф. Н. П. Лихачева, который замѣчаетъ, «что исторія миніатюры русскихъ рукописей находится еще въ періодѣ воспроизведенія памятниковъ и собиранія частичныхъ наблюденій надъ обширнымъ, далеко не вполнѣ обслѣдованнымъ матеріаломъ». Въ разсматриваемомъ трудѣ можно отдать полную справеливость тому, что Успенскій не только собралъ во едино и подробнѣйше описалъ всѣ извѣстныя намъ миніатюры до XV вѣка, но и критически провѣрилъ памятники.

За отдѣломъ миніатюръ слѣдуютъ очерки рукописнаго орнамента и техники иконописанія въ Россіи.

Сказаннаго о содержаніи труда А. И. Успенскаго достаточно, чтобы засвидѣтельствовать, какая огромная услуга оказана наукѣ, какъ много новаго предложено учащимся, какъ своевременно появились «Очерки», когда въ наши дни все болѣе и болѣе возрастаетъ интересъ къ изученію національнаго искусства. Что касается иллюстрацій, то количество ихъ пріятно поражаетъ читателя своимъ обиліемъ. На 112 таблицахъ (большинство которыхъ исполнено фототипически) мы впервые видимъ въ фотографіяхъ фрески знаменитаго собора Спаса въ Нередицахъ, Спасо-Мирожскаго монастыря. Въ полномъ же своемъ объемѣ впервые изданы драгоцѣнныя миніатюры Бориса и Глѣба XIV вѣка и Откровенія Авраама, миніатюры изъ Хлудовской Симоновской псалтири (около 1280 года), любопытная, чрезвычайно характерная Толковая палея 1477 г. изъ московской синодальной (патріаршей) библіотеки № 210. Не лишнее отмѣтить, что на таблицѣ LXII А. И. Успенскій воспроизводитъ превосходную миніатюру изъ евангелія московской епархіальной библіотеки № VII $^{3}/_{10}$, приписываемую Андрею Рублеву. Сличеніе этой миніатюры съ икопою св. Троицы Троицкой лавры, которая впервые предстала для ученаго изслѣдователя въ своемъ первоначальномъ видѣ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ за правдоподобность преданія. Что касается рисунковъ, уже бывшихъ раньше въ печати, А. И. Успенскимъ повторено очень немного; это мозаики и фрески Кіева, миніатюра Изборника Святослава, а также Остромирова и Мстиславова евангелій. Несомнѣнно, такое обиліе новыхъ рисунковъ освѣжитъ по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время и значительно пополнитъ запасъ художественнаго матеріала для лицъ, работающихъ въ разсматриваемой области. Уже и такъ наскучили своимъ однообразіемъ повторяющіеся въ изданіяхъ одни и тѣ же рисунки.

Нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія II тома такъ роскошно начатаго труда А. И. Успенскаго. **Владиміръ Клейнъ.**

«Русскій Филологическій Вѣстникъ». Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей профессора Е. Ѳ. Карскаго. Варшава. 1909.

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» въ Варшавѣ и «Филологическія Записки» въ Воронежѣ являются единственными у насъ частными изданіями, посвященными вопросамъ русской филологіи. Но о послѣднемъ журналѣ, когда-то поднятомъ на большую научную высоту такими филологами, какъ Потебня, Весе-

ловскій и др., приходится въ настоящее время говорить съ оговорками. По смерти своего основателя Хованскаго «Филологическія Записки» начали какъ-то падать и теперь большею частью пробавляются отрывочными переводами, мелкими статьями и далеко не блещутъ извѣстными именами въ числѣ своихъ сотрудниковъ. «Русскій Филологическій Вѣстникъ» продолжаетъ сохранять установившуюся за нимъ репутацію серьезнаго научнаго органа русской филологіи, и среди его сотрудниковъ мы находимъ самыя крупныя имена русской филологической науки.

Въ настоящей рецензіи, оставляя въ сторонѣ слишкомъ спеціальныя статьи «Русскаго Филологическаго Вѣстника», посвященныя русскому и славянскому языкознанію, акад. А. И. Соболевскаго, Г. А. Ильинскаго, епископа Меѳодія, П. Орѣшкова и др., укажемъ на статьи журнала, имѣющія общій интересъ, именно относящіяся къ исторіи русской литературы. Самой крупной по объему статьей журнала за нынѣшній годъ является трудъ С. И. Брайловскаго: «Къ вопросу о пушкинской плеядѣ», начатый печатаніемъ еще въ 1908 году. Статья посвящена изслѣдованію литературной дѣятельности О. М. Сомова, писателя 20—30 гг., имѣвшаго близкое отношеніе къ Пушкину, Гоголю, Дельвигу, Рылѣеву и другимъ декабристамъ, Булгарину и пр. С. И. Брайловскій выясняетъ составъ литературнаго багажа Сомова и его участіе въ современныхъ изданіяхъ. Такъ, Сомовъ принимаетъ ближайшее участіе въ «корзинкѣ прелестныхъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», основанныхъ Дельвигомъ и законченныхъ Пушкинымъ, а также въ «Литературной Газетѣ», гдѣ начиналъ свою дѣятельность Гоголь. По редакторству этой газеты, Сомовъ, какъ указываютъ нѣкоторыя данныя, сыгралъ значительную роль въ судьбѣ Гоголя. Послѣднему также посвященъ рядъ юбилейныхъ статей: Е. Ѳ. Карскаго—«Значеніе Н. В. Гоголя въ исторіи русскаго литературнаго языка», Л. В.—«Что значитъ фамилія «Тѣнтѣтниковъ»?, Н. Н. Трубицына—«Идеализмъ Гоголя», Б. В. Варнеке—«Гоголь и театръ» и В. З. Штепенка—«Идеалистическія основы Гоголевскаго смѣха»; послѣдняя статья популярно-учебнаго характера. Е. Ѳ. Карскій характеризуетъ языкъ Гоголя, какъ глубоко-народный, болѣе народный, чѣмъ языкъ Пушкина, отмѣчая въ строѣ гоголевскаго языка малорусскій элементъ.—«Что значитъ фамилія «Тѣнтѣтниковъ»?—спрашиваетъ Л. В. и находитъ, что данная фамилія произведена отъ малорусскаго слова «тиндитный»—нѣжный, что соотвѣтствуетъ характеру мечтательнаго героя Гоголя. Изъ другихъ статей о немъ особенный интересъ по изслѣдованію матеріала представляетъ очеркъ г. Варнеке, въ которомъ авторъ выясняетъ отношеніе писателя къ театру и его взгляды на послѣдній.

Въ послѣдней двойной книжкѣ журнала находимъ двѣ юбилейныя статьи о Кольцовѣ: В. А. Францева—«А. В. Кольцовъ въ чешской литературѣ» и И. И. Замотина—«А. В. Кольцовъ и русскіе модернисты». Кольцова, по обзору г. Францева, переводило двѣнадцать чешскихъ поэтовъ: Геляковскій, Коларь, Покорный, Квисъ и др. Между прочимъ, въ статьѣ В. А. Францева интересна параллель между Кольцовымъ и чешскимъ поэтомъ Хладекомъ, біографіи которыхъ сближаются во многихъ отношеніяхъ. Изслѣдованіе г. Францева окажетъ громадную услугу второму академическому изданію сочиненій Кольцова, гдѣ опредѣленно не указано ни одного чешскаго перевода изъ Кольцова. Особенно лю-

бопытна вторая статья о Кольцовѣ И. И. Замотина. Сравнивая народность въ поэзіи Кольцова съ модернистскою народностью Бальмонта, Сологуба, Блока, Городецкаго, Бѣлаго, И. Бунина, ученый изслѣдователь литературы приходитъ къ такому выводу: «Какъ па рисункахъ И. Я. Билибина «Иванъ-царевичъ», «Сѣрый волкъ», «Царевна-лягушка», «Жаръ-птица», «Василиса прекрасная» и всѣ другіе сказочные образы обратились въ блѣдные импрессіонистскіе отпечатки яркой и рельефной народной фантазіи, такъ и въ современной молодой поэзіи подражанія народному стилю сводятся или къ сближенію его съ современнымъ блѣднымъ стилемъ блѣдныхъ настроеній, или просто къ искаженію его въ интересахъ излюбленной теперь нервической пѣвучести и музыкальности стиха. Поэтому на каждомъ шагу мы наталкиваемся въ модернистскихъ стихахъ на наивную имитацію народнаго стиля и съ удивленіемъ читаемъ такія выраженія, какъ «воздушная сладость», «узывчивое сердце», «улыбчивое солнце», «ласковая верба», «облако дырявое», «сѣдая избенка», «зеленыя бревна», «крыша рудая», «журавль долгоспинный», «утробушка-сердце» и т. п. (С. Городецкій: «Веснянка», «Колдунокъ»). «Народность современныхъ поэтовъ, по мнѣнію г. Замотина, болѣе напоминаетъ фабричную частушку, чѣмъ старую народную пѣсню». Г. Замотинъ сравниваетъ знаменитые стихи Городецкаго: «Звоны-стоны, перезвоны, звоны-вздохи, звоны-сны, высоки крутые склоны, крутосклоны зелены»... съ частушкой: «Ставь-ка, мама, самоваръ, золотыя чашки. Приведу я гостя къ вамъ въ вышитой рубашкѣ», и замѣчаетъ: «Выходитъ, можно сказать, недурно».

Отмѣтимъ далѣе статьи Я. В. Юзефовича—«Разсказъ «Живыя мощи» Тургенева и «Le lepreux de la cité d'Aoste» графа Ксавье-де-Мэстра, любопытное, хотя и неубѣдительное сближеніе названныхъ произведеній, и профессора В. Н. Мочульскаго—«Новиковскіе журналы XVIII вѣка—«Трутень» и «Живописецъ» и его же «Н. Г. Чернышевскій и Л. Н. Толстой объ искусствѣ». Послѣднія двѣ статьи странно видѣть въ ученомъ журналѣ. Это не научныя изслѣдованія, а не имѣющіе значенія пересказы содержанія журналовъ Новикова и сочиненій Чернышевскаго и Толстого, давно прочитанныхъ всѣми. Въ первой статьѣ авторъ замѣчаетъ: «Нельзя сказать, чтобы оба эти журнала были совершенно неизвѣстны въ нашей литературѣ». Журналы Новикова въ исторіи русской литературы вещь, можно сказать, исгрепанная, сотни студентовъ писали и пишутъ сочиненія на тему о сатирѣ Новикова, и потому фраза профессора русской словесности звучитъ весьма наивно. Не знаемъ, чѣмъ руководился уважаемый редакторъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника», печатая «опыты» профессора Мочульскаго, но предполагаемъ, что исключительно только любезностью.

Изъ болѣе спеціальныхъ статей журнала за текущій годъ отмѣтимъ В. Ѳ. Миллера—«Къ пѣснямъ, сказкамъ и преданьямъ о Петрѣ Великомъ», въ которой авторъ слѣдитъ международный мотивъ о наказаніи моря царемъ, извѣстный по исторіи Геродота. Къ исторіи русской филологической науки относятся небольшія статейки В. В. Данилова—«А. А. Котляревскій и М. А. Максимовичъ» и В. А. Францева—«Графъ Н. И. Румянцовъ и О. Лелевель». Назовемъ также статьи А. И. Сычевской—«Къ вопросу о Мольерѣ въ польской драматической литературѣ XVIII столѣтія» и С. Шевченко—«Къ исторіи «Великаго зерцала» въ

юго-западной Руси. «Великое зерцало» и сочиненія Іоанникія Голятовскаго».

Въ журналѣ помѣщались обстоятельные разборы книгъ и изданій, касающихся русской и славянской филологіи. П. С.

А. В. Жиркевичъ. Ив. Ив. Орловскій. (Біографическій очеркъ съ приложеніями — двумя портретами Орловскаго и его статьею). Вильна. 1909. Стр. XII+205. Ц. 1 р.

Судьба россійскихъ провинціальныхъ дѣятелей на поприщѣ науки и литературы до сихъ поръ еще обильна лишь одними терніями. Они не только не получаютъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ отъ своихъ кропотливыхъ занятій по изученію, напримѣръ, мѣстной исторіи и этнографіи, но, наоборотъ, сплошь и рядомъ, вмѣсто сочувствія и поддержки со стороны провинціальнаго общества, встрѣчаютъ на своемъ пути значительныя препятствія, претерпѣваютъ большія неудачи и горести отъ ближайшаго своего начальства и нерѣдко прямотаки изнемогаютъ въ этой работѣ-борьбѣ. Типичнѣйшимъ въ этомъ отношеніи провинціальнымъ работникомъ и страдальцемъ былъ Ив. Ив. Орловскій, уроженецъ Смоленской губерніи, преподаватель женскаго епархіальнаго училища въ Смоленскѣ и извѣстный мѣстный историкъ, скончавшійся 17 іюня прошлаго 1909 года, на сороковомъ году отъ роду.

Страстно любившій свою родину и стремившійся только къ пользѣ и просвѣщенію ея, неусыпный труженикъ на поприщѣ педагогическомъ и ученолитературномъ, честный и прямой по характеру, Ив. Ив. Орловскій былъ въ то же время мало популяренъ въ мѣстномъ обществѣ и послѣ смерти, конечно, былъ бы очень скоро забытъ, подобно многимъ другимъ своимъ собратьямъ-коллегамъ, если бы не его отзывчивый другъ и также любитель и изыскатель мѣстной старины, А. В. Жиркевичъ. Онъ посвятилъ покойному ярко и тепло написанный обширный біографическій очеркъ, пользуясь, главнымъ образомъ, бумагами и письмами своего друга и имѣя въ виду напомнить и освѣтить смолянамъ личность и дѣятельность того, кто «беззавѣтно пожертвовалъ собою для духовныхъ нуждъ родного края», и въ то же время пробудить въ нихъ интересъ къ родной старинѣ, столь тѣсно связанной съ именемъ умершаго дѣятеля.

Сынъ сельскаго священника, воспитанникъ смоленской духовной семинаріи и московской духовной академіи, Ив. Ив. Орловскій въ 1894 г. началъ свою педагогическую дѣятельность въ смоленскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ и почти одновременно и учено-литературную въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, провинціальныхъ и столичныхъ. Но главными его историческими трудами были: «Достопамятности Смоленска», «Смоленская стѣна», «Ожерелье Руси», «Историческій очеркъ Смоленска», «Историческое описаніе Смоленской Божіей Матери Одигитріи, находящейся въ надворотной церкви смоленской крѣпостной стѣны», «Борисоглѣбскій монастырь на Смядыни», «Старый Смоленскій соборъ въ Уфѣ», «Священникъ Мурзакевичъ, обвиняемый

въ измѣнѣ въ 1812 году», «Смоленскъ въ исторіи дома Романовыхъ», «Смоленскій походъ царя Алексѣя Михайловича въ 1654 году», «Дневникъ осады гор. Бѣлаго королемъ Владиславомъ» (переводъ съ польскаго), «Краткій каталогъ смоленскаго городского историко-археологическаго музея» и мн. др.

Въ то же время Ив. Ив. Орловскій былъ не чуждъ и поэтическаго дара; помимо нѣсколькихъ стихотворныхъ произведеній, онъ написалъ рядъ живыхъ разсказовъ: «На скромномъ посту», «Пасхальные огни», «Анаѳема» и «Авдотки» (послѣдній напечатанъ въ приложеніи къ біографическому очерку).

Съ открытіемъ въ 1908 г. въ Смоленскѣ ученой архивной комиссіи, покойный былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ ея дѣятелемъ, унесшимъ, несомнѣнно, съ собою въ могилу и дальнѣйшее развитіе этого новорожденнаго историко-археологическаго общества на немалое число лѣтъ.

Высоко цѣня, съ своей стороны, учено-литературную дѣятельность такого рѣдкаго и симпатичнаго провинціальнаго дѣятеля, какимъ былъ Ив. Ив. Орловскій, мы только можемъ пожелать скорѣйшаго осуществленія тѣхъ задачъ, которыя имѣлъ въ виду составитель «Біографическаго очерка», А. В. Жиркевичъ, и поблагодарить его за столь сердечную и полезную работу.

В. Рудаковъ.

Животная книга духоборцевъ. Записалъ и собралъ Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. С.-Петербургъ. 1909. Стр. XVI + 327. Ц. 2 р.

Г. Бончъ-Бруевичъ ознакомился съ духоборческимъ ученіемъ въ 1899 году, когда онъ въ качествѣ довѣреннаго лица отъ квакерскаго «Комитета Друзей» сопровождалъ партію закавказскихъ духоборцевъ-постниковъ въ Канаду. Онъ провелъ среди сектантовъ нѣсколько мѣсяцевъ, записывая въ разныхъ пунктахъ ихъ псалмы и молитвы. Духоборцы передаютъ свое ученіе другъ другу простымъ заучиваніемъ псалмовъ и молитвъ, а также при помощи бесѣдъ «старичковъ» съ молодежью. Каждая мать-духоборка, какъ только ребенокъ начнетъ говорить, старается научить его одному изъ дѣтскихъ псаломчиковъ (нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ катехизическую форму), въ родѣ слѣдующаго: «Вопросъ: Что ты—соль земли или соръ земли? Отвѣтъ: Я—соль земли; я Божьимъ словомъ просоленъ, а именемъ прославленъ. Богу нашему слава!»

Съ захватывающимъ интересомъ читается въ книгѣ Бончъ-Бруевича изложеніе міросозерцанія духоборцевъ. Въ сжатыхъ чертахъ оно заключается въ слѣдующемъ. Человѣкъ «есть чудное, дивное твореніе Божіе». Богъ—творящее начало всего сущаго, начало безначальное, безконечное. «Богъ нашъ,—говорятъ духоборцы,—самъ въ себѣ, въ единомъ существѣ», т.-е. въ человѣкѣ. «Бога Богомъ назвало въ началѣ слово», т.-е. человѣкъ. Богъ, по ученію духоборцевъ, тріипостасенъ. Въ человѣкѣ эта тріипостасность проявляется тремя началами: «Отецъ Богъ—память; Сынъ Богъ—разумъ; Духъ Богъ—воля. Богъ Троица—единъ». Душа, жилище Бога въ человѣкѣ есть разумъ; такъ какъ разумъ есть Сынъ Богъ, то и человѣкъ, вмѣщающій разумъ,—сынъ Божій, онъ божественъ, онъ человѣкобогъ. Со смертью человѣка исчезаетъ только его тѣлесная оболочка; душа же вѣчна въ своемъ бытіи, преемственна и наслѣдственна въ человѣчествѣ,

переходя отъ одного лица къ другому и пребывая со всей силой въ «истинныхъ людяхъ». Такими людьми духоборцы считаютъ своихъ руководителей. Громадное большинство духоборцевъ имѣетъ смутное понятіе объ евангельскомъ Христѣ. По ихъ мнѣнію, каждый человѣкъ можетъ приближаться ко Христу, человѣку, когда-то жившему и познавшему «всю премудрость предковъ». Церкви, какъ общества христіанъ, связаннаго таинствами и іерархіею, духоборцы не признаютъ. «Наша церковь»,—говорятъ они,—«построена въ душахъ и сердцахъ. Церква ваша—синодъ, а попы—волхвы». Храмы и молитвенные дома признаются духоборцами излишними. Взгляды духоборцевъ на бракъ и женщину проникнуты высокимъ идеализмомъ. Только тотъ бракъ истиненъ и законенъ, который основанъ на взаимной любви. Разъ любовь исчезла, то прекращается и бракъ; разводъ у духоборцевъ совершенно свободенъ, и при немъ бывшіе супруги полюбовно дѣлятъ дѣтей между собою. Каждая женщина, по ученію духоборцевъ, есть богородица, такъ какъ каждый человѣкъ—человѣкобогъ. Съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ акту рожденія, относятся они и къ смерти; глубокой задушевностью проникнуты ихъ погребальные псалмы.

Послѣдовательное примѣненіе ученія духоборцевъ, по мнѣнію автора, ведетъ къ систематическому неподчиненію всѣмъ установленіямъ современныхъ государствъ. Они отказываются отъ военной службы, отъ подчиненія властямъ, платежа податей, исполненія повинностей; они проводятъ въ своей жизни общинное устройство, коммунизмъ производства и потребленія.

Ученіе духоборцевъ, заключающееся въ «Животной Книгѣ», ими самими никогда не записывалось. Рукопись записанной г. Бончъ-Бруевичемъ съ ихъ словъ «Животной Книги» находится въ настоящее время въ рукописномъ отдѣленіи академіи наукъ. «Животная Книга» раздѣляется на слѣдующія части: I. Вопросы и отвѣты. II. Псалмы: догматическіе, о загробной жизни и будущемъ мірѣ, обличительные, поучительные, просительные и т. д. III. Сны Пресвятой Богородицы, и IV. Сказанія, наставленія, праздники, поминовенія и прочее. Книга снабжена авторомъ нѣсколькими указателями, облегчающими пользованіе ею.

В. Троцкій.

Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1910. Стр. 38. Цѣна 50 к.

Пушкинъ приковывалъ наше вниманіе, главнымъ образомъ, какъ поэтъ, журнальная же дѣятельность его привлекала меньше вниманія, а между тѣмъ Пушкину, какъ журналисту, нужно отвести довольно почетное мѣсто въ исторіи русской журналистики, въ его критическихъ статьяхъ также много таланта и силы. До сихъ поръ даже не приведены въ извѣстность всѣ критическія статьи Пушкина, этотъ отдѣлъ въ лучшихъ изданіяхъ его сочиненій не можетъ быть признанъ полнымъ. Анненковъ помѣстилъ въ своемъ изданіи 16 статей Пушкина изъ «Литературной Газеты». Эти 16 статей перешли изъ изданія Анненкова во всѣ послѣдующія безъ всякихъ добавленій. Между тѣмъ такое компетентное лицо, какъ Анненковъ, не считалъ свое изданіе въ этомъ отношеніи полнымъ, замѣчая, что «много отдѣльныхъ замѣтокъ, мѣт-

кихъ, исполненныхъ остроумія, было помѣщено на листкахъ газеты, но мы не можемъ указать ихъ читателямъ. Онѣ не были имъ подписаны и не сохранились, къ сожалѣнію, въ рукописяхъ поэта». Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ говоритъ: «А. С. Пушкинъ весьма много писалъ для газеты, издававшейся однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей, но большая часть статей этихъ не сохранилась въ черновыхъ бумагахъ и, такимъ образомъ, не можетъ быть признана за нимъ съ достовѣрностью, хотя въ нѣкоторыхъ, преимущественно мелкихъ критическихъ замѣткахъ, рука его чувствуется довольно ясно». То же самое говоритъ и В. П. Гаевскій, у котораго были бумаги Дельвига. Свидѣтельства Анненкова и Гаевскаго до сихъ поръ игнорировались пушкинистами. Только теперь извѣстному изслѣдователю Пушкина Н. О. Лернеру пришла на умъ прекрасная мысль просмотрѣть «Литературную Газету» и попытаться, какъ на основаніи анализа стиля и мыслей статей, такъ и на основаніи всѣхъ историко-литературныхъ данныхъ, вскрыть пушкинскія статьи. Для успѣшнаго выполненія этой работы нужно обладать обширной эрудиціей въ области Пушкиніаны, такъ какъ какое-нибудь мимолетное замѣчаніе въ какомъ-нибудь письмѣ къ Пушкину или Пушкина можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ опредѣленіи автора статьи. Только обширныя знанія въ области Пушкиніаны Н. О. Лернера дали ему возможность съ успѣхомъ выполнить эту трудную работу. Имъ привлеченъ обширный историко-литературный матеріалъ, въ которомъ отыскано все, что только говоритъ за принадлежность данной статьи Пушкину. Прекрасное знаніе сочиненій Пушкина позволило Н. О. Лернеру примѣнить способъ опредѣленія принадлежности статей Пушкину по аналогіи мыслей и выраженій.

Н. О. Лернеръ съ той или другой степенью достовѣрности находитъ возможнымъ считать принадлежащими Пушкину семь статей. Доказательства, приводимыя Н. О. Лернеромъ въ пользу своего предположенія о принадлежности данной статьи Пушкину, обладаютъ разной степенью убѣдительности: одни изъ нихъ дѣйствительно не вызываютъ возраженій, другія же недостаточно убѣдительны. Всего лучше удалось Н. О. Лернеру доказать принадлежность Пушкину двухъ статей о князѣ Вяземскомъ (1830 г., № 1) и о С.-Бевѣ (1831 г., № 32), принадлежность же Пушкину другихъ, указанныхъ Н. О. Лернеромъ, статей не настолько очевидна, какъ это кажется изслѣдователю, здѣсь мы всецѣло въ области предположеній, хотя и болѣе или менѣе вѣроятныхъ.

Разысканіе Н. О. Лернера, несомнѣнно, является цѣннымъ, обогащая литературное наслѣдство Пушкина. Произвести эту работу могъ только человѣкъ съ большой эрудиціей въ Пушкиніанѣ и прекрасно знающій каждую строчку Пушкина. **А. Фоминъ.**

С. А. Золотаревъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1909. Стр. IV + 175. Ц. 60 коп.

Ихъ четыре: «Пушкинъ и русское общество», «Гоголевская Русь», «И. С. Тургеневъ въ его жизни и творчествѣ» и «Философія Л. Толстого въ его художественныхъ произведеніяхъ». По взглядамъ своимъ авторъ—общественникъ-«прогрессистъ» и смотритъ на литературу съ общественной точки зрѣнія. Мысли, выска-

зываемыя имъ, и не глубоки, и не новы, но по большей части вѣрны. Наиболѣе удались ему статьи о Гоголѣ, Тургеневѣ и Толстомъ, наименѣе—первая, о Пушкинѣ. Собственно отношенія общества и власти къ поэту изображены г. Золотаревымъ правильно, но что касается образа самого поэта, то авторъ рисуетъ обманчиво-розовыми красками какого-то прекраснодушнаго либерала Александровскаго царствованія, а не настоящаго Пушкина. Г. Золотареву все хочется обѣлить, «оправдать» Пушкина, и онъ забываетъ, что насъ должны занимать не обвиненія или оправданія, въ которыхъ великій человѣкъ не нуждается, а правда, которая нужна намъ для пониманія поэта и его эпохи. Такъ, несмотря на всю злобность отзывовъ Пушкина о Радищевѣ, авторъ повторяетъ старый, наивный вздоръ, что будто Пушкинъ хотѣлъ «подъ видомъ рецензіи» пропагандировать идеи Радищева; между тѣмъ при болѣе внимательномъ знакомствѣ съ физіономіей Пушкина, какъ публициста и политическаго мыслителя, авторъ не могъ бы не замѣтить, что оскорбительная для памяти Радищева статья Пушкина органически вышла изъ вполнѣ опредѣленнаго міросозерцанія поэта. Болѣе близкое знакомство съ пушкинской литературой остановило бы автора на самомъ порогѣ безоглядnаго довѣрія извѣстнымъ запискамъ Смирновой; онъ тогда не характеризовалъ бы кишиневское общество временъ Пушкина несправедливыми словами: «представители нѣсколькихъ европейскихъ и азіатскихъ національностей, покрытые захолустной плѣсенью, составляли невообразимый букетъ разнообразныхъ продуктовъ общественнаго разоренія». Отсылая автора вообще къ исторіи и въ частности къ спеціальной литературѣ о Пушкинѣ, напомнимъ, что въ окружавшемъ Пушкина букетѣ были В. Ѳ. Раевскій, К. А. Охотниковъ, А. Ѳ. Вельтманъ, М. Ѳ. Орловъ, П. С. Пущинъ, И. Н. Инзовъ, что Бессарабія была однимъ изъ очаговъ политической борьбы на югѣ Европы и Пушкинъ встрѣчался тамъ съ крупными политическими дѣятелями, что въ Кишиневъ наѣзжали Раевскіе. Къ менѣе значительнымъ, но тоже характернымъ частностямъ нужно отнести «нѣмецкаго» посланника въ 1837 г., когда еще не было объединенной Германіи. Л.

Письма Владимира Сергѣевича Соловьева подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. II. Спб. 1909. Стр. VIII+367. Ц. 2 р.

Письма являются чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ какъ при изученіи біографіи и міросозерцанія писателя, такъ и при изученіи эпохи, умственныхъ настроеній общества. Каждое литературное произведеніе—продуктъ долгой работы мысли, обдумыванія, письма же—непосредственны, въ нихъ выливается личность писателя во всей многогранности, въ письмахъ къ друзьямъ высказываются мысли сокровенныя, обнаруживаются чувства интимныя. И для изученія эпохи письма очень важны: въ нихъ мы знакомимся съ психологіей времени, встрѣчаемъ факты, цѣнные для историка эпохи, которые могли бы быть не зафиксированы другимъ путемъ. Въ настоящее время значеніе писемъ прекрасно оцѣнено, на изданіе ихъ удѣляется много любви и вниманія. Письма Пушкина, Жуковскаго, Чехова, Эртеля появляются одни за другими. Эти письма дали очень много цѣннаго и интереснаго какъ для изученія личности, біогра-

фіи и міросозерцанія писателей, такъ и для изученія эпохъ. То же самое можно сказать и про письма Владимира Соловьева. Появленію ихъ мы обязаны другу философа, Э. Л. Радлову, который прекрасно почтилъ память друга, издавъ его письма, эти вѣчные памятники его душевной красоты, съ большой любовью отнесясь къ поставленной задачѣ, приложивъ много стараній, чтобы собрать какъ можно больше писемъ. И труды редактора увѣнчались успѣхомъ, ему удалось собрать множество писемъ. Въ прошломъ году вышелъ первый томъ писемъ (отзывъ см. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1909 г., кн. I.), теперь передъ нами уже второй. Въ общей сложности получается чрезвычайно цѣнный и интересный матеріалъ. Читаемъ письма и какъ живой возстаетъ обликъ этого поразительно своеобразнаго человѣка, оригинальнаго философа-христіанина, глубоко страдающаго отъ зла жизни и въ то же время исполненнаго пантеизмомъ ребенка, человѣка, который, несомнѣнно, былъ однимъ изъ замѣчательныхъ и оригинальныхъ русскихъ людей. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что едва ли что-либо, пожалуй, кромѣ воспоминаній друзей, могло бы дать такое яркое представленіе о личности Владимира Соловьева, какъ его письма. Редактора при появленіи перваго тома обвинили, что онъ даетъ всѣ безъ исключенія письма Владимира Соловьева, какъ бы незначительны они ни были. Это обвиненіе болѣе чѣмъ странно, и нужно привѣтствовать, что Э. Л. Радловъ остался твердъ въ ранѣе намѣченномъ планѣ и во второмъ томѣ далъ опять-таки все изъ писемъ Владимира Соловьева, какъ бы незначительны они ни казались, потому что каждая записка имѣетъ несомнѣнное біографическое значеніе.

Въ письмахъ Владимира Соловьева заключено много цѣннаго не только для его біографіи, но и для характеристики его личности и философскаго міросозерцанія, особенно отмѣтимъ отзывы его о Шопенгауерѣ и цѣломъ рядѣ философовъ, о спиритизмѣ, о религіи, католицизмѣ. Но особенно цѣнно для характеристики Владимира Соловьева отношеніе его къ евреямъ и еврейскому вопросу: тутъ особенно ярко обнаруживается истинно-христіанская личность философа, его глубокій гуманизмъ. Этому вопросу отведено такъ много мѣста въ письмахъ Владимира Соловьева, что, говоря о нихъ, нельзя обойти и отношенія его къ этому вопросу. Трудно очертить тѣ чувства глубокой симпатіи и любви, которыя питалъ Владиміръ Соловьевъ къ евреямъ, нужно прочитать его письма къ Ф. Б. Гецу. Это вытекало не изъ какихъ-либо соціально-политическихъ идей, а исключительно изъ христіанскаго чувства любви, изъ этическихъ началъ. Владиміръ Соловьевъ считаетъ, что онъ, какъ христіанинъ, обязанъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, всѣми силами работать для облегченія положенія евреевъ въ Россіи. И по письмамъ видна активная работа Владимира Соловьева въ этомъ отношеніи.

Чрезвычайно цѣненъ для обрисовки личности Владимира Соловьева тотъ живой юморъ, который такъ ярко выступаетъ въ его письмахъ; философъ многимъ рисуется мрачнымъ аскетомъ—въ письмахъ же какъ и бьетъ ключомъ жизнь, юморъ. И это было соединено съ приступами душевной боли, съ страданіями отъ зла жизни, отъ ея гнетущихъ противорѣчій и разлада.

Если письма цѣнны для обрисовки личности и міросозерцанія Владимира Соловьева, то они не безцѣнны и какъ вообще историческій документъ, важный

для характеристики той эпохи, въ которую жилъ философъ. Въ этомъ смыслѣ особенно цѣнны указанія его на страшный гнетъ надъ нимъ цензуры, что причиняло много огорченій и боли Владимиру Соловьеву. Какъ характерна для эпохи боязнь со стороны правящихъ сферъ философско-религіозной мысли, хотя и покоющейся на чисто-христіанскихъ началахъ. Критика Соловьевымъ русской жизни съ чисто христіанской точки зрѣнія особенно казалась опасной для правящихъ сферъ, опаснѣе бомбъ и соціализма, и мирный философъ-христіанинъ, далекій отъ всякихъ революціонныхъ замысловъ, былъ записанъ въ списокъ самыхъ опасныхъ революціонеровъ. **А. Фоминъ.**

Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова подъ ред. А. Г. Горнфельда. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Т. I. Стр. XLIV + 403 Ц. 1 руб. Т. II. Стр. 447. Ц. 1 р. Спб. 1909.

Исполнившееся 30 апрѣля 1909 года пятидесятилѣтіе со дня смерти С. Т. Аксакова вызвало появленіе цѣлаго ряда изданій его сочиненій—Поповой, Сытина, «Всходовъ» и др. Всѣ эти изданія, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, школу, даютъ лишь наиболѣе цѣнное изъ богатѣйшаго аксаковскаго литературнаго наслѣдства. Настоящее изданіе товарищества «Просвѣщенія» является единственнымъ почти полнымъ изданіемъ изъ всѣхъ изданій сочиненій Аксакова, вышедшимъ послѣ его юбилея: сюда не войдетъ очень немногое—самыя раннія поэтическія произведенія и критическія статьи, а также нѣкоторыя мелкія работы. Редактируетъ изданіе извѣстный критикъ А. Г. Горнфельдъ, состоять оно будетъ изъ 6 томовъ, снабжено большой біографіей Аксакова, историко-литературными статьями и примѣчаніями редактора. Пока вышло два тома, въ которыхъ помѣщены: обзоръ жизни и литературной дѣятельности Аксакова, «Семейная хроника», «Дѣтскіе годы Багрова-внука», двѣ историко-литературныя статьи редактора объ этихъ двухъ сочиненіяхъ, «Воспоминанія» Аксакова и редакторскія примѣчанія. Изданы книги роскошно, снабжены прекрасными иллюстраціями. Цѣну въ одинъ рубль за убористый, прекрасно изданный томъ нужно признать весьма низкой.

По первымъ двумъ вышедшимъ пока томамъ уже можно судить о качествахъ изданія, несомнѣнно, оно—наиболѣе лучшее изъ всѣхъ изданій сочиненій Аксакова, вышедшихъ послѣ юбилея; редакторъ внимательно отнесся къ своей задачѣ, приложенныя къ изданію историко-литературныя статьи его обнаруживаютъ знаніе предмета и читаются съ интересомъ.

Изданію можно развѣ только поставить въ упрекъ, что оно не абсолютно полное, полнота удорожила бы изданіе не на много, но сдѣлала бы его цѣннѣе: оно сослужило бы службу не только широкимъ слоямъ публики, но и лицамъ, изучающимъ исторію литературы вообще, а въ частности Аксакова, для которыхъ цѣнна всякая строчка писателя. **Ал. Ф.**

Бѣльскій, С. Книга о русской жизни. Спб. 1909. Стр. 160. Цѣна 1 руб.

Хотя трудъ г. Бѣльскаго и носитъ названіе—«Книга о русской жизни», но оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Дѣло въ томъ, что въ ней на ряду съ описаніемъ дѣйствительныхъ случаевъ изъ русской жизни за 1905—1907 г. г. попадаются и карикатуры. Такъ, къ числу карикатуръ относится, напр., первый разсказъ подъ заглавіемъ: «Молчить».

Въ этомъ небольшомъ разсказѣ, занимающемъ 8 неполныхъ страницъ, говорится о томъ, какъ въ станѣ нѣкоего станового пристава Корытина случилось необычайное происшествіе, заставившее даже Корытина смутиться. Происшествіе же заключалось въ томъ, что въ деревнѣ Заметаевкѣ нѣкій крестьянинъ Елизаровъ наложилъ на себя обѣтъ молчанія до страшнаго суда, на которомъ онъ, по словамъ урядника, рѣшилъ «обличить неправду и противозаконіе». Самъ же по себѣ случай этотъ оказался необычайнымъ, небывалымъ въ двадцатилѣтней практикѣ Корытина, потому что въ теченіе всей его многополезной и долголѣтней службы ему приходилось лишь кричать: «молчать», «не разговаривать передъ начальствомъ»; словомъ, Корытинъ привыкъ, впиталъ въ плоть и кровь мысль, что въ его станѣ люди должны были молчать «только тогда, когда прикажетъ онъ, Корытинъ, а Елизаровъ замолчалъ *самовольно*». Корытинъ рѣшилъ навести порядокъ, т. е. заставить Елизарова говорить, и съ этою цѣлью отправился въ Заметаевку въ сопровожденіи отца Иринарха, такъ какъ дѣло касалось отчасти и страшнаго суда. Но Елизаровъ, несмотря ни на увѣщеванія отца Иринарха, на на угрозы Корытина, не заговорилъ. Взбѣшенный непочтеніемъ Корытинъ написалъ рапортъ исправнику, гдѣ все, конечно, изобразилъ въ превратномъ видѣ. Результатомъ было то, что пріѣхалъ въ Заметаевку самъ исправникъ «усмирять бунтъ». Но бунта никакого не было. Елизарова же говорить не могъ заставить и самъ исправникъ.

Разсказъ этотъ, полный комическихъ сценокъ, очень интересенъ,—но все же онъ карикатура. Къ числу такихъ карикатуръ относится и другой разсказъ: «$2 \times 2 = 5$», въ которомъ въ комическомъ видѣ изображается, какъ въ городѣ Сонномъ образовалась «политическая партія», девизомъ которой было $2 \times 2 = 5$, а не 4—только потому, что начальство хотѣло заставить обывателей города вѣрить въ истину, что $2 \times 2 = 4$, а не 5.

Но, высмѣивая «исполнителей велѣнія закона», въ родѣ пристава Корытина, авторъ, однако, и не на сторонѣ тѣхъ, которые «дѣлали революцію». Это видно, напр., изъ разсказа «Созидатели», гдѣ въ смѣшномъ видѣ выставленъ адвокатъ Плутарховъ, человѣкъ, способный «говорить сколько угодно, когда угодно и о чемъ угодно», беллетристъ Корневъ, словакъ Кардовичъ и «господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, неопредѣленнаго общественнаго положенія» Павелъ Семеновичъ.

Такое отношеніе автора къ разнымъ «героямъ» событій 1905—1906 г., которое можно назвать почти объективнымъ, очень способствуетъ тому, что его книга читается съ большимъ интересомъ, который не ослабѣваетъ до самаго конца книги.

Всего въ «Книгѣ о русской жизни» 23 разсказика; не касаясь содержанія, укажемъ ихъ заглавія: 1) «Молчитъ», 2) «На забастовавшей станціи», 3) «Лицомъ къ лицу», 4) «Созидатели», 5) «2×2=5», 6) «Родная картинка», 7) «Подъ шумъ рѣчей», 8) «День прощенія», 9) «Птицы перелетныя», 10) «Ангель», 11) «Съ натуры», 12) «Крамольникъ», 13) «Читатель о писателяхъ», 14) «Острожный кризисъ», 15) «Сказка о зайцѣ», 16) «Ночлегъ», 17) «Обличитель», 18) «Мертвая зыбь», 19) «Прибой», 20) «Между Сцилой и Харибдой», 21) «Откровенныя рѣчи», 22) «Земля», 23) «Искусство побѣждать». **Я. Бирюковъ.**

Кузнецовъ, В. Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Т. I. Кокчетавскій уѣздъ. Повторное изслѣдованіе 1907 г. Изд. переселенческаго управленія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Спб. 1909. Стр. 596 (Цѣна не обозначена).

Передъ нами первые печатные результаты обширной работы по вторичному изслѣдованію киргизскаго хозяйства въ Акмолинской области. Работа эта производится по иниціативѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія однимъ изъ знатаковъ земской статистики В. К. Кузнецовымъ, организовавшимъ для этой цѣли особую статистическую экспедицію. Мѣстныя изслѣдованія экспедиціею въ настоящее время уже закончены; всѣ пять уѣздовъ области на мѣстахъ описаны, и теперь заканчивается разработка собраннаго матеріала. По одному изъ уѣздовъ выпущенъ уже и печатный сборникъ матеріаловъ, составляющій предметъ настоящей рецензіи.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей—текста (196 страницъ) и табличныхъ приложеній (400 страницъ). Весь текстъ составленъ г. Кузнецовымъ, которому принадлежитъ и редакція всего изданія. Въ концѣ сборника приложена карта Кокчетавскаго уѣзда съ обозначеніемъ площадей киргизскаго землепользованія, переселенческихъ участковъ, казенныхъ лѣсныхъ дачъ и казачьихъ земель, составленная по даннымъ къ 1 января 1908 года, весьма подробная и выполненная восемью красками.

Изъ предисловія автора видно, что «вторичное изслѣдованіе киргизскаго хозяйства въ Акмолинской области предпринято съ цѣлью пересмотра нормъ киргизскаго землепользованія», установленныхъ по даннымъ перваго изслѣдованія 1896—1901 гг., произведеннаго экспедиціей подъ руководствомъ статистика Щербины. Нормы эти «были разсчитаны исключительно на поддержаніе и развитіе кочевого скотоводства и потому опредѣлены въ очень широкихъ размѣрахъ, доходящихъ до 400 и болѣе десятинъ на среднее киргизское хозяйство». Съ теченіемъ времени, однако, условія киргизскаго хозяйства измѣнились, и выработанныя для него нормы устарѣли. Главныя измѣненія произошли подъ вліяніемъ переселенія въ сибирскія степи массы народа изъ внутреннихъ губерній Россіи. Когда-то свободныя киргизскія степи постепенно заселялись и въ послѣднее время представляютъ пеструю картину казачьихъ и крестьянскихъ поселковъ въ перемежку съ отошедшими въ казну лѣсными дачами, среди которыхъ разсыпано рѣдкое киргизское населеніе. Кочевое хозяйство въ силу этихъ условій оказалось стѣсненнымъ, а мѣстами и совсѣмъ невозможнымъ

по трудности прогона скота между поселками на дальнія кочевки. Масса населенія постепенно стала отпадать отъ чисто кочевого быта и переходить къ новымъ формамъ хозяйства—полукочевой и осѣдлой, причемъ среди нея начало развиваться земледѣліе, усилилось сѣнокошеніе, расширились промыслы и разные заработки. Всѣ эти измѣненія сопровождались сокращеніемъ потребности киргизовъ въ необходимыхъ прежде пастбищахъ и образованіемъ излишнихъ земель, «не использованныхъ населеніемъ и лишь отчасти эксплоатируемыхъ горстью богатыхъ и вліятельныхъ хозяевъ для насажденія промышленнаго скотоводства и въ формѣ сдачи въ аренду крестьянамъ-переселенцамъ и казакамъ». Изъять эти излишки изъ пользованія киргизовъ и употребить ихъ для образованія переселенческихъ участковъ, однако, при существованіи вышеозначенныхъ нормъ, оказывалось невозможнымъ. Это обстоятельство и побудило вѣдомство земледѣлія произвести повторное изслѣдованіе, при которомъ нормы киргизскаго землепользованія могутъ быть приведены въ большее соотвѣтствіе съ совершенными потребностями населенія и положеніемъ и условіями его хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду «выяснить вопросъ о своевременности окончательнаго киргизскаго землеустройства». Дѣло въ томъ, что до сего времени киргизы пользуются государственными землями по временнымъ нормамъ, постоянныхъ же надѣловъ еще не получили. Зависѣло это, конечно, отъ характера ихъ хозяйства, бывшаго въ свое время исключительно кочевымъ, а также и отъ слабаго до послѣдняго десятилѣтія притока въ степь русскихъ переселенцевъ. Теперь, когда хозяйство киргизовъ сильно измѣнилось, а волна переселенія поднялась до небывалой высоты, вопросъ о переводѣ киргизовъ съ временныхъ нормъ на постоянные надѣлы, естественно, выдвигается на первую очередь.

Такимъ образомъ, экспедиціи г. Кузнецова предстояло выполнить двойную задачу: выработать новыя нормы киргизскаго землепользованія съ опредѣленіемъ излишковъ земель для переселенческихъ цѣлей и дать матеріалъ для рѣшенія вопроса о своевременности и возможности окончательнаго землеустройства киргизскаго населенія.

Разсматриваемый трудъ по Кокчетавскому уѣзду доказываетъ, что экспедиція прекрасно выполнила обѣ эти задачи, по крайней мѣрѣ, поскольку это относится къ названному уѣзду. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что такой результатъ, несомнѣнно, получился благодаря правильной постановкѣ г. Кузнецовымъ всего дѣла изслѣдованія на началахъ, выработанныхъ земской статистикой, при которыхъ члены экспедиціи (гг. Дзюба, Измайловъ, Никольскій, Бурыгинъ, Быковъ, Дубенецкій, Старчевскій, Караваевъ, Щепниковъ и др., поименованные въ предисловіи), не исключая даже переводчиковъ киргизскаго языка, во главѣ съ самимъ завѣдующимъ работами г. Кузнецовымъ, составляли одну дружную артель, объединенную единствомъ взглядовъ и стремленій, близко ставшую къ населенію и успѣвшую расположить его къ себѣ. Обнаруженное массой населенія довѣрчивое и сознательное отношеніе къ членамъ экспедиціи и производимой ими работѣ, по свидѣтельству г. Кузнецова, гарантировало вѣрность и точность собраннаго матеріала, а стройная организація силъ при разработкѣ матеріала дала возможность представить его въ массѣ

таблицѣ, охватывающихъ всѣ стороны хозяйства во всѣхъ его существенныхъ частяхъ.

Въ краткой журнальной рецензіи нѣтъ возможности коснуться всѣхъ вопросовъ, положеній и сторонъ дѣла, которые, благодаря обилію табличнаго матеріала, подробно разработаны г. Кузневовымъ въ текстовой части изданія. Укажемъ поэтому только на главные результаты, отсылая интересующихся подробностями къ самому изданію, которое вполнѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго и широкаго вниманія.

Первая и главная задача экспедиціи выполнена путемъ всесторонняго изученія киргизскаго хозяйства. Послѣднее оказалось разнотипнымъ и потому раздѣлено на двѣ части, къ одной изъ которыхъ отнесены хозяйства потребительнаго характера, къ другой—характера промышленнаго. Нормальный размѣръ первыхъ опредѣленъ въ 15 единицъ скота (лошадей), а средній дѣйствительный размѣръ послѣднихъ опредѣлился въ 32 единицы. На содержаніе этого количества скота опредѣлено, въ зависимости отъ качества земель въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда, въ первомъ случаѣ отъ 72 до 162 десятинъ, а во второмъ отъ 146 до 328 десятинъ. Нормы эти значительно ниже прежнихъ, установленныхъ по даннымъ экспедиціи 1896 года и составлявшихъ отъ 209 до 444 десятинъ на хозяйство. Съ другой стороны, по даннымъ экспедиціи г. Кузнецова, продуктивность земель оказалась, по мѣстностямъ, на 19—40% выше выведенной первою экспедиціей. Это повышеніе и послужило въ извѣстной степени къ пониженію земельныхъ нормъ. Другимъ основаніемъ для этого пониженія явилось уничтоженіе надбавокъ земли для развитія кочевого скотоводства, которыя были допущены при выработкѣ нормъ по даннымъ экспедиціи 1896 г. и для которыхъ въ настоящее времяя, по условіямъ и характеру эволюціи киргизскаго хозяйства, не находится никакихъ основаній. Въ результатѣ получился излишекъ земель въ количествѣ 1.774,409 десятинъ, могущихъ быть изъятыми изъ киргизскаго пользованія для надобностей переселенія.

Вторая задача экспедиціи выполнена попутно съ выполненіемъ первой. Изучая въ подробностяхъ хозяйство, г. Кузнецовъ опредѣлилъ, во-первыхъ, что 13.393 (85,8%) отдѣльныхъ хозяйствъ въ уѣздѣ уже и въ настоящее время способны къ переходу въ осѣдлое состояніе и, во-вторыхъ, что большая часть уѣзда, свыше двухъ милліоновъ десятинъ, «является достаточно созрѣвшею для окончательнаго и сплошного землеустройства въ ней киргизскаго населенія по осѣдлымъ, земледѣльческимъ нормамъ».

Таковы главные результаты работъ экспедиціи г. Кузнецова, имѣющіе, несомнѣнно, весьма важное значеніе для вѣдомства земледѣлія и землеустройства.

Но интересъ разсматриваемаго труда не исчерпывается этими результатами. Многое въ немъ имѣетъ историческое и болѣе широкое и общее экономическое значеніе. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить даже въ этой, по необходимости, краткой рецензіи нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ, фактовъ и положеній. «Самое раннее появленіе киргизовъ-кочевниковъ въ кокчетавскихъ степяхъ относится къ первой четверти XVII вѣка». Пришли они сюда изъ глубины Средней Азіи, гдѣ, по преданію, возлѣ Бухары кочевали со своими стадами. Занятіе здѣшнихъ степей происходило медленно и завершилось не

болѣе ста лѣтъ назадъ. «Киргизы пришли къ кокчетавскія степи не въ видѣ равноправнаго народа, а съ родовой и классовой организаціей своего быта. Были родовыя группы, жившія каждая по своимъ традиціямъ. Была политическая власть, въ видѣ султановъ и хановъ, подчинявшая себѣ всѣ роды. Въ родовыхъ группахъ патріархальное начало уживалось съ экономическимъ неравенствомъ; политическая власть обращала народъ въ рабское состояніе. Лучшія пастбища и сѣнокосы захватывались главарями родовъ въ ущербъ массѣ ихъ сородичей. Султаны и ханы вели свои хозяйства и расширяли ихъ предѣлы, пользуясь подневольнымъ трудомъ «тѳлѣнчутовъ»—класса вполнѣ отъ нихъ зависимыхъ, безправныхъ людей».

Эти историческія условія, по мнѣнію автора, являются кореннымъ источникомъ современной экономической дифференціаціи киргизскаго хозяйства, о которой въ трудѣ г. Кузнецова приводятся очень подробныя свѣдѣнія.

Изъ новѣйшихъ факторовъ соціально-экономическаго характера, повліявшихъ на эволюцію киргизскаго хозяйства, г. Кузнецовъ считаетъ главнымъ переселеніе, создавшее значительный мѣстный рынокъ для продуктовъ киргизскаго хозяйства и содѣйствовавшее поднятію экономическаго уровня населенія, болѣе равномѣрному распредѣленію благосостоянія среди него, переходу киргизовъ къ новымъ формамъ хозяйства и усвоенію ими культурныхъ потребностей и условій жизни.

Существенные результаты эволюціи въ киргизскомъ хозяйствѣ, совершившейся въ теченіе одиннадцати лѣтъ между первымъ и повторнымъ его изслѣдованіями, по изслѣдованію г. Кузнецова, заключаются въ слѣдующемъ.

Родовое начало среди киргизовъ ослабѣваетъ и родовая группировка распадается. Кочевой типъ хозяйства уступаетъ свое мѣсто полукочевому и осѣдлому. На ряду съ этимъ населеніе богатѣетъ, бѣдныхъ становится меньше, а средняго достатка и богатыхъ больше. Скотоводство сильно развилось, но дальнѣйшее его расширеніе, повидимому, невозможно по недостатку пастбищъ и сѣнокосовъ. Земледѣліе, напротивъ, на большей части уѣздной территоріи имѣетъ будущность и можетъ получить, при окончательномъ землеустройствѣ киргизовъ, широкое развитіе.

Интересный трудъ г. Кузнецова, имѣетъ, несомнѣнно, важное значеніе не только въ практическомъ, но и въ научномъ отношеніи. **Г. Л. И.**

В. Р. Канненбергъ. Военная географія. Курсъ военныхъ училищъ примѣнительно къ программѣ 1907 г. Общій обзоръ Россіи въ военно-географическомъ отношеніи. Пограничная полоса Россіи какъ театръ военныхъ дѣйствій. Спб. 1909. Съ приложеніями, картами и схемами. Цѣна 2 рубля.

Нельзя не подивиться, что преподаваніе военной географіи введено въ курсъ военныхъ училищъ лишь въ 1907 году; до этого же времени познанія большинства офицеровъ нашей арміи по этому предмету, столь необходимому для военнаго человѣка, ограничивались скудными свѣдѣніями по общей географіи, пріобрѣтенными въ среднихъ военныхъ или гражданскихъ школахъ (корпусахъ

и гимназіяхъ). Если принять во вниманіе обширность и разнообразіе нашей территоріи, огромное протяженіе границъ (14000 верстъ), соприкасающихся съ одиннадцатью государствами бѣлой и желтой расъ, а также громадное развитіе путей сообщенія и средствъ веденія войны какъ у насъ, такъ и за границей, то станетъ понятно, насколько великъ былъ пробѣлъ въ образованіи офицера, лишеннаго этихъ познаній.

Настоящее изданіе составлено по программѣ 1907 года для военныхъ училищъ и является результатомъ двухлѣтняго преподаванія въ Пажескомъ корпусѣ. Курсъ распадается на два отдѣла: 1) общій обзоръ Россіи въ военно-географическомъ отношеніи и 2) обзоръ пограничной полосы, какъ театра военныхъ дѣйствій. Основнымъ принципомъ при составленіи курса было желаніе пополнить и освѣжить свѣдѣнія изъ общей географіи, освѣтивъ ихъ, подъ новымъ угломъ зрѣнія, въ военномъ отношеніи, нарисовавъ лишь вкратцѣ картину силъ, средствъ и обороноспособности нашего отечества, дать толчокъ будущимъ офицерамъ къ самостоятельной, болѣе широкой оцѣнкѣ военно-географическихъ данныхъ. Надо замѣтить, что задача, выпавшая на долю автора, была не изъ легкихъ: предстояло выбрать изъ громаднаго чисто-географическаго и военнаго матеріала наиболѣе важныя данныя, сгруппировать ихъ такъ, чтобы, не загромождая памяти обучающихся, дать характеристику разнообразнымъ вѣроятнымъ театрамъ войны, не ограничиваясь данными отечества, но приводя и тѣ, которыя касаются нашихъ сосѣдей. Словомъ, большой академическій курсъ надлежало вмѣстить въ ограниченныя рамки руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе данныхъ, добросовѣстно собранныхъ въ руководствѣ г. Канненберга, замѣтимъ, что популярное изданіе это весьма полезно не только для военныхъ школъ и библіотекъ, но и для гражданскихъ, ибо ознакомленіе съ силами и средствами своей страны и съ ея обороноспособностью обязательно для каждаго гражданина. Изданіе снабжено картами пограничнаго пространства, а также приложеніями, вмѣщающими въ себѣ необходимыя цифровыя и другія данныя. Л. Н.

Н. Н. Голубевъ. Международныя административныя комиссіи XIX вѣка. Очерки теоріи и практики. Ярославль. 1909. Стр. 730. Ц. 4 р.

Г. Голубевъ задался симпатичной и благодарной цѣлью собрать и систематизировать богатый матеріалъ, касающійся организаціи и дѣятельности международныхъ административныхъ комиссій. Разумѣется, собранный матеріалъ оказался по преимуществу историческимъ.

Въ основныхъ чертахъ содержаніе книги сводится къ слѣдующему. Международныя комиссіи должны быть раздѣлены на двѣ большія группы: находящіяся на территоріи восточныхъ малокультурныхъ и на территоріи цивилизованныхъ европейскихъ государствъ. Первыя, основанныя на вмѣшательствѣ постороннихъ державъ во внутреннія дѣла мѣстной и вызываемыя необходимостью международной охраны санитарныхъ, финансовыхъ и иныхъ интересовъ цивили-

зованныхъ государствъ, имѣютъ временный характеръ и осуждены на вымираніе. Степень продолжительности ихъ бытія зависитъ отъ длительности пребыванія восточной страны на степени малокультурной. Наоборотъ междуевропейскія комиссіи въ точномъ смыслѣ этого слова, почтовыя, желѣзнодорожныя и другія, обѣщаютъ въ дальнѣйшемъ постоянный ростъ и расширеніе отраслей дѣятельности. Въ качествѣ особенности названныхъ международныхъ органовъ авторъ отмѣчаетъ ихъ полную независимость отъ мѣстной власти въ отмежеванномъ имъ кругу, несмотря на внѣшнее признаніе ихъ мѣстными государственными учрежденіями.

Помимо обилія матеріаловъ, въ книгѣ г. Голубева разбросано немало цѣнныхъ замѣчаній теоретическаго характера, но при всемъ этомъ въ трудѣ почтеннаго ученаго имѣются и серьезные недостатки. Не говоря уже о частыхъ повтореніяхъ, безъ нужды увеличивающихъ объемъ книги, въ ней не выдержана система—на ряду съ комиссіями авторъ считаетъ нужнымъ касаться и единоличныхъ органовъ международнаго общенія; имѣется много не соглашенныхъ противорѣчій. Напримѣръ, съ одной стороны г. Голубевъ настаиваетъ на общеевропейскихъ интересахъ и солидарности въ дѣлѣ домогательства созданія тѣхъ или другихъ восточныхъ комиссій, а съ другой—самъ отмѣчаетъ стремленіе европейскихъ державъ пользоваться идей общаго интереса для политическаго вмѣшательства во внутреннія дѣла малокультурнаго государства и распространенія въ его предѣлахъ личнаго вліянія. На страницахъ XVI—XIX и XXVII введенія авторъ правильно замѣчаетъ, что, несмотря на самостоятельность комиссій, существованіе ихъ не умаляетъ суверенитета договаривающихся о томъ державъ, такъ какъ комиссіи представляются учрежденными по ихъ доброй волѣ; на страницѣ же 132 и 268 излагается ученіе о томъ, что суверенитетъ при заключеніи договоровъ объ образованіи комиссій ограничивается въ моментъ заключенія соглашенія и не долженъ быть очень стѣсняемъ. Имѣются прямыя неточности въ опредѣленіи частнаго и публичнаго права. Возбуждаетъ сомнѣніе требованіе автора, чтобы у международныхъ комиссій правотворящихъ было отнято право творчества въ области юридическихъ нормъ, какъ противорѣчащее идеѣ раздѣленія властей.

Существованіе указанныхъ недостатковъ, однако, не подрываетъ достоинствъ книги, въ которой, между прочимъ, авторъ собралъ много матеріала, появляющагося въ русской печати въ первый разъ. И для теоретика и для практика работа г. Голубева можетъ служить полезнымъ литературнымъ и историческимъ подспорьемъ.

В. Грибовскій.

Матеріали до історії української козаччини, видані під загальною редакціею Михайла Грушевського. Томъ I. Документи по рік 1631. Зібрав і видав Іван Крипякевич. Львовъ. 1908. Стр. XI + 407. Ціна 4 кронї.

Въ извѣстной серіи «Источниковъ для исторіи Украйны-Руси», начатой нѣсколько лѣтъ назадъ во Львовѣ («Жерела до історії України-Руси. Видае археографічна комісія наукового товариства імени Шевченка»), съ восьмого тома выходятъ «Матеріалы для исторіи украинскаго казачества». Первый томъ

содержитъ 233 цѣлыхъ документовъ и отрывковъ, касающихся казачества извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ львовскихъ и краковскихъ архивовъ и нѣкоторыхъ изданій.

Первый изъ актовъ относится къ 1531 году, послѣдній—къ 1631 году, и такимъ образомъ весь томъ обнимаетъ цѣлое столѣтіе. Большая часть актовъ не сохранилась въ оригиналахъ, и приходилось довольствоваться поздними копіями. Тексты воспроизведены согласно правописанію подлинниковъ, съ раскрытіемъ сокращеній и съ замѣной старой пунктуаціи современною намъ. Кромѣ того, не соблюдаются прописныя и строчныя буквы подлинниковъ. Такимъ образомъ, главныя археографическія требованія выдержаны. Наиболѣе старые акты—турецкаго происхожденія: все это жалобы турецкаго правительства на «своеволіе» пограничнаго населенія, на появленіе въ степяхъ пастуховъ, или на нападенія на Очаковъ, Бѣлгородъ (Аккерманъ), Тигинь (Бендеры) и земли молдавскія. Затѣмъ идетъ необыкновенно важный документъ, много разъ напечатанный и хорошо изслѣдованный,—извѣстная грамота Стефана Баторія 1582 года о вольностяхъ. За нею слѣдуютъ упоминанія о казакахъ на польскихъ сеймахъ, документы, иллюстрирующіе разные моменты борьбы литовской шляхты съ казаками, жалобы шляхты на «своеволія» казаковъ или турецкихъ властей, казацкіе походы на прибрежныя владѣнія, реляціи о выдающихся битвахъ (много документовъ касается Хотинской битвы 1621 года), сношенія польскаго правительства съ знаменитыми гетманами, проектъ обороны Украины, разныя требованія казацкихъ организацій и т. д. Все это—сырой матеріалъ, въ сравнительно полномъ видѣ обработанный однимъ голько профессоромъ М. С. Грушевскимъ въ послѣднихъ томахъ его «Исторіи Украины-Руси» и ожидающій изслѣдователей.

И если припомнимъ, что почти единственнымъ собраніемъ подобныхъ историческихъ матеріаловъ были до сихъ поръ «Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи», извлеченные главнымъ образомъ изъ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и архива министерства юстиціи въ Москвѣ, притомъ для сравнительно поздняго періода (1648—1678 гг.), кромѣ того, устарѣлыя собранія Бантыша-Каменскаго, Кулиша, Судіенко, Эварницкаго, польскихъ историковъ и др., то весь интересъ новой серіи не подлежитъ сомнѣнію. Для дальнѣйшихъ томовъ уже собранъ богатый матеріалъ въ русскихъ и заграничныхъ библіотекахъ разными лицами, командированными обществомъ имени Шевченка. Пока эти документы охватываютъ періодъ, кончая 1727 годомъ, и войдутъ въ слѣдующіе томы. Въ общемъ это будетъ грандіозное предпріятіе, и русская историческая наука воздастъ долгъ благодарности львовскому ученому обществу.

Въ видѣ введенія, И. Крипякевичъ помѣстилъ обширное изслѣдованіе «Казачество и Баторіевы вольности», явившееся результатомъ работъ автора въ университетской семинаріи профессора Грушевскаго (стр. 1—46). Въ концѣ тома приложены указатели.

А. Я.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

КАРѲАГЕНСКІЙ некрополь.—Дирекція тунисскаго попечительства древностей и искусствъ начала печатаніе замѣтокъ и документовъ, относящихся до сдѣланныхъ за послѣднее время раскопокъ, и въ появившейся серіи дается отчетъ, посвященный пуническому некрополю въ Ардъ-Эль-Кераибѣ. Между прочимъ г. Драпье приводитъ инвентарь обстановки, найденной въ ста восьми усыпальницахъ близъ Карѳагена, гдѣ съ 1906—1908 работали археологи этого общества въ долинѣ Борджъ-Діедидъ между уже извѣстными некрополями Дуимеса (VII и VI вѣка), Дермеша (V и IV вѣка), а съ другой стороны Сентъ-Моника (III, II вѣка), гдѣ покоятся мертвецы большого финикійскаго города. Директоръ же этихъ археологическихъ работъ Мерлэнъ на нѣсколькихъ страницахъ излагаетъ результаты работъ его агентовъ.

По словамъ археологовъ, каждая могила снабжена вырытымъ вертикально въ почвѣ на глубинѣ отъ 10 до 15 метровъ и расположеннымъ главною стороною съ сѣверо-востока на юго-западъ колодцемъ съ прямоугольнымъ входомъ. Рѣдко попадаются нѣсколько погребальныхъ покоевъ съ однимъ колодцемъ. Въ найденной усыпальницѣ еще господствуетъ примитивный ритуалъ погребенія. Покойники лежатъ въ пеленахъ ногами ко входу. Гробы деревянные, съ бронзовыми или желѣзными гвоздями считались относительно роскошными; признакомъ же исключительнаго богатства служили гробницы, высѣченныя изъ глыбъ туфа. Рядомъ со стариннымъ ритуаломъ сохраненія труповъ распространялся и новый, именно сожженія труповъ; въ этомъ случаѣ пепелъ сожженныхъ костей сохранялся въ вазахъ изъ обожженной глины, на которыхъ иногда попадаются

надписи нео-пуническаго характера. Пепелъ богатыхъ покойниковъ хранился въ каменныхъ ящикахъ.

По мнѣнію археолога Делатра, погребальные костры были введены въ Карѳагенѣ въ началѣ V вѣка до нашей эры. Одновременное примѣненіе обоихъ ритуаловъ въ этомъ некрополѣ доказываетъ, что онъ служилъ усыпальницей съ конца V вѣка до конца IV (401—301). Это мнѣніе подтверждается и обстановкой погребальныхъ комнатъ. Попрежнему возлѣ останковъ покойника ставились зажженные свѣтильники и нѣкоторые изъ нихъ были съ семью горѣлками. Изрѣдка попадаются курильницы, но чаще фіалы съ духами. Глиняные предметы доставлялись уже не изъ Коринѳа и Этруріи, а изъ южной Италіи и Сициліи. Найденныя три статуэтки изъ красной глины представляютъ комическіе типы. Стеклянные предметы попадаются еще очень рѣдко.

Въ общемъ здѣсь царилъ греческій стиль, и египетская цивилизація уже не играла преобладающей роли, хотя нѣкоторые предметы обихода сохранили традиціонную форму, какъ, напримѣръ, бритвы съ ручками въ видѣ лебединой шеи. Богатымъ людямъ, придерживавшимся старины, клали очень цѣнныя старыя египетскія фляги съ синей и зеленой эмалью средины VI вѣка; это видно изъ сохранившихся на нихъ картушей герба Амази Синеита (569—525 до Р. Х.), фараона обоихъ Египтовъ.

Что касается драгоцѣнныхъ украшеній, то преимущество отдавалось серьгамъ въ видѣ большихъ золотыхъ колецъ. Нѣсколько перстней съ камнями, на которыхъ выгравированныя изображенія были далеко не божественныя и героическія; на одномъ изъ нихъ представлена обнаженная женщина, моющая свои длинные волосы. Среди драгоцѣнностей находятся мелкія бездѣлушки изъ глины, покрытыя глазурью. Коралловъ въ этихъ усыпальницахъ не видно, слѣдовательно, въ это время они были не въ модѣ, но тамъ найдены обломки шкатулокъ, украшенныхъ костяными изображеніями: слоновая кость, страусовыя яйца и раковины. Металлы попадаются разнообразные, какъ бронза, желѣзо, золото, серебро и свинецъ. Кромѣ бронзовыхъ бритвъ въ египетскомъ стилѣ, найдены изъ того же металла различные кувшины для вина съ ручками, украшенными человѣческими фигурами. Обычай того времени требовалъ, чтобы, кромѣ зажженныхъ свѣтильниковъ, возлѣ останковъ находились мелкія бронзовыя монеты, хотя бы одна, и этотъ новый обычай, какъ говоритъ г. Гоклеръ, предшественникъ Мерлэна, относится къ IV вѣку. У богачей, почивающихъ съ египетскими флягами, лежитъ даже по золотой монетѣ. Въ то время въ Карѳагенѣ это считалось послѣднимъ словомъ роскоши.

— Французскій археологъ Поль Пелльо, предпринявшій раскопки въ китайскомъ Туркестанѣ, недавно былъ торжественно принятъ въ Сорбоннѣ, гдѣ далъ отчетъ о своихъ трудахъ. Онъ напалъ въ Іенъ-фо-тунгѣ на любопытную находку—средневѣковую библіотеку. Въ этой странѣ находится около пятисотъ гротовъ и нѣкоторые изъ нихъ украшены живописью, статуями, портретами и надписями. Все сохранилось въ полномъ порядкѣ отъ VI до X вѣковъ, чѣмъ Пелльо и его два сотоварища по работамъ, докторъ Вилльямъ и г. Нуэттъ были изумлены.

Когда-то эти гроты служили святилищами, но не монашескими. Монахи селились вдоль берега рѣки въ монастыряхъ. Эти гроты устраивали знатныя

лица и украшали ихъ своими изображеніями. Въ одинъ изъ такихъ гротовъ Пелльо удалось проникнуть 3-го марта 1908 г. «Я могъ войти въ святая святыхъ и былъ ошеломленъ. Вообразите себѣ мое удивленіе, когда я очутился въ нишѣ размѣромъ всего около 2 м. 30 с., съ трехъ сторонъ украшенной болѣе чѣмъ въ ростъ человѣка свитками рукописей. Громадныя тибетскія рукописи, сложенныя между двумя дощечками и связанныя шнурами, грудами лежали въ углу. Пелльо открылъ нѣсколько изъ нихъ: даты всѣ относились къ XI вѣку. Тогда онъ принялся наскоро просматривать свитки, которыхъ оказалось 20,000. Первые десять дней онъ просмотрѣлъ около тысячи ежедневно, т. е. сто въ часъ. Тщательно изслѣдовавъ нишу, Пелльо убѣдился, что она была замуравлена въ первой половинѣ XI вѣка, по всей вѣроятности, въ эпоху завоеванія Си-Хіа, около 1035 г.

То тутъ, то тамъ въ нишѣ были разбросаны рисунки на шелковой ткани, статуэтки и т. д. Но главный интересъ заключался въ рукописяхъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ религіозныя книги и могутъ служить для изслѣдованія споровъ между различными сектами, какъ, напримѣръ, между тцзыстами и буддистами, маздеистами и манихеистами. Между прочимъ тамъ говорится и о несторіанскихъ христіанахъ. Одинъ небольшой свитокъ названъ «Хвала трехъ величествъ блестящей религіи Татцинъ, чрезъ которую добиваются спасенія». Здѣсь восхваляется Троица, Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, и упоминаются А-ло-хо (Элохъ), Ми-ше-хо (Мессія), Св. Духъ, апостолы, четыре евангелиста: Ю-ханнанъ (Іоаннъ), Лу-кій (Лука), Мо-кіо-тсе (Маркъ) и Минг-таи (Матѳей). Оканчиваются рукописи напоминаніемъ, что А-ло-пенъ ввелъ въ Китаѣ несторіанство въ 635 г. Въ этомъ же гротѣ находятся вмѣстѣ съ религіозными книгами торговые акты, различные документы и корреспонденція, а также статуэтки. Ранѣе Полю Пелльо удалось собрать великолѣпную коллекцію рукописей и отчасти книгъ X вѣка, напечатанныхъ на V вѣковъ ранѣе Гутенберга. Эти книги, по всей вѣроятности, самыя древнія, какія только существуютъ. Всѣ находки Пелльо уже предназначены для Луврскаго музея, гдѣ для нихъ будетъ отведенъ залъ, который назовутъ именемъ Поля Пелльо.

— Въ Минезотѣ, находящемся въ сѣверо-восточной части Соединенныхъ Штатовъ, въ области, называемой Косогоромъ Долинъ, рабочіе, выкапывая пни и корни, наткнулись на камень, обросшій двумя корнями. Одинъ изъ корней проникнулъ чрезъ камень почти перпендикулярно, другой же прикрывалъ камень сверху. Было очевидно, судя по возрасту дерева, что камень находился здѣсь гораздо ранѣе, унесенный льдинами во время перемѣщенія ледниковъ въ пліоценовую эпоху. Камень въ 67 сантиметровъ длины, 110 сантиметровъ ширины, 17 сантиметровъ вышины оказался обломкомъ отъ скалы траповой породы и вѣситъ болѣе 100 кило. На его двухъ сторонахъ находится надпись руническаго характера XIV вѣка. До сихъ поръ руническія надписи не поддавались разбору самыхъ компетентныхъ археологовъ, но недавно одному американскому археологу, Харланду, удалось ее прочитать. Эта надпись очень ясно вырѣзана и гласитъ: «Восемь готовъ и двадцать два скандинавца-изслѣдователя отправились изъ Винланда (Новая Шотландія) и расположились на двѣ ночи въ одномъ днѣ ходьбы на сѣверъ отъ этого камня. Они отправились на рыбную ловлю и по возвращеніи нашли десять человѣкъ окровавленными и мертвыми. A. V. M.

(Ave Maria), сжалься надъ нами. Десять человѣкъ нашихъ людей стерегутъ на берегу наши корабли въ сорока одномъ днѣ ходьбы отъ этого камня. Года 1362г.». Довольно часто высказывалось мнѣніе, что въ Америкѣ сто тридцать лѣтъ ранѣе ея открытія Колумбомъ уже бывали путешественники. Около 1,000 года скандинавцы посѣтили восточные берега Гренландіи и Лабрадора, но эта традиція опиралась единственно на разсказы скандинавскихъ хроникеровъ XV вѣка. Теперешняя находка носитъ характеръ подлиннаго документа въ виду того, что руны, скандинавскіе письменные знаки средневѣковья, разбираются небольшимъ количествомъ лицъ, но знаки XI и XII вѣка довольно извѣстны, и ихъ могутъ безъ труда поддѣлать какіе-нибудь ловкіе плуты; съ надписями же XIV вѣка другой разговоръ; въ Швеціи существуетъ только одинъ его образецъ. Чтобы придумать поддѣлку, надо обладать разомъ ключомъ и къ азбукѣ и къ толкователю, что бываетъ чрезвычайно рѣдко. А такъ какъ миннезотскій камень XIV вѣка, то Харландъ и заключилъ, что это можно считать документомъ подлиннымъ. Слѣдовательно, слава Христофора Колумба теперь на половину померкнетъ.

Германія не отстаетъ отъ другихъ государствъ въ археологическихъ работахъ. Недавно директоръ археологическихъ работъ на Милетѣ заключилъ трактатъ съ главою Самоса, по которому исключительное право на всѣ археологическія сокровища Самоса принадлежитъ берлинскому музею. Такимъ образомъ, теперь начнутся раскопки знаменитаго Гереона, храма, указаннаго Геродотомъ. Одинъ любитель античнаго искусства д-ръ Детельхаузеръ вручилъ комитету по раскопкамъ Гереона 20,000 марокъ.

— Письма Мюссэ къ неизвѣстной.—3-го января минуло тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Жюль Труба сдалъ на храненіе въ національную библіотеку срокомъ на тридцать лѣтъ письма Мюссэ къ «неизвѣстной», которыя онъ получилъ сорокъ три года тому назадъ. Всѣ были заинтригованы вопросомъ: кому адресованы эти письма? По словамъ Труба, эти письма послѣ смерти Мюссэ предназначались къ истребленію, «неизвѣстная» хотѣла ихъ сжечь, но Труба помѣшалъ ей и настоялъ, чтобы она отдала ему. Она согласилась, но на двухъ условіяхъ: 1) эти письма не могутъ быть напечатаны ранѣе, какъ чрезъ тридцать лѣтъ; 2) она уничтожитъ все, по чему ее могли бы узнать. Оба эти условія были соблюдены и теперь ихъ начали помѣщать на страницахъ «Figaro» [1]), предварительно напечатавъ біографію этой дамы и поясненія, составленныя г. Сешэ, хорошо знакомымъ съ произведеніями и эпохой Мюссэ. Эта «неизвѣстная» оказалась г-жою Эмэ Иренъ д'Альтонъ, родившейся въ Гамбургѣ 20-го сентября 1811 года и впослѣдствіи вышедшей замужъ за брата поэта.

Она происходила изъ старинной дворянской семьи, родоначальникъ которой, кавалеръ Готье д'Альтонъ, сопровождалъ Вильгельма-Завоевателя въ Англію. Онъ былъ сыномъ Вильгельма и Маріи-Луизы-Антуанетты Куальо, двоюродной сестры матери Сентъ-Бева, и пріѣхалъ во Францію въ 1738 году

[1]) Les lettres de Musset à «l'Inconnue» Un amour d'Alfred de Musset Aimée d'Alton. Par Léon Seché. «Figaro» 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 janvier 1910.

по приглашенію двухъ дядей—генералъ-майора и епископа, намѣревавшагося избрать для него духовное поприще. Но, напрасно потерявъ четыре года на попытку склонить его къ избранію духовной карьеры, онъ передалъ юношу другому дядѣ, который помѣстилъ его въ кадетскій корпусъ. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе въ сраженіи при Фонтенуа и, питая страсть къ приключеніямъ, отправился въ Индію, гдѣ сблизился съ своимъ двоюроднымъ братомъ Ше, благодаря которому въ 1791 году добился чина подпоручика, а черезъ четыре года сдѣлался адъютантомъ генерала Эдувиля. Случай благопріятствовалъ ему выказать смѣлость и храбрость и этимъ обратить на себя вниманіе генерала Оша, который просилъ Эдувиля уступить ему своего адъютанта. На этомъ посту онъ оставался до самой смерти Оша. Поступивъ къ нему въ чинѣ капитана, онъ въ нѣсколько лѣтъ повысился до командира батальона, полковника, бригаднаго генерала, чиновника главнаго штаба великой арміи и, наконецъ, былъ пожалованъ титуломъ барона имперіи. При взятіи Смоленска онъ получилъ рану въ ногу, и генералъ графъ Морандъ выхлопоталъ для него у императора, кромѣ повышенія чина, еще денежное вознагражденіе.

Вотъ въ какой семейной обстановкѣ прошло дѣтство Эмэ д'Альтонъ среди культа къ Наполеону, и хотя ей было только десять лѣтъ, когда умеръ императоръ на островѣ св. Елены, но его трагическій конецъ настолько сильно ее взволновалъ, что, шестьдесятъ лѣтъ спустя, она не могла объ этомъ вспомнить безъ содроганія. Эмэ никогда не могла простить союзнымъ государямъ жестокости, съ какою они мучили великаго человѣка, и когда поднялся вопросъ о перевезеніи въ Парижъ останковъ Наполеона, то она раздѣляла радость патріотовъ, начиная съ своего отца, имя котораго красовалось на тріумфальной аркѣ Звѣзды.

Послѣ смерти матери, 11-го сентября 1823 года, ея жизнь измѣнилась. Уже совершеннолѣтняя и воспитанная въ духѣ англійской свободы, она воспользовалась предоставленной ей самостоятельностью и еще болѣе эмансипировалась. Неудивительно, что въ космополитическомъ салонѣ ея двоюродной сестры Каролины д'Альтонъ, благодаря этому, а также своимъ природнымъ дарованіямъ, она была окружена поклонниками. Обладая плѣнительной внѣшностью—Эмэ д'Альтонъ была блондинка съ голубыми, какъ незабудки, искренно-задорными глазами, лукавымъ носикомъ, упрямымъ ртомъ, крошечной ручкой и изящной ножкой,—она еще болѣе отличалась умомъ, къ тому же умомъ, въ которомъ проглядывало чувство, что придавало поэтическую прелесть ея обращенію.

Знакомство Эмэ съ поэтомъ произошло въ салонѣ ея двоюродной сестры г-жи Жуберъ. Мюссэ, болѣе любившій, по выраженію Сешэ, «спѣлые плоды и даже нѣсколько попорченные, чѣмъ зеленые, и много разъ уже упорно выдерживавшій искушенія маленькихъ змѣекъ съ невинными глазами», на этотъ разъ также мало обращалъ вниманія на двадцатипятилѣтнюю полудѣву. Однако какъ-то за танцами, когда ему показалось, что Эмэ опечалена и встревожена, онъ отважился сказать ей, что единственное средство никогда не скучать—это полюбить. Но Эмэ пресерьезно ему отвѣтила, что «ей нечего дѣлать съ влюбленнымъ». Мюссэ воздержался и ничего не сказалъ. Когда же однажды

вечеромъ она появилась у г-жи Жуберъ съ красивой шкатулочкой для иголокъ, которую хотѣла ей подарить, то Мюссэ схватилъ этотъ подарокъ, сталъ имъ восторгаться и думалъ его удержать. Г-жа Жуберъ воспротивилась этому, а Эмэ разсердилась. Споръ затянулся, и молодая дѣвушка, которой надоѣла эта комедія, вышла въ прихожую, накинула на голову бѣлый капюшонъ, который къ ней чудно шелъ, и удалилась. Мюссэ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: «Ахъ, хорошенькій, бѣленькій монашекъ!» и на другой день послалъ ей строфы, помѣщенныя въ концѣ біографіи его брата. Это посланіе удивило Эмэ, и въ тотъ же день она отправила автору маленькій сандальнаго дерева ящичекъ, въ который вложила перо. Между ними сразу растаялъ весь ледъ. Теперь она стала восторгаться его испанскими и итальянскими сказками и выше всѣхъ модныхъ романовъ ставила «Исповѣдь сына вѣка». Но она, какъ и г-жа Жуберъ, находила, что Мюссэ слишкомъ мало пишетъ и, зная, какъ ему легко сочинять, спрашивала себя, какая причина его лѣности. Одни говорили, что виною была страсть къ пиковой дамѣ, т.-е. къ картежной игрѣ; другіе,—что страсть къ червонной дамѣ (dame de coeur), дамѣ сердца. Такъ значитъ, сказала она себѣ, причина—любовныя и азартныя игры. Однажды онъ признался ей, что проигралъ всѣ деньги въ игорномъ притонѣ и не дотронется до пера прежде, чѣмъ не отыграется. «Какое несчастіе!—произнесла она:—что, если я попробую полечить его отъ этой скверной болѣзни. Да, но какъ?» И, поразмысливъ, она принялась вышивать ему кошелекъ, какъ очевидное предложеніе дѣлать сбереженія, зная, что профессіональные игроки обыкновенно кладутъ деньги прямо въ карманъ, почему у нихъ карманы такъ часто бываютъ продраны. Для поясненія смысла и значенія этого подарка она вложила слѣдующую записочку: «Какъ-то тебя примутъ, мой миленькій кошелечекъ? Скажешь ли ты, съ какимъ удовольствіемъ тебя дѣлали, какъ заботились о твоей маленькой особѣ? Тебя не ожидаютъ, мадемуазель. Тебя хотѣли показать только принаряженнымъ. Получишь ли ты поцѣлуй за твои труды?» Затѣмъ слѣдовалъ благоразумный совѣтъ: «Не трать легкомысленно, что во мнѣ заключается. Когда ты выходишь изъ дома, положи въ меня золотой—на одинъ день этого достаточно, а если у тебя останется что-нибудь вечеромъ, какъ бы ни было это мало, всегда найдется бѣднякъ, который тебя за это поблагодаритъ, а Музы вознаградятъ».

Мюссэ изумился, получивъ кошелекъ, и именно въ тотъ моментъ, когда герцогъ Орлеанскій предложилъ ему ѣхать въ Мадридъ въ качествѣ атташэ при посольствѣ съ секретными инструкціями относительно испанскаго брака. Онъ отправился къ г-жѣ Жуберъ и разсказалъ ей о кошелькѣ, присланномъ кѣмъ-то неизвѣстнымъ. «Навѣрно, это женщина,—замѣтила г-жа Жуберъ:—но она не дала адреса, и я затрудняюсь назвать ее. Поняли ли вы, по крайней мѣрѣ, данный урокъ?»—«Я вамъ скажу объ этомъ позже,—отвѣтилъ Мюссэ:—теперь отправлюсь писать Эмэ». Въ это время ея не было въ Парижѣ: она жила въ деревнѣ послѣ болѣзни, очень ее истощившей. Мюссэ взялъ подаренное ею перо и написалъ ей сонетъ, а затѣмъ письмо. Это было 5-го марта 1837 года.

«Дрожащей рукою пишу вамъ, и, быть можетъ, я не въ правѣ писать вамъ—ваша очаровательная тайна не выдана и трудно было бы сказать, какъ я

ее узналъ. Я ее не знаю,—но я въ ней увѣренъ, и, что бы ни случилось, мнѣ невозможно не поблагодарить васъ за нее».

«Если правда, что книга, написанная сердечно, можетъ издалека принести какую-нибудь пользу дружественному сердцу, надо, чтобы писателю позволили, въ свою очередь, сказать, какъ полезно для него подобное вознагражденіе. Онъ долженъ отвѣтить и умолять, чтобы не подумали, не самолюбіе ли его отвѣчаетъ; ему надо осмѣлиться сказать: вы, для кого я писалъ, для кого я не спалъ ночи, этимъ мнѣ платите за все и я у васъ въ долгу. Рукоплесканія возбуждаютъ, но они не долго продолжаются и ими наслаждаться довольно легкомысленно; но никогда никто не отниметъ у меня того, что дало мнѣ это дорогое маленькое сокровище (кошелекъ). Какъ вы должны теперь надъ этимъ улыбаться, а, быть можетъ, вы объ этомъ забыли и находите, что сумасбродную голову скоро можно вскружить по скоро проходящему капризу; ну, такъ что же? Получите же это письмо, какъ я получилъ вашу посылку, быть можетъ, съ удивленіемъ, но скажите себѣ, что вы заставили биться правдивое сердце».

«Есть ли на свѣтѣ что-нибудь другое? Не мечта ли остальное? Ахъ, я это чувствую въ данный моментъ, когда, не знаю, мысль ли о будущемъ, или честолюбіе, быть можетъ, не сегодня—завтра заставятъ меня уѣхать на нѣкоторое время. Сообщить ли вамъ объ этомъ? Среди этихъ поѣздокъ ходатая, аудіенцій, обязательныхъ для меня, и которыя Богъ знаетъ куда меня заведутъ—маленькій кошелекъ, который будетъ меня сопровождать, одинъ будетъ говорить со мною искреннимъ языкомъ. Увы! Я отправлюсь только для того, чтобы положить въ него нѣсколько золотыхъ монетъ! Не для этого ли вы его и сдѣлали?

«Простите мнѣ, не смѣшно ли, что я осмѣливаюсь съ вами такъ говорить. Я могу замолчать, но не говорить въ половину. Думается, мнѣ говорили, что вы такая, и не приди мнѣ мысль объ отъѣздѣ, быть можетъ, я не осмѣлился бы вамъ писать. Но зачѣмъ теперь и на такомъ далекомъ разстояніи? Какъ случилось, что въ Парижѣ, вблизи васъ, у меня сто разъ было на губахъ то, что я хотѣлъ бы вамъ сказать теперь, и я никогда не пробовалъ сказать вамъ этого, чтобы васъ почти не разсердить. Я не только никогда не могъ вамъ сказать, что нахожу васъ прекрасной, но самыя пріятныя, самыя обыкновенныя любезности становились вамъ непріятны по моей неловкости. Я объ этомъ думалъ сегодня и сказалъ себѣ: тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, что мы никогда не обмѣнялись этими банальными словами: такую руку, какъ ваша, должно пожать, а не холодно поцѣловать. Да, рука, исполнившая такую маленькую, изящную, такую драгоцѣнную работу, питаетъ ко мнѣ нѣкоторую дружбу. Въ каждой изъ этихъ тонкихъ ниточекъ есть ваша мысль. По крайней мѣрѣ на каждой изъ нихъ покоился вашъ взглядъ. Когда я увижу васъ? Когда вы возвратитесь, буду ли я еще тамъ? Вотъ о чемъ теперь я думаю, и прошу, какъ милости, если это письмо покажется вамъ нелѣпымъ, не отвѣчайте на него, но не заставляйте меня въ немъ раскаяться. Одно ваше жестокое слово причинило бы мнѣ болѣе зла, чѣмъ все остальное сдѣлало бы пріятное, потому что теперь я васъ знаю и люблю и ни вы, ни я ничего болѣе не можемъ подѣлать! Вы меня не знаете и думаете, что это минутное впечатлѣніе или пустыя слова молодого человѣка. Я знаю,

что бы вы мнѣ сказали, если бы отвѣтили. Мнѣ также извѣстно, что я чувствую и что я никогда въ жизни не лгалъ ни себѣ ни другому. Это не есть хорошее качество—я слишкомъ гордъ, чтобы лгать. Отвѣтите ли вы мнѣ—не знаю, но какова бы ни была судьба этого письма, я его закрываю болѣе счастливый, чѣмъ его началъ. Оно снесетъ по крайней мѣрѣ что-нибудь отъ моего сердца къ благородному сердцу, которому я довѣрился и которое сдѣлаетъ изъ этого что хочетъ».

Съ этой минуты между ними завязалась переписка. Въ первыя недѣли съ одной стороны письма были сдержанныя, съ другой—жгучія, безумныя, которыя минутами пугали Эмэ своей чрезмѣрной свободой. Во второмъ письмѣ отъ 31-го марта, сообщая о своей миссіи и сожалѣя, что уже нельзя отказаться отъ нея, онъ между прочимъ пишетъ: «Я думаю, что люблю васъ, дитя, и не ошибаюсь. Ваше здоровье, говорите вы, неустранимое препятствіе; въ любви я не знаю препятствій. Что касается «женщины» старше меня, лицо которой становится все болѣе и болѣе серьезнымъ, и «приговора»—позвольте мнѣ сказать моей старой двадцатипятилѣтней подругѣ, что мнѣ—двадцать шесть, что я считаю ея сердце очень серьезнымъ, но ея молодое, очаровательное лицо очень веселымъ и очень розовымъ; что кушетка не столь скверная мебель, чтобы говорить о ней дурное; что относительно таланта у васъ первый изъ всѣхъ талантовъ—быть прекрасной, а что касается ума, то очарованіе и непреодолимая привлекательность вашего ума именно въ этой смѣси веселаго и серьезнаго, живого и томнаго. Дитя, если счастье для кого-нибудь сдѣлано, то оно сдѣлано для васъ. Вы говорите, что знаете мой характеръ; вы, въ свою очередь, ошибаетесь. Я на годъ старше васъ, а по опыту на десять лѣтъ. Не улыбайтесь на слово «опытъ», мой опытъ не великъ; позвольте мнѣ сказать вамъ, чему онъ меня научилъ: во-первыхъ, прекраснымъ мечтамъ и желанію ихъ осуществлять—неизбѣжное условіе великихъ сердецъ. Между тѣмъ, при вступленіи въ жизнь дѣйствительность и ея тысячи огорченій рано или поздно поражаютъ еще дѣвственную надежду и сокрушаютъ ее на самой выси полета. Что я говорю—не фраза моралиста, а вѣчная истина. Первый опытъ, Эмэ, состоитъ въ страданіи, онъ состоитъ въ томъ, что находитъ и чувствуетъ, что безусловныя мечты почти никогда не осуществляются или, осуществившись, отцвѣтаютъ и умираютъ отъ соприкосновенія съ дѣлами этого міра. Чувство горькаго размышленія вотъ результатъ этого перваго опыта. Сердце, раненое въ самомъ своемъ существѣ, обливается кровью и кажется навсегда растерзаннымъ.

«Между тѣмъ люди живутъ и надо любить, чтобы еще жить; они любятъ съ опаской, съ недовѣріемъ и мало-по-малу озираются вокругъ себя и замѣчаютъ, что жизнь не такъ печальна, какъ ее считали; приходятъ въ себя, возвращаются къ счастью, къ Богу, къ истинѣ. Сердце болѣе твердое принимаетъ препятствія, горести, даже отвращеніе; увѣренное въ себѣ, оно ихъ предвидитъ, побѣждаетъ и иногда измѣняетъ ихъ въ благо. Болѣе уступчивое, оно лучше наслаждается счастливыми днями, призываетъ ихъ съ большимъ пыломъ и болѣе заботится объ ихъ продленіи. Наконецъ, оно доходитъ до того, что говоритъ себѣ: зло ни по чемъ, потому что существуетъ счастье. Предоставьте вашему сердцу биться, позвольте васъ любить, позвольте совершиться судьбѣ;

на этомъ свѣтѣ есть хорошіе дни; отрицаемое вами счастье—въ васъ самихъ, въ вашихъ глазахъ, на вашихъ губахъ, въ вашей груди—уважайте ваше сокровище. Вамъ нравится имя друга. Дитя! Развѣ дружба и любовь два разныя слова? Мое письмо, говорите вы, разбиваетъ ваши надежды. Ваше—заставляетъ меня благодарить Бога. Оно открываетъ мнѣ цѣлый міръ надеждъ, желаній, тревогъ, безъ сомнѣнія, но и божественнаго наслажденія,—не закрывайте его, мой прекрасный ангелъ, не сомнѣвайтесь, улыбнитесь, отвѣтьте, будьте добры и искренни, какъ вы прекрасны».

Начало третьяго письма вырѣзано ножницами. Въ немъ между прочимъ онъ совѣтуетъ Эмэ бросить въ огонь всѣ свои философскіе выводы относительно любви, модные романы и первымъ—собственный его романъ. «Читайте въ вашемъ зеркалѣ, въ глазахъ вашего любовника: это лучшій изъ требниковъ, чѣмъ «Исповѣдь сына вѣка». Если вы называете любовью презрѣнную жизнь—вы никогда не любили. Откажитесь говорить дурно о себѣ и придите, придите, скажите мнѣ: «Дитя, вотъ я!..» и особенно прибавьте, какъ въ вашемъ письмѣ: «Ты можешь мнѣ измѣнить, но никогда не унизить». Но я запрещаю вамъ говорить эти слова, я васъ остановлю на первомъ словѣ, поцѣловавъ его на твоихъ губахъ. «Въ вашемъ письмѣ есть слово,—заканчиваетъ онъ письмо,—одно слово, единственное, которое любитъ. «Я хочу, говорите вы, ахъ, нѣтъ, я васъ умоляю...» Вы меня умоляете уѣхать, дорогая. Правда ли? Вы умоляете меня продолжать мои попытки. Ну, такъ, моя бѣлянка, я начинаю плохо вамъ повиноваться,— по боку дипломатію, честолюбіе и всѣхъ испанскихъ королевъ, прежнихъ и будущихъ. Я остаюсь—я не хочу ни о чемъ болѣе слышать, какъ о васъ, я думаю только о васъ, мое честолюбіе только въ васъ. Политика обойдется безъ меня, а что касается моего будущаго, я отъ него прошу только одного дня, того, когда почувствую васъ на своемъ сердцѣ. Эмэ, не пишите мнѣ болѣе такъ. Если вы не хотите прійти, поцѣлуйте кусочекъ бѣлой бумаги и пришлите ее мнѣ. Если вы меня любите, то придете».

Въ третьемъ письмѣ Мюссэ говоритъ Эмэ, что хотѣлъ эту бумажку, которую онъ сто разъ поцѣловалъ, прислать обратно, чтобы она еще разъ ее поцѣловала и вернула ему. «Никогда я не встрѣчалъ женщины столь откровенной и искренней, какъ вы. Никогда я не видалъ столько сердца и такъ мало кокетства, столько искренности и благородства. Когда я подумаю о маѣ мѣсяцѣ, когда я говорю себѣ, что такая прекрасная, такая кроткая душа обитаетъ въ тѣлѣ, такомъ же прекрасномъ и бѣломъ, какъ она сама, то говорю, не прибавляя: моя любовь, что сдѣлалъ я, чтобы быть такимъ счастливымъ? Ахъ, какъ ты права, что ты придешь съ цвѣтами, съ зеленью, съ солнечнымъ сезономъ. Назови меня безумцемъ, если хочешь, но мнѣ кажется, что при твоемъ первомъ поцѣлуѣ въ моемъ сердцѣ распустится цвѣтокъ». Въ этомъ письмѣ онъ торопитъ ее пріѣхать въ Парижъ, удивляется, что у ея тетки только въ концѣ мѣсяца будетъ свободна комната, и предлагаетъ ей устроиться у г-жи Жуберъ. «Надѣюсь, что не ваша бритая голова могла дать вамъ мысль запоздать пріѣздомъ. Я уже обожаю вашъ парикъ, того ли онъ цвѣта, какъ ваши волосы? Знаете ли, что вы сдѣлаете, когда ваши волосы вырастутъ: вы мнѣ отдадите вашъ парикъ—вотъ еще одно безуміе, не правда ли? Я нимало объ этомъ не

забочусь и надѣну его отъ всего сердца. Какъ вы будете надо мною смѣяться! Прощайте, обожаемая, прощайте, моя любовница». Послѣднее выраженіе испугало Эмэ своей развязностью, и она въ отвѣтъ написала: «Я гдѣ-то читала, что, не убивъ медвѣдя, шкуры не продаютъ». На это Мюссэ написалъ ей: «Я гдѣ-то читалъ, что не надо пить больше, чѣмъ вамъ нальютъ,—маленькая истина—угадайте, что она хочетъ сказать». Затѣмъ онъ успокаиваетъ Эмэ, что отложенная поѣздка въ Испанію—небольшая потеря, это просто экскурсія, иногда увеселеніе, а иногда забота, и она ничего не приноситъ, кромѣ потерянаго времени. «Это не даетъ ни титула, ни правъ,—говоритъ онъ:—развѣ только право носить вышитую золотомъ одежду. Я очень желалъ отправиться курьеромъ, именно по причинѣ независимости при возвращеніи и, быть можетъ, даже по причинѣ вышитой одежды. Но въ данный моментъ я вижу, что будущей осенью мнѣ предстоитъ исполнить мое обязательство. Понимаете, если я проведу время въ разъѣздахъ, то не буду въ состояніи работать осенью; значитъ, для меня совсѣмъ не безуміе отказаться теперь отъ того, что я приму позже, когда я могу это сдѣлать безпрепятственно. «Исповѣдь», какъ я вижу, не хочетъ выйти у васъ изъ головы. Это, значитъ, самъ себя наказалъ за грѣхи, и я ничего противъ этого не могу сказать. Однако, когда написалъ книгу, то надо по всей строгости имѣть возможность ее передѣлать. Но я начинаю думать, что мнѣ это не удастся—такъ вы будете Сыномъ вѣка и я не имѣю права жаловаться, если вы мнѣ позволите быть г-жою Пирсонъ. Не скажете ли вы мнѣ, мой прекрасный монашекъ, что такое быть развратникомъ, когда влюбленъ. Мнѣ кажется, это почти то же самое, что быть лицемѣромъ въ то же время, какъ и ханжою. Сколько мнѣ помнится, я читалъ въ «Новой Элоизѣ» это красивое различіе между развратомъ и любовью. Есть только одно маленькое затрудненіе, чтобы они другъ другу мѣшали, а именно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ начинаетъ существовать, другой теряетъ свое названіе».

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 13 апрѣля на вопросъ Эмэ: не разсердился ли онъ на нее?—Мюссэ отвѣчаетъ, что его не разсердило ея упоминаніе о продажѣ медвѣжьей шкуры и т. д. «Я этого немного заслуживалъ, а, впрочемъ, я слишкомъ хорошо самъ узналъ, что гордость—самый большой непріятель счастья. Нѣтъ, эти два письма мнѣ причинили огорченіе тѣмъ, что мнѣ подумалось, какъ будто я почувствовалъ въ нихъ, что вы меня менѣе любите и мои безумства оскорбляли вашъ умъ вмѣсто того, чтобы найти себѣ извиненіе въ вашемъ сердцѣ. Зачѣмъ, скажите, зачѣмъ, мой прекрасный ангелъ, зачѣмъ называть пасмѣшкою развратника то, что было лишь небольшой веселостью и большой искренней радостью человѣка, считавшаго себя любимымъ вами. Вы хотите видѣть меня печальнымъ или серьезнымъ? Я объявляю вамъ, что это невозможно, пока вы меня любите. Когда вы этого захотите, вамъ только стоитъ сказать, что вы меня болѣе не любите; но пока это слово не появилось, то для чего раздумывать и чѣмъ огорчаться. Любовь—все, а что до остального, то надо вмѣстѣ посмѣяться надъ небольшими усиліями, какія дѣлаетъ несчастіе, чтобы затронуть насъ». «Вѣрьте мнѣ ради самого неба,—говоритъ онъ далѣе,—мой дорогой, маленькій сынъ вѣка, счастье на этомъ свѣтѣ рѣдкость и печальный недостатокъ сомнѣваться въ немъ, а уничтожить его почти преступленіе».

Въ этомъ письмѣ уже идетъ рѣчь о посѣщеніи г-жою Альтонъ поэта: «Гдѣ мы увидимся—для этого прежде всего надо знать, гдѣ вы живете; по всей вѣроятности, далеко отъ моего адскаго предмѣстья, и я не хочу заставлять мою прекрасную больную дѣлать слишкомъ длинный путь. Но ты придешь 21-го, 22-го и ты не хочешь, дорогой кумиръ, чтобы я обезумѣлъ отъ удовольствія и надежды. Ты говоришь мнѣ относительно обратной стороны медали, такъ ты не знаешь, какое изображеніе вижу я тамъ запечатлѣннымъ. Ахъ, красавица! ты хочешь научить меня благоразумію; научи меня не умереть отъ нетерпѣнія въ ожиданіи тебя и отъ счастья при видѣ тебя. Не могу удержаться, чтобы не возвратить тебѣ маленькой бумажки и лишиться ея на три дня—я пришлю тебѣ другую и хотѣлъ бы послать тебѣ съ нею мои губы; сердись же еще, злая, я назову тебя: моя дорогая, моя прекрасная любовница, ахъ, г-нъ медвѣдь, какъ я вамъ за себя отомщу!»

Изъ слѣдующаго письма видно, что упорство Эмэ было почти уже сломлено и она шла навстрѣчу страстному призыву Мюссэ. Она написала поэту, что придетъ къ нему, и онъ ей отвѣтилъ: «Люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя; конечно, твоя мысль мнѣ нравится, потому что она нравится тебѣ. Но, быть можетъ, ты не знаешь, что я живу съ матерью,—это очень неудобно. Представь себѣ, что у насъ общая дверь и, чтобы войти въ мою комнату, надо пройти черезъ столовую, квартира не такъ велика, и въ ней помѣщаются мать, сестра, братъ и три слуги.—Ты испугалась, прекрасный херувимъ? Спѣшу тебя успокоить. «Я ваша съ разсвѣта», говоришь ты. При этомъ словѣ я прыгалъ отъ радости; нѣтъ болѣе опасностей и затрудненій, если ты можешь прійти сюда между семью и восемью часами утра; но, быть можетъ, это слишкомъ рано. Въ свою очередь, мнѣ страшно, я боюсь, что слово, написанное тобою и которое я цѣлую, неосуществимо. Скажи мнѣ скорѣе, могу ли я разсчитывать. Знай, что столь населенный домъ, какъ нашъ, безъ памяти храпитъ неизмѣнно до—девятаго или десятаго часа, какъ хозяева, такъ и слуги. Ни одной живой души. Прося тебя прійти между семью и восемью часами, я сдѣлалъ излишнюю осторожность. Выйти,—пишетъ онъ далѣе,—легко. Обыкновенно я сплю до 2 часовъ, иногда до 5 вечера; когда я не сплю ночь, то особенно запрещается меня будить—слѣдовательно полная безопасность. Стоитъ только повернуть ключъ—и болѣе ничего. О, прекрасный ангелъ, какой день, какія мысли! Твои письма сведутъ меня съ ума. Ежеминутно мнѣ надо ихъ перечитывать, чтобы повѣрить моему счастью и убѣдиться, что такая прекрасная мечта—не сновидѣніе. Твой г-нъ опытъ восхитителенъ, я надъ нимъ много смѣялся; въ добрый часъ, вотъ какъ я тебя люблю! Люблю? Нѣтъ, обожаю, боготворю, ахъ, какъ глупы слова, когда ихъ пишешь, читаешь или слышишь. Прощай, прощай, тысяча поцѣлуевъ на твои губы, твое тѣло, твое сердце. Посылаю тебѣ бумажку, пришли мнѣ одну, умоляю тебя, чтобы она прикоснулась къ твоей шеѣ, плечамъ, ко всей тебѣ».

Въ письмѣ отъ 16 апрѣля Мюссэ все еще продолжаетъ давать совѣты Эмэ, какъ къ нему попасть. «Отъ улицы Сенъ-Лазаръ до улицы Гренель,—пишетъ онъ,—полчаса для фіакра плохо ѣдущаго и четверть часа для фіакра хорошо ѣдущаго. Кромѣ того, есть неотразимый рецептъ, чтобы заставить хорошо

ѣхать самыхъ скверныхъ лошадей—это сказать очень вѣжливо кучеру: «Вамъ будетъ два су на чай, если вы поѣдете тихо, и двадцать, если вы поѣдете скоро». Я еще не встрѣчалъ такого неподкупнаго человѣка, которому это магическое слово не придало бы крыльевъ. Вотъ рецептъ и совѣтъ г-на опыта». Далѣе Мюссэ мечтаетъ, какъ она пріѣдетъ къ нему, выйдетъ изъ экипажа, станетъ отыскивать его дверь, онъ побѣжитъ къ ней навстрѣчу и они молча подымутся по лѣстницѣ. «Всѣ спятъ,—говоритъ онъ,—и наконецъ за нами запирается дверь. О, моя нимфа! Моя Эмэ (моя возлюбленная)! какой моментъ! Это день нашей свадьбы. Здѣсь мое воображеніе останавливается, я ничего не ищу, я не стараюсь ничего предвидѣть, я не могу пытаться угадать ни моего счастья, ни твоей красоты, ни перваго слова, которое ты мнѣ скажешь; но первый поцѣлуй, ахъ, его я угадываю, я уже его чувствую, онъ меня обжигаетъ, онъ проникаетъ въ сердце». Въ этомъ письмѣ Мюссэ пылаетъ страстью, онъ напоминаетъ Эмэ о ея фразѣ: «Мнѣ нечего дѣлать съ влюбленнымъ». «Если бы въ эту минуту она заглянула въ мое сердце, то увидѣла бы, что я ее любилъ; я сказалъ себѣ, что она его видитъ и это мнѣ она отвѣчаетъ такимъ обинякомъ». Прощаясь съ ней до дня свиданія, онъ прибавляетъ: «Желалъ бы я быть не такимъ бѣднякомъ; я хотѣлъ бы принять тебя въ королевской комнатѣ вмѣсто того, чтобы ждать тебя въ безпорядочной мастерской, гдѣ ничего нѣтъ красиваго. Тридцать поцѣлуевъ на твой прелестный ротъ. Боюсь я также, что недостаточно тебѣ понравлюсь и ты не найдешь во мнѣ ничего достойнаго тебя. Мнѣ кажется, что твой любовникъ долженъ быть богомъ, чтобы заслужить тебя. Прощай же. Прижимаю тебя къ своему сердцу. О, моя жизнь! какъ я тебя люблю».

Слѣдующія письма уже относятся къ послѣпобѣдной эпохѣ, и въ письмѣ отъ 18 іюня Мюссэ извѣщаетъ о своемъ внезапномъ отъѣздѣ и невозможности увидѣться съ нею. «У насъ будетъ все, что намъ требуется по моимъ возвращеніи,—прибавляетъ онъ:—и я тотчасъ же тебѣ напишу. Мы всегда будемъ немного спорить: это необходимо, но спорить не значитъ ссориться». Онъ говоритъ въ этомъ письмѣ о необходимости работать, о томъ, что дни свиданія будутъ служить ему отдохновеніемъ, а также о томъ, что онъ доволенъ ея отказомъ отъ мысли сдѣлать какіе-то расходы. «Эта идея,—говоритъ онъ,—огорчала меня и нарушала радость находиться возлѣ тебя. Я не могу вынести мысли, что наша любовь тебѣ въ чемъ-нибудь повредила бы. Есть ли на свѣтѣ что-нибудь печальнѣе, какъ сказать себѣ, что такіе сладкіе, такіе счастливые моменты могутъ оставить дурное воспоминаніе. Это ужасно, а вмѣстѣ съ тѣмъ это случается ежедневно. Пока наслаждаются, то только и думаютъ о наслажденіи, и кажется, что всѣ жертвы ни по чемъ. Отлетитъ въ одинъ прекрасный день любовь, и самъ удивляешься, что находишь только непріятное въ томъ, что дѣлалъ. Ненавидѣть, что любилъ, ахъ, мой ангелъ, это самое худшее на свѣтѣ. Во что бы то ни стало надо быть достаточно благоразумнымъ даже въ минуты самыхъ дорогихъ безумствъ, чтобы никогда въ нихъ не раскаиваться. Вотъ почему я никогда не буду настолько глупъ, чтобы колебаться сказать тебѣ, что у меня нѣтъ ни копейки, и чтобы ты взяла съ собой по крайней мѣрѣ нѣсколько луи, вотъ почему я никогда не принялъ бы ни денежной жертвы,

ни жертвы общественнымъ положеніемъ». Эмэ, опасаясь, чтобы это не было истолковано въ дурную сторону, замѣнила: «чтобы колебаться сказать тебѣ, если бы у меня не было ни копейки». «Это не гордость и даже не деликатность,— прибавляетъ онъ,—это воля,желаніе, которыя у меня проявляются во что бы то ни стало: ты можешь меня забыть, но не вспоминать обо мнѣ дурно. Въ теченіе трехъ дней я безпрерывно вижу тебя въ моей комнатѣ въ этой блузѣ и ботинкахъ. Ты прекрасна, какъ день, моя дорогая душа. Ты настоящая нимфа, и я обожаю тебя, какъ язычникъ. Какъ ты видишь, это все-таки религіозная симпатія. Только эта религія, какъ я ее понимаю, религія Венеры, она стоитъ другихъ, и если въ твоихъ объятіяхъ религіозенъ, то сомнѣваюсь, чтобы эта религія была католическая. Предупреждаю, тебѣ не избѣжать головного вѣнка изъ цвѣтовъ, и я его тебѣ надѣну въ тотъ день, когда буду свободенъ и богатъ, конечно, когда у меня въ карманѣ будетъ пирогъ и бутылка вина; такимъ образомъ разукрашенная и полуобнаженная, моя красавица, по своеобразной граціи вы будете съ нею равны... немножко. Но что дѣлать! Довольно и такой сладкой судьбы: было бы слишкомъ сдѣлаться достойной васъ. Помнится мнѣ, какъ однажды вечеромъ, танцуя съ вами у двоюродной сестры, я сказалъ, что для меня было бы великимъ счастьемъ выпить стаканъ пунша съ красивой женщиной— даже безъ другой мысли, какъ только это удовольствіе.—«Если это вѣрно,—сказали вы,—то не говорите этого».—А почему же? Тѣло я не цѣню болѣе духа; но я его цѣню именно сколько надо. Называйся Богъ Іеговою, или Юпитеромъ (я предпочитаю послѣднее), если я буду думать иначе, я его обижу. Пусть старый патеръ презираетъ свое тѣло, въ добрый часъ, твое же я обожаю, я уважаю, боготворю. Оно мнѣ такъ же дорого, такъ же для меня священно, какъ твое доброе сердечко, монашка. Я требую, я хочу называть тебя моей обожаемой, моей сладострастной, полной нѣжности, моей любовью и удовольствіемъ». Здѣсь многія строки зачеркнуты и слова замѣнены. Это письмо Мюссэ заканчиваетъ просьбою докатить до него въ дилижансѣ, поужинать вмѣстѣ въ ресторанѣ или скорѣе позавтракать и... безъ дурныхъ мыслей. «По совѣсти, я тебя позорю, и знаешь ли, почему это меня забавляетъ? А потому, что я такъ хорошо чувствую, насколько люблю тебя, что я вполнѣ увѣренъ въ прощеніи, пока ты меня любишь».

1 іюля онъ извѣстилъ, что весь день проискалъ комнату, страшно усталъ и просилъ ее прійти въ прежнюю компату. «Ты поболтаешь объ ея устройствѣ съ своимъ возлюбленнымъ, который тебя ждетъ». Изъ послѣдующаго за этимъ письма видна маленькая размолвка между ними, и Мюссэ обращается къ ней на вы. Сообщая, что всѣ эти празднества нарушили его порядокъ, онъ извиняется, что не послалъ ей отвѣта на письмо, такъ какъ это повело бы лишь къ ссорѣ, и жалуется, что съ нѣкоторыхъ поръ все, что онъ дѣлаетъ,—несчастливо. Однако эта размолвка прошла, какъ видно изъ письма, въ которомъ онъ проситъ ее прійти и съ нетерпѣніемъ ее ожидаетъ, обѣщая не быть слишкомъ надоѣдливымъ. 15 іюля онъ писалъ Эмэ: «Нимфа Эмэ, моя мать уѣхала и у меня есть почти разрѣшеніе просить васъ прійти. Если вамъ нечего сегодня дѣлать, я ожидаю васъ до часа». И въ тотъ же день онъ пишетъ другую записку: «Моя обожаемая нимфа (слово «обожаемая» замѣняетъ другое, зачеркнутое

слово), я проснулся сегодня. Если у тебя есть время и смѣлость прійти сегодня утромъ, то скажи, въ которомъ часу; во всякомъ случаѣ до часу. Если хочешь, постарайся прійти пораньше». Между любовниками уже стали возникать сцены ревности, и 15 іюля Мюссэ писалъ: «Возможно ли, мое дитя, вообразить подобную вещь? Я люблю другую, говоришь ты, и играю тобою? Но что я могъ тебѣ такого сказать, что бы дало тебѣ подобную нелѣпую мысль? Я показалъ тебѣ письмо въ минуту гнѣва, не знаю, по какому поводу. Но возможно ли тебѣ думать, что у меня къ ней иное чувство, чѣмъ дружба. Полтора года, какъ между нами навсегда все кончено, навсегда по причинамъ, которыя невозможно устранить. Она такъ мало приходила ко мнѣ, что я ее не видалъ. Но только поразмысли, по какому праву я буду искать съ тобою ссоры изъ-за того, что ты дѣлаешь, если самъ дѣлаю во сто разъ хуже. Подумай, дитя мое, если, показывая тебѣ вчера это письмо, я хотѣлъ тебѣ сказать, что любилъ ее—это было бы неловкостью и страшною глупостью въ ту минуту, когда я упрекалъ тебя, что ты слишкомъ мало меня любишь. Приходи ко мнѣ, намъ надо поговорить».

Въ августѣ Мюссэ снова искалъ комнату для свиданій съ Эмэ и сообщилъ ей, что нашелъ двѣ чистыя комнаты, а затѣмъ говоритъ, что ея подарокъ лежитъ у него на столѣ. Однако уже видно изъ писемъ, что въ ихъ отношеніяхъ начинаетъ проскальзывать какая-то тѣнь Вѣтреное сердце Мюссэ уже тяготилось совмѣстной жизнью съ Эмэ. Его тянуло къ прежнимъ забавамъ—женщинамъ и абсенту, и въ его письмахъ часто встрѣчаются ссылки на нездоровье. Въ одномъ изъ писемъ онъ успокаиваетъ Эмэ: «Не пугайся, моя почь была не дурна, хотя я всталъ рано». Онъ повторяетъ фразы о любви и въ январѣ 1838 г. пишетъ: «Мнѣ скучно, я страдаю и люблю тебя. Вотъ почему я хочу тебя видѣть». Далѣе онъ опять говоритъ о любви и о томъ, что она лучше его. «Подумай, однако, мой другъ, что я испытываю. Сегодня ровно недѣля, какъ я нахожусь въ несносномъ положеніи. Ты его знаешь: оно ужасно и даже нельзя меня сожалѣть, такъ какъ это моя ошибка, отъ меня самого. Подумай, сколько отвращенія, сожалѣнія, тревоги, всякаго рода безпокойствъ ведетъ за собою подобное состояніе. Мнѣ безусловно необходимо окончить стихи. Я безъ передышки работаю, я ложусь въ семь, восемь часовъ и не знаю, окончу ли ихъ во время. Я надѣлалъ глупостей, переступающихъ всѣ границы. Я ничего не преувеличиваю. Поразмысли обо всемъ этомъ и спроси себя, можно ли въ такомъ случаѣ не быть раздражительнымъ и не имѣть больныхъ нервовъ. Ты мнѣ снова говорила объ этомъ кольцѣ; ты его не носила; мнѣ пришла мысль подарить тебѣ одно, на другой день у тебя было три другихъ—чистосердечно ли ты думаешь, что это хорошо, какъ ты говоришь? Такого рода вещи противъ моего желанія заставляютъ меня содрогаться—не сердись. Онѣ пахнутъ женщиной и напоминаютъ мнѣ прошедшее. Не будемъ болѣе объ этомъ говорить, я падаю отъ усталости, у меня непреодолимая необходимость спастись отъ себя самого на нѣсколько часовъ и мирно заснуть въ дружескихъ объятіяхъ; я не могу этого, я пригвожденъ къ работѣ, и какъ только буду въ состояніи, позову тебя». Черезъ нѣсколько дней, приглашая ее къ себѣ и благодаря за красивый подарокъ, онъ прибавляетъ: «Непріятности, которыя тебѣ дѣлаютъ,

меня возмущаютъ и огорчаютъ, но онѣ, быть можетъ, не такъ серьезны, какъ ты думаешь. Кажется, не дальше, какъ третьяго дня, тебя предлагали свезти къ княгинѣ Бельджіоджозо. Впрочемъ, ничего нѣтъ невозможнаго, что тебѣ хотятъ повредить. Главное, и прежде всего, вѣрь, что тебя люблю и, что бы то ни было, буду любить».

Мюссэ все сильнѣе началъ предаваться прежнимъ страстямъ и хотя въ письмахъ говорилъ: «Я люблю только тебя и чѣмъ болѣе тебя вижу, чѣмъ болѣе тебя знаю, тѣмъ болѣе люблю», но въ то же время не могъ воздержаться. «Если правда, что вы меня любите,—писалъ онъ:—то съ моей стороны жестоко и глупо заставлять васъ страдать. Что дѣлать? Положительно, что привыкать не видѣться—опасно, и я подвергаюсь такому же риску, какъ и вы. Такъ кончаютъ, говорите вы,—такъ же размышлялъ я вчера, уходя. Видѣться часто въ обществѣ, вы знаете, неосторожно, къ тому же это послужитъ вамъ причиной для новыхъ страданій. Вы не можете сомнѣваться, что я васъ люблю».

Совершенно запутавшись въ долгахъ, Мюссэ принужденъ былъ въ мартѣ мѣсяцѣ просить Эмэ, чтобы она послала своего довѣреннаго лакея Поля, на имя котораго посылались письма, отказаться отъ комнаты, гдѣ они встрѣчались. «Я не вижу возможности оставить за собою маленькую комнату. Если бы ты со своей стороны захотѣла, я безусловно этого не хочу. Сдѣланныя мною глупости принесли плодъ—это неизбѣжно. Меня со всѣхъ сторонъ тѣснятъ, а ты знаешь, что непріятности никогда не приходятъ одна безъ другой. Все валится на мою шею. Мысль покинуть эту комнату слишкомъ меня печалитъ, не надо ей предаваться, надо уступить необходимости. Ты живешь ближе, чѣмъ я, окажи мнѣ услугу, пошли твоего Поля отъ моего имени сказать, что я болѣе не оставляю комнаты, начиная съ 12 час. Я не смѣю сказать тебѣ, что я тебя люблю, такъ какъ все это по моей ошибкѣ, но слишкомъ поздно раскаиваться».

Свиданія между ними происходили теперь то въ случайныхъ помѣщеніяхъ, то у него на квартирѣ, когда уѣзжала мать. Случалось, что они не видѣлись по цѣлымъ мѣсяцамъ, и Мюссэ извинялся тѣмъ, что имъ негдѣ встрѣчаться. Въ первое время послѣ отказа отъ комнаты, когда кредиторы приставали къ нему, настроеніе Мюссэ было гнетущее. «Это не горе, не гнѣвъ, ни даже скука,—писалъ онъ:—у меня замираетъ сердце, жизнь мнѣ не дорога и не постыла, она безполезна и безнадежна». «Я отказываюсь бороться,—пишетъ онъ далѣе:—нѣтъ болѣе средствъ. Моя судьба свершилась. Что случилось, теперь не новость и не неожиданность. Это случалось сто разъ, но теперь все хуже и хуже и этотъ разъ хуже, чѣмъ когда. Все хорошо обдумано; предо мною цѣлый годъ, въ теченіе котораго я ничего не буду дѣлать, какъ только работать безъ всякаго удовольствія, только чтобы заткнуть дыры». И, дѣйствительно, Мюссэ за время своей близости съ Эмэ такъ работалъ, какъ никогда. Черезъ мѣсяцъ послѣ сближенія онъ окончилъ «Caprice», который появился въ «Revue des deux mondes». Затѣмъ онъ написалъ всѣ свои новеллы отъ «Emmeline» до «Croisilles» и своего «Espoir en Dieu», не говоря о «Mi-careme» и «Naissance du comte de Paris». Эмэ хвасталась, что она вдохновила его написать «Fils du Titien»,

но объ этомъ никто не зналъ до послѣдняго времени и Сенэ признается, что онъ сомнѣвался, удивляясь, зачѣмъ Мюссэ потребовалось черпать въ Венеціи сюжетъ. Но дѣло объяснилось: Эмэ и г-жа Жуберъ на всѣ лады журили Мюссэ за его лѣнь, и, чтобы доказать, что ему не надо писать много, чтобы обезсмертить свое имя, онъ написалъ «Fils du Titien».

Эта работа не мѣшала ему предаваться своимъ страстямъ и легкомысленнымъ увлеченіямъ. Охлажденіе страсти къ Эмэ было очевидно. «Ты опасаешься,—пишешь ты:—что я хочу тебя оставить и убѣдить выйти замужъ; ты сама такъ же хорошо знаешь, чего тебѣ держаться относительно этихъ обоихъ вопросовъ. Не время къ этому возвращаться и говорить объ этомъ; одно достовѣрно, что я не могу тебя сдѣлать счастливой и наполнить тебѣ жизнь. Не отвѣчай на это, что ты меня любишь. Я это знаю и отвѣчу тебѣ: ты мнѣ дорога, очень дорога, это ты также знаешь. Мы оба бѣдны, не очень счастливы и разлучены—вотъ фактъ; я ничего не предвижу, у меня въ головѣ нѣтъ никакого плана».

Эмэ старалась удержать его надъ пропастью, куда его опять потянуло, и предлагала обвѣнчаться; Мюссэ чистосердечно отвѣтилъ, что если бы она была милліонерша, онъ шутя бы принялъ ея предложеніе и написалъ бы на эту тему сонетъ, покуривая сигаретку и увѣренный, что не стѣсняясь можетъ ей все вернуть въ одинъ прекрасный день. Въ настоящемъ же положеніи у него не хватаетъ смѣлости увлекать ее за собою и причинять ей зло. Это не мѣшало ему нѣжно называть ее своею душою, своей бѣлой розой, любимой нимфой и писать ей: «Ты говоришь, что только для меня живешь, добрая, прекрасная, бѣлая дѣвъ, которой я обязанъ счастьемъ, удовольствіемъ, покоемъ». «Ты лучшее сердце, самая бѣдовая голова, самая красивая дѣвушка и самая дивная подруга, какую я зналъ». И рядомъ съ этимъ намекалъ на давность связи, какъ бы тяготившей его, говоря, что ея желанія исполнить и устроить маленькій кутежъ, который онъ постарается сдѣлать самымъ большимъ, только и «я чертовски боюсь, чтобы не стать влюбленнымъ. Это страшно опасно, не правда ли, послѣ цѣлаго года брака, но разгоряченный котъ не боится холодной воды; вотъ еще новую пословицу я сочинилъ».

1838 г. былъ отмѣченъ дебютомъ Рашели и Полины Гарсіа. Шумъ объ этихъ событіяхъ заставилъ Мюссэ выйти изъ своего уединенія. Полина Гарсіа дебютировала въ салонѣ г-жи Жуберъ, и Мюссэ не отклонилъ ея приглашенія. Вскорѣ послѣ этого ему пришлось защищать Рашель отъ нападокъ Жюля Жанена и онъ такъ горячо и страстно это исполнилъ, что Рашель выказала ему столько благодарности, что онъ нѣсколько пренебрегъ Эмэ. Ихъ встрѣчи продолжались у него на квартирѣ въ отсутствіе матери. Письма его попрежнему оканчивались страстными фразами вродѣ: «Обнимаю безъ малѣйшаго уваженія, но съ большой любовью». На ея упреки онъ отвѣчалъ увѣреніемъ, что «никогда такъ не любилъ ее, какъ теперь». «Ты говоришь, что я тебя знаю»—писалъ онъ, и именно потому его тревожитъ, что онъ заставляетъ ее страдать. «Дорогая, ты меня тоже знаешь, не правда ли? Такъ знай же и навсегда себѣ скажи, что у меня одинъ недостатокъ: лѣность, лѣность и лѣность. Въ то же время нѣчто вродѣ безразсудства, изъ-за котораго, зная тебя, я совсѣмъ не размышляю о страданіяхъ, о которыхъ ты говоришь. Это большая ошибка, правда, но эта ошибка

моего ума, который дѣйствительно легкомысленъ, но не моего сердца. Впрочемъ, ты не ошибаешься, думая, что я что-то готовлю. Во мнѣ происходитъ странная перемѣна (говорятъ, что въ декабрѣ мнѣ исполнится 28 лѣтъ, а это переходная пора, но положительно я начинаю чувствовать нѣчто незнакомое мнѣ— честолюбіе, не политическое, конечно, но я могу сказать, что теперь, напримѣръ, вотъ два мѣсяца какъ день и ночь меня преслѣдуетъ мысль о театрѣ. Этого со мною никогда не бывало. Я составилъ планъ трагедіи, что страшно трудно; впрочемъ, у тебя нѣтъ мысли о безчисленныхъ препятствіяхъ, чтобы добиться, какъ я хотѣлъ, участія m-lle Рашель. За меня принцы, министры и т. д., и я дрожу при мысли, что бы со мною было, если бы я былъ одинъ».

Эмэ, отдаваясь Мюссэ особенно въ интересахъ его славы, нашла совершенно естественнымъ, что онъ предпочелъ ей театръ; ихъ отношенія порвались безъ всякихъ объясненій. Какъ видно изъ послѣднихъ писемъ Мюссэ, онъ былъ «archi enfermé», усердно работалъ и все болѣе жаловался на свое положеніе. «Будь увѣрена, прошу тебя,—писалъ онъ въ апрѣлѣ 1839 г.:—что единственная причина, мѣшающая мнѣ написать тебѣ и просить тебя прійти,—это моя бѣдность. Прежде всего постарайся на меня не сердиться, а, во-вторыхъ, вѣрить, что я попрежнему тебя люблю. Ты знаешь, что моя страсть къ театру продолжается. Люблю тебя и обнимаю».

Чрезъ мѣсяцъ онъ пишетъ ей коротенькую записку съ извиненіемъ, что долго не отвѣчалъ: «Называй любовью или дружбою чувство мое къ тебѣ, которое есть и будетъ. Я не вижу здѣсь разницы».

Эмэ порвала эту любовь не безъ слезъ; по словамъ Сешэ, она всю жизнь любила Мюссэ и съ удовольствіемъ получала его письма, изрѣдка посылаемыя ей поэтомъ, какъ бы для освѣженія памяти о ней. Въ 1841 г. онъ писалъ ей, что безпрестанно думаетъ о ней, и увѣрялъ ее въ любви. Въ 1842 г. у него внезапно порывомъ проявилась къ ней вспышка любви, и онъ написалъ ей послѣднее страстное письмо. «Мнѣ все надоѣло. Любишь ли ты еще меня? Только у тебя одной сердце. Нѣтъ письма. Да или нѣтъ? Если да, когда и гдѣ? Сейчасъ же, если возможно».

Послѣднее письмо въ іюлѣ 1848 г. полуофиціальное, съ которымъ онъ посылалъ ей ложу и уже «жалъ руку отъ всего сердца».

До самой смерти поэта отношенія прежнихъ влюбленныхъ оставались дружелюбныя. Въ день похоронъ Мюссэ Эмэ, отправляясь въ Парижъ по желѣзной дорогѣ, молча плакала въ углу вагона. Кто-то ее спросилъ о причинѣ слезъ, и она воскликнула: «Сударь, развѣ вы не знаете, что умеръ Мюссэ? Альфредъ де-Мюссэ умеръ!»

Это не помѣшало ей сблизиться съ его братомъ Полемъ, и чрезъ четыре года по настоянію г-жи Жуберъ пятидесятилѣтняя Эмэ д'Альтонъ обвѣнчалась съ пятидесятисемилѣтнимъ Полемъ де-Мюссэ. Поль причинилъ ей тяжелое горе: онъ признался предъ смертью, что во время брака съ ней прижилъ незаконнаго ребенка. Сначала Эмэ разгнѣвалась, но потомъ простила ему и даже матеріально обезпечила существованіе этого ребенка. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти мужа умерла и Эмэ въ апрѣлѣ 1881 года.

— Кое-что о Л. Н. Толстомъ.—Слухъ о болѣзни Льва Николаевича вызвалъ за границей тревогу, и редакція парижскаго «Journal» отправила въ Ясную Поляну своего сотрудника провѣрить это непріятное извѣстіе [1]). О своемъ посѣщеніи нашего великаго соотечественника и о вынесенномъ изъ Ясной Поляны впечатлѣніи этотъ сотрудникъ, почему-то не пожелавшій подписать своего имени и скрывшійся подъ литерами J. S., сообщаетъ слѣдующее. 9—22 ноября 1909 года онъ отправился въ Ясную Поляну въ сопровожденіи столь же любезнаго, какъ ученаго и воспитаннаго человѣка, молодого священника, жившаго въ 15 верстахъ отъ Ясной Поляны. Ко Льву Николаевичу они пріѣхали уже въ ночной темнотѣ; хотя ихъ тамъ ожидали въ шесть часовъ, но они немного опоздали, и потому всѣ въ Ясной Полянѣ уже сидѣли за столомъ. Левъ Николаевичъ показался ему моложе, сильнѣе и бодрѣе, чѣмъ на недавно снятыхъ фотографическихъ карточкахъ. Самое прекрасное въ его лицѣ, по словамъ француза, и чего самая лучшая фотографическая карточка не можетъ передать,— это живость во взглядѣ. Онъ думалъ встрѣтить слабаго старика, отважно борющагося съ приближающейся смертью, но очутился въ присутствіи человѣка сильнаго, подвижного, бодраго, со спокойнымъ твердымъ и звучнымъ голосомъ. Только одна борода казалась у него старой, но и то старика зеленаго, лѣтъ 60—65. Когда пріѣзжіе вошли, блестящіе глаза Толстого остановились на французѣ. Онъ протянулъ гостямъ руку и попросилъ садиться за столъ: наскоро поздоровавшись со всѣми, они сѣли и послѣ короткаго молчанія вскорѣ почувствовали себя совершенно непринужденно.

Французъ прежде всего извинился, что плохо говоритъ по-русски. Едва онъ окончилъ фразу, какъ Толстой заговорилъ по-французски, но на такомъ французскомъ языкѣ, съ чистымъ парижскимъ выговоромъ, что ему казалось, не аристократъ ли это изъ предмѣстья Сенъ-Жерменъ. На вопросъ Л. Н., какъ французъ познакомился со священникомъ, онъ отвѣтилъ, что это случилось при исключительныхъ обстоятельствахъ; при этомъ онъ замѣтилъ, что раздѣляетъ нѣкоторыя изъ его идей. «А!—замѣтилъ Толстой:—только нѣкоторыя?» Когда французъ спросилъ, зналъ ли онъ кого-нибудь изъ лучшихъ французскихъ писателей послѣдняго вѣка, напримѣръ, Александра Дюма, Флобера, Зола, Мопассана и т. п., Толстой отвѣтилъ, что этихъ личностей онъ не зналъ, но зналъ другихъ. «Я говорю это,—оговорился онъ,—не потому, что вы предо мною, но я очень люблю Францію и французовъ. Изъ современниковъ я зналъ особенно Анатоля Франса, къ которому я питаю живѣйшую симпатію и восторгаюсь его литературнымъ геніемъ. Недавно онъ мнѣ прислалъ одинъ томъ, очаровавшій меня. Что можетъ быть прелестнѣе «Crainquebille»? Его исторія Орлеанской дѣвы тоже дѣйствительно оригинальна. Болѣе двадцати лѣтъ, какъ я не былъ во Франціи. Мнѣ кажется, въ настоящее время проза и поэзія ищутъ новыхъ путей, новыхъ горизонтовъ; но найдутъ ли ихъ? Викторы Гюго теперь рѣдкія явленія... Ахъ! Викторъ Гюго!.. Но поменьше разговора: онъ вамъ мѣшаетъ кушать».

---

[1]) Une soirée cher Tolstoi. «Le Journal». Dimanche 5 decembre. 1910.

Когда Толстой предложилъ французу вина, то тотъ спросилъ его: «пить ли вино?» На это Толстой отвѣчалъ отрицательно, замѣтивъ, что вообще лучше его не пить.

Послѣ обѣда маститый писатель ушелъ со священникомъ въ кабинетъ, а французу подали великолѣпный мокко въ чашкѣ художественной работы. Попивая кофе, онъ принялся осматривать столовую, на которую ранѣе не обратилъ вниманія, и нашелъ ее очень красивой.

Когда въ залѣ раздались звуки скрипки и фортепіано, Левъ Николаевичъ вышелъ изъ своего кабинета послушать музыку. Исполнитель, по имени Ерденко, казался, по словамъ француза, настоящимъ артистомъ, и у Толстого вырывались восторженныя похвалы: «Прекрасно, прекрасно!» и онѣ вырывались изъ самой души. Когда музыкантъ игралъ «Nocturne», у Льва Николаевича два раза показывались на глазахъ слезы.

Послѣ музыки всѣ сѣли вокругъ стола, и завязалась бесѣда. Толстой приказалъ подать книгу для доказательства справедливости одного довода изъ области религіи. Когда книгу подали, Толстой сталъ читать безъ очковъ и, замѣтивъ удивленіе француза, сказалъ: «Когда-то я былъ очень близорукъ, вотъ отчего я сохранилъ превосходное зрѣніе». По словамъ француза, Толстой сохранилъ не одно только зрѣніе: въ его организмѣ все необычайно для его лѣтъ: стройный, статный, прямой, тонкій, какъ молодой человѣкъ, подвижной и гибкій, онъ скорѣе скользитъ, чѣмъ ходитъ; заложивъ обѣ руки за свой кушакъ, какъ бы играя, онъ напоминаетъ юношу. Слухъ Левъ Николаевичъ сохранилъ настолько тонкій, что слышитъ самый тихій разговоръ, а голосъ его отъ природы нѣженъ и симпатиченъ, на какомъ бы языкѣ онъ ни говорилъ. Какъ ни желаетъ Левъ Николаевичъ придать себѣ мужицкій обликъ, но, по словамъ француза, въ немъ такъ и виденъ совершенный джентльменъ; на какомъ бы языкѣ онъ ни говорилъ, мысль свою онъ выражалъ точно, изящно, съ тактомъ. Политика его болѣе не интересуетъ: онъ теперь занимается метафизическими вопросами, относящимися до различныхъ религій, до происхожденія жизни и тайны смерти. Объ этомъ сюжетѣ онъ говоритъ, какъ художникъ. Физическая смерть его не страшитъ: онъ вѣритъ въ безсмертіе души и въ существованіе Бога. По его словамъ, смерть является мостомъ, соединяющимъ два берега. Онъ бесѣдовалъ о Паскалѣ, о Руссо, о Ламенэ и замѣтилъ, что многое почерпнулъ у Паскаля и Руссо. Его удивляетъ, что Ламенэ не достаточно знаютъ. На замѣчаніе француза, что Жюль Леметръ въ своихъ знаменитыхъ конференціяхъ нѣсколько небрежно отнесся къ Руссо и хотя былъ суровъ къ нему, но справедливъ, Толстой отвѣтилъ, что душа у Руссо глубоко-религіозна и не слѣдовало его смѣшивать съ Вольтеромъ.

Когда Левъ Николаевичъ спросилъ, какое положеніе въ Россіи занимаетъ автора статьи, тотъ сообщилъ ему и упомянулъ имя одного крупнаго русскаго администратора. «Онъ не врагъ мнѣ?—спросилъ Толстой:—у меня много враговъ. Ежедневно я получаю ужасныя анонимныя письма—и это меня глубоко опечаливаетъ. Между тѣмъ я ничего не требую, какъ только, чтобы меня оставили жить спокойно».

«Мнѣ казалось въ тотъ моментъ,—замѣчаетъ культурный французъ, справедливо порицая грубую, безобразную травлю враговъ Толстого:—что подобный

человѣкъ имѣетъ право на спокойствіе. Можно не раздѣлять его взглядовъ и даже ихъ ненавидѣть, но откровенность его убѣжденій, сама его старость должны бы найти снисхожденіе у его враговъ, которые, себя не уважая, почтили бы знаменитаго противника, который прежде всего является славой Россіи».

Когда наступило время разставанія, французъ выразилъ свое желаніе получить на память автографъ Толстого. Левъ Николаевичъ далъ ему свою фотографическую карточку съ надписью и на любезную фразу француза, что этотъ день будетъ датою въ его существованіи, такъ какъ ему удалось лицезрѣть великаго писателя, имя котораго сіяетъ великолѣпнымъ блескомъ во Франціи и во всемъ свѣтѣ, Левъ Николаевичъ откровенно отвѣтилъ: «Берегитесь, комплименты иногда вызываютъ у меня икоту». Въ заключеніе авторъ сообщаетъ подробности объ образѣ жизни Льва Николаевича и прибавляетъ, что лицезрѣть такого человѣка—это одно уже возбуждаетъ въ васъ силу и подбодряетъ васъ. Такая энергія, такая зеленая юность васъ поражаетъ и даетъ вамъ бодрость. Въ немъ чувствуется воля, тѣмъ болѣе твердая и рѣшительная, что она кажется мягкой и спокойной. «Въ прежнія времена,—въ заключеніе говоритъ французъ,—посѣщали мудрецовъ и учились у нихъ наукѣ жизни, и въ присутствіи Толстого вдохновеніе становится плодотворнѣе и намѣренія дѣятельнѣе; и въ васъ пробуждается любовь къ труду, чувствуется желаніе упорядочить жизнь на пользу собственную, своей родины и человѣчества».

— Отовсюду.—Въ январскомъ нумерѣ «Feuilles d'Hlistoire» А. Ш. разсказываетъ, какъ при осадѣ Турина въ 1640 г. во время вылазки, совершенной княземъ Тома, онъ лишился нѣсколькихъ воиновъ и между прочимъ капитана Капона, кавалериста. Служанка узнала трупъ своего господина и объявила, что ея хозяинъ—женщина, которая въ теченіе десяти лѣтъ ходила въ мужской одеждѣ. Офицеры считали ее мужчиной и увѣряли, что она совершала прекрасные военные подвиги; однако, когда она приходила въ гнѣвъ, то всегда плакала. Она была очень цѣломудренна, сторонилась офицерскаго общества и большею частью проводила время со своею служанкою, очень злою женщиной, которая угрожала выдать ея тайну каждый разъ, когда она не исполняла ея желаній.

Недавно нашлось письмо Гете къ французскому переводчику перваго «Фауста»—Стапферу, которое бросаетъ новый свѣтъ на часто оспариваемый вопросъ, касающійся обоихъ «Фаустовъ». «Къ первой части «Фауста»,—пишетъ Гете:—котораго вы такъ мило перевели, въ настоящее время нечего прибавлять: эта часть остается сжатой, какъ она есть. Напротивъ, другая драма, которую я объявилъ и названіе которой «Елена»,—интермедія, принадлежащая ко второй части. По плану и исполненію эта вторая часть совершенно разнится отъ первой, потому что она развивается въ болѣе возвышенныхъ областяхъ, и слѣдовательно совершенно независима отъ другой. Она еще не окончена, и въ настоящее время я напечатаю только интермедію, которая должна найти свое мѣсто позже. Эта интермедія написана ямбами и другими стопами въ подражаніе древнему, чего нѣтъ въ первой части».

По иниціативѣ аѳинскаго литературнаго общества «Парнасосъ» въ 1910 г. отпразднуется столѣтіе со дня, когда Байронъ впервые посѣтилъ Грецію.

Вмѣстѣ со своимъ другомъ Гобгоузомъ онъ чрезъ Албанію и Константинополь отправился въ Аѳины, гдѣ прожилъ два года, влюбился въ шестнадцатилѣтнюю гречанку Терезу Макри и по этому случаю написалъ свое стихотвореніе «Къ аѳинской дѣвушкѣ». Черезъ 12 лѣтъ онъ снова посѣтилъ Грецію и на этотъ разъ не вернулся на родину. Онъ рѣшился посвятить свою жизнь освобожденію Греціи, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ погибъ въ Миссолунги. Юбилей предполагаютъ отпраздновать, какъ и надлежитъ въ честь Байрона,—художественно. На торжество въ Парѳенонъ пригласятъ писателей всѣхъ европейскихъ странъ и народовъ. Многіе изъ писателей уже выразили согласіе участвовать въ торжествѣ.

Въ «Bibliotèque universelle»[1]) находятся неизданныя письма г-жи Сталь къ ландману Пиду, напечатанныя Шарлемъ Бюрнье. Между прочимъ она пишетъ: «Мнѣ разсказывали, что императоръ Александръ часто бываетъ у г-жи Крюденеръ, гдѣ онъ беретъ уроки утонченной набожности; русскіе склонны къ такого рода идеямъ, и я все-таки люблю, чтобы король думалъ о другой жизни; въ этой жизни такъ матеріально хорошо». Далѣе она сообщаетъ: «Я получила два письма отъ императора Александра... Во второмъ онъ говоритъ, что для Франціи нужна англійская конституція и онъ очень желаетъ ея для Франціи».

Въ новой книгѣ Метерлинка, хранителя музея изящныхъ искусствъ въ Гентѣ, находится любопытный анекдотъ о Наполеонѣ. Когда въ 1810 г. онъ съ Маріей-Луизой, уже беременной будущимъ римскимъ королемъ, посѣтилъ Голландію, по обыкновенію подъ охраной своей вѣрной бригады легкой кавалеріи, то по дорогѣ изъ Брюсселя въ Гентъ, когда въ Ордежѣ они остановились для перемѣны лошадей, онъ внезапно увидѣлъ надвигавшійся подъ звуки варварской музыки отрядъ великановъ. Это были веттеренскіе великаны, которые вмѣстѣ съ городскими властями вышли навстрѣчу императорской четѣ. Побѣдитель Европы страшно испугался этой торжественной встрѣчи, главнымъ образомъ за Марію-Луизу и будущаго наслѣдника. Когда прошелъ первый моментъ испуга, онъ въ гнѣвѣ страшнымъ голосомъ закричалъ: «Назадъ деревенщины! не надо уродовъ передъ императрицей!»

И, приказавъ приблизиться офицеру, онъ далъ приказаніе силой отстрапить злосчастныхъ представителей остатковъ вымершей расы. Отважная кавалерія не заставила повторять приказъ и галопомъ безъ передышки пустилась исполнять распоряженіе императора. Довольно было нѣсколькихъ секундъ, чтобы всѣ городскія власти пустились вразсыпную; несчастные же великаны, какъ менѣе ловкіе и поворотливые, попались подъ самый натискъ кавалеріи. Ихъ опрокинули, подмяли лошадиными копытами и многимъ едва не разорвали брюха. Нѣкоторые изъ гусаръ такъ усердно проѣзжали по ихъ стальнымъ животамъ, что они едва могли выбраться, и то поранивъ себя. Императоръ между тѣмъ сѣлъ въ экипажъ и успокоилъ императрицу, сообщивъ причину инцидента, едва не скомпрометировавшаго его династію.

---

[1]) Le genre satirique, fantastique et licencieux dans la sculpture flamande et wall. Par Maeterlinck 1910.

Интересный взглядъ на религіозность артистовъ высказалъ извѣстный французскій скульпторъ Роденъ на страницахъ «La Revue» [1]). По его мнѣнію, «религія—чувство всего, что не объяснено и, безъ сомнѣнія, необъяснимо въ мірѣ. Это обожаніе неизвѣстной силы, которая поддерживаетъ міровые законы и сохраняетъ типъ существъ, догадка того, что въ природѣ не постигается нашими чувствами, всего того необъятнаго господства вещей, которое ни глаза нашего тѣла, ни глаза нашего ума не въ состояніи видѣть. Это также полетъ нашего сознанія въ безконечное, въ вѣчность къ совѣсти и безграничной любви, обѣщаніе, быть можетъ, призрачное, но которое съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ, заставляетъ трепетать наши мысли, какъ будто онѣ чувствуютъ у себя крылья. Въ этомъ смыслѣ я религіозенъ». По его мнѣнію, вообще истинные артисты религіозны и если бы не существовало религіи, то самъ Родэнъ изобрѣлъ бы ее. «Думаютъ, что мы, артисты, не живемъ нашими чувствами,—говоритъ онъ,—и съ насъ достаточно мнимаго міра. Насъ принимаютъ за дѣтей, которыя упиваются переливами красокъ и забавляются формами, какъ куклами. Насъ плохо понимаютъ. Линіи и оттѣнки для насъ не что иное, какъ признаки дѣйствительности. Подъ внѣшностью наши взгляды углубляются къ духу и, когда затѣмъ мы воспроизводимъ контуры, мы обогащаемъ ихъ духовнымъ содержаніемъ, которое они прикрываютъ. Артистъ, достойный своего имени, долженъ выразить всю истину природы, не только истину внѣшнюю, но въ особенности внутреннюю. Хорошій скульпторъ, дѣлая человѣческій торсъ, производитъ не одни только мускулы, но главное жизнь, оживляющую ихъ, больше, чѣмъ жизнь, силу, которая ихъ образуетъ и сообщаетъ имъ то грацію, то силу, то любовную прелесть, то неукротимую ярость. Каждый артистъ, согласно своему темпераменту, придаетъ природѣ страшную или кроткую душу. Пейзажисты видятъ отраженіе міровой души не только въ одушевленныхъ существахъ, но и въ неодушевленныхъ: въ землѣ, деревѣ и т. д. они видятъ лицо громаднаго существа и придаютъ извѣстныя выраженія, какъ, напримѣръ, Коро, который видѣлъ доброту въ вершинахъ деревьевъ, или Мило, видѣвшій въ тихихъ водахъ пруда страданія и покорность. Великіе артисты повсюду слышатъ духа, отвѣчающаго ихъ духу. «Гдѣ вы найдете болѣе религіознаго человѣка,—замѣтилъ Родень.—Каждый артистъ, у котораго есть талантъ обобщать формы, вызываетъ то же религіозное чувство, такъ какъ онъ намъ сообщаетъ трепетъ, испытываемый имъ самимъ предъ безсмертной истиной.

Въ «Fortnightly Review» капитанъ Баттинъ въ отвѣтъ на статью Гавэна о печальномъ политическомъ положеніи Австріи оптимистически разсматриваетъ этотъ вопросъ. За исключеніемъ возникновенія затрудненій, которыя могутъ быть вызваны разницею областныхъ нарѣчій, въ дѣлахъ министерства иностранныхъ дѣлъ столько же единства, сколько и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Восшествіе на престолъ Франца-Фердинанда не можетъ служить причиной недоразумѣній; напротивъ, это обстоятельство укрѣпитъ власть австрійскихъ государственныхъ дѣятелей. Съ точки зрѣнія экономической—богат-

[1]) Le Mystere dans l'art. «La Revue» 1 janvier 1910.

ства Австріи такъ же хорошо распредѣлены, какъ въ самыхъ богатыхъ странахъ, и крайняя бѣдность явленіе довольно рѣдкое. Соціальные законы, финансовые законы, законы народнаго образованія стоятъ не ниже, чѣмъ въ Англіи; какъ и тамъ, они также стремятся къ эволюціи и къ прогрессу.

Въ январскомъ нумерѣ «Feuilles d'Histoire» помѣщены слова Жозефа Бонапарта по поводу убійства герцога Энгіенскаго. «Я былъ очень удрученъ казнью герцога Энгіенскаго, по причинѣ моего уваженія и привязанности къ первому консулу; мнѣ казалось, что его слава отъ этого померкла». Что касается Летиціи, она вся въ слезахъ упрекала Наполеона, молча выслушивавшаго ее. «Это жестокій поступокъ, отъ котораго онъ никогда не очистится,—говорила она:—онъ сдался на предательскіе совѣты своихъ собственныхъ враговъ, восторгавшихся, что могутъ омрачить исторію его жизни такой ужасной страницей». Въ этотъ моментъ изъ Страсбурга пріѣхалъ Коленкуръ; онъ увидѣлъ, въ какомъ горѣ Летиція, и, узнавъ причину, ударилъ себя по лбу и сталъ рвать на себѣ волосы. «Зачѣмъ понадобилось вмѣшиваться мнѣ въ эту роковую экспедицію?» Летиція, прибавлялъ Жозефъ, отослала одной дамѣ, которую принцъ любилъ, его собаку и нѣкоторыя изъ принадлежавшихъ ей вещей. «Прошло двадцать лѣтъ со времени этого событія,—сказалъ въ заключеніе Жозефъ,—и я очень хорошо помню, что многія лица, старающіяся умыть руки отъ участія въ этомъ, тогда хвастались этимъ, какъ прекраснымъ дѣломъ, и громко признавали этотъ фактъ.

Въ «Munchner Nachrichten» помѣщено письмо извѣстнаго англійскаго драматическаго писателя Шоу, въ которомъ онъ высказываетъ свой взглядъ на американцевъ и на американскую свободу. Оно было послано въ отвѣтъ на приглашенія импрессаріо Грюммана провести рождественскіе праздники въ Нью-Іоркѣ, посланныя извѣстнымъ драматургамъ: Бернарду Шоу, Барри, Гренвилю, Баркеру, Чамберсу Шоу. Шоу пишетъ, что ему понятно, если американцы пріѣдутъ въ Лондонъ, но онъ не можетъ постичь, зачѣмъ англичанамъ ѣхать въ Соединенные Штаты, гдѣ цивилизація отстала отъ англійской на цѣлое столѣтіе. «Она тамъ такая,—пишетъ онъ,—какъ была у насъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, но хуже благодаря развитію промышленнаго разбойничества, что исключеніе въ нашу эпоху. Особенно всего обиднѣе притязаніе Америки выдавать себя за страну свободы». «Я могу, пишетъ Шоу, высадившись на берегъ тамъ, подвергнуться аресту подъ предлогомъ, что мои прелести возбуждаютъ американокъ къ безнравственности. Меня могутъ упрятать въ тюрьму, если я предложу матримоніальное преобразованіе, или выражу сомнѣніе относительно Элизы и медвѣдей. Какъ смѣютъ называть Америку свободною страною, когда тамъ на виду народная нищета и плачевныя условія дѣтскаго труда на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Каролины? Эти условія хуже, чѣмъ были сто лѣтъ тому назадъ въ Манчестерѣ. Мы нашли средства исправить зло; американцы его знаютъ, но не хотятъ употребить, потому что не желаютъ быть свободными. Они хотятъ только наживать деньги: не все ли имъ равно какъ. Нѣтъ, я не хочу видѣть статую Свободы въ Нью-Іоркѣ. Это зрѣлище превзошло бы мою слабость иронизировать».

Русско-японская война вызвала въ Японіи преобразованіе въ области питанія народа. Въ томъ же «Munchner Nachrichten» сообщаютъ, что въ Японіи была назначена офиціальная комиссія для изученія средствъ, благопріятныхъ для развитія скотоводства и акклиматизаціи иностраннаго скота въ имперіи Восходящаго Солнца. Японцы до сихъ поръ оставались вегетаріанцами болѣе по необходимости, чѣмъ изъ принципа или вкуса. Японскій народъ бѣденъ, случается, что у него не на что купить и рису, и онъ долженъ мириться съ ячменемъ и маленькими рыбками. Богатый классъ истребляетъ много дичи, но мало говядины и почти не ѣстъ баранины, изъ-за травы очень жестокой и мало питательной. Старый обычай обходиться безъ мяса еще долго держался бы, если бы не война съ Россіей. Благодаря ей поднялся вопросъ о полномъ преобразованіи системы питанія. Какъ только прекратилась война, японцы принялись разсматривать этотъ вопросъ. Въ данный моментъ въ Англіи закупается скотъ, и если онъ уживется въ Японіи, то цѣлый народъ перейдетъ отъ вегетаріанства къ потребленію мясной пищи.

СМѢСЬ.

СТОЛѢТІЕ учрежденій по принятію прошеній Государю. Въ Новый 1910-й годъ праздновалось столѣтіе необходимаго учрежденія въ монархическомъ государствѣ, важнѣйшаго въ жизни массы гражданъ, обездоленныхъ или обиженныхъ судьбой и которымъ только и остается молитва къ Богу и мольба къ царю,—это собственная его величества канцелярія по принятію прошеній на Высочайшее имя. Еще царь Иванъ Грозный, «видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправды, умыслилъ привести всѣхъ въ любовь» и учредилъ челобитный приказъ въ 1550 г. Императоръ-преобразователь Петръ Великій также призналъ необходимымъ учредить особую должность генералъ-рекетмейстера спеціально для принятія челобитныхъ. Екатерина II опредѣлила трехъ лицъ для принятія прошеній. Павелъ I велѣлъ сдѣлать ящикъ для опусканія прошеній на его имя, но такъ какъ этотъ ящикъ пришелся не по нраву многимъ лицамъ, то они легко добились его уничтоженія, опустивъ въ него нѣсколько прошеній въ неприличной формѣ. Александръ I, по мысли Сперанскаго, 1 января 1810 г. учредилъ вмѣстѣ съ преобразованіемъ государственнаго совѣта комиссію прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, первымъ предсѣдателемъ которой былъ оберъ-гофмейстеръ Р. А. Кошелевъ. Съ этого времени и началась болѣе правильная въ извѣстныхъ формахъ дѣятельность учрежденія, главы котораго имѣли спеціальный докладъ у Монарха и которое было основано «для безпрестаннаго надзора за отправленіемъ суда и за наблюденіемъ законовъ». Оно 74 года служило правительству орудіемъ борьбы съ судебною неправдою и злоупотребленіями властью, а также дѣлу монаршаго милосердія. Новыя условія жизни съ преобразованіемъ суда выдвинули необходимость преобразованія и въ комиссіи, явилась канцелярія

прошеній, имѣвшая задачу уже не слѣдить за правосудіемъ, а вообще примирять вѣчное противорѣчіе между суровымъ закономъ и требованіями высшей справедливости. 21 февраля 1895 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе выдѣлить канцелярію прошеній изъ вѣдѣнія императорской главной квартиры, при которой она была уже 10 лѣтъ, и присвоить ей наименованіе канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, каковою она и остается. Ея существованію угрожала было опасность при разсмотрѣніи въ совѣщаніи 1906 года статей основныхъ законовъ, но главноуправляющій баронъ Будбергъ въ рѣчи къ Его Величеству высказалъ, что «пройдутъ еще многіе годы, пока исчезнетъ у насъ потребность благодѣтельнаго вмѣшательства верховной власти въ постоянное противорѣчіе между положительнымъ правомъ и справедливостью, что народъ не повѣрилъ бы, если бы ему сказали, что нельзя обращаться къ царю съ просьбами», и Государь изволилъ согласиться съ барономъ Будбергомъ. Заимствуемъ данныя о дѣятельности учрежденій по принятію прошеній изъ прекрасной книги «Историческій очеркъ учрежденія», составленной секретаремъ канцеляріи камергеромъ С. Н. Писаревымъ. Изъ нихъ видно, что въ 1825 г. поступило всеподданнѣйшихъ просьбъ 5,354, которыя всѣ и рѣшены; изъ нихъ доложено Его Величеству было 377. Черезъ 20 лѣтъ, въ 1845 г.—уже 11,357, а въ 1908 г. уже 65,357, доложено Его Величеству изъ нихъ 7,550 и рѣшено 64,174. Число исходящихъ бумагъ съ 2,324—въ 1825 г. возросло до 98,377. Историческая записка, поднесенная Его Величеству, роздана чинамъ канцеляріи. Она въ бронзированномъ переплетѣ, украшенномъ оттискомъ юбилейнаго знака комиссіи, составляетъ большой томъ въ 220 страницъ съ превосходно исполненными въ типографіи Голике и Виль борга фототипіями. Тутъ находятся портреты императоровъ съ Александра I и всѣхъ главъ вѣдомства, причемъ всѣ портреты сняты съ произведеній лучшихъ портретистовъ и взятыхъ изъ музея императора Александра III и частныхъ коллекцій—барона А. А. Будберга, П. Я. Дашкова, Попова, Ланского и др. Кромѣ портретовъ, приложены снимки съ внѣшняго и внутренняго вида помѣщенія канцеляріи, образцы челобитныхъ и автографы. Ко дню юбилея Высочайше установленъ знакъ древняго типа: золотой орелъ съ печати Іоанна Грознаго съ вензелями и датами событія. Знакъ этотъ носится на мѣстѣ статсъ-секретарскаго знака. Въ 4 часа собрались въ пріемномъ залѣ главноуправляющаго, украшенномъ портретами императоровъ, всѣ чины канцеляріи Его Величества по принятію прошеній, во главѣ съ главноуправляющимъ, членомъ государственнаго совѣта, статсъ-секретаремъ барономъ Будбергомъ и товарищемъ его егермейстеромъ Мамонтовымъ и управляющимъ канцеляріею тайнымъ совѣтникомъ барономъ Акурти фонъ-Кенигсфельсомъ, нынѣ назначеннымъ сенаторомъ, и почетные гости, въ томъ числѣ предсѣдатель государственнаго совѣта статсъ-секретарь Акимовъ, статсъ-секретарь Мансуровъ, бывшій государственный секретарь статсъ-секретарь баронъ Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ-нынѣшній государственный секретарь сенаторъ Макаровъ, товарищъ главноуправляющаго собственной Его Величества канцеляріей егермейстеръ Воеводскій, г.-м. Шевелевъ и др. Настоятель церкви Маріинскаго дворца протоіерей Рождественскій совершилъ благодарственное молебствіе и обратился къ чинамъ

канцеляріи съ выразительнымъ словомъ, къ которомъ высказалъ, что на ихъ долю выпало счастіе служить дѣлу милости царской, царскаго попеченія о народѣ. Главноуправляющій прочиталъ Высочайшую грамоту, данную канцеляріи въ день юбилея и покрытую общимъ восторженнымъ «ура!» Баронъ Будбергъ высказалъ, что, ободренные такой царской милостью, всѣ чины неустанно будутъ трудиться въ томъ дѣлѣ, которое государь поручилъ ихъ попеченію. Было подано шампанское, и баронъ Будбергъ возгласилъ царскія здравицы. «Ура» раскатывалось по заламъ. За царскими здравицами слѣдовали тосты за статсъ-секретаря Акимова и почетныхъ лицъ. Предсѣдатель государственнаго совѣта поднялъ бокалъ за барона Будберга. Была оглашена барономъ всеподданнѣйшая телеграмма, посылаемая Его Величеству. Она воодушевила всѣхъ и 4 раза подъ рядъ всѣ импровизованнымъ хоромъ пропѣли «Боже Царя храни». Старшій чиновникъ Гепецкій обратился къ барону Будбергу съ рѣчью, въ которой высказалъ привѣтствіе ему отъ чиновъ канцеляріи.

Столѣтіе учрежденія государственной канцеляріи. 2 января чины государственной канцеляріи торжественно праздновали вѣковой юбилей своего учрежденія, созданнаго императоромъ Александромъ I съ цѣлью, «чтобы благосостояніе имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ въ установленіяхъ». За свое вѣковое существованіе государственная канцелярія являлась ближайшей помощницей и правой рукой государственнаго совѣта, строго блюдя святость закона, воспитывая въ неослабныхъ традиціяхъ исполненія служебнаго долга цѣлый рядъ государственныхъ дѣятелей. Въ три часа дня залъ засѣданій государственнаго совѣта представлялъ рѣдкое по красотѣ зрѣлище, соперничая съ картиной Рѣпина «Торжественное засѣданіе государственнаго совѣта въ день его столѣтняго юбилея». Почти тѣ же лица, въ залитыхъ золотомъ мундирахъ, орденахъ и лентахъ, и между ними скромные вицъ-мундиры чиновъ государственной канцеляріи и приглашенныхъ на торжество лицъ. Праздникъ начался молебствіемъ. Служилъ соборнѣ причтъ церкви Маріинскаго дворца: протоіерей Рождественскій, священники о. Вознесенскій, о. Рождественскій и діаконъ Воскресенскій. Красиво пѣлъ хоръ Архангельскаго. Послѣ молебна государственный секретарь А. А. Макаровъ, прочитавъ Высочайшую грамоту, дарованную въ день юбилея, обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью. Предпославъ историческую справку учрежденія государственной канцеляріи, сенаторъ Макаровъ отмѣтилъ роль и значеніе ея въ дѣлѣ государственнаго управленія въ теченіе столѣтняго періода. На долю государственной канцеляріи и ея руководителей выпадало больше терній, чѣмъ розъ. Ея самостоятельное положеніе вызывало недовольство, и министры нерѣдко пытались ограничить значеніе государственной канцеляріи. Временщикъ графъ Аракчеевъ даже взялъ на себя важнѣйшую обязанность государственнаго секретаря докладывать по дѣламъ совѣта государю императору. Съ воцареніемъ Николая Павловича государственная канцелярія заняла подобающее ей мѣсто. Ея труды по подготовкѣ и разработкѣ законодательныхъ предположеній снова получили широкое развитіе. Постепенно въ кругъ дѣятельности канцеляріи вводились новыя обязанности по производству такихъ дѣлъ, которыя въ первое время существованія канцеляріи вовсе ея не касались. На государственныхъ же се-

кретарей нерѣдко возлагались различныя важныя порученія. Въ царствованіе императора Александра II вліяніе государственной канцеляріи на государственную жизнь усилилось еще болѣе, особенно съ преобразованіемъ контроля и съ установленіемъ новаго порядка составленія финансовыхъ смѣтъ вѣдомствъ и государственной росписи доходовъ и расходовъ. Съ объединеніемъ же въ государственномъ совѣтѣ работъ законодательныхъ и кодификаціонныхъ должности государственнаго секретаря было возвращено право законодательнаго почина въ отношеніи разъясненія, измѣненія или дополненія законовъ въ случаяхъ, препятствующихъ правильной ихъ кодификаціи. При нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ дѣятельность государственной канцеляріи усложнилась усиленной разработкой многихъ важныхъ законодательныхъ предположеній. Долголѣтняя дѣятельность государственной канцеляріи, ея громадный трудъ находили себѣ многократную оцѣнку съ высоты престола. «Пробѣгая мысленно протекшія сто лѣтъ,—сказалъ далѣе А. А. Макаровъ,—вспоминая съ благодарностью прошлыхъ дѣятелей, пріуготовившихъ нынѣшнее положеніе государственной канцеляріи, считаю себя безмѣрно счастливымъ, что столѣтіе существованія ея ознаменовано высокими милостями Государя Императора, соизволившаго въ высочайшей грамотѣ выразить увѣренность, что «служба ея будетъ столь же благотворной и что она и впредь неуклонно будетъ соблюдать свои старые завѣты, преданность служебному долгу и воодушевленное стремленіе трудиться на благо родины». Напутствуемая при вступленіи въ новое столѣтіе столь высокомилостивыми словами, государственная канцелярія, въ лицѣ ея чиновъ, приложитъ, безъ сомнѣнія, всѣ силы разумѣнія своего, чтобы соблюденіемъ блестящихъ завѣтовъ минувшаго оправдать оказанное ей Высочайшее довѣріе и не преминетъ трудиться, какъ любилъ выражаться одинъ изъ талантливѣйшихъ ея представителей В. П. Бутковъ—«съ пламеннымъ усердіемъ». Было подано шампанское, и А. А. Макаровъ возгласилъ царскія здравицы: за Государя Императора, за августѣйшую семью. Отвѣтомъ на это было «ура» и пропѣтый всѣми присутствующими неоднократно гимнъ «Боже, Царя храни». Затѣмъ слѣдовали тосты за предсѣдателя и членовъ государственаго совѣта, за предсѣдателя совѣта министровъ и всѣхъ его коллегъ, за бывшихъ государственныхъ секретарей. Предсѣдатель государственнаго совѣта М. Г. Акимовъ поднялъ боколъ за А. А. Макарова, Н. Ф. Дерюжинскаго и членовъ государственной канцеляріи. Были также оглашены поздравительныя телеграммы отъ П. А. Столыпина, графа Д. М. Сольскаго, отсутствующихъ членовъ государственнаго совѣта и государственныхъ дѣятелей. Въ память юбилея чинамъ канцеляріи выданъ нагрудный знакъ и награда въ видѣ годового оклада квартирнаго довольствія. Графъ Д. М. Сольскій прислалъ 1,300 руб. для раздачи курьерамъ и сторожамъ. По окончаніи церемоніи присутствовавшимъ былъ предложенъ любезными хозяевами чай, за которымъ началась дружеская бесѣда гостей и сослуживцевъ.

Столѣтіе спб. духовной академіи. 16-го декабря с.-петербургская духовная академія праздновала свой столѣтній юбилей. Парадныя сѣни, лѣстница и коридоръ драпированы матеріями національныхъ цвѣтовъ и обведены по стѣнамъ гирляндами зеленой хвои, среди которой красивыми зигзагами и фигурками мелькали цвѣтные огоньки электрическихъ лампочекъ.

Въ церкви академіи, обведенной также по карнизамъ электричествомъ, собрались инспекторъ академіи д. с. с. Троицкій, профессора, студенты и депутаты, прибывшіе на празднество, среди нихъ членъ государственнаго совѣта профессоръ Горчаковъ, проф. кіевскаго университета Завитневичъ, юрьевскаго—Царевскій, академикъ т. с. Боткинъ и др. Высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій Антоній, встрѣченный со славой, совершалъ торжественную литургію въ сослуженіи архіепископа литовскаго Никандра, епископовъ омскаго Гавріила и оренбургскаго, ректора с.-петербургской духовной академіи Ѳеофана, архимандритовъ и 12 священниковъ. Прекрасно пѣлъ хоръ студентовъ. За литургіей ректоръ академіи произнесъ слово о служеніи и подвигахъ апостольскихъ. На благодарственное молебствіе вышли высокопреосвященные митрополиты с.-петербургскій Антоній, кіевскій Флавіанъ, архіепископы—Николай варшавскій, Никандръ литовскій, Тихонъ ярославскій, епископы—Іоаннъ полтавскій, Гавріилъ омскій, Ѳеодоръ, викарные с.-петербургскіе Кириллъ, Никандръ и Ѳеофанъ, архимандриты: намѣстникъ Александро-Невской лавры Ѳеофанъ, представитель московскаго митрополита Кронидъ, ректоръ с.-петербургской семинаріи Веніаминъ, настоятель греческой посольской церкви, митроформые протоіереи: настоятель Петропавловскаго собора Дерновъ, профессоръ с.-петербургскаго университета Рождественскій, профессоръ с.-петербургской духовной академіи Аквилоновъ и до 30 священниковъ, профессоровъ и бывшихъ питомцевъ академіи. Было воспѣто «Тебе, Бога, хвалимъ», концертъ Бортнянскаго, и провозглашены соотвѣтствующія торжеству многолѣтія. Послѣ богослуженія въ аудиторіяхъ 1-го и 4-го курса былъ предложенъ чай, а затѣмъ митрополитъ кіевскій и архіереи осматривали церковно-археологическій музей при академіи, существующій уже 30 лѣтъ, причемъ его основателемъ и директоромъ профессоромъ Покровскимъ преосвященнымъ и гостямъ былъ врученъ огромный томъ описанія музея, составленный г. Покровскимъ, съ эскизами, рисунками и фотографіями. Въ музеѣ много сѣверныхъ древностей, старинныхъ иконъ и старовѣрческихъ, въ томъ числѣ древне-христіанскія лампы изъ катакомбъ, большое паникадило бронзовое изъ христіанскаго храма XII вѣка, разныя медали, украшенія и пр. Съ присутствовавшихъ была снята фотографическая группа. Профессору Покровскому поднесенъ преосвященнымъ ректоромъ кіевской духовной академіи дипломъ почетнаго члена церковно-историческаго и археологическаго общества при кіевской духовной академіи. На торжественный актъ собрались со всѣхъ концовъ столицы и Россіи ея многочисленные питомцы, и весь ученый и духовный учебный міръ откликнулся на ея торжество. Большой двухсвѣтный залъ академіи съ портретами императоровъ, митрополитовъ и іерарховъ на своихъ бѣлыхъ стѣнахъ, теперь пестрѣвшихъ флагами, гирляндами и вѣниками зеленой хвои, изъ которой весело выглядывали разбросанные иллюминаціонные огоньки электрическихъ лампочекъ, былъ биткомъ набитъ парадной публикой и студентами. На эстрадѣ въ три ряда, лицомъ къ публикѣ помѣстились профессора и представители академіи съ ея ректоромъ преосвященнымъ Ѳеофаномъ, епископомъ ямбургскимъ, и инспекторомъ д. с. с. Троицкимъ. Позади стояли студенты старшаго курса. Слѣва, въ группѣ зелени пальмъ и латаній высилась каѳедра. Первые ряды пестрѣли генеральскими ле-

тами, мундирами и звѣздами; на хорахъ, убранныхъ гирляндами съ электрическими огоньками, размѣстились дамы. Въ первомъ ряду заняли мѣста высокопреосвященные митрополиты с.-петербургскій Антоній и кіевскій Флавіанъ, по другую сторону средняго прохода оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода т. с. Лукьяновъ и его товарищъ сенаторъ Роговичъ. На актѣ присутствовали преосвященные архіепископы и епископы Николай варшавскій, Никандръ литовскій, Тихонъ ярославскій, Арсеній псковскій, Іоаннъ полтавскій, Гавріилъ омскій, Ѳеодосій чигиринскій, Кириллъ гдовскій, Никандръ нарвскій, Митрофанъ гомельскій. Митрополитъ благословилъ собраніе. Хоръ спѣлъ «Днесь благодать св. Духа насъ собра». Секретарь академіи г. Высокопетровскій прочиталъ постановленіе святѣйшаго синода о торжественномъ празднованіи столѣтія академіи и заявилъ, что историческій очеркъ жизни академіи профессора Соллертинскаго не можетъ быть прочитанъ за недостаткомъ времени, а профессоръ Покровскій сдѣлалъ бѣглое сообщеніе о жизни академіи. Рѣчь свою профессоръ закончилъ, восклицая: «Да здравствуетъ академическая наука въ союзѣ съ вѣрою и любовью». Послѣ рѣчи профессора хоръ спѣлъ: «Хвалите Бога». Высокопреосвященный митрополитъ Антоній прочиталъ и вручилъ ректору грамоту святѣйшаго синода: «Святѣйшій правительствующій всероссійскій синодъ, привѣтствуя с.-петербургскую духовную академію съ исполнившимся столѣтіемъ ея служенія церкви и отечеству, духовной наукѣ и христіанскому просвѣщенію, молитвенно призываетъ на академію Божіе благословеніе. Да будутъ труды академіи всегда обращены на пользу вѣры, во славу церкви, ко благу отечества». Отъ себя митрополитъ сказалъ, что онъ почитаетъ себя счастливымъ, что Богъ даровалъ ему возможность привѣтствовать ея столѣтіе. 44 года владыка былъ связанъ съ академіей, причемъ 26 лѣтъ въ непосредственной связи—студента, профессора, ректора. Семья академіи родственна его сердцу. Митрополитъ благословилъ академію иконой. Затѣмъ начался рядъ рѣчей и привѣтствій. Нѣтъ возможности передать даже ихъ краткое содержаніе, хотя многія изъ нихъ были очень интересны и краснорѣчивы. Это, конечно, естественно, когда привѣтствовали академію всѣ высшія наши ученыя учрежденія и представители ученаго міра. Шесть часовъ, вплоть до обѣда, продолжался актъ академіи. Читались привѣтствія патріарховъ: вселенскаго константинопольскаго Іоакима III, блаженнаго Фотія — патріарха александрійскаго, митрополитовъ черногорскаго, далматскаго, экзарха болгарскаго, архіепископа Николая изъ Японіи. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода Лукьяновъ привѣтствовалъ академію рѣчью. Три академика императорской академіи наукъ, императорская публичная библіотека (членъ государственнаго совѣта Кобеко), всѣ духовныя академіи, филологическіе институты, политехническій институтъ, всѣ университеты, включая и новый саратовскій, академія художествъ, академія николаевская, военная, Александровская военно-юридическая, военно-медицинская, Александровскій лицей и училище правовѣдѣнія, учебный комитетъ при святѣйшемъ синодѣ, разныя учрежденія святѣйшаго синода и типографія его, с.-петербургская городская дума и комиссія ея по народному образованію, московское общество исторіи и древностей россійскихъ, военно-историческое общество, императорская археологическая комиссія, археографическое общество, общество русской иконо-

писи (поднесло икону), археологическій институтъ, психоневрологическій институтъ, лѣсной институтъ, демидовскій юридическій лицей, пажескій Его Величества корпусъ, московское археологическое общество, общество любителей древней письменности, с.-петербургская семинарія, духовное училище и Исидоровское женское духовное училище. Прочитана была масса телеграммъ, которыхъ получено 110; во главѣ ихъ отъ московскаго митрополита Владимира и отъ предсѣдателя совѣта министровъ преосвященному Θеофану. Профессоръ Покровскій благодарилъ отъ имени академіи всѣхъ ее почтившихъ. Митрополитъ обратился съ заключительнымъ словомъ, въ которомъ пожелалъ, чтобы не угасала апостольская дѣятельность академіи. Хоръ пропѣлъ: «Тебе, Бога, хвалимъ» и «Боже, Царя храни», трижды повторенное при общемъ «ура». Актъ закончился пѣніемъ: «Достойно есть». Въ седьмомъ часу въ помѣщеніи академіи состоялся парадный обѣдъ. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода Лукьяновъ произнесъ царскую здравицу. Всѣ запѣли «Боже, Царя храни». Преосвященный Θеофанъ провозгласилъ здравицы за святѣйшій синодъ, за патріарховъ, за митрополитовъ Антонія и Флавіана, за архипастырей и гостей. Митрополитъ Флавіанъ поднялъ чару за духовную академію и за ея ректора и составъ. Прочитанъ былъ текстъ вѣрноподданнической телеграммы Его Величеству и послѣ этого снова всѣ спѣли «Боже, Царя храни». Затѣмъ началась дружеская бесѣда съѣхавшихся съ разныхъ сторонъ питомцевъ академіи.

50-лѣтіе императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Празднованіе полувѣкового юбилея императорскаго музыкальнаго общества началось 18 октября прошлаго года торжественнымъ актомъ въ консерваторіи. Большой залъ консерваторіи былъ красиво декорированъ зеленью. На эстрадѣ, гдѣ помѣстился оркестръ и хоръ учащихся консерваторіи, возвышался бюстъ одного изъ основателей консерваторіи А. Г. Рубинштейна. Въ залѣ среди присутствовавшихъ находились августѣйшій президентъ академіи наукъ, великій князь Константинъ Константиновичъ, августѣйшая предсѣдательница императорскаго музыкальнаго общества, принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская, члены дирекціи музыкальнаго общества: князь А. Д. Оболенскій, Д. В. Стасовъ, П. В. Арцыбушевъ, А. И. Вишнеградскій, В. Э. Направникъ, графъ Витте, городской голова Н. А. Рѣзцовъ и др. Послѣ молебна оркестръ и хоръ учащихся консерваторіи, подъ управленіемъ профессора Черепнина, исполнилъ «шествіе» изъ оперы «Фераморсъ» А. Рубинштейна. Затѣмъ вице-предсѣдатель императорскаго музыкальнаго общества прочиталъ рескриптъ, данный на имя августѣйшей предсѣдательницы общества. Чтеніе рескрипта было покрыто возгласами «ура». Хоръ и оркестръ трижды исполнили народный гимнъ. Послѣ этого князь А. Д. Оболенскій прочелъ очеркъ исторіи развитія музыкальнаго общества. Ораторъ остановился на характеристикѣ тѣхъ условій, при которыхъ возникло императорское музыкальное общество. «Печальное состояніе музыкальнаго искусства въ Россіи сознавалось небольшой группой дѣйствительныхъ цѣнителей его среди столичнаго общества еще задолго до возникновенія музыкальнаго общества. Но начинанія этихъ просвѣщенныхъ лицъ, изъ коихъ многія занимали весьма высокое общественное и служебное положеніе, не имѣли, однако, успѣха, ибо дѣятелямъ этимъ недоставало таланта, духовной мощи, чтобы поднять и

разбудить дремлющія музыкальныя силы. Такимъ лицомъ, обладавшимъ всѣми этими свойствами, оказался А. Г. Рубинштейнъ. Этотъ геніальный художникъ-пианистъ, очаровавшій всѣхъ своимъ талантомъ, полный въ то время свѣжихъ силъ, человѣкъ съ твердой волей, независимый и прямой, и является дѣйствительнымъ создателемъ русскаго музыкальнаго общества. Далѣе ораторъ указалъ на поддержку и содѣйствіе, которыя оказала обществу великая княгиня Елена Павловна. Отъ имени дирекціи музыкальнаго общества князь А. Д. Оболенскій прочелъ адресъ старѣйшему члену дирекціи Д. В. Стасову, одному изъ оставшихся въ живыхъ учредителей общества. Присутствующіе устроили Д. В. шумныя оваціи. Послѣ рѣчи князя А. Д. Оболенскаго началось чтеніе адресовъ и шествіе многочисленныхъ депутацій. Первый адресъ былъ прочитанъ отъ имени городского общественнаго управленія депутаціей, бывшей въ составѣ Н. А. Рѣзцова, П. А. Потѣхина и В. С. Кривенка, причемъ П. А. Рѣзцовъ сообщилъ объ учрежденіи городской думой 4-хъ стипендій. Отъ имени академіи наукъ привѣтствовали музыкальное общество А. Ѳ. Кони и Н. А. Котляревскій. А. Ѳ. Кони подчеркнулъ, что между академіей наукъ и консерваторіей и музыкальнымъ обществомъ всегда существовали не только личная связь черезъ посредство лицъ, входившихъ въ тѣ или другія учрежденія, но и моральная: художественное слово часто находило поэтическое воплощеніе въ музыкѣ. Профессоръ Буличъ прочиталъ адресъ отъ имени спб. университета «носителямъ истиннаго высокаго національнаго искусства, достойнаго великаго русскаго народа». Затѣмъ слѣдовали адреса отъ академіи художествъ, отъ императорской публичной библіотеки, отъ императорскаго театральнаго общества, отъ императорской оперы и оркестра, отъ союза драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, отъ попечительства для поощренія композиторовъ, отъ общества писателей о музыкѣ, отъ спб. филармоническаго общества, отъ общества камерной музыки, отъ оркестра графа А. Д. Шереметева, отъ кружка имени Полонскаго, отъ народной консерваторіи и друг. Отъ московскаго отдѣленія императорскаго музыкальнаго общества былъ прочитанъ адресъ депутацій въ составѣ г-жи Лавровской и г. Чижова. Далѣе слѣдовали привѣтствія отъ провинціальныхъ отдѣленій общества. По прочтеніи адресовъ были оглашены телеграммы отъ августѣйшихъ особъ, отъ П. А. Столыпина съ «пожеланіемъ обществу дальнѣйшаго процвѣтанія», отъ профессора Сафонова, отъ Іосифа Гофмана, Тапѣева, отъ Ц. А. Кюи и др. Изъ-за границы были получены телеграммы отъ астердамской консерваторіи, отъ вѣнской академіи, отъ музыкальныхъ обществъ Берна, Женевы и др. Торжественный актъ кончился «Славой» Н. Римскаго-Корсакова, исполненной хоромъ и оркестромъ учащихся консерваторіи.

Торжественное собраніе императорской академіи наукъ. 29 декабря состоялось торжественное годичное собраніе императорской академіи наукъ. Предсѣдательствовалъ вице-президентъ, тайный совѣтникъ П. В. Никитинъ. Среди почетныхъ гостей находились между прочими бывшій посолъ въ Константинополѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ Зиновьевъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, члены государственнаго совѣта и многіе видные общественные дѣятели. И. о. непремѣннаго секретаря академикомъ княземъ Б. Б. Голицынымъ былъ прочитанъ отчетъ по физико-математическому и историко-филологи-

ческому отдѣленіямъ академіи. При этомъ помянута память скончавшихся въ нынѣшнемъ году: почетныхъ членовъ академіи, великаго князя Владимира Александровича великаго князя Михаила Николаевича, И. Е. Забѣлина, князя М. И. Хилкова, статсъ-секретарь А. А. Половцева, знаменитаго астронома Симона Ньюкомба и членовъ-корреспондентовъ геологовъ С. Н. Никитина и Гарри Силей, біологовъ Альфреда Жіаръ и Антона Дорнъ, профессора Ѳ. Ѳ. Мартенса, историка и филолога К. Крумбахера, знатоковъ классическаго міра Ѳ. Ѳ. Соколова и Анри Вейля, востоковѣда Михаила Яна-де-Гуе и лингвиста Рихарда Нишеля. За истекшій годъ реформа академіи, въ смыслѣ увеличенія ея денежныхъ средствъ, на необходимость чего государственная дума уже дважды обращала вниманіе, значительно подвинулась впередъ. Проектъ новыхъ штатовъ академіи почти оконченъ разсмотрѣніемъ въ междувѣдомственномъ совѣщаніи и есть полная надежда, что въ началѣ будущаго года все дѣло поступитъ на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій. 8 ноября 1911 года исполнится 200 лѣтъ со дня рожденія одного изъ величайшихъ русскихъ геніевъ—бывшаго члена академіи М. В. Ломоносова. Желая достойнымъ образомъ почтить этотъ день, академія избрала особую комиссію, которая выработала цѣлый рядъ предложеній, частью уже разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ конференціею академіи. Между прочимъ комиссія намѣтила: возбудить вопросъ объ учрежденіи при академіи особаго Ломоносовскаго института, въ которомъ сосредоточились бы академическіе лабораторіи и кабинеты по физикѣ, химіи, минералогіи, а также объ открытіи всероссійской подписки на сооруженіе памятника Ломоносову въ Петербургѣ, между академіею наукъ и университетомъ; закончить къ означенному дню полное собраніе сочиненій Ломоносова; издать сборникъ научныхъ статей его въ переводѣ на русскій языкъ и сборникъ матеріаловъ для его біографіи; издать популярную біографію его, устроить въ память юбилея ломоносовскую выставку; образовать при библіотекѣ или при ломоносовскомъ институтѣ особый музей Lomonosoviana; назначить на соисканіе премій Ахматова въ 1911 году темы, имѣющія отношеніе къ жизни и дѣятельности Ломоносова и т. п. Экспедиція, организованная братьями Кузнецовыми на Уралъ, встрѣтила со стороны академіи полную поддержку и сочувствіе. Въ январѣ отчетнаго года при академіи состоялся второй метеорологическій съѣздъ, прошедшій весьма оживленно. Опекунское управленіе по дѣламъ А. В. Михалкова пожертвовало академіи громадную библіотеку покойнаго В. С. Михалкова, болѣе 40,000 томовъ. Благодаря щедрому дару Ф. Ю. Шотлендера, удалось надстроить третій этажъ и значительно расширить выставочныя помѣщенія музея антропологіи и этнографіи имени императора Петра Великаго. Приступлено къ правильнымъ астрономическимъ наблюденіямъ на пожертвованной Н. С. и И. С. Мальцовыми обсерваторіи въ Симеизѣ, въ Крыму. 2 мая избрана и имѣла уже четыре засѣданія комиссія для разбора матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ конференціи академіи и касающихся ученой дѣятельности знаменитаго математика Эйлера и для передачи ихъ въ швейцарскую Commission des oeuvres d'Euler. Вслѣдствіе письма морского министра на имя августѣйшаго президента академіи образована особая комиссія по устройству на берегахъ Восточнаго океана магнитно-метеорологической обсерваторіи. Для усиленія фонда на постройку пушкинскаго

дома предполагается устроить въ 1910 году въ Москвѣ выставку «Русскіе писатели XIX вѣка»; денежныя средства комиссіи по постройкѣ памятника Пушкину составляютъ 128,393 рубля 87½ копеекъ. Прочитаны отчеты по присужденію слѣдующихъ премій. 1) Тайнаго совѣтника М. Н. Ахматова (впервые): по I отдѣленію—большая премія Ю. М. Шокальскому и К. Д. Грибоѣдову за сочиненіе «Исчисленіе поверхности Азіатской Россіи». Малая—К. Н. Давыдову за два сочиненія: а) «Наблюденія надъ процессомъ регенераціи у Enteropneusta» и б) «По островамъ индо-австралійскаго архипелага. Впечатлѣнія и наблюденія натуралиста». По III отдѣленію—большая премія сочиненію А. М. Ону «Выборы 1789 года во Франціи и наказы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинному настроенію страны». Малыя преміи, по 500 рублей каждая, сочиненіямъ: а) И. В. Попова: «Законъ гармоніи и ритма» (рукопись); б) П. А. Гейсмана: «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка (VI—XVIII столѣтія)»; в) А. М. Заіончковскаго: «Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой». Кромѣ того, сочиненія П. Д. Паренсова: «Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба» признаны также заслуживающими награжденія преміи, но, за неимѣніемъ таковой въ своемъ распоряженіи, комиссія лишена была возможности присудить ее автору. 2) Академика К. М. Бэра—большую премію В. Л. Комарову за сочиненіе «Флора Манчжуріи» (тт. II и III) и малую П. Н. Крылову за изученіе флоры сѣверо-востока Европейской Россіи и западной Сибири вообще и работу «Флоры Алтая и Томской губерніи». Юбилейная медаль К. М. Бэра присуждена доктору Э. Э. Руссову. 3) Дѣйствительнаго студента А. М. Кожевникова—пособіе Н. Д. Миронову за работу въ области индійской лексикографіи, въ размѣрѣ 900 рублей. 4) Преміи имени митрополита Макарія присуждены были: I. Полная, въ 1,500 рублей А. М. Дирру за его работы: а) «Грамматика удинскаго языка»; б) «Грамматическій очеркъ табассаранскаго языка съ текстами, сборникомъ табассаранскихъ словъ и русскимъ къ нему указателемъ»; в) «Краткій грамматическій очеркъ андійскаго языка съ текстами, сборникомъ андійскихъ словъ и русскимъ къ нему указателемъ»; г) «Агульскій языкъ. Грамматическій очеркъ, тексты, сборникъ агульскихъ словъ съ русскимъ къ нему указателемъ», и д) «О классахъ (родахъ) въ кавказскихъ языкахъ». Неполныя преміи по 1,000 р. каждая: 1) П. Н. Ардашеву за его работы: а) «Провинціпіальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. 1774—1789. Провинціальные интенданты». и 2) А. И. Савину за его работы: а) «Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ», и б) «Англійская секуляризація». 5) Награды графа Уварова присуждены были: большая, въ 1500 рублей, Н. Я. Новомбергскому за его трудъ: «Врачебное строеніе въ допетровской Руси»; малая награда, въ 500 рублей—П. В. Ястребову за изслѣдованіе: «Этюды о Петрѣ Хельчицкомъ и его времени» и почетный отзывъ—А. В. Ветухову за сочиненіе: «Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова». Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности былъ прочитанъ академикомъ Н. П. Кондаковымъ. Состоящій при отдѣленіи разрядъ изящной словесности выпустилъ въ свѣтъ I томъ академической библіотеки русскихъ писателей—сочиненія Кольцова. Слѣдующіе выпуски—со 2-го по 6-й вклю-

чительно—рѣшено отвести сочиненіямъ Лермонтова, въ пяти томахъ. Подготовительныя работы въ полномъ ходу и уже въ январѣ наступающаго года будетъ приступлено къ печатанію перваго тома. Параллельно идутъ подготовительныя работы по изданію сочиненій Баратынскаго, Грибоѣдова, Дельвига. Особый комитетъ разряда изящной словесности устроилъ въ память И. С. Тургенева выставку, съ 8 по 20 марта. 1 ноября, въ день похоронъ Кольцова, разрядъ почтилъ память поэта торжественнымъ засѣданіемъ и была открыта «Кольцовская» выставка. Отдѣленіе участвовало на торжествѣ открытія памятника Н. В. Гоголю 26 апрѣля въ Москвѣ. Въ почетные академики избраны: Н. Н. Златовратскій и И. А. Бунинъ. Отдѣленіемъ присуждены: I. Ломоносовская премія въ 1,000 рублей—В. В. Сиповскому за сочиненіе «Очерки по исторіи русскаго романа»; затѣмъ разнымъ лицамъ присуждены: три преміи имени Михельсона, три графа Д. А. Толстого и четыре М. Н. Ахматова. Послѣ прочтенія отчетовъ академикъ Н. А. Котляревскій произнесъ рѣчь на тему «Судьба трагедіи въ наше время». Въ заключеніе провозглашены имена слѣдующихъ вновь избранныхъ академіею лицъ. Въ почетные члены: Мельхіоръ Трейбъ (Melchior Treub), бывшій директоръ ботаническаго сада въ Бейтензоргѣ (Buitenzorg), на островѣ Явѣ. Въ члены-корреспонденты: по физико-математическому отдѣленію: А. В. Клоссовскій, заслуженный ординарный профессоръ новороссійскаго университета, Лакруа, Альфредъ (Alfred Lacroix), членъ парижской академіи наукъ, профессоръ въ парижскомъ естественно-историческомъ музеѣ (Muséum d'histoire naturelle) и директоръ минералогической лабораторіи практической школы высшихъ наукъ въ Сорбоннѣ (Ecole pratique des hautes etudes à la Sorbonne), въ Парижѣ, Хогъ, Эмилій (Emile Haug), профессоръ факультета наукъ и директоръ геологической лабораторіи въ Сербоннѣ, въ Парижѣ, Н. А. Холодковскій, ординарный профессоръ лѣсного института и военно-медицинской академіи. По отдѣленію русскаго языка и словесности: М. Г. Халанскій, ординарный профессоръ харьковскаго университета; Н. Н. Глубоковскій, профессоръ спб. духовной академіи. По историко-филологическому отдѣленію: С. Ѳ. Платоновъ, ординарный профессоръ спб. университета, директоръ женскаго педагогическаго института; Мейеръ, Эдуардъ (Eduard Meyer), членъ королевской академіи наукъ въ Берлинѣ, ординарный профессоръ королевскаго университета въ Берлинѣ; Гвиди, Игнатій (Ignazion Guidi), членъ королевской линчеанской академіи (Reale Academia dei Lincei), ординарный профессоръ королевскаго университета въ Римѣ (по каѳедрѣ еврейскаго языка и сравнительной семитической, въ томъ числѣ абиссинской, филологіи) и директоръ восточной школы (Scuola Orientale) въ Римѣ.

Присужденіе премій М. И. Михельсона. 16-го декабря состоялось публичное засѣданіе императорской академіи наукъ, на которомъ предсѣдательствующій въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарный академикъ А. А. Шахматовъ прочиталъ отчетъ о второмъ присужденіи премій имени М. И. Михельсона. На трехлѣтіе 1907—1909 гг. (четвертый конкурсъ по соисканію этихъ премій) отдѣленіемъ русскаго языка и словесности были назначены 12 задачъ, представлено же всего четыре труда, три на русскомъ языкѣ и одинъ—на нѣмецкомъ. Разсмотрѣніе сочиненій было принято на себя академиками:

Ѳ. Е. Коршемъ, А. И. Соболевскимъ и А. А. Шахматовымъ; кромѣ нихъ, привлечены къ оцѣнкѣ упомянутыхъ сочиненій и посторонніе ученые: профессоръ императорскаго университета св. Владимира въ Кіевѣ И. В. Шаровольскій и профессоръ А. Л. Погодинъ. Въ виду того, что одно сочиненіе было снято съ конкурса, такъ какъ отъ двухъ рецензентовъ, которымъ было поручено его разсмотрѣть, получены отрицательные отзывы, пришлось дѣлать выборъ только между тремя остальными сочиненіями, которыя и были признаны достойными награжденія преміями. Комиссія изъ членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности, ординарныхъ академиковъ: А. А. Шахматова, Ф. Ѳ. Фортунатова, Н. П. Кондакова, А. И. Соболевскаго, В. М. Истрина и Н. А. Котляревскаго и приглашенныхъ: приватъ-доцента Н. М. Каринскаго, профессора П. А. Лаврова и профессора А. Л. Погодина, по всестороннемъ обсужденіи сочиненій и отзывовъ рецензентовъ, не нашла возможнымъ признать ни одно сочиненіе заслуживающимъ полной преміи имени Михельсона, а потому присудила половинную премію въ пятьсотъ рублей М. Р. Фасмеру за сочиненіе: «Грекославянскіе этюды. III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ» (1909) и двѣ поощрительныя преміи, по триста рублей каждая, за рукописные труды—В. И. Чернышева: «Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ стилистической грамматики» и Яло Калима: «Finnische Lehnwörter im Russischen». Это постановленіе комиссіи отдѣленіе русскаго языка и словесности утвердило. Въ знакъ же своей признательности гг. рецензентамъ, не принадлежащимъ къ академической средѣ, профессору императорскаго университета св. Владимира въ Кіевѣ И. В. Шаровольскому и профессору А. Л. Погодину, опредѣлило выдать золотыя медали имени М. И. Михельсона.

Засѣданіе литературнаго фонда. Подъ предсѣдательствомъ профессора Н. И. Карѣева 27 декабря состоялось очередное административное засѣданіе членовъ литературнаго фонда. Засѣданіе было посвящено докладамъ секретаря и казначея за послѣднюю четверть истекающаго года. Первый докладъ прочиталъ секретарь литературнаго фонда В. Д. Набоковъ. Самымъ крупнымъ событіемъ въ жизни фонда за отчетный періодъ было празднованіе его 50-лѣтняго юбилея. На это торжество нѣсколько лицъ откликнулись крупными пожертвованіями: Л. Ф. Пантелѣевъ пожертвовалъ 2,000 рублей, Н. И. и С. А. Карѣевы пожертвовали 1,000 рублей, книгоиздательская фирма Сытина—1,000 рублей и К. К. Арсеньевъ—100 рублей. Литературный вечеръ, устроенный въ пользу фонда, далъ 800 рублей, вечеръ, устроенный въ Таганрогѣ Е. М. Гаршинымъ (братомъ покойнаго писателя) принесъ чистаго дохода 192 рубля. За время съ октября по декабрь фондъ выдалъ единовременныхъ пособій 79 нуждающимся литераторамъ на 2,698 рублей; кромѣ того, 19 лицамъ выдано 1,645 рублей на воспитаніе и обученіе дѣтей. Всего прошеній о пособіи въ комитетъ фонда поступило отъ 152 лицъ; отказано по разнымъ основаніямъ 36 лицамъ. Въ докладѣ секретаря также отмѣчено, что М. Н. Стоюнина, по ходатайству комитета, предоставила дочери одного писателя безплатную стипендію въ своей гимназіи, а г-жа Яновичъ, въ Таганрогѣ, въ ознаменованіе 50-лѣтія фонда, также предоставила въ распоряженіе фонда одну безплатную вакансію въ своей гимназіи, учрежденной въ память А. П. Чехова. Докладъ казначея фонда Н. Ѳ. Аннен-

скаго касался состоянія кассы фонда за 1909 годъ. Изъ отчета видно, что къ 1 января 1909 года числилось процентными бумагами 706.625 рублей и наличными 11,439 рублей 15 копеекъ. Поступило за отчетное время наличными 65,497 рублей 62 копейки и процентными бумагами 13,000 рублей. Израсходовано за истекшій годъ 63,730 рублей 34 копейки. Неприкосновенный капиталъ теперь составляетъ сумму 47,377 рублей 67 копеекъ (увеличился съ 1-го января на 1,930 рублей 26 копеекъ). Именныхъ капиталовъ теперь числится на сумму 631,766 рублей 74 копейки (болѣе, чѣмъ въ началѣ года, на 6,755 рублей 54 коп. Ссудный капиталъ составляетъ всего 268 рублей 25 копеекъ (этотъ капиталъ сокращенъ въ виду того, что функціи фонда направлены, главнымъ образомъ, на выдачу пособій). Перерасходъ въ 1909 году уменьшился сравнительно съ 1908 г. съ 5,608 рублей 77 копеекъ до 705 рублей 90 копеекъ. Можно было бы совсѣмъ избѣжать дефицита, отмѣчаетъ казначей, если бы не такъ скудно поступали членскіе взносы. За истекшій годъ поступило всего 1,370 рублей. Дохода можно ожидать еще отъ «Сборника», который выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ, въ ознаменованіе истекшаго 50-лѣтія существованія фонда. Всѣ статьи для сборника уже присланы въ редакціонную комиссію. Какъ уже сообщалось въ печати, получены также отъ Л. Н. Толстого статья «Единая заповѣдь» и беллетристическій очеркъ, подъ заглавіемъ «Пѣсня на деревнѣ». Произведены выборы членовъ ревизіонной комиссіи. Большинствомъ голосовъ избраны: К. С. Баранцевичъ, М. В. Ватсонъ, М. М. Ковалевскій, В. П. Кранихфельдъ, С. Е. Савичъ и В. Г. Яроцкій. Въ члены литературнаго фонда избраны вновь 37 человѣкъ. По поводу заявленія Я. П. Колубовскаго, сдѣланнаго имъ на одномъ изъ предыдущихъ общихъ собраній, что выборы членовъ ревизіонной комиссіи, согласно уставу, должны производиться на годовыхъ, а не на общихъ собраніяхъ, комитетъ объяснилъ, что въ уставѣ на этотъ счетъ нѣтъ точныхъ указаній и что въ интересахъ практическихъ цѣлесообразнѣе избирать ревизіонную комиссію до годового собранія. Такого порядка комитетъ фонда придерживается еще съ 1865 года. Собраніе согласилось съ этимъ мнѣніемъ.

Въ кассѣ литераторовъ и ученыхъ. 20 декабря состоялось общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Бородина. Предсѣдатель, прежде всего, предложилъ избрать членовъ ревизіонной комиссіи. При этомъ возникли горячія пренія по поводу предложенія предсѣдателя, чтобы члены правленія приняли участіе въ баллотировкѣ. Большинство, по предложенію Г. К. Градовскаго, высказалось, что этически будетъ неправильно, если правленіе само себѣ изберетъ ревизоровъ, хотя уставомъ оно въ этомъ отношеніи не ограничено. Притомъ ораторъ отмѣтилъ, что участіе правленія въ баллотировкѣ противорѣчило бы установившимся традиціямъ. Предсѣдатель правленія заявляетъ, что правленіе воздерживается отъ баллотировки. Въ члены ревизіонной комиссіи большинствомъ голосовъ избраны: Я. Н. Колубовскій, В. А. Апушкинъ, К. А. Михайловъ, К. С. Баранцевичъ и В. К. Кузнецовъ, а кандидатами къ нимъ Д. А. Линевъ и Я. Я. Полферовъ. Секретарь правленія затѣмъ докладываетъ смѣту расходовъ на будущій годъ (1800 рублей). Смѣта принимается. Снимается съ очереди вопросъ о возобновленіи изданія «Вѣстника кассы» до представленія доклада правленія. Г. Пол-

феровъ заявляетъ, что еще въ мартѣ мѣсяцѣ поступило коллективное заявленіе отъ бюро по пріисканію работы для литераторовъ о томъ, что оно слагаетъ свои полномочія. Между тѣмъ правленіе до сихъ поръ объ этомъ не докладывало общему собранію. Предсѣдатель правленія Л. З. Слонимскій объясняетъ, что правленіе не выработало еще новаго плана работъ для бюро, и потому коллективное заявленіе еще не было доложено. Въ одномъ изъ ближайшихъ собраній правленіе внесетъ по этому поводу докладъ. М. В. Ватсонъ возбуждаетъ вопросъ, почему правленіе не докладываетъ объ отказѣ отъ званія предсѣдателя правленія В. Д. Кузьмина-Караваева. Предсѣдатель собранія Бородинъ докладываетъ послѣ этого заявленіе г. Кузьмина-Караваева, которому, по предложенію В. А. Анушкина, выражается благодарность собранія за его дѣятельность въ пользу кассы. Благодарность, по предложенію г. Баранцевича, выражается и Г. К. Градовскому за хлопоты «по спасенію кассы», которой угрожало въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года административное закрытіе. Секретарь правленія затѣмъ докладываетъ офиціальное сообщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ о возобновленіи дѣятельности кассы на новыхъ основаніяхъ и сообщеніе министерства народнаго просвѣщенія, которому касса подчинена, о подтвержденіи постановленія министерства внутреннихъ дѣлъ. Сообщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 27 ноября гласитъ: «Въ представленіяхъ отъ 2 и 29 октября сего года центральнаго правленія кассы предсѣдатель названнаго правленія, представивъ о состоявшихся въ сентябрѣ постановленіяхъ чрезвычайныхъ общихъ собраній членовъ кассы и мѣстныхъ отдѣленій, ходатайствуетъ передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, закрывшимъ въ іюлѣ текущаго года означенную кассу, объ отмѣнѣ сего распоряженія и о разрѣшеніи вновь дѣятельности кассы на слѣдующихъ основаніяхъ. Касса отказывается отъ права образовывать спеціальные капиталы и пріобрѣтать недвижимыя имущества, въ виду чего ходатайствуетъ объ исключеніи въ установленномъ порядкѣ изъ §§ 26 и 52 устава кассы тѣхъ постановленій, которыя предусматриваютъ означенное право. Образованные кассою фондъ для помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ и комиссія, завѣдывавшая этимъ фондомъ, упраздняются. Наличныя суммы, какъ названнаго фонда, такъ равно и издательскаго фонда и фонда санаторіи перечисляются въ пенсіонный капиталъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если жертвователи, участвовавшіе въ составленіи этихъ фондовъ, пожелали дать пожертвованнымъ суммамъ иное назначеніе, за правленіемъ кассы осталось право выдавать ихъ изъ пенсіоннаго капитала по указанію жертвователей. Распоряженіе «капиталомъ рижскаго отдѣленія» въ смыслѣ возврата его жертвователямъ или обращенія въ пенсіонный капиталъ предоставляется названному отдѣленію. Вопросъ о принадлежащемъ кассѣ наличномъ недвижимомъ имуществѣ представляется на разрѣшеніе общаго собранія членовъ кассы, причемъ въ отношеніи сего имущества принимается во вниманіе условіе дара. Ссудный капиталъ В. О. Михневича и Г. К. Градовскаго и капиталъ Н. А. Фирсова числятся въ составѣ запаснаго капитала. Министерство внутреннихъ дѣлъ разрѣшаетъ открытіе вновь кассы на изложенныхъ основаніяхъ по утвержденіи министерствомъ народнаго просвѣщенія проектируемыхъ измѣненій §§ 26 и 52 устава кассы». 10-го декабря министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило предсѣдателя кассы о томъ, что

оно, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отмѣняетъ редакцію §§ 26 и 52 и возстановляетъ старый уставъ отъ 22 ноября 1890 года. Въ виду этого, въ кассѣ образуются три капитала: а) расходный, б) запасный и в) пенсіонный (§ 26). Если по чрезмѣрной убыли членовъ или по какимъ-либо инымъ причинамъ дѣятельность кассы должна прекратиться, то расходный и запасный капиталы ея распредѣляются между наличными участниками кассы, пропорціонально сдѣланнымъ каждымъ изъ нихъ платежамъ, но не свыше суммы всѣхъ дѣйствительныхъ ихъ взносовъ. Остающіяся за таковымъ распредѣленіемъ суммы расходнаго и запаснаго капиталовъ, а равно и пенсіонный капиталъ поступаютъ въ пользу общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (§ 52). Въ члены правленія кассы большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного избранъ академикъ Ѳ. И. Чернышевъ, въ кандидаты къ членамъ правленія: В. А. Апушкинъ (отъ участія въ ревизіонной комиссіи В. А. отказался) и г. Либровичъ. Предъ закрытіемъ собранія г. Либровичъ вноситъ предложеніе ознаменовать литературнымъ вечеромъ или инымъ способомъ память А. П. Чехова въ виду исполняющагося 17-го января 50-лѣтія со дня его рожденія. Рѣшено по этому поводу войти въ соглашеніе съ литературнымъ обществомъ.

Выставки въ историческомъ музеѣ. 27-го декабря въ историческомъ музеѣ въ залахъ нижняго этажа открылись четыре безплатныхъ выставки, устроенныя музеемъ и посвященныя Петру I, А. В. Кольцову, С. Т. Аксакову и художнику-иллюстратору П. М. Боклевскому. Петровской выставкѣ отведенъ цѣлый залъ. Здѣсь выставлены въ большинствѣ вещи, принадлежащія музею, а также извѣстному коллекціонеру П. И. Щукину. Прежде всего слѣдуетъ отмѣнить рядъ портретовъ великаго преобразователя. Между прочимъ имѣется рѣдкій портретъ Петра въ черномъ парикѣ, относящійся къ 1697 году, оригинальный портретъ Петра углемъ художника Щучевскаго, нарисованный по маскѣ, снятой съ Петра при жизни, въ 1719 году, аллегорическій транспарантъ 1721 года, приготовленный по случаю заключенія Нейштадтскаго мира, рядъ портретовъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», портретъ Мазепы и др. Затѣмъ выставляются: эстампы съ изображеніемъ Петра, реляціи, относящіяся къ Сѣверной войнѣ, маска съ умершаго Петра, маска съ Карла XII, чугунное литье петровскаго времени, образчикъ церковнаго «била», замѣнившаго въ царствованіе Петра колокола, которые по приказу царя были перелиты на пушки, громадная библія на шведскомъ языкѣ, принадлежавшая Карлу XII, палаши и другое оружіе временъ Петра, между прочимъ—фузея (ружье) 1709 г., «желѣзный ящикъ отъ воровъ» фабрикаціи 1725 года (при вскрытіи ящика стороннимъ лицомъ, не владѣльцемъ его, послѣдній механически производилъ выстрѣлы), серебряная утварь того времени: стеклянная и фарфоровая аптекарская посуда, изготовленная по заказу Петра въ Китаѣ, медали на разныя событія, петровскія грамоты и мн. др. Аксаковской выставкѣ отведена стѣна и нѣсколько витринъ. Ее составляютъ главнымъ образомъ портреты и печатныя произведенія С. Т. Аксакова во всѣхъ изданіяхъ и коллекціи портретовъ современниковъ писателя. Изъ архивовъ музея извлечены самыя раннія работы С. Т. Аксакова и «Московскія Вѣдомости» за тѣ годы, когда онъ въ нихъ печатался. Небольшія «Московскія Вѣдомости» того времени, въ три печатныя колонны,

раскрыты на тѣхъ страницахъ, гдѣ имѣются статьи Аксакова. Такимъ образомъ выставлено «Письмо къ друзьямъ Гоголя» Аксакова—статья 1852 года. Устроители выставки сочли нужнымъ выставить также брошюру 1832 года «Двѣнадцать спящихъ бутошниковъ. Поучительная баллада. Составлена Елистратомъ Фитюлькинымъ», разрѣшенную къ печатанію Аксаковымъ въ бытность его цензоромъ и имѣвшую для него печальное послѣдствіе: его уволили со службы за пропускъ слѣдующаго стихотворнаго обращенія автора къ цензурѣ на одной изъ страницъ брошюры:

Цензурушка,
Голубушка,
Нельзя ли пропустить?
Я Господа
О здравіи
Твоемъ буду молить!
Свободу я
Тисненія
Всегда буду бранить.
Цензурушка,
Голубушка,
Нельзя ли пропустить?

Кольцовская выставка занимаетъ двѣ витрины. Тутъ находятся его портреты, портреты его родственниковъ, портреты В. Г. Бѣлинскаго, Н. В. Станкевича, Я. М. Невѣрова и обширная коллекція какъ журналовъ, въ которыхъ печатался Кольцовъ («Отечественныя Записки», «Молва»), такъ и всѣхъ отдѣльныхъ изданій сочиненій поэта-прасола. Наконецъ большая часть залы будетъ занята рисунками пастелью и карандашомъ П. М. Боклевскаго. Рисунки—частью музея и частью наслѣдниковъ художника. Этой выставкой имѣется въ виду сдѣлать извѣстнымъ публикѣ художника-иллюстратора, рисунки котораго, особенно по иллюстраціямъ сочиненій Гоголя, знакомы многимъ, но самое имя автора ихъ осталось для нихъ неизвѣстнымъ. Рисунками этого художника пользовались издатели, не считая для себя нужнымъ упоминать о немъ... Выставляются иллюстраціи П. М. Боклевскаго къ Гоголю, Тургеневу, Печерскому и Островскому. Многое въ оригиналахъ и много также уже въ гравюрахъ и печатномъ видѣ.

Этнографическая выставка. 21-го декабря въ залахъ церковныхъ древностей музея Александра III открылась выставка этнографическихъ коллекцій, собранныхъ этнографическимъ отдѣломъ музея въ теченіе 1909 года. Цѣль выставки дать возможность публикѣ познакомиться съ этнографическими коллекціями до офиціальнаго открытія этнографическаго отдѣла музея Александра III. Подобная выставка устраивается впервые. Этнографическія коллекціи расположены въ 4-хъ большихъ залахъ. Въ первомъ залѣ выставлены коллекціи, собранныя на Кавказѣ. Здѣсь представлены горскіе евреи, армяне, аварцы и татары. Отдѣлъ горскихъ евреевъ заключаетъ въ себѣ костюмы, промышленную утварь, предметы домашняго обихода и культа, украшенія изъ серебра, амулеты и др. Въ армянскомъ отдѣлѣ выставлены два полныхъ костюма изъ мѣстечка Аривинъ, бытовая утварь и украшенія. Аварцы представлены живописнымъ костюмомъ, головными уборами, серьгами и т. д. Въ этомъ же

залѣ находится интересная коллекція татарскихъ старинныхъ ковровъ и ковровыхъ издѣлій. Тутъ же выставлены двѣ оборудованныя мастерскія татарскаго оружейника и ювелира и грузинскаго башмачника. Во второмъ залѣ собраны коллекціи изъ Сибири и Дальняго Востока. У входа висятъ монгольская палатка и предметы вооруженія японскаго самурая XVIII вѣка. Въ этомъ отдѣлѣ выставлена интересная коллекція китайскихъ театральныхъ вышивокъ и рисунковъ. На особомъ китайскомъ коврѣ развѣшаны такъ называемые «даесскіе геніи» (религіозныя вышитыя фигурки). Гольды Уссурійскаго края представлены расшитыми костюмами изъ рыбьей кожи и птичьихъ шкурокъ, предметами лова и охоты, ритуальной свадебной ложкой и т. д. Интересные головные уборы, маски и плетеныя издѣлія знакомятъ съ бытомъ алеутовъ. Изъ Енисейской губерніи доставленъ полный шаманскій костюмъ, шаманскій бубенъ, идолы, жертвенные предметы и другія принадлежности шаманства. Изъ той же губерніи получена коллекція каменныхъ орудій. Во второмъ залѣ выдѣляются, кромѣ того, этнографическія принадлежности индѣйцевъ Сѣверной Америки (костюмы и головные уборы съ перьями), чукчей Анадырскаго округа, бурятъ Иркутской губерніи и др. Въ послѣднихъ двухъ залахъ выставлены коллекціи, собранныя въ Европейской Россіи: Орловской, Харьковской, Подольской, Екатеринославской и многихъ другихъ губерніяхъ. Особое вниманіе обращаетъ на себя коллекція, собранная въ Нижегородской губерніи г-жой В. П. Шнейдеръ: пряничныя доски, разукрашенныя деревянныя ложки и дѣтскія стулья. Рисунки приготовляются, главнымъ образомъ, по стариннымъ образцамъ. Коллекція эта можетъ служить интереснымъ памятникомъ народнаго искусства. Значительныя коллекціи собраны въ Польшѣ и Литвѣ (костюмы, шляпы, инструменты, орудія и т. д.). Въ послѣднемъ залѣ выставлена большая коллекція, пожертвованная этнографическому отдѣлу іеромонахомъ Антоніемъ изъ Кирилловскаго монастыря. Коллекція была собрана въ Новгородской губерніи въ теченіе 15 лѣтъ.

Памяти графа А. С. Уварова [1]). 29-го декабря, въ двадцать пятую годовщину со дня смерти замѣчательнѣйшаго русскаго историка-археолога, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ было совершено по усопшемъ заупокойное богослуженіе въ присутствіи семьи, родственниковъ и многочисленныхъ почитателей. Затѣмъ въ императорскомъ россійскомъ историческомъ музеѣ, послѣ панихиды, памяти покойнаго графа было посвящено торжественное соединенное засѣданіе московскаго археологическаго общества и россійскаго историческаго музея. Открылъ засѣданіе вице-президентъ музея князь Н. С. Щербатовъ чтеніемъ телеграммы августѣйшаго предсѣдателя музея великаго князя Михаила Александровича, слѣдующаго содержанія: «*Прошу передать всѣмъ собравшимся на сегодняшнемъ засѣданіи, что я мысленно всѣмъ сердцемъ и молитвой присоединяюсь къ чествованію свѣтлой памяти графа А. С. Уварова, незабвеннаго труженика и создателя отечественной историко-археологической науки, имя котораго такъ тѣсно и навсегда связано съ нашимъ музеемъ*». По прочтеніи телеграммы, князь Н. С.

[1]) Сообщилъ В. Е. Рудаковъ.

Щербатовъ сдѣлалъ сообщеніе о графѣ, какъ основателѣ историческаго музея. Наиболѣе яркую и полную характеристику покойнаго, какъ выдающагося археолога, сдѣлалъ извѣстный археологъ, почитатель и сотрудникъ графа, профессоръ Д. Н. Анучинъ. Воспринявъ еще отъ отца своего, извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія и президента императорской академіи наукъ, графа Сергѣя Семеновича Уварова, любовь къ исторіи и древностямъ, Алексѣй Сергѣевичъ съ особенной охотой занимался археологіей въ заграничныхъ университетахъ, куда прибылъ, послѣ окончанія въ 1845 г. перваго отдѣленія философскаго факультета (нынѣшняго историко-филологическаго) въ с.-петербургскомъ университетѣ, состоя на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ. По возвращеніи изъ-за границы, онъ является учредителемъ въ С.-Петербургѣ «нумизматическаго общества» (впослѣдствіи императорскаго русскаго археологическаго общества) и организаторомъ научныхъ археологическихъ экскурсій. Лично на свои средства производилъ раскопки по побережью Чернаго моря и между прочимъ на мѣстѣ древней Ольвіи и Херсонеса и обнародовалъ результаты своихъ научныхъ работъ въ двухтомномъ «Изслѣдованіи о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря». (Спб., 1851 и 1856 гг.). Далѣе, состоя уже на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ при министрѣ графѣ Перовскомъ, Алексѣй Сергѣевичъ произвелъ, также на свои средства, богатѣйшія по своимъ результатамъ раскопки въ Суздальской землѣ. Печатный капитальный трудъ на основаніи этихъ раскопокъ, подъ заглавіемъ: «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ» (съ атласомъ и картой), появился нѣсколько позже, а именно въ 1871 г. Послѣ кратковременной службы помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа и затѣмъ предводителемъ можайскаго дворянства, гдѣ былъ особенно занятъ проведеніемъ въ жизнь земской реформы, покойный графъ окончательно поселился въ Москвѣ и всецѣло отдался своему любимому дѣлу. Въ 1865 г., по его иниціативѣ и неусыпнымъ хлопотамъ, возникаетъ въ Москвѣ археологическое общество, издававшее долгое время на средства своего основателя и перваго предсѣдателя «Древности» общества, «Археологическій Вѣстникъ» и «Труды» археологическихъ съѣздовъ. Въ этихъ-то органахъ по преимуществу и печаталъ свои многочисленныя «изслѣдованія», «описанія» и «сообщенія» Алексѣй Сергѣевичъ, впервые вызвавшій къ жизни новые отдѣлы русской археологіи, напримѣръ, изученіе памятниковъ общественнаго и домашняго быта, юридическія древности и пр., и впервые поставившій на научную почву какъ производство самыхъ раскопокъ, такъ и систематизацію добытыхъ ими результатовъ. Съ 1869 г. открылись, по почину и благодаря стараніямъ покойнаго графа, всероссійскіе археологическіе съѣзды, продолжающіеся и понынѣ съ рѣдкимъ успѣхомъ. За два года до смерти графа появился въ печати его классическій и главный трудъ—«Археологія Россіи: каменный періодъ» (М., 1882 г., 2 тома), обнимающій собою все до того сдѣланное въ русской археологической наукѣ. Будучи, такъ сказать, создателемъ отечественной научной археологіи, графъ А. С. Уваровъ прославилъ себя, подобно знаменитому археологу-меценату первой четверти XIX вѣка графу Н. П. Румянцову, и какъ покровитель русской науки и литературы. Еще въ 1852 г. своею премією онъ вызвалъ появленіе замѣчательнаго труда И. Е. Забѣ-

лина—«О металлическомъ производствѣ въ Россіи». Въ память отца установилъ при императорской академіи наукъ такъ называемыя уваровскія награды: однѣ за лучшіе ученые труды по археологіи, исторіи и литературѣ, а другія—за русскія оригинальныя драматическія сочиненія. На его средства были напечатаны: «Описаніе Кіева» Н. В. Закревскаго (М., 1868 г., 2 тома съ атласомъ рисунковъ и плановъ), «Русскіе граверы» Д. А. Ровинскаго (М., 1870 г.) и др. При его стараніяхъ въ 1883 г. были возстановлены древнія зданія ростовскаго кремля. Наконецъ, весьма памятной и знаменательной въ исторіи русской науки и просвѣщенія была и останется на долгое время Порѣчская библіотека графа и его богатѣйшее собраніе рукописей, о которомъ на торжественномъ засѣданіи 29-го минувшаго декабря сдѣлалъ весьма обстоятельный докладъ профессоръ М. Н. Сперанскій. Послѣ прочтенія многочисленныхъ привѣтствій и телеграммъ отъ разнаго рода ученыхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, секретаремъ общества В. К. Трутовскимъ было объявлено объ изданіи ко дню памяти графа—XXII тома «Трудовъ» московскаго археологическаго общества и трехъ большихъ томовъ, содержащихъ въ себѣ «собраніе мелкихъ трудовъ» Алексѣя Сергѣевича и «матеріалы для его біографіи». Вслѣдъ за этимъ В. К. Трутовскій объявилъ и о томъ, что золотая медаль имени графа А. С. Уварова присуждена заслуженному профессору университета св. Владимира В. С. Иконникову, а премія графини П. С. Уваровой за сочиненіе на тему о московскомъ зодчествѣ до XVIII вѣка въ половинномъ размѣрѣ (1,000 р.) присуждена гражданскому инженеру М. В. Красовскому. Въ заключеніе засѣданія супруга нашего незабвеннаго историка-археолога, графиня Прасковія Сергѣевна Уварова, съ честію занимавшая въ теченіе четверти вѣка постъ предсѣдателя императорскаго московскаго археологическаго общества и почетнаго предсѣдателя на восьми всероссійскихъ археологическихъ съѣздахъ, остановилась на «завѣтахъ» покойнаго графа и на томъ, какъ они были выполнены за истекшее двадцатипятилѣтіе, и многое изъ нихъ нашла выполненнымъ въ достаточной мѣрѣ.

Юбилей Ц. А. Кюи. 14-го декабря, въ полувѣковой день музыкальной дѣятельности Ц. А. Кюи юбиляромъ было получено свыше 100 привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ отъ провинціальныхъ отдѣленій императорскаго русскаго музыкальнаго общества, отъ многочисленныхъ учениковъ, друзей и почитателей. Императорское русское музыкальное общество привѣтствовало Ц. А. Кюи адресомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Въ теченіе 50 лѣтъ вашъ талантъ расцвѣлъ на украшеніе русскаго музыкальнаго искусства, и слава ваша, какъ композитора во всѣхъ отрасляхъ музыкальнаго творчества, распространилась далеко за предѣлы нашего отечества. Въ сегодняшній знаменательный для васъ день 50-лѣтія вашего служенія русскому музыкальному искусству императорское русское музыкальное общество считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить вамъ свои горячія пожеланія продолженія вашей музыкальной творческой дѣятельности еще на многіе годы. Памятуя ваши заслуги и труды, понесенные на пользу общества по должности предсѣдателя дирекціи с.-петербургскаго отдѣленія, главная дирекція единогласно избрала васъ почетнымъ членомъ императорскаго музыкальнаго общества». Къ адресу приложенъ въ футлярѣ дипломъ на званіе почетнаго члена. Горячія привѣтственныя теле-

граммы прислали юбиляру провинціальные отдѣлы русскаго музыкальнаго общества. Тифлисское отдѣленіе шлетъ маститому композитору пожеланія «еще долгіе годы служить съ той же пользой родному искусству». Томское отдѣленіе поздравляетъ «славнѣйшаго дѣятеля-творца высокой художественности въ музыкѣ». Иркутское отдѣленіе считаетъ 50-лѣтнюю дѣятельность Ц. А. Кюи «славнымъ служеніемъ на развитіе и процвѣтаніе русскаго искусства». Въ телеграммѣ екатеринославскаго отдѣленія высказывается пожеланіе, чтобы юбиляръ «еще долгіе годы былъ украшеніемъ русской музыки». Полтавское отдѣленіе надѣется, что маститый композиторъ «еще многіе годы будетъ оживлять своимъ творчествомъ дорогое намъ искусство». Привѣтственныя телеграммы, кромѣ того, прислали: совѣтъ саратовскаго музыкальнаго училища, редакція «Русской музыкальной грамоты» («низкій поклонъ энергіи, чести и славѣ большого, въ музыкальномъ мірѣ, достопочтеннаго юбиляра»), хоръ Архангельскаго («пожеланіе еще долгіе годы дарить нашей родинѣ ваши чудныя творенія»), редакція «Ежегодника императорскихъ театровъ» и др. Юбиляра далѣе привѣтствовали: графъ Витте, М. Боркинъ, графиня Мордвинова, Римскіе-Корсаковы, генералъ Нидермиллеръ, Альбертъ Бенуа, генералъ Шауфусъ и другіе. Наканунѣ своего юбилея Ц. А. Кюи уѣхалъ въ Москву. Это не помѣшало, однако, тому, чтобы на квартиру юбиляра въ теченіе дня приходили его друзья и почитатели.

Юбилей Д. О. Отта. 19-го декабря въ клиническомъ гинекологическомъ институтѣ состоялось чествованіе директора института профессора Д. О. Отта по поводу исполнившагося 25-лѣтія его профессорской и 30-лѣтія врачебной дѣятельности. На чествованіи присутствовали представители медицинскаго міра. Почетный попечитель института генералъ Анчутинъ произнесъ рѣчь, въ которой очертилъ заслуги юбиляра по учрежденію института. Отъ женскаго медицинскаго института присутствовали: директоръ института профессоръ С. С. Салазкинъ, ученый секретарь А. А. Лихачевъ и профессоръ А. М. Левинъ. Въ своей привѣтственной рѣчи профессоръ С. С. Салазкинъ отмѣтилъ, что женскій медицинскій институтъ многимъ обязанъ своему первому директору профессору Д. О. Отту. Одинъ изъ ассистентовъ профессора Отта, работающій въ его клиникѣ, въ своей рѣчи, между прочимъ, коснулся вопроса, что сдѣлалъ юбиляръ для земской медицины. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ,— сказалъ онъ,—надо вспомнить то ужасное положеніе, въ которомъ находилась русская интеллигенція, когда профессоръ Оттъ началъ свою научную дѣятельность. Работать нельзя было на пользу народа. Когда русскіе культурные люди шли со своей работой въ деревню, темныя массы встрѣчали ихъ съ недовѣріемъ. Такое же недовѣріе встрѣчали и земскіе врачи, они должны были бороться съ этимъ въ интересахъ народнаго здравія. Нужно было запасаться знаніями, и эти знанія земскіе врачи въ области гинекологіи черпали у нашего учителя, профессора Отта, въ его институтѣ, который есть настоящій храмъ науки. Здѣсь земскіе врачи встрѣчали со стороны его руководителя самое просвѣщенное вниманіе. Земскіе врачи, слушатели повивальнаго института, поднесли профессору Д. О. Отту адресъ съ надписью: «Д. О. Отту—врачи со всѣхъ концовъ земли русской». Кромѣ того, были поднесены адреса слѣдующими депу-

таціями: отъ сотрудниковъ по институту, отъ преподавательскаго персонала клиническаго института великой княгини Елены Павловны, отъ врачей-сотрудниковъ по клиническому институту, отъ общества взаимопомощи врачей, пріѣзжающихъ въ Петербургъ для научнаго усовершенствованія, отъ Маріинскаго родовспомогательнаго института и др. Въ своей отвѣтной рѣчи профессоръ Д. О. Отть благодарилъ привѣтствовавшихъ его и отмѣтилъ, что на чествованіе его онъ смотритъ, какъ на критическій обзоръ его дѣятельности. Въ заключеніе былъ оглашенъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ изъ многихъ русскихъ и заграничныхъ городовъ.

50-лѣтній юбилей А. А. Савурскаго. 5-го января исполнилось ровно 50 лѣтъ редакторской дѣятельности редактора «Инженернаго Журнала», инженеръ-генерала Александра Александровича Савурскаго. До 1857 года военно-инженерное вѣдомство спеціальнаго журнала не издавало, а выпускало лишь время отъ времени «Инженерныя Записки», всегда страдавшія хроническимъ недостаткомъ матеріала, такъ какъ за статьи никакого гонорара не полагалось. Съ 1857 года начато изданіе «Инженернаго Журнала», но онъ выходилъ всего 4 раза въ годъ и успѣха почти не имѣлъ. Поэтому еще въ половинѣ 1859 года въ инженерномъ вѣдомствѣ былъ выработанъ проектъ новаго положенія о журналѣ. Въ основаніе проекта была положена мысль сдѣлать программу журнала гораздо разнообразнѣе, оживить его и возбудить къ нему интересъ какъ среди офицеровъ инженернаго корпуса, такъ и среди лицъ, интересующихся инженернымъ дѣломъ вообще. Для достиженія всего этого нужно было, конечно, назначить энергичнаго и знающаго дѣло редактора. Выборъ инженернаго вѣдомства остановился на молодомъ военномъ инженерѣ капитанѣ А. А. Савурскомъ, сразу сумѣвшемъ возбудить интересъ среди спеціалистовъ къ журналу. Съ 1866 года журналъ началъ выходить ежемѣсячно, причемъ ежегодная казенная субсидія увеличена до 11,000 рублей. На тѣхъ же основаніяхъ журналъ издается и по настоящее время, причемъ программа его осталась прежняя. Обозрѣвая 50-лѣтнюю дѣятельность А. А. Савурскаго, какъ редактора спеціальнаго журнала, нельзя не видѣть, что главной заботою его было распространеніе полезныхъ свѣдѣній между офицерами инженернаго корпуса; въ массѣ матеріала, помѣщеннаго въ журналѣ за время редакторства А. А. Савурскаго, можно найти отвѣты на всѣ вопросы военно-инженерной спеціальности; многія оригинальныя статьи немедленно послѣ ихъ напечатанія въ «Инженерномъ Журналѣ» появлялись въ переводѣ на иностранные языки.

30-лѣтній юбилей А. Н. Догановичъ. Въ текущемъ году исполнилось тридцатилѣтіе непрерывной и плодотворной литературной дѣятельности извѣстной писательницы А. Н. Догановичъ, уже давно заслужившей себѣ почетную репутацію добросовѣстной работницы на поприщѣ служенія своимъ перомъ родному народу. Выступивъ на литературную ниву подъ псевдонимомъ Догановичъ и Никитиной въ 1880 г., наша писательница помѣстила рядъ интересныхъ очерковъ въ журналѣ «Русская Мысль», «Наблюдателѣ», «Русскомъ Курьерѣ», «Россіи», «Новомъ Времени», «Всемірной Иллюстраціи», «Трудѣ» и др. органахъ, какъ повседневной, такъ и ежемѣсячной печати, каковые разсказы и очерки впослѣдствіи выходили и отдѣльными изданіями,

нашедшими себѣ широкое распространеніе въ читающей массѣ. Нѣкоторыя ея произведенія переведены и на иностранные языки. Большую популярность заслужила беллетристка и среди маленькихъ читателей, для которыхъ на своемъ вѣку она поработала немало. Въ настоящее время г-жа Догановичъ сосредоточила свою литературную дѣятельность въ сжемѣсячномъ иллюстрированномъ журналѣ А. В. Круглова «Свѣточъ», издаваемомъ въ Москвѣ, гдѣ и является выдающеюся редакціонною силою. Перу ея въ этомъ журналѣ принадлежатъ очерки «Ожившая плоть», «Смута», «Пропалое болото», которое только въ текущемъ году начато печатаніемъ. Изъ числа произведеній ея для маленькой публики можно особенно рекомендовать недавно вышедшую книгу «Въ родномъ гнѣздѣ», гдѣ представлены живо и просто написанныя страницы изъ семейной хроники. Среди громкихъ прошедшихъ передъ нами литературныхъ юбилеевъ за послѣднее время праздникъ А. Н. Догановичъ не блещетъ кричащими красками, но на немъ лежитъ симпатичный свѣтъ, подъ теплыми лучами котораго въ наши холодные и жестокіе дни становится хорошо на душѣ. Тридцатилѣтній идеализмъ даромъ не пропадаетъ, и общественная благодарность выпадаетъ на долю не только корифеямъ литературы, но и тѣмъ скромнымъ труженикамъ, совершающимъ свой трудовой жизненный путь тихо и честно, къ каковымъ принадлежитъ и наша писательница.

Открытіе «Чеховской комнаты». 24-го декабря, близъ станціи Крюково, Николаевской желѣзной дороги, въ санаторіи врачей Хрущова и Вырубова открыта въ память А. П. Чехова комната, предоставляемая владѣльцами санаторіи для бѣдныхъ писателей и врачей, нуждающихся въ отдыхѣ. Для писателей эта комната будетъ служить 8 мѣсяцевъ, а для врачей—4 мѣсяца въ году. На чеховское торжество въ санаторію прибыли писатели, артисты, врачи и почитатели памяти покойнаго литератора. Говорили рѣчи: предсѣдатель общества дѣятелей періодической печати И. И. Поповъ, А. И. Южинъ, С. С. Голушевъ; прочли чеховскія произведенія—О. Л. Книперъ и О. А. Правдинъ; была исполнена кантата Ильинскаго, написанная на смерть Чехова. Надъ украшеніемъ «Чеховской комнаты» трудились нѣсколько художниковъ и фотографовъ.

НЕКРОЛОГИ.

Артамоновъ-Большаковъ, Н. И. 2 января с. г. скоропостижно скончался Николай Ивановичъ Артамоновъ-Большаковъ, редакторъ-издатель журналовъ «Кронштадтскій Маякъ» и «Свѣтъ Россіи». Покойному было 39 лѣтъ. Онъ стоялъ во главѣ такъ называемой іоаннитской литературы. Въ 1905 г. впервые выступилъ на литературномъ поприщѣ въ защиту отца Іоанна Кронштадтскаго отъ нападокъ на него. О. Іоаннъ въ 1906 г. поручилъ ему редактированіе и изданіе журнала «Кронштадтскій Маякъ», бывшаго подъ руководствомъ вначалѣ г. Максимова. Съ 1907 г. при этомъ журналѣ, подъ редакціею того же Большакова, выпускался рядъ приложеній въ защиту учениковъ и послѣдователей о. Іоанна. Наканунѣ смерти только что выпущена была имъ первая часть книги: «Источникъ живой воды», съ многочисленными иллюстраціями, посвященная подробной и весьма интересно изложенной біографіи отца Іоанна. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12145).

† **Ахшарумовъ. Д. Д.** Скончавшійся 7 января с. г. въ Баку на 87 году жизни послѣдній изъ «петрашевцевъ» Дмитрій Дмитріевичъ Ахшарумовъ родился 14 мая 1823 г. въ семьѣ виднаго военнаго писателя, Д. И. Ахшарумова, автора перваго систематическаго описанія Отечественной войны и редактора «Свода военныхъ постановленій». Жизнь Д. Д. представляетъ исключительный интересъ не только, какъ выдающагося участника идейнаго движенія, на которомъ объединились въ 40-хъ годахъ лучшіе умы того времени, вмѣстѣ съ Ѳ. Достоевскимъ и А. Плещеевымъ. Его жизнь замѣчательна горѣвшей неугасимымъ пламенемъ до послѣднихъ минутъ жизненной энергіей, жаждой дѣла, направленнаго къ общему благу. Этого пламени въ Д. Д. не погасилъ эшафотъ, на которомъ, стоя рядомъ съ Ѳ. Достоевскимъ, онъ выслушалъ смерт-

ный приговоръ; не погасили многолѣтнія невзгоды жизни... По окончаніи первой петербургской гимназіи въ 1842 г., Д. Д. поступилъ на восточный факультетъ петербургскаго университета и затѣмъ, окончивъ университетскій курсъ со степенью кандидата, въ 1847 году опредѣлился на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Къ этому времени относится первое знакомство покойнаго съ наиболѣе вліятельными русскими послѣдователями ученія Фурье. Съ весны же слѣдующаго года Д. Д. сталъ бывать на собраніяхъ М. В. Буташевича-Петрашевскаго. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Ахшарумовъ подробно разсказываетъ исторію этого кружка и его членовъ, которыхъ Лорисъ-Меликовъ назвалъ «апрѣлистами» и для которыхъ Д. Д. считаетъ самымъ правильнымъ названіе «русскихъ соціалистовъ 1849 г.». Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля 1849 года Д. Д. былъ арестованъ въ числѣ другихъ «петрашевцевъ», послѣ чего провелъ 8 мѣсяцевъ въ крѣпости, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, лишенный въ продолженіе 6 мѣсяцевъ свиданій съ родными и переписки съ ними, безъ прогулокъ, безъ книгъ, письменныхъ принадлежностей, въ грязной обстановкѣ, въ сыромъ помѣщеніи съ тараканами, мышами и даже не имѣя возможности стричь волосы. Заключительнымъ аккордомъ этого заточенія явилась ужасная сцена объявленія 23 «петрашевцамъ», въ томъ числѣ Ѳ. Достоевскому, смертнаго приговора на Семеновской площади. Покойному Д. Д. пришлось вмѣстѣ съ другими своими товарищами одѣться въ саванъ и бѣлый колпакъ и видѣть, какъ первую группу изъ нихъ привязывали къ эшафотнымъ столбамъ, видѣть, какъ на привязанныхъ направили десятки ружейныхъ стволовъ, слышать команду... Только тогда примчался въ каретѣ адъютантъ съ вѣстью о дарованіи осужденнымъ жизни. Государь назначилъ Ахшарумова въ арестанты инженернаго вѣдомства на 4 года, а затѣмъ въ рядовые на Кавказъ. Однако, Д. Д. пробылъ въ арестантскихъ ротахъ въ Херсонѣ только $1^1/_2$ года, послѣ чего и былъ переведенъ въ рядовые на Кавказъ. Лишь въ 1857 году Д. Д. удалось выйти въ отставку, и, несмотря на свои 34 года, онъ имѣлъ столько силы воли и жажды знанія, что поступилъ на медицинскій факультетъ дерптскаго университета. Въ слѣдующемъ году ему дозволили перейти въ петербургскую медико-хирургическую академію, которую онъ и окончилъ съ медалью въ 1862 г. Въ 1864 г. онъ отправился за границу съ цѣлью усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ. Дальнѣйшіе годы своей жизни, по защитѣ диссертаціи на степень доктора медицины, Д. Д. провелъ въ рядѣ провинціальныхъ городовъ, пріобрѣтя большую извѣстность напечатанными имъ медицинскими трудами, въ которыхъ онъ былъ не только ученымъ, но и публицистомъ. «Многочисленныя литературныя работы доктора Ахшарумова,—говоритъ о немъ профессоръ Герценштейнъ,—относятся не только къ различнымъ научнымъ вопросамъ, но еще болѣе касаются общественныхъ темъ». Однако тяжелыя условія сумеречнаго времени, въ которое жилъ покойный Д. Д., не оставили его и здѣсь. Немало душевныхъ мукъ и волненій ему пришлось пережить изъ-за его литературныхъ трудовъ. В. И. Семевскій, напримѣръ, въ вступительной статьѣ къ «Воспоминаніямъ» покойнаго разсказываетъ длинную и тяжелую исторію мытарствъ, пережитыхъ авторомъ «Воспоминаній» раньше, чѣмъ они могли быть изданы «Общественной Пользой» въ 1905 г., спустя 17 лѣтъ послѣ первой попытки ихъ напечатанія.

† **Блейхманъ, Ю. И.** Петербургскій композиторъ Юлій Ивановичъ Блейхманъ скончался 41-го года 26 декабря 1909 г. Музыкальное образованіе онъ получилъ у Рейнеке и Ядассона въ лейпцигской консерваторіи, а также у Соловьева и Римскаго-Корсакова въ Петербургѣ. Нѣкоторую извѣстность, которою пользовался покойный, принесли ему главнымъ образомъ романсы. Большинство этихъ романсовъ написано въ томъ поверхностно-изящномъ салонномъ стилѣ, который такъ излюбленъ большой публикой, а стало быть и артистами, но на который такъ косятся настоящіе музыканты. Особенно охотно пѣвали эти романсы петербургскіе артисты: Фигнеръ, Яковлевъ, Куза и др. Кромѣ романсовъ, Блейхманъ написалъ хоры, фортепіанныя пьесы, два квинтета, балетную сюиту, симфонію, кантату и др., а также оперу-легенду «Свѣточъ христіанства» («Севастьянъ-Мученикъ») и лирическую оперу «Принцесса Грёза». Первая исполнялась въ Петербургѣ, вторая—въ Москвѣ, на императорской сценѣ (Новый театръ, 1900 г.). Ни та, ни другая не имѣли успѣха; для такихъ крупныхъ задачъ дарованію покойнаго композитора не хватало ни внутренней силы, ни свободы техники. Ю. И. Блейхманъ не разъ пробовалъ свои силы и въ качествѣ симфоническаго дирижера. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 297).

† **Бубекъ, Т. Х.** 30 декабря 1909 г. скончался въ Москвѣ профессоръ консерваторіи и композиторъ Теодоръ Христофоровичъ Бубекъ. Внезапная тяжкая болѣзнь (воспаленіе мозга) въ два дня подкосила его... Т. Х. родился въ Германіи, въ Штутгартѣ, въ 1886 г. Окончивъ консерваторію своего родного города, онъ поступилъ по классу теоріи музыки въ московскую консерваторію, куда его привлекло имя С. И. Танѣева. Здѣсь онъ и работалъ подъ руководствомъ Танѣева и Ипполитова-Иванова. Въ 1896 г. Т. Х. окончилъ московскую консерваторію по классу органа (ученикъ г. Беттинга), а черезъ два года—по классу композиціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ приглашенъ былъ въ консерваторію профессоромъ игры на органѣ. Не разъ выступалъ Т. Х. какъ органистъ и въ концертахъ. Въ то же время покойный состоялъ органистомъ реформатской церкви, преподавателемъ игры на фортепіано въ лицеѣ цесаревича Николая и давалъ частные уроки музыки. Россія такимъ образомъ стала его второй родиной. Изъ композицій Т. Х. напечатаны, главнымъ образомъ, фортепіанныя сочиненія и романсы. Среди нихъ есть очень симпатичныя вещи—простыя, искреннія, красивыя. Покойный оставилъ и крупныя произведенія для органа, пѣнія, оркестра. Партитура его эффектнаго оркестроваго полонеза напечатана, а симфоническая поэма «Сестра Беатриса» (по Метерлинку) только въ позапрошломъ году съ успѣхомъ исполнялась въ одномъ изъ концертовъ русскаго музыкальнаго общества. Т. Х. былъ человѣкъ рѣдкой незлобивости. Всегда спокойный, скромный, доброжелательный, онъ неспособенъ былъ обидѣть кого-нибудь ни дѣломъ, ни словомъ; присутствіе его, наоборотъ, вносило всюду атмосферу добродушной шутки. Т. Х. пользовался общими симпатіями товарищей и всѣхъ знавшихъ его, среди которыхъ вѣсть объ его внезапной, безвременной кончинѣ вызоветъ, конечно, самое глубокое и искреннее сожалѣніе. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 299).

† **Вастенъ, В. А.** 7 января с. г. скоропостижно скончался выдающійся гинекологъ Владимиръ Александровичъ Вастенъ на 63 году жизни. Непосредственно

по окончаніи медико-хирургической академіи онъ спеціализировался по акушерству и гинекологіи въ Еленинскомъ клиническомъ институтѣ и Надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи. Будучи уже опытнымъ спеціалистомъ, В. А. въ 1888 г. поступилъ въ Обуховскую женскую больницу, сначала въ качествѣ экстерна. Его научные труды, практическая опытность и умѣніе организовать свое дѣло дали ему право быть избраннымъ въ 1896 г. единогласно совѣтомъ главныхъ врачей и больничной комиссіею завѣдующимъ гинекологическимъ отдѣленіемъ Обуховской больницы. Дальнѣйшая дѣятельность покойнаго составляла рядъ успѣховъ въ этой области. Имя его сдѣлалось популярнымъ какъ у врачей-спеціалистовъ, такъ и среди нуждающихся въ спеціальной врачебной помощи. Особенно широко развита была имъ оперативная дѣятельность. Дѣятельность эта пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что окружающая обстановка, скученность больныхъ и т. п. не вполнѣ отвѣчали требованіямъ современнаго благоустройства оперативныхъ отдѣленій. Лучшимъ доказательствомъ высокой научно-практической дѣятельности В. А. служитъ большое количество врачей, стремящихся совершенствоваться въ его отдѣленіи. Имъ создана цѣлая школа практическихъ гинекологовъ, многіе изъ нихъ съ выдающимся успѣхомъ работаютъ въ Петербургѣ и провинціяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12152).

†**Геймбрукъ, В. Ѳ.** 8 декабря 1909 г. скончался одинъ изъ видныхъ морскихъ инженеръ-механиковъ флота, отставной тайный совѣтникъ баронъ Владиміръ Ѳедоровичъ Геймбрукъ. Покойный родился 30 марта 1837 г., воспитаніе получилъ въ кондукторскихъ ротахъ учебнаго морского рабочаго экипажа (нынѣ морское инженерное училище). Изъ училища былъ командированъ на три года въ Англію для обученія на заводѣ Модзлея, Фильда и Комп. По окончаніи курса В. Ѳ. произведенъ въ 1860 г. въ прапорщики корпуса инженеръ-механиковъ флота и назначенъ въ 1-й флотскій экипажъ. Послѣ заграничнаго плаванія на корветѣ «Богатырь» былъ старшимъ конструкторомъ управленія главнаго инженеръ-механика флота и съ 1872 г. главнымъ механикомъ адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ, которымъ онъ съ тѣхъ поръ и посвятилъ лучшую пору своей дѣятельности, исправляя съ 1887 г. должность начальника заводовъ. По зачисленіи въ инспекторы механической части въ 1892 г. покойный оставилъ заводы и получилъ назначеніе въ морской технический комитетъ. За все время своего пребыванія на Ижорскихъ заводахъ В. Ѳ. значительно расширилъ и поднялъ ихъ техническую производительность; при немъ былъ разобранъ старый бронепрокатный заводъ и построенъ новый—для выдѣлки болѣе усовершенствованной брони для нашихъ военныхъ судовъ; имъ же первымъ у насъ во флотѣ были проектированы и построены въ 1876 г. новѣйшаго типа машины съ двойнымъ расширеніемъ для военныхъ клиперовъ, а также—машины этой системы для нѣкоторыхъ пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій». Покойный нерѣдко былъ командированъ на различные заводы Германіи, Англіи и Франціи для наблюденія за выполненіемъ заказовъ морского министерства по изготовленію и пріемкѣ механизмовъ и брони. Слѣдя за развитіемъ морского техническаго дѣла, благодаря своему прекрасному спеціальному опыту и знанію иностранныхъ языковъ, онъ оставилъ о

себѣ память въ интересныхъ научныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ». Въ морскомъ техническомъ комитетѣ въ должности инспектора механической части В. Ѳ. оставался до увольненія отъ службы по предѣльному возрасту. Время, свободное отъ служебныхъ занятій, покойный отдавалъ на дѣла благотворительности, состоя до 1906 г. въ теченіе болѣе 25 лѣтъ предсѣдателемъ колпинскаго благотворительнаго общества. Имъ и его супругой былъ основанъ при этомъ обществѣ пріютъ для сиротъ и бѣднѣйшихъ дѣтей посада Колпино. (Некрологъ его: «Новое Время», 1909 г., № 12130).

† **Дмитріева-Мамонова, Е. А.** 3 января с. г. на Большеохтенскомъ кладбищѣ хоронили Елизавету Александровну Дмитріеву-Мамонову. Ученица И. П. Прянишникова, а затѣмъ І. В. Тартакова, Е. А. принадлежала къ даровитой музыкальной семьѣ, будучи двоюродной внучкой А. Ф. Львова, безсмертнаго автора нашего народнаго гимна. Обладая красивымъ колоратурнымъ сопрано, она неоднократно выступала въ благотворительныхъ концертахъ, чаще всего въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ, слушательницей которыхъ она состояла. Всегда отзывчивая и доброжелательная, Е. А. была любима всѣми ее знавшими. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1910 г., № 7).

† **Маляревская, Е. Х.** Незамѣченной прошла смерть Екатерины Христофоровны Маляревской, одной изъ первыхъ женщинъ-врачей въ Россіи. Покойная начала свое медицинское образованіе въ Цюрихѣ и окончила въ Петербургѣ въ 1878 г. Въ русско-турецкую войну она служила врачомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. По окончаніи войны поступила въ дѣтскую больницу принца Ольденбургскаго въ Петербургѣ, гдѣ работала подъ руководствомъ профессора Раухфуса. Съ 1882 г. Е. Х. посвящаетъ себя служенію отсталымъ въ развитіи дѣтямъ, требующимъ по своему характеру исключительнаго воспитанія и обученія. Она принимаетъ дѣятельное участіе во вновь открытомъ тогда врачебно-воспитательномъ заведеніи, отдавая большую часть своего времени несчастнымъ дѣтямъ. Е. Х., кромѣ того, работала въ военно-медицинской академіи, состояла учредительницей общества женщинъ-врачей, членомъ общества врачей-психіатровъ, родительскаго кружка и долгое время предсѣдательницей женскаго общества. Этой передовой энергичной женщинѣ принадлежитъ мысль объ организаціи женскаго сельско-хозяйственнаго образованія и первыхъ въ Россіи женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ, въ созданіи которыхъ она принимала горячее участіе. Послѣдніе годы Е. Х. провела на берегу Ладожскаго озера, во врачебно-воспитательной земледѣльческой колоніи, заботы о которой поглощали все ея время. При уходѣ за чахоточнымъ она заразилась бугорчаткой, которая и свела ее въ могилу. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1909 г., № 348).

† **Марковъ, В. П.** Въ лицѣ скончавшагося 4 января с. г., на 74-мъ году жизни, бывшаго предсѣдателя с.-петербургской губернской земской управы Владимира Петровича Маркова сошелъ въ могилу одинъ изъ видныхъ, горячихъ и убѣжденныхъ земскихъ дѣятелей, всю свою жизнь отдавшій на служеніе мѣстнымъ нуждамъ и интересамъ. Какъ человѣкъ, проникнутый лучшими завѣтами 60-хъ годовъ, В. П. отказался отъ блестящей служебной карьеры, которая ожидала его по его воспитанію и общественному положенію, и предпочелъ

скромную должность мирового посредника въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, гдѣ находилось его родовое имѣніе. Занявъ эту должность немедленно вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, онъ много потрудился надъ устройствомъ ихъ новаго положенія и пріобрѣлъ себѣ прочную любовь бывшихъ крѣпостныхъ, всегда видѣвшихъ въ немъ не «барина», а добраго и заботливаго друга. Съ введеніемъ мировыхъ судебныхъ установленій В. П. занялъ должность уѣзднаго мирового судьи. Обязанности судьи онъ исполнялъ болѣе четверти вѣка и затѣмъ до самой своей смерти оставался почетнымъ мировымъ судьею шлиссельбургскаго уѣзднаго съѣзда. Затѣмъ въ теченіе ряда трехлѣтій онъ былъ предсѣдателемъ шлиссельбургской уѣздной земской управы и, наконецъ, былъ избранъ предсѣдателемъ с.-петербургскаго губернскаго земства. Только четыре года назадъ, чувствуя, что ослабѣвающее здоровье уже не позволяетъ ему отдавать любимому дѣлу всѣ свои силы, В. П. отказался отъ этой сложной и хлопотливой должности, но все-таки остался въ земствѣ въ качествѣ почетнаго члена управы. Благодаря его неустаннымъ заботамъ какъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, такъ и вообще въ губерніи постоянно увеличивалось количество сельскихъ больницъ, аптекъ, школъ и школьныхъ библіотекъ, значительно расширилась и начала процвѣтать земская учительская школа, въ которой онъ всегда имѣлъ своихъ стипендіатовъ и вообще всегда оказывалъ и матеріальную, и нравственную поддержку какъ ученикамъ этой школы, такъ и сельскимъ учителямъ и учительницамъ. Много энергичныхъ усилій положено было имъ на устройство губернской психіатрической больницы въ Сиворицахъ и новаго зданія губернской земской управы. Къ каждому вопросу земской жизни В. П. относился почти съ юношеской горячностью, тяжело страдая отъ всякой неудачи и искренно радуясь всякому успѣху въ развитіи благосостоянія матеріальнаго и духовнаго. Благодаря его настояніямъ, завѣдываніе мѣстными шоссе было передано изъ министерства путей сообщенія въ руки земства. Въ частной своей жизни это былъ милый, остроумный и безконечно добрый человѣкъ, всегда готовый прійти на помощь въ чужомъ горѣ и охотно дѣлившійся всѣмъ, чѣмъ только могъ. Имя В. П. не чуждо и литературѣ: онъ съ молодыхъ лѣтъ и до старости писалъ стихотворенія, преимущественно лирическаго содержанія, и въ теченіе многихъ лѣтъ печаталъ ихъ въ «Вѣстникѣ Европы». Между прочимъ нельзя не отмѣтить, что В. П. былъ авторомъ того стихотворенія «Не можетъ быть», на которое Н. А. Некрасовъ счелъ долгомъ отвѣтить извѣстнымъ автобіографическимъ стихотвореніемъ, гдѣ говорилъ: «За каплю крови общую съ народомъ прости меня, о родина, прости...» (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12150).

† **Олѣховскій, М. А.** 11 декабря 1909 г. послѣ тяжкой болѣзни скончался въ гор. Полтавѣ завѣдующій мѣстнымъ естественно-историческимъ и этнографическимъ земскимъ музеемъ Михаилъ Александровичъ Олѣховскій. Своимъ возникновеніемъ и своимъ развитіемъ полтавскій музей почти всецѣло обязанъ М. А. Покойный М. А. отдалъ любимому дѣлу всѣ свои силы. Со времени открытія музея, съ 1891 года, и до самой смерти М. А. музей былъ тѣмъ центральнымъ пунктомъ, къ которому сходились и вокругъ котораго группировались всѣ жизненные интересы покойнаго. Если въ настоящее время музей

является однимъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ учрежденій полтавскаго земства, если онъ теперь завоевалъ безспорное право на всеобщее вниманіе, то въ первые годы его жизни приходилось съ большимъ трудомъ отстаивать его существованіе, приходилось пережить немало тяжелыхъ огорченій въ этой борьбѣ съ человѣческимъ непониманіемъ. И особенно трудно и мучительно тяжело это было для М. А., человѣка необычайной чуткости и деликатности, необыкновенно мягкаго и рѣшительно неприспособленнаго для жизненной борьбы. Несмотря на всѣ огорченія, М. А. никогда не складывалъ рукъ, онъ глубоко вѣрилъ въ любимое имъ дѣло, онъ работалъ сверхъ силъ, постоянно расширяя и умножая задачи музея. На послѣднемъ земскомъ собраніи рѣшено устроить для музея спеціальное зданіе, и, очевидно, для него теперь обезпечено прочное и достойное существованіе. А творца его, вложившаго въ это дѣло всѣ муки своей чистой души, всѣ порывы преданнаго сердца, всю горечь сомнѣній и колебаній, Полтава провожаетъ послѣднимъ «прости». (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 288).

† **Пожалостинъ, И. П.** 29 декабря 1909 г. въ Рязани скончался бывшій профессоръ гравернаго искусства при императорской академіи художествъ, Иванъ Петровичъ Пожалостинъ. Жизнь покойнаго художника убѣдительно подтверждаетъ знакомую истину, что онъ, простой русскій человѣкъ, «по своей и Божьей волѣ сталъ разуменъ и великъ». Почившій родился 25 мая 1837 г., въ селѣ Еголдаевѣ (Ряжскаго уѣзда), среди семьи бѣднаго однодворца и въ дѣтствѣ, по его словамъ, «ѣлъ хлѣбъ изъ просяной мякины». Вслѣдствіе смерти отца онъ съ 1850 по 1854 годъ воспитывался въ Зотиковскомъ сиропитательномъ пріютѣ въ Рязани, а затѣмъ былъ сельскимъ писаремъ въ селѣ Солотчѣ (Рязанскаго уѣзда). Среди писарскихъ занятій И. П. отдавался рисованію и настолько успѣшно, что въ 1857 году, по ходатайству М. Н. Муравьева, съ высочайшаго соизволенія, былъ принятъ въ императорскую академію художествъ, гдѣ занимался гравированіемъ подъ руководствомъ профессора Ѳ. И. Іордана. Получивъ золотую медаль и званіе академика, онъ былъ командированъ въ Парижъ и Лондонъ для усовершенствованія въ гравировальномъ искусствѣ (1872—1874 гг.), а по возвращеніи, состоя сначала «почетнымъ вольнымъ общникомъ» академіи художествъ, занялъ въ ней съ 18 ноября 1883 г. каѳедру гравированія и былъ профессоромъ до 1892 года, когда переселился въ Рязань «на отдыхъ». Искусному рѣзцу И. П. принадлежали многія гравюры на мѣди съ картинъ и портретовъ, особенно русскихъ писателей. Онѣ преимущественно появлялись въ «Русской Старинѣ» и служили ея украшеніемъ. Въ этомъ же журналѣ помѣщены и любопытныя «Записки» о жизни и художественной дѣятельности покойнаго русскаго гравера («Русская Старина», 1881 г., кн. 8—10). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1909 г., № 299).

† **Соловьевъ, Д. Н.** Скончавшійся 21 декабря Дмитрій Николаевичъ Соловьевъ (родился 21 сентября 1843 г.), директоръ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода, принадлежалъ къ числу духовныхъ нашихъ композиторовъ и вмѣстѣ вліятельныхъ лицъ въ области духовной музыки. По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, Д. Н. въ 1871 г. поступилъ преподавателемъ латинскаго языка

въ одну изъ петербургскихъ прогимназій, а затѣмъ, выдержавши спеціальный экзаменъ, согласно правиламъ, введеннымъ въ то время графомъ Д. Н. Толстымъ, поступилъ преподавателемъ въ 1-ю гимназію, гдѣ одновременно состоялъ и класснымъ наставникомъ и гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ занялъ мѣсто инспектора. Въ 1890 г. онъ былъ сдѣланъ директоромъ 6-й гимназіи. Онъ давно интересовался нашей музыкой и, будучи еще студентомъ, управлялъ студенческимъ хоромъ. На выпускномъ актѣ его курса былъ исполненъ гимнъ университету «Alma mater», латинскій текстъ котораго и музыка принадлежали ему. Въ 1-й гимназіи, будучи инспекторомъ, онъ тоже обратилъ вниманіе на гимназическій церковный хоръ. Въ 1896 г., по настоянію К. П. Побѣдоносцева и несмотря на многократные отказы,—онъ былъ педагогомъ по призванію,—перешелъ въ духовное вѣдомство и былъ назначенъ начальникомъ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Здѣсь открылась ему свободная дѣятельность въ области любимой имъ духовной музыки. Покойный Побѣдоносцевъ безусловно довѣрялъ его обширнымъ знаніямъ, давъ полную свободу его дѣйствіямъ. Реформы московскаго синодальнаго училища, произведенныя при Побѣдоносцевѣ, поставившія послѣднее на необходимую высоту въ смыслѣ хранилища религіознаго пѣнія, во многомъ обязаны мыслямъ и трудамъ Д. Н. Соловьева. Ему же, въ качествѣ члена училищнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, была поручена цензура музыкально-духовныхъ сочиненій—въ смыслѣ разрѣшенія ихъ употребленія при богослуженіяхъ. Это назначеніе послужило поводомъ къ немалымъ огорченіямъ для покойнаго. Хотя онъ отличался большой терпимостью къ чужимъ взглядамъ, но композиторы, правильность взглядовъ которыхъ не одобрялъ Д. Н., неоднократно жаловались на него, возбуждая даже противъ него судебныя разбирательства. Но авторитетъ его въ вопросахъ этого рода стоялъ высоко въ глазахъ предержащей власти. Онъ началъ изученіе церковнаго пѣнія, будучи еще учителемъ гимназіи. Въ этотъ періодъ Д. Н. усиленно работалъ надъ крюковыми нотными книгами и сдѣлалъ описаніе ихъ, находящееся въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи. Расшифрованіе многихъ неизвѣстныхъ знаковъ и различныя научныя конъюнктуры по этому вопросу, также и вышеупомянутое описаніе древнихъ крюковыхъ памятниковъ составляли работу всей жизни его, а оставшійся послѣ него рукописный матеріалъ по этому предмету, представляющій многотомное сочиненіе, имѣетъ большое научное значеніе. Работая въ связи съ этимъ надъ переложеніемъ древнихъ церковныхъ роспѣвовъ, Д. Н. принесъ въ даръ «Братству во имя Пр. Богородицы» составленные имъ шесть выпусковъ «Церковнаго пѣнія». Организовавъ при немъ хоръ любителей для исполненія церковныхъ пѣснопѣній древнихъ роспѣвовъ, онъ принялъ на себя руководительство имъ. Ему между прочимъ было поручено Побѣдоносцевымъ редактированіе обихода церковнаго пѣнія. Работа эта имѣла важное значеніе и ея выполненіе внесло твердое основаніе въ дѣло гармонизаціи церковныхъ напѣвовъ. Имъ написано немало сочиненій всякаго рода: «Русскій букварь», вышедшій въ нѣсколькихъ изданіяхъ; «Краткое руководство для изученія церковнаго пѣнія» (тоже); «Азбука хорового пѣнія», замѣняющая элементарную теорію музыки и музыкальную христоматію;

«Церковно-пѣвческій сборникъ» (4 тома; въ немъ помѣщена большая часть сочиненій Д. Н.); «Стихиры и тропари воскресны»; «Вогогласникъ»; «Сельскіе хоры» (редактированный имъ: въ этомъ сборникѣ помѣщена большая часть его свѣтскихъ сочиненій); «Бесѣды по русской исторіи»; шесть выпусковъ «Церковнаго пѣнія»; «Церковное пѣніе Валаамской обители», а также рукописная «Исторія музыки въ Россіи», за которую онъ получилъ званіе члена музыкальной академіи св. Цециліи въ Римѣ; кромѣ того, большое количество статей по вопросамъ педагогическимъ и музыкальнымъ, помѣщенныхъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», въ «Баянѣ» и въ «Русскомъ Музыкальномъ Вѣстникѣ». Покойный отличался рѣдкою сердечною отзывчивостью и любезностью и пользовался общимъ расположеніемъ всѣхъ знавшихъ его. Въ качествѣ директора канцеляріи оберъ-прокурора синода онъ не разъ исправлялъ обязанности товарища оберъ-прокурора и однажды даже самого оберъ-прокурора. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12147).

† **Шишко, Л. Э.** Въ Парижѣ умеръ одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей революціоннаго народничества 70-хъ годовъ, Леонидъ Эммануиловичъ Шишко. Покойный родился около 1850 г., учился во 2-й московской военной гимназіи, въ 1869 г. поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище и по окончаніи курса служилъ нѣкоторое время въ артиллеріи, но вскорѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Еще въ бытность въ артиллерійскомъ училищѣ Шишко входилъ въ составъ кружка юнкеровъ, возникшаго самостоятельно, увлекавшагося Писаревымъ и романомъ Омулевскаго «Шагъ за шагомъ» и вскорѣ принявшаго политическую окраску подъ вліяніемъ С. М. Кравчинскаго, воспитанника того же училища, но болѣе старшаго по возрасту. Чувство нравственной отвѣтственности наложило отпечатокъ на всю жизнь покойнаго, явилось основнымъ мотивомъ всей его дѣятельности. Оно привлекло его въ кружокъ чайковцевъ и сдѣлало его однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этого кружка, предъявлявшаго къ своимъ членамъ столь строгія требованія. Для принятія въ кружокъ требовалось согласіе всѣхъ его членовъ, и при этомъ тщательно взвѣшивались прежде всего нравственныя качества кандидата. Строгость кружка доходила въ этомъ отношеніи до ригоризма, и одинъ изъ его членовъ долженъ былъ выйти изъ его состава за свое пристрастіе къ нарядамъ. Первые годы дѣятельности кружка направлены были главнымъ образомъ на подготовительную и просвѣтительную работу, на изданіе и распространеніе книгъ публицистическаго и общественно-научнаго содержанія, но затѣмъ наступила пора непосредственной практической работы въ революціонномъ направленіи, и Шишко принялъ въ ней живое участіе. Онъ велъ пропаганду среди рабочихъ въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, и однимъ изъ ближайшихъ товарищей его за это время была Перовская. Въ августѣ 1874 г. Шишко былъ арестованъ, и этимъ закончился первый періодъ его дѣятельности. Послѣ 3 лѣтъ одиночнаго тюремнаго заключенія онъ былъ приговоренъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената къ каторжнымъ работамъ на 9 лѣтъ, и, хотя судъ ходатайствовалъ о смягченіи наказанія и о замѣнѣ каторги ссылкой на житье въ Тобольскую губернію, ходатайство это не было уважено. Каторгу онъ отбывалъ на Карѣ,

а затѣмъ жилъ на поселеніи сперва въ Забайкальской области, потомъ въ Томскѣ; оттуда онъ въ 1889 г. бѣжалъ за границу. За границей Шишко занимался главнымъ образомъ литературной работой и написалъ немало статей по соціологіи, по аграрному вопросу и на другія темы, но наибольшей популярностью изъ его произведеній пользовались «Разсказы изъ русской исторіи», выдержавшіе множество изданій. Широко расходились также экономическія брошюры покойнаго, особенно посвященныя обоснованію аграрной программы партіи с.-р. Нѣкоторыя выдержки изъ статей покойнаго въ свое время приводились въ «Ист. Вѣстн.» въ статьяхъ В. Глинскаго, посвященныхъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи.

† **Яковлевъ, А. И.** Скончавшійся въ Ярославлѣ въ ночь на 28 декабря 1909 г. членъ государственнаго совѣта по выборамъ Александръ Ивановичъ Яковлевъ принадлежалъ къ выдающимся мѣстнымъ дѣятелямъ. По окончаніи кандидатомъ физико-математическаго факультета с.-петербургскаго университета по естественному отдѣленію покойный нѣкоторое время завѣдывалъ на правахъ библіотекаря однимъ изъ отдѣленій императорской публичной библіотеки, но уже вскорѣ поселился въ своемъ скромномъ родовомъ имѣніи близъ города Ярославля и отдался всецѣло интересамъ своего родного края (А. И. родился въ Ярославлѣ въ 1863 г.). Съ 1889 по 1901 г. онъ занималъ должность земскаго начальника въ Ярославскомъ уѣздѣ, состоя въ то же время по выборамъ уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ гласнымъ. Въ этой роли онъ явился истиннымъ, отзывчивымъ другомъ крестьянства, среди котораго пріобрѣлъ широкую популярность. Многимъ памятны между прочимъ его усиленныя, увѣнчавшіяся успѣхомъ, хлопоты о поднятіи мѣстныхъ кустарныхъ производствъ, какъ, напримѣръ, кузнечно-слесарное дѣло въ Бурмакинской волости. Съ 1901 по 1903 г. А. И. занималъ должность непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ 1903 г. былъ избранъ ярославскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ должности котораго онъ оставался до самой смерти. По случаю частаго отсутствія въ Ярославлѣ губернскаго предводителя дворянства, покойному приходилось во многихъ случаяхъ долго нести и его обязанности. Въ 1905 г. А. И. былъ избранъ членомъ ярославской губернской земской управы, гдѣ на него были возложены редакція земскихъ изданій и завѣдываніе агрономическимъ отдѣломъ земства. Дѣятельность покойнаго въ земствѣ оставила яркій слѣдъ, такъ какъ онъ былъ всегда энергичнымъ и убѣжденнымъ поборникомъ поднятія производительныхъ силъ страны путемъ усиленія культуры, въ основу которой онъ полагалъ всегда опытныя данныя науки. Въ августѣ этого года А. И. былъ избранъ ярославскимъ губернскимъ земствомъ въ члены государственнаго совѣта. Здѣсь, еще до провѣрки и утвержденія своихъ полномочій, А. И., какъ глубокій знатокъ на практикѣ крестьянскаго дѣла, былъ избранъ членомъ отъ группы центра въ аграрную комиссію. Въ началѣ декабря онъ уѣхалъ въ Ярославль на сессію земскаго собранія, полный силъ, энергіи и, казалось, здоровья, окрыленный надеждой посильно послужить дѣлу государственнаго строительства и нуждамъ родного края. Но ему не суждено было вернуться въ Петербургъ. Вѣрный влеченіямъ сердца, покойный отдавалъ всѣ свои досуги научнымъ занятіямъ.

Ему принадлежитъ рядъ статей въ нашихъ спеціальныхъ изданіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію русской фауны. Онъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ ярославскаго естественно-историческаго общества, которое избрало его недавно своимъ предсѣдателемъ. Пламенной любовью къ родной природѣ, къ родному народу и горячимъ здоровымъ патріотизмомъ всегда дышалъ покойный. Въ тяжелые дни пережитой Россіей смуты его честный голосъ призывалъ не разъ къ отрезвленію, къ успокоенію, къ мирному труду. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 12140).

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

Въ декабрьскомъ нумерѣ «Историческаго Вѣстника» 1909 года на страницѣ 44 «Указателя именъ» и т. д. при моемъ имени «Фирсовъ Н. Н.—Л. Рускинъ» между прочимъ напечатано:

Рецензія М—о о книгѣ «его» (т. е. Н. Н. Фирсова) «Пугачевщина» и пр.

Очевидно, тутъ вкралась ошибка, ибо я никогда «не писалъ и не печаталъ» ничего о пугачевщинѣ. Авторъ, вѣроятно, мой однофамилецъ, имя и отечество котораго мнѣ неизвѣстны.

Николай Николаевичъ Фирсовъ (Л. Рускинъ).

Отъ редакціи. Составитель указателя сдѣлалъ невольную ошибку потому, что книга о Пугачевщинѣ принадлежитъ профессору Фирсову, котораго имя и отчество также Николай Николаевичъ.

— Но не такая любовь, какъ моя, Вальтеръ. Не бойтесь ничего. Вѣрьте мнѣ, что я нисколько не измѣнилась къ вамъ.

— Я вѣрю въ это, пока слышу вашу рѣчь и смотрю въ ваши глаза. Но бываютъ минуты, когда на меня нападаютъ сомнѣніе и страхъ.

— Отгоняйте ихъ сейчасъ же. Для нихъ нѣтъ основанія

— О, какъ бы я хотѣлъ отогнать ихъ!—вскричалъ онъ.

— Вы, повидимому, обладаете ревнивымъ характеромъ, Вальтеръ, и любите мучить себя.

— Можетъ быть,—согласился онъ.—По временамъ я, дѣйствительно, жалокъ.

— Мнѣ хочется посмѣяться надъ вами, Вальтеръ. Неужели вы не замѣчаете, что сами на себя накликаете несчастье? Слышали ли вы, чтобы я предпочла вамъ кого-нибудь другого? Слышали ли вы, что кто-нибудь ухаживаетъ за мною?

— Да, слышалъ. За вами ухаживаютъ нѣсколько человѣкъ. Я не увѣренъ, что и теперь ихъ нѣтъ.

— Никто не ухаживаетъ за мною, Вальтеръ. Мнѣ дѣлали немало предложеній, но я ихъ всѣ отвергла.

— Но когда-нибудь ваше сопротивленіе можетъ быть сломлено.

— Не думаю,—сказала она съ улыбкою.

— Отвѣтьте мнѣ, Беатриса, на одинъ вопросъ, но отвѣтьте мнѣ искренно. Если бы вашъ отецъ сталъ уговаривать васъ вступить въ бракъ съ другимъ, котораго онъ считалъ бы болѣе достойнымъ, чѣмъ я, послушались ли бы вы его?

— Нѣтъ. Я уже показала свою непреклонность. Если даже потребуютъ этого мой отецъ и мой родственникъ полковникъ Тильдеслей, то я сумѣю показать свою стойкость.. Я очень упряма и если разъ на что-нибудь рѣшусь, то никакіе уговоры на меня не подѣйствуютъ.

— Позвольте предложить вамъ другой вопросъ. Отвѣтъ на него имѣетъ для меня чрезвычайную важность. Отвѣтьте откровенно.

— Постараюсь, если могу, — сказала она, отчасти угадавъ его намѣреніе.

— Знаетъ ли полковникъ Тильдеслей, что вы отдаете предпочтеніе мнѣ?

— Онъ объ этомъ никогда не говорилъ, но я полагаю, что онъ знаетъ,—отвѣчала она.

— Будетъ ли онъ противъ нашего брака, или за него?

— Не могу вамъ сказать. Думаю, однако, что мой отецъ не согласится на него.

Молодой человѣкъ издалъ восклицаніе отчаянія.

— Стало быть, будетъ совершенно безполезно говорить съ нимъ объ этомъ.

— Совершенно безполезно. Вы получите категорическій отказъ. Предоставьте это мнѣ.

— О, пожалуйста!—вскричалъ Вальтеръ.—Вотъ что я вамъ предложу,—продолжалъ онъ, видимо, опять начиная колебаться.—Впрочемъ, послѣ того, что вы сказали, я не смѣю этого предложить. Обручимся здѣсь передъ лицомъ Святой Дѣвы!

— Не требуйте этого отъ меня, Вальтеръ, — сказала Беатриса, отдергивая свою руку.—Я не хочу связывать себя такимъ образомъ.

— Во всякомъ случаѣ вы не любите меня такъ, какъ утверждаете!—вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, я страшно люблю васъ. Но обстоятельства могутъ воспрепятствовать нашему браку.

— Вы не хотите дать торжественный обѣтъ въ томъ, что будете моей,—сказалъ онъ тономъ, полнымъ тоски.

— Вовсе нѣтъ,—возразила она твердо и спокойно.—Я полагаю, что все будетъ именно такъ, какъ мы хотимъ, но обѣта я давать не желаю.

Вальтеръ отшатнулся назадъ и закачался, какъ будто получилъ сильный ударъ.

Въ это время дверь въ церковь, которую молодой человѣкъ не притворилъ, какъ слѣдуетъ, при своемъ входѣ, открылась, и вошелъ отецъ Джонсонъ.

— Вы правильно поступили, дочь моя,—сказалъ онъ, обращаясь къ Беатрисѣ.—Я слышалъ все, что тутъ было, и одобряю ваше поведеніе.

— Не думалъ я, что и вы будете противъ меня!—воскликнулъ Вальтеръ.

— Я не противъ васъ,—возразилъ священникъ.—Но я предвижу столько препятствій къ вашему браку, что лучше всего не давать никакихъ обязательствъ. Вы должны ждать, пока не исполните то, что вы должны сдѣлать.

Вальтеръ бросилъ умоляющій взглядъ на Беатрису, но та оставалась непроницаемой.

Всѣ вышли изъ церкви и двинулись въ домъ, гдѣ ихъ нетерпѣливо поджидали полковникъ Тильдеслей и Горнби.

Очевидно, что-то случилось.

— Вы являетесь какъ разъ во время,—вскрикнулъ полковникъ.—Я уже хотѣлъ посылать за вами. Прибылъ капитанъ Бриджъ съ своими драгунами и требуетъ, чтобы его пропустили въ домъ. Онъ заявляетъ, что имѣетъ приказъ арестовать меня.

— Я самъ видѣлъ этотъ приказъ,—сказалъ Горнби.

— Гдѣ капитанъ Бриджъ?—спросилъ Вальтеръ.

— На той сторонѣ моста.

— Вы, конечно, будете сопротивляться?—спросилъ Вальтеръ.

— Я еще не знаю. Прежде, чѣмъ дать ему отвѣтъ, я хочу посовѣтоваться съ отцомъ Джонсономъ. Какъ мнѣ поступить?—спросилъ онъ священника.

— Не могу вамъ сказать,—отвѣтилъ тотъ.—Я могу вѣдь и ошибиться.

— Но я желаю знать ваше мнѣніе.

— По-моему, сдаться было бы безопаснѣе,—сказалъ священникъ.—Капитана Бриджа съ его драгунами можно, конечно, и прогнать. Но онъ опять вернется съ подкрѣпленіемъ и возобновитъ атаку. Успѣхъ будетъ, вѣроятно, на его сторонѣ.

— Но прежде, чѣмъ они займутъ домъ, вы можете бѣжать,—сказала Беатриса полковнику.

— Я не хочу спасаться бѣгствомъ,—возразилъ тотъ.

— Какъ? Вы не будете сопротивляться и покорно отдадите себя въ ихъ руки?—съ изумленіемъ спросила Беатриса.

— Сигналъ къ возстанію еще не данъ,—замѣтилъ священникъ.—Полковникъ можетъ навлечь на себя нареканія за свою поспѣшность.

— Такого совѣта я отъ васъ не ожидала,—сказала Беатриса.

— Что прикажете отвѣтить капитану Бриджу, полковникъ?—спросилъ Горнби.—Онъ выражаетъ большое нетерпѣніе.

— Скажи, что я самъ переговорю съ нимъ здѣсь. Онъ можетъ взять съ собою двухъ солдатъ, но другимъ я не позволю въѣхать въ Майерскофъ, пока мы не придемъ къ соглашенію.

— Слушаю. Все будетъ передано въ точности,—отвѣчалъ Горнби, отправляясь исполнять порученіе.

Капитанъ Бриджъ не замедлилъ явиться. Сопровождавшіе его два солдата остановились въ дверяхъ.

— Мнѣ очень непріятно нанести вамъ такой визитъ, полковникъ,—сказалъ Бриджъ, отвѣшивая поклонъ.—Но я долженъ исполнить свой долгъ.

— Не извиняйтесь, сэръ,—возразилъ Тильдеслей высокомѣрно.—Вы явились съ тѣмъ, чтобы арестовать меня?

— Такъ точно, полковникъ.

— Не стоитъ и спрашивать, по какой причинѣ. Вѣроятно, по поводу предполагаемыхъ измѣнническихъ замысловъ. Говорю—предполагаемыхъ, потому что не признаю себя виновнымъ ни въ чемъ.

— Сегодня утромъ здѣсь въ Майерскофѣ было значительное число якобитовъ, полковникъ. Я самъ ихъ видѣлъ.

— Вы могли встрѣтить нѣсколькихъ лицъ, которыхъ вы называете якобитами, но у васъ нѣтъ доказательствъ, что они были здѣсь.

— Извините, полковникъ, у меня есть для этого положительныя доказательства. Я даже могу показать вамъ списокъ вашихъ гостей. До свѣдѣнія тайнаго совѣта дошло, что среди католическаго помѣстнаго дворянства въ Ланкаширѣ готовится обширный заговоръ, имѣющій цѣлью возвести на престолъ бывшаго короля. Поэтому

за поведеніемъ всѣхъ его приверженцевъ былъ установленъ строгій надзоръ. Повторяю, мнѣ извѣстно, что здѣсь сегодня состоялось многолюдное собраніе подозрительныхъ лицъ.

— Это собраніе было не у меня, сэръ!—вскричалъ полковникъ Тильдеслей.

— Это все равно: оно было. Этому мы имѣемъ достаточныя доказательства. Я самъ знаю большинство изъ тѣхъ, кто здѣсь былъ. Поэтому я арестую васъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Я долженъ взять васъ отсюда и отправить въ крѣпость въ Ланкаширѣ.

Съ этими словами онъ предъявилъ приказъ объ арестѣ.

— Неужели вы позволите, полковникъ, чтобы васъ захватили такимъ образомъ?—спросилъ Вальтеръ.

— Сопротивляться будетъ безполезно,—отвѣчалъ Бриджъ.—Полковникъ долженъ отправиться со мною.

— Долженъ?—съ презрѣніемъ спросилъ Тильдеслей.

— Конечно, вы должны... Всѣ ненужныя стѣсненія будутъ для васъ устранены.

— Дайте мнѣ полчаса времени, чтобы сдѣлать всѣ приготовленія къ отъѣзду,—сказалъ полковникъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Бриджъ.—Я останусь здѣсь, пока вы не вернетесь.

— Прикажите подать закуски для капитана Бриджа,—сказалъ полковникъ Горнби.

— Не безпокойтесь, пожалуйста,—возразилъ Бриджъ.—Мнѣ ничего не нужно.

— Не разрѣшите ли, г. капитанъ, отвести вашихъ людей въ людскую? Тамъ я могъ бы предложить имъ по стакану хорошаго эля,—сказалъ Горнби.

— Только не давайте имъ слишкомъ много,—отвѣчалъ Бриджъ, давая этимъ словами понять, что онъ принимаетъ предложеніе Горнби.

Полковникъ Тильдеслей съ Джонсономъ вышли изъ зала. Вальтеръ и Беатриса послѣдовали за ними.

Между тѣмъ Горнби отвелъ обоихъ солдатъ въ людскую и, давъ имъ по большой кружкѣ эля, также исчезъ.

Первымъ его дѣломъ было вооружить всѣхъ слугъ, оставшихся въ Майерскофѣ и поставить ихъ у входа въ залъ. Въ то же время полковникъ вмѣстѣ съ другими быстро прошли въ комнату отца Джонсона, гдѣ, какъ мы знаемъ, былъ устроенъ тайникъ. Священникъ сталъ развивать свой планъ, какъ провести Бриджа.

Странно было только то, что капитанъ Бриджъ, обыкновенно столь подозрительный, повидимому, и не предчувствовалъ, что ему готовилось. Онъ никакъ не думалъ, что кто-нибудь можетъ ускользнуть отсюда, разъ его отрядъ сторожитъ мостъ.

Прошло уже болѣе полчаса, а между тѣмъ никто еще не возвращался. Наконецъ появился Горнби. Капитанъ Бриджъ вскочилъ.

— Собрался ли наконецъ полковникъ Тильдеслей?—спросилъ онъ.—Я не могу ждать его больше.

— Я не могу его найти,—отвѣчалъ дворецкій.

— Какъ не можете найти?—воскликнулъ Бриджъ.—Не обманулъ же онъ меня! Онъ далъ слово вернуться, и я повѣрилъ его обѣщанію.

— Если онъ далъ слово, то, конечно, вернется. Но мнѣ кажется, что вы ошибаетесь.

— А, негодяй! Теперь я вижу все. Ты помогъ бѣжать твоему господину. Его здѣсь нѣтъ.

— Не стану отрицать этого, ибо полагаю, что онъ теперь въ полной безопасности,—сказалъ Горнби.

— Другіе также бѣжали?—спросилъ Бриджъ.

— Ваша догадка совершенно вѣрна, г. капитанъ,—отвѣчалъ дворецкій.

— Какимъ же образомъ они могли бѣжать? Отвѣчай, негодяй, иначе я велю тебя повѣсить.

— Не могу вамъ этого объяснить. Знаю только одно: что они бѣжали.

— Это меня не удовлетворяетъ!—вскричалъ Бриджъ.—Я обыщу весь домъ.

— Ну, нѣтъ, г. капитанъ. Домъ оставленъ на мое попеченіе, я за все отвѣчаю и не могу позволить дѣлать здѣсь обыскъ.

— И ты осмѣлишься стать мнѣ на дорогѣ?—вскричалъ Бриджъ.

Горнби только усмѣхнулся.

— Вы мой плѣнникъ, и я буду держать васъ въ заключеніи, сколько пожелаю. Оба ваши солдата также въ плѣну и обезоружены. Я уже сказалъ вамъ, что полковникъ Тильдеслей и его гости уѣхали. Безполезно будетъ искать ихъ, да я и не позволю этого.

— Ты понимаешь ли, что ты дѣлаешь?—спросилъ капитанъ Бриджъ.

— Я готовъ ко всему,—отвѣчалъ дворецкій.—Но слушайте: вы не выйдете отсюда до тѣхъ поръ, пока не дадите клятву оставить насъ въ покоѣ. Вы въ моей власти, и я васъ выпущу только съ этимъ условіемъ. Даю вамъ пять минутъ на размышленіе. Если по прошествіи этихъ пяти минутъ вы откажетесь исполнить мое требованіе, я прикажу вывести васъ на дворъ и разстрѣлять, а съ вами и обоихъ вашихъ драгунъ. Не думайте, что я угрожаю зря. Все уже готово для исполненія моихъ словъ.

Капитанъ Бриджъ взглянулъ на него и по его рѣшительнымъ манерамъ понялъ, что онъ не задумается привести въ исполненіе свои угрозы. Бросились ему въ глаза и вооруженные слуги, стоявшіе въ дверяхъ.

— Выпустите меня и моихъ солдатъ, и я уѣду—клянусь вамъ,— сказалъ онъ.

— И не вернетесь?—спросилъ Горнби.

— Не вернусь.

Черезъ нѣсколько минутъ Майерскофъ опустѣлъ. Едва удалился капитанъ Бриджъ, какъ Тильдеслей и его гости вышли изъ тайника и всѣ вмѣстѣ направились изъ комнаты священника внизъ, въ главный залъ.

I

Король Іаковъ и сенъ-жерменскій дворъ.

Прошло пять лѣтъ. Много событій совершилось за этотъ долгій промежутокъ времени, но всѣ они были неблагопріятны для изгнаннаго короля.

Осаду Лондондерри, благодаря продолжительной и храброй защитѣ его жителей, пришлось снять. Огромный якобитскій заговоръ, во главѣ котораго стояли лорды Дармаутъ, Эльсбери и Кларендонъ и многія лица изъ высшаго общества сѣверныхъ областей, былъ открытъ. Множество его участниковъ, въ томъ числѣ лорды Дармаутъ и Кларендонъ, были заключены въ Тоуеръ. Произошла рѣшительная битва при Бойнѣ, послѣ которой Іаковъ былъ вынужденъ оставить Ирландію и вернуться во Францію. Дублинъ покорился Вильгельму. Мирный договоръ, заключенный при Лимерикѣ, пришлось подписать поневолѣ, и несчастный Іаковъ, сидя въ Гаагѣ, былъ свидѣтелемъ того, какъ рушились огромныя приготовленія Людовика XIV къ вторженію французовъ въ Англію.

Такое множество неблагопріятныхъ событій и все возраставшее могущество Вильгельма ослабляли надежды Іакова и заронялн въ него сомнѣніе въ томъ, будетъ ли онъ въ состояніи вернуть себѣ престолъ. Впрочемъ, у него было еще много приверженцевъ, которые требовали отъ него продолженія войны и пророчили ему полный успѣхъ.

Весною 1694 года—съ этого времени начинается здѣсь нашъ разсказъ—сверженный король жилъ еще въ королевскомъ дворцѣ Сенъ-Жерменѣ, великодушно назначенномъ ему для жительства Людовикомъ XIV. Король-Солнце выдавалъ сверхъ того Іакову еще на его личные расходы восемьсотъ тысячъ франковъ и предоставилъ въ его распоряженіе роту своихъ гвардейцевъ.

Кромѣ того, у Іакова была собственная гвардія, составлявшаяся изъ бѣглецовъ, недовольныхъ или обиженныхъ Вильгельмомъ. Были и такіе, жизни которыхъ грозила на родинѣ опасность. Король Іаковъ и супруга его Марія Моденская съ радостью принимали ихъ къ себѣ.

Между сенъ-жерменскимъ дворомъ и англійскими якобитами постоянно поддерживались тайныя сношенія, и всякая новость,

которая почему-либо могла интересовать бывшаго короля, немедленно сообщалась ему.

Благодаря преклонному возрасту, Іаковъ теперь не такъ уже стремился въ изгнавшую его страну, какъ прежде. Теперь онъ хлопоталъ уже о томъ, чтобы обезпечить престолъ для своего сына Эдуарда, котораго называли шевалье де-Сенъ-Жоржъ и претендентомъ. Этотъ шевалье родился въ 1688 году и въ это время ему было около шести лѣтъ.

Марія Моденская, почти ровесница своему мужу, была надѣлена отважнымъ духомъ и мужествомъ, котораго такъ не хватало бывшему королю. Во что бы то ни стало, рѣшила она добыть престолъ для своего сына. Пылая ненавистью къ Вильгельму, котораго она считала узурпаторомъ, она не пренебрегала никакими средствами для его устраненія.

Дочь Альфонса IV, герцога Моденскаго, Марія вышла замужъ, когда ей было всего пятнадцать лѣтъ. Несмотря на то, что это было около тридцати лѣтъ тому назадъ, она и до сихъ поръ не утратила еще своей очаровательности. Ея фигура была такъ же легка и стройна, какъ и въ молодые годы, ея глаза блестѣли прежнимъ блескомъ, а косы поражали своей длиной. Нѣкоторые находили, что она стала теперь даже красивѣе, чѣмъ прежде. Неудачи и тревоги какъ будто не осмѣлились вредить ея прелестямъ.

Какъ и ея супругъ, Марія была до крайности набожна и находилась всегда подъ вліяніемъ духовенства. Особеннымъ авторитетомъ пользовался у нея ея духовникъ, нѣкій отецъ Петръ.

Среди ея фрейлинъ, взятыхъ изъ лучшихъ семей англійскихъ католиковъ, не было ни одной, которая по красотѣ и уму могла бы соперничать съ Беатрисой Тильдеслей. Возможность быть около королевы, къ которой она такъ стремилась, доставилъ ей Вальтеръ Кросби, который лично просилъ королеву назначить Беатрису фрейлиной. Отецъ Джонсонъ самъ привезъ ее въ Сенъ-Жерменъ. Тамъ ей отвели прелестное помѣщеніе съ окнами въ садъ, въ которомъ она чувствовала себя совершенно счастливой: главная ея цѣль была достигнута.

Королева Марія съ перваго же свиданія отнеслась къ ней снисходительно и милостиво и вскорѣ сильно полюбила свою новую фрейлину.

Красота и изящество Беатрисы произвели большое впечатлѣніе среди придворной молодежи, которая обыкновенно сопровождала Людовика во время его наѣздовъ въ Сенъ-Жерменъ. Вскорѣ она сдѣлалась главной приманкой двора сверженнаго короля. Изъ-за нея произошло даже нѣсколько дуэлей.

Отецъ Джонсонъ не вернулся въ Майерскофъ и сдѣлался постояннымъ тайнымъ посредникомъ между Іаковомъ и его приверженцами

въ Ланкаширѣ и Чеширѣ. То былъ ловкій, изворотливый человѣкъ и исполнялъ свои обязанности великолѣпно.

Вспомнивъ о Майерскофѣ, мы должны здѣсь сказать, что полковникъ Тильдеслей года четыре тому назадъ потерялъ свою жену и жилъ теперь въ одиночествѣ.

Изъ всѣхъ лицъ, составлявшихъ дворъ сверженнаго короля въ Сенъ-Жерменѣ, никто не могъ занять у королевы такого выдающагося положенія, какъ Вальтеръ Кросби. Ему давались самыя важныя порученія; но если ихъ исполненіе требовало его продолжительнаго отсутствія, королева торопила его и нерѣдко посылала ему приказаніе вернуться.

Участіе, которое Марія принимала въ молодомъ капитанѣ, не укрылось отъ Беатрисы; хотя она и чувствовала нѣкоторую ревность, но, какъ вѣрная фрейлина, никогда не позволяла прорываться своимъ чувствамъ. Она ни на минуту не допускала и мысли, чтобы Вальтеръ, несмотря на всякія поощренія со стороны королевы, осмѣлился такъ высоко кидать свои взоры.

У короля Іакова было двое министровъ: лордъ Мельфордъ и лордъ Мидльтонъ, которые по очереди управляли дѣлами короля, капризно мѣнявшаго ихъ одного за другимъ. Оба министра сильно соперничали между собою. За каждымъ изъ нихъ стояла сильная партія, и трудно было сказать, кто изъ нихъ пользуется большимъ вліяніемъ при дворѣ.

Въ пріемные дни замокъ Іакова бывалъ обыкновенно переполненъ знатными лицами, которыя являлись въ Сенъ-Жерменъ предложить королю свои услуги. Самыми видными среди нихъ были графъ Эльсбери, принимавшій участіе въ заговорѣ, за который лорды Кларендонъ и Дармаутъ были брошены въ тюрьму, сэръ Джонъ Фенвикъ, полковникъ Паркеръ и капитанъ Портеръ.

Въ одно прекрасное утро въ концѣ мая 1694 года нѣсколько богато одѣтыхъ дамъ и кавалеровъ, видимо, принадлежавшихъ ко двору, собрались небольшой группой на террасѣ Сенъ-Жерменскаго дворца, недалеко отъ павильона Генриха IV.

Съ этой великолѣпной террасы, построенной знаменитымъ Лепотромъ лѣтъ за двадцать до того, какъ начинается нашъ разсказъ, открывается дивный видъ на долину Сены, которая имѣетъ въ этомъ мѣстѣ крайне извилистое теченіе.

На противоположномъ берегу рѣки, ниже террасы, тянется Везинетскій лѣсъ, налѣво—акведукъ Монъ-Валеріанъ, а вдали виднѣются остроконечныя крыши собора святого Діонисія и часть Парижа. Все это вмѣстѣ составляетъ великолѣпную панораму.

Старинный замокъ Сенъ-Жерменъ, построенный въ XII столѣтіи Людовикомъ Толстымъ, впослѣдствіи достался Эдуарду, Черному принцу, который, повидимому, обходился съ нимъ, какъ побѣдитель. Отъ этого стариннаго зданія сохранились теперь только башня и домашняя часовня.

При Франциск'ѣ I замокъ былъ исправленъ и сильно передѣланъ итальянскимъ архитекторомъ Серліо. Въ этомъ подновленномъ дворцѣ жили Генрихъ II и Генрихъ IV, который очень любилъ это мѣсто.

Два короля увидѣли свѣтъ въ стѣнахъ этого замка—Карлъ IX и Людовикъ XIV. Послѣдній родился какъ разъ въ павильонѣ Генриха IV, который стоялъ въ концѣ террасы, выходящей на Сену.

Великій король не разъ живалъ въ Сенъ-Жерменѣ и разстался съ нимъ только потому, что отсюда былъ виденъ соборъ святого Діонисія, гдѣ покоились его предки.

Сенъ-Жерменъ къ тому времени, какъ въ немъ поселился Іаковъ, имѣлъ нѣсколько мрачный видъ, но былъ въ полной исправности и прекрасно обставленъ Людовикомъ.

Цвѣтники и паркъ содержались прекрасно, аллеи его нисколько не уступали версальскимъ; не было только фонтановъ. Безподобная терраса, имѣвшая въ длину около полуторы мили и поддерживавшаяся цѣлой стѣной съ парапетомъ, составляла гордость этого замка. Славомъ, Іаковъ былъ обставленъ здѣсь нисколько не хуже, чѣмъ у себя въ Уайтголлѣ или въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ.

Кромѣ прогулокъ по террасѣ, онъ имѣлъ возможность ежедневно совершать прогулки верхомъ и охотиться на оленей въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу, который тянулся на нѣсколько миль позади замка.

Мужчины и женщины, о которыхъ мы говорили, были не одни въ этотъ вечеръ.

Недалеко отъ входа въ павильонъ Генриха IV стояла группа пажей въ шелковыхъ камзолахъ и голубыхъ бархатныхъ плащахъ, украшенныхъ серебрянымъ шитьемъ, въ шляпахъ съ перьями и бѣлыхъ башмакахъ съ вышитой на нихъ красной гвоздикой.

Большія ворота дворца охранялись аллебардистами, а внутри двора виднѣлся отрядъ французскихъ королевскихъ гвардейцевъ, предоставленныхъ Іакову Людовикомъ, въ своихъ стальныхъ латахъ и широкополыхъ шляпахъ съ перьями.

Пока пажи смѣялись и оживленно бесѣдовали между собою, изъ павильона вышелъ прелестный мальчикъ, которому было не болѣе лѣтъ шести, и сталъ сходить по лѣстницѣ.

Пажи привѣтствовали его чрезвычайно почтительно. Одѣтъ онъ былъ въ шелковый костюмъ, весьма къ нему шедшій, а на его бѣлокурой курчавой головѣ красовалась небольшая шапочка съ перомъ.

То былъ сынъ Іакова II, Іаковъ-Эдуардъ, котораго при французскомъ дворѣ и въ Санъ-Жерменскомъ замкѣ титуловали принцемъ Уэльскимъ.

Едва онъ показался на террасѣ, какъ придворныя дамы окружили его и наперерывъ стали ухаживать за нимъ. Въ это время къ группѣ подошли двѣ дамы, предшествуемыя камеръ-лакеемъ.

Одна изъ нихъ, старшая, была, очевидно, болѣе знатнаго происхожденія, чѣмъ ея спутница. На ея прекрасномъ лицѣ блестѣли великолѣпные черные глаза. Одѣта она была въ темное бархатное платье съ серебряной оборкой, а на шеѣ красовалось жемчужное ожерелье.

То была сама Марія Моденская съ фрейлиной Беатрисой Тильдеслей, которая теперь была въ самомъ расцвѣтѣ своей красоты. Утренній костюмъ изъ бѣлаго шелку чрезвычайно шелъ къ ея изящной фигурѣ. Она была немного выше королевы и не уступала ей по красотѣ, только въ ней не было замѣтно такой величавости.

Увидѣвъ королеву, пажи отвѣсили установленный поклонъ, а дамы сдѣлали глубокій реверансъ. Юный принцъ бросился навстрѣчу къ матери и поцѣловалъ ей руку, поклонившись при этомъ и Беатрисѣ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій королева взяла сына за руку и стала гулять съ нимъ по террасѣ. Впереди ея шелъ камеръ-лакей, а сзади фрейлины и пажи.

Едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ Беатриса, обернувшись назадъ, сказала:

— Капитанъ Кросби вернулся, ваше величество. Онъ только что въѣхалъ во дворъ.

— Вы увѣрены въ этомъ?—спросила королева.

— Совершено увѣрена,—отвѣчала Беатриса.—Я не могла обмануться.

Королева остановилась и, подозвавъ пажа, велѣла привести къ себѣ Вальтера.

Приказаніе было немедленно исполнено.

Вальтеръ, не успѣвшій еще перемѣнить дорожный костюмъ, бросился къ ногамъ королевы и поцѣловалъ ея руку, которую она милостиво ему протянула.

— Очень рада, что вы наконецъ вернулись, капитанъ Кросби,—сказала королева.—Надѣюсь, вы привезли хорошія новости?

— Очень хорошія, ваше величество,—отвѣчалъ онъ, поднимаясь съ колѣнъ.—Ваше величество сейчасъ узнаете все. Мнѣ нужно передать многое.

— Вы подстрекаете мое любопытство. Но я могу и подавить его, если вы говорите, что все идетъ хорошо.

— Не привезли ли вы писемъ для меня отъ отца и полковника?—тихо спросила Беатриса.

— Привезъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Я вамъ передамъ ихъ потомъ.

— Вы забыли обо мнѣ, капитанъ Кросби,—сказалъ принцъ, глядя на него.

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество,—отвѣчалъ Вальтеръ, низко кланяясь и цѣлуя ему руку.—Во время моего отсутствія я много слышалъ о васъ.

— Я надѣюсь скоро опять увидѣть Лондонъ,—сказалъ принцъ.

— Какъ, тебѣ уже не нравится Сенъ-Жерменъ?—спросила королева.

— Нѣтъ, но всѣ говорятъ мнѣ, что я долженъ быть въ Сенъ-Джемскомъ дворцѣ.

— Да, вы должны тамъ быть, принцъ. Скоро и будете тамъ,—замѣтилъ Вальтеръ.—Англійскій народъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ.

— Боюсь, что вы обманываете меня,—сказалъ принцъ.

— Обманывать васъ! Неужели ваше высочество можете такъ думать?

— Нѣкоторые говорятъ мнѣ совсѣмъ другое.

— Тому, что говоритъ капитанъ Кросби, ты можешь повѣрить,—сказала королева.—Онъ только что вернулся изъ Англіи.

— Тогда онъ долженъ знать лучше,—сказалъ принцъ улыбаясь.—Но какъ добраться до Лондона? Должны ли мы вторгнуться въ Англію?

— Я думаю, что вы правы, принцъ,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Мы будемъ вынуждены принять этотъ планъ.

— Но онъ можетъ потерпѣть неудачу прежде, чѣмъ мы вздумаемъ его осуществить.

— Да, но въ такомъ случаѣ должны быть нѣкоторыя особыя причины, которыхъ я не сумѣю объяснить вашему высочеству,—возразилъ Вальтеръ.—Но надѣюсь, что такихъ причинъ, не будетъ.

— Я на это не надѣюсь,—замѣтила королева значительно.—Но пойдемте дальше. Вы не уходите, капитанъ Кросби. Мнѣ нужно еще переговорить съ вами.

— И мнѣ тоже,—сказалъ принцъ, хватая его за руку.

Едва королева и ея свита успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ на боковой дорожкѣ, ведшей къ террасѣ, показались два человѣка.

Одинъ изъ нихъ былъ очень высокаго роста, Хотя его нельзя было назвать красивымъ, такъ какъ части его тѣла какъ будто не подходили другъ къ другу, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ величавый и достойный видъ. Черты его лица, красивыя и рѣзкія, носили отпечатокъ сильной меланхоліи. Въ большихъ и красиво прорѣзанныхъ глазахъ не было блеска, а длинный черный парикъ, кудри котораго падали ему на плечи, рѣзко оттѣнялъ его блѣдное лицо. Одѣтъ онъ былъ въ черное бархатное платье съ богатыми вышивками, съ шеи свѣшивался длинный галстукъ изъ великолѣпныхъ фландрскихъ кружевъ. На головѣ была шляпа, украшенная бѣлымъ перомъ. На боку висѣла шпага, а въ рукахъ онъ держалъ трость.

То былъ сверженный король Іаковъ II.

Съ нимъ былъ одинъ изъ его министровъ, лордъ Мельфордъ, высокій худощавый человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ богатый

костюмъ, сшитый по французской модѣ, и въ большомъ напудренномъ парикѣ. Веселое выраженіе его лица представляло странный контрастъ съ мрачнымъ настроеніемъ короля.

Увидѣвъ королеву, Іаковъ, шедшій довольно медленно, вдругъ остановился и сѣлъ на скамейку, зная, что она сама подойдетъ къ нему.

Марія сейчасъ же догадалась о его желаніи. Оставивъ свою свиту и взявъ лишь Беатрису и капитана Кросби, она спустилась по лѣстницѣ террасы и направилась къ скамейкѣ, на которой сидѣлъ король.

Лордъ Мельфордъ двинулся ей навстрѣчу и церемонно подвелъ къ королю, который поднялся и далъ ей мѣсто рядомъ съ собою.

По приказанію королевы, Беатриса отошла немного съ принцемъ, Вальтеръ же подошелъ къ скамьѣ и былъ милостиво встрѣченъ королемъ.

— Очень радъ, что вы вернулись, капитанъ Кросби,—началъ Іаковъ.—Такъ же ли преданы мнѣ мои ланкаширскіе друзья, какъ и прежде?

— Я не видѣлъ ни одного, у кого бы вѣрноподданническія чувства испытали охлажденіе,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Всѣ сторонники короля Іакова на сѣверѣ готовы поднять знамя возстанія, какъ только вашему величеству угодно будетъ подать къ этому сигналъ. Всѣ необходимыя приготовленія уже сдѣланы.

— Къ сожалѣнію, я принужденъ охладить ваше усердіе,—сказалъ Іаковъ:—я думаю, что теперешнее положеніе вещей не совсѣмъ благопріятно для возстанія.

— Ваше величество совершенно правы. Намъ нужно выжидать,—замѣтилъ лордъ Мельфордъ, стоявшій возлѣ короля.—Можетъ случится нѣчто такое, что сразу переверпетъ современное положеніе. Тогда вторженіе можетъ скорѣе разсчитывать на успѣхъ.

— Это общее мнѣніе,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Прежде, чѣмъ поднимать возстаніе, нужно устранить узурпатора.

— На это я не согласенъ,—возразилъ Іаковъ.—Я не желаю вернуть себѣ свое королевство посредствомъ убійства.

— Объ убійствѣ никто не думаетъ, клянусь вамъ,—сказалъ Вальтеръ.

— Что же тогда имѣется въ виду?—спросилъ король, пристально глядя на него.

— Плѣнъ и заключеніе,—отвѣчалъ Вальтеръ.

— Но какимъ же образомъ осуществить это?

— Для этого выработано нѣсколько плановъ, которые я, съ разрѣшенія вашего величества, и изложу сейчасъ.

— Нѣтъ, я не желаю слышать о нихъ,—возразилъ бывшій король.

— Но если вашему величеству не угодно будетъ одобрить тотъ или другой планъ, то я боюсь, что мысль о вторженіи придется оставить!—воскликнулъ Вальтеръ.

— А хотя бы и такъ,—холодно возразилъ король.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнула королева.—Ваше величество не должны разочаровывать вашихъ вѣрныхъ сторонниковъ. Вы должны одобрить этотъ планъ.

— Я не могу сдѣлать этого по совѣсти,—отвѣчалъ Іаковъ.

— Посовѣтуйтесь съ отцомъ Петромъ,—тихо промолвила королева.—Онъ положитъ конецъ вашимъ колебаніямъ.

Іаковъ не отвѣчалъ.

Королева дала Беатрисѣ знакъ, чтобы она подвела принца Уэльскаго. Король поцѣловалъ сына.

— Ваше величество должны вернуть себѣ королевство ради вашего сына,—шепнула королева. —А для этого нѣтъ другого пути. Хочешь ѣхать въ Англію?—спросила она у принца.

— Очень, очень хочу! — воскликнулъ мальчикъ. — Капитанъ Кросби говорилъ, что весь народъ ждетъ меня.

— Не вѣрю я этому,—сказалъ король.—Лучше оставаться на своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы въ безопасности.

— Стало быть, я не буду королемъ Англіи?—спросилъ мальчикъ.

— Надѣюсь, что будешь,—промолвилъ Іаковъ.—Но не могу поручиться тебѣ за это. Можетъ быть, событія и помѣшаютъ этому.

— Но вы должны сами оставить мнѣ корону,—продолжалъ принцъ.

— Постараюсь,—сказалъ удивленный Іаковъ съ неудовольствіемъ:—но ты не долженъ разсчитывать на нее.

Съ этими словами онъ поднялся. Королева не смѣла противорѣчить ему изъ страха увеличить его неудовольствіе, и тоже встала. Королевская чета направилась къ террасѣ, а принцъ Уэльскій шелъ между ними. По знаку королевы, лордъ Мельфордъ подошелъ къ ней съ лѣвой стороны.

Беатриса и капитанъ Кросби шли сзади и бесѣдовали.

— Я надѣюсь, дорогая Беатриса, что вы вспоминали меня во время моего отсутствія?—спросилъ онъ.

— Я постоянно помнила о васъ,—отвѣчала она,—и сильно безпокоилась за вашу безопасность.

— Я не разъ былъ близокъ къ гибели, но меня какъ будто защищалъ ангелъ-хранитель.

— Надѣюсь, что такъ всегда будетъ. Но скажите мнѣ откровенно, дѣйствительно ли наша партія имѣетъ шансы на успѣхъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія!—воскликнулъ онъ.—Мы теперь сильнѣе и сплоченнѣе, чѣмъ когда-либо. Но для насъ есть одно затрудненіе: пока Вильгельмъ живъ, возстаніе осуждено на неудачу. Благодаря протестантской партіи, которая готова биться за него

на жизнь и на смерть, онъ всемогущъ. Нечего и думать о битвѣ, ибо, если мы ее проиграемъ, якобиты будутъ разбиты на голову и сокрушены окончательно. Пока Вильгельмъ дѣйствуетъ противъ насъ, мы не можемъ мечтать объ успѣхѣ. Нужно сознаться, что, какъ полководецъ, онъ гораздо лучше нашего короля.

— Вы хотите сказать: гораздо счастливѣе,—возразила Беатриса.

— Нѣтъ. Я не беру назадъ своихъ словъ. Повторяю, необходимо устранить Вильгельма.

— Но не убивать, Вальтеръ!

— Достаточно лишь помѣшать ему командовать арміей. Поговоримъ лучше о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Они такъ же неважны, какъ и раньше. До брака намъ такъ же далеко, какъ и прежде. Мы ждемъ уже почти пять лѣтъ и, кажется, придется ждать еще столько же.

— Увы! Это вѣрно. Но королева милостива ко мнѣ, и я надѣюсь хорошо здѣсь устроиться. Больше всего безпокоюсь я о васъ, Вальтеръ.

— Я не могу, конечно, перемѣниться!—воскликнулъ онъ.—Я попрежнему буду рисковать всѣмъ для короля Іакова и дѣлать все, что онъ прикажетъ.

— Хвалю вашу рѣшимость, Вальтеръ, и надѣюсь, что ваша преданность будетъ когда-нибудь вознаграждена.

На этомъ и кончился ихъ разговоръ.

Ихъ величества дошли уже до террасы, гдѣ ихъ ожидала ихъ свита. Іаковъ хотѣлъ было направиться прямо во дворецъ, но королева упросила его продолжить прогулку.

Король предпочиталъ гулять по уединеннымъ мѣстамъ парка, но открывшійся съ террасы прелестный видъ понравился ему. Къ тому же онъ былъ польщенъ выраженіями почтительной преданности, которую ему выказывала толпа, уже успѣвшая собраться около террасы. Въ ней было немало его бывшихъ подданныхъ, которые послѣдовали за нимъ въ изгнаніе и теперь жили съ нимъ въ Сенъ-Жерменскомъ замкѣ. Было тутъ немало и французовъ, которые привѣтствовали его такъ же демонстративно, какъ и англичане.

По мѣрѣ того, какъ Іаковъ шелъ дальше по террасѣ, народу становилось все меньше и меньше: присутствовавшіе не рѣшались слѣдовать за королемъ, такъ что королевская чета осталась наконецъ одна.

Королю надоѣло уже смотрѣть внизъ, на долину Сены. Взявъ сына на руки, онъ началъ показывать ему извилины рѣки и нѣкоторыя понравившіяся ему мѣста.

Когда онъ обратилъ его вниманіе на соборъ въ С.-Денн, принцъ спросилъ:

— Здѣсь погребены короли Франціи? Не такъ ли?

Іаковъ отвѣчалъ утвердительно.

— А гдѣ же хоронятъ королей Англіи?

— Твой дѣдъ Карлъ I погребенъ въ церкви святого Георгія въ Виндзорскомъ дворцѣ,—угрюмо отвѣчалъ Іаковъ.

Королева, боясь еще какихъ-нибудь неудобныхъ вопросовъ со стороны мальчика, вмѣшалась въ разговоръ и приказала увести принца внизъ.

Іаковъ возобновилъ свою прогулку, какъ вдругъ какой-то человѣкъ въ полувоенномъ костюмѣ, съ виду крѣпкій и коренастый, выждавъ приближенія короля, быстро приблизился къ нему и, несмотря на сопротивленіе лорда Мельфорда, подалъ ему какую-то бумагу.

Предполагая, что тотъ хочетъ о чемъ-то его просить, Іаковъ не принялъ его прошенія и отстранилъ его рукою. Тогда незнакомецъ вдругъ выхватилъ кинжалъ и хотѣлъ вонзить его королю въ сердце.

Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ привести въ исполненіе свой злодѣйскій умыселъ, Вальтеръ Кросби, стоявшій возлѣ короля, схватилъ его за руку и вырвалъ занесенное уже оружіе.

Все это произошло въ нѣсколько секундъ, и Іаковъ сообразилъ о томъ, что на него готовилось покушеніе, лишь тогда, когда онъ убѣдился въ томъ, что онъ невредимъ. Онъ не потерялъ самообладанія, но королева, на глазахъ которой произошло это покушеніе, была страшно испугана и закричала, какъ и Беатриса, также бывшая свидѣтельницей покушенія.

Произошло смятеніе. Придворные бросились было впередъ, но ихъ оттѣснили. Лордъ Мельфордъ обнажилъ шпагу, желая воспрепятствовать убійцѣ бѣжать. Увидѣвъ, что попытка не удалась, онъ, впрочемъ, и не пытался бѣжать и, повидимому, покорился своей судьбѣ.

— Небо противъ меня!—воскликнулъ онъ.

— Кто ты такой, злодѣй? Что побудило тебя такъ дерзко покуситься на мою жизнь?—спросилъ Іаковъ преступника, котораго крѣпко держалъ Вальтеръ Кросби.

— Кто тебя подучилъ?—спросилъ лордъ Мельфордъ.—Пытка заставитъ тебя говорить.

— Пытайте меня, попробуйте!—былъ отвѣтъ.

— Сознаешься ли ты, если я прощу тебя?—спросилъ Іаковъ.

Незнакомецъ недовѣрчиво взглянулъ на него.

— Ваше величество не отдаете отчета въ своихъ словахъ,—сказалъ онъ.

— Если я обѣщаю тебѣ прощеніе, то я сдержу свое слово,—возразилъ король.

— Ты подкупленъ узурпаторомъ Вильгельмомъ Оранскимъ?—спросила королева.

— Мнѣ пощадятъ жизнь, если я все скажу?—спросилъ арестованный.

— Да,—сказала королева.

— Тогда я сознаюсь, что меня нанялъ англійскій король,—отвѣчалъ незнакомецъ.

Всѣ были поражены этимъ отвѣтомъ.

— Ты навѣрно это знаешь?—воскликнулъ Іаковъ.

— Я могу доказать то, что я утверждаю,—отвѣчалъ преступникъ.

— Какъ твое имя?

— Гендрикъ Вандаалень,—отвѣчалъ тотъ.

— Ты голландецъ?—спросилъ король.

— Я изъ Роттердама.

Король былъ пораженъ.

— Вотъ необыкновенное открытіе,—промолвила королева.

— Я долженъ допросить его наединѣ,—сказалъ Іаковъ.—Возьмите его съ собою въ замокъ,—приказалъ онъ лорду Мельфорду.

Явилась гвардія. Плѣнника со связанными за спиною руками помѣстили между солдатами, и всѣ двинулись впередъ. Вальтеръ, по приказанію лорда Мельфорда, отправился вмѣстѣ съ отрядомъ.

Если бы солдаты не охраняли Вандаалена отъ яростной толпы, то народъ убилъ бы его на мѣстѣ.

Король съ семействомъ медленно шелъ за ними, привѣтствуемый толпою. Въ Версаль лордомъ Мельфордомъ немедленно былъ отправленъ курьеръ—увѣдомить Людовика XIV о всемъ происшедшемъ.

По дорогѣ во дворецъ Іаковъ зашелъ въ домовую церковь, чтобы возблагодарить Бога за свое спасеніе. Съ нимъ отправились королева, Беатриса, лордъ Мельфордъ и еще нѣсколько человѣкъ. Молебенъ служилъ капеланъ достоночтенный Эдуардъ Скарисбрикъ.

Вернувшись въ большую залу дворца, гдѣ бывалъ пріемы придворныхъ, король нашелъ здѣсь Эльсбери, лорда Монгомери и множество другихъ, которые собрались для поздравленія его съ избавленіемъ отъ угрожавшей опасности. Среди нихъ былъ и сэръ Джонъ Фенвикъ

Когда Іаковъ сѣлъ на свое кресло, всѣ преклонили колѣна и стали по очереди цѣловать его руку, давая клятву отомстить за него.

Іаковъ, видимо, былъ сильно тронутъ ихъ привязанностью.

— Послѣ этого гнуснаго покушенія ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ вступать въ сношенія съ узурпаторомъ,—сказалъ графъ Эльсбери.

— И я того же мнѣнія теперь,—промолвилъ лордъ Монгомери.

— Покушеніе удалось предотвратить, и потому я нисколько не жалѣю о немъ,—сказалъ сэръ Джонъ Фенвикъ.—Оно должно прекратить колебанія вашего величества.

— Не совсѣмъ,—отвѣтствовалъ Іаковъ

— Надѣюсь, что оно сдѣлаетъ еще больше,—сказалъ Вильямъ Перкинсъ.—Теперь мы имѣемъ право дѣйствовать, какъ находимъ нужнымъ.

— Ваше величество изволили уже допросить преступника?—спросилъ другой лордъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ король.—Но онъ уже сознался, что онъ былъ подкупленъ принцемъ Оранскимъ.

— Довольно. Больше и говорить нечего!—воскликнулъ капитанъ Чарнокъ.

— Если принцъ Оранскій оказался способнымъ на такой поступокъ, то это не причина и мнѣ быть такимъ же,—сказалъ король.—Скорѣе какъ разъ наоборотъ. Я простилъ преступника, чтобы открыть истину.

— А открывъ ее, ваше величество теперь уже знаете, какъ вамъ поступать,—сказалъ Фенвикъ.

— Но прежде, чѣмъ рѣшиться дѣйствовать, я долженъ знать, что это дѣйствительно правда,—замѣтилъ Іаковъ.

Тутъ какъ разъ вошли въ залъ лордъ Мельфордъ и Кросби

На вопросъ короля лордъ отвѣчалъ, что преступника тщательно обыскали, но ничего не нашли при немъ. Денегъ при немъ не оказалось и онъ заявилъ только, что прибылъ изъ Парижа.

— Приведите его ко мнѣ,—сказалъ король.—Я допрошу его самъ.

Вальтеръ Кросби бросился исполнять приказаніе, и черезъ минуту Вандааленъ былъ введенъ въ залъ подъ конвоемъ двухъ аллебардистовъ.

Онъ успѣлъ уже совершенно овладѣть собою и имѣлъ самый рѣшительный видъ.

Около него съ обнаженной шпагой сталъ Вальтеръ.

— Подтверждаешь ли ты то, въ чемъ ты сознался?—спросилъ король.

— Да, ваше величество. Я все сказалъ и нечего не могу перемѣнить въ моихъ словахъ.

— Принцъ Оранскій лично поручилъ тебѣ это ужасное дѣло?

— Я видался съ нимъ въ Кенсингтонскомъ дворцѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что если я хочу оказать ему услугу, то долженъ ѣхать въ Сенъ-Жерменъ и освободить его отъ врага. Если бы я успѣшно исполнилъ порученіе, меня ожидала бы хорошая награда.

Окружавшіе короля не могли воздержаться отъ выраженія негодованія

— Какое же есть у тебя доказательство, что ты говоришь правду?—спросилъ Іаковъ.

— Доказательствъ нѣтъ никакихъ. Я уничтожилъ свои бумаги, кромѣ той, которую я подалъ вашему величеству, но она была написана спеціально для этого случая

— Не знаю, насколько всему этому можно вѣрить,—замѣтилъ Іаковъ, обращаясь къ графу Эльсбери и лорду Мельфорду, которые стояли около него.

— Не выпускайте его на свободу, государь, —сказалъ лордъ.— Прежде, чѣмъ отпустить его, посовѣтуйтесь съ королемъ Людовикомъ!

— Я такъ и сдѣлаю,—отвѣчалъ Іаковъ.—Стерегите его, но обращайтесь съ нимъ мягко.

Преступника увели.

Графъ Эльсбери и нѣкоторые другіе также выразили сомнѣніе въ правдивости его словъ, но большинство присутствующихъ были увѣрены, что онъ сказалъ правду.

Вскорѣ возвратился офицеръ, посланный въ Версаль, и доложилъ, что онъ встрѣтилъ Людовика на дорогѣ и что король ѣдетъ самъ въ Сенъ-Жерменъ. Его величеству уже извѣстно, что здѣсь произошло. Кромѣ того, офицеръ прибавилъ, что король приказалъ ему ѣхать назадъ и предупредить, что онъ сейчасъ будетъ въ Сенъ-Жерменѣ.

— Его величество ѣдетъ одинъ?—спросилъ король.

— Никакъ нѣтъ. Съ нимъ m-me Ментенонъ и двѣ другія дамы. Кромѣ того, сзади ѣдутъ еще двѣ кареты.

— Пусть дадутъ знать объ этомъ королевѣ,—сказалъ король дежурному камергеру и въ сопровожденіи лорда Мельфорда направился въ свой кабинетъ.

II.

Людовикъ XIV и его супруга.

Вскорѣ послышался тяжелый грохотъ экипажей, заиграли трубы, забили барабаны, гвардія выстроилась во фронтъ, множество придворныхъ, пажей и лакеевъ выбѣжали изъ дворца навстрѣчу великолѣпной каретѣ, запряженной четверкой бѣлоснѣжныхъ лошадей въ красивой сбруѣ, украшенной золотомъ.

Изъ этой кареты вышелъ самъ великій монархъ, богато одѣтый въ бѣлый шелковый камзолъ, шитый золотымъ, въ огромномъ парикѣ, кудри котораго падали ему на плечи. На головѣ красовалась шляпа съ перомъ.

Людовику въ это время было пятьдесятъ шесть лѣтъ, но онъ держалъ себя съ такимъ подавляющимъ величіемъ, что, казалось, онъ и въ молодые годы имѣлъ такой же самый видъ.

Онъ еще не испыталъ несчастій, которыя омрачили конецъ его долгаго и блестящаго царствованія. Хотя его и постигали иногда кое-какія невзгоды, но и эти невзгоды обратились во славу Франціи больше, чѣмъ при какомъ бы то ни было королѣ.

Правду говорили, что слово «величество» было создано именно для него, ибо не было ни одного монарха, который среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ умѣлъ бы сохранять такую величавость.

Онъ справедливо заслужилъ эпитетъ «Великаго», ибо въ его царствованіе Франція стала величайшей изъ европейскихъ странъ.

Наука, литература, поэзія, искусство—все находило себѣ поощреніе со стороны короля. То былъ вѣкъ Боссюэ, Паскаля, Бурдалю, Лабрюйера, Мальбранша. Тогда же дѣйствовали Масильонъ, Фенелонъ, Буало, Расинъ, Мольеръ, Лафонтенъ, Кино, m-me де-Севинье. Можно ли найти такое созвѣздіе въ какую-нибудь другую эпоху? Сколько тутъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, сколько философовъ, поэтовъ, три несравненныхъ драматурга—Корнейль, Расинъ и Мольеръ! То былъ вѣкъ скульпторовъ Жирардена и Пюже, живописцевъ Лебрена и Лезюера и создателя садовъ Ленотра!

Среди великихъ людей эпохи нужно вспомнить Конде, герцога де-Ларошфуко, маршала де-Вивонна, герцога Монтозье.

Людовикъ XIV придалъ новый блескъ французской академіи, которую онъ осыпалъ почетными наградами. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ основалъ академію художествъ, академію надписей и наукъ, устроилъ въ Парижѣ обсерваторію и ботаническій садъ.

Онъ давалъ пенсію многимъ иностраннымъ ученымъ, продолжалъ достраивать Лувръ и создалъ чудный фасадъ лучшаго въ мірѣ дворца.

Доказательствомъ его королевской щедрости служило его отношеніе къ Іакову II, которому онъ остался вѣренъ до послѣдняго своего дня.

Говоря о дворцахъ, не нужно забывать о Версалѣ, съ которымъ не сравнится ни одинъ дворецъ. Кромѣ него, Людовикъ проложилъ грандіозный Южный каналъ, соединяющій Средиземное море съ Атлантическимъ океаномъ.

Воистину, онъ былъ великій король и заслужилъ большую благодарность народа, надъ которымъ онъ царствовалъ.

Выйдя изъ кареты, король подалъ руку m-me Ментенонъ и между двумя рядами придворныхъ повелъ ее въ вестибюль, гдѣ ихъ встрѣтили графъ Эльсбери, лордъ Монгомери, сэръ Джонъ Фенвикъ, отецъ Петръ и другіе англійскіе вельможи, жившіе въ Санъ-Жерменѣ.

Хотя m-me Ментенонъ въ это время было уже около шестидесяти лѣтъ, но она съ успѣхомъ сопротивлялась разрушительному дѣйствію времени и еще сохраняла свою красоту и изящество. На ней было бѣлое шелковое платье почти безъ всякихъ украшеній. На головѣ у ней были туго накрахмаленныя кружева съ длинными концами, ниспадавшими ей на плечи. Этотъ уборъ назывался тогда «башней».

Всѣмъ было хорошо извѣстно, что король сочетался съ нею тайнымъ бракомъ. Онъ обращался съ нею съ величайшею почтительностью и требовалъ того же и отъ другихъ, Впрочемъ, m-me де-Мен-

тенонъ довольствовалась передъ публикой ролью простой статсъ-дамы.

Ее всегда сопровождали двѣ молодыя особы—воспитанницы Сенъ-Сирской школы, основанной ею для дочерей бѣдныхъ дворянъ и щедро обезпеченной королемъ.

Въ качествѣ супруги короля (хотя публично она никогда не титуловалась королевой) m-me де-Ментенонъ знала всѣ государственныя тайны, нерѣдко присутствовала на засѣданіяхъ совѣта министровъ и высказывала свое мнѣніе по самымъ сложнымъ дѣламъ. Ея взглядъ считался обыкновенно самымъ вѣрнымъ, и наиболѣе важныя должности замѣщались по ея рекомендаціи.

Насколько мы можемъ провѣрить, совѣты, которые она давала королю, обыкновенно были удачны, хотя имъ и не всегда можно было слѣдовать.

Какъ истая католичка, она была очень набожна. Гугеноты разсказывали, что именно она добилась отмѣны Нантскаго эдикта и стремилась къ тому, чтобы заставить всю Францію исповѣдывать единую религію.

«Нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, чтобы m-me де-Ментенонъ старалась стать признанной королевой,—писала начальница Сенъ-Сирской школы.—Внѣшніе знаки королевскаго достоинства не имѣютъ цѣны въ ея глазахъ, а зависть и недоброжелательность принцевъ были бы для нея постоянной пыткой».

«Развѣ вы не видите,—писала она сама m-me де-Мезонфоръ: — что я умираю со скуки среди своего благополучія, которое больше, чѣмъ я могла разсчитывать, и что только благодаря помощи Неба я не пала духомъ! Я была молода и красива. Я веселилась. Ставъ постарше, я вездѣ находила себѣ поклонниковъ. Я снискала себѣ благоволеніе короля, но все это,—скажу вамъ откровенно—оставило пустоту въ моей душѣ. Я завидую вашему одиночеству и спокойствію и не удивляюсь тому, что королева Христина отказалась отъ престола, чтобы жить съ большею свободой».

M-me де-Ментенонъ была въ большой дружбѣ съ Маріей Моденской, которая обращалась съ нею, какъ съ королевой.

Кромѣ Людовика и m-me де-Ментенонъ, въ каретѣ сидѣли еще аббатъ Гобеленъ и мадамъ де-Мезонфоръ.

Во второй каретѣ ѣхали Барбезье, маркизъ де-Телье, министръ внутреннихъ дѣлъ и двѣ придворныхъ дамы.

Послѣ небольшой остановки m-me де-Ментенонъ и ея дамы были введены съ установленными церемоніями къ королевѣ Маріи, а Людовикъ и Барбезье направились въ кабинетъ короля, сопровождаемые лордомъ Мельфордомъ и Вальтеромъ Кросби.

Когда дверь кабинета отворилась, Іаковъ двинулся навстрѣчу гостю и облобызался съ нимъ.

Оба монарха, посмотрѣвъ нѣкоторое время другъ на друга съ чувствомъ истинной пріязни, сѣли рядомъ, а маркизъ де-Телье, лордъ Мельфордъ и Вальтеръ Кросби стали поодаль.

— Вашему величеству едва удалось избѣгнуть смерти,—сказалъ Людовикъ.—Я никогда не былъ хорошаго мнѣнія о принцѣ Оранскомъ, но все-таки я не считалъ его способнымъ на такое дѣло.

— Я обязанъ спасеніемъ моей жизни вотъ этому молодому человѣку,—сказалъ Іаковъ, глядя на Вальтера.—Не будь его, кинжалъ, по всей вѣроятности, пронзилъ бы мое сердце.

— Но ваше величество знаете навѣрно, что убійца былъ подкупленъ принцемъ Оранскимъ?

— Негодяй самъ сознался въ этомъ.

— Да, съ условіемъ, что его простятъ Но представилъ ли онъ какое-нибудь доказательство того, что онъ говоритъ правду?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я не могу ему вѣрить,—сказалъ Людовикъ.—Я чувствую, что убійца обманываетъ васъ и что причины, которыя побудили его на такое дѣло, должны быть иныя. Достовѣрно только одно: что онъ покушался на жизнь вашего величества.

— Я почти жалѣю теперь, что простилъ его.

— Вы поступили черезчуръ поспѣшно. Но обѣщаніе, которое вырвалось у васъ, конечно, не можетъ васъ связывать. Убійцу нужно было бы казнить. Но, сообразно обстоятельствамъ, мы нѣсколько измѣнимъ наказаніе и сошлемъ его на галеры. Прикажите исполнить приговоръ,—добавилъ онъ, обращаясь къ Барбезье.

— Убійца будетъ отправленъ въ Діеппъ, ваше величество,—отвѣтилъ тотъ.

— Какія новости привезъ капитанъ Кросби изъ Англіи?—спросилъ Людовикъ.—Готовы ли якобиты къ возстанію на сѣверѣ?

— Есть еще, повидимому, нѣкоторыя затрудненія,—отвѣчалъ Іаковъ.

— Въ чемъ же дѣло?—вторично спросилъ Людовикъ, обращаясь прямо къ Вальтеру.

— Партія протестантовъ еще слишкомъ сильна, ваше величество,—отвѣчалъ тотъ.—Наши друзья не хотятъ затѣвать дѣло, которое можетъ окончиться неудачею. Чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, они хотятъ дождаться того момента, когда принца Оранскаго не будетъ.

— Но вѣдь нельзя поручиться за то, что его не будетъ. Развѣ только захватить его какъ-нибудь,—замѣтилъ Людовикъ.

— Это они и имѣютъ въ виду,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Они хотятъ устранить его.

— А!—воскликнулъ Людовикъ.—Я не могу принимать участія въ такомъ замыслѣ. Не могу даже позволить, чтобы объ этомъ говорили въ моемъ присутствіи. Вернувшись въ Англію, вы можете

передать вашимъ друзьямъ мои слова. Я еще не оставилъ мысли о вторженіи въ Англію съ цѣлью возстановить короля на престолъ, но они должны дѣйствовать честными средствами.

— Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе,—промолвилъ Іаковъ.

— Могутъ наступить событія, которыя обезпечатъ успѣхъ вторженію; намъ нужно ждать.

— Благопріятный случай, конечно, представится,—подтвердилъ Іаковъ.

— Мы должны быть всегда готовы воспользоваться имъ. А теперь пойдемъ къ королевѣ,—прибавилъ Людовикъ, вставая.

Іаковъ тоже всталъ, и оба короля со свитою направились въ большой залъ, гдѣ была Марія Моденская. Рядомъ съ нею на креслѣ сидѣла m-me де-Ментенонъ.

Тѣмъ временемъ сюда собрались всѣ знатныя лица, жившія въ Санъ-Жерменѣ. Людовикъ милостиво отвѣчалъ на ихъ привѣтствія. Королева поднялась ему навстрѣчу и просила его садиться на кресло рядомъ съ нею. Мадамъ Ментенонъ продѣлала ту же церемонію съ Іаковомъ.

Она была страшно поражена святотатственнымъ, по ея словамъ, покушеніемъ на жизнь Іакова и питала твердую увѣренность, что оно было подготовлено Вильгельмомъ. Она уже успѣла переговорить объ этомъ съ Маріей, которая держалась того же мнѣнія. Обѣ пришли къ заключенію, что Вильгельму, который не поколебался поднять возмущеніе противъ своего тестя, ничего не стоило одобрить и убійство короля. Обѣ полагали, что король сдѣлалъ большую ошибку, простивъ убійцу, ибо своей мягкостью онъ только поощряетъ къ повторенію такихъ покушеній.

— Боюсь, что среди насъ есть шпіоны,—сказалъ Іаковъ.—Къ несчастью, мнѣ не удается открыть ихъ.

— Вы должны искать ихъ среди наиболѣе важныхъ изъ вашихъ гостей,—замѣтила мадамъ де-Ментенонъ многозначительно.—Если вы не имѣете противъ нихъ прямыхъ уликъ, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлайте видъ, что вы подозрѣваете ихъ.

— Я буду дѣйствовать, какъ вы совѣтуете, мадамъ,—отвѣтилъ Іаковъ,—и если я что-нибудь обнаружу, сейчасъ же сообщу вамъ.

Между тѣмъ Людовикъ бесѣдовалъ съ королевой.

— Долженъ сказать вашему величеству то, чего не могъ сказать вашему супругу. Я былъ бы крайне опечаленъ, если бы удался этотъ гнусный замыселъ на его жизнь. Небо хранило его и, будемъ надѣяться, сохранитъ и на будущее время, а, на зло врагамъ его, мнѣ удастся вернуть ему престолъ. Я знаю, что партія протестантовъ сильнѣе и многочисленнѣе въ Англіи, чѣмъ партія католическая, но при помощи строгихъ репрессивныхъ мѣръ за нею можно установить строгій надзоръ и сдѣлать ее совершенно безопасной.

— Молю Бога, чтобы скорѣе наступилъ этотъ день,—сказала королева. —Если король мой супругъ опять взойдетъ на тронъ, то этимъ онъ будетъ обязанъ только вашему величеству.

— Не стоитъ говорить объ этомъ,—возразилъ Людовикъ.—Я люблю короля Іакова, какъ брата, и буду поступать съ нимъ по-братски.

Замѣтивъ юнаго принца, который стоялъ тутъ же и пристально смотрѣлъ на него, Людовикъ поманилъ его къ себѣ. Мальчикъ бросился къ нему и поклонился.

— Подойдите поближе, принцъ,—сказалъ Людовикъ, милостиво протягивая ему руку.—Мнѣ нужно спросить васъ кое о чемъ. Вы видѣли, что произошло на террасѣ?

— Да, ваше величество,—отвѣчалъ принцъ.—Я былъ сильно испуганъ.

— Но вамъ нечего тревожиться. Королю еще рано умирать. Его дѣло еще не кончено. Ему нужно вернуться въ Англію—наказать своихъ мятежныхъ подданныхъ и наградить тѣхъ, которые остались ему вѣрны.

— Подданные моего отца не такъ вѣрны ему, какъ подданные вашего величества.

— Имъ не управляли такъ строго,—замѣтилъ Людовикъ.—Если бы съ ними держались строже, они не смѣли бы поступать такимъ образомъ.

— Я запомню то, что вы изволили сказать, и буду поступать сообразно съ этимъ, если когда-нибудь мнѣ придется царствовать.

Людовикъ остался очень доволенъ его отвѣтами и одобрительно улыбнулся. Затѣмъ онъ простился съ королевой. Несмотря на то, что каждое движеніе было предусмотрѣно церемоніаломъ, видно было, что онъ питалъ къ ней большое уваженіе.

Возвращаясь изъ зала въ сопровожденіи лорда Мельфорда и графа Эльсбери, онъ нѣсколько разъ останавливался и удостаивалъ разговоромъ то того, то другого изъ англійскихъ вельможъ, которые были собраны въ залѣ.

Между лицами, удостоенными такого отличія, находились между прочимъ сэръ Джонъ Фенвикъ, сэръ Джонъ Френдъ и полковникъ Темпестъ. Всѣ трое, видимо, были чрезвычайно польщены вниманіемъ его величества.

Іаковъ лично проводилъ мадамъ де-Ментенонъ до кареты. Аббатъ Гобеленъ и мадамъ де-Мезонфоръ стояли возлѣ экипажа, Людовикъ сердечно простился со сверженнымъ королемъ и сказалъ, садясь въ карету:

— Надѣюсь скоро увидѣть ваше величество и королеву въ Версалѣ.

Опять затрубили трубы, забили барабаны, и среди всѣхъ этихъ возбуждающихъ звуковъ королевскій экипажъ тронулся въ обратный путь.

III.

Дуэль.

Вальтеръ Кросби разсчитывалъ, что въ этотъ вечеръ ему удастся обстоятельно переговорить обо всемъ съ Беатрисой, но обманулся въ своихъ расчетахъ.

Королева не выходила никуда изъ своихъ покоевъ, кромѣ церкви, и Беатриса не могла ее оставить. Вальтеръ видѣлъ ихъ обѣихъ въ церкви, и это было для него единственнымъ утѣшеніемъ.

На другой день онъ былъ, однако, вознагражденъ. Рано утромъ онъ вышелъ въ садъ въ смутной надеждѣ встрѣтить здѣсь Беатрису. И дѣйствительно, не долго пришлось ему ждать.

— Мнѣ очень досадно, что я не могла повидаться съ вами вчера вечеромъ,—промолвила она.—Но это было рѣшительно невозможно. Чтобы избѣжать помѣхъ днемъ, я рѣшилась прійти сюда нарочно рано утромъ. Я догадывалась, что вы будете искать встрѣчи со мною на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы видѣлись со мною и раньше. Мнѣ нужно кое-что сказать вамъ,—продолжала она, принимая важный видъ. Вчера вечеромъ королева сообщила мнѣ нѣчто такое, чего я не могу скрыть отъ васъ. Дѣло вотъ въ чемъ: нѣкій якобитскій дворянинъ, живущій здѣсь въ замкѣ, влюбился въ меня и просилъ у королевы разрѣшенія предложить мнѣ руку и сердце. Я не скажу вамъ пока, кто онъ.

— Да и не къ чему говорить,—отвѣчалъ Вальтеръ.—Лицо, на которое вы намекаете, есть не кто иной, какъ лордъ Монгомери. Я замѣтилъ это по его обращенію съ вами вчера.

— Въ такомъ случаѣ вы отличаетесь болѣе острой наблюдательностью, чѣмъ я,—сказала Беатриса.—Что касается меня, то я не замѣчала какихъ-либо проявленій его нѣжныхъ чувствъ ко мнѣ.

— Не очень-то я этому вѣрю,—промолвилъ Вальтеръ.—Я инстинктивно чувствовалъ, что у меня есть соперникъ.

— Я не хочу подстрекать вашей ревности, но вы не можете не сознаться, что лордъ Монгомери—красивый и храбрый джентльменъ.

— И обладаетъ всѣмъ, чѣмъ можно плѣнить сердце молодой дѣвушки,—проворчалъ Вальтеръ.—Я все это вижу. Я понимаю, что этотъ лордъ превосходитъ меня во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного: онъ не можетъ любить васъ такъ, какъ я.

— А королева увѣряетъ, что можетъ.

— Ея величество ошибается. Но если вы предпочитаете лорда Монгомери, если васъ соблазняетъ его титулъ, то я устраняюсь.

— Вы это серьезно говорите, Вальтеръ?—спросила Беатриса, задѣтая за живое.

— Совершенно серьезно.

— Прежде, чѣмъ дать вамъ окончательный отвѣтъ, я должна посовѣтоваться съ ея величествомъ.

— Нѣтъ. Вы должны рѣшить дѣло теперь же. Я не могу позволить, чтобы со мной играли. Если вы изберете этого молодого лорда, то не услышите отъ меня ни одного упрека.

— Я начинаю думать, что вы никогда и не любили меня, какъ слѣдуетъ. Иначе вы не согласились бы такъ спокойно уступить меня другому.

— Я любилъ васъ, но сумѣлъ побѣдить свою страсть. Повторяю, вы свободны.

— Тогда я ловлю васъ на словѣ,—воскликнула она съ раздраженіемъ.—Не удивляйтесь, если я послѣдую совѣтамъ королевы.

— Я ничему не удивляюсь болѣе,—произнесъ онъ горько.—Теперь между нами все кончено.

— Довольно!—вскричала она и, не взглянувъ на него, пошла прочь.

Не успѣла она удалиться, какъ Вальтеръ уже сталъ упрекать себя за свое поведеніе. Ревнивое чувство, которое толкало его на рѣзкости, теперь вдругъ пропало.

Беатриса еще шла по направленію къ дворцу. Онъ бросился за ней вслѣдъ, но уже не могъ догнать ее. Онъ окрикнулъ ее, но она продолжала итти впередъ, не отзываясь на его зовъ.

Іаковъ II чрезвычайно любилъ Санъ-Жерменскій лѣсъ и почти каждый день совершалъ туда прогулку верхомъ, иногда одинъ, иногда съ королевой и важнѣйшими лицами своего двора.

Этотъ великолѣпный лѣсъ, одинъ изъ самыхъ большихъ во Франціи, въ тѣ времена кишѣлъ оленями. Внутри его встрѣчалось немало чудныхъ мѣстъ для прогулокъ верхомъ или въ экипажѣ.

Несмотря на то, что тамъ обыкновенно гуляло немало народу, внутренность лѣса была совершенна пустынна; благодаря чащѣ, даже охотники рѣдко туда проникали, а гуляющіе, рискнувъ свернуть съ тропинки, попадали на нее обратно обыкновенно съ большимъ трудомъ.

Въ самой серединѣ лѣса стоялъ охотничій домикъ, построенный Франциской I и охотно посѣщавшійся Генрихомъ IV. Назывался онъ «Pavillon de le Muette». Здѣсь держали собакъ и жило нѣсколько охотниковъ.

Этотъ павильонъ всегда служилъ мѣстомъ сбора, когда Іаковъ выѣзжалъ на охоту. Санъ-Жерменскій лѣсъ имѣлъ для него какую-то особенную притягательную силу, и прогулки среди его чащъ почти примиряли его съ его изгнаніемъ.

Въ одно прекрасное утро блестящая кавалькада, состоявшая изъ короля, королевы и главныхъ лицъ ихъ свиты, двинулась изъ замка по направленію къ лѣсу.

День былъ прекрасный и очень подходящій для прогулки. Королева умѣлой рукой сдерживала своего коня. Возлѣ нея ѣхалъ молодой принцъ на чрезвычайно красивой пони. За ними ѣхали фрейлины въ красивыхъ одѣяніяхъ. Больше всѣхъ изъ нихъ блистала красотою Беатриса Тильдеслей.

Рядомъ съ ними ѣхали состоявшія при королевѣ дамы во главѣ съ Маріей Фенвикъ.

Іаковъ ѣхалъ впереди, сопровождаемый лордомъ Мельфордомъ и сэромъ Джономъ Фенвикомъ, съ которыми онъ велъ разговоръ.

Кавалькада двинулась впередъ. Вскорѣ участвовавшіе въ ней лордъ Монгомери и графъ Эльсбери отдѣлились отъ своихъ и примкнули къ той части, гдѣ ѣхала королева. Одинъ хотѣлъ быть къ услугамъ ея величества, другой искалъ близости Беатрисы.

Въ аріергардѣ двигалась цѣлая толпа дворцовыхъ служителей, одѣтыхъ въ одинаковыя ливреи.

Кавалькада въѣхала въ лѣсъ и нѣкоторое время двигалась по дорогѣ, прорубленной между двумя стѣнами огромныхъ и старыхъ деревьевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти почтенные громадные лѣса протягивали поперекъ дороги свои гигантскія вѣтви и образовывали сводъ надъ головами пестро одѣтыхъ охотниковъ. Все это вмѣстѣ представляло чудную картину. По сторонамъ то тамъ, то здѣсь открывались красивыя поляны, въ дали которыхъ виднѣлись стада оленей.

Поднявшись на самый гребень холма, всадники увидѣли направо Сену, извивавшуюся по долинѣ. Но дальше великолѣпный видъ исчезалъ, скрытый деревьями.

Проѣхавъ нѣкоторое время прямо, король вдругъ повернулъ налѣво и, ускоривъ рысь, быстро выѣхалъ на чудную луговину, по срединѣ которой стоялъ павильонъ «de la Muette» съ его конюшнями и собачниками.

Не успѣлъ еще король остановиться, какъ къ нему подскакалъ принцъ, испускавшій радостные крики при видѣ павильона, который онъ видѣлъ въ первый разъ.

Королю, видимо, не хотѣлось слѣзать съ лошади, онъ поджидалъ королеву, которая подъѣзжала съ своей женской свитой. Увидавъ, что она хочетъ сойти съ лошади, онъ не сталъ противорѣчить, и вся кавалькада вошла въ павильонъ, оставивъ лошадей на попеченіи грумовъ.

Павильонъ внутри представлялъ собою большой высокій залъ, украшенный оленьими рогами—охотничьими трофеями. Посреди нѣ красовался огромный каминъ съ гербами Франциска I.

Въ центрѣ зала стоялъ длинный столъ съ винами и закусками.

По окончаніи легкаго завтрака король пошелъ съ сэромъ Джономъ Фенвикомъ и лордомъ Мельфордомъ смотрѣть собакъ, лай которыхъ не умолкалъ. За ними направилась туда же королева, сопрово-

ждаемая лэди Фенвикъ и графомъ Эльсбери. За ней шла Беатриса и лордъ Монгомери.

По знаку короля, собакъ выпустили на свободу. Какъ ни старались псари держать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, ихъ появленіе произвело замѣшательство среди женщинъ,которыя поспѣшили со страхомъ удалиться отъ этого мѣста.

Это замѣшательство отдалило Беатрису отъ королевы, и лордъ Монгомери рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сказать ей нѣсколько словъ.

— Вы знаете,—началъ онъ:—какъ страстно я люблю васъ. Мое счастье зависитъ отъ васъ. Рѣшайте мою судьбу.

— Мое искреннее желаніе заключается въ томъ, чтобы сдѣлать васъ счастливымъ, но...

— Нѣтъ, нѣтъ, не сомнѣвайтесь, умоляю васъ,—прервалъ онъ ее и прежде, чѣмъ она могла прійти въ себя, онъ схватилъ ея руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Дайте мнѣ отвѣтъ, когда мы вернемся въ замокъ,—умоляюще сказалъ онъ.

— Не могу,—возразила Беатриса.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы можете, вы должны!

Поднявъ глаза, она встрѣтилась взглядомъ съ Вальтеромъ, который стоялъ недалеко отъ нихъ и съ упрекомъ смотрѣлъ на нее.

— Я не могу васъ слушать болѣе,—сказала она.—Я должна вернуться къ королевѣ.

— Я понимаю, кто васъ прервалъ,—отвѣчалъ Монгомери, глядя на Вальтера.—Но не безпокойтесь объ этомъ. Предоставьте мнѣ переговорить съ нимъ. Только обѣщайте дать мнѣ отвѣтъ, когда мы вернемся. Это вполнѣ меня удовлетворитъ.

— Я могу вамъ дать только такой отвѣтъ, который я уже дала вамъ. А теперь прошу васъ отвести меня къ королевѣ.

— Я отведу васъ къ королевѣ!—воскликнулъ Вальтеръ и, схвативъ ее за руку, повелъ на другой конецъ двора.

Лордъ Монгомери быстро двинулся за ними. Его лицо пылало гнѣвомъ.

Королева очень удивилась, увидѣвъ Беатрису въ сопровожденіи такой необыкновенной свиты. Впрочемъ, она не сказала ничего, и Вальтеръ, доведя Беатрису, сейчасъ же уступилъ свое мѣсто молодому лорду, хотя она и приглашала его взглядомъ остаться возлѣ нея.

Кавалькада не долго оставалась у павильона. Вскорѣ стало извѣстно, что король собирается ѣхать обратно. Въ одну минуту всѣ были въ сѣдлѣ.

Въ обратный путь всадники тронулись въ прежнемъ порядкѣ. Лордъ Монгомери опять занялъ мѣсто возлѣ Беатрисы, которая показывала къ нему большую холодность. Напрасно искала она Вальтера: его не было возлѣ нихъ.

Несмотря на то, что соперникъ уже не стѣснялъ своимъ присутствіемъ лорда, онъ чувствовалъ себя раздраженнымъ и рѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ затѣять съ Вальтеромъ ссору.

На возвратномъ пути король поѣхалъ другой дорогой, которая, впрочемъ, почти ничѣмъ не отличалась отъ прежней: тѣ же луговины, тѣ же величавыя деревья и тѣ же виды.

Молодой принцъ теперь ѣхалъ уже не съ матерью. По той или другой причинѣ, которую онъ не хотѣлъ объяснить, онъ старался держаться около Вальтера Кросби и велъ съ нимъ оживленный разговоръ, разспрашивая его о всемъ, что онъ видѣлъ въ Англіи, причемъ задавалъ такіе вопросы, которые, казалось, никакъ не могли интересовать такого маленькаго мальчика, какъ онъ.

Когда кавалькада вернулась въ замокъ, принцъ упросилъ королеву пригласить Вальтера къ себѣ.

— Капитанъ Кросби,—сказалъ онъ,—сообщилъ мнѣ много интересныхъ вещей, которыя я желалъ знать.

Ея величество улыбнулась и казалась очень довольной.

Теперь для Вальтера представлялся удобный случай объясниться съ Беатрисой, но онъ и не подумалъ имъ воспользоваться.

Онъ не пожелалъ даже помочь ей сойти съ лошади, предоставивъ это сдѣлать лорду Монгомери, и молчалъ все время, пока они были у королевы.

Выйдя изъ замка, Вальтеръ направился къ террасѣ, гдѣ встрѣтилъ капитана Чарнока, и сталъ гулять съ нимъ. Не успѣлъ онъ, однако, сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ изъ дверей вышелъ сэръ Джонъ Фенвикъ и поспѣшно направился въ ихъ сторону.

Угадавъ его цѣль, Вальтеръ остановился и сталъ ждать. И дѣйствительно, сэръ Фенвикъ отвѣсилъ ему церемонный поклонъ и передалъ ему письмо

Пробѣжавъ его, Вальтеръ обратился къ своему спутнику и сказалъ:

— Я получилъ вызовъ отъ лорда Монгомери. Могу я разсчитывать на васъ?

— Конечно,—отвѣчалъ Чарнокъ.—Я къ вашимъ услугамъ. Но нельзя ли какъ-нибудь уладить дѣло мирнымъ путемъ?

— Невозможно,—рѣшительно отвѣчалъ Вальтеръ.—Скажите пославшему васъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Фенвику:—что я буду ждать его завтра рано утромъ. Предоставляю условиться обо всемъ вамъ и капитану Чарноку.

Съ этими словами онъ сдѣлалъ церемонный поклонъ и удалился.

— Непріятный случай, сэръ Джонъ,—сказалъ Чарнокъ.—Но тутъ ничего не подѣлаешь. Будемъ надѣяться, что дѣло не дойдетъ до фатальнаго исхода и не причинитъ горя ни вамъ, ни мнѣ.

— Я раздѣляю ваши чувства, капитанъ,—отвѣчалъ Фенвикъ.—Мнѣ было бы слишкомъ больно, если бы произошло что-нибудь серьезное. Но лордъ Монгомери рѣшилъ драться, и дуэли не избѣ-

жать. Я думаю, обоимъ соперникамъ лучше всего встрѣтиться завтра, въ шесть часовъ утра вотъ въ той рощицѣ и тамъ свести свои счеты.

— Отлично,—промолвилъ капитанъ Чарнокъ.—Мы встрѣтимся съ вами здѣсь въ дворцовомъ паркѣ и пойдемъ отсюда дальше, пока не найдемъ достаточно укромнаго мѣстечка.

Сдѣлавъ другъ другу обычный поклонъ, секунданты разошлись.

Возвращаясь въ замокъ, Вальтеръ встрѣтилъ Беатрису. Холодно поклонившись, онъ хотѣлъ было молча пройти мимо, но она остановила его.

— Я васъ искала, Вальтеръ,—сказала она серьезно.—Мнѣ нужно переговорить съ вами, я боюсь, что вамъ предстоитъ драться съ лордомъ Монгомери. Отвѣчайте мнѣ, такъ ли это?

— Что вамъ безпокоиться обо мнѣ?—возразилъ онъ мрачно.—Вамъ совершенно безразлично, что будетъ со мною.

— Жестоко съ вашей стороны говорить такъ. Я была бы глубоко несчастна, если бы съ вами что-нибудь случилось изъ-за меня.

— Въ такомъ случаѣ успокойтесь. Со мною ничего не случится.

— Вы обманываете меня, Вальтеръ. Обѣщаете ли вы мнѣ не драться на дуэли съ лордомъ Монгомери?

— Вы не имѣете права брать съ меня подобнаго обѣщанія.

— До сихъ поръ вы исполняли малѣйшія мои желанія, Вальтеръ. Неужели вы совершенно измѣнились ко мнѣ?

— Это вы перестали меня любить.

— Ошибаетесь, Вальтеръ. Я люблю васъ попрежнему.

Кросби недовѣрчиво покачалъ головой.

— Теперь вамъ уже не удастся обмануть меня,—промолвилъ онъ.

— Выслушайте меня, Вальтеръ!—воскликнула она.—Я не перемѣнилась къ вамъ.

— Въ такомъ случаѣ вы никогда и не любили меня,—возразилъ Вальтеръ.—Безполезно продолжать этотъ разговоръ. Я знаю, что вы отдали ваше сердце другому. Остается только перенести этотъ ударъ. Прощайте!

— Нѣтъ. Я не прощаюсь съ вами, пока вы не обѣщаете, что этой дуэли не будетъ.

— Такого обѣщанія дать не могу,—холодно прервалъ ее Вальтеръ и быстро отошелъ отъ нея.

На слѣдующее утро первымъ явился на условленное мѣсто капитанъ Чарнокъ. Около пяти часовъ онъ уже ходилъ по террасѣ, какъ будто совершая свою утреннюю прогулку.

Онъ прошелся раза два-три, когда явился и Вальтеръ. Пожавъ другъ другу руку, они вмѣстѣ двинулись тихонько впередъ, стараясь не привлекать на себя вниманіе дворцоваго караула.

Оба были вооружены шпагами. Вальтеръ перемѣнилъ свой обычный костюмъ на болѣе легкій, который не стѣснялъ его движе-

ній. Капитанъ Чарнокъ былъ совершенно спокоенъ, какъ будто ничего и не случилось. Спокоенъ былъ и Вальтеръ.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, они увидали своихъ противниковъ. Спустившись съ террасы въ паркъ, они направились по сросшейся сверху аллеѣ, которая привела ихъ на лужайку среди лѣса, вполнѣ отвѣчавшую ихъ цѣлямъ.

Здѣсь они рѣшили дождаться своихъ противниковъ, которые не заставили себя долго ждать.

Обѣ стороны обмѣнялись поклонами.

Капитанъ Чарнокъ прежде всего спросилъ сэра Джона Фенвика, нравится ли ему лужайка. Тотъ вѣжливо отвѣчалъ въ утвердительномъ смыслѣ. Чарнокъ хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку мирно уладить дѣло, но пренебрежительный взглядъ Фенвика отнялъ у него всякую къ тому охоту.

Всѣ предварительныя формальности были окончены очень быстро. Противники заняли свои мѣста, обнажили шпаги и стали сближаться.

Съ самаго начала схватки было очевидно, что Вальтеръ гораздо сильнѣе и искуснѣе своего противника. Онъ только защищался, съ удивительной ловкостью парируя удары, и всегда могъ бы поразить противника, если бы того хотѣлъ.

Оба секунданта предугадывали исходъ поединка: лордъ Монтомери безпрестанно открывалъ себя и подвергался опасности. Они надѣялись только на то, что его противникъ не захочетъ воспользоваться его оплошностью. Вальтеръ спокойно продолжалъ борьбу. Наконецъ онъ почувствовалъ, что поединокъ ужъ слишкомъ затянулся и что надо положить ему конецъ. Онъ быстро коснулся противника своей шпагой, вышибъ у него оружіе и подалъ его лорду.

Тотъ вѣжливо отказался.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Я не обращу больше своего оружія противъ васъ. Признаю себя побѣжденнымъ. Вы обошлись со мной великодушно, и я надѣюсь, что отнынѣ мы не будемъ больше врагами.

— Я тоже надѣюсь,—отвѣчалъ Вальтеръ, протягивая противнику руку.

Увидѣвъ это, секунданты, державшіеся нѣсколько вдали, подошли къ Вальтеру и поздравили его.

— Вы вели себя прекрасно, капитанъ Кросби,—сказалъ сэръ Джонъ.—Я радъ, что дѣло окончилось такимъ образомъ.

— Очень радъ слышать это,—промолвилъ и Чарнокъ.—Я вполнѣ раздѣляю вашу радость.

На дорожкѣ, которая вела на лужайку, послышались шаги, и дуэлянты едва успѣли вложить шпаги въ ножны, какъ появился, ко всеобщему удивленію, король, сопровождаемый неотлучнымъ лордомъ Мельфордомъ.

Всѣ сняли шляпы и, чтобы скрыть свое смущеніе, отвѣсили низкій поклонъ.

— Добраго утра, господа,—серьезно произнесъ Іаковъ.—Нѣтъ нужды спрашивать, что привело васъ сюда въ такой ранній часъ. Хотя вы пренебрегли моими приказаніями, но все-таки я радъ, что никто изъ васъ не пострадалъ.

— Ваше величество,—сказалъ сэръ Фенвикъ.—Мы собрались сюда только для фехтованія.

— Позвольте, сэръ Джонъ!—воскликнулъ Іаковъ.—Вѣдь я явился сюда не случайно. Мнѣ сказали, что въ паркѣ готовится дуэль, и я пришелъ ее предупредить.

— Конечно, ваше величество не ожидали найти здѣсь такую же роковую дуэль, какая состоялась здѣсь между Жарнакомъ и Шатенери. Повторяю, это была безвредная забава.

— Хорошо, что такъ вышло, сэръ Джонъ,—возразилъ король съ возраставшей строгостью.—Но вѣдь могло быть и иначе. Не слѣдовало бы пренебрегать моими приказаніями.

— Умоляемъ ваше величество простить насъ,—промолвили, кланяясь, оба противника.—Мы теперь вполнѣ примирились между собою.

— Если бы вы принадлежали ко двору короля Людовика,—отвѣчалъ Іаковъ,—вы подверглись бы изгнанію мѣсяца на два. Но я снисходительнѣе. Оба вы не должны появляться ко двору въ теченіе недѣли.

— Въ теченіе недѣли, ваше величество?—воскликнулъ лордъ Монгомери.—Мы не можемъ такъ долго жить, не видя солнца.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается вернуться въ Англію,—промолвилъ, въ свою очередь, Вальтеръ.

— Можетъ быть, за васъ будетъ просить одно лицо, къ которому я расположенъ,—отвѣчалъ король.—Тогда мы посмотримъ.

Съ этими словами онъ сдѣлалъ обоимъ знакъ слѣдовать за нимъ.

Каково же было удивленіе недавнихъ противниковъ, когда въ паркѣ оказались королева и Беатриса.

Теперь имъ все стало понятно. Король явился предупредить дуэль, но опоздалъ.

Какъ бы то ни было, никто не пострадалъ на дуэли, и, видя всѣхъ въ добромъ здоровьѣ, королева и ея фрейлина успокоились. Преступники были вызваны впередъ и, выслушавъ отъ королевы строгій выговоръ, получили прощеніе.

IV.

Отъѣздъ въ Англію.

Спустя недѣлю послѣ описанныхъ событій, въ Сенъ-Жерменъ прибылъ какой-то незнакомецъ, повидимому, лицо довольно важное, такъ какъ король тотчасъ же принялъ его въ своемъ частномъ кабинетѣ.

Это былъ тотъ самый Джонъ Лентъ, который, какъ мы знаемъ, пять лѣтъ тому назадъ высадился въ Кокергамѣ и ѣздилъ къ полковнику Тильдеслею съ порученіемъ отъ короля Іакова, осаждавшаго въ то время Лондондерри.

Нѣтъ надобности разсказывать здѣсь о всемъ томъ, что съ того времени было съ Лентомъ. Служа усердно секретнымъ агентомъ изгнаннаго короля и его министровъ, онъ то и дѣло переѣзжалъ изъ Франціи въ Англію и обратно, доставляя ланкаширскимъ якобитамъ письма и инструкціи отъ сверженнаго короля и сообщая Іакову ихъ отвѣтъ.

При такой дѣятельности, ежеминутно грозившей ему опасностями, Лентъ постоянно долженъ былъ переодѣваться и умѣлъ это дѣлать такъ ловко, что, даже попадая въ отчаянное положеніе, ни разу не былъ арестованъ.

Возникли было нѣкоторыя сомнѣнія относительно его безусловной вѣрности дѣлу реставраціи, но и въ этомъ случаѣ Лентъ сумѣлъ устранить ихъ и сохранить за собою полное довѣріе Іакова и лорда Мельфорда. Въ концѣ концовъ его положеніе еще болѣе упрочилось. Онъ сталъ одѣваться гораздо лучше и имѣлъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше денегъ, чѣмъ въ прежнія времена.

Онъ обыкновенно объяснялъ это тѣмъ, что онъ сумѣлъ стать необходимымъ для нѣкоторыхъ якобитовъ, которые платили ему гораздо щедрѣе, чѣмъ другимъ, и давали ему пять гиней тамъ, гдѣ другіе довольствовались одной.

Его осанка сдѣлалась важнѣе, и онъ частенько сталъ выказывать заносчивость. Вальтеръ Кросби не долюбливалъ его и не довѣрялъ ему, но, не имѣя возможности доказать его измѣны, держалъ пока языкъ за зубами.

Прибывъ въ Санъ-Жерменъ, Лентъ заявилъ, что у него есть проектъ чрезвычайной важности, но что онъ можетъ открыть его лишь послѣ того, какъ переговоритъ о немъ съ королемъ.

Лордъ Мельфордъ немедленно принялся хлопотать объ аудіенціи. Король заинтересовался и вскорѣ принялъ Лента въ своемъ кабинетѣ.

Кромѣ лорда, здѣсь же присутствовали Джонъ Фенвикъ, докторъ Бромфильдъ, жившій теперь въ замкѣ, капитанъ Чарнокъ и Вальтеръ Кросби.

Лентъ, въ вышитомъ бархатномъ камзолѣ и длинномъ парикѣ, былъ принятъ очень милостиво. Король позволилъ ему поцѣловать руку и сказалъ, что онъ чрезвычайно радъ его видѣть.

— Мнѣ передавали, мистеръ Лентъ,—началъ онъ:—что вы хотѣли бы предложить мнѣ чрезвычайно важный планъ. Я знаю, что вы не стали бы говорить такъ, если бы дѣло шло о чемъ-нибудь обыкновенномъ, и потому я очень заинтересованъ вашими словами. Если вашъ планъ дѣйствительно окажется необыкновеннымъ и если его

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЯНВАРѢ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

Богословіе.

Глаголевъ, С. Греческая религія. Часть 1-я. Вѣрованія. Сергіевъ-Посадъ. 1909. Ц. 1 р. 30 к.

Клитинъ, А. Личность божества и дистелеологія міра. Одесса. 1909. Ц. 20 к.

Толковая библія или комментарій на всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Т. 6-й. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Философія, психологія, логика.

Анатовъ, В. О позитивныхъ основахъ новѣйшаго спиритуализма. М. 1909. Ц. 1 р.

Арнимъ, Г. Исторія античной философіи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Бинэ, А. Душа и тѣло. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Геффдингъ, Г. Учебникъ исторіи новой философіи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Ле-Бонъ, Г. Психологія воспитанія. Спб. 1910. Ц. 90 к.

Сборникъ рѣчей, посвященныхъ памяти кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого. М. 1909. Ц. 75 к.

Сведенборгъ, Э. О сообщеніи души и тѣла. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Струмилинъ, С. Аристократія духа и профаны. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Тухолка, С. Философія исторіи, вліяніе на исторію Провидѣнія, воли и рока. Спб. 1910. Ц. 85 к.

Юшкевичъ, П. Столпы философской ортодоксіи. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

Бѣлявскій, Е. Русскіе писатели, по ихъ происхожденію и воспитанію. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Веселовскій, А. Н. Собраніе сочиненій. Т. 4-й. Вып. 1-й. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Горнфельдъ, А. На западѣ. Литературныя бесѣды. Ницше, Гюго, Гейне, Тэнъ, Поль-Луи Курье. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Григорьевъ, Н. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ; его жизнь и творчество. Историко-литературные очерки. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1909. Т. 14. Кн. 1-я. Ц. 1 р. 50 к.

Лобовъ, Л. Поэтъ-славянофилъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.

— Гоголь и славянофилы. Спб. 1909. Ц. 15 к.

Овсянико-Куликовскій, Д. Собраніе сочиненій. Томъ 4-й. Пушкинъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

— Тоже. Т. 6-й. Психологія мысли и чувства. Художественное творчество. Основы веданизма. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Орловскій, С. И. С. Тургеневъ, его жизнь и труды. М. 1910. Ц 25 к.

Рождественъ, А. Поэзія Кольцова. Къ столѣтію со дня рожденія. К. 1910. Ц. 15 к.

Чеховская библіотека. Думы въ сумеркахъ. Избранныя мысли изъ произведеній А. П. Чехова. Собралъ Ф. Мускатблитъ. М. 1910. Ц. 50 к.

— Собраніе писемъ А. П. Чехова. Ц. 1 р. 25 к.

Энциклопедія славянской филологіи. Вып. 2-й. Л. Нидерле. Обозрѣніе современнаго славянства. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

Андреевъ, Л. Собраніе сочиненій. Т. 7-й. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Аннунціо, Г. Мертвый городъ. Новеллы. М. 1909. Ц. 1 р.

— Собраніе сочиненій. Т. 2-й. Неповинный. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека избранныхъ славянскихъ писателей. Книга 1-я. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Боткинъ, Я. Замѣтки и воспоминанія врача. Симферополь. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Бхагавадъ-Гита (мистическая часть Магабгараты). Переводъ въ стихахъ А. П. Казначеевой, съ объяснительными примѣчаніями. Владиміръ-губ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 40 к.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Собраніе сочиненій. Томъ 1. Сюнневе Сольбаккенъ. Повѣсть. М. 1910. Ц. 1 р.

Вилли. Любовь Изольды. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Вознесенскій, А. Хохотъ. Пьеса въ 4 д. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Гамсунъ, К. Собраніе сочиненій. Т. 10-й. Царица Тамара. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Гаринъ, Н. Томъ 8-й. Въ сутолокѣ провинціальной жизни. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Гейерстамъ, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. 4-й. Вѣчная загадка. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Гессе, Г. Петеръ Каменциндъ. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.

Городецкій, С. Собраніе стиховъ. Т. 1-й. Ярь. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Горькій, М. Разсказы. Томъ 9-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Горячковская, М. Въ чаду милліардовъ. Драма въ 5 д. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Гюи-де-Мопассанъ. Полное собраніе сочиненій. Т. 8-й. Сестры Рондоли. Спб. 1910. Ц. 30 к.

— Сестры Рондоли и другіе разсказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Елпатьевскій, С. За границей. Первыя впечатлѣнія: Ривьера, Италія, Швейцарія, Парижъ, Римъ. Черезъ Гамбургъ въ Англію. Лондонъ и др. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Желѣзнякъ, С. Разсказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Женя калѣка. Разсказъ. Пер. съ англ. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Жеромскій, С. Докторъ Петръ. Разсказъ. Спб. 1910. Ц. 10 к.

— Сумерки и др. разсказы. Спб. 1910. Ц. 10 к.

— На палубѣ. Разсказы. Спб. 1910. Ц. 10 к.

Журавлевъ, Б. Хозяева. Повѣсть Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Какъ любятъ женщины. Разсказы. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Каспровичъ, Я. Изъ стихотвореній въ прозѣ. Спб. Ц. 10 к.

Кондурушкинъ, И. Въ деревнѣ. Разсказы и сказки. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Косаткинъ-Ростовскій, Ф. кн. «Пѣсни разлуки». Стихотворенія. Ц. 1 р.

Красновъ, П. Сборникъ повѣстей и разсказовъ. Томъ. 1-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Кузминъ, М. Первая книга разсказовъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Лагерлефъ, С. Полное собраніе сочиненій. Т. 6-й. Чудеса Антихриста. М. 1910. Ц. 1 р.

Лемоннье, К. Распутныя дамы и ихъ мужья. Разсказы. Спб. 1910. Ц. 50 к.

— Собраніе сочиненій. Т. 1-й. Самецъ. М. 1910. Ц. 1 р.

— Тоже. Т. 2-й Послѣдній баронъ. М. 1910. Ц. 1 р.

Литературно-художественный сборникъ изд. «Непогасшіе огни». Книга 1-я. Екатеринославъ. 1910. Ц. 1 р.

Могучій, Н. Штрихи углемъ. М. 1910. Ц. 75 к.

Орловецъ, П. «Три героя». Лбовъ, Савицкій и Азефъ. Сенсаціонный романъ. М. 1910. Ц. 1 рубль.

Прохановъ, И. Новая арфа. Сборникъ духовно-нравственныхъ стихотвореній для чтенія въ школахъ и семьяхъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Разумовская, К. Безправная. Повѣсть дѣйствительной жизни съ документами фактовъ. Казань. 1910. Ц. 1 р.

Роденбахъ, Ж. Мертвый Брюгге. Мистическія лиліи. М. 1910. Ц. 1 р.

— Полное собраніе сочиненій. Т. 1-й. Выше жизни. М. 1909. Ц. 1 р.

Родіоновъ, И. Наше преступленіе (не бредъ, а быль). Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1909. Книга двадцать седьмая. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Свербеева, Л. Къ новымъ далямъ. Современная лирика. Спб. 1909. Ц. 90 к.

Серафимовичъ, А. Разсказы. Т. 4-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Сологубъ, Ѳ. Собраніе сочиненій. Т. 1-й. Стихи. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. 3-й. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Станковъ, И. Хэттэянка Сатанидисъ. На островѣ Хіосѣ. Драматическій этюдъ въ 2 д. съ прологомъ. Эпоха: XI вѣкъ до Р. Хр. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Стриндбергъ, А. Полное собраніе сочиненій. Т. 9-й. М. 1910. К. 1 р.

Тинайръ, М. Пережитая любовь. М. 1910. Ц. 1 руб.

Черновъ, К. «Фатумъ» П. Чайковскаго и Моцарта. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Швобъ, М. Книга Монэль. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Эросъ. Сборникъ изящной европейской литературы. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

Архивъ Раевскихъ. Томъ 2-й. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Веретенниковъ, В. Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени. Х. 1910. Ц. 2 р.

Герье, В. Зодчіе и подвижники «Вожьяго царства». Часть 1-я. Блаженный Августинъ. М. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

Довнаръ-Запольскій, М. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ дневника масона. 1775 — 1776 г. М. 1909. Ц. 15 к.

Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I-го. Вышелъ по подпискѣ томъ 3-й.

Лобовъ, Л. Славянофилы и общественное движеніе при Александрѣ II. Спб. 1909. Ц. 15 к.

Памятники исторіи крестьянъ XIV — XIX вѣковъ. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Савва, В. Арзамасскіе и барминскіе будные станы. М. 1910. Ц. 50 к.

— Сочиненіе противъ епископовъ XVIII вѣка. М. 1909. Ц. 35 к.

Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности. Вып. 2-й. Новгородъ. 1909. Ц. 1 р.

Стефановичъ, Д. О Стоглавѣ. Его происхожденіе, редакціи и составъ. Къ исторіи памятниковъ древнерусскаго церковнаго права. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Цвѣтаевъ, Д. Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. М. 1910. Ц. 30 к.

Яворскій, Ю. Два замѣчательныхъ карпато-русскихъ сборника XVIII вѣка, принадлежащихъ университету Св. Владимира. Описаніе рукописей и тексты. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

Агишей, П. Мѣстное и центральное управленіе. Сравнительный обзоръ учрежденій Англіи, Франціи, Пруссіи и Соединенныхъ Штатовъ. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Аглицкій, А. и Миткевичъ, В. Защита промышленной собственности. Товарные знаки. Популярное разъясненіе существующаго закона о товарныхъ знакахъ съ изложеніемъ выработанныхъ практикой подробностей этого вопроса. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Ближній. Государственная Дума и государственная оборона. Обзоръ дѣятельности Государственной Думы 3-го созыва. 1908—1909 г. по государственной оборонѣ. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Боголѣповъ, М. Государственный долгъ. Къ теоріи государственнаго кредита. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Вейсманъ, Р. Правовые запросы Сибири. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Виленскій Временникъ. Книга 3-я. Крестьянское землевладѣніе Виленской губ. 1909. Ц. 2 р. Книга 4-я. Русскія поселенія Ковенской губ. Ц. 2 р. 50 к.

Вонсикъ, Савеловъ и Савчинскій. Сборникъ рѣшеній Главнаго военнаго суда, разъясняющихъ уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Варшава. 1910. Ц. 60 к.

Вормсъ, А. Зачетъ пенсій и страховыхъ суммъ при исчисленіи вознагражденія за тѣлесныя поврежденія. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Гольденбергъ, В. Воздухоплаваніе и право. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Дашкевичъ, Л. Государственные избирательные законы. Аграрный переворотъ. Сельскій судъ. М. 1909. Ц. 1 р.

Дембскій, Д. Философія права и нравственности. Проф. Л. І. Петражицкаго. Х. 1909. Ц. 50 к.

Демчинскій, Н. Новая панама. Армавиръ-Туапсинская жел. дорога. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Ермоловъ, А. Наши неурожаи и продовольственный вопросъ. Ч. 1 и 2. Спб. 1909. Ц. за оба тома 4 р.

Жижиленко, А. О безотвѣтственности на-

родныхъ представителей. Ярославль. 1909. Цѣна 60 к.

Зиновьевъ, Н. На современныя темы. Министерскій проектъ реформы мѣстнаго управленія. 1. Положеніе о губернскомъ управленіи. 2. Положеніе объ уѣздныхъ установленіяхъ. 3. Заключеніе. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Ильменскій, А. Указы и правительственныя распоряженія, относящіеся до государственнаго коннозаводства и коневодства въ Россіи за 260 лѣтъ, съ 1649 по 1909 г. Спб. 1910. Ц. 5 р.

Кинца. М. Хираи. Вы не знаетенасъ японцевъ, Спб. 1910. Ц. 50 к.

Ковалевскій, П. Борьба съ преступностью путемъ воспитанія. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Кочергинъ, П. Сборникъ законоположеній о начальныхъ школахъ, попечительствахъ, учителяхъ, законоучителяхъ, учащихся, опытныхъ поляхъ, библіотекахъ и пр. Саратовъ. 1910. Цѣна 40 к.

Кузминъ, С. Подъ гнетомъ свободъ. Записки націоналиста. Т. 1-й. Спб. 1910. Ц. 3 р.

Къ вопросу о 96 ст. Основныхъ государственныхъ законовъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Ладомирскій, Н. Разрѣшеніе земельнаго вопроса. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Левитскій, В. и Анцыферовъ, А. Памяти Александра Ивановича Чупрова. Х. 1909. Цѣна 20 к.

Лобовъ, Л. Славянство, какъ міръ будущаго. Ц. 15 к.

Лянуаръ, П. Нѣмецкое шпіонство во Франціи. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Мамонтовъ, С. О желѣзнодорожномъ хозяйствѣ въ Россіи. М. 1909. Ц. 25 к.

— По бѣлу свѣту. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Маньчжурецъ. Русская казна на Китайской дорогѣ. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Мураневичъ, А. Семья и женщина, М. 1909. Ц. 50 к.

Новоземовъ, А. Международное право. Сост. по курсу проф. Листа. Мартенса и др. Изд. 1909 г. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Нюренбергъ, А. Сводъ законовъ Россійской Имперіи. 16 томовъ въ 4 книгахъ. Вышелъ т. 1-й. М. 1910. Цѣна по подпискѣ за 4 тома 15 р.

Ротенбергъ, А. Уставъ торговый. Т. XI, ч. 2. Св. Зак. съ разъясненіями Сената по 1908 г. Ц. въ перепл. 2 р.

Русская группа международнаго союза криминалистовъ. Общее собраніе группы въ Москвѣ 4—7 января 1909 г. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Салитанъ, С. Чернышевскій, Мальтусъ и Плехановъ. Къ вопросу о законѣ народонаселенія. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Семеновъ, В. Цѣна крови. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Сергѣевскій, Н. Русское уголовное право. Ч. общая. Изд. 8. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Треневъ, В. О русской иконописи по поводу вопроса о ней въ Государственной Думѣ. М. 1909. Ц. 50 к.

Филиппов, И. Мѣстное самоуправленіе британской Индіи, какъ матеріалъ для реформъ городского и земскаго дѣла въ Россіи вообще и на восточныхъ окраинахъ въ частности. Ташкентъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Часовой, М. Грядущее Дальняго Востока. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Чупровъ, А. Рѣчи и статьи. Т. 3-й. М. 1909. Цѣна за три тома съ прилож. 7 р. 50 к.

Швиттау, Г. Введеніе въ экономическую статистику. Спб. 1910. Ц. 90 к.

Шершеневичъ, Г. Учебникъ русскаго гражданскаго права. Изд. 8-е. Спб. 1910. Ц. въ перепл. 5 р.

Ширяевъ, В. Религіозныя преступленія. Историко-догматическіе очерки. Ярославль. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Яблочковъ, Т. Вліяніе вины потерпѣвшаго на размѣръ возмѣщаемыхъ ему убытковъ. Т. 1-й. Ч. теоретическая. Ярославль. 1910. Ц. 3 руб.

Искусство.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ, выпускъ 4-й. 1909. Ц. 1 р.

Иконописный сборникъ. Вып. 3-й. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Русское сценическое искуство за границей. Артистическая поѣздка М. Г. Савиной съ труппой въ Берлинъ и Прагу. Спб. 1909. Ц. 5 р.

Естествознаніе и математика.

Андреевъ, Н. Скелеты и чучела. Пособіе къ изготовленію естественно-историческихъ препаратовъ и охотничьихъ вещей. Съ 53 рисунк. препаратовъ, изготовленныхъ авторомъ, находящихся въ различныхъ музеяхъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Вейсманъ, Ф. Вычисленіе координатъ въ землемѣрномъ дѣлѣ. Томскъ. 1909. Ц. 1 р.

Войничъ-Сяноженцкій, С. Введеніе въ изученіе химіи. Главнѣйшія понятія и гипотезы современной химіи. Кіевъ. 1910. Ц. 80 к.

Гамовъ, К. Вліяніе микросейсмическихъ колебаній и атмосфернаго давленія на выдѣленіе гремучаго газа. Спб. 1910. Ц. 85 к.

Григорьевъ, Г., Знаменскій, П., Кавунъ, И. Практическія занятія по физикѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Зографъ, Н. Животные-художники. Естественно-историческіе очерки. Спб. 1910. Цѣна 1 р. 50 к.

Кашкаровъ, Н. Законъ сложныхъ напряженій Геста. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Корнишъ, Ч. Міръ животныхъ. Общедоступная зоологія, илюстрированная фотографіями съ натуры. Млекопитающія. М. 1910. Ц. въ папкѣ 1 р. 75 к.

Куприяновъ, И. Электричество для любителей. Общедоступное изложеніе. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Менделѣевъ, В. О наивыгоднѣйшихъ размѣрахъ и предѣльной величинѣ летающихъ машинъ тяжелѣе воздуха. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Мережковскій, К. Теорія двухъ плазмъ, какъ основа симбіогенезиса, новаго ученія о происхожденіи организмовъ. Казань. 1909. Ц. 1 р.

Оствальдъ, В. Важнѣйшія свойства коллоиднаго состоянія матеріи. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфоритовыхъ залежей. Вып. 1-й. Костромская губ., р. Волга и Унжа. М. 1909. Ц. 1 р.

Послѣдніе успѣхи воздухоплаванія. Недѣля состязаній въ Реймсѣ. М. 1910. Ц. 50 к.

Руверъ, Л. Воздухоплаваніе, его исторія, успѣхи и будущее. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Сазеракъ-де-Форжъ. Человѣкъ сталъ летать. Прошлое, настоящее и будущее авіаціи. Спб. 1910. Ц. 65 к.

Стратоновъ, В. Солнце. Вып. 3. Ц. 1 р. 20 к.

Сырейщиковъ, Д. Иллюстрированная флора Московской губерніи. Часть 3-я. М. 1910. Ц. 3 р. 25 к.

Томсонъ, Д. Корпускулярная теорія вещества. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 20 к.

Флеровъ, А. О почвенно-ботаническихъ экспедиціяхъ переселенческаго управленія. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Шереметева, Е. Иллюстрированный опредѣлитель грибовъ средней Россіи. В. 7-й. Рига. 1909. Ц. 3 р. 25 к.

Шмидъ, Б. Элементарная практическая зоотомія. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Штрайхманъ, А. Сборникъ задачъ по высшей математикѣ съ подробными рѣшеніями. Ч. 3. Высшая алгебра. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

Зондерванъ, Г. Географическая карта, ея исторія, составленіе, воспроизведеніе. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

Голубицкій, С. Кролики. Руководство къ разведенію. 2 ч. М. 1910. Часть 1-я. Ц. 1 руб. Часть 2-я. Ц. 75 к.

Мещерскій, С. Сборникъ статей по плодоводству. 1891—1909 г. Лѣсо-садовая культура плодовыхъ деревьевъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Мэтенерсъ, Ф. Обработка почвы по способу Камбела, какъ основа всякаго плодородія. Рига. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Плюшинскій, В. Пчеловожденіе Ж. Е. Ханда и его улей. М. 1910. Ц. 20 к.

Рандичъ, О. Значеніе паровой культуры для поднятія земледѣлія въ Россіи. М. 1909. Ц. 60 к.

Скалозубовъ, Н. Что нужно знать земледѣльцу о жизни растеній. Краткій курсъ физіологіи растеній. Спб. 1910. Ц. 65 к.

Уварова, М. Спутникъ молодой хозяйки. Полная поваренная книга русской и французской кухни. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Фридолинъ. С. Краткое руководство по молочному хозяйству для крестьянъ, хуторянъ и мелкихъ хозяевъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Торговля и промышленность Счетоводство.

Банки Россіи. Финансовыя и торгово-промышленныя свѣдѣнія. М. 1910. Ц. 65 к., въ перепл. 1 р.

Верховской, Н. Рыбопромышленность Аральскаго бассейна. Рыба, рыбные промыслы и отправка рыбныхъ продуктовъ по Ташкентской жел. дор. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Жуковскій, Ю. Промышленность. Спб. 1910. Ц. 2 руб.

Митинскій, А. Горнозаводскій Уралъ. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Объ угольной промышленности Донецкаго бассейна. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Рощаховскій, А. Балансы акціонерныхъ предпріятій. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Фертнеръ, Ѳ. Донецкая каменноугольная промышленность. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

Аваевъ, П. Электролизъ мѣди. Расчетъ экономической плотности тока въ зависимости отъ условій работы и оборудованія электролитическихъ заводовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

— Полученіе перекиси свинца электролизомъ, какъ самостоятельный и побочный процессъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Губинъ, С. Разборная модель электрическаго звонка въ краскахъ. Съ пояснительнымъ текстомъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Завоеваніе воздуха. Настольная книга по воздухоплаванію и летательной техникѣ. Составлена на основаніи новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній. Съ предисловіемъ графа Цеппелина. 162 рис. М. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Ивановъ, В. Санитарная техника. Устройство водопроводовъ и водостоковъ въ домахъ. В. 1-й. Кіевъ. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

ПРИГОТОВЛЕНА КЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

Ѳ. М. УМАНЕЦЪ.

АЛЕКСАНДРЪ и СПЕРАНСКІЙ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ.

Около 10 печатн. листовъ. Цѣна 1 р. съ пересылкой.

I. Люди Александровской эпохи. — II. Сперанскій. — III. Возвышеніе Сперанскаго. — IV. Кто авторъ «Плана всеобщаго государственнаго преобразованія?» («Планъ Сперанскаго»).—V. Какъ писали законы при Александрѣ I. — VI. Ошибки въ «Планѣ Сперанскаго».—VII. Что хорошо въ «Планѣ Сперанскаго».—VIII. Манія государственныхъ преобразованій.—IX. Перемѣна во взглядахъ Государя и Сперанскаго.—X. Удаленіе Сперанскаго. — XI. 17-го марта 1812 года. — XII. Первые полгода ссылки. — XIII. Продолжающееся нерасположеніе Государя къ Сперанскому. — XIV. Мистицизмъ Сперанскаго.—XV. Послѣднее увлеченіе Александра I.

Желающихъ получить книгу «Александръ и Сперанскій» авторъ проситъ увѣдомить простымъ письмомъ,—открытымъ или закрытымъ, съ приложеніемъ почтовой марки или за почтовымъ штемпелемъ — по слѣдующему адресу:

С.-Петербургъ.

До востребованія. Ѳедору Михайловичу

УМАНЦУ.

Увѣдомляя, не надо посылать денегъ. Все изданіе будетъ разослано впослѣдствіи, исключительно съ наложеннымъ платежомъ.

Само собою разумѣется, въ одномъ письмѣ можетъ быть требованіе на нѣсколько экземпляровъ, по одному или нѣсколькимъ адресамъ.

По полученіи достаточнаго числа заявленій, книга будетъ напечатана въ томъ количествѣ экземпляровъ, какое потребуется, и немедленно разослано по адресамъ.

Пересылку и плату за наложенный платежъ авторъ принимаетъ на свой счетъ, т.-е. онѣ оплачиваются изъ вышеозначеннаго 1 руб. за экземпляръ.

Книжные магазины, выписывающіе одновременно, по одному адресу, не менѣе десяти экземпляровъ (10), сверхъ принятой на себѣ авторомъ платы за пересылку и наложенный платежъ, пользуются уступкой двадцати процентовъ (20%)

Тѣмъ же преимуществомъ, т.-е. уступкой двадцати процентовъ, пользуются учрежденія и лица, одновременно по одному адресу выписывающія не менѣе десяти экземпляровъ.

Если до 1 марта 1910 года не наберется необходимое число подписчиковъ, изданіе монографіи «Александръ и Сперанскій» будетъ отложено на неопредѣленное время.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

Принимается подписка на 1910 годъ

Въ четвертомъ году изданія «**Старые Годы**» выходятъ по той же программѣ и при участіи выдающихся русскихъ и иностранныхъ сотрудниковъ

Рядъ выпусковъ 1910 года будетъ посвященъ описанію старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 10 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою, безъ доставки—9 руб.; заграницу — 30 фр. При подпискѣ въ конторѣ журнала (Соляной пер., 7) допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р., къ 1 апр.—3 р. и къ 1 іюля 2 руб.

Подписка принимается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы

Въ конторѣ редакціи продается **КАТАЛОГЪ СТАРИННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИСКУССТВЪ, ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ** (Введеніе, Портреты зала Совѣта и Скульптура). Состав. **бар. Н. ВРАНГЕЛЬ. Цѣна 10 рублей.**

Редакторъ-издатель **П. П. Вейнеръ.**

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1910 г.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—**12** р., на полгода—**6** р. **50** к., на три мѣс.—**3** р. **60** к., на одинъ мѣс.—**1** р. **20** к. Съ доставкой и пересылкой за границу: на годъ **20** р., на полгода—**11** р. **50** к., на одинъ мѣс.—**2** р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; годовая подписка только съ января по 31 декабря.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи: **Москва,** Петровка, д. № 25, Самариной; въ **С.-Петербургѣ**—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—въ Agence Hawas—Place de la Bourse.

Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей" въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. и въ мѣстахъ стоянки правыхъ газетчиковъ: № 1—уголъ Литейнаго пр. и Кирочной ул., у Офицерскаго собранія; № 2—у Технологическаго Института и въ Народномъ Домѣ; № 3—у Аничкова моста; № 4—Невскій пр., д. № 34 и у Русскаго Собранія, Троицкая, № 13; № 5—уголъ Садовой и Мучного пер.; № 7—уголъ Больш. просп. и Введенской на Петерб. сторонѣ; № 8—у Публичной библіотеки; № 11—Невскій пр., у церкви Знаменія; № 15—Невскій просп., у Городской Думы; № 16—Невскій пр., уголъ Троицкой. Контора газетчиковъ находится на Шпалерной ул., д. 26, кв. 31.

Цѣна № въ розничной продажѣ **5** коп.

Редакторъ-издатель Л. А. ТИХОМИРОВЪ.

Типографія А. С. Суворина. Спб. Эртелевъ, 13.

СТРАН.

по исторіи русскаго искусства. Русская живопись до XV вѣка включительно. Томъ I. Изъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ, въ 1908—9 академическомъ году. Москва. 1910 Владимира Клейна.—8) «Русскій Филологическій Вѣстникъ». Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей профессора Е. Ѳ. Карскаго. 1909. Варшава. П. С.—9) А. В. Жиркевичъ. Ив. Ив. Орловскій. (Біографическій очеркъ съ приложеніями — двумя портретами Орловскаго и его статьею). Вильна. 1909. В. Руданова.—10) Животная книга духоборцевъ. Записалъ и собралъ Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. С.-Петербургъ. 1909. В. Троцкаго.—11) Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1910. А. Фомина.—12) С. А. Золотаревъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1909. Л. — 13) Письма Владимира Сергѣевича Соловьева подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. II. Спб. 1909. А. Фомина.—14) Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова подъ ред. А. Г. Горнфельда. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе» Т. I и II. Спб. 1909. Ал. Ф.—15) Вѣльскій, С. Книга о русской жизни. Спб. 1909. Я. Бирюкова.—16) Кузнецовъ, В. Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Т. I. Кокчетавскій уѣздъ. Повторное изслѣдованіе 1907 г. Изд. переселенческаго управленія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Спб. 1909. Г. Л. И.—17) В. Р. Канненбергъ. Военная географія. Курсъ военныхъ училищъ примѣнительно къ программѣ 1907 г. Общій обзоръ Россіи въ военно-географическомъ отношеніи. Пограничная полоса Россіи какъ театръ военныхъ дѣйствій. Спб. 1909. Л. Н. — 18) Н. Н. Голубевъ. Международныя административныя комиссіи XIX вѣка. Очерки теоріи и практики. Ярославль. 1909. В. Грибовскаго.—19) Матеріали до исторії української козаччини, видані під загальной редакціею Михайла Грушевського. Томъ I. Документи по рік 1631. Зібрав і видав Іван Крипякевич. Львовъ. 1908. А. Я.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 728

1) Карѳагенскій некрополь. — 2) Письма Мюссэ къ неизвѣстной.—3) Кое-что о Л. Н. Толстомъ.—4) Отовсюду.

XVII. Смѣсь. 752

1) Столѣтіе учрежденій по принятію прошеній Государю.—2) Столѣтіе учрежденія государственной канцеляріи. — 3) Столѣтіе спб. духовной академіи.—4) 50-лѣтіе императорскаго русскаго музыкальнаго общества.—5) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ.—6) Присужденіе премій М. И. Михельсона. — 7) Засѣданіе литературнаго фонда.—8) Въ кассѣ литераторовъ и ученыхъ. — 9) Выставки въ историческомъ музеѣ. — 10) Этнографическая выставка. — 11) Памяти графа А. С. Уварова.—12) Юбилей Ц. А. Кюи. — 13) Юбилей Д. О. Отта. — 14) 50-лѣтній юбилей А. А. Савурскаго. — 15) 30-лѣтній юбилей А. Н. Догановичъ.—16) Открытіе «Чеховской комнаты».

XVIII. Некрологи. 774

1) Артамоновъ-Большаковъ, Н. И.—2) Ахшарумовъ, Д. Д.—3) Блейхманъ, Ю. И.—4) Бубекъ, Т. Х.—5) Вастенъ, В. А.—6) Геймбрукъ, В. Ѳ.—7) Дмитріева-Мамонова, Е. А.—8) Маляревская, Е. Х.—9) Марковъ, В. П.—10) Олѣховскій, М. А.—11) Пожалостинъ, И. П.—12) Соловьевъ, Д. Н.—13) Шишко, Л. Э.—14) Яковлевъ, А. И.

XIX. Замѣтки и поправки. 784

Поправка къ указателю «Историческаго Вѣстника» за 1909 годъ. Николая Николаевича Фирсова (Л. Рускина).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Петра Васильевича Шумахера.—2) Борьба за ронъ (Beatrice Tyldesley). Историческій романъ. Переводъ съ англійскаго А. М. Бѣлова. I—IV.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“.**

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученій какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13